Об
250
788
т. 2,
м. л.,
1929 г.

ЦЕНТРАРХИВ

ПУГАЧЕВЩИНА

ТОМ ВТОРОЙ

ИЗ СЛЕДСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ
И ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

3800

ЦЕНТРАРХИВ
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ XVII И XVIII ВВ.
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ М. Н. ПОКРОВСКОГО

ДБ
250
П88

9; 323.2 (47) «17

ПУГАЧЕВЩИНА

ТОМ ВТОРОЙ

ИЗ СЛЕДСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ И ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕРЕПИСКИ

ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ
С. А. ГОЛУБЦОВЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

0.3.
6199
Государственная Публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
113890/8
Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Ленинград
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 113890/8

С, 54. Гиз № 12132/л.
Ленинградский Областлит № 20847.
31½ л. Тираж 2000.

ОТ РЕДАКЦИИ

Выпускаемые в свет второй и третий томы «Пугачевщины» примыкают к появившемуся ранее первому тому, составляют одно целое с ним и, несмотря на резкие особенности этого тома, связаны с ним всем своим содержанием.

Правительство Екатерины II в борьбе с Пугачевщиной считало истребление «злодейских прелестных писем» одною из важнейших задач. Однако, в копиях и подлинниках до нас дошло очень значительное количество и «указов» Пугачева, и «постановлений» его «Государственной Военной Коллегии», и прокламаций пугачевцев; сохранилась также текущая, ведомственная и частная, переписка целого ряда повстанцев, «чиновных» и рядовых, оттеняющая и дополняющая основной, так сказать, декларативный материал. При всей своей ценности, «архив восставших», исчерпывающе освещая некоторые вопросы, совершенно недостаточен для изображения движения в целом, а тем более — в его корнях. В виду этого, теперь публикуются архивные материалы другого порядка, более широкие по содержанию.

В параллель к первому тому печатаются документы, отразившие действия Екатерининской администрации, воинских командиров разных рангов, наконец, высших правительственных учреждений, а также освещающие политику дворянства, его настроения и взаимоотношения с властью.

В еще большей степени второй и третий том «Пугачевщины» ставят себе задачей опубликование таких материалов, которые позволили бы ближе подойти к уяснению социальной природы восстания 1773 — 1774-го года; естественно, поэтому, что оба тома заполнены по преимуществу документами, вскрывающими сложное взаимодействие, а порою и взаимную борьбу тех социальных сил, что́ созидали Пугачевщину или только сочувствовали ей.

На ряду с материалами, рисующими картину восстания 1773 — 1774 года, во втором и третьем томах содержатся в значительном количестве еще документы по отдельным вопросам, есте-

ственно возникающим при изучении Пугачевщины в целом. Так, сделана попытка подобрать некоторый материал по ряду вопросов, которые связаны с происхождением, непосредственным возникновением или условиями развития Пугачевщины; отведено особое внимание итогам Пугачевщины и откликам на нее.

Как и при подготовке первого тома «Пугачевщины», материалы для второго и третьего томов черпались в трех московских архивохранилищах: Архиве Октябрьской Революции, Древлехранилище и Военно-Историческом Архиве и относятся к четырем самостоятельным архивным фондам в составе названных хранилищ. Все эти фонды уже известны по первому тому «Пугачевщины», где во «Введении» была дана их общая характеристика. Первый из фондов, хранящийся в А. О. Р. Панинский Архив, дал своими материалами по «экспедиции против Пугачева» особенно большое количество документов для второго и третьего томов «Пугачевщины» и представляется лучше использованным для целей настоящего издания, в сравнении с другими привлеченными фондами. Многие из отделов в обоих томах почти целиком восходят своими источниками к огромным томам-фолиантам Панинского Архива, и ни один из отделов не обходится без материалов из архива Панинской «экспедиции». Вторым фондом, привлеченным к работе, явился Шестой Разряд бывшего Государственного Архива Министерства Иностранных Дел, входящий теперь в состав Древлехранилища. Почти во всех отделах второго и третьего томов, в большей или меньшей степени Шестой Разряд Государственного Архива нашел свое отражение; такой крупный по размерам и один из самых основных по значению отделов, как «Казачество и Пугачевщина», почти сплошь составлен из документов, заимствованных из дел Шестого Разряда. Книги «Секретных Повытий» Военно-Исторического Архива и фонд «Упраздненных Учреждений» (именно, по Тургайской области) в составе Древлехранилища использованы лишь эпизодически при работе над вторым и третьим томами «Пугачевщины».

Будучи тесно связаны с ранее появившимся томом и своим содержанием, и соотношением соответствующих отделов, и тождественностью исходных архивных фондов, второй и третий томы «Пугачевщины» тем не менее построены по иному самостоятельному плану. План этот слагается из десяти отделов: из них первые пять приходятся на второй том, пять последующих составляют третий том. В первом отделе — ряд документов, которые казалось возможным объединить под заголовком: «Из материалов о происхождении Пугачевщины». Некоторый материал к теме о продовольственном вопросе, как об одном из немаловажных условий Пугачевщины на всем пути ее развития, содержит второй отдел: «Состояние урожая в 1772 — 1774 годах и Пугачевщина». Третий, четвертый и пятый отделы последовательно посвящены

участию в Пугачевщине казачества (в его полном объеме), народностей Приуралья и Поволжья, наконец, заводского населения (во всей сложности составлявших его групп). Шестой отдел, которым начинается третий том издания,— «Крестьянство и Пугачевщина», отведен материалам, освещающим участие в восстании 1773—1774 года основной его действующей силы. Следующий, седьмой отдел заполнен документами, обрисовывающими роль второстепенных факторов Пугачевщины: духовенства, купечества, цеховых, немцев-колонистов Поволжья, наконец, отдельных элементов российского дворянства. Восьмой отдел занят материалом по вопросу о политике власти и дворянства в отношении «домашнего врага»; два заключительных отдела знакомят с итогами Пугачевщины и откликами на нее, уже после официального подавления «мятежа».

При большом разнообразии содержания, материалы второго и третьего томов отличаются обилием и значительной пестротой самых типов документов. Здесь можно найти все виды и формы официальной переписки, вызванной событиями в самых различных инстанциях и особенно интенсивной в условиях Пугачевщины: указы, повеления, промемории, сообщения, ордера, рапорты, доношения и т. п.; с официальной перепиской вперемежку встречаются всевозможные челобитья, прошения и частные письма современников восстания. В особенно большом количестве в издаваемых двух томах содержатся «допросные речи» пугачевцев (в официальной, конечно, записи) и разнообразные «экстракты» из них; помещено также немало всяких ведомостей, носящих обычно характер справки, либо итога по тому или другому вопросу. В виду указанного многообразия документов в чрезвычайной сложности и запутанности условий, влиявших на них при их возникновении, представляется необходимым, хотя бы отчасти, сопроводить публикуемые архивные материалы соответствующими указаниями по вопросам их критики, чтобы таким путем несколько облегчить надлежащее осторожное отношение к отдельным документам, а в общей совокупности содействовать возможности сравнительной оценки всех материалов в целом. Такие оговорки, пояснения и делаются в отделах «Примечаний».

Впрочем, комментариям, связанным непосредственно с публикуемыми текстами, отведено ограниченное место. Много больше по размерам «Дополнения», посвященные добавочной публикации значительного количества документов, не вошедших в состав «Пугачевщины»; документы эти даются по бóльшей части в форме пересказа, возможно более близкого к оригиналу, и не только расширяют наши сведения о восстании 1773—1774 года, но и поясняют ряд вопросов, недостаточно освещенных документальными текстами второго и третьего томов. В ряде случаев в примечаниях дается изложение некоторых крупных купюр в издаваемых текстах, поскольку казалось неудобным занимать

таким изложением слишком много места в подстрочных примечаниях. В отделы «Примечаний» отнесены также все библиографические указания, устанавливающие степень известности в науке отдельных документов из состава второго и третьего томов или (иногда) даже аналогичных им.

К каждому из выпускаемых вновь двух томов «Пугачевщины» приложены указатели: личных имен и географических названий.

При подготовке к печати второго и третьего томов «Пугачевщины» были приняты за основу те же принципы, правила и технические приемы дипломатики, которыми приходилось руководиться при издании первого тома «Пугачевщины». Однако, в виду крайней суммарности дипломатической части «Введения» к первому тому, не будет лишним осветить здесь более детально эту сторону осуществляемого Центрархивом издания. Публикуемые документы в точности воспроизводят соответствующие архивные оригиналы, отступая от них лишь в расстановке знаков препинания, в употреблении заглавных букв и в дроблении текста на слова. Случайные явные пропуски отдельных букв, слогов, иногда даже слов, в тексте оригинала восполняются при печатании надлежащими вставками с заключением их в прямые скобки; так же даются вставки, которые заменяют вытершиеся или по какой-нибудь другой причине внешне дефектные части оригинала. Вследствие чрезвычайной подчас запутанности текста документов и значительных трудностей в приведении такого текста в удобочитаемое состояние, употребляются, в качестве одного из видов интерпункции, прямые скобки в отличие от круглых скобок оригинала.

Сомнения в транскрипции отдельных слов или ряда слов в тексте оригинала отмечаются при печатании вопросительным знаком, а ошибки оригинала, явно искажающие смысл, в прочтении которых, между тем, не встречается затруднений, заверяются общеупотребительными «sic».

Содержащиеся в оригинале пометы, дополнения к тексту, резолюции, выноски на полях и т. п. печатаются в подстрочных примечаниях. Все замечания редакции и оговорки в подстрочных примечаниях даются курсивом; курсивом же, в частности, набираются и те подстрочные примечания, где излагается вкратце содержание купюр, допущенных в тексте документов, или они только оговариваются.

Как и в первом томе, титла, встречающиеся в архивном тексте, всегда раскрываются, притом, по возможности, в соответствии с наводящими указаниями самого оригинала. При сомнениях, когда в одном и том же документе в написании одинаковых слов нет определенности и твердости относительно употребления букв «ъ» и «ь», соответствующие титла условно раскрываются с буквой «ь», но без буквы «ъ». В одном случае допущена обратная условность: титул Екатерины II, естественно данный в оригинале всегда пол-

ностью и обычно заглавными буквами, заменяется всюду сокращенным «ея и. в.»; «ея» печатается без сокращения для ясности, в отличие от аналогичного титула «третьего императора», возглавлявшего движение; титул последнего воспроизводитея в точности по оригиналу. В ряде случаев опущены детали титулования должностных лиц в официальной переписке, при условии, если аналогичный титул дан однажды в настоящем издании полностью.

За недостатком места некоторые из документов, во избежание повторений, а также несущественных деталей, печатаются in excerpto, с оговоркою или пересказом купюр в подстрочных примечаниях; купюры отмечаются в тексте многоточием в соответствующем месте. При пересказе в «Дополнениях» документы, даже с разнообразным содержанием, не дробятся в интересах сохранения возможной целостности впечатления от данного документа. В издаваемых двух томах, как общее правило, очень мало документов, аналогичных опубликованным в том или другом виде прежде; за весьма редкими исключениями второй и третий томы Пугачевщины заполнены все документами, впервые появляющимися в печати. В сравнении с остальными отделами, отделы о заводском населении и нерусских народностях Приуралья и Поволжья как будто беднее представлены документами; видимая неполнота этих отделов допущена в виду того, что первый том издания в сущности почти целиком оказался занят материалами, тематически связанными, именно, с данными двумя отделами. Ни один из отделов в этих томах не кажется исчерпывающим своего задания; это нужно особенно подчеркнуть в отношении отдела: «Из материалов о происхождении Пугачевщины».

Как и в первом томе, во вновь выходящих томах «Пугачевщины» документы воспроизводятся частично с сохранившихся копий, официальных или даже авторизованных.

Архивные богатства, оставшиеся от событий 1773—1774 года настолько велики в Москве и в провинции, настолько мало обследованы, что «Пугачевщина», как правильно указано критикой, конечно, не в состоянии исчерпать до конца имеющиеся архивные возможности.

При всем том второй и третий томы «Пугачевщины» вводят в научный оборот многообразный архивный материал, значительно дополняющий и расширяющий содержание ранее выпущенного первого тома; а «Пугачевщина» в целом является первым, крупным по размерам, изданием, специально посвященным опубликованию «архива» восстания 1773—1774 года.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ О ПРОИСХОЖДЕНИЙ ПУГАЧЕВЩИНЫ

№ 1.

Экстракт. [1]

О монашескомъ и священномъ чине.

1. По состоявшемуся въ 740-м году сентября 11-го дня имянному указу и въ 743-м году по докладу от Правительствующаго Сената на представление бывшаго архимандрита, что ныне митрополитомъ, Димитрия Сеченого, велено старатся, дабы чуваша, черемиса и татара, и протчие иноверцы приходили в законъ греческаго исповедания, и оным всякое вспоможение и защищение чинить. В случае же, естли и до пытки кто доходить будетъ, а онъ о крещени объявитъ, все вины оставлять. А оставшимъ за оным подушные деньги платить повелено.

Но какъ из оных по разным деламъ, а протчие и совершенные воры находились и приведены былі в губернские и воеводские канцеляри и в протчие мѣста, то оные не для закону, но для избавления достойнаго имъ наказания крестились, почему на досталных за оных новокрещенъ, в силу указовъ, подушное накладывано было; а, наконецъ, по превосходству крестившихся, яко-бы по немалому числу платить всякие государственные подати принуждены были. И какъ уже от многаго платежа в совершенную бедность пришли, то не для закону, но, избавляя себя всякой от таковых несносных имъ отягощенiев и не имея у себя достатку, чемъ платить, желая ползоватца тою жъ трехлетнею лготою, крестились; протчие же, обессиливши, в воровство устремились, отчего яко-бы в Губернской и воеводскихъ канцеляриях по великому числу в тюрмахъ содержано было. А какъ уже трехлетняя лгота имъ миновала, тогда от приставленных к нимъ, то-есть: от защитителей, проповедниковъ, от Новокрещенской Канторы и протчихъ командировъ, всякие тягости, кои по простоте и незнанию российскаго языка, не имея же

[1] *Опускается начало экстракта.*

никакого разумения, под образом подушныхъ денегъ самопроизволные раскладки, почему хотели на душу, собираемы были.

А оставшие в невери за всехъ сихъ принуждены были платить подушные денги, отчего, в крайнее изнеможение и бедность приведены бывъ, почти все не по желанію, но по усилію и совершенной бедности воспріяли законъ греческаго исповеданія.

2. По крещени же оныхъ, определенные проповедники, кои выбирались из священниковъ, протопоповъ и игуменовъ, и протчихъ чиновъ, езжали по новокрещенским жителствамъ, яко-бы для обучения закона, а, в самой вещи, толко для собранія не неподлежащихъ интересовъ, збирая с каждой души по две копейки, кроме содержания своего, которую они по требованию своему правизию, сколко хотели, также лисицами, куницамі, что найти могли надобное для ихъ, обирали безъ платежа за то денегъ.

3. Они жъ, проповедники, разведавъ достаточныхъ ізъ оных же новокрещенъ жителей, будучи в техъ проездахъ, делая придепки, яко-бы необходимо знать надлежитъ молитвы, кои они и обучатца принуждали: «Вѣрую во единаго бога отца», «Отче пашъ», «Помилуй мя, боже», и протчие. А какъ оные новокрещены, такъ и жены ихъ по руски говорятъ весма худо, а иные и вовсе не знаютъ, то і сіи молитвы, по старости ихъ и по непонятию, на память перенять не могутъ [что не толко от нихъ, но и от самыхъ россійскихъ христианъ, не знающихъ грамоте, сіе было взыскуемо, — того не слышно], за что они, устращивая ихъ, новокрещенъ, яко-бы за непонятіе и особливое упрямство, взятьемъ и содержаниемъ в городе для оного обученія под карауломъ; почему те новокрещены по совершенному чистосердечию и по утропленности ихъ давали имъ денегъ по немалому числу и протчимъ, что они, проповедники, потребуютъ.

4. Те жъ проповедники, будучи в проездахъ своихъ в тех же новокрещенскихъ жителствахъ, выбирали потому жъ достаточныхъ жителей и, приметя у нихъ хорошихъ лошадей, пчелъ, скота и протчая, естли те новокрещены не остерегутся, то стоящие в переднихъ углахъ на полкахъ образа оборачивали внизъ ликомъ, также и в постные дни в пищу ихъ кладывали мясо, а после, зделая привяску, яко-бы они, новокрещены, законопреступники, и ограживали ихъ взятьемъ в городъ для жесточайшихъ распросовъ, за что бралі также деньгами и по выбору лошадми и протчим, что они хотели; кои, не имея никакого защищения и помощи, отдавали имъ все, а чрез то приходили до совершенного раззорения.

5. В силу оного жъ, 740-го году сентября 11-го дня, указу, велено из новокрещеныхъ чувашъ и черемисъ брать малолетныхъ детей для обученія словесной грамоте, дабы из оныхъ, по выучке, бывъ священниками и протчими церковниками, на ихъ языке могли о законе с лутчимъ понятіемъ обучатца; чего для, особливымъ в Казане, в Цивилске, в Царевококшайску и в селе Ялабуге школамъ быть повелено, и для онаго содержанія немалая сумма определена. Но, вместо того, мимо бедныхъ и сиротъ, зачинали требовать детей от достаточныхъ; а какъ отцы и матери, не хотя оныхъ отдавать и для сего с ними раставатца, зная, что, яко-бы от худаго присмотра, повсягодно многое число помираетъ, то, по возможности и по силе ихъ, оныхъ проповедниковъ дарили; а притомъ, делая разные вымышленные придепки, и сами, что понадобится имъ, обирали. А какъ неподлежащіе поборы со всехъ оберутъ, то уже последнихъ, кому нѣчего дать, по необходимости возъмутъ.

6. Новокрещенской канторы секретари и определенные ко оной школе смотрители, яко-бы между собою согласясь и не имея никакого опасенія, подъ имянами разныхъ людей, для пищи оным школникомъ ставили от себя гнилую муку, протухлое мясо и вонючую рыбу, за что брали ис казенныхъ денегъ настоящую цену, отчего они яко-бы немалое имение нажить успели, а оные ученики от такой нездоровой и худой пищи, бывъ бес призрения, по немалому числу в годъ умирали.

7. В татарскихъ жителствахъ, где имеется крещеныхъ по малому числу: двора по два и по три, а протчіе в своемъ мохометанскомъ законе, то яко-бы оные новокрещены обявляютъ своим проповедникомъ и защитителем, что оные махометаны в пищу ихъ кладутъ и научаютъ есть лошадиное мясо и протчее, по ихъ прежнему закону жить склоняютъ. А в самомъ деле бутто оные ж проповедники, во время обезду ихъ, тех новокрещен то обявлять ложно сами научали; к чему делая привяски, со оныхъ махометанъ брали немалые поборы.

8. Оне жъ, проповедники и помощники, ездя по новокрещепымъ жителствамъ, тѣхъ, кои еще и поныне не крестились, не чрез проповеди слава [sic] Божия оныхъ приводили в законъ, но совершенным раззорениемъ, а имянно: окны и двери рубили, пѣчи и трубы ломали, били плетми без всякаго милосердія и сему подобные дела делали, что с монашеским и свещеннымъ чиномъ нимало не согласно.

9. Буде же кто крестится не желаетъ, а по требованиямъ проповедниковъ дать не в состояни, то, во время ихъ разъездовъ,

лишась своихъ домовъ, разбѣгиваются в леса. Естли же требуемое число, смотря по пожиткамъ, кто дастъ: по рублю, по два и более, тогда и принуждение сие оставляютъ; но не более, какъ на полгода, а иногда і менше.

10. Когда оне жъ, проповедники, вторично по тем же жителствамъ поедутъ, уже крестивда не принуждаютъ, а наистрожайше повелеваютъ, дабы оные некрещеные строение свое перевозили в другие мѣста и с новокрещеными в одномъ жителстве не жили. Но какъ такъже по рублю с двора и более, смотря по пожитку, оберутъ, то тотъ годъ принуждение свое и в томъ оставляютъ, почему еще годной поборъ от нихъ, проповедниковъ, произъходитъ.

11. А естли оные проповедники случались не из монаховъ, а ис протопоповъ и священниковъ, то, ездя по оным новокрещенскимъ жителствамъ з женами і з детми, сами обирали денгами, скотом, овчинами, а жены ихъ — холстами, пряжею, шерстью и льномъ, также и всякою живностию, бывши во время техъ своихъ проездовъ на ихъ, новокрещенъ, содержани.

12. Оные жъ проповедники, бывая у техъ новокрещен в среду и в пятокъ, также и в посты, домогаясь, выспрашиваютъ, не едят ли мяса; и, хотя оные новокрещены, зная, что и за сіе от нихъ между протчими чинятся привяски, и в неведении того с клятвою обявляютъ, однако, не уверяясь сему, ходя по клетямъ, осматриваютъ и, естли у кого найдутъ оставшие от месоеду початые кринки с масломъ, ветчину, а от прошедшаго дня — вареное мясо и протчее, делая посягателство, все оное и, что имъ еще сверхъ того потребно, обиралі.

13. Естли же оные проповедники по сему ихъ намерению ничего во изобличение найтить не могут, тогда, имея при себе нарочно для сего опыту изготовленной табакъ, размешивая в воде, принуждаютъ пить. Но, какъ оного натура человеческая снести не может, а инотда и от прошедшаго дня по несварению желутка чрез сие рвотное, хотя мало, что приметить могут, уже не принимая никакого оправдания, яко от изобличеннаго, устращиваютъ, бивъ бѣ[з] всякого милосердия, брали денгами, скотом и протчимъ.

14. По означенному жъ, 740-го году сентября 11 дня, указу 15-го пункта повелено: приходящимъ ко крещению из ыноверцовъ, в награждение за восприятие святаго крещения, противъ прежнихъ дачь, покупая ис положенной на новокрещеныхъ суммы, давать каждому по кресту медному, весомъ по пяти золот-

никовъ, что носятъ на персехъ, да по одной рубахе и по сермяжному кафтану с шапкою, и рукавицы, обуви — чирики с чулками; а кто познатнее, тѣмъ по крещени давать кресты серебреные по четыре золотника, каѳтан ис суконъ крашеныхъ, какова цвету кто похочет, ценою по пятидесятъ копеекъ аршинъ, а вместо чириковъ сапоги ценою по сороку по пяти копеек; женскому полу — волосники и очелники, по рубахе холщевой. Да от денегъ — мужеска полу: кои от рождения выше пятнатцети летъ — по одному рублю по пятидесятъ копеекъ, от десети до пятнатцети лет — по одному рублю, а кои ниже десети лет — темъ по пятидесятъ копеекъ; женскаго полу: от двенатцети летъ и выше — по рублю, а протчимъ, кои ниже двенатцати летъ,— по пятидесятъ копеекъ. Сверхъ же того, которые святое крещение з женами і з детми примутъ всею семьею, давать в домы ихъ по иконе. Которой суммы от Казанской Губернской Канцеляри ежегодно и отпускаемо было.

Но ныне по всемъ, какъ словеснымъ разведываниемъ, такъ и с подаваемыхъ от народа сказокъ, оказалось, что, по воспріяти святаго крещения, какъ мужескому, такъ и женскому полу денегъ, платья, кроме трехлетней лготы, давано не было. Но, сверхъ того, многимъ, во время оного крещения, копѣекъ по дватцети, по тритцети и более убытку становилось. В ыных же мѣстахъ, где имеется душъ с тысячу, то человекомъ десети или дватцети для одного виду по рублю или по полтине, хотя и давали, но после также, по разнымъ неописаннымъ вымышлениямъ, оные с ызлишкомъ возвращали.

15. Означенные проповедники все, яко-бы получая на проездъ ихъ прогонные деньги, езжали какъ сами, так и жены ихъ з детми, и набранную ихъ от жителей правизию и подарки, сколко б оной ни было, возили на техъ новокрещенскихъ подводахъ без платежа прогоновъ; следовательно, и данные им казенные денги удерживали у себя.

16. Определенные у оныхъ новокрещенъ приходски священники, яко-бы столь праздны и ленивы, что, ежели случатся ис техъ новокрещенъ умершие, коихъ для погребения привезутъ в церковь, за что они, священники, брали по два, по полтора и по рублю с каждого человека, смотря по пожитку техъ новокрещенъ; а когда требуемаго числа денегъ не дадутъ, то и не погребаютъ. И збиралось техъ умершихъ человекъ по десети бес погребѣния недели по две и по три, коихъ они вдругъ отпевали и хоронили.

17. А потомъ оне жъ, священники, яко-бы приезжают тѣх умершихъ к родственникомъ и бьютъ немилосердо, делая при-

вяску, что они для погребения умерших не приезжаютъ и денегъ не привозятъ. Но как им, новокрещеномъ, требуемаго числа денегъ взять негде, то брали скотомъ, холстом, живностию і протчим ис пожитковъ ихъ, что они за лутчее для себя разсудят.

18. Приказные служители, делая придепки за незнаніе молитвъ: «Отче нашъ» и протчих, в случае женидбы, за данные ис консистори и по городамъ в духовныхъ правленіяхъ вечныя памяти, кроме указныхъ пошлинъ, брали: с перваго брака по рублю, со втораго по два, с третьяго по три, а иногда и более.

19. Когда жъ случается у нихъ, новокрещенъ, свадбы, то яко-бы брали, смотря по пожитку, с каждой свадбы по рублю и болше, а бес того и свадебъ не венчали; почему те новокрещены, хотя б кому и надлежало женить сына, но, по скудости ихъ от разныхъ раззорениевъ и чрезвычайных поборовъ, многие не женятъ и живут одиначествомъ.

20. Во время родинъ оные священники брали от молитвы по три и по пяти копеекъ, а от крещения младенцовъ — по пятнатцети и по дватцети копеекъ; а когда столко денегъ дать не в состояни, то брали силно ис пажити ихъ топорами, подушками, овцами і протчимъ.

21. Оные жъ приходские священники, кроме вышеписанного всего, збираютъ в каждой годъ с венца, то-есть с мужа з женою, хлебом, сеномъ и хмелем, сколко им потребно, власно как-бы сие им по какимъ указомъ давать повелено.

22. От монастырей во определенные к нимъ вотчины посылались, яко-бы для наряду в монастырские работы и о понуждени платежа рублевыхъ денегъ, нарочные ис крестьян слушки, которые, бывъ в техъ селехъ и деревняхъ, чинили велікие обиды и брали со старостъ и выборныхъ в пажитокъ по немалому числу, власно как-бы за какую работу, денегъ. От монастырей же за те крестьянские работы и за взятые с техъ крестьянъ в силу указовъ рублевые деньги квитанци даваемы были без всякого изъясненія, за которой годъ и за которую половину те деньги в монастырь получены; также и никемъ те квитанци не подписывались, с таким намерениемъ, чтоб можно было взыскать в другой раз; почему с техъ крестьянъ иногда двоекратно взыскивано было. А в ыныхъ местахъ оныхъ квитанцей помянутые власти и совсемъ не давали, а за требование оныхъ без милосердия били.

23. Где жъ оные квитанци за полученные деньги давали, в техъ местахъ за каждую казначеи и стряпчие бралі во взятокъ себе по одному рублю и более.

24. За засвидетелствование даннымъ от миру отпускных писменныхъ видовъ, по которымъ выправливаютца указные печатные пашпорты, что тотъ крестьянинъ подлинно того монастыря, почему за каждой брали архимандриты по дватцети и потритцети, келейники по десети, казначеи и стряпчие по дватцети копеекъ.

25. От архимандритовъ чинились приказани, чтобъ старосты и выборные являлись каждую неделю, яко-бы для разныхъ повеленисвъ; но, не обявляя им ничего, только брали деньги, гривны по две и более, также медом, яйцамі и протчимъ; отпускаютъ в домы свои. Естли же случалась какая надобность, то, не обявляя ихъ в монастыряхъ, посылали служекъ, кои, какъ и выше сего въ 22-м пункте изяснено, к темъ старостам и крестьяном делали разные привяски и в нажитокъ себѣ обирали, возвращались.

26. Сверхъ того, забирали крестьянъ в монастыри, яко-бы для какихъ монастырскихъ приказаниевъ; и, делая к нимъ разные привяски, держиваны были под караулом недели по две и болше, коихъ, также обобравъ, отпускалі в домы свои.

27. Те жъ архимандриты, узнавъ кого из крестьян пожиточного и семейнаго, брали в монастыри и определяли во всякие монастырские услуги; а когда кто, не желая быть, дастъ денегъ рубли три и болше, смотря по пожитку, то, обобравъ, оныхъ отпущали в домы, а на место техъ в работе держивали долее и работы накладывали тягостнее.

28. До положения указного рублеваго збору, хотя но [sic] вовсе, однако, в монастыри збираемо было с каждой души свиньями, гусями, утками, яйцами, холстомъ и протчим запасомъ, также и конскими приборами; а когда в домехъ у кого не отыщутъ, то принуждены были покупать. На которые зборы яко-бы становилось по роскладке на каждую душу по три и по чстыре рубли; кроме того, что к строению келей и в протчие монастырские работы, произходящеи от однехъ ихъ прихотей, без всякого разсуждения собираемы были.

29. За бывшихъ при монастыряхъ служекъ, коихъ бывало по немалому числу, подушные деньги платили оне жъ, крестьяня, миром; сверхъ того, давали еще денегъ, рубли по три и по

четыре в годъ, каждому жалованья, яко-бы на рукавицы, шапки, кушаки и на обувь.

30. Когда архимандриты по указом или для какихъ монастырскихъ нуждъ езжали в Санктпитербургъ, в Москву и в протчие места, то на проездъ брали с каждой души копеекъ по двадцети и более.

31. Ставленикомъ во время посвященія становитца убытку от тритцети до сорока и более рублевъ, которые деньги берутъ находившияся прі архіереяхъ келейники, дворецкие и протчие чины. По отобрани жъ въ Экономию архиерейскихъ и монастырскихъ деревень, оные ставленики в Воскресенскомъ монастыре, состоящемъ от Казани в четырехъ верстахъ, в котором домъ архиерейской с немалым регулярнымъ садом, для поправления онаго саду, ловления рыбы и протчихъ работъ содержутся по долгому времени. Которые, проевшись, не имея, себя чемъ содержать, нищенствовать принуждены; а, по получени мѣстъ своихъ, жадным образомъ все означенные убытки чрез разные выдумки и притеснени с народу собираютъ.

32. У всехъ опыхъ проповедниковъ, монастырскихъ властей и селскихъ священниковъ яко-бы такъ капъсисторские секретари и канцелярские служители задарены, что, в случае на нихъ прозбъ, не толко какое удоволствие сыскать, но и самые дела и подаваемые прошени без всякого исполнения остаются.

33. А, сверхъ того, какъ бывшие, такъ и нынешней архиерей, кроме Тихона митрополита и Гаврилы архиепископа, во время своихъ объездовъ по епархи для смотрения благочиния, не бывъ по селомъ в церквах, с поповъ брали деньгами, медомъ, лисицами, купицами; а з городскихъ, между протчимъ, и сахаромъ. Которые, возвращая сей свой убытокъ, разными домогателствами по тому жъ собирают с народу. Естли же когда до нихъ и прозба какая на техъ властей і священниковъ доходила, оные затмеваемы были; а иногда к тем же просителемъ, яко-бы за неправилные прошени делали разные привяски.

О присудственныхъ местахъ и техъ местъ подкомандующих.

34. В губернской и в протчихъ правинціалныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, естли необходимо дойдетъ подавать челобитную, ис сего раззорение им происходило нижеследующее, а имянно:

Надлежит за написание челобитной платить деньги.

35. Когда оную подадутъ, то бутто входящей журнал бес того не вносятъ, естли канцелярскимъ служителям требуемаго числа не дадутъ денегъ.

36. А бес того объявятъ, яко-бы оная челобитна написана не по формѣ и не такъ, какъ ей быть следуетъ; чего для принуждены переписывать, а за написание платят деньги ж; сие и неоднократно случалось.

37. Когда оную и примутъ, продолжали долгое время; без денегъ не толко сему бедному человеку помочь, но и говорить не хотятъ.

38. Но какъ надлежитъ судъ вести по форме, то поверенные наимываются бутто толко судъ проговорить, а с ходатайствомъ не берутся и за то требуютъ более за работу, нежели самое дѣло стóитъ.

39. В Казани и в протчихъ городахъ повереннные находятся не записные, но помещичьи, которые по положенным на них от помещиковъ деламъ в техъ канцеляриихъ ходатайство имеютъ; а, между темъ, наимываясь, и посторонние суды на себя берутъ. Некоторые же, будучи на оброкахъ, и протчихъ разныхъ чиновъ люди симъ промыслом доволствуютца, коихъ судьи и секретари, по частому ихъ обхождению, какъ в хорошемъ состояни, в знани дѣлъ, такъ и в справедливости доволно знаютъ; почему, естли на ответчика или челобитчика из такого ж пристрастия чинили посягателство, то, хотя бъ кто и в состояни повереннаго нанять знающаго дела, а притомъ и добраго человека, и по требованию ево деньгами удоволствовать, но, имея запрещения, опасаясь таких же неделныхъ привясковъ, не наимываются. Итакъ, оные просители такихъ наимывать принуждены были, кои весма худаго состояния и не знающие дѣл; по обыкновенному же ихъ лакомству, а по подкупкам с противной стороны, умышленно подлежащие в документахъ изъяснени оставляли, а чрез то бѣзвинно оные просители объвинялись; но за то темъ повереннымъ никакого наказания и штрафа не чинилось.

40. Ежели шъ случались какие въ ихъ или в другие жителства посылки, для коихъ ездили определенные при канцеляриихъ ундеръ-афицеры и салдаты, то оные же челобитчики принуждены о доезде с ними рядитца, давая рублевъ по пяти, по десети и более, смотря по делу.

41. По приказнымъ местамъ требовали толикого числа, чего дать не в состояни, да и самое дело того не стоит; чего для

опые челобитчики совсемъ оставались без удоволствия и, дожидаяся производимаго дела, живучи долгое время в городе, проевши не толко денги, но и последняго платья лишившись, отступясь от дела, в жителства свои возвращались.

42. Сверхъ всего того, малые дела продолжались года по два и по три. Впротчем же, бедные люди никакого удоволствия по вымышленнымъ пристрастіям и продолженіямъ не получали, чего для уже оные и просить, бывъ не в состояни, перестали.

43. В Губернской Канцеляри, до прибытия губернаторскаго товарища, коллежскаго советника, Римского-Корсокова, в силу Генералного Регламента, не имея настолпыхъ реэстровъ, а потому не толко входящіе челобитны и доношени, но яко-бы и говореные суды во оной канцеляри, какъ секретарями, такъ и канцелярскими служителями, изъ интересовъ утрачивались.

44. По деламъ таким, о которыхъ решителные определени без выписокъ сочинить невозможно, оные из мздоимства сочинялись в губернской и воеводскихъ канцеляріяхъ, яко-бы по болшей части, однеми толко журналами, по желанію своему, а не по указом, и чрез неподлежащіе ябѣднические выражени правые обвиняемы были; отчего бѣдные люди, кому дать требуемого от нихъ числа денегъ нечего, раззорялись до основания.

45. С прошлого 764-го году, по учинени приказным служителям о жалованье штата, по подаваемымъ от государственных крестьянъ прошениямъ секретари и канцелярские служители обявляютъ, яко-бы, за казенными делами, по ихъ прошениямъ производить дела время недостает. А хотя те челобитчики командиромъ ихъ и приносятъ в томъ жалобы, но оные по призывамъ то же объявляют; почему, живучи в городе по немалому времени, пришед во изнеможение, без всякого удоволствия в домы свои возвращаютца.

46. Когда жъ кому случитца подавать в губернской и воеводскихъ канцеляріяхъ челобитны, написавъ сторонними людми, то яко-бы секретари и приказные служители обявляли, что писаны не по форме и не такъ, какъ имъ быть следуетъ, домогаяся того, дабы оные сочиняемы и писаны были теми же канцелярскими служителями; за что столко берутъ за работу, сколько они потребуютъ, почитая оное за не такое преступление, которое в силу указовъ ныне строго запрещается. Просители же, не имея другова способу и зная, что въ ихъ же рукахъ будетъ, хотя с крайним убыткомъ, давать принуждены.

47. Те жъ секретари и приказные служители по случившимся справкамъ, иногда по подкупкамъ ис пристрастія, а иногда и от лени, яко-бы за неимениемъ і от случившихся пожаровъ, без выправокъ, что имъ разсудитца, ответствуютъ; а чрез то, в случае судныхъ делъ, правые притеснялись.

48. Секретари жъ, с приписью подъячие и приказные служители, также и валтмейстеры, имея за собою деревни, а конмъ в силу указовъ иметь запрещено, — подъ имянами другихъ, блись живущимъ обывателямъ, а особливо новокрещеном, дѣлая разные по привяскамъ устращивани, и наряжали ихъ в собственную работу, безденежно ползовались; которые из вкоренившейся в них робости не толко во оной тягости просить, но в случае и сами закрыть могли.

49. По произходящей народной молве слышно, что імеющейся Казанской губерни в Малмыжской Воеводской Канцеляри подканцеляристъ Федоръ Камашевъ живущимъ блись города обывателямъ чрез разные неописанные выдумки не толко взятки, но и немалые раззорени, чинилъ, что и по подаваемымъ между протчимі скаскамъ оказалось. В случае же на него в Казанской Губернской Канцеляри прозбъ, по притчине с секретарями свойства и дружбы, не толко чтоб по строгости законовъ поступаемо, а просители удоволствованы были, но потому жъ вымышленно обвиняемы, а иногда и прошени, бутто не внеся входящие журналы, продали.

50. В Казанской Губернской и в протчихъ канцеляриях яко-бы, по решени делъ, подлежащихъ наказанию кнутомъ и ссылкою на каторгу из мздоимства виныхъ оставляли, а вместо техъ, поймавъ, правыхъ и ничего того дела не знающихъ, наказав, ссылали, каковыхъ и поныне упователно сискатца можетъ; протчие же по милостивым указам между виными хотя прощены, но, возвратясь в домы свои, с печали померли.

51. Во время прошедшихъ рекрутскихъ наборовъ, от дватцети до десети душъ принуждаемы были отдавать целыхъ рекрутъ, а болшее число душъ разбивали в складку и, принимая оные из далныхъ местъ, дабы отдатчикомъ за тою далностию сыскивать было не можно, оными денгами ползовались в техъ канцеляриях приказные служители сами, не давая отдатчиком не по одной копейки; поступок же сей производимъ былъ более с татарами и мелкопоместными, также и съ ясашными.

52. Тогда яко-бы губѣрнатора князя Тепишева два человека, Александръ Козминъ и Петръ Ивановъ, продавали платье и обувь,

и, хотя указное платье отдатчики имели, а потому и нужды в том недоставало бъ, однако, к тому принуждаемы были брать съ платежемъ излишнихъ денегъ.

53. Означенной же служитель Александръ Козминъ не токмо одною продажею рекрутскаго платья довольствовался, но, собирая за рекрутъ складочные деньги, яко-бы от полутора и до двухъ рублевъ з души, разбивая из далныхъ местъ, согласясь с секретаремъ Рознотовскимъ и с канцелярскими служителми, какъ потем, такъ и протчимъ деламъ бралъ и чрез то себѣ немалой прибытокъ присовокуплялъ; отчего отдатчики крайней убытокъ претерпевать были принуждены.

54. Хотя по состоявшемуся 761-го году декабря 20-го дня указу и повелено, дабы о числе душъ в канцеляри подавали готовые скаски, при коемъ и форма сообщена; но в канцеляріяхъ приказные служители, требуя денегъ, оныхъ не принимали, объявляя, яко-бы в деревнях писать не умеютъ такъ, какъ в канцеляріяхъ. Но естли, хотя по возможности своей, собравъ с числа душъ, и давали, а не столко, сколко требуют, — отдавалі возвратно, яко-бы оные негодны и не по форме писаны. Чего для и переписывали, збирая с народу деньги раза по два, по три и по четыре; не получа требуемое число, уже принимали, от чего в некоторых местахъ стоповилось убытку с каждой души от шести до пятнатцети копеекъ и более.

55. Вашего і. в. о возшествіи на всероссіиски імператорски престолъ по публиковани манифеста, посланные тогда оберъ и ундеръ-афицеры по уездам для приведенія к присяге брали с каждой души от одной и до трехъ копеекъ.

56. Прежде бывшіе, определенные к сыску воровъ и разбойниковъ, командиры также и воеводскихъ канцеляріяхъ [sic] пойманныхъ воровъ держали у себя долгое время, продолжая имъ указные распросы; а притомъ, зная кого пожиточного, техъ воровъ научали оговаривать, которыхъ, по темъ оговорамъ захватя в те места, держали по немалому времени в тюрмах, пристращивая ихъ разными угрозами, не толко раззореніемъ, но и самыми пытками. А какъ требуемое число изъ ево имения чрезъ сіи хищническия вымыслы и устрастие получали, то со оговоровъ настоящаго злодея сихъ неповинныхъ людей освобождали, почему яко-бы те пожиточные люди приходили во всекрайнюю скудость и раззореніе.

57. Естли случаются уезднымъ жителямъ по необходимости какие дела, касающияся до приказного порядка, то в техъ воло-

стяхъ ото всего миру делаютъ писменные выборы и для ходатайства, выбравъ способного одного или двухъ, давъ имъ по темъ дѣламъ на росходы и на прожитокъ денегъ, отправляютъ в губернскую илі в другие канцеляри, где те дела случались, кои и ходатайства имеютъ. Но, естли с противной стороны виноватые подарками и дачею денегъ преодолѣютъ, а челобитчики, хотя и правы, но толикаго числа дать, опасаясь миру, не захотятъ или не в состояни, то таковые дела продолжать или и вовсе затмевать старались. Но, какъ оные, понадеясь на свою справедливость, присудствующихъ секретарей и канцелярских служителей усилными прозбами обеспокоивать станутъ, то, какъ за спе. такъ опасаясь и того, дабы оные въ Юстицыю или и в Правителствующем Сенате не стали просить, делая разные привяски, в дѣлах писали совсемъ другое, нежели оные обявляли. А потому, зделавши виноватыми, а иногда и бес производства дела, секали кнутомъ и плетми на плошедяхъ, дабы, естли случитца, впредь, какъ по темъ, такъ и по протчимъ деламъ, имъ, яко публично наказанным, в силу Генералного Регламента, не верить и впредь ни до какихъ дѣлъ не допускать; а чрез то и себя от вышнихъ местъ положения штраѳовъ избавляютъ.

58. Чрез сей же поступокъ, оставшие ни о каком деле просить не в состояни: 1-е, что и таковыхъ, для приказныхъ дѣлъ способныхъ, не останется, каковые безвинному паказанию доведены. 2-е, войдя во утропленность, всякой того же опасается. 3-е, хотя и сыщется для ходатайства за делами, кои, получа такъ, какъ первые, выборы, но согласясь с судьями и канцелярскими служителями, издерживаютъ не толко данное имъ число от миру денегъ, но, занявъ еще столко, чего и отдать без разоренія народного не в состояни, обязываясь векселями и протчими кабальными писмами, обще между собой делятъ; а когда, по прошестви сроковъ, какъ сами те заимодавцы, так и посланные от канцеляриевъ солдаты выправ[л]ивают, тогда скотъ, платья, хлебъ и протчее без остатку обирали. Сіи поверенные по тамошнему названію іменуютца коштаны.

59. При канцеляриях находятся из иноверцовъ крещеные и некрещеные толмачи для переводу во время случающихся от оныхъ прозбъ, которые командиромъ даютъ способы к разорению народному, ибо оные тайнымъ образомъ, знавъ из жителей пожиточных, слагая неподлежащие вымышленные клеветы, воеводамъ объявляли; протчих же, яко-бы также ухищренно, и научали. За коими и посылались посылки, и по привезени содержались в городахъ, а иные і в тюрмахъ безвинно; кои, избавляя себя, по совету оных же толмачей (кроме заплаты за доездъ), последнее по требованию командирскому и подъячимъ отдавали.

60. Находившияся при канцеляриях афицеры, капралы и салдаты, естли случатца по какимъ делам в уезды посылки, то, яко-бы смотря по обстоятелству дела, платили за то командиромъ денги по нескольку рублевъ. А какъ они посылаемы были, то, какъ те данные, такъ и сверхъ того, в нажитокъ себѣ выбиралі с народу, почему и оные излишние поборы, какъ то сержантомъ Платовымъ и протчими учинено, чинились весма часто. Естли же хотя и случится, что о таковыхъ поборахъ дойдетъ до приказного порятка, то, хотя определени о указныхъ штрафахъ и делалі, но, зная и себя в томъ виннымі, оставлялись без всякаго наказанія; а по болшѣй части оные дѣла совсем бес производства скрывали и оныхъ подкомандующихъ ожесточить боялись.

61. В силу Уложенья у некрещеныхъ татаръ рускимъ земель покупать запрещено; но помещики, делая разные темъ татаромъ обиды и раззорени, а з другими по согласию, сыскавъ такого татарина, которой крестится вознамеритца, а иные за воровство и за протчие ихъ преступлени надлежали пыткамъ и наказаніямъ, почему оные татара, каждой от себя, желающаго крестится, давали купчи, а по крещени оные помещики от него брали уже купчие на свои имяна; а чрез то многихъ до того довели, что уже и жить по неименію земли не можно.

62. А по состоявшимся указомъ позволено новокрещепом продавать свои земли, ис коихъ многие от раззорненевъ, а от того и совершенной бедности переходя в другие места, протчие же и по желаниемъ своим переселяясь, оставшие же свои земли продаютъ разнымъ владелцамъ, кои, покупая оные и населя крестьянами, оставшимъ некрещепымъ делалі велпкие притесненп и с настоящихъ своихъ земель збивали, скотъ бьютъ и загопяютъ к себе, сено косятъ, посеепной хлебъ жнутъ и потравляютъ. Просит же в присудственныхъ местахъ по бедности своей не в состояпи, ведая, что без денегъ никакого удоволствия сыскать не могутъ. Почему, вошедъ во изнеможепие, от своихъ земель отставать припуждены. А оные, темъ ползуясь, паиболее усиливались.

63. В силу указовъ повелено, чтобъ компанейщикам учинить ведры кубовые; почему, следственно, полуведерные, четвертные и чарошные меры иметь должно кубовые жъ; а от сего и во обмере ихъ воровство могло бъ прекратитца, продажа же вину и в зборе казенной суммы умножилось бы. Но сего никогда не исполняется: а содержутъ в кабакахъ полведра, четверть и чарки плоские, у чарок же черенья прямые и долгие, в кирсеняхъ вина держатъ не более, какъ на два перста. Стойки

же, хотя и велено опустить, что и учинено, но и то весма мало; чрез которой пришедшимъ для взятья вина не толко малолетным, но и мужеска полу болшаго возраста прямо отмерять вина но [sic] возможно, потому что опущенные стойки обстоятъ высоко, и доски весма широкие для оного умыслу, ибо теми плоскимі мерами и долгими череньями за умаленнемъ вина и самимъ купцамъ прямо отмерять никоим образомъ не возможно. К тому жъ, в вино вливали воду, а в пиво — красной квасъ.

От сего вымысла и неправилного обмеру целовалники, бывъ под защищениемъ своихъ командировъ и воеводъ, великие барыши выгадывали, ис коихъ яко-бы ежемесечно делились; а до 764-го году генваря по 1-е число во время высыпокъ немалую аксиденцыю за то получали. Самим же купцамъ, какъ прежде, так и ныне, мерять такъ, какъ указомъ повелено, в кабакахъ не позволяютъ.

В случае же на оных компанейщиковъ и целовалниковъ прозбъ, не толко какое удоволствие получать, но еще, защищая оныхъ, разные привяски просителямъ чинимы были.

64. Хотя указами и повелено, чтобъ с коньскихъ продажъ указные пошлины собираемы были тогда, когда оных лошадей продажа бываетъ в городахъ и по торжъжкамъ, но компанейщики, ездя по уезду, яко-бы подъ именемъ техъ зборовъ, обкладываютъ крещеныя и иноверческия деревни, рублевъ в десеть и в дватцать, смотря по величине жителства. Ежели где толикаго числа по неимуществу дать не в состояни, то, бутто по научению, из них же находившияся коштаны в продаже лошадей и в утайке пошлинъ, которые проданы были в давныхъ годехъ, а, между тем, и понапрасну имъ допосятъ; кои взыскиваютъ вчетверо с немалыми темъ жителямъ убытками, почему жители, хотя бъ у нихъ и ни одной лошади продано не было, принуждены требуемое имъ число денегъ отдавать, а от сего немалой убытокъ претерпевали. Вышеписанным же доносителемъ или коштаномъ те компанейщики за сіи доносы даютъ денегъ по немалому числу.

65. В продаже соли у пуда от семи до десети фунтовъ и более обвешиваютъ, да, сверхъ того, кроме означенного великаго числа обвесу, за каждой пудъ берутъ по две и по три копейки, яко-бы за работу; а по утропленности народа об ономъ не просятъ, да и просить не можно, потому что, вместо настоящаго удоволствия, к сим же беднымъ просителемъ делали разные привяски, по притчине того ж пристрастия, как и выше сего о кабаках изъяснено.

Государственная Публичная Библиотека Историческая

66. Прежде бывшие валтместеры, кои определялись не от Правителствующаго Сената, а от Казанской Губѣрнской Канцеляри, яко-бы изо взятковъ, губернаторами и ихъ товарыщами, кои, бывъ во оной должности, данное ими число и себе в нажитокъ збирали с народу с крайнимъ раззорениемъ. В случае же подачи челобитенъ, ис того жъ пристрастия никакого удовольствия обиженные не получали, а иногда в защищение ихъ, к бедным же просителемъ делая разные привяски, притесняли, а чрезъ то и самые настоящие дела затмевали.

67. Какъ до бывшаго губернатора князя Тенишева, такъ и до протчихъ присудствующихъ, яко-бы за многоделиемъ, бедные просители не допускаемы были, за что принуждены определенънымъ к той должности слугамъ за докладъ, а караулнымъ салдатомъ за пропускъ, давать деньги; естли же требуемаго числа кто дать не в состояни, техъ не толко с крыльца, но и з двора, збивая, сталкивали.

68. Ежели владелцы в своихъ дачахъ с вырубленным дубовымъ лесомъ поймаютъ чьихъ крестьянъ и со онымъ повезутъ для указного представления в городъ, то виноватые, упреждая, на техъ приводчиковъ подаютъ явочные и исковые челобитны, яко-бы оные, напавъ разбоемъ, грабили, написавъ немалое число иску. Но какъ те приводцы оныхъ в городъ привозили, то, вместо чаемого удоволствия, ис пристрастия к ним же делая привяски, яко-бы к настоящимъ разбойникомъ, которые также претерпевали великие убытки и раззорение. Таковые обстоятелства припудили владелцовъ, имеющие дубовые леса, ни самимъ беречь, ни рубящихъ посторонних ловить, но давать валтмейстеромъ по толикому числу денегъ и в проездъ ихъ содержания, сколко оные потребуютъ, кои, естли и увидятъ порубку, ис пристрастия умалчиваютъ.

69. Ежели между соседми несогласно, то из одной злобы, дабы зделать своему соседу какой-нибудь вред или раззорение, в ночное время посылаютъ въ ево дачи и дубовыя деревья подсачиваютъ, а иногда и срубливаютъ; и, наведя валтмейстеровъ, оных приводили неповинному десети-рублевому штрафу, кроме случающихся в то время от следствия убытковъ.

70. Естли между владелцами произходятъ о земляхъ ссоры, то те, кои желание имеютъ чужей землей завладеть, настоящаго владелца крестьянъ, ездящихъ за дровами и за протчими надобностми, ловятъ и, накладывая на дровни и на телеги дубовых отрубковъ, приводятъ в городы, яко-бы с полишнымъ. Но какъ таковые поступки делались много разъ, отчего в силу указного

повеления и следстви раждались, а иногда по пристрастиямъ, делая прицепки, безвинно и штрафованы бывали, — то настоящие владелцы и правые претерпевали великие убытки и беспокойство, да и впредь, опасаясь таких же вымышленныхъ прицепокъ, вошедъ во изънеможение, от своихъ земель отступатца принужъдены. Чрез то таковые вымышленные ябедники неподлежащими ихъ землями доволствовались, а правые безвинно раззорялись.

71. Іс канцеляриевъ посылающияся за разными делами приказные служители и салдаты, и протчіе чины, кои, ездя беспрестанно на обывателских подводахъ бес платежа прогонныхъ денегъ и в самое летнее работное время, живутъ в городехъ по неделе и более, держа подвотчиковъ при себе, кои, живучи, не толко оставшее число малой суммы денги, но и платья с себя, закладывая, проживали.

72. Те жъ разныхъ чиновъ служители, посылающіяся по уездомъ для взятья о урожае хлеба сказокъ, оные брали по одной и по две копейки с написанныхъ по ревизи числа душъ; а какъ в ыныхъ мѣстахъ умершихъ и по разнымъ обстоятелствамъ выбылыхъ находится немалое число, то — по расположению, сколко доведетца.

73. Для объявления состоявшихся о разныхъ исполненияхъ указовъ, какъ от губернской, такъ и от протчих воеводскихъ канцелярей, оные жъ посылаемые, смотря по ихъ расположению, збирали с малыхъ деревень по рублю, а з болшихъ и более, какъ имъ разсудится. Естли же указъ принадлежащей о милости и о помощи сего беднаго народа, яко-то: о збавке подушнаго, о уменшени цены с соли и о протчем, сему подобные, то сколко оные посланные потребуютъ, по пяти и по десети копеекъ з души, а бес того и указовъ не объявляли, почему они, последнее закладывая свое имение и занявъ денегъ, принужъдены платить.

74. Во время платежа подушныхъ денегъ, в канцеляриихъ подавались и ныне подаются в годъ по два раза скаски: о смотрени корчемства, о ворах и разбойникахъ, которые стоновились каждая скаска по копейке и по две с написанныхъ по ревизі числа душъ, а бес того и подушныхъ денегъ не принимали.

75. Во время того жъ подушного збору платежа збирается в каждую треть, сверхъ положеннаго числа подушного

окладу, излишнихъ от двухъ и до десети копеекъ з души, которые употреблялись имеющимся при подушномъ зборе афицеромъ, приказным служителямъ, салдатомъ и щетчикомъ.

76. Да, сверхъ того, посылаемые жъ солдаты от онаго подушнаго збору, для понуждения платежа, збирали с каждой души по копейке в треть.

77. К подушному (платежу) збору определенные командиры находившихся салдатъ посылали для понужденія оных. А какъ вдругъ подлежащее число заплатить, по неимуществу своему, многие не в состояни, то сотники техъ жителствъ ко онымъ командиромъ, прося о сроке, приносили на поклонъ или денгами, по рублю и по два, или медомъ, по столку же пудъ. Но какъ оные командиры, зная, что, ежели не будетъ доимки, то и посылокъ за оными чинить, а потому, какъ с посылаемыхъ для оного салдатъ, такъ и с техъ жителствъ, приносами ползоватца уже не возможно, то, не делая основателнаго и порядочного взыскания и с такихъ, кои бы и заплатить в состояни былі, умышленно оные доимки оставляли, дабы ежемесечно для оныхъ себе подарковъ салдатъ посылать удобнее было. Почему оные, бывъ в техъ разъездахъ, делая разные привяски, збирали себе в нажитокъ и для подарковъ командиромъ по немалому числу; самих же, забирая, в городъ привозили. Но, уже зная обыкновеніе, тем же избавляясь, в жителства свои возвращались, отчего яко-бы в годъ столко оныхъ поклонныхъ денег и медовъ збиралось, сколко подушного платить надлежитъ.

78. Естли по челобитчиковымъ деламъ посылаемы былі в уезды для повалныхъ обысковъ и сему подобныхъ делъ оберъ- и ундеръ-афицеры и салдаты, то ис пристрастия темъ, с которой стороны более удовольствованы бывали, вместо требования справедливаго показания, изыскание самой истинны устращивали сечениемъ кнутомъ и плетми, содержаниемъ в тюрмахъ и совершеннымъ раззорениемъ, а иногда в томъ обявляли ложно и повеление своихъ командировъ. По утропленности же народной и, видевъ такое устращивание, оставляя справедливость, писали, что имъ те посланные повелевали. А чрез сію подкупку оныхъ посылаемыхъ ухищренные ябедники, бывъ виноватые, делались правыми; бедных же неповинныхъ соперниковъ наижесточайше притесняли.

79. Но какъ сей народъ пришелъ в совершенную бедность, то между ими не толко между собой в жилахъ делаются кражи, но и, отезжая в другие места, воруютъ лошадей, скотъ и протчее, что имъ удасца; другие же являлись в совершенныхъ разбояхъ

и смертномъ убивстве. А какъ по таковымъ деламъ до канцелярского порятка доходило, то достальные, правые и ничего сего дела не знающие, того жила, какъ от канцеляриевъ самихъ, а более от посланныхъ, до основания раззорялись, и правые, яко-бы избавляя себя, от указныхъ вытей оныхъ воровъ выкупать своими деньгами принуждены, чтобъ от нихъ не раззорится. Чрез то правые раззорялись, а воры, достойнаго наказания не получая и освободясь, по-прежнему жизнь свою продолжаютъ.

80. Естли же, имея доказателство, таковыхъ воров сами в те канцеляри приведут, то, обобравъ настоящих воровъ, к приводчикамъ делали неподлежащие прицепки и, продолжая дела, держивали оныхъ по немалому времени в городахъ, отчего в домашнихъ работах произходили остоновки и от упущенія времени немалые убытки; а иногда, самихъ воровъ отпуская, оныхъ приводцовъ держивали в тюрмахъ и неповинно раззоряли, почему, имея от таковыхъ крайнее притеснение и будучи во утроплености, о истреблени старатца перестали.

81. Ежели иноверцы и новокрещеные подавали явочные и исковые челобитны, то, помогая ответчиком, оные не принимали и отдавали без надписания обратно; по справкам же после обьявляли, что таковыхъ и в подаче яко-бы не было. И, темъ себя оправдая, онымъ просителямъ делали притесненіе.

82. К означенным же новокрещеномъ определены защитители, кои, вместо защищенія, такими же разнымі приметками оныхъ новокрещенъ раззоряли, а темъ болше, что из оныхъ челобитчики, не давая денегъ, никакого удоволствия своего получить не могли. Естли же виноватые дачею денегъ преодолеютъ, то бедные просители и данныхъ своихъ им денегъ лишались и, исковъ своихъ не получая, оставались в жесточайшемъ гонени; от коихъ они не толко защищение, но и совершенное раззорение чувствовали. И уже какое бы дело не случилось, хотя с великим убыткомъ, но мирятся сами между собой домовно.

83. Оные жъ защитители без всякаго дела збирали с них, новокрещенъ, с написанныхъ по ревизи, с каждой души от одной и до трехъ копеекъ себе во взятокъ, кроме того, что ездили на их же новокрещенскихъ подводах и для своего удоволствия брали баранами, живностию, хлебомъ и протчимъ, что имъ потребно, бес платежа за то денегъ.

84. Особливо жъ бывшие у защищения оныхъ новокрещен: надворной советникъ Соколниковъ и маэор Ларионовъ, чрез разные неописанные выдумки, притесняя народъ, разбогащались. Естли же,

хотя мало от кого опасаясь на себя прозбъ, то делая, столь немилосердо бивали, что многие яко-бы померли; о чемъ, бывъ бесполичны, не осмеливаясь просить, одни явочные челобитны в воеводскихъ канцеляриях несколко подано.

85. Оные же чуваша и черемиса, пришедъ в совершенную бедность, для платежа подушныхъ и протчихъ, необходимыхъ имъ, надобностей заимываютъ денегъ, кои платятъ за рубль по гривне на неделю проценту или зарабатываютъ у техъ заимодавцовъ не более трехъ рублевъ в годъ, начитая же проценты; почти вечно, лишась своихъ домовъ, у оныхъ живутъ.

86. Вышеписанные же чуваша и черемиса ставили купцам сало и медъ на срочное время, за что из договорной суммы по бедности своей забирали прежде половинное число денегъ. А естли хотя мало к сроку не исправятся, то без всякой пощады брали с нихъ вдвое и втрое, или за сие оставшее, что есть, яко-то: лошадми, коровами, хлебомъ и протчимъ, за самую малую цену обирали. Буде же ничего нетъ, то просятъ на них защитителей, кои, ис пристрастия темъ подрядчикомъ, отдавали в работу за самую малую сумму почти вечно, не имея на то указных никаких повеленiев. А иные и сами собой таковыхъ бедныхъ забирали и, получа ихъ к себе в работу за рубль и за два, держалi, с вычетомъ воскресныхъ и празничныхъ дней, по году и более; а данные денги, и по продолжени столь немалого времени, после с нихъ взыскивали же. Но оные, по простоте своей и по чистосердечию, ли[ши]вшись своего именiя, не имея дневной пищи, жили у нихъ; протчие же, хотя и исправившись — товаромъ или бъ и денгами заплатить в состояни, но уже оные купъцы, ползуясь такими дешевыми работниками, не брали. А особливо для сихъ бедныхъ людей оным раззорителнымъ торгомъ промышляютъ цывильское, кузмодемьянское, отчасти же и чебоксарское купечество.

87. Крестьяня, которые наимываются в разные работы, имая прежде некоторое число из договорной суммы напередъ в задатокъ, дабы оными заплатить могли в зборъ подушнаго окладу и выправить пашпорты. Но какъ имъ необходимо потребно оные получить бес продолженiя времени, кои с выправкою о именах ихъ в книгахъ и давались; естли же требуемого числа по бедности дать не в состояни, то хотя б имяна их и были в книгахъ, но в справкахъ пишутъ, бутто бы не отысканы, чего для оные оставались бѣс пашпортов. А, между темъ, в техъ местахъ, где они нанялись, делали в неустойке взыскание и в незаплате полученныхъ в задатокъ денегъ, и в остоновке в работе содержали в тюрмахъ, отчего приходили в крайнее раззорение.

88. По состоявшимся указомъ, яко-бы велено с татарских свадебъ брать по дватцети по пяти копеекъ; а со оных татар збирали сотники от семидесят копеекъ и до одного рубля.

89. В присудственныхъ местахъ, естли которая мелница оброчена в дватцать копеекъ, то во время оного платежа брали от пятидесятъ копеекъ и до рубля.

90. Сверхъ же того, и с такихъ, которые во время бытія ихъ не более плачивано было, какъ от пяти и до дватцети копеекъ, но оные в давныхъ годехъ опустели, такъ что и местъ техъ уже не знаютъ, однако, справкою от сорока копеекъ до трехъ рублевъ ежегодно збирали, кроме приключающихся, во время взнесения оных, убытков.

91. За новокрещенъ с оставшихъ в невери, когда указамі повелено бывало собрать доимочныхъ денегъ по две копейки, то сотники збирали по четыре; а когда по три, то по шести. Итакъ, противъ указного повеления оные зборы всегда произходили вдвое.

92. Во многихъ местахъ яко-бы воеводы ис пристрастія во время переоброчки жилые избы бедныхъ людей, кои никакова пропитанія не имеютъ, а довольствуютца одним мирскимъ подаяніемъ, обходя достаточных, писали банями и, не принимая никакого доказателства, онымъ напраснымъ платежемъ наиболее отяготили.

93. На машинные суда Низовой Соляной Канторы наимывали работниковъ и, отбирая у оныхъ пашпорты, давалі половинное число договорной суммы денегъ; но какъ оные полученные деньги издержатъ, а иные от весма тяжелой работы, протчие же, какъ они и беглые уже есть, разбегутся; чего для от воеводских канцеляріев посылают команды в те села и деревни для сыску оных, кои оставшимъ правымъ делали великое раззореніе. По большей же части случались и такие, кои во время найму обявлялись ложно чужими имянами із других жителствъ.

94. В Казанской Губернской Канцеляри и в протчихъ присудственныхъ местахъ присудствующие и приказные служители из разнаго пристрастия и злобы яко-бы иноверцовъ научали подавать явочные і исковые челобитны, которые в техъ присудственныхъ местахъ, также и в домехъ имъ составляли, а оные ис принужденія прикладывали руки, к чему — того і самі не знали; отчего многие, бывъ ответчиками, безвинно претерпевали великие убытки и раззорени.

95. Казанской бывшей губернаторъ князь Тенишев в прошломъ 763-м году купилъ в Алаторскомъ уезде у Апалоса Мусина-Пушкина деревню, которую ездил осматривать под именемъ губерни; а какъ оная дорога проселочная, а не болшая проезжая, то для исправления оной немалое число жителей собираемо было. По возвращени жъ ево в Казань, в Губернской Канцеляри, между протчимъ, записанъ им, Тенишевымъ, журналъ, яко-бы на означенной дороге жителствы состоятъ не в болшемъ числе душъ и дворовъ и подводное отправленіе принуждены бываютъ отправлять единственно толко однеми теми своими жителствами, без вспомоществования другихъ, живущихъ около ихъ в близости, обывателей, чрез што в том несутъ жители немалое разорение, а лошади, от далныхъ бес перемены перегоновъ, — изнурение. И тако, дабы впредь все живущие на самыхъ дорогахъ обыватели могли миновать, по притчине частыхъ проездовъ, во взятье подводъ причиняемыхъ имъ обидъ и, противъ другихъ, излишнихъ раззореніевъ, а протчие б, от дороги в сторонахъ живущие блись ихъ, обывателі от невспоможенія имъ не ползовались противъ ихъ выгодами; чего для по оному тракту до урочища Булинского моста учреждены станци, на которыхъ и содержатся по емамъ лошади, и ко онымъ приписаны разные жителства, от оной дороги в стороны верстъ за десять и более. Коим учинены роскладки с народу техъ жителствъ, о чемъ в Адмиралтейскую Кантору промеморіею, а в Свіяжскую и в Синбирскую канцеляри указы посланы. А в самом деле яко-бы о состояни оной деревни сведениевъ и для посылки в нее своихъ людей, отчего стоновилось оное содержание каждая пара лошадей от пяти до дватцети рублевъ з жила, кроме того, что посланной тогда для онаго росписания аѳицеръ во взятокъ себѣ немалое число собралъ.

96. В Казани отставной салдатъ Иванъ, Алексѣевъ сынъ, Бубновъ содержитъ лавку, в коей никакого товару не имеется, кроме однехъ четвериковъ, называемыхъ по тамошнему «пудовки», которые имеются разных сортовъ, то-есть, болшие и малые. Но какъ кому случится у приезжающихъ из уездовъ крестьянъ купить какого хлеба, то необходимо для меры надлежитъ взять от показанного салдата одну или две пудовки; по прозбѣ ж купцовъ дается мера поболше, а по прозбѣ продавцов менше, за что оба принуждены давать деньги, сколко он, Бубновъ, потребуетъ; и с которой стороны болше удоволствуютъ, темъ по требованиямъ ихъ таковые и меры отдавалъ. А когда ни купецъ, ни продавецъ за сие излишнихъ денегъ дать не согласятся, то бралось имъ, Бубновымъ, с воза по пяти копеекъ. В случае же на него, Бубнова, прозбъ, у бывшаго Казанского губѣрнатора, князя Тенишева, никакого удоволствия сыскать было не можно,

ибо со оной лавки имъ, Тенишевымъ, едва ль не получаема была какая аксиденцыя. Каковое содержаніе техъ меръ яко-бы чинилось и в протчихъ оной Казанской губерни правинцыалныхъ и воеводских городах.

97. Мздоимцы у губернаторовъ слугъ, а в канцеляри секретарей и подьячихъ, закупать старались, дабы первые, в случае на него челобитчиковъ, не допуская, с крыльца сталкивали, а з двора палками згоняли; а последние подаваемые прошени, [во] входящей журнал не внося, утаивали; в случае же невозможности, во время докладовъ нужные выражени умалчивалі, а следующие в ползу ихъ неподлежащие изъяснени делали; чрез то удобнее им же, оправдаясь, бывъ в прежнихъ местахъ, наиболее также челобитчиковъ притеснять.

98. По научению яко-бы Губернской Канцеляри, канцелярскими служителями изо взятковъ приведенных по разнымъ деламъ преступниковъ из ыноверцов, кои в силу законовъ подлежатъ пыткамъ, оные, избавляясь сего, обявляли о желани креститца; почему, в силу 743-го году указу по докладу от Правителствующаго Сената 7-го пункта, без всяких выправокъ и отсылались для восприятия того святаго крещенія в Новокрещенскую Кантору. Чрез которые невыправки яко-бы многие, отбывая оныхъ пытокъ и наказаніевъ, крещены были раза по два и по три. Да [sic] что давана была имъ трехлетняя лгота, а подушные за оныхъ деньги накладываны были на оставшихъ в невери.

99. На чьехъ земляхъ случится мертвое тело, которые обявляются техъ дачь обывателями в Губернской Канцеляри, то со оныхъ обывателей брали за подем техъ мертвыхъ телъ, яко-бы в силу указовъ, пошлинъных денегъ за каждое по четыре рубли по двенатцети и три четверти копейки; да, сверхъ того, им же, обявителемъ, стоновились немалые убытки.

100. На имеющихся рекахъ, за перевозъ хотя брать и запрещено, но где оные есть, с проезжающихъ берутъ: с пешихъ — по алтыну, с конныхъ — по пяти копеекъ; а буде одинъ или до пяти человекъ случитца, то с пешихъ — по пяти, а с конныхъ — по десети копеекъ и более, смотря по числу людей и по обстоятелству. Буде же кому дать нечего, то и не перевозили; чего для дожидаются оные, употребляя свои прозбы, дни по два и по три, издерживая от сего излишней на лошадей кормъ, а на себя харчь. Но какъ случитца проезжающей штапъ или оберъ-афицеръ, то чрез помощь ихъ перевозились; а иногда хотя и крестьяны сами, но соберутся числом, более перевощиковъ, уже усиливаясь, переправляютца, за что бывали и драки.

101. Сверхъ того, на казенныхъ перевозахъ, домогаясь ползоватца неподлежащими убытками проезжающихъ, оные перевощики в осеннее время, когда хотя малые зделаются закраины, казенные поромы замораживали и перевозили нарочно для сего случая на изготовленныхъ своехъ; а в вешнее время, хотя б и можно было без всякой опасности ездить, но, от береговъ ледъ откалывая, обявляя, что казенному перевозу еще и время не пришло, а потому брали за оные перевозы по столку, по сколку перевощики, а не проезжающие хотели: с пешихъ — по десети, а с конныхъ — по пятнатцети и по дватцети копеекъ.

102. А какъ во время полой воды и на малыхъ источинах, овражкахъ и речкахъ, ис коихъ в ыныхъ местахъ и мосты имеются, но от великаго множества воды потопляетъ, то, въ чьехъ оные дачахъ состоят, симъ не толко перевозами, но и совершеннымъ грабежемъ от проезжающихъ обывателей ползовались, обявляя в свое оправдание, яко-бы оные перевозы не казенные, чего для и суммы на оное они не получали; и такъ брали, смотря по людем, по столку денегъ, сколко имъ разсудится.

103. В Свияжской правинцы бывшей воевода, которой ныне в Коллеги Экономи прокуроръ, Зыбинъ яко-бы посылывалъ по уезду не определенныхъ к той канцеляри салдатъ и розсыщиковъ, но монастырскихъ служекъ, ясашныхъ крестьянъ, посацких цеховыхъ и протчихъ разночинцовъ, единомышленниковъ своихъ, давая им своеручные инструкцы, яко-бы от канцеляри, кои, ездя, по разнымъ привяскамъ делали в томъ уезде раззорение и обще с нимъ, Зыбинымъ, делились. А хотя же некоторые из уезду жетели [sic] с прозбами в Правинцыалную Канцелярию на оныхъ посылаемых и прихаживали, но оной Зыбинъ всехъ определенныхъ при канцеляри ставливалъ на смотръ; а какъ техъ посланныхъ, по притчине небытия ихъ, не узнавали, то к ним же делалъ вымышленные привяски содержаниемъ тюрмой по немалому времени и наказаніемъ, а чрез то и еще взяткамі ползовался. О чемъ сведая, воеводской товарыщь, князь Енгалычевъ, по многимъ представлениям ис сихъ во многихъ ево, Зыбина, делах протестовалъ, почему в Казанской Губернской Канцеляри и дело производилось, но за подозрениемъ взято в Государьственную Юстицъ-Коллегию, а оттуда в Правительствующи Сенатъ.

104. В Свияжскомъ уезде в некоторыхъ местахъ от онаго жъ Зыбина посылаемы были подъячие по уезду, яко-бы для взятья со всякого жила по одной паре воловъ для машинныхъ судовъ; но какъ у чуваш і черемисъ таковых по мелкости тамошней

скотины не отыскано, да и изыскать не можно, то збиралось за каждую пару по пятнатцети рублевъ и более.

105. От него жъ, Зыбина, яко-бы для помощи тех же машинныхъ судовъ, собираемо было Свияжскаго уезду с новокрещен с каждой души по три копейки.

106. Какъ оной Зыбинъ, такъ яко-бы и протчие воеводы, выбирали знакомыхъ имъ ис крестьянъ в волостные сотники, которые по предприятіям ихъ в собрани неподлежащихъ с народа зборовъ, а в случае прозбъ и следствиевъ, делая разные разглашени, закрывая оные поборы, народъ устращивали; приводя же жителей во утропленность, и от справедливаго показанія удерживать старались. А от того какъ онъ, Зыбинъ, такъ і протчие воеводы, чрез помощь таковых единомышленных сотниковъ, с раззореніемъ народным бес всякой опасности немалые аксиденци получалі.

107. Да, сверхъ того, оные волостные сотники по симъ обстоятелствамъ, бывъ у воеводъ под защищениемъ, также без боязни с народу обирали дньгамі, по две и по три копейки, харчомъ и протчими потребностми, какъ имъ раззудитца: иногда яко-бы на техъ воеводъ, иногда же на разные, выдуманные ими жъ самими, росходы; по коимъ они от народа не щитаются, зная, что, ежели об оныхъ делахъ и воеводы известятся, никакова штрафу учинено имъ не будетъ. Да и просить, по вышеизясненнымъ во многихъ пунктахъ, от утропленности уже не ходятъ.

108. Беспокойные во нравахъ и жадные к грабителству ябедники, кои именуются по тамошнему названию «коштаны», о всякихъ случающихся в деревняхъ пропажахъ, между собою в ссорахъ и дракахъ и подобныхъ сему малостяхъ, приходя к воеводамъ и протчимъ управителемъ, словесно, а не писменно доносилі, почему несогласные ко взяткам и порядочные командиры от сего техъ ябедниковъ воздерживали и, приметя оныхъ, до себя не допускали; склонные же к мздоимству, имея оныхъ всегда подъ своимъ защищениемъ, чиня словесные жъ посылки, техъ жителей забирая чрез разные привяски, интересовались.

109. Означенные же коштаны, не стараясь о удобривани пашенной земли, о зборе хлеба, о содержани пчѣлъ, лошадеіі и скота, и о протчихъ, потребных для ихъ, надобностяхъ, продолжая жизнь свою во всегдашнихъ ябедахъ, желая темъ сами разбогащатся, а жадныхъ и к мздоимству воеводъ и командировъ своихъ потому жъ насыщать, по злобе научали женъ своихъ под образомъ беснованія, делая во всемъ корпусе великие дви-

жени, разными голосами, крыча имена техъ, на кого ихъ злоба, выговаривать: бутто б в квасу, в вине, в меду, в пиве и в браге вышить порчу дали. Почему за сими неповинными делались посылки, которые еще во время взятья в домехъ ихъ обирали власно, какъ бы уже совсемъ у изобличенного. И, по привозе в города, от такихъ мздоимцовъ содержались в тюрмахъ и устращиваны пытками бывали, которые, хотя ничего не зная, но не имея никакой помощи, избавъляя себя, несносные раззорени претерпевали; естли же сіе случалось у беспристрастныхъ судей и воеводъ, то, не делая ни малейшихъ привязокъ, зная сихъ просителей притворность, секали, а ответчиковъ — неповинность, тогда ж отпускали.

110. Воеводы, а особливо приписные подьячие, губернских какъ секретарей, такъ и канцелярскихъ служителей задаривали, дабы, в случае от народа на них прошениевъ, закрываемы были, почему таковые и входящие журналы не вносили, а после объявлялі, яко-бы оныхъ и в подаче не было. Имея же усилные от челобитчиковъ прозбы, чрез сторожей и солдатъ со всякою строгостию не толко командеровъ просить, но и на крыльце быть не допускали. Естли же того учинить случитца не можно, то во оныхъ делахъ ко оправданию ихъ, а просителямъ ко обвинению, такие в протоколахъ изъяснени писалі, какихъ и в приказанияхъ судейскихъ не было.

111. Некоторые же воеводы яко-бы наряжали своихъ слугъ в салдатские мундиры и посылали ихъ по уездамъ, давали имъ не от канцеляріевъ, но такие же своеручные выдуманные инструкціи, кои, ездя, также чинили с народу поборы.

112. А хотя на таковыхъ воеводъ и защитителей в неподлежащихъ поборах и от того в народных раззорениях челобитны подаваемы были, но, імея при себе какъ ис крестьянъ, такъ і из новокрещен ябедниковъ, кои по вышеозначенному жъ обыкновенію называются «коштаны» и в раззорени, в бытность ихъ при техъ местахъ, главные имъ были помощники, подписывали одобрителные ѳалшивые челобитны, яко-бы от народа, что они теми воеводами и защитителями доволны, и въ бытность ихъ обидъ и налогъ никакихъ не произходило; а некоторые писали, чтобъ имъ при тех должностяхъ быть по прежнему. О коихъ таковых челобитнахъ народъ не толко к подписке согласенъ, но и вовсе об оныхъ не знаютъ.

113. А по случившемуся делу между Кузмодемьянскимъ воеводою Бахметевымъ и главнымъ защитителем, надворнымъ советникомъ Соколниковымъ, яко-бы также учинено, что по

подкупке ево, Соколникова, и обнадеживани ихъ некоторыми уваженіямі от оныхъ ябедниковъ и в Правителствующи Сенатъ от таковыхъ подана, чрез что, избавясь, онъ, Соколниковъ, от следствия без всякаго штрафа, и к находившейся ныне должности определенъ.

114. Естли же случится воевода, исправляющей свою должность порядочно, и таковыхъ вымышленныхъ привязокъ и неподлежащихъ поборовъ, кроме указныхъ, не делалъ, то и оные коштаны оставались без всякого имъ разбогащенія; почему, согласясь, такие же неправилные челобитны, яко-бы от народа, сами собой сочиняя, подавали и темъ безвинно техъ воеводъ в нарекание, а иногда и под следствие подвергали.

115. В Казанской губерни во всехъ правинцыяхъ розданы пилы, в томъ числе и в такихъ местах, где никакого, кроме заповеднаго, нетъ, и пилить нечего; по непривычкам же ихъ, и не умеют. Но во время оной роздачи брали за каждую пилу по два рубли; а после того всякой годъ ездили салдаты, бутто бы осматривать, и во оном пиловани брали скаски, в годъ по два раза, за что збирали во всякой приездъ по копейке з души.

116. На машинныхъ судахъ у наемныхъ работниковъ определенные командиры из договорной цены делали великие вычеты, принуждая росписыватца в книгахъ в получени полного числа. А какъ онымъ работникомъ не только для исправления ихъ нуждъ, но и на пищу уже доставать не можетъ, то, во время сплаву судовъ, за чинимые от нихъ обывателямъ обиды, воровство и самоволные взятки, хотя и видев оное все, никакого строгаго смотренія не имелі и штрафовъ не чинили.

117. Пришед же во изнеможеніе, оные государьственные крестьяня наимывались в работу на медных, железныхъ и протчихъ партикулярныхъ, а не казенныхъ заводахъ, также весма за малую цену, не более по пяти рублевъ в годъ; у коихъ определенные прикащики ис той договорной суммы наглостию своею почти по половине удерживали, а иногда и вовсе не платили, принуждая в книгахъ росписыватца в полной сумме.

118. Да, сверхъ того, на оныхъ заводахъ содержутся лавки, в которыхъ продаются лапти, онучи, каѳтаны и рубахи, также потребное для пищи всякой харчь; на коихъ учреждено, что, по чему бъ то в продаже ни было, оные работные, за непозволениемъ в другихъ местахъ покупать, принуждены вдвое или втрое платить или в щет вносить. А от того не толко выработ-

тать для платежа подушныхъ денегъ і исправить протчие свои домашние нужды, но, приумножая ежедневно на себя долгу, вечно в работе оставались.

119. Кои же, видевъ такие себѣ несносные усиловани и заоные харчевые припасы во учреждени чрезвычайной дороговизни и к платежу себя незаплатного долгу подвержение, разбегивались в довы [sic] свои. Тогда со оныхъ заводовъ по темъ уездом посылаемые прикащики и поверенные, прося в техъ канцеляриях, забирали яко-бы для заработывания техъ долговъ; кои, не имея никакого защищенія, бывъ во отчаяни, оставъляя свои домы, живутъ вечно. А во время ихъ сысковъ и посылокъ, какъ от техъ посланныхъ, такъ и от самихъ присудствующихъ, не толко имъ, но и оставшимъ техъ жителствъ по привяскамъ чинились немалые убытки і раззорени.

120. В силу состоявшагося указа велено, чтобъ всего государства из губерней, провинцей и ис приписных городовъ ис канцелярей прислать в Академию какъ о каменномъ в техъ городехъ строени, и сколко давно строено, какие в тех городехъ, и в уездехъ реки, и в нихъ ловится рыба, также в лесахъ и в поляхъ звери, и о протчемъ, принадлежащемъ для географическаго сочинения, обстоятелные ведомости. Чего для в Казанской губѣрни посыланы были по уездомъ из Губернской, правиндыальных и воеводскихъ канцелярей приказные служителі и салдаты для взятья о вышеписанном со обывателей сказокъ, которые нимало не следуютъ. Но, вместо того, яко-бы притомъ делая разные привяски, устращивая народъ, для чего они в своих дачахъ находящихся змей, ужей, ящерицъ, мышей и протчую, тому подобную, гадину не бьютъ, и ис-под того устрастия брали денги, рублевъ по пяти, по десети и более, смотря по жителству.

121. Казанской губерни в Пермской и в протчихъ той правинцы приписныхъ городехъ воеводы яко-бы во время праздниковъ Рожества Христова и Святыя Пасхи езжали з женами и з детми по уезду для славленья и збирали с каждого двора по десети копеекъ и болше. А хотя иные уже и не ездили, но такъ сие введено во обычай, что сию за славленья сумму, собирая с народу, к воеводамъ привозили.

122. Иногда взысканные штрафные денги за порубку лесовъ, за прописныхъ по ревизи крестьянъ и за протчее преступленіе яко-бы канцелярские служителі, принявъ, в приходные книги не вписывали; кои, лишась немалого убытка, вторично к платежу принуждаемы бывали; а чрез то яко-бы безгласные люди

до основания раззорялись. В случае жъ прозбъ не только удовольствия не получали, но еще тех же содержаниемъ в тюрмахъ, сечением плетми и кнутомъ наказывали и от прозбъ ихъ под образомъ неспокойных и несправедливыхъ челобитчиковъ чрез такие выдумки удерживали.

123. Оные жъ канцелярские служители, на кого накладываны были за какое преступление штрафные деньги, ис получения себѣ аксиденци, дела ихъ скрывая, по должности своей присудствующимъ не докладывали. К праздничным же, яко-то: к Рождеству и Воскресению Христову, к Троице и к Петрову днямъ, в те места посылали от себя нарочных и требовали деньгами, баранами, свиными тушами, медомъ и протчею живностию; кои по утропленности и по незнанию своему, надеясь избавится того штрафа, по требованіямъ ихъ и отсылали.

124. За прописных в минувшую вторую ревизию велено какъ штрафные деньги, такъ на платежъ подушного окладу недоимку, в силу указного повеления, взыскивать. Которая якобы столь строго взыскуема была, что, не принимая во изнеможени ихъ никакого оправдания, чрез малое время и доправлена, отчего принуждены были лошадей и скотъ, хлебъ и, не оставляя у себя ни малого скарбу, за самую дешевую цену продавать; некоторые же, по неимуществу ихъ к платежу, бывъ по долгому времени в тюрмахъ, умирали. И хотя оная недоимка и взыскана, но с немалымъ народнымъ раззорением.

125. Бывшие у сыску воровъ и разбойниковъ командиры, яко-бы ездя по жителствамъ, разведая пожиточныхъ и лутчихъ обывателей, посылали своихъ подкомандующихъ к нимъ в домы для осигнованія к содержанию колодниковъ, которые, приходя в те домы, около оконъ и по стенамъ вертели большими буравами, также для делания наръ стены рубилі; что видевши, оные хозяева и, зная манеръ сихъ привязокъ, по возможности своей к темъ сыщиком ходили под образомъ поклона с подарками, почему, оныхъ оставляя, от одного к другому переходили до техъ, коимъ уже дать нечего, к тому жъ и неминуемо где имъ квартиру иметь надлежитъ.

126. Оные жъ сыщики, какъ сами, такъ и команды их служители, получая жалованье, во время своих разъездовъ по жителствамъ для себя правизию, а на лошадей сено и овесъ получали от обывателей безденежно, также и подводы брали бес платежа прогонныхъ денегъ.

127. Естли же когда теми сыщиками пойманы былі разбойники з грабленьими, а воры с краденьими пожитками, то-бъ, сколко оного ни было, не отдавая хозяевамъ, разбирая, делили по себе.

128. Когда винныхъ секутъ на плошади [sic] кнутомъ, тогда палачи, выходя заранее часа за три, и для деръжания того винного ловили под козелъ бывшихъ в то время крестьянъ, татаръ и чувашъ и протчихъ, самыхъ лутчихъ людей, примечая по новизне платья; которые принуждены давать темъ палачамъ денегъ, копеекъ по дватцети и по тритцети и более, отчего в те дни собирали рублевъ по пяти.

129. Драгунские полки, стоя по квартирам, особливое раззореніе жителям приключали, и всякой драгун желалъ время свое продолжать на коште хозяйскомъ, дабы получаемое жалованье у нихъ оставались во излишестве. Сіе уже такъ во обычай введено, что ежели и командиромъ ихъ доходила прозьба, то никакого удовольствия не получали: власно, как-бы сие указами учреждено. А ежели хозяинъ на своемъ коште содержать не станетъ, то разными выдуманными к нему привясками до совершеннаго раззоренія приводили.

130. Тех же драгунскихъ полковъ на лошадей сена хотя и велено покупками довольствоватца, чего для и камисары определены, но, вместо того, согласясь с ротными афицерами, не к помощи сихъ жителей, но к раззорению и лишнему отягощенію бывали. А сено натурою, немалой величины возъ не более, какъ за два и за три пуда, а из милости за четыре, — принималось, коимъ оне собственныхъ своихъ лошадей бес покупки всегда целой годъ содержали. Отчего жители, хотя где и имели излишнее число за потребнымъ для себя росхода сена и овса, онаго не продавая имъ, таясь, отвозятъ в другие места, а чрез то полковымъ лошедямъ иногда случается не без недостатку; чего для, ловя таковыхъ, били и, оной отнимая, давали денегъ по столку, по скольку имъ разсудится. А естли-бы таковыхъ обидъ не было, то бы обыватели и сами желали, чтоб драгунскіе полки у нихъ квартиры имели, дабы без далной воски и без всякаго страха в домехъ своихъ продавать могли. Но, какъ вышеозначенные поступки уже имъ известны, то, когда бываетъ для техъ драгунскихъ полковъ асигнацыя квартирамъ, тогда те обыватели принуждены посланнымъ от техъ полковъ афицеромъ давать деньги, сколко те афицеры потребовали; а от того не толко убытки, но и крайнее раззорение сносить принуждены.

131. Кои же приходили в такую нищету, что и домамі уже жить не в состояни, отчего они принуждены итти во отда-

ленные места в работу, тогда за даваемые имъ, какъ из губѣрнскихъ, правинцыальных и воеводскихъ канцеляриевъ, такъ и изъ Адмиралтейской Канторы, печатные пашпорты брали определенные к подушному збору афицеры и приказные служители, с каждого от тритцети до осмидесят копеекъ. А, в разсуждени дешевизны работников, бутто бы выработывали оные и в годъ не более от трех до четырехъ рублевъ.

О Казанской Адмиралтейской Канторе и той канторы подкомандующихъ.

132. Казанской Адмиралтейской Канторы присудствующими и ее подкомандующими изо взятковъ целыми сотнями от лашманной работы о[т]ставлялись. А чрез то беднымъ доставалось: весма часто и по многому времени в работе бывали, отчего оные бѣдные, вошедъ во изнеможение, до основанія раззорялись.

133. Для оных же работъ от Казанской Адмиралтейской Канторы, кроме уволненныхъ оныхъ целых сотен, какъ и выше сего въ 132-м пункте изяснено, распределялись ис пристрастия жъ, обходя богатыхъ, кои во оной работе ни сами не бывали, ни наемщиковъ не посылали. А, между тем, и, более усиливаясь, онымъ беднымъ делали притеснение.

134. Ими же, присудствующими, ис того ж пристрастія определялись в работу, мимо ближнихъ заготовлениевъ, в далные места, отчего: 1-е. в проезде время напрасно происходило; 2-е, оные дни в работу не зачитались; 3-е, от столь далного проезда лошади обессиливали; а когда ко определеннымъ местам доходили, тогда за худобою и вовсе негодными являлись, чего для, оставя свою лошедь, принуждены наймовать; 4-е, естли какая нужда случитца в домехъ ихъ, то за дальностию посылать не способно. Чего для за сие принуждены платить деньги, дабы каждаго определяли по близости къ ихъ жителствамъ.

135. Во время оной работы, ежели являлись один другому на смену, то брали камисары и плотники поклонпаго: с конных—от трехъ и до пяти копеекъ, да для имеющихся при нихъ собственныхъ лошадей овса, по сколку разсудитца; с пешихъ — по две и по три копейки с каждого человека.

136. Да, во время оной же явки, определенные при камисарахъ писари от записки имя брали с каждого человека по копейке.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

137. Естли случалось, что заготовность произходила не в одномъ месте под смотрением одного камисара, то оные работныхъ людей командировали от жителствъ ихъ в далные места; а которые живут блись той пристани, техъ оставляли. А какъ копеекъ по пяти с каждого человека оберут, то к тем работамъ и распределяли по прозбамъ их, кому где способно.

138. Когда в воскресные дни давали от работы свободу, то брали, где имеются, те жъ камисары, а, за неимениемъ камисаровъ, плотники: с конного — по пяти, с пешаго — по две и по три копейки.

139. Во время бытности в работе при заготовности карабѣлныхъ лесовъ, когда бываютъ конные, то камисары, делая прицепки, осматривали лошадей еженедельно и брали с каждой лошади по десети копеекъ и болше; а естли кто толикаго числа по неимуществу дать не в состояни, то, хотя бъ годные и здоровые лошади были, но онымъ, яко-бы за негодностию, в работе быть не позволяли.

140. Во время оныхъ работъ те жъ определенные смотрители, яко-то: плотники, салдаты и будилщики, потому жъ делали привяски и брали с каждой лошадi чрез день и чрез два по копейке и по две. Буде же по неимуществу кому дать нечего, то, 1-е, такие тягости накладывали на десеть лошадей, что дватцеть с нуждою вести могутъ, отчего оные и вовсе лишались своихъ лошадей.

141. Когда за неудостоинствомъ от камисаров лошадей и от недачи отдыховъ, а от определенныхъ плотников по нападкамъ, а потому и от весма тяжелыхъ запряжекъ, в корень обессіливпись, совсемъ пропадали, то оные принуждены наимывать і платятъ в самое зимнее время по пятнатцети, а в вешнее по дватцети по пяти копеекъ на день, отчего оные уже совершенно нищими в домы свои возвращались.

142. Оные жъ плотники, во время техъ работъ, с пеших с каждого человека брали по копейки и по две на неделю; а кто дать не в состояни, то рубили у техъ татаръ топоры, топоръ об топоръ; но какъ на оныхъ зделаются язвины, то обявляли, яко-бы не годны.

143. Во время отпусковъ с работы, при даче за заработные дни квитанцей, определенные камисары и при них писари брали

в каждой месяцъ по копейке и по две с человека; а когда отдавали те квитанди по окончани всей работы, то брали по десети копеекъ.

144. Посланные от Казанской Адмиралтейской Канторы плотники и облащики для обыску дубовыхъ лесов, которые требовали от блись живущих крестьянъ денегъ, устращивая ихъ написаниемъ годного лесу; почему, зная, что во время заготовления имъ происходить можетъ немалые убытки, то давали имъ с каждого жила рубли по два и по три.

145. А когда при томъ обыске усмотрят в жительстве хотя малое, что зделанное из валежнаго и негоднаго дубу, то делали потому ж придепки и устращивали следствиями, и брали денегъ также рубли по три и по четыре.

146. Где бывали станди или заготовленіе карабѣлных лесовъ, посланные от Казанской Адмиралтейской Канторы карабѣлные подмастерьи и ученики, плотники и пилщики в техъ жителствахъ всегда з женами и з детми, и с собственными своімі лошедми находились, которые также чрез разные выдуманные привяски во всю бытность на обывателском содержани доволствовались.

147. Оные ж карабѣлные подмастерьи и ученики, во время распутия, ис Казанской Адмиралтейской Канторы о роспуске бывшихъ при той заготовности конных и пешихъ работниковъ получа указы, утаивая, обявляли, что оным [sic] повелено откомандировать на другие далные пристани; которые, стараясь от сего избавитца, давали им копеекъ по десети, по дватцети и более з души; которые, обобравъ, в силу полученных к ним указовъ, распускали.

148. С приписныхъ к Адмиралтейству иноверцовъ от Казанской Адмиралтейской Канторы посылаемы были для понуждения платежа подушных денегъ не определенные в адмиралтейскую роту салдаты, но разные служители Казанского Адмиралтейства, яко-то: лекарские и кожевенные ученики, и квартермейстеры, и протчие; ездя по темъ татарским деревнямъ, брали себе во взятокъ по копейке з души в треть года.

149. Дубовые рощи, состоящие в пяти уездахъ, яко-то: в Свияжском, Цывилском, Кокшайскомъ, Чебоксарском и Кузмодемьянскомъ, какъ подчискою дубковъ, такъ и вырубкою кустарнику, производились толко в техъ местахъ, где есть по близости жителства, дабы, какъ сами оорштмейстеры, такъ и определенные к той подчиске их ученики и работники съестными припасами

*

и собственнымъ своимъ лошедям сеномъ и овсом тех жителствъ от обывателей доволствовались бес платежа за то денегъ, что и по учиненнымъ планом, в каком те жителства от рощь разстояни, доволно доказываетъ.

150. Хотя сеенныхъ желудковъ, кроме пяти с половиною четвертей, никогда не бывало, а потому в нихъ и надобности недоставало; однако, между протчими и сіи привяски блись дубовыхъ рощь и лесов жителям делались, что свиней и поросятъ для бѣрежения оных выпускать не позволяли; естли же оные попадались, бивали не толко для своего употребления, но и в продажу.

151. Находящияся для бѣрежения подчищеныхъ дубовыхъ рощь и назначенных к подчиске впредь, в число ста милионовъ, дубовыхъ лесахъ ис престарелых разныхъ чиновъ служители, получая определенное імъ жалованье, живучи в ближнихъ к темъ рощам и лесамъ деревняхъ, кои не толко смотрения за оными не имели, но еще сами из ынтересовъ яко-бы рубить позволяли. А естли они от кого чемъ удоволствованы не будутъ, то ис того ж пристрастия, делая привяски к жителемъ, и бѣзвинно обирали.

О проезжающихъ командахъ.

152. Посланные ис канцелярей і из другихъ командъ военные служители, при коих и оберъ-афицеры находились, з денежною казною и по протчим каким делам, то брали подводы и харчевые припасы без всякого платежа денегъ и, хотя тем проезжающим служителямъ никакова дела до обывателей не касалось, но обявитъ какую-нибудь не по делу записку, и устрашивали ихъ по разным деламъ следствіями; почему обыватели по утопленности ихъ, к тому жъ и за неименіемъ умеющихъ писать, давали имъ денегъ по многому числу. А паче то чинилось в новокрещеныхъ, чуваских и черемиских, жителствахъ.

153. Идущие вверхъ и внисъ Волгою рекою с медью, з дубомъ, со аммуничными вещами, с колодникамі и протчие казенные суда,—на которыхъ определенные командиры, не обявя о чинахъ и о именахъ своихъ, от жителствъ требовали великое число, яко-бы для помощи, в работу людей бес платежа за то денегъ. Естли же где обывателей в работное время в домех не получатъ, то, собравъ с техъ, кто над теми жителствами смотрение імеетъ, яко-то: со старост и выборныхъ, с каждой деревни по четыре и по пяти рублевъ и более, смотря по жилу,

проезжали мимо; а, между темъ, у сихъ бедныхъ жителей по клетям іменіе ихъ разберутъ. Итакъ, от казенныхъ судовъ, кои о бытіи ихъ прежде известятся, тогда сіи жители все свое имение, сколко силы и разума ихъ достаетъ, прятали; сами же разбегивались, власно как-бы от раззорения настоящих разбойниковъ. Естли же где потребуютъ инструкциев или указовъ, почему они таковые требовани имели, то били бѣз всякого милосердия.

154. Идущие команды с колодниками сухим путем и, в которыхъ деревняхъ необходимо надобно обедать или начевать, жили дни по два и по три; раставленое же число на квартиры колодники съ ихъ караулными требовали от хозяевъ хорошей пищи и протчаго, в чемъ имъ надобность есть. Буде же жители по бѣдности своей за неимением требуемаго имъ не дадутъ, то во отмщение сыскивали способы сего бѣднаго хозяина совсем разорить и все оставшее в доме, яко-то: посуду і протчее, перебьютъ и переломают; по прозбам же от командировъ ихъ никакого удоволствия не получали, власно как-бы то такъ и делать должно. Командиром же их, где дадут денегъ болше, в тех местахъ жили мало; а чемъ менше удоволствуют, темъ болше жили и раззорение причиняли.

155. Свер[х] же того, когда колодниковъ сто человекъ, то требовали проводниковъ всегда вдвое; а какъ за то командиру еще требуемое им число денегъ дадут, то брали самое малое число, человекъ дватцать і менше, а иногда и ни одного.

156. Имея же своихъ лошадей, водили в заводу, а вместо оныхъ брали подводы по немалому числу; и какъ за то прогонов, и за содержание своихъ лошадей овса и сена, такъ и для себя за харчь, денегъ никогда не платили.

157. Где же имъ обедать и начевать быть и нѣ следовало, то посылали впередъ яко-бы квартиры занимать и требовать великаго числа проводниковъ; чего для, сведая о быти таковыхъ командъ и не дождавшись ихъ, в техъ жителствах заранее збирали по возможности своей ко оным командиромъ на поклонъ, кои, бывши удоволствованы, проходили мимо.

158. Протчие же и такие бывали, что для сих вымышленыхъ поборовъ и раззорениевъ езділи не по болшимъ дорогамъ, но по проселочнымъ, верстъ по десети и более сторонами.

159. Оных же командъ ундеръ-афицеры и капралы, естли, за ветхостию своехъ, в зимнее время — в саняхъ, а в летнее — телегахъ случалась надобность, то, выбирая самые лутчие, отни-

мали у подводчиковъ, не давая имъ за то никакой платы; просителем же о том командиры обявляли, что яко-бы сие до нихъ не принадлежитъ, а положено на оныхъ ундеръ-офицеровъ, кои, вместо возвращения, их же били бѣз милости.

160. Оные проезжающие команды, между протчимі своими ухищренными привясками, делали иногда и то, что, снимая находившихся у обозов ихъ чесовыхъ, для ночнаго времени требовали от жителствъ крестьянъ, а по утрам, во время осматривания оныхъ по возамъ, пропажею клепали: денгами, шапками, рукавицамі, шубамі і кафтанами, и в протчемъ, в чемъ кому нужда бывала, за что устращивали везением в городы, пыткою и содержаниемъ в тюрмахъ; кои, бывъ в совершенной утропленности, неповинно с раззореніемъ платили. Сие также более в чувасских и черемискихъ жителствах случалось.

О валтмейстерахъ.

161. Определенные же для смотрения дубовых лесов валтмейстеры, обезжая в годъ раза по два и по три в своей дистанци все жителства, протчие же только по станцыям (то-есть, где определенные сотники жителство имеютъ), не бывъ в лесах, не имея никакого смотрения по своей должности, а толко собравъ с написанного по ревизи числа душъ по пяти и по шести копеекъ, обявляя, чтоб они берегли себя и іхъ, проезжали мимо. Да и свидетельствовать лесовъ не можно, ибо оные иногда проезжали в зимнее время. А чтоб дубовых лѣсов не рубили, и о том какое-либо строгое запрещение было, того в некоторыхъ местах и поныне ничего не знают.

162. Прежние, а не нынешние валтмейстеры, и то делывали, что важивали с собою дубовые отрубки и щепы и, бутто зная где богатого жителя, перебъросивъ чрез заборъ, делали тому хозяину жесточайшие раззорени, яко-бы онъ дуб срубилъ, и устращивая ево везением в городъ и тамъ пыткою, и протчим истязаниемъ. Но бѣдной сей житель, хотя и совершенно знаетъ, что онъ правъ, однако, видевъ такие устращивани и притесненi и опасаясь совершенного раззорения, оным валтмейстеромъ отдавали все, что они ни потребовали, яко-то: денегъ немалои суммы, лошадей, скота и протчего.

163. Естли требовали валтмейстеры с какова жительства для своей надобности денегъ и протчаго, а они, или по неимуществу, или сочтя сие за излишнее, не дали, тогда посылали

в Казанскую Адмиралтейскую Кантору и в Губернскую Канцелярию ложные репорты, яко-бы имъ усмотрено порубка дубоваго лесу; и такъ напишетъ, сколко ему вздумается, деревьевъ: десеть, дватцать и более, желая оныхъ привести неповинному штрафу і истязанию. А хотя и посылаются для оныхъ пней следователи, которые также за подарки, хотя б и рублены были, пней не осмотривъ и не описавъ, возъвратясь к командамъ, в неимени порубки репортовали. Валтмейстеры же за неправилные репорты не штрафуются. Итакъ, сей народъ, будучи утроплен, принуждены давать валтмейстером все, что они ни потребовали.

164. Естли же и по справедливости от валтмейстеровъ в порубке дубоваго лесу представлено, то означенные следователи, хотя по следствию окажется в порубке сто деревъ, но оные изо взятков в своихъ доношенияхъ, уменшая, писали десятую или менее часть.

165. Валтмейстеры, не бывая в лесахъ, а ездя только по станцыямъ, где жителство имеют лесные сотники, которые, чрез выборных збирая с числа душ, написанных по ревизи, денги, отдавали; почему те валтмейстеры и в сотники выбирали согласныхъ себѣ, кои во оныхъ неподлежащихъ поборахъ имъ главные помощники.

166. Обыкновенно валтмейстеры брали с написанных по ревизи числа душъ денги от одной до семи копеек, не имея никакова смотрения за лесами; а, естли по случаю и усматривали где порубку, то, делая привяски, брали по дватцети и более копеекъ з души себѣ во взятокъ; получа же сие, и репортов, куда подлежитъ, не подавали.

167. Все оные валтмейстеры, собравъ запасовъ великое множество, і ихъ немалые экипажи ездили на обывателскихъ подводахъ, бес платежа за то денегъ.

168. Сверх же вышеписанного всего, в Казанской губѣрни государственные крестьяня к жатве збираютъ помочь, чего для за несколко времени приуготовляют браги, пива, а, кто можетъ, и меды весма пьяные. А какъ подлежащее время к жатве и ко убиранию хлеба придетъ, то оные в поля вывозят. К чему склонные къ пьянству, приходя в те места, и под образом жатвы более пьянствуютъ, нежели хозяину делают в томъ ползу; выпив же все бѣз остатку, не исправя потребной работы, переходятъ от одного к другому во всяком бѣзобрази, где, на всякие непотребные и воровские дела согласясь, после самым деломъ исполняютъ. Итакъ, самое нужное время препровождая вь пьянстве, с хлебами убиратся не поспеваютъ, отчего у многихъ болшая

половина, оставаясь в полях под снегомъ, пропадает. Кои, по неимению не только для продажи на разные ему надобности, но и для содержания каждой своей семьи, претерпевают крайней недостатокъ.

Итакъ, лехко можетъ зделатца, что и, кроме вышеизясненных разныхъ родов к нимъ привязокъ, от сего пьянства будучи в слабом состояни, в домашних работахъ упущая время, в совершенную бедность притти лехко можно.

(П. А., кн. VIII, лл. 685 — 714.)

№ 2.[1]

Сиятелнейшему графу, высокородному и высокопревосходителному господину генералу-аншефу, сенатору и разныхъ ординовъ ковалеру, графу Петру Ивановичу Панину от Ниже-Ламовскаго воеводы секундъ-майора Похвиснева

Доношение.

Самоизволная моя отлучка из города заслуживаитъ вашего высокографскаго сиятелства гневу, в чемъ я и подвергаю себя высокомонаршимъ стопамъ всемилостивѣйшей нашей государыне и милосердому вашего высокографскаго сиятельства в нижеследующемъ разсмотрению.

1. Прошлаго 772 году, сентября противъ 24 числа, ночью здешней канцеляри подьячия — регистраторы: Федоръ Усачовъ, Матвей Протопоповъ, канцеляристъ Андрей Протопопов, подканцеляристы: Василей Усачовъ, Иванъ Кривозерьевъ, собравшись нарядным деломъ и приступя к городавой стене, в городъ стреляли из ружей, а меня ругали скверными словами и хвалились изрезать. О чемъ от меня в тогдашнея жъ время бывшему господину губернатору Маслову с прашениемъ защищения донесено. Но токмо оныя до нынешняго году в томъ не исследованы, и я никакова удоволствия не имел.

А сего году, в феврале месяце, по прозбе моей у его высокопревосходителства, господина генералъ-порутчика, ковалера и Воронежской губерни губернатора, Шетнева, велено было определенному для того Воронежскаго баталиона майору Ерапкину исследовать, коихъ онъ, Ерапкинъ, исследовал. А какъ уже они, подьячия, в томъ многими людми доказаны, и, признавъ свою винность, в минувшемъ июле месяце бежали, о чемъ от него, Ерапкина, со изъяснениемъ всехъ, Федора Усачова с товарыщи,

[1] *Перед текстом:* «Подано 12 сентября 1774 в Нижнемъ Ломовѣ».

поступках представлено к ыменованному господину губернатору Шетневу.

Какъ же об оныхъ подьячих имелись слухи, что бутто находютца в злодейской Пугачовой парти, в такомъ случи, по нападению на здешней городъ, представлялось мне быть первым того тирана наимучительнейшею жертвою.

2. Воеводской товарыщь, титулярной советникъ Овсяниковъ, за представление от меня в непорядочных ево поступках к главной команде, имелъ на меня всегдашнею злобу, искалъ случая, чтобъ меня, жену и детей моихъ уязвить. И для того, находясь въ пьянстве, и имелъ с подьячими, кои на меня злобствуютъ, всегдашния компани.

3. Минувшаго жъ июля зъ 24 по 29-е число, по получени ис Пензенской Правинцыальной Канъцеляри ея і. в. указомъ, что злодей и варваръ Пугачовъ с варавскою своею талпою, в числе дву тысячь пяти сотъ человекъ, приближаится ко оному городу Пензе, чего ради к защищению здешняго города мною всевозможныя учреждени зделаны; и, чтобъ дворянской предводитель со всеми дворяны прибылъ в городъ, к нему сообщено было. А, накопецъ, за неимением военныхъ людей, ко обороне города велено быть уезднымъ однадворцамъ с ыменющимся у нихъ оружиемъ, до четырех сот человекъ. Но как предводитель з дворяны, такъ и однадворцы ни одново человека не бывали и учинились противны.

И того ж июля 29 числа, (пополудни) пополудни въ 5-м часу, градкихъ слабодъ соцкия и однадворцы, какъ видно, узнавъ, что города Наровчата воевода обывателми скованъ и содержитца под карауломъ, собрався человекъ до ста, и шли в городъ, коих я в крепость пущать не велелъ, а вышелъ к нимъ самъ; где оне с великою противу меня неучтивостию от защищения города отказались. А напротиву того, естьли бы в то самое время не приехали ко мне города Верхнего Ламова воевода Струковъ, товарыщь Нетецкой и маиоръ Щепотевъ, то б неотменно и я от нихъ, однадворцовъ, былъ содержанъ под карауломъ. Что видя, я, ихъ — однадворцов ко мне злодейския поступки, принужденъ с ними, верхоламовскими воеводою, товарыщемъ и майоромъ Щепотевымъ, съехать в городъ Верхней Ламовъ.

А, по прибыти туда, и узнавъ от обявленнаго товарыща Нетецкова, что уже злодейская Пугачова партия вступила в здешней городъ, почему я, будучи уже во отчаяни жизни моей, отправился в города Танбовъ и Воронежъ к донесению о всемъ вышеписанномъ его высокопревосходительству, господину генерал-порутчику, ковалеру и Воронежской губерни губернатору, Шетневу.

И о семъ вашему высокографскому сиятельству, всенижайши допеся и подвергая себя стопамъ вашего высокографскаго сия-

тельства, прошу милосердаго отеческаго помилования, а с посланнаго к бывшему господину губернатору Маслову допошения при семъ копию подношу.

Данила Похвиснев̈ъ.

Сентября 11 дня 1774 году.
(П. А., кн. VI, лл. 219 — 221.)

№ 3.[1]

Указъ

ея и. в. с. в. изъ Правительствующаго Сената генералъ-аншефу и разныхъ орденовъ ковалеру, графу Петру Ивановичу Панину.

По указу ея и. в. Правительствующій Сенатъ, слушавъ репортъ Юстицъ-Коллегіи, коимъ на посланной изъ Сената в ту Коллегію въ 1764-м году указъ, в которомъ обьявлѣна высочайшая ея и. в. конфирмація о изслѣдованіи въ учиненных бывшимъ Спаса Новаго монастыря, а потомъ состоящаго въ вѣдомствѣ Коллегіи Экономіи слугою и Малыковскихъ желѣзных ручныхъ горновъ заводчиком Иваномъ Сребраковымъ продерзостяхъ и непорядкахъ — въ разглашеніи о поселѣніи по рекамъ Болшому и Малому Иргисамъ разнаго званія бѣглыхъ людей, изъясняла, что оное следствіе продолжалось за неприсылкою изъ разныхъ губернѣй и присудственных мѣстъ подлѣжащихъ по запиратѣльству ево, Сребракова, и по ссылкѣ къ тому слѣдствію справокъ, о присылкѣ которыхъ неоднократными указами изъ Коллегіи подтверждаемо и къ губернаторамъ о понужденіи сообщаемо было.

А, мѣжду тѣмъ, въ 766-м году апреля 11 дня онъ, Сребраков, изъ-под караула той Коллѣгіи бежалъ, которой и сыскивался; и въ 769-м году, по поимкѣ, из Дворцовой Канторы въ Коллегію присланъ. А 770 года ноября 4-го дня, по рапорту Розыскной Експедиціи, по опредѣленію Коллегіи, велѣно онаго Сребракова за болѣзнію для особорованія масломъ на надежныя поруки изъ-под караула свободить с темъ, что, когда онъ получитъ свободу, то поручитѣлямъ представить ево немѣдлѣнно. Но какъ поручитѣли долговремянно ево не представляли, и по справкѣ оказалось, что и сами изъ Москвы съехали, то, по определѣнію жъ Коллегіи, тѣ поручитѣли для представлѣнія, такожъ и онъ Сребраковъ, сыскивались, и, куда надлѣжало, о сыску и о поимкѣ ево Сребракова, было писано.

А сего 774 году Розыскная Експедиція и Сибирская Провинціалная Канцелярія в присланныхъ рапортахъ обьявили, что

[1] *Перед текстом:* «№ 43. Полученъ 2 декабря». *На поле слева:* «№ 733». *На поле внизу:* «5-го департамента».

на посланныя отъ оных указы Синбирской провинціи отъ экономическаго казначея, порутчика Тишина об немъ, Сребраковѣ, знать дано, что сего года марта 22 дня от присланнаго въ село Малыковку изъ учреждѣнной по имянному ея и. в. указу въ Казане Секретной Коммисіи лѣйбъ-гвардіи подпорутчика Гаврила Державина въ ордере, мѣжду протчимъ, ему объявлѣно. чтобъ ево, Сребракова, числить по надобности до него у него, Державина; а ежели дѣ куда потребуется, то рапортовать, что онъ в коммисіи его превосходитѣльства Александръ Ильича Бибикова; и въ силу коллежскихъ резолюцій о присылкѣ ево, Сребракова, въ Коллегію, ежели до него по той коммисіи надобности не будѣтъ, въ означенную коммисію двоекратно сообщено.

А по справкѣ в Сенатѣ — въ 764-м году марта 26-го дня посылланной отъ Сената для переписки поселившихся по рекамъ Большому и Малому Иргизамъ разнаго званія бѣглыхъ людѣй ассесоръ Лихаревъ Сенату доношеніем обьявлялъ: въ бытность дѣ ево при той переписи разведано, что по рекамъ Большому и Малому Иргизамъ напред дѣ того житѣльства никакого не было, а толко жили под образомъ раскольниковъ несколко человѣкъ, из которыхъ и на разбое являлись. А болшее поселѣніе произошло чрезъ вымослъ Ивана Сребракова, которой напредъ того былъ Спаса Новаго монастыря слушка. И для худыхъ ево дѣлъ, желая отъ того монастыря отбыть, выпросилъ отъ Бергъ-Коллегіи привилѣгію о завѣдѣніи железнаго завода; но того завода не только, чтоб в дѣйство произвѣлъ, но совсѣмъ ево не имѣетъ. И, ползуяся тою привилегіею, оной Сребраковъ собою и чрезъ посланных разгласилъ, яко-бы имѣетъ онъ дозволѣніе принимать и селить по темъ рекам Иргизамъ всякаго званія людѣй. По которому разглашенію из разных мѣстъ множествѣнное число на те реки учинили побѣги разнаго званія, а болѣе отъ помѣщиковъ. О чемъ и ея и. в. в подносимомъ отъ Сената докладѣ было донесено, і о изслѣдованіи об ономъ на томъ докладѣ послѣдовала высочайшая ея и. в. конфирмація. Почему, по высылкѣ ево, Сребракова, изъ Синбирска, отосланъ онъ при указе изъ Сената для изслѣдованія и учиненія по законам въ Юстицъ-Коллегію. [1].....

Надворной совѣтникъ Алексѣй Ильинъ.

Секретарь Тихонъ Багрѣевъ.

Подканцеляристъ Тихонъ Марковъ.

Ноября 10 дня 1774 года.
(П. А., кн. II, лл. 121 — 122.)

[1] *Опускается конец сенатского указа, с распоряжением выслать Сребракова в Юстиц-Коллегию, лишь только минует в нем надобность у Казанской Секретной Комиссии, состоящей под ведением гр. П. И. Панина.*

№ 4.[1]

Копія съ доношенія

Синбирскаго уѣзду, вотчинъ вѣдомства Государственной Коллегіи Экономіи: села Троицкого, Студенецъ тожъ, — крестьянъ Алексѣя Леонтьева, выборного Петра Иванова, села Егорьевского, Елшанка тожъ, — Ивана Александрова, села Горюшки — Ивана Иванова, села Назайкана — Антипа Васильева, села Сури[н]ского — Якова Данилова, села Ясашной Ташлы — Григорья Иванова, деревни Доможировки — Василія Никитина съ товарищи.

А о чемъ ихъ прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1. Въ прошлом 771-м году опредѣленъ во оные наши жительства указомъ Государственной Коллегіи Экономіи къ защищенію насъ от обидъ и добропорядочного поведенія и разного распоряженія, на мѣсто бывшаго въ тѣхъ нашихъ и в прочих экономическихъ вотчинахъ казначея господина артилери-капитана Палтова, казначеемъ же прапорщикъ Никифоръ, Гавриловъ сынъ, Воецкой, которой, тогда вступя въ должность свою, никакаго защищенія за насъ, крестьянъ, во всю свою бытность не имѣлъ и нынѣ не имѣетъ, токмо приводитъ къ крайнему раззоренію и въ несостояніе платежа государственныхъ податей. Потому, какъ по имѣющемуся межевому у насъ дѣлу съ госпожею маіоршей Аграфеною, Ивановою дочерью, женою Дурасовою, по указу Государственной Коллегіи Экономіи, велено ему, господину прапорщику Воецкому, быть при межевании зѣмель нашихъ депутатомъ, — но оной Воецкой объявилъ, чтоб мы дали ему денегъ сто рублей, то де онъ къ тому землемѣрію приступитъ; а естьли не дадимъ, то хотѣлъ отказаться. Почему мы и принуждены были дать ему требуемые имъ деньги сто рублей, кои и отдали; токмо в томъ от него никакого удовольствія нам не учинено.

2. Въ дачахъ нашего села Студенца имеющіяся три сосновыя рощи соблюдаемы и охраняемы были всѣми нашими крестьян[ы] для своей крестьянской въ лѣсу надобности, а паче от пожарнаго случаю; потому и были тѣ рощи всегда въ цѣлости. А какъ в прошлом 773-м году въ означенномъ нашемъ селѣ Студенцѣ по власти божіей погорѣло нѣсколько дворовъ, тогда воспослѣдовала намъ въ лѣсу нужда на построеніе домовъ своихъ, и хотѣли изъ тѣхъ рощъ вырубить лѣсу себѣ малую часть. Но онъ, казначей Воецкой, хотя что съ насъ взять себѣ во взятокъ, до порубки того лесу и до строенія домовъ все то лѣто никого изъ нас не допущалъ и притомъ просилъ съ нас себе во взяток денегъ сто рублей, объявляя, что онъ о порубкѣ намъ того лѣсу представит въ Казанское Экономическое Правленіе и требовать будетъ указу. И по тому ево требованію тѣ деньги сто рублей

[1] *Перед текстом:* «Подлинное подано 10 декабря 1774».

съ насъ съ принужденія и взялъ. А какъ уже, по присланному ис Казанского Экономического Правленія указу, велено намъ, всѣмъ крестьяномъ, помянутого лѣсу въ рощахъ нашихъ вырубить тритцатую часть, но онъ, казначей, и по тому указу насъ къ рубкѣ того лѣсу и понынѣ не допускаетъ, и требуетъ еще себѣ во взятокъ сорокъ рублей, и тѣмъ приводитъ всѣхъ крѣстьянъ въ немалое убожество.

3. А какъ, по силѣ присланнаго сего 1774 года въ генварѣ мѣсяцѣ изъ Синбирской Провинціальной Канцеляріи указу, велено ему, казначею господину Воецкому, въ ево вѣдомствѣ во всяком жительствѣ, не обходя ни единаго ни для чего, со всѣхъ экономическихъ крестьянъ собравъ подводы съ фуражемъ крестьянскимъ собственнымъ, расположа на каждую лошадь овса по одной четверти, сѣна по 15 пудъ, выслать въ городъ Оренбургъ, — то и тогда оной казначей Воецкой, пріѣхавъ въ наше село Студенецъ, самъ учинил нарядъ къ высылкѣ съ помянутымъ фуражемъ обывателей нашихъ сто подводъ и при томъ, по требованію своему, взявъ с насъ во взятокъ денегъ сто рублей, тритцать подводъ отмѣнилъ и выслалъ семдесятъ подводъ. А изъ другихъ, вѣдомства жъ его, жительствъ, а именно: с Кременакъ, съ Кривуши, с Шиловки, с Тушни, с Горюшки, съ Большой Комаровки, съ Красной Сосны, съ Сухова Карсуна, съ села Куваю и деревни Старого Куваю жъ, з Болтаевой и с Товолжанки, таковыхъ съ фуражемъ подводъ изо взятковъ и въ высылѣ ихъ не было; а исъ коихъ и высылалъ, но со уменшеніемъ подводъ, за что и получалъ во взятокъ себѣ съ крестьянъ денегъ, а именно: съ Елшанкѣ взял десять рублей, съ Доможировки 6 руб., а в Горюшки пятьдесятъ рублей. И тѣми взятками приводитъ онъ, казначей, всѣхъ крестьянъ въ раззореніе.

4. Означенной же казначей, прапорщикъ Никифоръ Воецкой, во время бывшихъ по указомъ рекрутскихъ наборовъ и работничьихъ нарядовъ, чинитъ самоизвольное, безъ мирскаго согласія, въ отдаче рекрутъ расположеніе: по своему желанію и обходилъ изо взятковъ отдачею рекрутъ и большіе жительствы, а съ малыхъ отдавать и нынѣ принуждаетъ; такъ что и въ нынѣшней послѣдней наборъ по ево увольненію не отдано рекрута от села Шиловки от крестьянъ со ста рублей, а требуетъ онъ, казначей, от села Суринскаго человѣка только съ 39-ти душъ, съ коихъ и в прошлые наборы по его принужденію рекруты отдаваны были, за что и содержалъ того села крестьянина Якова Данилова у себя подъ карауломъ недель с шесть.

Сверхъ же того, оной казначей Воецкой, собирая съ крестьянъ тѣ наборы, складочные деньги і отдатчикомъ не далъ, а именно: нашимъ Студенецкимъ работничьимъ в два наряда 27 руб.; Елшанскому старостѣ Терен[т]ью Ѳедорову в прошломъ 772-м году рекрутскихъ 15 руб., съ нихъ же Елшанскихъ еще взялъ

в три рекрутскія наборы за рекрута по 10 руб., итого 30 руб.; Доможировским в нынѣш[ней] наборъ не отдалъ 35 руб., Горюшенскихъ 20 руб., да в роскладку съ крестьянина Назара Филипова, сверхъ казенныхъ, взялъ себѣ во взятокъ 100 руб., съ Курянскихъ за рекрута жъ бралъ каждой годъ по 10 руб., да ему жъ въ одинъ наборъ въ складку взалъ [sic] съ каждой души по 3 руб.; итого сто семна[д]цать рублей; да удержалъ у себя еще складочныхъ денегъ пятнадцать рублей; Назайкинскимъ въ 772-м году складочныхъ 40 руб., да за рекрута взялъ по 10 руб.

И тѣми поборами, а неотдачею отдатчикомъ складочныхъ денегъ онъ, казначей, корыствуется, а крестьяны привелъ во всеконечную скудость, отчего и учинилась в платеже положенныхъ оброчныхъ денегъ немалая доимка.

5. Онъ же, казначей господинъ Воецкой, съ начала прибытія своего въ наши экономическаго вѣдомства жительства, собиралъ сходы мирскіе и объявлялъ, что ѣздитъ онъ, куда ему потребно будетъ, за нужнѣйшими мирскими дѣлами, вмѣсто мирских, на своихъ лошадяхъ за немалую плату; почему и дѣлалъ подъ видомъ мирскіе приговоры на имя села Жадовки дворянина Дмитрія Стяшкина, яко-бы ему возить ево, казначея, на четырехъ парахъ; рядили мы на каждой мѣсяцъ давать за тотъ провозъ по 50 р., итого въ годъ шестьсотъ рублевъ. Которые деньги въ нынѣшнемъ 774-м году по приказу ево, казначея, собирались во всѣхъ нашихъ селеніяхъ, съ каждой души по 20 коп., и отдавались ему, казначею, расходчика Ивана Васильева [sic]. Да, сверхъ того, сѣно и овесъ про ево казначейскихъ лошадей покупалось от оного жъ расходчика со изнеможеніемъ мирскимъ.

6. Да оной же казначей збираетъ съ насъ въ каждой годъ со всякой души по 25 коп., а всего насъ в вѣдомствѣ ево болѣе 7000 душъ, и оныхъ денегъ причтется в годъ 1750 рублей; съ прибавкою на 772 годъ: рекрутскихъ складочныхъ денегъ 48 руб. оной казначей удержалъ у себя, в поклонъ взялъ 18 руб., еще 15 руб., складочныхъ рекрутскихъ денегъ 18 руб. Въ нѣнѣшнемъ [sic] 774 году взято с насъ порознь 51 руб., еще 5 руб. 50 коп., да 4 руб. 50 коп., села же Студенца у крестьянина Ивана Лукьянова во взятокъ получилъ денегъ 15 руб. напрасно.

Отчего уже мы, именованные, и всѣ реченныхъ нашихъ жительствъ обыватели пришли въ несостояніе платежа государственныхъ податей и, по нынѣшнему неурожаю хлѣба, въ вящшее раззореніе и нищету, такъ что многіе и помираютъ гладомъ.

А о вышеписанномъ ево раззореніи въ Государственной Коллегіи Экономіи и въ Казанскомъ Економическомъ Правленіи от насъ, крестьянъ, за далностію жалобы не происходило; а въ Казанскомъ же Экономическомъ Правленіи економъ Александръ, Прохоровъ сынъ, Прохоровъ съ онымъ казначеемъ имѣетъ дружество и кумовство.

Того ради, вашего высокографскаго сіятельства всепокорнѣйше просимъ сіе наше прошеніе принять и вышепомянутого казначея, прапорщика господина Воецкого, за вы[ш]епрописанными резоны отрѣшить и всѣ чинимыя имъ с насъ по принужденію ево взятки и складочные рекрутскіе и работничіе деньги приказать ему намъ возвратить, и впредъ ево въ наши жительства казначеемъ не опредѣлять; а опредѣлить на мѣсто ево намъ къ защищенію другова, кого ваше высокографское сіятельство за благо изобрать благоволите, или опредѣлить въ смотреніе Провинціальной Канцеляріи. И о томъ просим учинить милостивую резолюцію.

Вмѣсто вышеписанных просителей, по ихъ прошенію, города Синбирска церквы Вознесенія Господня дьяконъ Галактіонъ Васильевъ руку приложилъ.

(П. А., кн. IX, *лл.* 314—316.)

№ 5.[1]

Его сиятелству, высокопревосходителнѣйшему господину генералъ-аншиѳу і всехъ россіискихъ ординовъ ковалеру, граѳу Петру Ивановичю Панину — Синбирского уезду, Подгородного стану, села Богоявленского, Ильинские горы тож, посланных от всехъ пахотных салдат, поверенныхъ от нихъ, того ж села пахотныхъ же салдатъ: выборного Кузьмы Ѳедотова, редоваго Кузьмы Данилова с товарыщі

Покорнѣйшее доношение.

Из давных прошлых летъ жалованные предкомъ нашим: прадедом, дедомъ нашим пашенная земля и сенные покосы со всеми принадлежащемі угодьи, в том числе по реке Волге состоящей островъ, называемой Черемшанской, коими дачами и угодьями і островом после техъ наших предковъ владели отцы наши ото всехъ сумещиковъ наших все беспорно. А нынѣ тому четвертой год, подле техъ нашихъ жалованных крепостных дачъ къ сумежнымъ дачамъ вотчины их граѳскихъ сиятелствъ, господъ граѳов Григорья Григорьевича Орлова з братьями низовой Синбирской Новодевиченской их сиятелствъ волости ис техъ нашихъ жалованных дачъ несколько десятинъ пашенной земли и лесу и предупомянуто Черемшанско островъ с сенными покосы весь без остатку отмежевано ко оной вотчине безрезонно. А мы, безъгласные, по неімению, кроме тех жалованных предком нашим, а по них і нам, других дачъ и сенных покосовъ нигде не імеем; и за темъ отмежеванием с того времени і за малоімением пашен-

[1] *На поле слева — резолюция рукою гр. П. И. Панина:* «Следует просить в надлежащемъ присутственном месте, а не у меня».

ной земли, и за неурожаем по власти божей хлеба, а за отнятием показанного Черемшанского острова со всеми сенными покосамі, всякая скотина помираетъ бѣз сена голодомъ, а мы, безъгласные, за всеми предписанными законнымі притчинами: 1) бес пашни, 2) от неурожаю всякого хлеба, 3) за неімением скотине корму, пришли в совершенное убожество и недостаток і отбываем всехъ государьственных податей. И за тем несноснымъ несостояниемъ уже мы, безъгласные, принуждены детей своих в работы раздавать, иных и роздали, а другие из наших же пахотных салдат, престарелые и малые дети наши, скитаютца по разным жительствам для пропитания себя милостынею; да и те за тем неурожаем хлеба от неподания милостины помираютъ голодною ж и холодною смертию ж.

И за тем притеснениемъ нынѣ впредь к доброму житию уже все мы, обыватели, пахотные салдаты, себя отчаяли. А какие мы, безъгласные, противъ того имеем к правости своей жалованные гламоты и крепости, из оныхъ на разсмотрения и разсуждения вашему сиятелству предлагаемъ при сем выписанно краткой реэстръ.

Того ради, вашего сиятелства всепокорнѣйше слезно просимъ, дабы мы, безгласные, по врученной вашему сиятелству от ея и. в. высокой власти, от оного нашего раззорения защитить и по разсмотрению вашему показанные наши жалованные дачи, что в отказ им, гравским сиятелствам, в непорятке захвачено і в отказ показано неправилно, а, паче, предписанной Черемшанской остров с сенными покосами, возвратить по прежнему к нам, дабы мы, безгласные, против прежнего нашего состояния, какъ в содержани положенной на нас службы, лантъмилицких полковъ, і всех государьственных податей, могли быть в прежнемъ состояни. И о всем милостивую резелюцию учинить.

Декабря ... дня 1774 году.

(П. А., кн. XV, лл. 50—51.)

№ 6.[1]

Его сиятелству, высокопревосходительнѣйшему господину генералъ-аншеэу і всехъ россиіскихъ ординовъ ковалеру, граэу Петру Івановичу Панину — содержателя Синбирского купца Андрея, Михайлова сына, Воронцова бумажной ево в Синбирском уезде Талской эабрики от мастеровых всехъ людей, поверенных их, мастеровых же людей: Назара Яковлева, Никиэора Никитина, Кузьмы Семенова, Івана Васильева

[1] *На поле слева — резолюция рукою гр. П. И. Панина:* «Просить в Правинциальной Канцелярии, а ей зделать указно разъсмотрение и разъпорежение».

Покорнѣйшее доношение.

Отцы наши, безгласныхъ, находились при той Талской бумажной ѳабрике при бывшихъ содержателяхъ, компанейщиках, нижегородцах Еремее Масленикове с товарыщи, при коих, по силе состоявшигося блаженные і вечной славы достойныя памяти государя, перваго императора Петра Великаго Высокого Сената ис канторы в прошлом 1729-м году марта 27 дня указу, те отцы наши получали на той ѳабрики против санктъпитербурского окладу каждой человекъ, а именно: мастеровые Григорей Носовъ, Сооpон Осокин, Василей Коротков — денгами: по два рубли по пятидесятъ копеекъ, хлебного: муки по полуосмине, крупъ по малому четверику, соли по два ѳунта; мастера ж Евсевей Худяковъ, Никита Круглов — по два рубли, а хлеба: муки, крупъ и соли против вышеписанного жъ числа на месяцъ. А по смерти оных кампанещиковъ Маслениковыхъ, по здаче от них нынѣшнего содержателя Воронцова отцу ево Михайле, Іванову сыну, Воронцову, а по смерти — та ѳабрика нынѣ по наследству за онымъ Андреем Воронцовым. У коих Воронцовыхъ прежде сего происходила нам, безгласным, мастеровымъ: главному мастеру денгами по одному рублю, другим, по художеству их, по семидесят по пяти и по пятидесят копеек, хлебного: муки по два пуда, крупъ по одному гарнцу, соли по два ѳунта человеку на месяцъ; и то выдавано было с великою от нас прозбою.

А нынѣ оной нашъ хозяин Андрей Воронцовъ, неведомо для чего, нынѣшнего 1774 году денежного за три, а хлебного за пять месяцовъ ничего нам, безъгласным, для пропитания нас, також и женъ и детей нашихъ, не выдает и привелъ насъ со всем нашем семейством нынѣ уже с той ѳабрики скитатца по разнымъ жителствам и кормитца мирским подаяниемъ. Да и, за нынѣшним неурожаемъ по власти божией хлеба, за неподанием той милостины помираем мы все голодною смертию. А ко оному хозяину своему Андрею Воронцову для прошения у него предписанных заработчих нами какъ денегъ, такъ муки, крупъ и соли с прозбою о том в домъ ево когда не придем, но онъ велитъ нас, безгласных, из двора своего палками згонятъ, а денегъ и хлеба за прошедшие месяцы ничего нам не выдает; отчего уже мы, безгласные, по нестерпимости нашей, а паче от голоду пришли мы нынѣ во отчаенное свое житие, и помираемъ мы со всем своим семейством голодною смертию.

Того ради, вашего сиятелства слезно просимъ, дабы мы, безгласные, за нынѣшним неурожаемъ хлеба, а, паче, за невыдачею нам для пропитания нашего з женами нашими і малолетними детми за прошедшие месяцы денежной и хлебной нам платы, не помереть бы нам голодною смертию и не разбрестись бы

с той ѳабрики по разнымъ жителствам. И для того оного содержателя Андрея Воронцова к вашему сиятелству милостивымъ вашим определением повелено б было сыскать, (ибо онъ нынѣ в Синбирску) і во удовлстви нас на той ѳабрики в силе законовъ учинить с нимъ, какъ указы повелевают. И о всем милостивую резелюцию учинить.

Декабря ... дня 1774 года.

К сему доношению, вместо Назара Яковлева, Микиѳора Микитина, Кузьмы Семенова, Ивана Васильева, по их прошению, синбирской посадцкой человекъ Андрей Кузнецов руку приложилъ.

(П. А., кн. XV, лл. 54—55.)

№ 7.[1]

Его сиятелству, высокопревосходителному господину генералъ аншефу, главному началнику войскъ, отряженныхъ на искоренение внутренняго смятения, главному повелителю надъ губерниями Оренбургскою, Казанскою и Нижегородскою и разныхъ орденовъ ковалеру, графу Петру Ивановичу Панину.

Казанскоі губерніі, Синбирскаго уезда, Самарскаго стану: деревни Малыхъ Сызранских Вершинъ, что нынѣ село Рожественское, Живайкино тожъ, — сотника Степана Борисова с товарыщи, деревни Болшихъ Сызранскихъ Вершинъ — сотника Павла Яковлева с товарыщи, села Архангелскаго, Еделево тожъ, — сотника Николая Михайлова с товарыщи, села Богородскаго, Кивая[?] тожъ, — выборнаго Михайла Григорьева с товарыщи, села Николаевскаго, Кузоватово тожъ, — выборного Ивана Иванова с товарыщи, деревни Бекшанки — выборнаго Ивана Федорова с товарыщи, села Богородскаго, Качкарлей тожъ, — выборнаго Савелья Иванова, деревни Исекревой — выборнаго Ивана Иванова с товарыщи, деревни Решетки — выборнаго Ивана Иванова с товарыщи, новокрещеных из мордвы,

Всепокорнейшее прошение.

С начала прежней переписи положенные государственныя подушныя и оброчныя денги платили мы все по указомъ ея п. в. по рублю по десети копеекъ з души, такъ, какъ рекрутские

[1] *На поле слева — резолюция рукою гр. П. И. Панина:* «Представить своему губернатору».

наборы і всякия подати платили ж по наряду. А в последнею ревизию положено на насъ уже подушныхъ и оброчныхъ по два рубли по семидесяти копеекъ з души, которые, по неимуществу нашему, платить мы не в состояніі, і тотъ окладъ запущенъ на насъ в недоимку, о чемъ значится в Синбирской Провинціалной Канцеляріі.

Того ради, ваше сіятелство, всепокорнейше просимъ оную с насъ недоимку приказать отменить, да и наложенныя подушныя и оброчныя на насъ денги, столь тягостныя, убавить, по причине здешняго краю раззорения от бунтующихъ; а насъ, в верности ея и. в. состоящихъ непоколебимыми рабами, не оставить милостивымъ своимъ разсмотрениемъ. И что теперь не только вашему сіятелству известно, но і всемъ,—за неурожаемъ хлеба почти все претерпеваемъ крайнею нужду, а другие и голодъ.

Сіятелнѣйши графъ! разсмотри бедное наше состояніе, сколь мы бедственны, и наложи милостивую такъ, какъ и всемъ прочимъ, резолюцию.

К сему, прошению, вместо вышеписанныхъ повокрещенъ: сотьника Степана Борисова и выборныхъ с товарыщи, дому госпожи маэрши Ѳедосьи Степановой Дементьевой служитель Гаврила Дмитриев, по их прошению, руку приложилъ.

Декабря ...-го дня 1774 года.

(П. А., кн. XV, л. 56.)

№ 8.[1]

Въ Правительствующій Сенатъ отъ генерала и кавалера графа Панина

Рапортъ.

Правительствующему Сенату извѣстно, какія и когда именно заводы въ губерніи Оренбургской партикулярными людьми заведены, и что начало ихъ въ то время происходило, когда еще тамъ нужно было поселеніе людей. А, по избыточеству рудъ, размноженіе заводовъ служило въ ползу государственную, безъ повреждения другихъ въ тамошнихъ мѣстахъ (въ тамошних мѣстахъ) потребностей, в разсужденіи чего и не настояло тогда большой нужды брать предостереженія на лѣса; да чаять можно, что и не воображалось тогда, чтоб знатныя заводы могли вскорѣ, и в близости главнаго города Оренбурха, распространится. Но оные, елико до моего свѣдѣнія нынѣ приходило, дошли до

[1] *На поле слева:* «№ 43». *На поле снизу:* «В 1 департаментъ». *После текста:* «Посланъ 28 генваря съ подпорутчиком Нелюбовым».

*

такаго количества, которое стало производить знатную дороговизну въ самомъ губер[н]скомъ городѣ на лѣса, требующіяся необходимо какъ на строеніи, такъ и на дрова, получаемыя съ верховья рѣкъ Бѣлой и Сакмары; и время, безъ предохраненія оныхъ, можетъ довести до самаго сей городъ съ его окружностію въ лѣсахъ недостатка.

А какъ в минувшей мятежъ злодѣями истреблены многіе изъ тѣхъ заводов, которые истребляли лѣса, на верховьяхъ оныхъ рѣкъ, для того по нынѣшнему моему служенію за настоящее поставилъ я Правительствующему Сенату о семъ на примѣчаніе донесть, не угодно ли будетъ повелѣть о томъ, кому за благо разсуждено будетъ, разсмотрѣть и содержателей, кои заводы въ близости Оренбурха имѣютъ, в добыче и употребленіи лѣсовъ изъ тѣхъ мѣст, откуда и городъ къ нужному употребленію получает, ограничить. Паче жъ предостеречь сіе, когда къ возобновленію истребленныхъ онымъ мятежемъ заводовъ, или кто вновъ на основаніи бергъ-привилегіи и регламенту, от Бергъ-Коллегіи дозволенія испрашивать будетъ. Что и приношу на особое и дальнѣйшее разсмотреніе Правительствующаго Сената.

Генваря 19 дня 1775 года.

Москва.

(П. А., кн. X, л. 106.)

СОСТОЯНИЕ УРОЖАЯ В 1772–1774 ГГ. И ПУГАЧЕВЩИНА

№ 9.

Копія съ репорта

господина генералъ-порутчика и кавалера де-Колонга изъ Челябы отъ 22 генваря 1774 года.

Не имѣя еще точнаго извѣстія, чтоб близъ самаго города Челябы могла собраться весьма немалая и такая злодѣйская толпа, которая бы осмѣлилась атаковать упомянутой городъ, отправясь съ находящимися при мнѣ войсками, изъ крѣпости Верхояицкой слѣдовалъ во оной для забранія къ соединенію со мною удержанной Исецкимъ воеводою господиномъ статскимъ совѣтникомъ Веревкинымъ, слѣдующей изъ Омской крѣпости, полевой артилеріи и отправленной для конвоеванія оной изъ Троицкой вооруженной рекрутской роты, поставляя за первой себѣ предмѣтъ, чтобъ, по забраніи оныхъ, чинить по всей возможности надъ злодѣями поиски. Но, слѣдуя по линіи, получилъ два репорта отъ упомянутаго воеводы Веревкина:

Первой, что внутри Челябы отъ возмущенія тутошныхъ казачьихъ атамана Уржумцова и хорунжева Невзорова здѣлался отъ козаковъ и мужиковъ бунтъ, въ которой, напередъ разбивъ домъ и взявъ изъ онаго вышедонесеннаго воеводу, бивъ жестоко, тащили по улицѣ за волосы въ войсковую свою избу и тамъ, связавъ, къ довершенію оказаннаго злодѣянія, держали ево подъ карауломъ, что́ бы и въ самомъ дѣлѣ послѣдовало, естьли бы не былъ онъ отъ того избавленъ упомянутыми полевою артилеріею и рекрутскою ротою, изъ Тобольска присланною, а такою жъ и у нево въ городѣ въ нынѣшней послѣдней наборъ набранною и вооруженною; но при томъ изъ тѣхъ главныхъ бунтовщиковъ Невзоровъ бѣжалъ.

Второй же репортъ увѣдомлялъ, что по поводу отъ написаннаго по убѣгѣ Невзорова приступилъ къ Челябѣ называющейся отъ злодѣя-казака Пугачева повѣреннымъ полковникомъ Грязновъ со многимъ числомъ какъ россійскихъ, такъ и башкирскихъ, бунтовщиковъ и съ пушками, держитъ оную въ неотступ-

ной осадѣ, — и потому спѣшилъ я со всевозможною скоростію къ Челябѣ, уже на защищеніе оной отъ злодѣевъ. А часто написанному воеводѣ Веревкину предписалъ, чтобъ онъ со всею возможностію, до прибытія моего, облежащему злодѣю дѣлалъ изъ города супротивленіе. Но изъ сихъ одна слѣдующая почта захвачена въ злодѣйскія руки, которой, усмотря скорое мое прибытіе, оставя при городѣ башкирцовъ, съ повѣленіемъ о пресѣченіи ко оному и изъ онаго всѣхъ коммуникацей и о возпрепятствованіи моего слѣдованія, самъ уѣхалъ, для взятья еще съ заводовъ въ прибавокъ пушекъ. А, по приближеніи моемъ къ Челябѣ, на послѣднемъ переходѣ, сего мѣсяца 13 числа тѣ воры-башкирцы и въ самомъ дѣлѣ покушались пересѣчь путь мой, такъ что я, имѣя съ ними два сраженія, почти принужденно пробрался въ городъ, гдѣ, находясь попыпѣ, всякой день они, злодѣи, большими кучами показываются. А по достовѣрнымъ извѣстіямъ, дошедшимъ ко мнѣ отъ посыланнаго къ башкирцамъ лазутчикомъ одного изъ здѣшнихъ козаковъ и отъ захваченного вчерашняго числа башкирца, вышедонесенной злодѣй Грязновъ къ будущему на сей недѣли воскресенью, то-есть къ 26 числу сего мѣсяца, съ собранными имъ изъ заводскихъ крестьянъ бунтовщиками и еще присовокупленными башкирцами, такъже и взятыми съ заводовъ дватцатью пушками, сюда ожидается.

Итакъ, по симъ обстоятельствамъ принужденнымъ я себя теперь нашолъ здѣсь остановиться и здѣлать тому злодѣю сильное отраженіе. А хотя Екатеринбурскихъ заводовъ командиръ, господинъ полковникъ Бибиковъ, такъже, представляя опасность, требуетъ меня съ командами къ себѣ, но по сему случаю и городъ Челябу безъ защищенія оставить не можно; а въ Екатеринбургъ приказалъ я, какъ наискоряе, туда прямо слѣдовать идущей съ Синбирскихъ линей 12 легкой полевой командѣ и двумъ гарнизоннымъ ротамъ, съ двумя ж полевой артилеріи орудіями. А какъ здѣсь, въ городѣ Челябѣ провіанта, особливо же овса и сена, весьма недостаточно, а получить ево сюда изъ внутреннихъ жительствъ невозможно, сколько за пресѣченіемъ башкирцами со всехъ сторонъ комуникацей, а тѣмъ паче, что уже и внутреннія Исецкой провинціи жители, по возмущенію партизановъ объявленнаго злодѣя Пугачева, сами добровольно въ ево повиновеніе приклоняются и бунтующимъ башкирцамъ фуражъ и провіантъ доставляютъ; итакъ, не предвижу я ни малѣйшаго средства и способа, чтобъ тотъ городъ моимъ съ командами присудствіемъ не оставить, потому особливо, что, по малосостоянію при мнѣ воинскихъ силъ, а особливо конницы, которой съ линѣй вѣденія моего ни сколько взять уже не возможно, ибо на оныхъ отъ киргисцовъ настоитъ равная здѣшнему краю опасность, надъ башкирцами сильныхъ поисковъ производить не въ состояніи.

О чемъ вашему высокопревосходительству чрезъ сіе доношу; а и впредь, что отъ время в другое произходить будетъ, доносить не оставлю.

(П. А., кн. VI, лл. 36—37.)

№ 10.

№	Месяцы, числа.	1774 годъ.	С кемъ отправлено.
79	10 [1]	Ордеръ. Господину секундъ-маіору Петрову. Получил я репортъ вашъ от 8 февраля, вслѣдствие котораго имѣете вы в жителствахъ уѣзда Мензелинскаго собирать провиантъ и фураж для пропитания обывателей, въ окрестностяхъ Мензелинска живущихъ; но чтоб зборъ сей производимъ былъ съ поряткомъ и без притеснения обывателямъ. И в какомъ жителствѣ сколко чево взято вами будетъ, тому вести верную записку и давать имъ квитанцію, по которымъ послѣ заплачено будетъ. А чтобъ в жителствахъ безъ прекословия провиантъ и фуражъ отпускали, о том, по сообщению моему къ здешнему господину губернатору фон-Бранту, дано будетъ от нево повеление.	С прапорщикомъ Самарцовымъ.

(П. А., кн. XVI, л. 385 об.)

[1] *Т.-е.* «10 февраля».

№ 11.[1]

Сиятелный князь, высокородный и превосходителный господинъ генералъ-порутчикъ и кавалеръ!

Милостивой государь мой!

Ваше сиятелство чрезъ отъправленныя от меня сообщенiі, а напоследокъ и отъ 30 июня,[2] с приложениемъ требликатов и дубликатов, о здешних обращениях самозванца, что онъ стремился к Кунгуру, и что вследъ за нимъ к поиску отправлены отъ меня майоры: Жолобов и ковалеръ Гагрин, а в подкрепление и графъ де-Кастро Лацерда, известными состоять изволите, потому что те уведомленiі отправлены на две дороги, то-есть, чрезъ Екатеренбургъ и Верхояицкую; и я не сумневаюсь, чтоб из них которое ни есть не дошли. А затемъ следовательным посъле того вашего сиятелства уведомить честь имею:

Предъявленныя, отъ меня отряженныя, майоры выправлены под повеление господина полковника Бибикова, и какъ ему, такъ а [sic] майорамъ наисилнейше предписано было, чтоб они непременно и с возможнейшимъ поспешениемъ следовали на истребление самово злодея. Которыя, хотя маршемъ своимъ от Екатеренбурга и подали угрозу тому злодею, что он не обратился на самой Кунгуръ, но, по завладенiі Осою, перешел Каму, делает немалыя раззорениі, а, по раззорениі Воткинского завода, забралъ к себе пушки и снаряды, стремясь на далнейшия злодеяниі. А случай ему на то пройтти чрезъ Каму и усилитца поданъ не иначе, какъ чрезь удержание господиномъ полковникомъ Бибиковым отправленных техъ от меня деташаментов в пределах Екатеринбурга на прегражденiе от злодейскихъ опасностей, ибо я не думал, чтоб господинъ полковник не употребилъ их по тамошнимъ обстоятелствамъ, получаемым ближе, в ползу. На что хотя от меня неоднократно какъ ему, господину полковнику, о незадержъномъ отпуске, а майорамъ о непременномъ за поиском следованиі и істреблениемъ самозванца, писано, однако жъ, время продолжалось толко на одних бесплодных переписках, пока, наконецъ, не получилъ онъ уведомленiя, что уже Воткинской заводъ раззорен, и что з других сторонъ в приближени к самозванцу никаких сил нетъ, — то и дал повеление, чтоб оне туда следовали...[3]

Я, за выступлениемъ ево, долженъ уже остатца для сохранения Исецкой провинцыи и линей, смежных со оною, недви-

[1] *Перед текстом:* «№ 13». *На поле слева:* «№ 1326». *На первой странице под текстом:* «Его сиятелству, князь Федору Федоровичю Щербатову».

[2] *Первоначально в оригинале было написано:* «июля».

[3] *Опускается часть письма де-Колонга, где он излагает обстоятельства, заставившие его отказаться от похода к Екатеринбургу.*

жимом в таком маломъ и безнадежномъ по великой обширности числе войскъ, какъ уже выше доносил, и потому не оставил ему, господину генералъ-майору и ковалеру, еще сообщать, что (какъ все здешния жители уверяютъ, да и статца то можетъ), башкирцы в ныне наступающее рабочее время и оченъ скоро будутъ изъ Урала выходить для сенокоса и снятия посеенных хлебов, без чево в зимнее время обойтитца оне не могутъ. К сему, какъ полагать надобно, малым числомъ отнюдь они по нынешним обстоятельствамъ не выедутъ, а, собравшись большими скопищами, станутъ прикрывать в разных местах свои земледелия; между темъ, не упустят же делать и злодеяней своих, какъ то на сих днях получено сведение, что около Теченской слободы внутри жителства прорвались те воры немалымъ скопомъ и одну деревню атаковали, из чево примечаетца, что уже начало выхода ихъ и зделано; ис которой скотину и лошадей отогнали, а растояниемъ отсюда — в девяноста верстах. Что по сим обстоятелствамъ занятие в Уйской казачей крепости, которая, по истреблении самозванцомъ линейных, осталась пограничною, поста весма нужно, и что при выступлении к Зелаиру должно оставить достаточной деташаментъ, которой бы могъ действовать башкирцамъ на усмирение по подгорью; а чтобъ не скучалъ и Верхояицкой комендантъ, господинъ Ступишинъ, то и в тамошней крепости некоторое число оставить войскъ, с которыми Уйской деташаментъ преградою весма быть полезенъ, потому что сверхъ поиска, когда будутъ выправлятца отсюда правианския транспорты, могутъ они проходить безопасно.

Мне же, какъ и выше упоминал, толь малымъ числом и все сиі места занять, поиски над бунтовщиками производить и Iсецкую провинцыю, купно с Сибирскими границами, чтобы внутръ по губерниі не могло зло ворватца, злодеяние ныне известные, защищать никоимъ образомъ не возможно...[1]

По последним ізвестиямъ, полученнымъ ис Пермской Провинцыалной Канцеляри и от майора Жолобова, ежели злодей с воровскою своею толпою опрокинетца в Сибирския дороги иль на Вятку и тамошния места, то ево поражать, какъ здесь о приближенныхъ, кроме моих, к нему войскъ неизвестно, (поражать) некому. Итакъ, я на оное взялся и совсемъ по той нужде, а болше, что тамъ генералитетской особы не будетъ, то не предвидитца быть дальнова успеха, совсемъ изготовивши, (на сих днях туда выступить имею); а, за моимъ выступлениемъ, когда господинъ генералъ-майоръ линию и окружность здешную совсемъ заградит, — и по разсмотрению своему зделаит войскам расположение, чрез что все можетъ происходить полезное: какъ провианския транспорты, такъ поискъ и угроза башкирцамъ.

[1] *Опускается часть письма де-Колонга.*

Буде же, паче чаяния, в стороне Кунгура и Екатеренбурга, между темъ, обстоятелства переменятца, и надобности не будет, в такомъ случае я могу бес потеряния времени паки войски свои оборотить сюда. А по окончании сего, что от время в другое происходить будетъ, вашего сиятельства уведомлять не премину и с моимъ истиннымъ почитаниемъ пребыть честь імею навсегда.

Вашего сиятельства, милостиваго государя моего,
всепокорнейшиі слуга Іванъ де-Колонгъ.

Въ 13 день июля 1774 года.
Городъ Челябинскъ.

(П. А., кн. V, лл. 267 — 269.)

№ 12.[1]

Его сиятелству, высокопревосходителнейшему господину генералъ-аншефу, сенатору и разныхъ ординов ковалеру, определенному и уполномоченному отъ ея и. в. к пресечению мятежа, графу Петру Ивановичу Панину войскового наказнаго атамана Семена Сулина с войскомъ Донскимъ

Рапортъ.

Сего октебря 10-го дня в присланномъ к намъ, войску Донскому, Пятиізбянской станицы отъ станишнаго атамана, стариковъ и казаковъ рапорте представлено:

О присланном де в ту станицу ея и. в. ис Царицынской Комендантской Канцеляри, сего жъ октебря 5-го дня полученномъ, указе изображено, что отъ вашего сиятелства повелено в Царицыне быть на винтеръ-квартирахъ дву ковалеріским и одному пехотному полкамъ. А в разсуждении де Царицынская Комендантская Канцелярия по необходимости, за неприготовлениемъ по замешательству злодея Пугочева малокошениемъ сена, к тому жъ и о поставлени на квартирахъ за выжжениемъ форштата, определила уже сама собою, яко в собственное свое и подкомандное селение, із явленныхъ полковъ поставить на Дону въ Иловлинской, Качалинской, Трехостровянской, Голубинской і Пятиізбянской одинъ ковалериіской и одинъ пехотной полкъ; и для жъ казенныхъ лошадей повелеваетъ заготовитъ чрезъ все зимние месецы фуражъ, овесъ, сено.

Но как де даволно і намъ, войску Допскому, известно, что в неоднократномъ следовании с полками господина генералъ-майора князя Багратиона, такъ и разныхъ командъ в прошед-

[1] *Перед текстом:* «№ 116. Вз. Полученъ ноября 28 дня 1774 году». *После текста приписка, сделанная, повидимому, кем-то из канцелярии гр. П. И. Панина:* «По сему, что войскъ в том краю ныне нет, и удовольствия не зделано; затем ответствовано».

шие летние месецы брато было на казенныхъ лошадей натурою овесъ и сено, а ныне в станице ихъ весма малое число осталось. такъ что в предъидущую зиму не токмо прокормитъ весъ скотъ ненадежно, но хотя бъ ко отъправлению интересныхъ нуждъ и дву лошадей продовольствовать; и о томъ просили разсмотрения. А по справке в Канцелярiі Войсковыхъ Делъ: во отправленномъ от насъ, войска Донскаго, къ его высокопревосходителству, господину генералъ-аншефу, командующему всею лехкою конницею и нерегулярными войсками, Государьственной Военной Коллеги вице-президенту и разныхъ ординовъ ковалеру, Григор'ю [sic] Александровичю Потемкину рапорте представлено, что сего 774-го году июля отъ 31-го мы, войско Донское, отъправленною в Государственную Военную Коллегию с нарочными старшинами отъпискою с приложениемъ экстракта, какие намъ, войску Донскому, немалочисленные обиды и утеснени отъ следующихъ и квартирующихъ по ведомству здешнему разныхъ воинскихъ командъ причинены безденежно взятьемъ пищи и фуража: овса и сена, бит'емъ [sic] станищныхъ атамановъ и казаковъ напрасно, о силномъ изнасиловани казачъихъ женъ и о протчемъ, представили, з донесениемъ притом, что ныне, по власти всемогущаго бога, во всем здешнемъ ведомстве хлеба и травы совсемъ не уродилосъ, о чемъ и получены отъ многихъ станицъ рапорты.

І всеподданнѣйшие ея і. в. войскомъ Донскимъ всемилостивейшаго на все то донесенное представление высокоматерняго ея и. в. призрения и защищения отъ таковыхъ несносных обидъ и утесненей, а посему и ограничит бы насъ, войско Донское, к должному исполнению всевысочайшею ея і. в. грамотою, и о томъ, кого надлежитъ, определитъ подтвердителными указами, дабы мы войскомъ Донскимъ от всякихъ безпределныхъ разпыхъ безпрестанно случающимися командами требованей и налегливостей изяты были и более в томъ обидъ и прискорбностей не имели; а, по нынешнему крайнему в хлебе и траве неурожаю и во всемъ том недостаточеству, и от квартирования в жилищахъ здешнихъ войскъ ея і. в. всемилостивейше насъ, войско Донъское, освободитъ и темъ не допуститъ насъ до крайнего изнеможения и точной бедности.

Ныне же, сверхъ вышеобявленного, отъправленнаго в Государственную Военную Коллегию, о обидахъ экстракта, о новопричиненныхъ таковых же другой экстрактъ его высокопревосходителству на высокое усмотрение и насъ, войско Донское, защищение представленъ и притом донесено:

1-е. По всему нашему ведомству, по власти всемогущаго бога, точной неурожай хлебу и травы. А довольно ізвестно, какие немалые тысячи казаковъ из войска Донскаго находятца в армияхъ и корпусахъ ея і. в. и протчихъ местахъ. Оставшие жъ

затемъ, яко малое число, от внутренней здешней по войску службы и за отправлениемъ почти безпрестанно следующихъ разныхъ тягостей не имеютъ не времени, ни сил, а, приходя в бедность, и достатка, упразнитца в земледели не могутъ, к чему потребны на заплату рабочим денги; но неимущество во всемъ томъ утесняетъ и доводитъ до крайнего ослабления, а самая бедностъ приходитъ и в точное істощание.

2-е. Здешней город Черкаской, яко не имущей при себе хлебопашества, доволствуетца покупкою привозимым из Великороси и Малороси і ис прикосновенныхъ к границамъ войска Донскаго слабод хлебом, а притомъ некоторою частию ежегодно жалованным отъ ея і. в. на войско Донское правиантом, которого в год приходит по семи тысячъ кулей. И когда властиею божиею по верховымъ станицамъ ведомства здешняго бывал хлебу урожай, то оне станицами, не отвозя ево к себе, продовывали здешним городскимъ жителям, чем старшины, казаки и вдовы казачи, жены з детми і имели некоторое темъ продоволствие. Но, по нынешнему хлеба неурожаю, и сей жалованной правиантъ станицы, не производя в продажу, отвозятъ в дома свои на свое продоволствие, а здешнее сожителство и остаетца в крайнем хлеба недостаточестве. И какъ предвидитца, и въ протчихъ местахъ таковой же неурожай хлебу естъ, то и в привозе сюда почти совсемъ оного нетъ; и здесъ, хотя рженой муки кулю цена и возвисилась в три рубли с полтиною, но ныне и того по непривозу купитъ негде.

3-е. За нахождением же многихъ тысячей из нашего войска казаковъ на службе ея і. в. в армияхъ, корпусах и протчих местах, и последней, у кого хотя мало, родившей хлебъ прибратъ, а сено и совсем на продоволство лошадей и протчаго скота приуготовитъ было неким не можно и нечим. Ибо, какъ и его высокопревосходителству известно, на истребление государственъного злодея Пугочева, за откомандированием повеленныхъ командъ, мы войскомъ Донскимъ, по своей къ ея і. в. верноподданнической службе, ревности и усердию к недопущению далее злодействъ сего изверга, а на конечное ево поражение и в прахъ истребление, и всех оставших за раскомандированиемъ казаковъ, а, помалоимению оных, отставныхъ и выростковъ, казачьихъ детей, выслали в походъ, которые чинили и ныне продолжаютъ немалые над темъ злодеемъ поиски і истребление. Оставалис же при домахъ одне престарелые, болные и, словом сказать, почти что одне толко казачи жены с малолетными детми, которые ещени конем, ни ружьемъ управлятъ не могутъ. А при такой крайности почти казачи жены з детми отъправляли уже сами следующия разныя тагости [sic] и пришли в крайнее изнеможение, а постояльцы и разноприхожия команды и при семъ нужномъ случае требованием от них пищи и другими обидами довели

в самую прискорбность истощанием последнего у них, заготовленного на свое з детми продоволствие, хлеба і протчаго, какъ господинъ генералъ-майоръ князъ Багратионъ съ имеющимся при немъ войскомъ, с самого началнаго ево прибытия, почти из станицъ ведомства здешняго и не выходилъ; а притомъ и прибывшия с Кубани і ис Крыму: господинъ брегадиръ и коваллеръ Бринкъ с своимъ деташаментомъ, подполковникъ и коваллеръ Бухвастовъ с частию находящегося при немъ войска, пехотные Селенгинской, Курской и Алексеевской полки, ис которых и прежде здесъ на квартирахъ были приходомъ своимъ и імели квартирование, и ныне в жилищахъ тутошних, и, хотя некоторыя из них вышли, но другия и поныне в квартирах находятца; отъ его жъ высокопревосходителства и ни откуда повеления мы войском Донскимъ об отводе имъ квартиръ не имеемъ.

4-е. По заключенному же нынѣ с Оттоманскою Портою миру известно, что нашего войска казачи полки отпущены и следуютъ на Донъ, а ис Крыму четыре полка уже и прибыли. И когда все оне соберутца, и находящияся в поголовном походе на истребление злодея Пугочева казаки поворотятся, то и составится уже в станицах число казаковъ немалое. И ежели постои из жилищъ здешних выведенъ не будетъ, то какъ сами казаки, по неурожаю хлеба, претерпятъ нужду крайнею, а неимущие — и голод; служебных же своихъ лошадей и скотъ, по неимению сена, и совсемъ продоволствовать имъ будет нечемъ, которои и подвергиваетца от бескормицы упадку. А чрезъ то казаки и придутъ в сущую бедность і к службе ея і. в. вовсе в неисправность.

5-е. В подтверждение ж сего по неурожаю недостатка, из отправленныхъ от насъ, войска Донскаго, на Хоперъ въ Урюпинскую станицу к бывающему тамъ каждогодно Покровскому ярмонку базарными старшин Максимъ Чекуновъ в присланномъ к войсковому наказному атаману Сулину писме (которое во оригинале на разсмотрение его высокопревосходителству представлено) донесъ, что в той Урюпинской станицы в продаженой хлебъ печеной по три, а пшенишной по четыре копейки фунтъ; а по Бузулуку в станицах, по неурожаю вовсе хлеба, мелютъ дубовые жолуди и лебедовые семена собираютъ. И прошено его высокопревосходителства о приняти во отеческое сожаление людей сих, в горестномъ состояни находящихся, которые, по точному в продоволстви своемъ недостаточеству, употребляя такую пищу: жолуди и лебедовые семена, истощут последние свои силы, а, по изнеможению, и получатъ безвременную смертъ, в крайнее сожаление. А и в протчихъ станицахъ казаки постоями до того жъ доведены быть могутъ.

6-е. И хотя в толь самой крайней нужде и ожидали мы войскомъ Донскимъ освобождения отъ постою, но господинъ брегадиръ и коваллеръ Бринкъ присланнымъ в Канцелярию Вой-

сковыхъ Делъ сообщением назначилъ уже и на нынешнее в будущую зиму квартирование войски в ведомстве здешнем, а именно: в Рагавскомъ стану и Оксайском селени — четвертой лехкой, в Маноцкой — двусотной, в Багаевской Бесергеневской — втарой лехкой командам, а в донецких станицахъ — легионную ковалерию; которые команды в квартиры уже вступили.

И із вышепрописанного, отънесенного къ его высокопревосходителству, обстоятелства, ваше сиятелство, милостиво усмотретъ изволите, какие у насъ, в войске Донскомъ, по неурожаю хлеба і травы, наикрайнейшия нужды. Но Царицынская Комендантская Канцелярия, не исполняя присланнаго к ней от вашего сиятелства ордера, сама сабою нашего войска станицы, какъ будто состоящие под ее командою, назначаетъ под постои, с повелением притом о заготовлени овса и сена, которого почти вовсе у казаковъ нетъ. Чего ради, во оную Комендантскую Канцелярию посланною промемориею требовано: исполнить по самой силе содержания вашего сиятелства ордера; а сама бъ собою войска нашего станицы, яко не состоящее под ее ведомствомъ селение, под постой не назначала, в крайнсе прискорбление и обиду намъ, войску Донскому.

Вашему жъ сиятелству мы войском Донскпмъ, о семъ представляя в высокое разсмотрение, покорно просим: отъ таковыхъ утесненей насъ, войско Донское, защититъ, а повелетъ оной Царицынской Камендантъской Канцеляри исполнитъ точную силу присланнаго к ней отъ вашего сиятелства ордера и о томъ не оставитъ насъ, войско Донское, милостивою вашего сиятелства резолюциею. А о сем же отъ насъ, войска Донскаго, и к господамъ генералъ-аншефамъ и разныхъ ординовъ ковалерамъ: князь Василю Михайловичу Долгорукову да Григорю Александровичу Потемкину представлено.

Семенъ Сулинъ.

Войсковой наказной дьякъ Иван Несмеянов.

Октебря 18-го дня 1774 года.
Черкаской.

(П. А., кн. VIII, лл. 432—434.)

№ 13. [1]

Высокородному и превосходителному генералъ-майору и ковалеру Николаю Ивановичу Чорбе — Володимерскаго драгунскаго полку

---

[1] *Перед текстом:* «Копия». *Копия рапорта скреплена подписью:* «С подлинным сверялъ ауднторъ Герасимъ Григорьевъ».

Рапортъ.[1]

. . . . . .

2-е. Поселяне квартиръ полку Володимирского, по известиямъ отъ посланныхъ вышеписанными канцеляриями [2] штабъ и оберъ-афицеровъ, до новаго урожая не только чистымъ хлебомъ, но и с прибавлениемъ некоторой части к арженой муке лебеды и желутковъ прокормится отнюдь не могутъ, а разве де десятая часть по Ниже-Ломовскому уезду прокормить себя могутъ, а по Верхо-Ломовскому уезду явился недостатокъ. А, сверхъ тово, въ Верхнемъ городе Ламове посланнымъ от меня полковымъ квартермистрамъ Кукановымъ, при определенныхъ: отъ Воеводской Канцеляри — штатной роты порутчике Сурине, отъ магистрата — присудьствующим купце Евдокиме Красильникове, с соцкими и десяцкими ниже представленныхъ родовъ хлеба, не минуя ни одново в городе жителя, хотя и найдено, а именно молоченова и молотова: муки аржаной—сто тритцеть пять четвертей пять четвериковъ, пшеничной — одна четверть два четверика, ржи—двести четвертей три четверика, пшеницы — десять четвертей, пшена и проса — пятдесятъ четвертей три четверика, гречи — девять четвертей одинъ четверикъ, гороху — пятнатцать четвертей четыре четверика, ячменю — две четверти четыре четверика, канапель — пять четвериковъ, овса — сто соракъ одна четверть пять четвериков, немолоченава, по примеру: ржи — тысяча двести шездесятъ четыре четверти шесть четвериковъ, проса — двести тринатцать четвертей три четверика, овса — семьсотъ семдесят деветь четвертей четыре четверика. Но по вымолочени таким ли числомъ меры вытьти можетъ, тово верно предузнать не можно, коево какъ во обмолачевани, такъ и въ пропитани темъ хозяевам запретить должности своей не имею.

Но, и всево тово не менше, и по уезду квартирующими господами ротными командирами учиненное свидетелство открываится, что не только продажи надеится, но и теперь болшая часть изнихъ кормются покупаю [sic] з базаровъ лебедою, с малою частью ко оной примесу ржи. И протчаго ероваго глеба, по множеству техъ людей, кои совсем никакова пропитания хлеба не имеющи, по новой урожай гораздо (недостаточно). И чемъ имъ себя пропитать, представить никак не возможно; но разве ихъ началники, яко приемлющие в [3] их недостатке попеченье,

---

[1] *Начало рапорта опускается.*
[2] *Т.-е. Верхне- и Нижне-Ломовской.*
[3] «В» *повторено в оригинале дважды.*

найдутъ каковое-либо удовольствие; а бес тово имъ никакой надежды себя прокормить не находится...[1]

Подлинной подписалъ полковникъ Аберпибесавъ.

Ч. 31-го октября 1774 года.

Г. Верхней Ломов.

(П. А., кн. VIII, л. 445.)

№ 14.[2]

Правительствующему Сенату от генерала и ковалера, графа Панина

Репортъ.

Правительствующій Сенатъ насланнымъ ко мнѣ ея и. в. указомъ благоволилъ дать знать предложение господина сенатора, тайнаго дѣйствительнаго советника и ковалера, Алексея Петровича Мельгунова, по случаю дошедшаго до него отъ директора Темниковскихъ казенных винокуренных заводовъ касательно описи хлѣба и запрещения продажи оному въ местахъ Воронежской губѣрніи репорта, требуя свѣдения, не отъ меня ли сие запрещение здѣлано.

Вслѣдствие сего Правительствующему Сенату донести честь имѣю: Помянутаго въ продаже хлѣба запрещения не токмо въ Воронежской, но и моему начальству во ввѣренныхъ губѣрніях отнюдь никогда здѣлано не было и нѣтъ. А происходитъ оное само по себѣ, в разсуждени (чаятельно, и Правительствующему Сенату известно) нѣ едва ли въ краю здешнемъ генеральнаго ему неурожая, отъ чего люди, питаясь лебѣдою и другими крайне нужными избытками, несутъ уже голод. Для прокормления которыхъ, по всеподданнѣйшему моему представлению, всемилостивѣйше отъ ея и. в. повелено и заготовляется въ магазеины губѣрней, мнѣ подчиненных, знатное количество хлѣба, но съ великимъ, однако ж, въ пріискани онаго трудомъ. Для чего, по приглашению Казанского и Нижегородскаго господ губѣрнаторов къ главной моей квартирѣ, въ общей конференци къ невозвышенію и непременная на сей случай цѣна хлѣбу утверждена, а именно: на правомъ бѣрегу реки Волги оржаной мукѣ не свыше дву рублей семидесятъ копеекъ, а крупѣ — трех рублей пятидесяти копеек, овсу — рубля десети копеек; а на левом берегу мукѣ — рубля восмидесяти копеек, а овсу — восемдесят копеек четверть. О семъ преположеніи равномерно всеподданнейше донесено отъ меня ея и. в.

Ноября 13 дня 1774 году.

Синбирскъ.

(П. А., кн. II, л. 107.)

---

[1] *Конец рапорта опускается.*

[2] *После текста:* «Послан съ порутчиком Змиевымъ 19 ноября».

№ 15.[1]

Его сиятелству, господину генералъ-аншефу, всехъ россійскихъ ординовъ ковалеру и трехъ губерней главному повѣлителю, графу Петру Ивановичу Панину из Саранской Воеводской Канцелири

Доношение.

Минувшаго октября 2-го дня сего 774 года, по присланному отъ его сиятелства, господина генералъ-порутчика, ковалера и Казанской губерни губернатора, князь Платона Степановича Мещерскаго в Саранскую Воеводскую Канцелярию предложению, велено до будущаго урожая хлеба и полеваго корму на продоволствие войскъ приуготовить правианта и фуража в Саранске на половину драгунскова полку. Но, в разъсуждени краткости времяни до прибытия ево, как де не предвидится способу для онаго полку правианта и овса умеренными ценами теперь закупить, то по необходимости, учиня росписание, по ревизи последней с числа душъ собрать на одинъ месяцъ: муки, крупъ и овса мерою, а сена — весом; а ежели и тому всевозможныхъ способ не будетъ сыскиватся к покупке в доброволную от дворянъ или от ково толко возможно будетъ цену, то и на другой месяцъ таким же образом приуготовить. І за тотъ собранной правиантъ и фураж со обывателей денги зачесть им при первом платеже в подушной оклад.

І, в силу того его сиятелства повеления, в Саранской уездъ, во все станы и в каждое жителство, не изъемля ни единаго, для высылки и поставки того правианта и фуража посланы были нарочные оберъ- и ундеръ-афицеры, почему онаго и свезено в городъ Саранскъ, — и то едва чрез великия понуждени, — в таком чаяни, чтоб в проудоволстви находящихся в городе Саранску воепно-служителей не могло последовать какого-либо недостатку. Коего теперь, за употреблением выдачею на проудоволствие Нарвскаго пехотнаго полку, состоящаго под руководством господина полковника Татищева, деташамента и Саранскаго дворянства уланскаго корпуса, состоитъ в наличъности: муки — тринатцать четвертей четыре четверика, крупъ гречневых — два четверика одинъ гарнецъ, овса — дватцать четвертей, сена — двести тритцать одинъ пудъ девятнатцать фунтов. Когда ж оной отъ обывателей поставленъ, тогда цены обстояли и действително покупался: мука рженая — по три рубли по шестидесятъ копеекъ, крупы гречневыя — по четыре рубли, овесъ — по рублю по сороку по четыре копѣйки четверть, а сена — по осми копеекъ пудъ; а ныне покупается:

[1] *Перед текстом:* «Ч. 29 ноября 1774 года». *На поле сбоку:* «№ 2397».

*

мука рженая — по тому ж, крупы — по четыре рубли по осмидесятъ копеекъ, овесъ — по рублю по шестидесятъ копѣекъ, сена — по осми ж копѣекъ пудъ.

А затем, какъ те посланные, возвратясь, поданными в Саранскую канцелярию репортами, так и обыватели, явясь сами собою, согласно скасками показали, что оне более того правианта и фуража за проудоволствием преследующих и бывших до сего в городе Саранску и в Саранском уезде войскъ по всеместному здесь неурожаю поставить ни по какой цене и ни чрез какие понуждени не в состояни; отчего де и в собственном своем содержани в том правианте и фураже претерпеваютъ сущей недостаток, коего за неимением и в пищу себе употребляютъ почти во всех Саранскаго уезду селениях хлебъ, смешенной с мекиною, с лебедою і з желудка́ми, по самой необходимости, а скотъ доволствуютъ мелким кустарником. Однако, не явятся ль кто, окроме их, к поставке онаго правианта і фуража по доброволной цене охочие люди, троекратно в городе Саранску в народ публиковано; точию и по оным никого не явилось ...[1]

Воевода Василей Сабуровъ
Воевотской таварыщъ Дмитрѣй С.....[2]
Секретарь Андрей Метальниковъ.
Канцелярист Алексей Аристовъ.

Ноября 13-го дня 1774 году.

(П. А., кн. IX, лл. 259—261.)

№ 16.[3]

Его сиятелству, высокопревосходителпому господину генералъ-аншефу, разпых ордипов кавалеру, главпому началнику, от ея і. в. отряженпому к пресечению внутреннего государственного возмущения и возстановления тишины, графу Петру Ивановичю Панину от генерала-порутчика, Воронежской губерніи губернатора і кавалера

Рапортъ.

В указе Правителствующаго Сената отъ 24-го минувшаго октября обьявлено, что, по случаю дошедшаго чрезъ господина действителного тайного совѣтника, сенатора и кавалера, Алексѣя Петровича Мелгунова сведения, по репорту к нему от директора Темниковскихъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ, бутъто, в проездъ ево чрезъ некоторые селенiі Воронежской губерніи для

[1] *Опускается конец доношения.*
[2] *Фамилия неразборчива.*
[3] *Перед текстом:* «Получено 3 декабря 1774. Во известие». *На поле снизу:* «№ 2746».

сыскания на заводы хлеба, виделъ онъ в Казловскомъ уезде немалое число по гумнамъ старого хлеба въ кладяхъ; но во всехъ городахъ и уездехъ той губерніи у помещиковъ и земледѣльцовъ, не обходя никого, какъ в гумнахъ, такъ и в анбарахъ, хлебъ описываютъ, и продажа отъ городовыхъ командъ, яко-бы по сенатскому указу, удержана. Причемъ оной господинъ сенаторъ и кавалеръ съ своей стороны объявилъ, что, естли в покупкѣ хлеба на Темниковския винокуренныя заводы, с коихъ около ста двадцати тысячь ведръ вина выставлять назначено, затруднение происходить будетъ, то оное вино выкурено быть не можетъ. Для чего и предписано, кому надлежитъ, немедленно приказать не толко никакого в закупке помешателства не чинить, но в потребномъ случае и всякое возможное вспоможение показывать, такъ какъ посланными изъ сената указами всемъ местамъ подтверждено, чтоб и партикулярнымъ людямъ, вступившимъ в винной подрядъ, на выкурку вина хлеба покупать не запрещать. И сие предписание сенатъ зделалъ на такой токмо случай, естли от вашего сиятелства о закупке на казенныя винокуренныя заводы хлеба запрещения не учинено; естли же такое запрещение о закупке хлеба на те заводы в самом деле зделано, то сенатъ ожидать будетъ от вашего сиятелства уведомления.

Я уже представилъ вашему сиятелству при донесении моем еще сентября 16-го числа с высочайшаго ея и. в. указа копию, которымъ е. в. повелеть соизволила из Воронежской губерніи делать вспоможение провиантомъ Московскому и Нижегородскому господамъ губернаторамъ, по неурожаю въ их губерніях хлеба к продовольствию жителей и войскъ, и сие производить со опробаціи вашего сиятелства; и в том же донесении изъяснилъ, что, по совершенному в здешней губерніи всякому хлебу в прошедшемъ лѣте неурожаю, определилъ собрать изъ всѣхъ городовъ извѣстіи, описавъ весь наличной хлебъ, дабы узнать, сколко за продоволствиемъ жителей окажетца излишка, которым бы вышеписаннымъ Московской и Нижегородской губерніямъ вспомоществовать возможно, или будетъ недостатокъ. А какъ послѣ того полученнымъ мною минувшаго октября 1-го числа из Правителствующаго Сената указомъ велено доставить сенату уведомление, столко ли велика во вверенной мне губерніи нынешняя жатва хлеба, чтоб, в случае недостатка оного в Казанской, Оренбургской, Астраханской и Нижегородской губерніях, можно было зделать имъ подвозом того хлеба вспоможение, и до коликого, хотя примерно, числа, да и какими средствами,— то и еще о окончаніі определенных мною описей хлебу во все ведомства моего канцеляріи подтвердилъ с нарочными. Но при всемъ том запрещения в продаже хлеба не толко на казенныя заводы не было, но имянно в предложениях моих всемъ канцеляріямъ предписано жителямъ обявить, чтоб и партикулярнымъ

поставщикамъ вина и отвозомъ на торги к пропитанию неимущихъ хлебъ продавали свободно; и чтоб гдѣ таковое было запрещение, кроме Темниковскихъ винокуренныхъ заводовъ директора, коллежского ассесора, Реткина, и от равных, в Воронежской губерніи состоящихъ, винокуренных казенныхъ заводовъ, и ни от кого жалобы я не слыхалъ. Когда ж и по его, Реткина, представлению получил от господина тайного совѣтника, сенатора и действителного камеръгера, Вырубова сообщение, от Казловской канцеляріи, для чего в прописанных от него, Ретъкина, местахъ продавать хлебъ запрещено, требовалъ отвѣтъ: репортуетъ, что в продаже хлеба на казенные заводы и никому, поставщикамъ вина, тожъ и неимущимъ пропитания не толко запрещения не было, но еще всемъ жителямъ о безопасномъ сего торга отъправленіи, по точному предписанию моих предложеній, обявлено. О чемъ сего ноября 11-го числа и Правителствующему Сенату отрепортовано.

Однако, и нынѣ всемъ ведомства моего канцеляриям по обявленному от 24-го минувшаго октября Правителствующаго Сената указу не толко о нечинении в покупке на казенныя винокуренныя заводы хлеба запрещения, а и о вспоможенiи еще предложениями предписалъ, о чемъ и вашему сиятельству доношу.

Николай Шетневъ.
Секретарь Іванъ Безгинъ.

Ноября 19-го дня 1774 года.
(П. А., кн. II, лл. 107 — 108.)

№ 17. [1]

Его сиятельству, повелевающему здешними войсками высокопревосходительному господину генералъ-аншефу и всех россійских ординовъ ковалеру, графу Петру Ивановичу Панину от генералъ-маиора Волкова

Рапортъ.

Ваше сиятельство изволили мне приказать доложить себѣ, не окажутся ли здесь какие способы к пропитанию, хотя до открытия воды, колонистовъ, каторыхъ, мне кажется, по неимению здесь хлеба, никаких нетъ, разве доставлениемъ из других дальныхъ местъ. Нонешнеѣ жъ время и по генварь месяцъ оне питаются, получая половинную дачу от канторы із собираемово хлеба с обывателей, разграбленнаго из магазеиновъ во время бывшаго

[1] *Перед текстом:* «№ 13. Вз. Полученъ декабря 5 дня 1774 году». *На обороте второго листа:* «По сему извесно».

здесь беспокойства. Далѣ жъ сего времени, не думаю, чтоб кантора ихъ питать могла. А слышалъ я от господина главнаго судьи той канторы Ладыженскова, что імяннымъ указомъ повелено господамъ губернаторамъ: Белогородскому, Воронежскому и Слободскому к генварю месяцу доставить сюда канешно восемь тысячь хлеба; ежели оной привезенъ будетъ, то, кажется, до скрытия воды оне пропитатся могутъ бѣз дальной нужды.

Генералъ-маіоръ Волковъ.

№ 76.

Декабря 1 дня 1774-го году.

Г. Саратовъ.

(П. А., кн. VIII, л. 508.)

№ 18.[1]

Въ Правительствующій Сенатъ изъ Канцеляріи Опекунства Иностранных

Доношеніе.

По причинѣ неурожаю въ прошломъ 1773 году въ саратовскихъ колонистких селѣніяхъ хлѣба, Канцелярія Опекунства Иностранных подрядила в томъ году, октября 14, да в нынѣшнемъ 1774 году, марта 17-го чисел, олонецкого купца Григорья Кирилова поставить в городъ Саратовъ и въ состоящія по колоніямъ магазійны ево коштомъ слѣдующѣе, необходимонужное на пропитаніе сихъ поселянъ и на посѣв имъ, а, сверхъ того, и на продовольствіе состоящихъ в Саратовѣ воинскихъ командъ, равно и на случай нужды въ запасъ количество, а именно: муки ржаной сорокъ тысячъ, пшеницы ярой четырѣ тысячи, овса девять тысячъ, всего — пятдесятъ три тысячи четвертей, цѣною, по произведеннымъ тогда на основаніи законовъ торгамъ: за муку — по рублю по семидесятъ копеек за куль, за пшеницу — по три рубли по дватцати копѣекъ, за овесъ — по рублю по десяти копеекъ за четверть, съ такимъ условіемъ, чтобъ пшеницу и овесъ поставить къ вѣшнему посеву (что и исполнено), а муку в такое время и по толикому количеству въ каждый месяцъ, когда сколко по разсмотренію Канторы Опекунства Иностранных потребно.

---

[1] *Перед текстом:* «Копія». *На доношеніи — полностью скрепа:* «Секретарь Аркадій Терской» *и часть другой скрепы:* «Съ подлинными читалъ регистраторъ Іванъ Брагин».

[1]... на каковое росписаніе согласясь, подрятчикъ действително оное и псполнял; и, какъ по присланнымъ из Канторы Опекунства Иностранных до причиненія городу Саратову разоренія репортомъ явствуетъ, принето от него сей муки въ Саратовской и въ лежащія по колоніямъ магазійны по июль месяцъ дватцать шесть тысячь триста тритцать семь четвертей; а, сверхъ того, закуплено имъ было у саратовскихъ разного званія жителей, торгующих хлебомъ, къ отдачѣ в помянутыя магазейны четырнатцать тысячь четвертей, чрезъ что вся бъ той муке поставка и кончилась. Но в случившейся минувшаго маія 13 дня в городѣ Саратовѣ незапной и скоропостижной пожаръ вся оная закупленная въ Саратовѣ мука четырнатцать тысячь четвертей, будучи еще въ магазійны непринятою, сгорѣла без остатку, о чемъ сами продавцы той муки писменно засвидетельствовали, и въ заплатѣ за сію муку денегъ с повереннымъ оного подрятчика въ Саратовскомъ магистратѣ дѣло между ими происходило. Послѣ чего повереннымъ оного подрядчика (какъ то поданными нынѣ от сего поверенного въ кантору, а от самого подрятчика въ Канцелярію Опекунства Иностранныхъ доношеніями объявлено) куплено было муки чрезъ нарочно от них посланных с плывущих по Волгѣ до Астрахани судовъ двенатцать тысячь восемьсот девяносто пять, да в Казанском уѣздѣ в селѣ Козловѣ три тысячи двести, итого — шеснатцать тысячь девяносто пять четвертей, чрезь что паки вся бъ поставка той муки і исполнилась и со излишествомъ. Но из сего дѣ количества ис купленной с судов удалось поверенному его въ вѣдомство Канторы Опекунства Иностранных в разные магазійны августа по 3-е число отдать только восемь тысячь триста девяносто пять четвертей, а затѣмъ достальное число ис той купленной съ судовъ муки четыре тысячи пятьсотъ четвертей оставалась для развозу по колоніям; но во время нападенія на городъ Саратов злодѣевъ, частію их партіями, частію же и тамошними жителямі, все без остатку разграблено. Купленая же въ Казанскомъ уѣздѣ въ селѣ Козловкѣ, три тысячи двести четвертей, за воспослѣдовавшими такими жъ замешательствами и разореніями, оставалось в томъ сѣле Козловкѣ, для отысканія коей въ минувшем октябрѣ месяцъ хотя и посланъ былъ нарочной, но продавцы оной муки отозвались, что вся та мука злодѣями у них разграблена.

Итак де, по всем симъ обстоятельствам, то-есть по сгорѣнію в Саратовѣ четырнатцати тысячь и по разграбленію злодѣями семи тысяч семисотъ, всего — дватцати одной тысячи семисотъ четвертей, претерпеваетъ онъ великіе убытки и крайнѣе разореніе. А потому и считающейся теперь в непринятіи от него

[1] *Опускается та часть доношения, где содержится помесячное «росписание» поставки Кириллова, предложенное ему Конторой к исполнению в течение декабря 1773 г. — августа 1774 г.*

семи тысячь шестисотъ дватцати двухъ четвертей поставить онъ не можетъ, а, наипаче, в нынѣшнее время по чрезвычайной дороговизнѣ и почти по всеобщему въ хлебѣ недостатку; в разсужденіи чего и просятъ, чтоб, приняв во уваженіе какъ усердіе ево во исполненіи казенной надобности в такое короткое время, такъ и вышеупомянутые послѣдовавшіе ему убытки и раззореніе, от поставки досталного количества семи тысячь шестисотъ дватцати двухъ четвертей вовсе его освободить.... [1]

По всѣм симъ обстоятельствамъ Правительствующему Сенату Канцелярія Опекунства Иностранных и представляетъ симъ слѣдующее свое мнѣніе: не изволит ли Правительствующій Сенатъ повелеть означенного подрятчика от поставки не вступившаго в пріемъ, а в самом дѣлѣ двоекратно купленного уже количества муки, семи тысячь шестисот дватцати двухъ четвертей или сколько по точной канторской выправкѣ, явится вовсѣ освободить, ибо по известному теперь во всѣхъ почти местах въ хлебѣ недостатку цена оного состоитъ нынѣ слишком вдвое против поставленной с симъ подрядчикомъ цены, слѣдовательно без сущаго разоренія сею поставкою и исправится ему никакъ нельзя.... [2]

Декабря 3 дня 1774 года.

На подлинномъ пишетъ тако: Князь Г. Орловъ. Иванъ Резановъ. Афанасій Балла. Секретарь Иванъ Ананьевской.

(П. А., кн. II, лл. 174—178.)

№ 19. [3]

Из Главной Провіантской Канцеляріи его сиятелству, господину генералъ-аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру, графу Петру Ивановичу Панину.

В разсужденіи, что надлежитъ доставить будущею водяною коммуникациею въ Астраханские могазсины и изъ оныхъ въ Кизляръ и Моздокъ, для продовольствия находящихся тамъ воинскихъ командъ, муки и овса по шестидесять тысячь и крупъ до трехъ тысячь четвертей, а желающихъ к поставке подрядомъ, хотя и неоднократно было публиковано, только поныне еще никово не явилось, да и впредъ, чтобъ явились, надежды нетъ,— чего ради, для закупки на первой случай хотя небольшаго числа, отправленъ от Главной Провіантской Канцеляріи, за раскомандированіемъ провиантскихъ чиновъ, в должности оберъ-

[1] *Опускается часть доношения, где Конторой формулируются основания ее ходатайства перед Сенатом за Кириллова.*

[2] *Конец доношения Конторы опускается.*

[3] *Перед текстом:* «№ 86. Вз. Полученъ декабря 16 дня 1774 года».

провіантмейстера оной канцелярiи эксекуторъ Холодовъ. А какъ надлежитъ ему ту закупку производить в Казанской губернiи, по рекамъ Каме и Вятке, по притчине, что в протчихъ губернияхъ: Воронежской и Белогородской, из которыхъ можно доставлять в Астрахань водяною коммуникациею хлебъ, ныне за недородомъ состоятъ цены весма высоки; и к тому происходитъ тамъ уже немалое заготовление для протчихъ полковъ, ожидающихъ в непременные квартиры, — то, дабы чрезъ заготовленiе в Казанской губернiи для доставки в Астрахань хлеба не произвести чего, распоряженiямъ вашего сиятелства противнаго, предписано упоминаемому посланному, чтобъ онъ, не вступая ни в какое дело, прежде явился у вашего сиятельства в Синбирске и отправился в предписанные ему по рекамъ Каме и Вятке места для закупки хлеба тогда, когда от вашего сиятельства получитъ повеление. И ежели, по разсмотрению вашего сиятельства, закупку хлеба производить ему в Казанской губернiи препятствия нетъ, Главная Провiантская Канцелярия проситъ снабдить ево о томъ повелениемъ и, кому надлежитъ, о надлежащемъ до пользы казенной ему вспоможенiи учинить подтверждение.

Никалай Дурново.
Секретарь Григорей Радионовъ.
Генеральной писарь Федоръ Ламтевъ.

№ 4237.

Декабря 10 дня 1774 года.

(П. А., кн. VIII, л. 762.)

№ 20.[1]

Сиятелнейши графъ, высокородны и высокопревосходителны господинъ генералъ-аншефъ и разныхъ ординовъ ковалеръ!

Милостивый государь Петръ Ивановичь!

О недостатке в Астраханскихъ могазеинахъ казенного провианта и о недоставлени оного в прошедшемъ лете подрятчиками: полного числа — сюда, а всего — на отправление в Кизляр, не толко здесь, но уже чрезъ отправленные в Правителствующи Сенатъ, в Государственную Военную Коллегию и в Главную Провианскую Канцелярию от меня доношени известно. В сем случи, имея в провианте нужду, по требованию Кизляръскаго камендантa, и определено было отправить туда муки четыре тысячи и крупъ триста четвертей.

А потом, по приезде моемъ ис Кизляра, Астраханскаго казачьего полку полковникъ и от Почтоваго Правления просили,

[1] *Перед текстом:* «№ 86. Получено 30 генваря 1775 года». *После текста:* «По сему Кречетникову и еще к Мещерскому писано».

чтоб, по неимению оного провианта в продаже, снабдить на прошитание казеннымъ провиантомъ из астраханских могазеиновъ оного полку состоящихъ при Астрахани и в станицахъ служилыхъ и отставныхъ казаковъ за поставочную цену. По каковой крайности, вспомоществуя имъ и видя, по поданной от Астраханскаго оберъ-коменданта, господина генералъ-майора Левина, сентября 15 дня ведомости, что количество провианта, за показанною в долги розъдачею, простираетца в могазеинах на годовое время, находящемуся при Провианскомъ Правлени порутчику Савину Степанову по данному ордеру велено было отпустить въ казачей полкъ муки и овса по двести, в станицы на розделъ каждого сорта по пяти сотъ, а всего тысечю четыреста, с возвращениемъ будущею весною натурою.

Но оберъ-комендантъ в семъ отпуске воспрепятствовалъ непослушаниемъ, что меня натурално привело во огорчение. Однако, желателно было о такомъ дерзновепи знать, от чего бы оно произойти могло: чрезъ некоторое время уведомится могъ партикулярно, что отправление в Кизляръ назначенного числа провианта было весма медлително, к чему збирано ево несъколко по дворамъ; то и открылось явно, что выдачи учинить не ис чего. И потому приказано двумъ штапъ-афицерамъ весь провиантъ в могазеинахъ осмотреть и перечесть, хотя примерно; которые сего декабря 6 дня поданными репорътами обявили, что, по свидетелству их, нашлось в приеме провиантъ-камисаровъ налицо: муки ржаной девятипудоваго весу — две тысячи четыреста пятдесятъ, крупъ — семьсотъ тритцать семь, овса — пять тысячь девятьсотъ пятдесят четвертей.

Почему тот же часъ означенной провианской порутчикъ и два камисара о толикомъ маломъ числе допрашиваны и показали, что у нихъ более того провианта не имеетца, а весь состоитъ в роздаче в долги партикулярнымъ людямъ въ 771-м, въ 772-м, въ 773-м и в нынешнемъ 774-м, по ордеру бывшаго предместника моего, господина генералъ-порутчика, сенатора и ковалера, Бекетова, данному во ономъ 1771-м годех, и по приказу Астраханскаго оберъ-коменданта и самимъ оным провианъскимъ порутчикомъ; и теперь действително осталось невозвращенного из долговъ: муки — три тысячи двести семдесятъ восемь, овса — девятьсотъ дватцать шесть; и на ком имянно, по коликому числу — и подашными от себя ведомостьми показали, и о томъ прежде таили мне показывать, по приказанию здешняго оберъ-коменданта, которой и самъ мне поданною ведомостью открылся, что имъ роздано губернаторскимъ товарищам и купцамъ немалыми суммами. Чего теперь, за неимениемъ в Астрахани в продаже хлеба, и возвратить никоимъ образомъ не возъможно. И того оставшаго наличного провианта не более стать можетъ, какъ на сей декабрь

и на будущие генварь и февраль месяцы. Да, сверхъ того, многова числа у них, камисаровъ, и не является...[1]

Итакъ, всепокорнейше вашего сиятелства прошу в семъ моемъ крайнемъ недостатке снабдить и темъ мне подать вспомоществование; чего ожидая, с совершеннейшимъ высокопочитаниемъ к вамъ пребываю.

Вашего сиятелства, милостиваго государя, всепокорнейшiй слуга

Петръ Кречетниковъ.

Ч. 10 декабря 1774 года.

(П. А., кн. XI, лл. 160—161.)

№ 21.[2]

Сиятелнейшему графу, высокородному, высокопревосходителному господину генералъ-аншефу и разных ординовъ ковалеру, графу Петру Ивановичю Панину — от генералъ-порутчика и Белогородской губернiи губерънатора Давыдова

Рапортъ.

По полученнымъ ея i. в. имяннымъ высочайшимъ на имя мое указомъ повелено: 1-м, сентября от 11 дня, — какъ от неудачного в разных Московской, Нижегородской и Воронежской губерней местахъ в хлебе урожая, такъ и по притчине буйства и разорения извесного изверга Пугочева, к продоволствию в пропитанiи оныхъ губерней всехъ жителей и воинских командъ, тамо пребывающихъ и вновъ определенных, естли техъ губерней от господъ губернаторовъ будуть требованiи, то к продоволствию хлебомъ, покупая на козенныя денги, потребиное [sic] количество доставлять, а, в случае, требовать настовленей от вашего сиятелства. По каторому высочайшему повелению я поныне ни от ково, выключая господина Московского губернатора, его сиятелства, графа Остермана, требования о хлебе не имею; коим, сообщая ко мне, проситъ толко одного еще сведения, могу-ль я ему учинить способствие во ономъ и да коликого числа четвертей, какого имянно хлеба, да и в каторыя места. И на оное ево сиятелства сообщение я уже с моей стороны ответствовал, что мне нужно знать, в каторыя имянно места и сколько какого имянно ж хлеба следуетъ доставить, дабы

[1] *Опускается конец реляции Кречетникова, с просьбой к Панину разрешить закупить на казенные средства необходимое количество провианта за счет виновных.*

[2] *На поле сбоку:* «№ 2660».

я покупкою по близости тех мест, в каторых оной долженъ быть, могъ заблаговремянно, с пользой высочайшаго интереса, исправиться.

А, сверхъ того, и то, что я прошедшего ноября 22 числа получил еще высочайшей имянной, за собственноручным ея і. в. подписаниемъ, указъ: для продоволствия около Соратова живущихъ поселенцовъ і на семена отправить в Соратовъ из Белогородской губерниі в первую поставку рженой муки три тысечи, а во вторую, какъ з Белогородской, такъ с Воронежской и Слободской Украинской, рженой муки дватцать пять тысечь, овса до десяти тысечь, пшеницы до осми тысечь четвертей. Но господинъ генералъ-порутчикъ и ковалеръ Щербинин сообщением дал знать, что, за недородомъ в Слободской губерниі хлеба, в том достовлении способия онъ учинить не можетъ. Итакъ, сие второй части отправление осталось на попечение насъ двухъ с Воронежским господином губѣрнаторомъ, об отправлении каторой и прилогаю верноподданническое мое усерднейшее старание. Первую жъ часть, мне принодлежащую, то-есть, три тысечи четвертей муки, в начале сего месяца из Белагорода и Курска уже отправилъ. А к тому жъ еще и на продаволствие войскъ второй армиі от провианскихъ коммисей в губѣрниі моей провианту покупка чинится тожъ множественнымъ числом. А, сверхъ того, на разныя козенныя надобности и Слободской Украинской господинъ губернаторъ Щербининъ равного о томъ хлебе спомоществования требуетъ. Да и по неурожаю вверенной мне губѣрниі в нынешнемъ году хлеба, и что к будущему году посеенной во многих местахъ червми поденъ, затем болыпим числом услужить не могу.

Но, при всем том, во исполнение высочайшей воли, сколь только будет можно, крайнейшаго моего старания к тому приложить не оставлю. І какъ доныне от господъ губѣрнаторовъ, кроме Московского, в силу первополученного мной ея і. в. высочайшаго о вспомоществованиі им хлебом повеления, никакого известия не имею, то об ономъ, чтоб по нетребованию их, а чрезъ то, в разсуждении возвышения цен, и уменьшения продажъ не воспоследовало, какого упущения не поставлено б было и на моемъ ответе, счелъ за необходимо-нужное вашему графскому сиятелству о семъ доложить.

Іванъ Давыдавъ.

Декобря 14 дня 1774 года.

(П. А., кн. IX, л. 409.)

№ 22.[1]

Указъ

ея и. в., с. в., из Государственной Военной Коллегіи господину генералъ-аншефу и разныхъ ординовъ кавалеру, графу Петру Ивановичу Панину.

По указу ея и. в. Государственная Военная Коллегия, по рапорту господина генералъ-аншефа и кавалера, князь Василья Михайловича Долгорукова, которым, между протчим, представлял: что крайній недостатокъ в правианте в магазеинахъ линіи Украинской и неимение денегъ на покупку оного принуждаетъ ево, генерал-аншефа, испрашивать в семъ случае разсмотрения оной Коллеги і указа, по которому бы можно было располагать меры к продоволствию войскъ, ис коихъ расположенные по Украинской лини едва на генварь месяцъ пропитание иметь могутъ; остановленные же по входе в границы до указу Военной Коллеги полки покупать оной принуждены в селениях, по нынешнему неурожаю, весма великими ценами. А затемъ, хотя правианта же и овса есть в Александровской крепости, в Сечи Запорожской и на Белозерке достаточное количество, но из того забирать онъ, генералъ-аншефъ, не осмеливается, поелику Александровской, Сеченской и Белозерской магазеины способны будутъ к наполнению водяным путемъ магазеиновъ в Кинбурне и на угле земли, составляющемся от соединения рекъ Днепра и Буга, также и для летняго пребывания, ежели повелено будетъ какому числу войскъ остатся на Новой Линіи. Впротчемъ, когда от Военной Коллеги указано будетъ заготовить правиантъ для состоящих там от других дивизій войскъ и для двуротных командъ, то нужно повеление в Белогородскую и в протчие окрестные губерни в выпуске хлеба, поелику ему, генерал-аншефу, известно, что и законтрактованного купцами для поставки хлеба выпускъ из тех губерней запрещенъ.

Приказали: 1-е, помянутой недостатокъ на Украинской лини правианта на нужнейшей только случай наградить із имеющагося в наличестве в Александровской крепости, в Сечи Запорожской и на Белозерке. А, между тем, какъ во вторую армию экстроординарную сумму на четыре месяца по имянному ея и. в. указу повелено доставить, о чемъ уже и надлежащее разпоряженіе от Коллеги учинено, по получени оной старатца правиантъ запасать удобными средствами, с наблюдением, однако ж, казенного интереса и без потеряния времяни. 2-е, ис представленей об-

[1] *Перед текстом:* «№ 20. Вз. Полученъ декабря 30 дня 1774». *На поле слева:* «№ 13285». *После текста, внизу на первой страницы л. 293:* «О выпуске ко 2-й арми із украинских местъ законтрактованного с купцамі хлеба і о прочем». *На обороте л. 295:* «К Суворову предложено 16 генваря 1775 году. В Коллегію рапортовано марта 3 дн[я?]».

явленного господина генералъ-аншефа и кавалера означается, что выпускъ хлеба изъ Белогородской и другихъ окрестныхъ губерней запрещен, то, дабы по недостатку во 2-й арми правианта войски нужды не претерпели, к вам, господину генерал-аншефу и кавалеру, также губернаторам Белогородскому и Воронежскому указами предложить, с темъ, что, естли в тамошних местахъ обстоятелства поправились, и в учиненномъ запрещени прежней нужды не состоит, то бъ дозволить ко второй арми, когда нелзя полного разрешения зделать, хотя законтрактованной с купцами хлеб выпустить. И о том уведомя командующаго второю армиею, и в Военную Коллегию рапортовать.

О чемъ вамъ, господину генерал-аншефу и кавалеру, учинить по ея і. в. указу; а к господам губернаторамъ: Белогородскому и Воронежскому о том же указы ис Коллеги посланы.

Алексей Микешинъ.
Секретарь Андрей Манаковъ.
Генералной писарь Іванъ Ильинъ.

Декабря 23 дня 1774 году.
(П. А., кн. III, лл. 292—293.)

№ 23.[1]

Его сиятелству, высокопревосходителному господину генералъ-аншефу, кавалеру, графу Петру Ивановичу Панину отъ армеи полковника Бибикова

Раппортъ.

Здесь закупаютъ подрядчики провиа[н]тъ, но крестьяне многия, по рубежу с Башкирией живущие, не пахали, да и никогда почти здешнимъ ведомствомъ не могли пропитать. Людей заводскихъ, пашни не имеющихъ, при заводахъ великое число, и которыя покупкою питаются. И хлебу подвозъ прежде всегда бывалъ изъ Исецкой провинціи, из прилегшихъ рускихъ слободъ, и от башкирцовъ; но сіи не сеели, а темъ, за поставкою въ Оренбургскую губернію, вывозъ запрещенъ.

Почему и осмеливаюсь вашему сиятелству представить: не угодно ли повелеть, по крайней мере, наблюсти, чтоб не чрезмерепъ вывозъ подрядомъ былъ. А к тому не менше беспокоитъ меня и состояние башкирцовъ, которыя, не заготовя про свое содержаніе обыкновеннаго, едятъ болной и почти умирающей свой скотъ и лошадей, которыхъ также мало у нихъ и есть, а хлеба і ничего: то, чрез зиму напитавшись столь вредною пищею, к весне сами бы в заразу не пришли.

№ 55 Полковникъ Василий Бибиковъ.
Ч. 5 генваря 1775 года.
(П. А., кн. X, л. 165.)

[1] *Перед текстом:* «26 генваря 1775».

№ 24.

Ведомость

о ценахъ хлебу в граничющихъ с Ысецкою правинциею и с ведомствомъ Екатеринбургскимъ Сибирской губерніи дистриктахъ, каковы с половины октября и в теченіи ноября месяцовъ состоятъ, а имянно:

	Цена хлебу		В какомъ разстояніи от тѣхъ мест Сергинской заводъ	
	Рубли.	Копейки.		
Въ Ялуторовскомъ дистрикте (каторой, хатя с тракту на Сергинскоі заводъ в стороне, но вывозъ на тот трактъ способенъ, между Тюменью и Екатеринбургомъ, а в другую сторону—к Челябе и к Троицкой крепости, ближе всехъ протчихъ, Сибирской губерніи, уездовъ):			380	Полагаитца в том ведомстве закупить, в разсужденіи великова числа густоты слабоdъ и хлебопашества: Четверти Муки . . . . 8000 Крупъ . . . 520 Овса 15000
Мука ржаная, четверть . . по	—	68		
по	—	73		
и до	—	84		
Ржи четверть . . . . . по	—	62		
по	—	68		
и до	—	78		
Крупъ четверть . . . . . по	1	20		
по	1	40		
и до	1	70		
Овса, а равно тому и ячмени четверть . . . . . по	—	50		
по	—	60		
и до	—	75		
В Тюменскомъ ведомствѣ:			350	Хатя оное ведомство ближѣ Ялуторовского и к транспорту на Сергинской заводъ, но не имеютъ жители даволно ізлішнева хлеба,
Муки ржаной четверть . . по	—	75		
по	—	85		
и до	—	95		

	ЦЕНА ХЛЕБУ		В каком разстоянии от тех местъ Сергиевской заводъ	
	Рубли.	Копейки.		
Ржи четверть . . . . . по	—	68		по случаю обыкновеннова там урожаю; а потому и в ценахъ оной недешевъ. И для таво полагаитца закупить в ведомстве онаго толко:
по	—	79		
и до	—	90		
Крупъ четверть . . . . . по	1	60		
по	1	84		
и до	2	10		
Овса четверть . . . . . по	—	50		
по	—	60		
и до	—	75		
В Краснослободскомъ ведомстве (а, наипаче, в округе Беляковской слободы, коя на самомъ тракте Екатеринбургскомъ состоитъ):			270	В томъ ведомстве, где, хатя пред другими местами хлебъ и дешевле, да и транспортъ оттуда ближе, но, в разсужденіи невеликова тамъ урожаю и свободности продажи хлеба, полагаится закупить:
Муки ржаной четверть . . по	—	68		
по	—	75		
и до	—	80		
Ржи четверть . . . . . по	—	62		
по	—	70		
и до	—	74		
Крупъ четверть . . . . . по	1	30		
по	1	40		
и до	1	70		
Овса, а равно тому и ячмѣни четверть . . . . . по	—	50		
по	—	60		
и до	—	70		

Четвертей
Муки 2200
Крупъ 80

Четверти
Муки 4000
Крупъ 200

Денис Чичеринъ.

Калежской секретарь Петръ Резановъ.

(П. А., кн. IX, лл. 381 — 382.)

№ 25.

Ведомость:

какое количество московской купецъ и оберъ-директоръ Гусятниковъ, обще с купцами: санктъ-питербурским — Алексѣемъ Михайловым, тоболскимъ — Иваномъ Назиндовымъ и томскимъ — Степаномъ Шумиловымъ, и на какие сроки обязался поставить в Нижегородскую губернию для продоволствия неимущих хлеба, и по какой цене, также, сколко по тому обязателству поставил и какую откуда сумму денегъ получил.

	Сколко в законтрактовани и в поставкѣ состоит хлеба четвертей.	На сколко онаго по цене.	В то число количество выдано денег и откуда.	Затем, что к выдачѣ оных слѣдует.
Означенной директоръ Гусятниковъ с помянутыми купцами прошлого 774 году ноября 17-го дня кантрактом обязался поставить Нижегородскаго уѣзду в село Лысково къ 10-му числу июня сего году муки ржаной в указной весъ 25000 четвертей, каждую — ценою по 2 рубли по 60 копѣекъ, а всего на 65000 рублев; в то число поставлено ими на тот срокъ:				
В нижегородския магазѣины . .	15000	39000	39000 (из Нижегородской Губернской Канцеляри).	—
В село Лысково	10000	26000	26000 (из оной же Губерской Канцелярі).	—
Да, сверхъ кантракта, от оных же подрятчиковъ еще принято в Нижнем, по настоявшей тогда для требующихъ на пропитание нуждѣ, поставочной муки	1200	3120	—	3120
Итого в поставкѣ	26200	68120	65000	3120

И означенной хлебъ весь употребленъ в роздачу на ссуду неимущимъ крестьяномъ.

Алексей Ступишинъ.

(П. А., кн. XIV, л. 304.)

№ 26.

Ведомость,

учиненная: сколько Сибирской и Оренбургской губерніи у купцовъ правианта и овса коллежскимъ совѣтникомъ Тимашевымъ закуплено въ линейные магазейны, съ поставкою продавцовъ коштомъ в крепости, а потомъ и управительскими канцеляріями, где, какое количество, чего закуплено и отправлено по повелѣніямъ ево, Тимашева, — значитъ под симъ.

Марта 15 дня 1775-го года.

А ИМЕННО:	МУКИ.		КРУПЪ.			ОВСА.			По какимъ ценамъ и на какие сроки выставить продавцы должны.
	Четверти.	Четверики.	Четверти.	Четверики.	Гарицы.	Четверти.	Четверики.	Гарицы.	
У неженскаго купца Ивана Андрѣева сына Курбанова, вопервых, Унской [sic] линіи:									Оной правіантъ и овес купецъ Бурбановъ [sic] поставить абязался своимъ коштомъ 1775-го году: нынешнимъ зимним путемъ —
Въ Звериноголовскую	2242	—	140	1	2	—	—	—	две части, а третью — летомъ, июля
Въ Устюйскую . .	1333	—	83	2	6	—	—	—	къ 1-му числу сего
Въ Крутоярскую .	1266	—	79	1	2	—	—	—	жъ года, непременно, ценою каждая
Въ Каракульскую.	1478	—	92	3	—	—	—	—	четверть: мука по
Въ Троицкую . . .	7103	—	444	3	6	2000	—	—	рублю по семидесятъ по пяти
Въ Степную	1847	—	115	3	5	—	—	—	копеекъ, крупа по три рубли, овесъ по рублю по сороку по восми копеекъ.
Во-вторыхъ, у него ж, Курбанова, Уйской же линіи в крепости овса:									Оной овесъ купецъ Курбанов обязался поставить своимъ коштомъ сего 1775-го году
Въ Троицкую . . .	—	—	—	—	—	1000	—	—	апреля къ 1-му числу, ценою каждую
Въ Каракульскую.	—	—	—	—	—	1000	—	—	четверть по рублю

*

А именно:	Муки.		Крупъ.			Овса.			По какимъ ценамъ и на какие сроки выставить продавцы должны.
	Четверти.	Четверики.	Четверти.	Четверики.	Гарицы.	Четверти.	Четверики.	Гарицы.	
Въ Крутоярскую .	—	—	—	—	—	1000	—	—	по тритцети копѣекъ.
Въ Устюйскую . .	—	—	—	—	—	1000	—	—	
Въ Звериноголовскую	—	—	—	—	—	1000	—	—	
В-третьихъ, у него ж, Курбанова, на оную жъ линію:									Оную муку купецъ Курбановъ обязался поставить своим коштомъ в летних месяцах, каждую четверть— по рублю по семидесятъ по пяти копѣекъ.
Въ Троицкую . . .	1000	—	—	—	—	—	—	—	
Въ Каракульскую.	1000	—	—	—	—	—	—	—	
Въ Крутоярскую .	1000	—	—	—	—	—	—	—	
Въ Устюйскую . .	1000	—	—	—	—	—	—	—	
Въ Звериноголовскую	1000	—	—	—	—	—	—	—	
У екатеринбургскаго купца Ивана, Иванова сына, Дубровина, во-первыхъ, в Катавской заводъ:									Оную муку и крупу купецъ Дубровинъ обязался поставить своимъ коштомъ сего 1775-го года въ іюнѣ и іюлѣ месяцах, ценою: мука по два рубли по дватцети копеекъ, крупа по три рубли по дватцети по пяти копѣекъ.
Муки	3000	—	—	—	—	—	—	—	
Крупъ	—	—	190	—	—	—	—	—	
Во-вторыхъ, у него жъ, Дубровина, въ Верхо-Уральскую крепость:									Оной овес поставить обязался своим коштом сего 1775-го году въ іюнѣ и іюлѣ месяцахъ, а, непременно, августа къ 10-му числу, ценою — каждую четверть по рублю по пятидесятъ копеекъ.
Овса	—	—	—	—	—	2000	—	—	

А ИМЕННО:	МУКИ.		КРУПЪ.			ОВСА.			По какимъ ценамъ и на какие сроки выставить продавцы должны.
	Четверти.	Четверики.	Четверти.	Четверики.	Гарицы.	Четверти.	Четверики.	Гарицы.	
У челябинскаго купца Ивана, Андреева сына, Боровинскаго въ Верхо-Уральскую крепость:									Оной овесъ поставить обязался своимъ коштомъ сего 1775-го году въ іюнѣ и іюлѣ месяцахъ, а, непременно, августа къ 10-му числу, каждую четверть по рублю по пятидесятъ копѣекъ.
Овса	—	—	—	—	—	4000	—	—	
У тобольскаго купца Дмитрея, Матвѣева сына, Посникова въ Верхо-Уральскую крепость:									Оную муку поставить обязался своимъ коштомъ сего 1775-го году: въ іюнѣ и іюлѣ месяцахъ — пять тысечь, да въ августе и сентябре месяцахъ — пять же тысечь четвертей, ценою каждую четверть по рублю по девяносту копѣекъ.
Муки	10000	—	—	—	—	—	—	—	
У екатеринбургскаго купца Ивана, Егорова сына, Жаркова въ Верхо-Уральскую крепость:									Оную крупу поставить обязался своимъ коштомъ сего 1775-го года въ іюнѣ и іюлѣ месяцахъ, ценою — каждую четверть по три рубли по тритцети копѣекъ.
Крупы	—	—	625	4	—	—	—	—	

А ИМЕННО:	МУКИ.		КРУПЪ.			ОВСА.			По какимъ ценамъ и на какие сроки выставить продавцы должны.
	Четверти.	Четверики.	Четверти.	Четверики.	Гарцы.	Четверти.	Четверики.	Гарцы.	
У челябинскаго купца Терентья, Яковлева сына, Дядюхина въ Верхо-Уральскую крепость:									Оную муку и крупу поставить обязался своимъ коштомъ сего 1775-го году въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, ценою каждую четверть: муку — по рублю по девяносту копеекъ, крупу — по три рубли по тритцети копеекъ.
Муки	3000	—	—	—	—	—	—	—	
Крупъ.	—	—	187	4	—	—	—	—	
Итого . . .	36269	—	1957	7	5	13000	—	—	

По сей ведомости значущейся правіантъ, покупной разного званія у купцовъ, коего сумма в разные места выше написано — пятдесятъ одна тысяча двести дватцеть шесть четвертей, семь четвериковъ, пять гарнцовъ. Когда исключить провозъ онаго противъ нынѣ возимаго по наряду в зимние месяцы, не включая, что земледельцы между собою делаютъ везущимъ отъ себя, сверхъ прогоновъ, немалую прибавку и от того делаютъ отягощеніе, а держаться одного казеннаго расхода, то, за исключеніемъ оного провоза, обошлась на месте не выше: мука — семидесятъ пяти копѣекъ четверть, крупа — по два рубли, овесъ — по пятидесятъ копѣекъ. А какъ оной правіантъ поставлятся будетъ знатное число въ летнихъ месяцах, и положить по пятнатцети пудъ на подводу, какъ и повсегодно при поставкѣ того правіанта полагается, то вся та издержанная сумма вышла бъ на одни прогоны, а хлѣбъ вступитъ отъ продавцовъ на место безденежно.

	СКОЛКО ЧИСЛОМЪ ЧЕТВЕРТЕЙ.		
	Четверти.	Четверики.	Гарнцы.
Покупнаго по дистриктамъ съ ихъ ведомствъ по повеленіямъ ево, Тимашева:			
Муки	5000	—	—
Да состоящаго по оным же дистриктамъ зборного съ крестьянъ хлеба и покупнаго:			
Муки	23359	—	7
Крупы	403	3	7
Овса и ечменю	9243	2	—
Итого: Муки	28359	—	7
Крупы	403	3	7
Овса	9243	2	—
Покупной правіантъ и овесъ закупать разными ценами: мука — отъ шестидесяти осми копѣекъ и до рубля четверть [но, однако, по рублю не болѣе куплено тысечь до шести], а овесъ — от тритцети девети и до пятидесяти копѣекъ.			
Да отправлено въ Верхо-Уральскую крепость из разных местъ, сверхъ вышеписанного, из собранного с душъ:			
Муки	18183	—	—
А изъ оной отправлятся въ Овзяно-Петровской и Преображенской заводы.			
Отправлено жъ изъ Исецка на Катавской заводъ:			
Муки	5500	—	—
Крупъ	343	6	—
Овса	3000	—	—

	Сколко числом четвертей.		
	Четверти.	Четверики.	Гарнцы.
Да башкирцами перевезено и нынѣ перевозится въ Верхо-Уральскую крепость собственнаго ихъ хлеба без платы изъ казны денегъ:			
Муки	6810	—	—
Итого: Муки	30493	—	—
Овса	3000	—	—
Крупы	343	6	—
А всего асигновано в разные места:			
Муки	95121	—	7
Овса	25243	2	—
Крупы	2705	1	4
А ОБОЕГО	123069	4	3

Изъ онаго правіанта пріуготовляется къ сплаву на барках водою по крепостямъ и в Оренбурхъ: муки — 45352 четверти, 7 гарнцовъ, крупы — 403 четверти, 3 четверика, 7 гарнцовъ, овса — 9243 четверти, 2 четверика, а всего къ сплаву водою — 54998 четвертей, 6 четвериковъ, 6 гарнцовъ.

Генералъ-порутчикъ Александръ Суворовъ.

(П. А., кн. XII, лл. 159 — 161.)

№ 27.[1]

Его сіятельству, высокопревосходительному господину генералу-аншефу, над войсками ея и. в., находящимися въ губерніяхъ: Нижегородской, Казанской и Оренбургской, и над теми губерніями главному камандиру, всехъ россійскихъ орденовъ кавалѣру, графу Петру Ивановичу Панину генерала-порутчика и губернатора Казанскова князя Мещерскова

Рапортъ.

На предложеніе вашева сіятельства от 12-го числа сего месяца под № 150-м, со вложеннымъ купца синбирскова Елисея Тетюшинова доношеніемъ, просящимъ у вашева сіятельства дозволенія о вывозе наступающею вѣсною водянымъ путемъ изъ Синбирска въ Астраханскую губернію накупленой имъ, Тетюшиновымъ, до пяти тысячь четвѣртей аржаной муки, имѣю честь вашему сіятельству представит:

Предохранѣніе постановленіемъ отъ вашева сіятельства въ трехъ губерніяхъ на хлѣбъ, самонужнѣйшей въ народе, именно: рожъ и овесъ, ценъ и невыпуску тово хлѣба без ведома губернаторовъ изъ одной въ другую губернію толико споспѣшествовало къ пользе общей, што при пропитаній въ Казанской губерній толь находящихся ныне немалочислѣнныхъ войскъ ея и. в., за доставленною чрезъ осень и зиму знатнова количества въ Оренбургскую губернію помощию и за искупленіемъ известными Гусятникова комиссіонерами для сплавки весною жъ в казенные магазѣины ста тысячь четвѣртѣй аржаной муки (да и в Нижегородскую губернію, по требованію господина губернатора, по нужности показываемой выпускъ и зимнимъ путемъ изъ Свіяжской провинцій зделалъ я), цены въ Вятской, Пермской да и в Свіяжской провинціяхъ (а во многихъ местахъ — и в самомъ уездѣ Казанскомъ) ниже поставленныхъ преположеніемъ содержались чрезъ всю зиму и понынѣ. Гдѣ и Пензенской провинцій обыватели (какъ в ней пред протчими здешъной губерніи мѣстами по неимѣнію у многих своево хлѣба и затемъ, што имъ определенная казенная въ ссуду производитца), нуждающіеся въ пропитаніи, кто могъ, зимнимъ путемъ ездили и закупали.

То дѣржу я мненіе мое,[2] што аржаной муки вѣсною приходящею изъ губерніи здешной водянымъ путемъ въ Астраханскую губернію торгующимъ, а такъже и в вѣрховые города, и прочева хлѣба выпускъ, хотя по небольшому количеству, кроме овса, какъ наибольше въ нѣмъ и здесь кажитца теперь нужда,

[1] *Перед текстом:* «13 апреля 1775».
[2] *Против этого места на поле сбоку поставленъ знакъ вопроса.*

зделать бы, наблюдая тово, чтобъ въ городахъ губерніи здѣшной, не только лежащихъ при обеих сторонахъ Волги, і в других недостатку и между гражданами не было, нигде выше цены, в преположеній поставленной. На сіе и буду я ожидать отъ вашева сіятельства предписанія мне, чтобъ, по тому руководствуясь, могъ я въпредь просящимъ позволѣніи благовременно давать или, смотря по нужности, отказывать въ томъ. Оному жъ синбирскому купцу Тетюшинову изъ Синбирска пять тысячь четвѣртей муки, соображаясь предложенію тому ко мне вашева сіятелства, о дозволѣніи въ Астраханскую губернію к отвозу и о даче билѣта предложилъ я синбирскому воеводѣ учинить, выправясь съ капитаномъ Горихвостовымъ, ежели ему в Синбирскѣ та, у Тетюшинова имѣющаяся, мука теперь ненадобна докупить въ надлѣжащее число къ пропитанію войскамъ или на роздачю обывателямъ въ ссуду.

Князь Платонъ Мещерской.

№ 98.

Марта 26-го дня 1775 года.

(П. А., кн. X, *лл.* 290 — 291.)

№ 28. [1]

Его сіятельству... [2] графу Петру Ивановичу Панину генерала-порутчика и губернатора Казанскаго князя Мещерскаго.

Репортъ. [3]

. . . . . .

...Господинъ Нижегородской губернаторъ многими сообщеніями, уведомляя меня о крайнѣй въ губерній Нижегородской, по бывшему неурожаю въ хлѣбе, какъ на пропитаніе, такъ і на семяна, нужде, требовалъ о даче желающимъ к вывозу туда позволенія. К тому и вступили ко мне многіе прошеніи отъ торгующих хлѣбомъ нижегородскихъ и протчихъ верховыхъ и низовыхъ городовъ купцовъ и крестьянъ о позволени закупленова ими в Вяцкой і Пермской, а частию і в Свияжской провинціяхъ разнаго хлѣба к вывозу водянымъ путемъ въ Астраханскую и Нижегородскую губерній, а на небольшое количество — и далѣе, въ верховые города.

---

[1] *Перед текстом:* «Ч. 24 маія 1775 года».

[2] *Опускаются детали титула, аналогичного с употребленным в рапорте под № 27.*

[3] *Опускается начало рапорта, с изложением доношения кн. Мещерского гр. П. И. Панину от 26 марта 1775 г., где Казанский губернатор высказывался за разрешение «выпуска» хлеба из пределов Казанской губернии.*

То взирая, што у нихъ столь немалое число въ закупке оказалось хлѣба, а ценами въ Казане и в Синбирске, въ преположеніи поставлѣнными, чрезъ всю зиму рожъ и мука продавалась; в протчих же городахъ губерніи здешной, по обоимъ сторонамъ реки Волги лежащихъ, и ниже техъ цен были, кроме всей Пензенской провинціи и части Синбирскова уѣзду, ниже города Синбирска лежащихъ, местъ, где, по неурожаю бывшему великому і отъ буйствъ прошедшихъ, почти весма мало, што где і в продаже было хлѣба. Но что хотя бы и держать показанной, закупленной и свезенной уже къ пристанямъ, хлѣбъ, Пензенская провинція по положенію еѣ, от техъ местъ не блискому, не воспользовалас же бы имъ; а хто і изъ еѣ жителѣй могъ купить, тѣ покупали зимою во оныхъ же дешевыхъ местахъ; кои жъ не могли так далеко купить, те из Синбирскова магазеина, изъ определенной на ссуду тритцети тысячь четвертей муки, довольствуютца. А к тому и завезенную с опробаціи вашева сіятельства въ Саранскъ, в Пензу і Петровскъ, в каждой — по тысяче по двести четвѣртей муки, для работниковъ около городовъ техъ валу, (какъ афицеры, просимые мною для снятія положеніевъ городовъ техъ плановъ к прожектамъ, надлѣжащимъ къ огражденію ихъ, не присланы, потому, кажетца, и не можно уже успеть будетъ работами теми), мню я роздать нуждающимся около техъ местъ жителямъ в ссуду, на таком же основаніи, какъ и оные в Синбирске на тотъ предмет тритцать тысячь четвѣртей роздаютца.

Въ разсужденіи всево онаго, просителямъ темъ на свободной из губерни здешной хлеба, ими закупленова, вывозъ даны билѣты, в томъ числе і подряднова въ Нижегородскую губернию въ казенные магазеины на дватцеть пять тысячь четвѣртей; а на сколько числомъ, кому, куда къ вывозу билѣты даны, влагаю у сего і вѣдомость, прося вашева сіятелства о ускорительной резолюціи мнѣ, раздат ли і в Петровске и въ Саранске имеющуюся вышеобьясненную казенную аржаную муку по тысяче по двести четвертей в ссуду в пропитани нуждающимъся въ околичностяхъ местъ оныхъ обывателямъ, кто суще не могутъ заплатить за нѣе наличными денгами ныне, то і впредь с возвратомъ. А в Пензе по необходимой страждущимъ гладомъ нужде восемьсотъ четвертей и роздано уже.

Князь Платонъ Мещерской.

№ 1463.

Ч. 10 майя 1775-го года.

(П. А., кн. X, лл. 292—293.)

№ 29.

Ведомость:

сколко числомъ какого хлеба из здешней в Нижегородскую и Асътраханскую губерни и в верховые города вывесть дозволено.

В Нижегородскую губернию.	Число четвертей.
Ржи и аржаной муки	29965
(в томъ числе в казенные магазеины 25000 четвертей)	
Пшеницы	27102
Гороху	547
Просяныхъ крупъ	403
Ячменю	550
Семя альняного	15
Семя конопляного	6
Итого	58588

В Астраханскую губернию.	
Аржаной муки	42590
(в томъ числе в казенные магазеины 2000 четвертей)	
Пшеничной муки	4130
Овса	1200
Гороху	306
Муки овсяной	150
Солоду аржанова	410
Итого	48786

В верховые города.	
Аржаной муки	1050
Пшеницы	5520
Гороху	103½
Пшена	220
Итого	6893½
Всего	114267½

Секретарь Николай Зиновъев.

(П. А., кн. X, л. 294.)

№ 30. [1]

Копия с рапорта

въ Государьственную Военную Коллегию, поданного 20 июля 1775 году.

Государьственная Военная Коллегия указомъ ея і. в. отъ 17 сего месяца под № 9456-м предписать ко мне изволила, чтобъ из определенной в пяти губерниях на продоволствие состоящихъ в них войскъ и жителей штатсъ-канторских доходов суммы, буде бы ее было достаточно, потребное количество отъделя, для равномерного продовольствия в корпусе господина генералъ-порутчика и ковалера де-Медома нерегулярных войскъ и жителей потребное количество к нему, не упуская ни малейшаго времяни, я доставил.

На сие оной Коллеги донести честь имею, что: По нынешнему моему служению ея і. в. всемилостивѣйше возложить на меня соизволила попечение в продоволство техъ войскъ, кои под моимъ началством состоятъ, равно какъ и жителей началства ж моего въ трехъ губерниях одинъ толко нынешней 1775 годъ; для чего, хотя доходы штацъ-канторския сего ж одного года и предъоставлены моему распоряжению в пяти губерниях, но, в разсуждени великих росходовъ, и что еще по известным минувшимъ обстоятелствам не сполна и не в свое время они вступаютъ, едва ли оныхъ достаточно будетъ и на помянутое (какъ выше сказано) продоволствие войскъ и жителей, под моимъ началством состоящих. А корпусъ господина генерала-порутчика и ковалера де-Медома, равно какъ и губерния Астраханская, от меня сим не зависятъ; следовательно, изъ тех штацъ-канторских доходовъ и не могу я никакой на то суммы, отделя, к нему, господину генералу-порутчику и ковалеру, доставить.

(П. А., кн. II, л. 307.)

---

[1] *После текста:* «Посланъ того ж числа».

КАЗАЧЕСТВО И ПУГАЧЕВЩИНА

Уральские казаки и пугачевщина.

№ 31.

Экстрактъ,

учиненной из делъ, об открывшемся разглашеніи вора и государственного злодея Пугачева священнейшимъ имянемъ в бозе почивающаго Петра третьяго, імператора, по другую сторону Таболска по тракту к Иркуцку яицкими казаками, препровождаемыми туда в сылку за прежней их бунтъ.

Левая колонна: 1773-го года августа 31-го и сентября 4-го чиселъ Оренбургской губернаторъ господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Рейнздорпъ сообщеніями уведомилъ: первымъ — что отправлены в Сибирь по высочайшей ея и. в. конфермаціи бывшія в войске Яицкомъ старшины и казаки, мятежники, за последовавшей от нихъ бунтъ наказанныя, всего мужеска и женска пола сто сорокъ четыре человека; вторымъ — что отправленъ в Таболскъ следующей к препровождению въ Иркуцкъ войска Яицкого старшина Иванъ Логиновъ з детми и женою, оказавшияся в метеже казаковъ яицкихъ сумнителными.

Правая колонна: А, между темъ, все оные находились в пути.

Левая колонна: Но какъ вскоре после тово, а имянно октября 11-го числа, от него жъ, господина Оренбурского губернатора чрезъ курьера получено сообщеніе, коим уведомилъ о открывшемся в Оренбургской губерніи под священнейшимъ имянемъ покойного императора Петра третияго бегломъ з Дону казаке, возмутителе и злодее, Пугачеве и о наставшемъ в окресности Оренбурга замешательстве.

Правая колонна: То по зделанным на такой случай всемъ потребнымъ предосторожностям к Оренбургу воинских командъ и в препровожденіи к Тобольску чрезъ селеніи Сибирской губерніи техъ яицкихъ бывших старшинъ и казаковъ взята предосторожность, чтобъ не произошло от нихъ, по притчине объявленного злодея и самозванца, каковыхъ-либо вредныхъ разглашеній: отправлены были навстречу имъ надежные люди, при-

казано за ними употребить примечание. Но, однако жъ, найдено, што следуетъ напереди партія оныхъ людей, а Логиновъ з детми за другимъ канвоемъ позади ихъ; а от сихъ первыхъ никакова разглашения не открылось, и в Тоболскъ они приведены.

О Логинове жъ получено известие, што онъ, в'езжая [1] в первые Сибирской губерніи селеніи, назвалъ себя полковникомъ, а детей: одного капитаномъ, а другаго порутчикомъ, и што онъ вскоре возвратится; а не употреблял ли притомъ о замешателствахъ Оренбургских разглашенія, о томъ хотя было неизвестно, но, однако жъ, доволно подалъ сумнения ложнымъ себя об'явлениемъ теми чинами; к тому жъ, доехавъ до Байчанки (коя толко в двухъстахъ пятидесяти четырехъ верстах от Таболска, и откуда вскоре быть ему надобно было), шесть дней прошло, какъ онъ в Таболскъ не привезіонъ, — сомнително было, не бежал ли от канвою.

Отправленъ былъ оберъ-афицеръ до сего места: естли застанетъ, выслать велено оттуда, прибавя и канвою за нимъ, и караулъ иметь предписано гораздо строжае, а между тем разведать по тракту и далее Байчанки, не имел ли онъ каковыхъ вредных разглашеней, што подлинно и оказалось (хотя не прямо именовалъ возмутителя) весма ухищренное. Онъ во многихъ местахъ говорилъ ратное [sic]: в однихъ называлъ Пугачева такъ, какъ и есть, а в другихъ — «некто проворной человекъ, от него де сие возмущение станется, и што можетъ склонить к себе многих из яицкихъ городковъ»; а притомъ подлинно называлъ себя полковникомъ и детей афицерами. Сам же онъ, Логиновъ, между темъ и в Таболскъ привезіонъ.

А какъ таковые ево произношеніи прямо подали о немъ сумненіе, то по привозе, не давая ему здесь ни малейшаго времяни, того ж дня и отправленъ в Иркуцкъ за крепким карауломъ, однако жъ нескованой, ибо и от Оренбургского губернатора посланъ былъ за присмотромъ. Канвойному унтеръ-афицеру с строжайшимъ предписаніем дана инструкція: велено, естли мало что вредное онъ произносить будетъ, то и заковать ево і детей. Што, по проследованіи уже Томска (какъ канвойной репортовалъ), от него и открылось: явно началъ блядословить о собственной своей яко-бы напрасной ссылке, с ругателствомъ Сибирскова губернатора за то, што онъ ево под крепкимъ карауломъ, а не за присмотромъ толко отправилъ. Канвойной заковалъ ево в ручные и ножные кандалы; а што при томъ онъ кричалъ дерзновенно непристойные речи, то, привязавъ в ротъ кляпъ, віосъ ево до самова Иркуцка.

И пропустя доволное время, и партия других яицких старшинъ и казаковъ отправлена за пристойнымъ канвоемъ с прапоршиком Гилевымъ, которому равномерно о недопущеніи их ни

[1] *Апостроф* ['] *в № 51 употребляется в соответствии с оригиналом.*

до каковых вредных разглашений и вести их съ скованыхъ дано наставление.

Левая колонна: А февраля 11-го дня 1774-го года преосвященной Варлаам, епископъ Тоболской, имея вояж по городамъ к Иркуцкой губерніи, возвратясь в Тоболскъ, Сибирскому губернатору и ковалеру Чичерину секретно обьявилъ: В проездъ ево по Иркуцкому тракту обратно чрезъ Томскъ и Тару к Таболску доволно наслышелся, што отправленной под карауломъ в Ыркуцкъ бунтовщик, яицких войскъ старшина, Иванъ Логиновъ по всемъ селеніямъ разглашалъ и жителей уверял о известномъ в Оренбургской губерніи открывшемся возмутителе и злодее Пугачеве, яко-бъ онъ подлинно императоръ Петръ третій, и што будто бы ево команды разсыпались ужъ везде и покорили изъ вверенных Сибирскому губернатору городовъ многие; наконецъ, яко-бы губернаторъ Сибирской ужъ схваченъ, и нет ево в Таболске.

Правая колонна: Почему таво жъ часу с нарочными посланы ордера к Тарскому, Томскому и Красноярскому воеводамъ: велено какъ в самых городехъ, такъ і по уезду, проезжая самимъ онымъ до тех местъ, где Сибирская губерния окончание свое имеетъ, в каждомъ селеніи высочайшими ея и. в. печатными манифестами о томъ воре и злодее Пугачеве з доволнымъ истолкованіемъ простому народу сверхъ прежняго еще публиковать; а потомъ і изданные от Сибирскова губернатора и ковалера Чичерина обьявленіи, в коихъ то же самое из'яснено, и што злодейские предпріятіи отнюдь в край Сибирской губерніи никуда входить не допущены, а везде истребляютца военною рукою, и што о всемъ томъ разсеяно от яицкого старшины Логинова ложное разглашеніе по притчине, што онъ, самъ штрафованной человекъ и сосланной в сылку, делалъ то, мстя за учиненное ему за преступленіе наказаніе. И при тех публикахъ в народе неприметнымъ образомъ присматривать, какия слухи происходить будут, и, што где примечено будет, вести журналы; по возвращеніи каждому в свое место, во орегинале оные присълать велено к нему, губернатору.

А к Иркуцкому губернатору, господину генералъ-порутчику и ковалеру, Бриль, Колывано-Воскресенских заводовъ главному командиру, господину генерал-порутчику и ковалеру, Ирману чрез нарочных о сихъ важных и весма неприятных известіях сообшено и прошено: перваго — по вверенной его превосходительству губерніи от тово злодея и возмутителя Логинова, а последнева — по ведомству приписных к заводам слободъ принять предосторожность.

Во исполненіе таво Тарской, Томской и Красноярской воеводы, проезжая каждой по своим ведомствам и далее, публикуя [*левая колонна*] печатные манифесты и от губернатора увещаніи,

*

приметя тайным образом в народе слухи, и что в котором ведомстве вредное разведали иль, напротивъ, в коихъ местахъ усердіе и верность находили, тому записные прислали журналы, в которых между другимъ оказалось, а имянно:

Тарской воевода, проездомъ от Тары до Томска, в поселшичьихъ Резиной и Камышевой деревнях слышалъ, что ведущіе после уже старшины Логинова яицкие мятежники разглашали и уверяли, яко-бъ скоро будутъ возвращены обратно в ихъ жилища, надеясь в томъ на злодея Пугачева, коего называли императоромъ Петромъ Третьимъ. Но по притчине находящихся в техъ деревняхъ между поселшиками такихъ, кои при кончине Петра третьяго при господахъ своихъ в Петербурге быть случились и погребеніе ево видели: в Резиной — Семена Самбовскаго, в Камышевой — Леонтья Замятина, а особливо потому, што и разглашаютъ, сами будучи бунтовшики, яицкие бывшие злодеи, наказанные и ведущіеся на канате, — все генерально жители ни мало тому не верили и собратію свою о кончине его величества уверяли, и почитаютъ то злодейское разглашеніе за самую ложъ. В деревне Татарского перевоза, она жъ и Готопутова, между обывателскихъ разговоровъ запримечено, што ссылные яицкие казаки во время препровождения ихъ чрезъ ту деревню Готопутову, имея начлегъ в домехъ у крестьянъ Грязнова и Ложникова, проговаривали, што злодей Пугачевъ достоверно императоръ; однако жъ, они, обыватели, тому, видя, што они ссылныя, отнюдь не верятъ.

В деревне Мангазирской, по прочтеніи манифеста и обьявленіевъ, на спросъ воеводы Кривоногова, поселшики Алексей Яковлев и Михайло Ивановъ с товарищи единогласно сказывали: когда после уже яицкихъ ис Таболска разстрига Певчевъ и ево товарищи — Серединкинъ, Гноенко и Сорокинъ[1] были ведены, поселшиковъ уверяли и разглашали, што появившейся в Оренбургской губерніи Емельянъ Пугачевъ точно императоръ; но они, поселшики, слыша ис публикъ, што онъ, злодей, — беглой, а сіи — подобные ему каторжные-злодеи, нимало тому не поверили и никакого сумненія не имеютъ, а (из разговоровъ ихъ в толпахъ примечено) стараются пребыть в верности къ ея и. в.

В Чаускомъ остроге, по прочтеніи манифеста и обьявленія, за крестьянами ничево сумнителства не примечено, а толко командующей в томъ остроге маіоръ Биликовъ обьявилъ, што онъ слышалъ народскую молву: когда ведены были в Нерчинскъ яицкие казаки-бунтовшики, оные разглашали о Пугачеве непристойности, и будто бъ Сибирскова губернатора Чиче-

[1] В *оригинале выноска:* «Сіи по открывшемуся в Таболске іхъ злодейству, возмущению и бунту о притчине таво же самозванца Пугачева наказаны кнутомъ і, вырвавъ ноздри, атправлены были в Нерчинскъ».

рина давно в Таболске нетъ, а командою Пугачева схваченъ, и, увезенъ куда, неизвестно.

В деревняхъ Черной и Варюхиной при публике наличное заводское крестьянство обьявило: яицкие казаки Логиновъ з детми везіонъ, и после тово другие ведены были; тогда, будучи проездомъ чрезъ деревню Черную, уверяли всехъ, что Пугачевъ совершенно императоръ Петръ третій і ихъ, яицкихъ, скоро возвратит, говоря при томъ, што и заводские крестьяне за нихъ, яицкихъ, будутъ бога молить; токмо крестьяне симъ здодейским разглашениямъ нимало не поверили, а остались в непоколебимой верности к ея и. в.

Вследъ за темъ отправленнымъ журналомъ тот же Тарской воевода Кривоноговъ особымъ репортомъ доносилъ, что в обратной ево к Таре проездъ Тарского ведомства в селе Вознесенском командующей поселшиками секундъ-маіоръ Дмитриевъ об'явилъ, что Камышевской деревни поселшичей староста Исай Васильевъ ему, маіору, доносилъ: назадъ тому две недели стояли у него в доме проезжающіе, и в ызвозе с ними ямшики кормили лошадей а кто все они таковы — не знаетъ, сказывали ему о Пугачеве непристойные речи (кои, можно видеть, произошли тоже от яицкихъ).

Правая колонна: По той притчине, штоб и, будучи в Ыркуцке, те яицкие не могли разглашениями своими зделать колебаніе, а приписные к Барнаулским заводам, по тракту живущіе и слышущіе те разглашенін крестьяне не пришли бъ в сомнение и не оказали бъ каковаго-либо возмущения, к господамъ — генералъ-порутчику, Иркуцкому губернатору и ковалеру, Бриль и главному над Колывано-Воскресенскимі заводами командиру, генералъ-порутчику и ковалеру, Ирману с прописаніемъ из журналу Тарского воеводы Кривоногова о тех вредных разглашениях обстоятелствъ от Сибирскова губернатора чрезъ нарочных марта от 15 ч. сообшено и прошено: Иркуцкому господину губернатору по вверенной ево превосходителству губерніи, а его превосходителству Ирману в приписных к заводам крестьянских слободах принять предварителныя предосторожности. А и со стороны от Сибирского губернатора определено на всякой непредвидимой случай по тому тракту во всехъ городах: Таре, Томске и Красноярске собрать отставных салдатъ и казаковъ и вооружить, што самымъ делом і исполнено; однако ж, какъ по числу их недоставало ружей, то велено все, находящіяся в цейхаузах, ветхия ружья перепочинить, для чего, забрав всехъ мастеровъ, держать без выпуску, што в короткое время во всехъ оных городах исполнено ж. И те отставныя какъ в городе были помошниками в содержаніи умноженныхъ на нынешней случай карауловъ, такъ особливо в раз'ездах ради примечанія в народе и разведыванія о незбыточных слухах действително ту службу и продолжают, получая жалованье:

салдаты — по гарнизонным, а казаки — по казачьим обыкновенным окладомъ.

Левая колонна: Томской воевода, в проездъ от Томска до Красноярска: В селе Семилужномъ, по прочтеніи крестьяном высочайшихъ ея и. в. манифестовъ и после тово особыхъ губернаторских обьявленіев, те крестьяне доносили, что от проезжающихъ (толко от кого — имянъ и прозваней не знаютъ) слышали, яко бъ Сибирскова губернатора в Таболске нетъ, а где — того имъ не показано; однако ж, крестьяне, слыша от протчих, что губернаторъ живъ, тому слуху не поверили; а естли кто с какими-либо разглашеніями будѣтъ к нимъ приезжать, техъ обязались ловить и представлять.

В зимовье Халдееве поселенные и домами живущіе сказывали воеводе: когда проходила то зимовье ис Томска в Ыркуцкъ яицкая казачья партия на конате, тогда по прозбе оныхъ колодников те поселшики выносили имъ пить квасу, и одинъ из нихъ, приметами высокъ и летами старъ человекъ, говорилъ своимъ товарищамъ: «Недолго дѣ намъ итти на конате, а воротят де насъ скоро назад; слышно, что Сибирскова губернатора, коей не дал нам жить в Таболске, уже сх[в]атили». А кто схватилъ и куда — не из'яснилъ.

В деревне Турунтаевой, по прочтеніи высочайшего манифеста и обьявленія, поселшики и заводские крестьяне воеводе обьявили, что возмутители, яицкие казаки, расказывали, яко б их скоро воротят назад и ожидаютъ указа от какова-то императора.

Красноярской воевода князь Пелымской репортовалъ, что онъ, проезжая по Красноярскому ведомству, публикуя высочайшія ея и. в. манифесты и обьявленія губернаторские крестьяномъ и поселшикам і разведывая скрытно о разглашеніяхъ, а притом и примечая мненіи народныя, но никаких слухов не нашелъ. И все жители по тракту обьявили: хотя старшина яицкой Логиновъ везіёнъ и после ево партия яицкихъ же казаков ведена была мимо их селениевъ, толко никаких от них разглашениевъ не было, уповать надобно потому, что у перваго уже тогда былъ кляпъ в роту, а последние ведены ис Томска канвойнымъ афицеромъ весма строго, такъ што никово до нихъ не допущали.

Правая колонна: А какъ в слабомъ смотреніи за теми отправленными в Ыркуцкъ бунтовшиками, яицкими казаками, оказался партионной за ними командиръ прапоршикъ Гилев, за то оной суждіёнъ и штрафован.

Левая колонна: После таво вышеписанной же Тарской воевода титулярной советникъ Кривоноговъ репортомъ представилъ з дошедшаго к нему с Барабы и с Каинского фарпоста от находящагося у правианскихъ магазеиновъ дворянина Куличкина известіи, што по доносителству одного ис присылныхъ колодника, коего обьявленіе по законамъ было бы недостойно вероятности,

а по свидетелскимъ трехъ неподозрителных человекъ увереніям открылся тамъ ис поселенных Федоръ Самсоновъ, разгласитель вора и злодея Пугачева, под именемъ, какъ живаго, императора Петра третьяго, и коего за сыском отправлена была от нево команда.

Правая колонна: Получа таковое неприятное, а при нынешних обстоятелствах весма и опасное известіе, таво ж часу отправлены ис Таболска нарочныя х камендантамъ и воеводам Тарскимъ и Томским: велено имъ совокупным стараніемъ на разстояніи между темъ и другимъ городомъ не давать оному разгласителю ни малейшаго времени укрытца, поимать и, заковавъ, под крепким карауломъ в Таболскъ отправить; а в то ж время, распроса на месте о сообшниках ево, коих равномерно бес продолжения захватить.

Левая колонна: Во исполненіе таво обьявленной злодей Самсоновъ и с нимъ еще двое посельшиковъ присланы, которые при следствіи однимъ противъ другаго показанія сперва имели запирателство, а, имея злое и, знать, доволно утвержденное намереніе не открыть началников таво разглашенія, весма долго держались в своей замерзелости и пока, наконецъ, с распросовъ также одинъ другова обличили; и первымъ умышленникомъ оказался обьявленной Федоръ Самсонов. Притчиною таму яицкие казаки, ис которыхъ, препровождаемых в Иркуцкъ, два человека в посельшичьей Калмаковой деревне и в доме таво Самсонова начлегъ имели и, разговаривая с нимъ о замешателствах в Оренбургской губерніи, и што называемой Пугачевымъ есть яко-бы сущій Петръ третій, императоръ, ево, Самсонова, уверяли, оканчивая еще и темъ, што они во избавленіе от нынешней ихъ ссылки нимало не сумневаются, а помощію ево вскоре возвращены будутъ.

Правая колонна: И хотя онъ, Самсоновъ, в разглашеніи таво кроме обьявленных дву поселшиковъ третьева доносителя другимъ с пытки и не признался; но, однако жъ, о всекрайнейшей предосторожности и о учрежденіи раз'ездовъ для примечанія по всей Барабе в жительствахъ, а особливо в поселшичьихъ и менше таво в приписныхъ к заводамъ крестьянъ слободахъ, к тарскимъ и томскимъ воеводамъ и камендантамъ наистрожайше предложено и еще подтверждаится. А к господамъ: генералъ-порутчику, кавалеру і Иркуцкому губернатору, Бриль, генералъ-порутчику же, кавалеру и Колывано-Воскресенскихъ заводовъ главному командиру, Ирману от 27-го ч. маия третично уже писано, штобъ и с ихъ стороны приняты были всякия предварительныя меры к предосторожности.

Левая колонна: Июля 3-го числа сего году отъ Иркуцкого губернатора, генералъ-порутчика и кавалера, Бриль получено сообшеніе, коимъ уведомилъ, что ис техъ приведенныхъ в Иркуцкъ и отправленныхъ ко определенію в Селенгинския баталионы воз-

мутителей, яицкихъ казаковъ, четыре человека, следуя, в дороге по ту сторону Іркуцка из Лисвенишного зимовья 20 ч. июня бежали.

Правая колонна: Таво жъ самова часу во все Сибирской губерніи города, а особливо на линію в Омскую и Петропавловскую крепости, и в граничющіе с Сибирскою губерниею Оренбургской линіи места к воеводамъ и управителям наистрожайше предложено о поимке сихъ злодеевъ, штобъ они не пропустили какихъ ни есть злодейскихъ плевелъ к возмущению народа; наконецъ, не могли б пройти в Оренбургскую губернию и с'единится в толпу злодея Пугачева; и, какъ скоро поиманы будутъ, тотъчасъ заковавъ, за крепчайшимъ карауломъ присылать в Таболскъ.

Левая колонна: Вследствие таво те беглые казаки 11-го ч. августа поиманы в Чеускомъ ведомстве и в Таболскъ присланы. По произведеннымъ распросамъ вышло: намереніе они приняли к побегу по притчине злодея Пугачева и хатели пробратца в толпу ево, и, будучи в пути, по крестьянским селеніям, где случалось имъ ночлегъ іметь, разглашали таво злодея именем покойного Петра третьяго, імператора.

Денисъ Чичеринъ.

Калежской секретарь Петръ Резановъ.

(П. А., кн. VIII, лл. 287 — 293.)

№ 32.[1]

1774 года маія 8 дня, въ присудствіи Секретной Коммисіи Яицкаго войска казакъ Максимъ, Григорьевъ сынъ, Шигаевъ, которой у злодѣя-лжесамозванца Емельки Пугачева находился главным толпы его словеснымъ судьею и въ Илецкомъ городкѣ военною командою поиманъ, въ допросѣ показалъ слѣдующее.[2]

. . . . . .

...Сей допросъ означенному Шигаеву въ присудствіи читанъ, и онъ утвердился на ономъ безъ всякой отмѣны, а притомъ приполнилъ: Когда дѣ самозванецъ, самъ пятъ, пріѣхалъ изъподъ Татищевой крѣпости и спѣшилъ на другой день, по утру, изъ Берды выѣхать, то посылал его, Шигаева, на стоящую отъ Берды верстах въ трехъ Высокую гору посмотреть, не идутъ ли

[1] *После текста:* «Онаго Шигаева есть пополнительный допрос июня 4-го ч. Александр Лунин».

[2] *Опускается все основное показание Шигаева и печатается лишь дополнительный допрос.*

съ княземъ Голицынымъ изъ Черноречья войски. А какъ онъ, Шигаевъ, туда поѣхал, то присталъ къ нему и прибѣжавшей съ самозванцомъ изъ Татищевой яицкой казакъ Григорій Бородинъ, которой дорогою зачалъ ему говорить: «Что, братъ Максимъ? Намъ теперь вить не устоять? Не лутче ли намъ связать его, то-есть самозванца, и отвести въ Оренбургъ». На что онъ, Шигаевъ, сказалъ: «Какъ дѣ намъ это однимъ дѣлать можно! Хорошо, естьли бы много насъ согласилось!» А Бородинъ сказалъ: «Я дѣ уже о этомъ человѣкамъ четыремъ говорилъ, и они на то согласны». На что онъ Бородину сказалъ: «Такъ поѣзжай же ты, братъ, назад и уговаривай другихъ». Почему Бородинъ въ Берду и поскакалъ.

А какъ только онъ отъ него поѣхалъ, то изъ Берды пріѣхали къ нему, Шигаеву, два казака: одинъ — яицкой, Федоръ Чюмаковъ, да запорожской — Василій (а прозванья его не знаетъ, которой былъ въ здѣшнемъ краю въ ссылкѣ и присталъ въ толпу, не знаетъ — гдѣ и когда), кои, приставъ къ нему, ѣхали такъже за нимъ на ту гору; пріѣхавъ же на гору, смотрѣли во всѣ стороны, но ничего видѣть не могли. А, между тѣмъ, пріѣхалъ на оную и означенной Бородинъ съ яицкимъ казакомъ Федоромъ Моруновымъ и сказывалъ ему, Шигаеву, тихонько: «Я дѣ многимъ говорил, да и калмыкамъ повѣстилъ; чаю дѣ, ты застанешь уже его связаннаго. А я дѣ съ Моруновымъ хочю ѣхать въ Оренбургъ и сказать о этомъ», причемъ звалъ и его, Шигаева, съ собою. Но онъ, Шигаевъ, сказалъ ему: «Управь, Бог, твой путь, поѣзжай; у тебя тамъ дѣдъ и дядя (одинъ — атаманъ, а другой — главной старшина яицкія), — они за тебя заступятъ, а я никого не имѣю, такъ, боюсь, замучатъ меня. Я дѣ уже поѣду назадъ въ Берду и, естьли свяжутъ самозванца, такъ буду ожидать съ прочими резолюціи». Потомъ, какъ стали они все съ горы спускатся, то Бородинъ говорилъ всемъ вслухъ: «Што дѣ вы знаетѣ? вить сотникъ Михайла Логиновъ ушолъ въ Оренбургъ!» Сіи слова сказалъ Бородинъ Шигаеву преждѣ, а тутъ повторилъ для того, чтоб не подозрительно было отстать ему от нихъ, ибо они опасались приставшихъ послѣ къ Шигаеву двухъ казаковъ, а особливо запорожскаго, которой самозванцу былъ вѣренъ. А, спустяся съ горы, Бородинъ сказалъ: «Вы дѣ поѣзжайтѣ въ Берду, а я съ Моруновымъ поѣду по Сакмарѣ и посмотрю, не попадутся ли какія бѣглецы». И такъ разстались.

И, бывъ, онъ, Шигаевъ, съ двумя своими казаками на половинѣ дороги, попались имъ навстречю скачющія изъ Берды человѣкъ съ десять казаковъ, и, поровнявшись съ ними, бывшей въ числѣ тѣхъ казаковъ яицкой хорунжей Трофимъ Горловъ говорил ему, Шигаеву: «Тьфу, чортъ тебя возьми! Государь дѣ думалъ, что и ты съ Бородинымъ ушолъ. Не видалъ ли ты его?». На то онъ сказал: «Я дѣ его видѣлъ; онъ сказалъ мнѣ, что по-

ѣдетъ по Сакмарѣ смотреть бѣглыхъ». На то Горловъ сказалъ: «Какихъ дѣ бѣглыхъ! Вить онъ бѣжалъ! Ты дѣ не знаешь, что государь повѣсилъ, было, и старшину Витошнова за то, что за нимъ не смотрелъ, — и насилу дѣ казаки упросили». На что онъ, Шигаевъ, сказал: «Ну, коли Бородинъ бѣжалъ, такъ ужъ пегдѣ вам его догнать, — онъ уже теперь, можетъ, блиско Оренбурга». На что Горловъ сказал: «Ну, чортъ съ нимъ, коли ушолъ, — за всеми вить не угоняешся!» Какъ же онъ, Шигаевъ, пріѣхалъ къ самозванцу и сказалъ, что съ горы ничего не видно, то самозванецъ спросилъ его: «Не видалъ ли ты Бородина?» — «Видѣлъ», сказалъ Шигасвъ: «онъ мнѣ сказался, что ѣдетъ искать бѣглыхъ». На то самозванецъ сказалъ: «Я, было дѣ, вить за нимъ послалъ въ погоню». А онъ, Шигаевъ, отвѣчалъ: «Они дѣ догнать его не могли и воротились назадъ», на что самозванецъ говорилъ: «Богъ дѣ его добръ, что онъ убрался, а то бы нонче повѣсилъ, — вить дѣ ты не знаешъ, что онъ здѣлалъ: зачалъ, было, подговаривать многихъ, чтобъ меня связали и отвезли въ Оренбургъ; но спасибо дѣ казаку Горлову, — онъ мнѣ донесъ о этомъ». И потомъ приказалъ тотъчасъ убирался всемъ въ походъ.

Самозванецъ нарѣчіе имѣлъ чистое, а иногда, прошибаясь, употреблялъ рѣчи, наподобіе донскихъ казаковъ, какъ-то напримѣръ: «погоди, трохи» и тому подобное. Самозванецъ никакихъ прежде знаковъ на себѣ не носил, а отличался отъ прочихъ богатымъ казачьим, донскимъ манеромъ, платьемъ и уборомъ лошадинымъ, тожъ отмѣнными ото всѣхъ поступками, какъ-то: лехкостію походки, бодростію, отмѣннымъ станомъ и прищуриваніемъ однимъ глазомъ, но которымъ — не упомнитъ. А когда онъ пріѣхалъ съ Яику, въ первую или во вторую поѣздку, то привезъ отътуда красную лѣнту, такую, какія онъ, Шигаевъ, будучи въ Петербургѣ, на генералахъ видал, и ту ленту надѣвалъ онъ на себя подъ кафтан при немъ, Шигаевѣ, раза съ четырѣ; такъже съ Яику привезъ самозванецъ и пѣчать серебреную большую, на которой вырѣзана была ево персоня, но кто ему еѣ дѣлалъ,— онъ, Шигаевъ, не знаетъ. Такъже была въ названной его Коллегіи и другая пѣчать, съ россійскимъ гербомъ, но гдѣ оную взяли, — онъ, Шигаевъ, не знаетъ. Когда у самозванца глаза болели, то онъ носилъ на глазахъ сетку, сплѣтенную изъ лошадиныхъ черныхъ хвостовъ, которую послѣ и онъ, Шигаевъ, за болью же глазъ, несколько времяни носилъ. Умѣлъ ли самозванецъ грамотѣ или не умѣлъ, — онъ, Шигаев, подлинно сказать не можетъ, но видалъ, что онъ на подаваемыя ему письма глазами смотрѣлъ и послѣ другимъ читать отдавывалъ, а равно видалъ онъ и то, что самозванецъ иногда чертилъ перомъ по бумагѣ, но такъ ли просто маралъ или писалъ что, — онъ, Шигаевъ, не знаетъ, потому что грамотѣ самъ не умѣетъ.

Когда ссыльной Хлапуша изъ Оренбурга присланъ былъ къ самозванцу съ какими-та письмами, то самозванецъ уговаривалъ онаго принять его службу и далъ сколько-та денегъ; но вскорѣ потомъ, не упомню отъ кого-то, донесено было на него самозванцу, что онъ присланъ изъ Оренбурга съ тѣмъ, чтоб его убить, за что самозванецъ и хотѣлъ было его повѣсить; но, какъ Хлапуша въ томъ не винился, то онъ, Шигаевъ, сидя съ нимъ прежде въ Оренбургѣ въ тюрмѣ и знавъ, что онъ — человѣкъ проворной, упросилъ самозванца, чтоб не вѣшалъ. И самозванецъ, простя его, посылалъ такъ, какъ человѣка проворнаго, на заводы, для уговариванія крестьянъ на свою сторону, и послѣ сдѣлалъ онаго Хлапушу надъ заводскими крестьянами полковникомъ, и получалъ отъ него съ заводовъ пушки и разныя добычи, и провіантъ.

Когда самозванецъ въ первой разъ ѣздилъ на Яикъ, то онъ, Шигаевъ, съ прочими коллежскими судьями удумали приклонить самозванцу Бузулуцкую и Сорочинскую крѣпость и для того отправилі туда яицкаго казака Степана Речкина съ прочими казаками и ставропольскими калмыками, человѣкъ до трехъсотъ, кои, ѣздя туда, тѣми крѣпостями овладѣли; а отътуда велѣли имъ проѣхать на Самарскую линію къ атаману Арапову, которой такъже многими тамо мѣстами овладѣлъ, было, но послѣ разбитъ военными командами.

Когда самозванецъ объявилъ о своей женидьбѣ, то, по приказу его, онъ, Шигаевъ, роздалъ тогда по командамъ нѣсколько бочекъ вина, но сколько — не упомнитъ. Всего вина было у него въ приходѣ въ Бердѣ, какъ ему помнится, — сто семдесятъ бочекъ.

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 106, 125 об. — 129.)

№ 33.

1774 года маія 8 дня, въ присудствіи Секретной Коммисіи, яицкой казакъ Иванъ, Яковлевъ сынъ, Почиталинъ, которой у злодѣя-лжесамозванца Емельки Пугачева находился членомъ и думнымъ дьякомъ въ названной его Военной Коллегіи и, во время бывшаго подъ Сакмарскимъ городкомъ сраженія, захваченъ, допрашиванъ и показалъ слѣдующее. [1]

. . . . . .

[1] *Печатается лишь часть показания И. Я. Почиталина, собственно три отрывка: два — из начала и один — из конца.*

Казакъ Чика, которой названъ графомъ Чернышевымъ, посланъ подъ Уфу съ темъ, чтобъ собрать тамъ команду и Уфу взять, а подъ Челябу — Ивана Грязнова съ темъ же, какъ и Чернышова, чтоб собрать команду и оную взять. А вскоре отъ Чернышова и Грязнова присланы были репорты въ Коллегію, что они собрали къ себѣ въ команду множество силы, и Чернышовъ — Уфу, а Грязновъ — Челябу осадили, и Чернышовъ отъ себя отправилъ яицкаго казака Ульянова съ Торновымъ въ Нагайбакъ, давъ имъ немалую команду людей, а солдата изъ отставныхъ Бѣлобородова — въ Сибирскую часть, которой такъже собралъ, самъ собою, великую толпу. А полковникъ Лысовъ задолго передъ симъ посланъ отъ Пугачева въ Ставрополь, чтоб оных склонил, въ чемъ и успѣхъ имѣлъ, ибо все оныя Пугачеву приклонились. Вскорѣ жъ потомъ Хлапуша склонилъ многія заводы и пріѣхалъ отътуда съ заводскими крестьянами, коихъ было множество (только вѣрно сказать, сколько ихъ было, не могу), и привезъ отътуда множество пушекъ, пороху и денегъ (но сколько чего имянно — не знаю, а вѣдаетъ о томъ Шигаев, потому что онъ былъ при Пугачевѣ первенствующая особа, и все ему было вверено). А Чернышовъ прислалъ изъ-подъ Уфы вина, денегъ и всякого пограбленнаго имѣнія множество, чемъ Чернышовъ и часто всю толпу Пугачева снабжалъ. А провіантъ и фуражъ свозили въ Берду изъ всѣхъ местъ разныя крестьяне, коимъ было всегда побужденіе к тому изъ Коллегіи.

Потомъ послалъ Пугачевъ къ Киргисъ-Кайсацкому хану казака Толкачева, татарина Тангаича, и съ нимъ еще четыре человѣка (но кто они таковы — я не знаю) просить у хана помощи. И, бывъ тамо, Толкачевъ возвратился въверхъ Яика въ Кулагинской атаканской [sic] фарпостъ, и собралъ къ себѣ въ разных местах въ партію яицкихъ казаковъ, около тысячи человѣкъ, и нѣсколько пушекъ, и, пришед в атаканской [sic] фарпостъ, и тутъ за супротивленіе атамана Никиту Бородина утопилъ въ водѣ, а въ полковниковомъ фарпостѣ полковника Григорья Федотова да попа, привязавъ на шею камень, бросить велѣлъ такъже въ воду и приступилъ къ Яицкому городку. А Симановъ, видя то, что противится былъ въ не состояніи, заселъ въ Кремль, здѣланной имъ самимъ, чтоб ево не взяли, а въ городѣ деревянное строеніе, въ которомъ жили казаки, согласныя Пугачеву, приказалъ зжечь; почему Толкачев и все яицкія казаки прислали къ Пугачеву прозбу, чтоб отъ Симанова оборонилъ: «А мы де вашему величеству все покорны».

Во оное время пріѣхалъ къ Пугачеву изъ Киргиса ханской сынъ, и съ нимъ человѣкъ около десяти киргисцовъ, и увѣрял Пугачева, что «отецъ де мой пришлетъ вскоре и помощь, и девять лошадей», чему Пугачевъ былъ очень радъ; однако жъ, вскорѣ услышалъ, что Киргисъ-Кайсацкой ханъ откочевалъ въ

степь, — а Пугачевъ въ сердцахъ говорилъ: «Не вырветца жъ у меня сынъ ево!»

Потомъ отправилъ Пугачевъ на Яикъ съ Овчинниковымъ нѣсколько пушекъ, а самъ, наканунѣ Крещенья, взявъ съ собою человѣкъ пятнатцать казаковъ і меня, Почиталина, поѣхалъ на Яикъ же, а въ Бердѣ поручилъ всю команду и распорядокъ надъ войсками Максиму Шигаеву. По пріѣздѣ жъ на Яикъ, сталъ на квартиру къ Толкачеву, которой ему пересказалъ, что Киргисъ-Кайсацкой ханъ помощь прислать къ нему хотѣлъ (ибо онъ, по посылкѣ, Пугачева еще не видалъ), а во увѣреніе, что не солжетъ, хотелъ въ аманаты отпустить сына своего; на то Пугачевъ отвѣчалъ: «Онъ де хотя сына и прислалъ, однако жъ, въ помощи солгалъ». А на другой день Пугачевъ, собравъ всѣхъ яицкихъ казаковъ, и приказалъ подъ Кремль рыть подкопъ; при оной работѣ былъ новокрещен Яковъ Кубарь, которой нынѣ здѣсь находится; а покудова работа продолжалась, Пугачевъ дѣлалъ разныя учрежденіи для приступу къ городу. Въ то же время выбралъ Пугачевъ двухъ девокъ, которыя ему были нравны, и женилъ двухъ своихъ любимцовъ: меня — Почиталина и Михайлу Пьянова; свадба была здѣлана на щотъ Пугачева, и платье на невесту положилъ онъ свое; мая жена — дочь казака Семена Головачова, которой умеръ, а Пьянова — дочь же Ивана Пачколина, которой нынѣ на Яикѣ. (Когда жъ Кубарь объявилъ, что подкопъ подъ крѣпость готовъ, тогда Пугачевъ наставилъ самъ мину, а войску велѣлъ быть готовымъ на приступъ; и, хотя зажжена была мина, однако жъ, валу, на которомъ поставлены были пушки, вреда не причинило; и, какъ толпа злодѣевъ къ крѣпости ударили, въ чаяніи, что проломъ готовъ, а Симановъ въ то время, наждавъ на картечной выстрелъ, и такъ жестоко встретилъ, что Пугачов, оставя на мѣстѣ множество людей побитыхъ, отступилъ; и, хотя нѣкоторыя были уже у самой стены и лезли на оную, но и тѣхъ гретою въ котлахъ водою и горячею золою тотъчасъ отогнали. А какъ у Пугачева недостаточно было тутъ пороху, то послалъ атамана Авчинникова подъ Гурьевъ, чтоб оной взять и весь отътуда порохъ и свинецъ привесть, и приказавъ рыть другой подкопъ рускому человѣку Матвѣю Толкачеву, (которой нынѣ въ Яицкомъ городкѣ) подъ колоколню. А самъ Пугачевъ поѣхалъ въ Берду и жилъ тутъ съ недѣлю, въ которое время множество вѣшалъ людей, разными случаи взятыхъ ево сообщниками (но кого имянно — показать я не упомню), и поѣхалъ на Яикъ въ другой разъ — смотреть подкопъ и все къ нему потребное. А, по пріѣздѣ, осмотря всю работу и находясь въ разныхъ распоряженіяхъ, вздумалъ, наконецъ, женится....

Когда жъ Пугачевъ обвенчался, то въ народѣ здѣлалось сумнѣніе, что Пугачевъ не государь, и многія мѣжду собою го-

ворили: «Какъ де етому статца, чтоб царь могъ женитца на казачкѣ»; а потому многія начали изъ толпы ево росходится, и усердіе въ толпѣ къ ево особѣ истребляться. Пугачев въскорѣ послѣ свадбы переѣхалъ отъ Толкачева въ домъ къ Андрею Бородину.

Въ то время пріѣхалъ Овчинниковъ изъ Гурьева и привезъ съ собою множество пороху и свинцу. Когда жъ подкопъ былъ заготовленъ, и мину Пугачевъ при себѣ жъ велѣлъ подвесть. Тогда изъ яицкихъ казачьихъ дѣтей малолѣтокъ Неулыбинъ ушолъ въ городъ и сказалъ, чтоб изъ-подъ колокольни весь порохъ, а съ колокольни пушки, въ разсужденіи подкопа, выбрали, что Симановъ и исполнилъ; а потому и другая мина никакова вреда Симонову не причинила, и приступу Пугачевъ, будучи увѣдомленъ, что переносчикъ Симонова извѣстилъ заблаговремянно, (приступу) дѣлать не разсудилъ, а металъ въ Кремль довольно бомбъ, которыя привезены были изъ Берды, но Кремлю вреда не причинилъ же. А, поживъ на Яикѣ нѣсколько времяни, оставилъ свою жену въ домѣ атамана Никиты Карги, а Толкачеву приказано наблюдать здоровье Устиньи, и собралъ къ ней приближенныхъ, коихъ можетъ показать тесть Пугачева; самъ поѣхалъ въ Берду, — оное произходило около Масленой.

Въ небытность Пугачева, Максимъ Шигаевъ послалъ изъ Берды казака Речкина съ командою въ Бузулукъ и въ Сорочинскую крѣпость, чтобъ оныя взять, что Речкинъ и исполнилъ, повеся въ Бузулукѣ нѣсколько человѣкъ противниковъ, за что Пугачевъ Шигаева благодарилъ и много темъ веселился, что вездѣ имѣлъ, хотя съ малымъ числомъ воюетъ, великія успѣхи. Потомъ Пугачевъ объявил въ Бердѣ всемъ своимъ любимцамъ секретно, что женился, то первыя его совѣтники позадумались, а онъ ихъ спросилъ: «Чему вы такъ много оскорбились, вить на Яикѣ мнѣ старики же присовѣтовали»; потомъ приказалъ подносить всемъ за здоровье бракосочетанія вина и объявить о томъ велелъ всему народу, а самъ, взялъ денегъ, и пошелъ по улицамъ метать оныя; а Шигаевъ приказалъ выкатить множество бочекъ вина и поить весь народъ, и было пьянство дни два. Потомъ, по приказу Пугачева, прибылъ съ Яику въ Илекъ атаманъ Овчинниковъ и привезъ съ собою яицкихъ казаковъ и низовыхъ, кои были тамъ при осадѣ Кремля (оныхъ было немало, но сколько числомъ — знаетъ о томъ Авчинниковъ), а Пугачевъ велѣлъ Овчинникову жить въ Илекѣ и ждать повелѣнія. Тутъ пришло Пугачеву извѣстіе, что изъ Бузулуку команда ево выгната, и пишетъ Речкинъ, что онъ пришолъ въ Сорочинскую крѣпость; тогда Пугачевъ, оставя въ Бердѣ Шигаева, а самъ, взявъ съ собою множество людей, пошелъ въ Сорочинскую крепость....

Лутчія при немъ люди и съ довѣренностію были всіѣ яицкія казаки и илецкія. При артиллеріи находились главными яицкой казакъ Федоръ Чумаков и сотникъ Діёминъ, а лутче всѣхъ зналъ правило, какъ въ порядкѣ артиллерію содержать, самъ Пугачевъ; и все при артиллеріи были рускія люди, а иностраннаго ни одного человѣка я не видалъ, да и быть не можно для того, что Пугачевъ жестоко просвященныхъ отличнымъ разумомъ людей подозревалъ, а о помощи иностранной, кромѣ того, какъ писалъ къ Киргисъ-Кайсацкому хану, ни отъкуда не требовалъ. „Люди въ толпѣ ево собраны были: казаки, крестьяне, татары, башкирцы, калмыки и всякія бѣглыя люди, только дѣйствительно живущія въ Россіи." Сначала отъ Пугачева приказаніе было, чтоб, никого дворянъ и офицеровъ не щадя, вѣшать, а потомъ проговаривалъ о тѣхъ, кои сами къ нему явятся и принесутъ повинную, таковыхъ прощать и писать въ казаки, ибо намѣреніе ево было во всемъ государствѣ людей, кто б какого званія ни былъ, здѣлать казаками; а потому Пугачевъ и носилъ всегда казачье платье. Грабительства безъвинныхъ людей онъ не любилъ, а потому многихъ, въ томъ приличившихся, вѣшалъ безъ пощады. Солдаты, кои взяты разными случаи въ его толпу, все поверстаны въ казаки и вооружены копьями, ружьями (а у кого нѣтъ такого оружія, то дубинами) и одеты были въ казачье платье. „Указъ на нѣмецкомъ языкѣ писалъ офицеръ Шванович, 2-го гранодерскаго полку подпорутчикъ, которой взятъ еще по осени въ пленъ и пожалованъ былъ отъ Пугачева въ атаманы, на мѣсто взятого ж въ пленъ капитана Астренева, котораго Пугачев повѣсилъ (а за что — я не помню). Надъ взятыми въ пленъ солдатами команду имѣлъ показанной Шванович, которыя и назывались пѣхотою; надъ заводскими крестьянами командиръ былъ Хлопуша. „Яицкія казаки въ бунтѣ были не всѣ, какъ то и доказывается тѣмъ, что въ Оренбургѣ оныхъ было около пяти сотъ человѣкъ, па Яикѣ у Симонова немалое число, въ Кизлярѣ такъже около пятисотъ человѣкъ, и все те, кои были въ Яикѣ у Симонова и въ Оренбургѣ, жестоко противъ бунтующей толпы дрались; а у Пугачева въ толпѣ яицкихъ казаков было около восмисотъчеловѣкъ." Къ Оренбургскому губернатору указъ и къ князю Голицыну писмо писалъ секретарь Горшковъ. Писалъ одинъ разъ и самъ Пугачевъ къ губернатору писмо, но на какомъ языкѣ — я не знаю; только слышалъ отъ Пугачева, что на иностранномъ языкѣ, чему многія въ толпѣ ево, хотя и не знали, что писано, удивлялись; по отсылкѣ жъ того указа, говорилъ Пугачевъ: «Я де въ городъ послалъ указъ, а послушаютъ ли онаго или нѣтъ, — не знаю». У Подурова въ командѣ были Оренбургскія казаки. „Киргискага хана сынъ убитъ въ Татищевой крѣпости при сраженіи." Во всякое время Пугачевъ проговаривалъ: когда онъ всю Россію за-

воюетъ, то здѣлаетъ Яикъ Петербургомъ, яицкихъ казаковъ производить будетъ въ первое достоинство за то, что они—причиною возведенія его паки на царство.....

К сему допросу Іванъ Почиталинъ руку приложилъ.[1]

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 218—239 об.)

№ 34.

1774 года маія 8 дня, въ присудствіи Секретной Коммисіи, Илецкой станицы служилой казакъ Максимъ, Даниловъ сынъ, Горшковъ, которой былъ въ злодѣйской, такъ называемой, Военной Коллегіи секретаремъ и пойманъ при разбитіи злодѣевъ въ Сакмарской крѣпости, допрашиванъ и показалъ.[2]

. . . . . .

...Иногда бывали съ обѣихъ сторонъ и перемѣтчики: оренбургскія передавались къ намъ, а наши къ оренбургскимъ. Изъ онаго лагиря ездилъ самозванецъ съ небольшимъ числомъ людей подъ Ильинскую крѣпость. А когда онъ отътуда возвратился, то перехвачены были яицкими казаками киргисцовъ нѣсколько человѣкъ, (но сколько имянно—не знаю), которыя ѣхали къ Оренбургу на мѣну съ лошадьми и скотомъ, что всіё у нихъ отнято, и они отпущены самозванцомъ домой. Изъ сего лагиря перешли всѣ въ Бердскую слободу и расположились тутъ,—нѣкоторыя по квартирамъ, а нѣкоторыя жили въ подѣланныхъ землянкахъ; отъкуда часто прихаживали они къ Оренбургу и дѣлали разныя покушенія, въ намѣреніи онымъ завладѣть; но какъ не было имъ въ томъ удачи, да и впредь завладѣть не надѣялись сею крѣпостью, то намѣрялись стоять подъ нею до того времяни, пока жители отъ претерпѣваемого ими голода сами здадутся.

По взятіи жъ Оренбурга, намѣреніе самозванцово было итти въ Казань, а, по завладѣніи оною, итти къ Москвѣ и потомъ въ Петербургъ и всѣмъ государствомъ завладѣть; всемилостивѣйшую же государыню постричь въ монастырь, а большихъ бояръ клялся всѣхъ истребить за то, что они свергли его съ престола и довели его до нещастнаго странствованія чрезъ столь долгое время,—о семъ слышалъ я отъ самозванца, будучи въ Бердѣ, а говорилъ онъ о томъ съ атаманомъ Овчинниковымъ и полковникомъ Лысовымъ. Причемъ самозванецъ гово-

[1] *Подпись идет в виде скрепы по листам и, благодаря величине допроса, повторена несколько раз.*

[2] *Опускается начало показаний Горшкова, с кратким изложением хода событий на Яике, с момента появления там Пугачева и вплоть до осады Оренбурга.*

рил имъ къ рѣчи о боярахъ и такія слова: «Они дѣ, ракальи, вымыслили обмануть народъ, что я умеръ, и такъ, поддѣлавъ похожую на меня изъ воску чучалу, похоронили подъ имянемъ моимъ». Увѣряя при томъ самозванецъ, что сіе его намѣреніе непремѣнно исполнится, такъ какъ примѣтить изъ него было можно, что онъ никогда не воображалъ, чтобъ сіе его положеніе могло какъ-нибудь перемѣнится; особливо подкрѣпляли его въ семъ мнѣніи нередко получаемые имъ извѣстіяотъ посланныхъ имъ изъ Берды въ разныя мѣста сообщниковъ съ командамі о взятіи ими крѣпостей и о покореніи къ нему народа.

Въ исходѣ же ноября или въ началѣ декабря месяца самозванецъ, будучи въ Бердѣ, скучась разбирать самъ доходящія до него ежедневно разныя жалобы, а равно и давать находящимся отъ него въ другихъ мѣстахъ толпы его частнымъ командирамъ на требованіи ихъ резолюціи (самъ ли онъ выдумалъ, или другія кто его научили, учредить въ Бердѣ такое мѣсто, которое бы, не докладываясь ему, давало свои резолюціи). Итакъ, учредя оное, назвалъ Государственною Военною Коллегіею, опредѣля во оную судьями: полковника Ивана Творогова, илѣцкаго казака Максима Шигаева, Андрея Витошнова и Данилу Скабычкина, думнымъ дьякомъ—Ивана Почиталина (всѣ они—яицкія казаки), а меня, по рекомендаціи атамана Овчинникова и полковника Творогова,— секретаремъ. Сперва главнымъ судьею самозванецъ назначилъ, было, быть Творогова, такъ, какъ полковника, но оной Твороговъ самъ его просилъ, чтобъ главнымъ здѣлать Витошнова, по старости его лѣтъ, что самозванецъ и здѣлалъ, и Витошновъ сидѣл выше Творогова; а Шигаевъ, хотя и ниже ихъ сидѣлъ, но какъ онъ былъ ихъ замысловатѣе и любимѣе больше самозванцомъ, то они слѣдовалі больше его совѣтамъ, а равно Почиталинъ и я слушивались больше его. Въ сей названной коллегіи никакихъ письменныхъ судовъ не производилось, а разбираемы и рѣшены оныя были судьями на однихъ словах; письменное же производство было въ ней только такое, что даваны были изъ нѣя наставленіи поставленным отъ самозванца полковникамъ, старшинамъ и другимъ частнымъ командирамъ, посылающимся отъ него въ разныя мѣста: о покореніи къ нему народа, о доставленіи изъ всѣхъ местъ въ главной станъ провіанта и фуража, о разграбленіи господскихъ пожитковъ, о отобраніи въ крѣпостяхъ и на заводахъ пушекъ и пороху и о присылкѣ онаго въ Берду; разсылались такъже и указы для разсѣянія по жительствамъ о вступленіи самозванца на престолъ...[1]

[1] *Опускается та часть показаний Горшкова, где он сообщает некоторые подробности о технике коллежского делопроизводства и судопроизводства, а также передает впечатления о случаях выступлений Пугачева перед своими приближенными в роли таинственного грамотея.*

Живши же въ Берденской слободѣ, самозванецъ часто ѣзжалъ въ татарскую Каргалинскую слободу въ гости съ немногими людьми, отъкуда пріѣзжалъ съ женами тамошнихъ татаръ Мусы Улѣева и Абрешита (а прозванья не упомню), которыхъ онъ произвелъ: Улѣева — атаманомъ, а Абдрешита — сотникомъ, и съ тѣми татарками по улицамъ въ Берденской слободѣ прохаживался, кои водили его иногда подъ руки; а яицкія казаки пѣвали песню, нарочно ими въ честь самозванцу составленную, а пеѣцкаго полковника писарь Иванъ Васильевъ игрывалъ на скрипицѣ. Во время жъ такихъ веселостей яицкія и другія всѣ казаки напивались до пьяна, а самозванецъ отъ излишняго питья воздерживался и употреблялъ редко. Для стола его кушанье было готовлено изобильно, потому что отъвсюду привозили къ нему разныхъ съестныхъ припасовъ довольно; кушанье приготовляли двѣ, жившія у него, рускія девки: одна, взятая въ Чернореченскѣ, капитана Нечаева дворовая, а другая, не знаю, чья такая. За столъ сажалъ съ собою больше яицкихъ казаковъ, какъ-то: атамана Овчинникова, полковника Лысова, Шигаева и прочихъ командировъ, а меня пригласилъ только однажды обѣдать, а въ другой разъ ужинать...[1]

Самозванецъ, ѣздя въ другой разъ на Яикъ[2] и возвратяся отътуда, объявилъ всемъ, что онъ, будучи на Яикѣ, женился яицкаго казака Петра Кузнецова на дочери Устинье Петровнѣ, приказывая при томъ всем признавать и почитать ее за истинную государыню всероссійскую и быть вѣрнымъ какъ ему, такъ и ей. Тогда изъ предстоящихъ полковникъ Шигаевъ, поклонившись, поздравилъ его съ супругою, а протчія всѣ такъ, какъ бы опечалясь сею вѣдомостью, наклоня головы, стояли; когда жъ разошлись, то многія заключили изъ сего дурное, хотя никто мыслей своихъ другъ другу изъ страху, чтобъ не донесли, не сообщалъ; однако жъ, изъ нѣкоторых движеній и разговоровъ примѣтить было можно, что все тѣмъ были недовольны. А я мыслилъ тогда об немъ иначе, нежели прежде, потому что прямому царю на простой казачей девкѣ женится казалось мнѣ неприлично, и съ того времяни, усумнясь, я, о его достоинствѣ, заключил, что, конечно, онъ не государь: государь бы на сіе, будучи на его мѣстѣ, не поступилъ; однако жъ, и за сим сумнѣніемъ остался я въ его службѣ. А уйтить и явится въ Оренбургъ не посмѣлъ, потому что предавшіяся къ самозванцу изъ Оренбурга казаки и солдаты расказывали многимъ, что всѣхъ тѣхъ, кои возвращаются изъ толпы и кои поиманы бы-

[1] *В опускаемой далее части показаний Горшкова содержится рассказ о двух эпизодах: о казни Лысова и об известном тосте за цесаревича Павла Петровича, когда Пугачев «залился слезами».*

[2] *В Яицкий городок.*

ваютъ, казнятъ смертію безъ пощады; то, устрашася, я, сего, положилъ остатся лутче въ той толпѣ и служить самозванцу вѣрно, будучи въ надѣждѣ той, что естьли ему удастся завладѣть всѣмъ царствомъ, то онъ меня за мою службу не оставитъ безъ награжденія, ибо видѣлъ я, что вся чернь, будучи отъ него разными милостями обольщена, была къ нему весьма усердна.

На масленицѣ жъ, пришедъ ко мнѣ въ квартиру, самозванцовой толпы сотникъ, яицкой казакъ, Тимофей Мясниковъ, и будучи несколько пьянъ, зазвалъ меня къ себѣ въ квартиру, гдѣ подчивалъ пивомъ, и, какъ тутъ съ нимъ понапились, а онъ уже и гораздо здѣлался пьянъ, тогда зашла у насъ, не упомню къ чему, рѣчь о атаманѣ Овчинниковѣ. Мясниковъ зачалъ его бранить, сказывая: «Смотри дѣ, пожалуй,— преждѣ сего Овчинникова и чортъ не зналъ, а нынѣ въ какую большую милость вошелъ къ государю и здѣлался надъ нами командиромъ, такъ что и слова уже не дастъ намъ выговорить, и ни за что насъ не почитаетъ. А вить дѣ мы государя-та нашли, и мы его возвели, а въ тѣ дѣ поры едаких Овчинниковыхъ и въ глазахъ не было; а нынѣ дѣ онъ, то-есть самозванецъ, изволитъ жаловать больше его и других, подобных ему, не знаемо за что, а насъ оставляетъ...[1]

К сему допросу ілецкой казакъ Максимъ, Даниловъ сынъ, Горшковъ руку приложилъ.[2]

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 241 — 250.)

№ 35.[3]

1774 года маія 10 дня Яицкаго войска отставной казакъ Денисъ Пьяновъ, раскольникъ, которой у злодѣя Пугачева былъ изъ числа любимцовъ, въ Секретной Коммисіи допрашиванъ и показалъ:

Въ службѣ онъ, Пьяновъ, находился около 30-ти лѣтъ, а отставленъ въ 1772 году. У присяги, чтобъ вѣрно ея величеству служить, при написаніи въ службу былъ; за что велѣно чинить наказаніе,— знаетъ. Во время бунту яицкихъ казаковъ находился; но когда генерала фонъ-Траунберга убили, при томъ убивствѣ за болезнію не былъ, а потому въ то время ничемъ

[1] *Опускается часть показания о пораженіях Пугачева весной 1774 г. и личной участи самого Горшкова.*

[2] *Подпись Горшкова несколько раз повторена в виде скрепы по листам.*

[3] *На поле слева:* «Умре августа 12 ч.».

и не наказанъ. О кончинѣ покойнаго императора Петра Федоровича онъ, Пьяновъ, слышалъ.

А прошлаго 1772 года ноября 22 числа пріѣхалъ къ нему, Пьянову, въ Яицкой городокъ въ домъ съ Иргизу изъ Мечетнаго знакомой ему мужикъ-раскольникъ Семенъ Филиповъ для продажи хлѣба и съ нимъ незнаемой ему человѣкъ, которой назывался купцомъ, а имя ему — Емельянъ, Иванов сынъ (прозванья тогда не сказалъ), и жили у него, Пьянова, въ домѣ семь дней. А какъ въ то время на Яикѣ слышно было, что въ Царицынѣ явился какой-то царь, почему онъ, Пьяновъ, изъ любопытства спрашивалъ Емельяна Иванова о причинѣ онаго, на что Емелька отвѣчалъ: «Это дѣ правда, и тотъ есть подлинно царь Петръ Федоровичь; и, хотя его въ Царицынѣ поймали, однако жъ, онъ ушолъ, а въмѣсто его замучили другова». На то Пьяновъ говорилъ: «Какъ этому статца? вить Петръ Федоровичь умеръ». А Емелька говорилъ: «Не правда, — онъ такъ же спасся и въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ». Итакъ онъ, Пьяновъ, много усумнился, однако жъ, вѣдаль любопытствовать не сталъ. Потомъ начался разговоръ другой, и говорилъ Емелька: «Какъ дѣ вамъ, яицкимъ казакамъ, не стыдно, что вы терпитѣ такое притесненіе въ ваших привилегіяхъ!» На что Пьяновъ говорилъ: «Что жъ дѣлать? такъ видно тому и быть». А на то Емелька говорилъ: «Не лутче ль вамъ вытти съ Яику въ турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходъ я вамъ дамъ денегъ, на каждую семью по двепатцати рублей», и сказывалъ при томъ, что на границѣ оставлено у него до двухъсотъ тысячь рублей, да на семдесятъ тысячь товару, изъ которыхъ дѣ, естъли Яицкое войско согласится бѣжать, то коштовать будетъ. А какъ Пьяновъ въ томъ усумнился и спросилъ Емельку: «Гдѣ ты деньги возмешъ, и что ты подлинно за человѣкъ», — на то Емелька отвѣчалъ: «Я дѣ заграничной торговой. А, по приходѣ за-границу, встрѣтитъ всѣхъ васъ съ радостію турецкой паша, и, естьли дѣ придетъ еще нужда въ деньгахъ войску на проходъ, то паша дастъ еще, хотя и до пяти милионовъ рублей». Однако жъ, въ то время Пьяновъ вдаль плодить рѣчь оную запретилъ, боясь бѣды, а не донесъ, потому что не уважилъ сей разговоръ. Сказывалъ ли тогда Емелька другимъ кому изъ яицкихъ казаковъ тѣ слова, онъ, Пьяновъ, не знаетъ; однако жъ, во всю семидневную у него бытность ходилъ на базар и на имѣющіяся при немъ деньги (коихъ сколько было, — онъ, Пьяновъ, не знаетъ) купилъ Емелька на базарѣ для себя на рубаху нестреди, которую и шила сноха Пьянова, такъже и нѣсколько ширинокъ, и, купя рыбы, нѣсколько сазановъ, съ тѣмъ же мужикомъ Семеномъ Филиповымъ Емелька поѣхалъ обратно на Иргисъ,— Емелька на одной, а мужикъ на двухъ лошадяхъ.

Потом пріѣхали на Яикъ старики съ Иргизу и сказывали, что Емельку велѣно ловить, но за что — тѣ старики прямо не знали. И вскорѣ прислано было съ Малыковки, чтобъ взять его, Пьянова, подъ караулъ, какъ видно было, за то, что Емелька вышесказанныя слова, въ домѣ у него будучи, говорилъ; однако жъ, онъ, Пьяновъ, отъ той поимки скрылся; а жену его Аграфену взяли подъ караулъ. И шатался онъ, Пьяновъ, въ побѣгѣ большою частію на коше у стариковъ-раскольниковъ, а отътуда вверхъ по Яику на Ташлу, и жилъ у казака яицкого Антипьева (оной умрѣ), а отътуда на Кинделъ въ илецкія хутора, потомъ въ Общей Сыртъ, и жилъ нѣсколько время въ ямѣ, а отътуда предъ Рождествомъ Христовымъ пошолъ, было, тихонько на Яикъ, чтоб войти въ домъ свой и взять хлѣба. Когда жъ пришолъ, то домашнія сказывали ему: что Емелька явился царемъ Петромъ Федоровичемъ, и что онъ прошолъ мимо Яику съ командою подъ Оренбургъ, и что дѣ большая часть яицкихъ казаковъ признала его государемъ и пристали къ его сторонѣ; и Симановъ, полковникъ, боясь, чтоб Пугачевъ его не взялъ, здѣлалъ кремль и туда заселъ, что вскорѣ и казаки бунтовской стороны подтвердили. А какъ онъ, Пьяновъ, былъ отставной человѣкъ, то ни къ которой сторонѣ приставать не разсудилъ. Вскорѣ пріѣхалъ на Яикъ с Низу казакъ Михайла Толкачевъ, и съ нимъ множество яицких казаковъ, и тотъчасъ сдѣлалъ приступъ къ Симанову, чтоб здался; однако жъ, Симановъ кремль отстоялъ и отъ онаго наступающую толпу казаковъ отбилъ.

А какъ Пугачовъ свѣдалъ, что онъ, Пьяновъ, находится въ городѣ, то, пріѣхавъ, Овчинниковъ, къ нему, Пьянову, и приказалъ ѣхать къ государю: «А естьли дѣ не поѣдешь вскорѣ, то тебя повѣситъ»; оное сказано ему, Пьянову, было 6 число генваря, а 7-е число и самъ Пугачевъ для подорванія Симанова подкопомъ, въ городъ Яикъ пріѣхалъ. Когда жъ онъ, Пьяновъ, услышал о пріѣздѣ ево, тотъчасъ къ нему явился, а Пугачевъ говорилъ ему: «Узналъ ли дѣ ты меня?».— На то Пьяновъ отвѣчалъ: «Какъ не узнать,— это недавно было». И тутъ Пугачевъ ему сказалъ самъ: «Я дѣ не Емельянъ Ивановъ, а государь вашъ Петръ Федоровичь», чему онъ, видя, что большая часть яицкихъ казаковъ такъ признаютъ, и повѣрилъ. А Пугачевъ сказалъ ему: «Я дѣ хлѣбъ и соль твою помню и тебя не забуду». Однако жъ, никогда отъ Пугачева онъ, Пьяновъ, ничего не получалъ; а какъ онъ, Пьяновъ, человѣкъ немолодой и въ отставкѣ, то Пугачевъ ни въ какую должность его и не опредѣлилъ. Когда Пугачевъ женился яицкаго казака Кузнецова на дочери Устиньи, онъ, Пьяновъ, въ поѣздѣ былъ и за обѣдомъ съ прочими, при немъ, Пугачевѣ, бывшими, сидѣлъ; при оном случае подарокъ получилъ — деньгами пять рублей. Тысяцкимъ

у Пугачева былъ Михайла Толкачев, друшкою — Петръ Бизяновъ, а прочихъ чиповных людей онъ, Пьяновъ, не помнитъ. По отъѣздѣ Пугачева въ Берду, ближнія при Устинье были: Толкачевъ съ женою, тесть его и своячина. И онъ, Пьяновъ, такъ какъ человѣкъ бѣдной, пропитаніе имѣлъ отъ Устиньина стола, а за столъ съ нею не сажался; домашнимъ же его отпускаемъ былъ въ домъ изъ канцеляріи хлѣбъ.....[1]

Отъ роду — 50 лѣтъ.

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 34 — 37.)

№ 36.[2]

1774 года маія 12 дня въ Секретной Коммисіи отставной яицкой казакъ Петръ, Михайловъ сынъ, Кузнецовъ котораго дочь Устинья выдана за изверга Пугачова, допрашиванъ и показалъ:

Въ службу въ которомъ году вступилъ, онъ, Кузнецовъ, не помнитъ. Изъ казачьихъ дѣтей. А отставленъ въ 1769 году. Пропитаніе имѣл отъ рыбной ловли. При вступленіи въ службу у присяги былъ, о смерти бывшаго государя Петра Федоровича онъ чрезъ указъ извѣстенъ; о Пугачевѣ, что онъ — злодѣй и бѣглой казакъ, зналъ же. Во время бывшаго на Яикѣ бунта, хотя и в отставкѣ былъ, однако жъ, держалъ сторону бунтовщиковъ. Когда онъ, Пугачевъ, пришолъ съ великою толпою на Яикъ, въ то время, взирая въ толпѣ его на бывшихъ, государемъ его почиталъ, въ чаяніи томъ, какъ можно простому человѣку взять на себя такое названіе!

Въ нынѣшнемъ 1774-м году, предъ Масленицей, умеръ у него племянникъ, котораго и ѣздилъ хоронить къ церкви. А какъ пріѣхалъ въ домъ, то увидѣлъ множество людей, въ томъ числѣ и самозванецъ, которой тотъчасъ спросилъ: «Ты ли хозяинъ сему дому, и твоя ли — указавъ на Устинью — это дочь?». На что онъ, Кузнецовъ, отвѣчалъ, что «дому сему хозяинъ — я, и дочь — моя». А Пугачевъ говорилъ: «Я дѣ намѣренъ на ней женится. И спасибо, что поилъ да кормилъ!» Тутъ Кузнецовъ поклонился Пугачеву въ ноги и плакалъ горько о томъ, что она еще молодёхонька и принуждена итти замужъ неволѣю, хотя и за государя, и о томъ, что нѣкому будетъ обшить и

[1] *Опускается конец показания, где Пьяновым сообщаются некоторые подробности о себе, кончая поимкой.*

[2] *На поле слева:* «Умре іюля 9 ч.».

обмыть; а старухи не имѣет. А Пугачовъ говорилъ: «Я дѣ намѣренъ на ней женится. И чтобъ къ вечеру готово было къ зговору, а завтрѣ быть свадьбѣ!» Въ то время Устинья ушла было въ шадры, однако жъ, тотъчасъ привели; и Пугачовъ, взявъ еіö къ себѣ, и приголубилъ. Къ вечеру пріѣхавъ съ поѣздомъ, и привезъ съ собою деньги, Устинью дарилъ; потомъ было рукобитіе, и цѣлую почти ночь пьянство продолжалось. А на другой день была свадьба. Званъ онъ, Кузнецовъ, съ дочерью замужней и зятемъ, такъже и съ двумя сыновьями, къ Пугачову. А, по приходѣ, былъ у новобрачныхъ обѣдъ. За столомъ подарилъ ему, Кузнецову, Пугачевъ лисью шубу, покрытую зелѣнымъ сукномъ, и халатомъ; а болѣе подарковъ никакихъ не получалъ.

Когда жъ Пугачовъ поѣхалъ съ Яику, то приказывалъ ему, Кузнецову, чтоб онъ чаще къ дочери своей ходилъ, что онъ, Кузнецовъ, и исполнялъ; однако жъ, никогда съ нею не обѣдалъ, ибо от Пугачова приказано было, чтоб съ ней поступать такъ, какъ съ царицею.— «А наше дѣ дѣло казачье! хотя къ ней і ходилъ, однако ж, обѣдать съ нею не посмѣлъ». Устинья никогда изъ дому своего не выходила, что ей приказано было от Пугачова. Ближнія при ней были: Михайла Толкачовъ съ женою, фрейлинами были дочь яицкаго казака Чреватина Марья, а другая—Парасковья Чапурина, да и окромѣ оныхъ при ней находились множество, и все почитали еіö царицею. О чемъ надобно было ей докладывать, то все, при ней бывшія, называли: «Ваше императорское величество! какъ изволитѣ приказать?» Однако жъ, она ни въ какія главныя дѣла не входила, что и от Пугачова приказано ей было, и ничего другова не дѣлала, какъ сидя во дворцѣ, разговаривала съ своими подругами.

Когда жъ Пугачовъ разбитъ и бѣжалъ, въ то время взятъ онъ съ дочерьми и съ сыномъ подъ караулъ и присланъ въ Оренбургъ. Объявляетъ, что ни о какомъ намѣреніи злодѣйскомъ онъ не слыхалъ, ибо съ нимъ никогда и ничего не говорилъ. Одинъ сынъ его въ толпѣ у самозванца, а другой, по невинности, на Яикѣ на свободѣ.

Отъ роду 60 лѣтъ, грамотѣ не умѣетъ.[1]

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 420 — 421.)

[1] *После текста:* «Сей допросъ означенному Кузнецову въ присудствіи Секретной Коммисіи читанъ, и онъ утвердился на оном безъ всякой отмѣны. Александръ Лунинъ».

№ 37.[1]

1774 года маія 12 дня пойманной въ дворцовой Малыковской волости бѣглой казакъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Пономаревъ, онъ же и Самодуровъ, которой, по присылкѣ съ Яику въ Оренбургъ, сперва у господина губернатора показалъ, яко-бы яицкія казаки, Чика съ товарищи, будучи на Узенях, соглашались Емельку Пугачева назвать государемъ, въ Секретной Коммисіи въ допросѣ сказал:

От роду мнѣ больше 30-ти лѣтъ, но сколько имянно — не знаю. Отецъ мой былъ яицкой казакъ и былъ сперва одинъ только годъ казачьимъ полковникомъ, а потомъ за продерзости разжалованъ въ хорунжія и изъ хорунжихъ напослѣдокъ въ рядовыя, и сеченъ дважды или трижды плетьми; да и я однажды на Яикѣ сеченъ же плетьми, но за какую вину — не упомню. Какъ же отецъ мой находился потомъ подъ слѣдствіемъ лѣтъ съ семь, и оное окончано, то въ 1765-м году, по указу Военной Коллегіи, велѣно было его, а съ нимъ и мѣня, опредѣлить казаками въ Сакмарской городокъ, такъ, какъ бы въмѣсто ссылки, почему отецъ мой тутъ и опредѣленъ былъ и жилъ въ Сакмарѣ; а я въ Сакмару не поѣхалъ и по снисхожденію старшинъ жилъ на Яикѣ. Какъ же потомъ Военная Коллегія стала вводить въ Яицкое войско регулярство, и старшины, принявъ учрежденной оною Коллегіею штатъ, принуждали казаковъ къ исполнѣнію по оному; и нѣкоторыя изъ казаковъ повиновались тому, а другія, и большою частію, воспротивились и защищали жалованныя отъ прежнихъ государей привилегіи и обряды, изъ чего послѣ и произошел между яицкими казаками раздоръ и несогласіе. И, раздѣлясь на двѣ противныя стороны, назывались: принявшая означенной штатъ — послушною, а непринявшая — непослушною, и были между ими драки и убивства, а напослѣдокъ и сраженіи съ присланными на Яикъ военными командами. На первомъ сраженіи побѣда была непослушной стороны, на которомъ, как генералъ-маіоръ Траунбергъ, такъ и многія съ послушной стороны старшины и казаки побиты, а на второмъ — непослушныя отъ послушной осилѣны, и многія захвачены, въ томъ числѣ и отецъ мой, которой, изъ Сакмары часто пріѣзжая на Яикъ, живалъ, ибо мы тамо имѣли свой домъ и хутора. Въ которое время и отецъ мой присталъ къ непо-

[1] *Передъ текстомъ:* «Получено 29 августа». — *Оригинал, с котораго воспроизводятся показания Пономарева, скрѣпленъ подписью:* «Александр Лунин».

слушной сторонѣ и названъ отъ нихъ былъ полковникомъ, которой и ѣздилъ отъ нихъ въ Петербургъ челобитчикомъ.

Какъ же отецъ мой былъ захваченъ, то я, убоясь, чтобъ и меня не взяли подъ караулъ, бѣжалъ и крылся въ своихъ хуторахъ, но напослѣдокъ тутъ однимъ казакомъ предъ масленицею прошлаго 1773 году пойманъ и представленъ былъ во управляющую войскомъ Яицкимъ Комендантскую Канцелярію, гдѣ и содержался подъ карауломъ съ недѣлю, а потомъ бѣжалъ и жилъ тайно на хуторахъ до начала лѣта; а какъ лѣто наступило, то, опасаясь поимки, уѣхалъ послѣ Фоминой недѣли на Иргизъ и жилъ тамо около Березовской деревни, верстъ за десять, въ землянкѣ, въ которой тогда жили три старика-крестьяна: одинъ, дворцовой Малыковской волости, Петръ Кузнецовъ, а двое сказывались графа Шереметева, — одному имя Василій, а другому Егоръ, а отечествъ и прозваньевъ ихъ, тож и изъ какого они жительства, я не знаю. По Иргизу такихъ землянокъ много сыщется, въ коихъ кроются раскольники и бѣглыя, ибо я объ ономъ знаю потому, что неоднократно по симъ мѣстамъ ѣзжалъ для звѣриной ловли. Побывъ же, я, на Иргизѣ въ объявленной землянкѣ съ недѣлю и приглася съ собою означеннаго малыковскаго крестьянина Кузнецова, поѣхалъ съ нимъ на Узени (двѣ рѣчки: одна называется Большая Узень, а другая — Малая, между которыми небольшой лѣсъ; и выпали оныя рѣчки въ озеро Мардало, оное жъ называется и Камышъ-Самара) и, переѣхавъ чрезъ степь на Большую Узень, ѣхали дней съ пять, а, пріѣхавъ въ Камышъ-Самару, остановились, потому что тутъ много въ камыше есть землянокъ, и много кроется бѣглыхъ, ибо сіе мѣсто для нихъ по непроходимости весьма способно и къ пропитанію безнужно, потому что, какъ въ озерѣ, такъ и въ рѣчкахъ, рыбы множество, для чего самаго и объявленной крестьянин Кузнецовъ согласился туда со мною ѣхать.

По пріѣздѣ жъ туда, недѣли за двѣ или за три до Петрова дни, нашелъ тамо кроющихся, такъ же, какъ и я, отъ поимки за прописанной бунтъ яицкихъ казаковъ: Ивана Зарубина, онъ же и Чика, Илью Ульянова, Степана Толкачева, Петра Балабанова, Степана Пьянова, Акима Мясникова да Михайлу Жегулевцова, изъ которыхъ Мясниковъ и Жегулевцовъ тутъ не жили, а пріѣзжали, какъ мнѣ тогда сказывали, для стреляпія будто-бы сайгаков (дикихъ козъ); гдѣ еще жили съ ними какія-то раскольническія черницы, семь человѣкъ, изъ коихъ начальникъ ихъ назывался Макарій, а прочихъ имянъ, тожъ отъкуда они туда пришли, и тамо ли они нынѣ находятся, — я не знаю. Гдѣ такъже видѣлъ я незнакомаго мнѣ человѣка, которой былъ тогда въ синемъ суконномъ зипунишкѣ, въ сапогахъ, на головѣ малинькая шапка, примѣтами ж онъ: росту средняго, лицемъ

продолговатъ, смуглъ, глаза карiе, волосы темнорусые — подстрижены по-казачьи, борода черная съ сединою, плѣчистъ, но въ животѣ тонокъ. Какъ скоро пріѣхалъ я съ Кузнецовымъ къ нимъ, то всѣ они и собрались вокругъ насъ, въ томъ числѣ и тот незнакомой человѣкъ, которой былъ въ шапкѣ, а казаки такъ, какъ бы изъ почтенія къ нему, стояли безъ шапокъ; и спрашивали меня казаки: что дѣлается въ Яицкомъ городкѣ? Но какъ я сказалъ имъ, что изъ города давно выѣхалъ, то они не выспрашивали уже болѣе у меня ни о чемъ. И в то жъ самое время объявленной Чика, указавъ на показаннаго нѣзнакомаго человѣка, сказалъ мнѣ и Кузнецову: «Кланяйтеся! вить это государь Петръ Федоровичь». А Толкачевъ подъ то слово молвилъ: «Признавайтѣ его за царя». Почему вы [sic], испугавшись сего и не знавъ, что дѣлать, тотъчасъ ему и поклонилпсь ниско. Но самозванецъ, не отвѣчая поклономъ и не говоря ни слова, только что смотрелъ на насъ пристально. И потомъ разошлись, всякой по своимъ мѣстамъ... [1]

Я уже болѣе о семъ самозванцѣ ни съ кѣмъ изъ бывшихъ тут и не говорилъ, и остался въ тѣхъ мысляхъ, что это одинъ обманъ. Однако жъ, живши тутъ съ недѣлю, хаживал я съ прочими казаками ко оному самозванцу въ землянку, въ которой жилъ онъ съ Чикою и съ Ульяновымъ, куда такъже приха-живали и вышесказанныя черпцы, гдѣ слышалъ я, что самозванецъ и казаки полагали между собою совѣтъ такой, чтобъ, собравъ въ свою шайку больше людей, итти на Яикъ во время плавни рыбы (на которую обыкновенно они ѣздятъ послѣ сенокосу, спустя двѣ недѣли; сенокосъ же у нихъ продолжается, по великости мѣста, недѣль съ семь) и, пришедъ на плавню, склонить яицких казаковъ на свою сторону, и съ ними итти потомъ въ Яицкой городокъ; и, тутъ забравъ такъже казаковъ, а старшинъ всѣхъ побить и итти въ Оренбургъ, и взять опой; а какъ дѣ тутъ много денегъ, то, по взятіи, раздѣлить оныя казакамъ. Когда къ самозванцу приходили въ землянку казаки и старцы, то онъ саживал иногда ихъ съ собою и руки тогда не давалъ еще целовать; такъже могъ я примѣтить и то, что казаки нѣ такъ тогда его почитали, какъ бы надлежало прямаго царя, ибо говорили предъ нимъ безъ опаски и, ходя съ нимъ, падѣвали шапки... [2]

(Г. А. р. VI, д. 506, лл. 321 — 325.)

---

[1] *Опускается та часть показания Пономарева, где он передает свой разговор с Пьяновым и Чикой относительно «государя».*

[2] *Конец показания Пономарева опускается.*

№ 38.[1]

1774 году іюня 16 дня присланной въ Секретную Коммисію отъ Яицкаго коменданта полковника Симанова, явившейся собою изъ злодѣйской толпы, яицкой казакъ Козма, Тихановъ сынъ, Кочуровъ въ допросѣ сказалъ:

Отъ роду ему 26 лѣтъ, въ казачей службѣ лѣтъ съ семь, изъ яицкихъ казачьихъ детей. Въ вѣрной ея и. в. службѣ у присяги онъ, при вступленіи въ службу, не былъ, а присягалъ въ прошломъ 1773-м году, около Петрова дни, въ то время, когда за убивство генерала Траунберга начальныхъ того бунта (въ которомъ и онъ участіе имѣл) пересекли иныхъ кнутомъ и клеймили, а иныхъ — плетьми и сослали въ сылку; но къ сей присягѣ не всѣхъ ихъ приводили, а приводили только однихъ десятниковъ, коимъ прочія девять давали свои руки и клялись предъ ними служить всемилостивѣйшей государынѣ вѣрно, а они уже за всѣхъ въ церквѣ присягали. О бывшемъ императорѣ Петрѣ третьемъ, что онъ скончался, онъ, Кочуровъ, слышалъ.

Прошлаго года, послѣ Петрова дни спустя недѣли съ четырѣ или съ пять, а подлинно сказать не упомнитъ, былъ онъ съ братьями своими родными: большимъ — Алексѣемъ и среднимъ — Петромъ въ зимовье своемъ, состоящемъ отъ Яицкаго городка верстахъ въ 30-ти, а отъ Чеганскаго фарпоста въ четырехъ, и косили сено; а, отъкося первую недѣлю и покидавъ въ стога, поѣхалъ онъ съ Петромъ въ городъ, а оттуда въ степь стрелять сайгаковъ. И, ѣздя за онымъ недѣли съ двѣ, возвратился онъ, Козма, съ возомъ пастреленых сайгаковъ въ городъ, а братъ его Петръ остался достреливать другой и приказалъ ему ѣхать въ зимовье и, взявъ лошадей, привести въ городъ, для того, что они намѣрены были ѣхать на Узени для ловли звѣрей. Почему онъ, Козма, отвезя въ городъ сайгаковъ и потомъ пріѣхавъ въ свое зимовье, и пробывъ тутъ дни съ три, поѣхалъ на рѣчку Усиху, разстояніемъ от ихъ зимовья верстъ съ 20 или съ 15, для стреляніа сайгаковъ, намѣряясь на другой день возвратится въ зимовье и ѣхать, по приказу братнему, съ лошадьми въ городъ.

Итакъ, приглася въ товарищи къ себѣ шабра своего, яицкаго же казака, Петра Чапова, въ полдень поѣхали на Усиху; но на половинѣ дороги попалися имъ навстречу шабры ихъ, яицкія казаки: Василій Коноваловъ, Сидоръ Кожевниковъ и

---

[1] *Показание К. Кочурова в оригинале скреплено подписью:* «Александр Лунинъ».

съ ними казакъ Иванъ Зарубинъ, онъ же и Чика, да одинъ какой-та незнаемой человѣкъ, ѣхавшія верхами, изъ коихъ Чика, изъдалѣка подбѣжавъ къ нимъ и остановя, спрашивалъ: «Куда вы ѣдѣтѣ», на что они ему отвѣчали: «Стрелять едем», а потомъ спросили его: кто с ним ѣдетъ? А Чика, указывая имъ изъдали на ѣдущихъ, говорилъ: это — Василій Коновалов, это — Сидоръ Кожевниковъ, а это — царь. Какъ же Чика сіе выговорилъ, то они, не знавъ преждѣ о томъ ничего, испугались и не смѣли больше объ немъ у Чики спрашивать...[1]

Во все время его бытія въ злодѣйской толпѣ, самозванца щитал онъ, по словамъ другихъ, за истиннаго царя, но то только нѣкоторое сумнѣніе ему наводило, что онъ ходилъ въ бородѣ и въ казачьемъ платье, ибо онъ слыхалъ, что государи бороду бреютъ и носятъ платье немецкое; посовѣтовать же о томъ съ другими онъ не посмѣлъ, потому что за малое сумнѣніе о его подлинности вѣшали. А какъ онъ часто слыхалъ от нѣкоторыхъ главныхъ, при самозванце находящихся, какъ-то: Чики и прочихъ, увѣреніе, что онъ — подлинной государь, и обнадеживали, что онъ все къ себѣ покорит, да и государыня дѣ приметъ его съ честію, то онъ, увѣрясь на семъ, служилъ ему вѣрно, думая, что сія его служба безъ награжденія не останется. Теперь же, видя, что войско противъ его вооружается и не признаетъ за царя, щитаетъ его такъ, какъ въ указах об немъ публиковано, — за вора и обманщика, донского казака Пугачева.

Грамотѣ не умѣетъ.

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 303 — 312.)

№ 39.

1774 года іюня ... дня яицкой казакъ Иванъ Харчевъ (на котораго показано, что у самозванца онъ былъ опредѣленъ для роздачи злодѣйской его сволочи провіанта) въ Секретной Коммисіи допрашиванъ и показалъ...[2]

Послѣ жъ того слышно было, что самозванецъ, идучи къ Оренбургу, побралъ все, по тракту лѣжащія, крепости и содержалъ самой Оренбургъ въ атакѣ. Спустя нѣсколько времяни, полковникъ Симановъ здѣлалъ кремль, при дѣланіи коего и я

---

[1] *Средняя, основная, часть показания К. Кочурова опускается целиком.*

[2] *Опускается первая половина показания Ивана Харчева, где рассказывается об обстоятельствах появления Пугачева под Яицким городком, его первых военных действиях и движении вверх по р. Яику, в направлении к Оренбургу.*

въ работѣ упражнялся. Какъ же потомъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, предавшейся къ самозванцу яицкой казакъ Михайла Толкачевъ, будучи отъ него посланъ на низъ Яика для приклоненія къ нему находящихся по линіи яицкихъ казаковъ, и слышно было, что оной Толкачевъ, возмутя тамошних казаковъ, приклонилъ къ своему единомыслію и шолъ съ ними въ великомъ числѣ къ Яицкому городку, то полковникъ Симановъ, командировавъ старшину Мостовщикова съ командою, человѣкахъ во стѣ казаковъ, для воспрепятствованія Толкачеву во входѣ въ городъ, самъ, между тѣмъ, со всею регулярною командою вошолъ въ ретранжаментъ. Какъ же Толкачевъ команду Мостовщикова разбилъ и самого его поймал, да и былъ уже близъ города, то Симановъ приказывалъ и дѣлалъ сигналъ, какъ стреляніемъ изъ пушекъ, такъ и битьем въ набатъ въ колоколъ, чтоб все казаки, оставя домы, шли въ ретранжаментъ; однако жъ, очень мало сыскалось таких, которыя его послушали и вошли въ ретранжаментъ — не больше, какъ человѣкъ съ семдесятъ послушной и непослушной стороны. А прочія все, какъ непослушныя, такъ и послушныя, остались при своихъ домахъ, для того, что пожалѣлъ каждой своего дому, ибо естьли бы городъ оставить въпустѣ, то Толкачевъ съ шайкою своею, въ которой было человѣкъ до трехъ сотъ, не только чтобы весь городъ выжегъ, но и оставшихъ въ домахъ женъ и детей, конечно бы, предалъ смерти; въ разсужденіи чего и оному Толкачеву противится убоялись, и пустили его въ городъ безъ всякаго супротивленія, ибо, хотя городскихъ казаковъ и несравненно было больше противъ шайки Толкачевой, но, будучи утороплены полученною имъ надъ Мостовщиковымъ побѣдою, не осмѣлились сдѣлать ему супротивленія, потому больше, что многія заражены уже были лѣгковѣріемъ къ самозванцу.

Толкачевъ же, вступя съ своею шайкою въ городъ, собралъ всѣхъ казаков въ кругъ и объявилъ тутъ составленной отъ самозванца, подъ именемъ покойнаго императора Петра третіяго, указъ, въ которомъ писано было: что онъ вступилъ на царство, и чтоб все служили ему вѣрою и правдою, обѣщая за вѣрную службу награжденіе, а въ противномъ случае — смертную казнь. По прочтеніи жъ онаго, Толкачевъ увѣрялъ всѣхъ, что онъ не самозванецъ, но дѣйствительной государь Петръ Федоровичь, и что многія уже пришли къ нему въ покорность, почему всѣ, въ томъ числѣ и я, повѣря словам Толкачева, приняли самозванца за истиннаго государя, обѣщаясь служить ему вѣрно. Потомъ, по повелѣнію Толкачева, неоднократно дѣлали приступъ къ ретранжаменту и содержали оной въ беспрерывномъ облеженіи. Спустя нѣсколько времяни, пріѣхалъ въ городъ злодѣйской атаманъ Овчинниковъ, приведя съ собою такъже многихъ съ Низу и изъ Гурьева городка казаковъ, а за Овчинниковымъ и самъ

самозванецъ изъ-подъ Берды трижды въ городъ пріѣзжалъ и покушался разными образами ретранжаментъ взять, но не удалось; однако жъ, содержали оной во всегдашней атакѣ. Въ сіе время, какъ самъ самозванецъ, такъ и поставленной отъ него войсковой атаманъ Каргинъ, тожъ и помянутыя Толкачевъ и Овчинниковъ. на Яикѣ много людей переказнили и живыхъ въ водѣ перетопили, но кого имянно — пересказать не могу. Что же касается до меня, то ни на приступахъ къ ретранжаменту, ни на сраженіи противъ вылазокъ изъ онаго и на караулахъ не былъ, потому что я употребленъ былъ къ закупкѣ въ городѣ скотинъ и къ роздаче мяса бунтующей толпѣ; а въ прочем никакой должности, кромѣ сего, не имѣлъ... [1]

Къ сему допросу яицкай казакъ Иванъ Харчевъ руку приложил. [2]

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 313 — 318.)

№ 40.

Яицкой казакъ Илья Ульяновъ въ Казанской Секретной Коммисіи августа ... дня допрашиванъ и показалъ...[3]

Недѣли за двѣ до масленицы, Зарубинъ послал ево, Ульянова, въ Бакалы, давъ ему въ команду двести человѣкъ и пять пушекъ съ картузами, по тритцати на каждую; въ Бакалахъ же стоялъ тогда атаманъ злодѣйской Торновъ съ двумя тысячами разнаго звапія людей, то чтобъ сею, находящеюся съ нимъ, Ульяновымъ, сволочью умножить ево, Торнова, толпу и пять пушекъ на помощъ отвесть. А, пріѣхавъ въ Бакалы, увидѣли они, что въ порохѣ великой недостатокъ, то и поѣхалъ онъ, Ульяновъ, назад безъ команды къ Зарубину и требовалъ от него пороху; но Зарубинъ отозвался, что такъже имѣетъ въ томъ великой недостатокъ. Почему онъ принужденъ былъ ѣхать къ самому самозванцу въ Берду, а, пріѣхавъ, пороху изтребовалъ и получилъ боченокъ, около четырѣхъ пудъ, причемъ самозванецъ обѣщалъ ево, Ульянова, наградить полковникомъ. А какъ. получа оной порохъ, пріѣхалъ къ Зарубину, то самозванецъ прислалъ за нимъ же свой указъ о награжденіи ево, Ульянова,

---

[1] *Опускаются: конец показания Ивана Харчева и «речи», какие говорились Харчевым, Макс. Шигаевым и Мих. Кожевниковым на очной ставке, данной всем троим.*

[2] *Подпись Ивана Харчева трижды повторена, в виде скрепы по листам показания.*

[3] *Опускается первая половина показания Ил. Ульянова, содержащая краткий рассказ о появлении Пугачева на Яике, обстоятельствах присоединения к «злодейской толпе» самого Ульянова и командировке его с Чикой, сначала — на Воскресенский завод для наблюдения за литьем пушек, а затем вскоре — под Уфу.*

полковникомъ. И онъ, раздѣля съ Зарубинымъ порохъ пополамъ, поѣхалъ въ Бакалы и имѣлъ тутъ въ своей командѣ человѣкъ до тысячи, которые охотно изъ башкирцовъ и мещеряковъ къ нему пріѣхали, и четыре пушки, ожидая на себя, какъ слышно было, вѣрныхъ войскъ идущую команду, которую считалъ не въ большемъ числѣ и устоять противъ оной надѣялся. Но как на второй недѣлѣ Великаго Поста въ Бакалахъ дождался ту военную команду, имѣвъ съ оною сраженіе, не могъ далѣе сопротивлятся, обратился въ бѣгъ, пушки, имѣющіе съ собою, увезъ и пришел съ оставшею при себѣ сволочью въ Чесноковку къ Зарубину, и обо всемъ произшедшемъ разсказалъ; но Зарубинъ положилъ ожидать на себя военные команды и дѣлать имъ отпоръ. А на четвертой недѣли Великаго Поста пришедшею военною командою, надъ которою командиромъ былъ подполковникъ Михелсонъ, все разбиты, и онъ, Ульяновъ, съ Зарубинымъ и съ уфимскимъ казакомъ Губановымъ, спасая животъ свой, скакали къ городу Табынску, зная, что тутошніе жители къ самозванцу всѣ были склонны; а притомъ изъ Табынска хотѣли послать къ самозванцу съ извѣстіемъ о истребленіи Зарубиной толпы. Но какъ лишь только пріѣхали въ Табынскъ, то ихъ жители и переловили, ибо они были уже извѣстны, что самозванецъ подъ Татищевою крѣпостью разбитъ, чего Зарубинъ и онъ, Ульяновъ, еще не знали. Изъ Табынска жъ отосланы въ Уфу, гдѣ и содержались подъ карауломъ, а сего августа 15 числа присланы въ Казань.

Будучи же еще въ Бердѣ, слышелъ онъ, Ульяновъ, отъ Зарубина, отъ Шигаева и отъ протчихъ яицкихъ казаковъ неоднократно мѣжду разговорами, бывши пьяные, что самозванецъ есть донской казакъ и былъ, еще преждѣ содержанія подъ карауломъ, у нихъ на Яикѣ, у Пьянова-казака въ домѣ, и прославить себя государемъ совѣтъ имѣлъ, а потомъ пойманъ и содержался въ Казанѣ, изъ Казани жъ ушелъ и по прежнимъ совѣтамъ принялъ на себя имя государя. Почему онъ, Ульяновъ, уже зналъ, что онъ, самозванецъ; однако жъ, служилъ ему вѣрно, надѣясь, что завладѣетъ онъ государствомъ, и онъ, Ульяновъ, будетъ великимъ человѣкомъ. А притомъ о яицкомъ казакѣ Дмитріе Лысовѣ показалъ, что самозванецъ ево, будучи въ Татищевой, повѣсилъ, слышелъ онъ, Ульяновъ, за то: когда самозванецъ ѣздилъ со многими другими, все вѣрхами, въ Каргалу, откуда назадъ ѣхали все пьяные, и Дмитрей Лысовъ, наѣхавъ на самозванца, ударилъ ево копьемъ и прокололъ на немъ кафтанъ, такъ что и до тѣла досталъ; а съ какого умыслу Лысовъ то учинилъ, — не слыхалъ.

Отъ роду ему 30 лѣтъ.

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 367—370.)

№ 41.

Яицкой казакъ Иванъ Зарубинъ, по прозванію Чика, названый отъ самозванца графомъ Чернышевымъ, въ Коммисіи 1774 года сентября... -го дня показалъ.[1]

. . . . . .

Сей допросъ показателю яицкому козаку Зарубину, по прозванію Чикѣ, и названному отъ самозванца графомъ Чернышевымъ, былъ въ присудствіи читанъ, въ чемъ онъ по двепатцетикратномъ увѣщеваніи утвердился, но подъ наказаніемъ и по улике Ульянова показалъ следующее:

Въ 1772-м году былъ онъ, Зарубинъ, для ловли звѣрей, отъ праздника Покрова Богородицы даже до Николина дни, на степи, простирающейса отъ ихъ городка Яика, а потомъ приехавъ на свой хуторъ, состоящей отъ Яика въ дватцети верстахъ. И, какъ ево, Зарубина, хуторъ поставленъ близъ хутора жъ на Пещаномъ озерѣ, принадлѣжащаго яицкому казаку Никифору Гребневу, то пошелъ онъ, Зарубинъ, поить лошедей, и попался ему навстречу означенной Гребневъ, которой шелъ отъ казака Ивана Шурыгина изъ хутора, и началъ говорить: «Слышелъ ли ты вести?» — То онъ, Зарубинъ, спросилъ: «Что за вести?» — Отвечалъ Гребневъ: «Вести добрые! А слышелъ де я отъ Григорья Закладнова, бывшего с нимъ для ловли звѣрей, что приезжалъ де на уметъ въ осеннѣе время къ Ереминой Курицѣ купецъ, и Григорей Закладновъ, бывшы тут же на умете, с нимъ разговорилса. И сталъ де купецъ спрашывать: «Какія вамъ, казакамъ, есть обиды и какіе налоги?» И Закладновъ расказывалъ де ему, какія ихъ обиды отъ командировъ нашихъ. Послѣ чего тотъ купецъ просилъ его, Закладнова, чтобъ проводилъ ево до умету Михайлы Пономарева, которой отъ Яика верстахъ в дватцети, почему Закладновъ и проводилъ ево до того умета. И заезжалъ ли онъ къ Пономареву или нетъ, не сказалъ, а только выговорилъ де, что поедетъ въ Яикъ для покупки рыбы и приказывалъ мне, что, когда онъ изъ Яика возвратитца назадъ, на уметъ къ Ереминой Курице, то хотелъ за нимъ прислать, чтобъ Закладновъ к нему приехалъ. И такъ, Закладновъ, оставя купца, возвратился и поехалъ для ловли зверей близъ умета Ереминой Курицы. А потомъ означенной купецъ, возвратясь, послалъ Еремину Курицу сыскать Закладнова; и Закладновъ приехалъ, на умѣте с купцомъ начевалъ и потомъ зачелъ распрашивать: «Скажи де ты намъ правду, что ты за человѣкъ?» На то самозванецъ ему отвечалъ: «Ну, другъ мой, господинъ козакъ, я де скажу тебе сущую правду! Ты меня

[1] *Первоначальное показание Чики опускается.*

признавай государемъ; а я не для рыбы вашей ездилъ в город, а только де приглядетъ ваши обряды, и какіе командиры вамъ дѣлаютъ обиды». Когда жъ ево Закладновъ спросилъ: «У кого де ты былъ въ Яикѣ?», — то онъ сказалъ: «Я де стоялъ в доме у Дениса Пьянова». И Закладновъ сталъ ему на то говорить: «Что де, батюшка? Обиды намъ дѣлаютъ великія! Наши командиры насъ де бьютъ и гоняютъ, жалованье наше затаиваютъ,— и, тому уже шесть летъ, государыня де наше жалованье жалуетъ, а они, незнаимо куда, употребляютъ. И сколько тепереча уже перебито и померло нашихъ козаковъ! А кто де только о жалованье станетъ говорить, то сажаютъ под караулъ безъ государева указу и въ сылки разсылаютъ, и государыня де о томъ не знаетъ. И своих камандировъ выбираютъ: у насъ де прежде сего не было пятидесятниковъ, а теперь де и оные завелись; такъ мы де теперь и опасны, — прежде де в сотне-та былъ одинъ сотникъ, а нынѣ де всіо новое». Итакъ, поговоря, самозванецъ, съ Закладновымъ, поехалъ съ умета на Иргисъ, сказавши имъ: «Ждите де меня весною, я де къ вамъ буду». Вотъ де какія вѣсти!»

И такъ Зарубинъ, поговоря о том съ Гребневымъ, разошелса. А та молъва по Яику и была, что государь былъ у Пьянова въ доме. Что́ услыша, ихъ командиры, старшына Бородинъ и полковникъ Симоновъ, хотели Пьянова взять подъ караулъ, но онъ бежалъ; то взята была ево жена і допрашывана, показала, что былъ де у насъ купецъ, купилъ два воза рыбы и уехалъ, а подлинно, что за человѣкъ, не знаетъ; и сидела она подъ карауломъ всю зиму, а, наконецъ, выпущена. Мы же де, козаки войсковой стороны, все уже о томъ думали и дожидались весны; где ни сойдемся, говорили войсковые все: «Вотъ будетъ государь!» И, какъ приедетъ, готовились ево принять. Но во все де то время ево у насъ не было, и, где находилъса, не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ.

А потомъ, въ 773-м году, въ Успенской постъ, вышелъ де я на улицу и вижу, — стоятъ: Иванъ Харчевъ, Андрей Кожевниковъ, Петръ Кочуровъ, Тимофей Стракайкинъ, Борисъ Короваевъ; подошелъ, отдалъ де імъ поклонъ, и стали де при мне оные проговаривать: «Нада де за нимъ ехать». Услыша ихъ слова, онъ, Зарубин, спросилъ: «Куда ехать?». — То Кожевниковъ отъвечалъ»: «Разве де ты теперь слышешъ, что государь де явилъся?»— Зарубинъ же спросилъ: «Да хто де вить сказывалъ?» — То Кожевниковъ сказалъ: «Вотъ де Кораваевъ тепереча только отъ него,— онъ де на умете у Ереминой Курицы». — На то Зарубинъ сказалъ: «Да что жъ де? Кали съездить, такъ и я за нимъ съезжу; только де вѣть не одному мне ехать, — человѣка другова мне надобно. И, хаша я поеду, такъ куда мнѣ ево деть!» Сіе выговорилъ для того, что к себѣ въ домъ привести *думалъ бесчестно,*

и для того спросилъ, куда ево привести.[1] А Кожевниковъ говорилъ: «Ето де не твоя печаль! Прямо привози к намъ на хуторъ», — у насъ де есть и покои, куда ево дѣть,[2] только де ты сыщи себе человѣка, с кемъ ехать». — И Зарубинъ спросилъ: «Для чего на хуторъ, а не въ Яикъ?» — То Кожевниковъ отъвечалъ: «Въ Яикъ де привести теперь нельзя, — все де козаки въ городокъ сошлись, такъ де иные и не поверятъ, а старшинская сторона можетъ ево и поимать. А какъ отъвезешь де к намъ на хуторъ, то де мы все туда будемъ...[3]

Приехавъ[4] онъ, Зарубинъ, пришелъ къ Короваеву и сталъ ему говорить, чтобъ онъ сказалъ правду, что, дескать, это за человѣк, котораго они за государя почитаютъ. На что онъ отвечалъ: «Глупой де ты человѣкъ! Развѣ де ты не слыхалъ, что и прежде, давно, идѣтъ молва у насъ въ городе, что онъ государь». А какъ, не уверясь на томъ, сталъ Зарубинъ ему, Короваеву, докучать: «Скажи де мне и отъкройса; пускай, вы знаете об немъ, вить де я никому не вышесу, — ныне де дело будетъ общѣе».[5]

То Короваевъ сталъ прежде увещевать его: «Ну, слушай, братъ Чика, не сказывай де ты ни отцу, ни матере, ни жене, ни детямъ, ни постороннимъ людемъ и дай де мне в томъ предъ Богомъ клятву», почему Зарубин и обещалса. А Короваевъ сталъ говорить, что «ето де не государь, а донской козакъ, и вместо государя за насъ заступитъ, — намъ де всіё ровно, лишь быть въ добре». И онъ, Зарубинъ, услыша, положивъ о томъ, что такъ тому и быть, ибо всему войсковому народу то было надобно...[6]

---

[1] *Слова, набранные курсивомъ, вписаны на выскобленном месте.*

[2] *На поле слева:* «Кожевниковыхъ три брата: Андрей, Михайла, Степанъ, и живутъ въ одномъ доме».

[3] *Опускаются, в передаче Чики: а) разговор его с Ив. Харчевым относительно примет «государя», б) описание поездки Чики и Тимофея Мясникова на умет к Ереминой Курице, в) подробности встречи их с Пугачевым и происходивших при этом разговоров, и, наконец, г) рассказ о прибытии Пугачева с сообщниками на Кожевниковы хутора.*

[4] *На Яик.*

[5] *На поле слева:* «А притомъ, выводя Короваева изъ ума, сказалъ ему такъ: «Ну што ты, Денисъ, таишъ отъ меня! Вить онъ мнѣ самъ открылся, что донской казакъ! (Злодѣя донскимъ казакомъ намекнулъ онъ, Зарубинъ, наугадъ, потому что, за годъ до сего времени, былъ у нихъ на Яике слухъ такой, что въ Царицынѣ одинъ донской казакъ такъже назывался государемъ Петромъ Федоровичемъ и былъ оной пойманъ, но изъ-подъ караула ушелъ; а потому и думалъ онъ, Зарубинъ, што не тотъ ли самой и у нихъ явился, ибо онъ о самозванцѣ по подлому его состоянію усумнился, чтобъ онъ подлинной былъ государ)».

[6] *Опускаются, в передаче Чики, конец его разговора с Д. Короваевым и подробности пребывания Пугачева на хуторах у Кожевниковых, с момента возвращения Чики из Яицкого городка и до переезда Пугачева с сообщниками на речку Усиху.*

Въ оное время Пугачевъ зачелъ о себе Зарубину росказывать: «Вотъ де, детушки, я страдаю уже двенатцеть летъ, і былъ де я у черкасовъ на Дону и по Россіи во многихъ городахъ, то примечалъ, что везде народъ раззоренъ, и вы де такъже терпите много обидъ и налогъ». На что и онъ, Зарубинъ, отвечалъ: «Какъ де намъ разоренымъ не быть?», расказывая всю тягость и налоги отъ командировъ и о тяжбѣ между собою. А злодѣй говорилъ, что онъ о всемъ томъ слышелъ: «И всегда де такъ бывастъ: какъ де пастыря не станетъ, то всегда народъ пропадаетъ; какъ де былъ государь, то все де крепко да хорошо было». Причем Зарубинъ и сталъ ему говорить: «Какъ де, батюшка, скажи де сущую правду про себя, точно ли де ты государь». Самозванецъ отвечалъ: «Точьной я де вамъ государь». А Зарубинъ на то говорилъ: «Вить де насъ, батюшка, не сколько теперь, только двоечька; мне де вить Короваевъ росказалъ о тебѣ все точьно, какой ты человѣкъ». На то Пугачевъ и спросилъ: «Что же де тебе Короваев-атъ о мне сказалъ?» Зарубинъ и начелъ говорить: «Отъ людей де утаишъ, а отъ Бога вить не утаишъ, — ты де донской казакъ!» На что Пугачевъ сказалъ: «Врiёшь де, дуракъ». То Зарубинъ говорилъ: «Я де в томъ Караваеву далъ клятву, чтобъ никому о томъ не сказывать, такъ теперь и тебе де, батюшка, даю, — вит де мне в томъ нужды нетъ: хоша де ты и донской козакъ, только де мы уже за государя тебя принели, такъ тому де и быть». Выслушавъ сіе, злодѣй ответствовалъ: «Ну, кали такъ, то смотри же, держи вътайнѣ: я де подлинно донской козакъ Емельянъ Ивановъ. Не потаилъ де я о себѣ и сказывалъ Короваеву и Шыгасву, такъже Пьянову.

Послѣ опого разговору, не дождавшыс Мясникова (какъ опъ не бывалъ, то и считали, что команды за ними нетъ), поехали обратно къ Кожевниковымъ хуторамъ; только у нихъ не были, а пробыли у Коноваловыхъ на хуторе и, начевавъ, взяли отъ Коноваловыхъ хлѣба и котелъ крупъ, и мяса, а отъ Кожевниковыхъ — полатку, поехали на Усыхину речку. Тогда с ними поехали уже многіе: Кожевниковъ Михайло Алексѣев, Коноваловъ Василей, Кочуровы Алексѣй да Кузма, Кожевниковъ же Сидоръ Васильевъ. Приехавъ же, поставили полатку, а на вечеръ Мясниковъ приехалъ и сказывалъ: «Команды де! Изъ городка выезду нету!» Итакъ, жили все на томъ мѣстѣ дней десять. Въ оное время Иванъ Почиталинъ привезъ Пугачеву бешметь коноватной, зипунъ зеленой суконной, шапку красную, кушакъ, а сапоги были куплены Мясниковымъ. А какъ Харчевъ привезъ четыре знамя, (которые остались у пево еще отъ тово времени, какъ они выходили противъ генерала Траубенберга и своевольствомъ опые взяли, а старшинъ всехъ посадили подъ караулъ), изъ которыхъ знамен переделали маленкіе, разделяя

*

каждое на-двое. Во оное жъ время приезжали уже многіе изъ городка, въ томъ числѣ Дмитрей Лысовъ, (которому онъ, Чика, тайно расказалъ о Пугачеве, что онъ — самозванецъ и по природѣ — донской казакъ Емельянъ Ивановъ), товарищи ихъ злодѣйскія: Кузма Фофановъ, Иванъ Харчевъ, Василѣй Кшининъ, Максимъ Чернухинъ, Фирсъ Чибекеевъ, татаринъ Идоркъ, Аманычь-татаринъ (но вместо его приезжалъ братъ его, а не самъ), калмыкъ Малаевъ, Василей Плотниковъ и другіе, которыхъ пересказать онъ, Зарубинъ, не упомнитъ. Онымъ проезжающимъ в розное время показывали Пугачева, называя государемъ Петромъ Федоровичемъ; а знали ли они верно то, что онъ, Пугачевъ, донской козакъ, а не государь, — онъ, Зарубинъ, не знаетъ; только советовали все, какъ ево объявить народу и привести въ Яикъ. Советы были разные. Иные, приезжая, советовали, что козакамъ собрался сотъ до пяти и приехать к нему на речку Усиху, и с нимъ въехать въ Яикъ. А другіе говорили: какъ народъ выдетъ изъ города на рыбную ловлю, то тутъ ево объявить всему войску, и, которые хоша де и не склонятца противной стороны, то де можно и насильно приклонить; о войсковых же уверены были, что все ево примутъ; почему такъ, было, и положили.

Но Симоновъ, полковникъ, проведавъ (отъ кого — он, Зарубинъ, не знаетъ), что бутто названной ими государь живетъ на хуторахъ у Кожевниковыхъ, почему и послалъ изъ городка команду козаковъ; а братъ Кожевниковъ меншей, Степанъ, узнавъ о томъ и выпустивъ изъ городка означенную команду, севъ верхомъ, объскакалъ оную и, приехавъ к нимъ на речку Усиху, сказалъ о идущей за ними команде. Почему они, обще съ злодѣемъ, названнымъ ими государемъ, поехали далея, къ Будариным хуторамъ, верхами; съ ними тогда были: Алексѣй Кочуровъ, Козма Кочуровъ, Степанъ Кожевниковъ, Василей Коноваловъ, Иванъ Почиталинъ, Сидоръ Кожевниковъ, Сюзюкъ Малаевъ и онъ, Зарубинъ. Имѣя намереніе уже признать его за государя, стараться утвердить его на царство, а потому, хотя и получили они публикованные манифесты, то, зная и бес того о самозванцѣ, не помышляли отстать отъ него, лстяся темъ, что завладѣетъ онъ, злодѣй, царствомъ. А, по пріездѣ, ночью же, объявили по всемъ темъ хуторамъ, также по-блиску на двухъ фарпостахъ и калмыкамъ, которыхъ не болея было кочующихъ человѣкъ съ сорокъ, что пріехалъ государь Петръ Федоровичь; почему изъ всехъ оныхъ местъ человѣкъ со ста и собралось и поверили, что онъ — государь. А потомъ пошли все подле Яика, по хуторамъ, къ городку Яицкому; то козаки с техъ хуторовъ къ нимъ приставали и были с войсковой и старшынской стороны, и всехъ ихъ уже набралось до четырехъ сотъ человѣкъ, с ружьями, а иные с копьями и сайдаками. И, не дошедъ до

*

городка, верстъ за десять остановившись, написалъ онъ, злодѣй, къ Яицкому народу указъ; и онъ, Зарубинъ, хоша грамоте и не умѣетъ, по утверждаетъ, что злодѣй писалъ прямымъ писмомъ, ибо видѣлъ то опъ самъ...[1]

Послѣ праздника Покрова Богородицы, съ собранною своею толпою, коей было тысячь до трехъ, пришли подъ Оренбургъ, гдѣ, съ высланною изъ города воинскою командою имѣя перестрелки изъ ружей и пушекъ, отступили въверхъ по Яикурѣкѣ и стояли по оной станомъ. Отъкуда посланы были въ разные мѣста отъ злодѣя с приказами, а имяппо: Татаринъ Идоркъ — къ башкирскому владельцу съ указомъ, чтобъ онъ, собравъ башкирцовъ, былъ к нему, почему и приехавъ оной владелецъ Кинзя и с нимъ башкирцовъ тысячь до пяти, и злодѣй принялъ ево съ честію і на каждого башкирца роздалъ изъ взятыхъ по крепостямъ денегъ по рублю. Въверхъ по Яику посыланъ былъ Максимъ Шигаевъ, — по фарпостамъ забирать казаковъ, увещевать ихъ и прославлять о злодѣе, что онъ государь, которой, возвратясь, привелъ съ собою до ста человѣкъ. На разные заводы посыланъ былъ изъ Оренбурга передавшейся злодѣю сосыльшной, по прозванью Хлопуша, которой съ тѣмъ отъ губернатора подосланъ былъ, чтобъ злодѣя убить, но онъ, пришедъ, во всѣмъ ономъ признался, — злодѣй далъ ему кафтанъ красной. Къ калмыкамъ посыланъ былъ яицкой казак Дмитрей Лысовъ и многія другія, — для прославленія ево, злодѣя, государемъ, уговариванія народа и приведенія къ нему. Изъ которыхъ каждой приводилъ въ толпу людѣй, и часъ отъ часу они свою сволочь умножали; а, между тѣмъ, старались городъ осажать по-часту, но не удавалось.

Въ бытность же ево, Зарубина, подъ Оренбургомъ въ толпѣ, перехватили злодѣи в Оренбургъ едущую почту и нашли въ писмах ея и. в. манифестъ о злодѣе; то оной читанъ былъ предъ всѣмъ народомъ при Пугачевѣ, и, по прочтеніи, злодѣй сказалъ: «Вотъ де меня какъ называютъ! Емельяномъ Пугачевымъ! Добро де! До времени терпеть будетъ, а то узпаютъ, что я истинной государь». Но онъ, Зарубин, и другіе, которые знали, что онъ — козакъ, какъ уже положили въ сердце своемъ произвѣсть злодѣйство, то оному и следовали, говоря для прославленія наиболея Пугачева государемъ: «Какъ де козаку принятца за такое великое дѣло?» А чтобъ кто тогда сказалъ или усу-

---

[1] *Опускается часть показания Чики, начиная с описания посылки Пугачевым казака П. Быкова в Яицкий городок с увещевательным «указом» и кончая упоминанием о взятии ряда крепостей на пути к Оренбургу, после довольно подробного рассказа о действиях повстанцев под Яицким и Илецким городками и у форпостов, расположенных между ними.*

мнилъся, что Пугачевъ не государь, — онъ ни от кого не слыхалъ, и все охотно къ нему прилепились...[1]

На другой же день[2] пошли они къ Узеевой деревнѣ, и тогда ихъ повстречалъ генералъ Каръ, и начали стрелять изъ пушекъ, а потомъ і из ружей; и генералъ Каръ, от нихъ отступая уже, началъ стрелять, но они, не отъставая отъ него, стреляли все по немъ, и то сраженіе происходило до самаго вечера, а, при наступленіи ночи, от него отъстали; и дорогою онъ, Зарубинъ, могъ приметить побитыхъ военныхъ тѣлъ до тритцети, а съ злодѣйской стороны не более пяти человѣкъ. Потомъ, начевавъ въ Узеевой деревнѣ, пошли, было, подъ Оренбургъ къ злодѣю; то, будучи въ деревнѣ Бикъкуловой, увидели въ сторонѣ идущихъ башкирцовъ команду, тысячи съ полторы, и во оной деревнѣ поимали напередъ приехавшихъ изъ той команды башкирской пять человѣкъ, которыхъ обо всемъ распросили; оные сказали, что главной въ ихъ команде — капитан князь Иванъ, Григорьевъ сынъ, Ураковъ, жительствомъ изъ Уфы, и идутъ они на помочь къ Кару; но злодѣи о Каре сказали, что ими онъ разбитъ и съ остальными бѣжалъ, а ихъ уговорили на свою сторону, почему и послали къ тѣм башкирцамъ изъ пяти трехъ человѣкъ, да от себя одного башкирца, племянника башкирца башкирского кинзи, отъ которыхъ князь Ураковъ, видя въ его командѣ замешательство, самъ третей отъ нихъ ушелъ, а башкирцы все передались къ злодѣямъ. Итакъ, пошли они уже подъ Оренбургъ, а, пришедъ, обьявили злодѣю обо всемъ подробно, за что и благодарность получили, и велелъ имъ бочки выставить вино...[3]

По слуху, что идѣтъ Корфъ, посланъ былъ съ пятью человеками для разведаванія, велика ли с пимъ команда, и въ которое время перехватить, не допуская въ Оренбургъ, но тутъ онъ, Зарубинъ, для того не ездилъ, а пробылъ у Овчинникова, напившись пьянъ, чрезъ что означенная команда въ Оренбургъ и прошла, за что Пугачевъ хотелъ, было, ево повеситъ, но старшыны об немъ упросили.

Передъ самымъ же Николинымъ днемъ отъправилъ ево, Зарубина, съ двумя яицкими казаками: Ильею Ульяновымъ і Яковомъ Антиповымъ въ Уфимской уездъ на Воскресенской Твердышева железной заводъ для литья пушекъ, гдѣ онъ и былъ

---

[1] *Опускаются некоторые подробности о действиях восставших против генерала Кара.*

[2] *После первой встречи и перестрелки восставших с генералом Каром накануне вечером.*

[3] *Опускается ряд подробностей осады Оренбурга и краткое описание известного эпизода с отрядом полковника Чернышева, шедшим на помощь осажденному Оренбургу.*

съ недѣлю. И тутошнія заводскія зачели уже лить чугунныя пушки, то в то время получилъ онъ изъ Берды повелѣніе отъ самозванца, чтобы ему, Зарубину, называться графомъ Чернышевымъ, и велѣно ехать подъ Уфу, — принять тамъ команду отъ бывшихъ ихъ же злодѣйскихъ сообщниковъ, называемыхъ: полковникомъ — башкирца Кашкина-Самарова и подъполковникомъ — Губанова, которая была изъ башкирцовъ и рускихъ, тысячь до четырех, съ коими ему и приказано было подступить подъ городъ Уфу. Куда по приездѣ, ту команду онъ принялъ и стоялъ подъ самою крепостью, и съ высланными изъ города воинскими командами имелъ онъ неоднократное сраженіе, и потомъ, отступя отъ города, съ своею толпою стоялъ въ сѣлѣ Чесноковкѣ, въ разстояніи отъ города въ десяти верстахъ. И, какъ услышалъ онъ, что къ защищенію города идет съ вѣрными войсками подъполковникъ Михельсонъ, тогда онъ, собравши свою толпу, пошелъ въ преслѣдованіе ево, по онымъ былъ разбитъ и с малымъ числомъ ушелъ въ крепость въ Табынскъ, гдѣ онъ тутошними жителями былъ пойманъ, куда подъполковникъ Михельсонъ приезжалъ с командою и, взявъ ево, Зарубина, с прочими пойманными, отъвезъ въ городъ Уфу и отдалъ подъ караулъ, гдѣ и содержалса до привозу в Казань.

В дополненіе еще къ своему допросу Зарубинъ показалъ, что злодѣй Пугачевъ, будучи еще на хуторахъ у Кожевниковыхъ, между разговорами проговаривалъ:

Что онъ, взявъ Оренбургъ, поидѣтъ въ Москву, приметъ там престолъ, къ великому князю будетъ писать, чтобъ к нему присхалъ. «А государыню де въ монастырь сошлю и, утвердясь на царство, буду де старатца, чтобъ все было порядочно, и народъ не отягощенъ былъ; отъ дворян де деревни лудче отнять, а определить имъ хотя большее жалованье; васъ же де яицкихъ козаковъ буду жаловать всякою вольностию и деньгами. Итакъ, учредивъ все порядочно, пойду воевать въ иные государства,— я де, вѣдаешъ, служивой человѣкъ, мнѣ де на одномъ месте не усидѣть; пойдем де мы воевать по всемъ государствамъ, и то де мнѣ удасъса». Объ оном говорено было самозванцомъ в разные времена: и по-часту между разговорами въ Берде, и прежде, какъ еще дорогою къ городку Илеку шли, почему онъ, Зарубинъ, положа уже такъ свои мысли, самозванцу и усердъствовалъ.

А, сверхъ того, самозванецъ, какъ разумножилъ уже свою надъ ними власть, то поступал и с ними строго и паказывалъ всѣхъ по своей волѣ: ибо яицкого казака Дмитрея Лысова, которой такъже зналъ, что самозванецъ—козакъ Емельянъ Пугачевъ, еще при начале прославленія Пугачева государемъ, и усерденъ в томъ ему былъ, но Пугачевъ ево повесилъ, а за что — Зарубинъ показать не могъ за темъ что я де былъ уже в Уфе,

а равно (такъже) и его, Зарубина, повесить хотелъ за то, что онъ не ездилъ, будучи пьянъ, для проведованія о идущей команде съ Корфомъ. «И я де, Зарубинъ, думалъ, что, конечно, меня повеситъ», но другіе участники их злодѣйства об немъ упросили. На вопросъ: «когда видели вы отъ самозванца такую строгость, чрезъ что иногда и не захотели бы вы ево имѣть, то могли бъ ево убить», — «нетъ де, такъ зделать уже намъ никакъ было не можно, ибо де онъ такъ властвовалъ, что боялись о том и подумать; а совѣтъ такой зделать, так скоро ли зделаешъ; а естли бъ ево убили, такъ, узнавшы бъ, многие бы и противъ насъ востали, ибо в окресностяхъ ево гнезда, даже до Нагайбаку, все такъ об немъ были уверены, что онъ подлиннно государь, и редкой невольникъ былъ въ ево толпу взятъ, но большой части сами прихаживали всякой день толпами».

Въ заключеніе допроса показаннаго Чики, спрашиванъ онъ былъ, для чево въ прежнемъ своемъ допросѣ не показывалъ чистосердечно и по толь многомъ увѣщеваніи не призналася, что вѣдалъ прямо о злодѣе Емелькѣ Пугачевѣ. Отвѣчалъ онъ, Чика: «Боялся де, батюшка, что, какъ де другіе мои сообщники въ томъ запрутца, такъ я де одинъ буду страдать, и муки больше мнѣ будетъ; хотя де мнѣ вы и говорили, что чрезъ это я себѣ здѣлаю лѣгость, но мнѣ де не вѣрилось, ибо де мѣжду нами клятвами положено, чтобъ, гдѣ кто не попадетца, не щадя живота своего, о томъ таить; а теперь де во всемъ принесъ чистое мое покаяніе, въ чемъ утверждаюсь предъ богомъ клятвою».

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 350, 355 — 366.)

№ 42.[1]

Его сиятѣлству, высокородному и превосходительному господину генѣралъ-майору и разных орденовъ кавалѣру, князь Пѣтру Михайловичу Голицыну — полковника Симанова

Покорнейшіи рапортъ.

Вслѣдствие отправлѣннаго к вашему сиятѣлству от 18 прешедшаго покорнейшаго моего рапорта симъ нижайше доношу: Командированной от мѣня в состоящие вверхъ по Яику-рѣке Ташлинские хутора, к тѣмъ мѣстамъ, где о находящейся собраниемъ при казаке Овчинникове злодейской шайке, состовляющей до пятисотъ человекъ из башкирцовъ и яицкихъ казаковъ, под предводительствомъ казака Овчинникова при двухъ мѣдныхъ

[1] *Перед текстом:* «№ 105. Ж».

пушкахъ и одномъ единороге, от салдацкаго сына Акунеева в Самарской Комендантской Канцелярiи показывано, пятидѣсятникъ Рычковъ с калмыками в числѣ ста человекъ сего числа оттоль возвратился и при рапортѣ (с коего при сем копию подношу) представилъ ко мнѣ пойманных имъ около тѣхъ Ташлинскихъ хуторовъ бунтовщичей партiи яицких казаковъ: Василья Спирина, он же и Овчинников, Ивана Нѣмчинова, Ивана Чалусова, Григорья Харчева, Федора Чистоблинникова, Василья Горбушина, Ивана Логашкина, Ивана Скоробагатова, Ивана Максимычева, Василья Амарова, малолѣтнаго Михайлу Павлова и двухъ работныхъ людей, взятыхъ им при молотье хлѣба, по нѣимѣнию у них писмѣннаго виду: Ивана Масеева, Ивана Алѣксѣева, — всего тринатцеть человекъ, ис показания которыхъ значится:

Что они, находясь в партiи злодея-самозванца Пугачева, по разбитiи ево, одни из Сакмарскаго городка, а другие ис Троицкой крепости, отделясь от нѣго, Пугачева, жили до весны скрытнымъ образомъ сами собою по разнымъ пустымъ мѣстамъ около Башкирiи, а потомъ найдѣны башкирцами-мѣщерякамі и отвезены въ их башкирские жилища, где были в порабощенiі у одного их есаула, Кутлугелды, нѣдели с три; но, накося ему сѣна, назатъ тому недель с шесть, от него отпущены и, опасаясь в городъ сюда ехать, для разведывания здешнихъ обстоятѣлствъ, какъ и того, можно ль имъ явитца, и вѣ будет ли далняго за преступление их истязания, продолжались до сего времяни около Ташлинских хуторовъ, въ ожиданiи приездомъ из города казака Гузикова...[1]

Помянутые жъ казаки Спиринъ с товарыщи для обстоятѣлных допросовъ представлѣны от мѣпя в здешнюю Секретную Коммисию.

Полковникъ Іванъ Симановъ.

Октября ... дня 1774 году.
Г. Яицкой.

(П. А., кн. VII, лл. 375 и 377.)

№ 43.

1774-го году октября 18-го дня представленной от примеръмаіора Горича, в числе сорока четырехъ человекъ, яицкой казакъ

[1] *Опускается вся остальная часть рапорта И. Д. Симонова, где излагаются возражения Спирина и его товарищей на показания Акунеева, а также сообщаются подробности о судьбе казаков: Слаткова, Алферова и друг.*

Филипъ, Ивановъ сынъ, Лыкин в Секретной Коммисіи допрашиванъ и показалъ:

Прошлого 773-го года весною (а месица и числа не упомнитъ) посланъ онъ изъ Яицкого городка в числе полутораста человекъ при старшине Ларионе Коновалове в Кизляръ, в добавокъ находящимся тамо яицкимъ казакамъ; куда в полулѣте и пришли и отданы Яицкого жъ войска наказному атаману Козме Бородину, при которомъ прежде командированныхъ яицкихъ казаковъ состояло триста пятдесятъ человѣкъ. И с ними и со всею пятисотною командою были прошедшее лѣто близъ Кизляра в лагире, а зимою в Кизляре по квартирамъ, и содержали караулъ.

А весною из нихъ сто пятдесятъ человекъ, в томъ числе и онъ, командированы в Моздокъ. Но, не дойдя до оного верстъ за тритцеть, согласясь онъ, Лыкинъ, съ яицкими казаками: Федоромъ Азовскимъ, Михайлою Пашевымъ, Федоромъ Махановымъ, Афонасьемъ Шерстянкинымъ, Яковомъ (чей сынъ—не упомнитъ), и еще были руские и татара, но и оные были яицкие жъ казаки, а имянъ ихъ не упомнитъ,—чтобъ имъ бежать, ибо у нихъ процесса слухъ, что близъ Яицкого городка появился государь Петръ Федоровичь, и мъногие де яицкие казаки к нему приложились, (но от кого оное известие изъ Яика получено—не знаетъ); и с темъ еще, чтобъ явится к тому самозванцу и принять ево скаредную службу. Для чего и бежали, и пошли тою дорогою, которую изъ Моздока следовалъ Томской полкъ.

Пришед к Волге, сами переехали на рыбачьихъ лоткахъ, а лошедей вплавь переплавили и, приехавъ степью на Узень-реку (ето было накануне Светлого Воскресения) остановились, чтобъ покормить лошедей. И к нимъ в самое то время приехалъ яицкой казакъ, по прозванию Абрамичевъ (а имя ево не упомнитъ); и по разговорахъ они о себе ему сказали, что они приехали по слуху бывшему къ [го]сударю Петру Федоровичу принят бы ево службу. Напротивъ чего тотъ Абрамичевъ имъ объявилъ: что де и мы того самозванца почитали государемъ, а нынѣ де об немъ говорятъ, что онъ беглой з Дону казакъ Пугачевъ; и многие де от него ис казаковъ отложились; а в город Яицкой пришелъ генералъ Мансуровъ, которой бывшихъ у того самозванца в послушани сажаетъ в тюрму. И потому они тутъ жили недель съ десять, пропитание имели, ловя рыбу и кабанов; после чего они все по согласию положили, чтобъ послать въ Яикъ разведать, что тамъ делается; для чего из нихъ и послали ево, Лыкина, Афонасья Шерстянкина, Михайлу Пашева. И, ехавши, они, чрезъ хутора, услышали, что изъ Яика на истребление ихъ парти послана команда; и потому, не ездя, они, въ Яикъ, проехали на Иргиские вершины. Где, во время ихъ раздыху, наехали на нихъ яицкие казаки: Александра Ясыревъ, Василей Горшковъ, (протчихъ, какъ зовутъ, не знает), но всего двенатцать чело-

векъ, и сказали имъ, что они были в злодейской Пугачева толпе и генералом де Мансуровымъ при Яике разбиты, и отътого бегаютъ: «въ Яикъ де намъ уже ехать опасно». Напротивъ чего и они о себе то жъ объявили. И все те двепатцать человекъ сказывали жъ, что де около Бугуруслана стоитъ Пугачевская партия, и в ней де есть яицкие казаки, и туда бъ ехать и, сообщась, произъводить грабежи.

Итакъ, они, три человека, не ездя уже къ прежнимъ двапцети семи, пятънатцеть человекъ приехали къ Бугуруслану; переехавъ чрезъ Самарскую линию, въехали в Бу[гу]лминской уездъ; не доехавъ до Бугуруслану верстъ с тритцеть, остановились в поле кормить лошедей, — то следующею неведомо отъколь военною командою, безъ супротивлѣния съ іхъ стороны, все они разбиты, отчего и разбежались; но кто из нихъ пойманы ль, не знаетъ, ибо отътого онъ бежалъ одинъ лошади, спрашивая в поляхъ бывшихъ при работе крестьянъ, не слыхали ль, они о злодейскихъ партияхъ. Отъ которыхъ ему сказывано, что де, слышно, такая партия есть около Сергиевска, куда онъ и поехалъ. Нашедъ оную близъ села Кротовки в лесу, увиделъ, что ихъ толко восемь человекъ, сказалъ имъ, что онъ, искавъ ихъ, приехалъ к нимъ в партию: «Но слух де объ васъ былъ, что вы имеете яицкихъ казаковъ, но никого де из нихъ я не вижу». На что они сказали: «Мы де назывались яицкими казаками». И із нихъ одинъ назывался Иванъ Федоровъ, да черкашенинъ Степан, да троя села Кротовки: Игнатей, Матвей, Алексѣй (из нихъ Матвей и Алексѣй находятся с нимъ в содержании, а Игнатей будучи при поимке ихъ убитъ; чьи дети, и оставшихъ трехъ человекъ какъ зовутъ, и отколе — не знаетъ). Жилъ с ними в лесу недели з две, пропитание имели привозимымъ кротовскими мужиками хлебомъ, после чего те восемь человекъ проговаривали: слышно де, близъ реки Черемшану есть еще партия зъ Зубовскимъ крестьяниномъ Егоркой, и согласились ехать, сыскавъ еѣ, с нею сообщится, куда и поехали. Наехавъ оную близь незнаемой ему деревни (которыхъ было человекъ з двести, началниками во оной были: тотъ Егорка, Гараска и казылбашенинъ, а отколе оные — не знаютъ), и с тою партиею ездили по разнымъ жителствамъ, набирали людей ко умножению парти. Будучи жъ в той партіи, виделъ онъ, что те злодейские началники с толпою в жителствахъ (а в какихъ — не знаетъ) убивали людей и вешали; но онъ, Лыкинъ, будучи с тою партиею, деревни Киязловъ татарина не застреливалъ и, с чего на него оное показано, не знаетъ. Напоследокъ слышелъ онъ, что та партия согласилась итьти на Мелекеской казенной винной заводъ для грабежа и взятья пушекъ, но, не дошедъ до оного, остановились при чуваской деревне начевать; то на другой день по утру казацкою командою все они разбиты, многие из нихъ переловлены, а онъ с Иваномъ

Федоровымъ и еще пять человекъ уехали в показанной же Кротовской лѣсъ, а протчие кто куды — не знаю. По приезде жъ пришли к нимъ показанные кротовские крестьяня: Игнатей, Матвей и Алексей, і из нихъ выбрали они того Ивана Федорова есауломъ, которой ис того лѣсу посылалъ, а иногда и самъ ездилъ по окольнимъ жителствамъ набирать людей, сказывая, что онъ имеетъ указъ отъ государя Петра Федоровича о наборе людей в службу ево.

Но какъ собралось ихъ человекъ съ семнатцеть, то ис толпы есаулъ Федоровъ послалъ одного в Бугурусланъ за Иваном Захлыстою, сказывая об нѣмъ, что де онъ прежде бывалъ в Берде у государя: «и он де будетъ у насъ командиромъ». Которой чрезъ пять дней к нимъ и приехалъ и назывался над ними атаманомъ. После чего из лесу выехали и ездили по разнымъ жителствамъ, набирая во оныхъ людей силою; а иные приходили и охотою, но имянъ ихъ не упомнитъ; в жителствахъ обирали лошедей. Оной же Иванъ Федоровъ хотелъ и іхъ провести за Волгу. И, пришедъ в Казанской уездъ, остановились в лесу, то, неведомо — в какомъ жителстве, помещичей домъ Захлыста и Іванъ Федоровъ, отобравъ человекъ з дватцеть, где и онъ былъ, разбили и імение взяли. Отътоле пошли къ селу Маине; пришедъ близъ оного, то жители, неведомо — почему, об нихъ уведали, вышли напротивъ ихъ; чего они убоясь, отъ нихъ уехали и возвратились на прежнее ихъ место под село Кротовку, отколе поехали, хотя пробъратца еще чрезъ Волгу, заехали в помещичью деревню, где в господскомъ доме взяли боченокъ вина, которой роспили. В то время атаманъ Захлыста далъ имъ по дватцети по пяти копеекъ на человека. И, приехавъ в село Елшанку начевать, вскоре во оное прибыла военная команда, то оную онъ и многие, во оной бывшие, въ томъ числѣ и тотъ Захлыста, взяты, а есаулъ Федоровъ и человекъ з дватцать побито, и никто не ушелъ; и от оной команды присланы в Казань в Секретную Коммисію.

Злодея Пугачова прежде и, будучи во оной толпе, почиталъ за государя, а ныне почитаетъ за злодея и разбойника. От роду ему 25 лѣтъ, грамоте и писать не умеетъ. [1]

(Г. А., р. VI, д. 505, лл. 348 — 351.)

---

[1] *После текста показания Лыкова:* «На оное въ экстра[к]те конфермация последовала такова: Обьявя его вину, растолковать ему, что онъ, яко предатель, достоинъ смерти, ибо ис Кизляра, по слуху о самозванце, бежалъ к нему, изменивъ законной государыне и забывъ данную пред богомъ клятву в верности ея величеству,—не хотелъ внять словъ раскаявшагося казака Абрамичева, сказываюшаго ему о самозванце, чемъ ясно обличилъ свое злодейство. А по симъ доводамъ на сей случай высечь его плетми под виселицей, определения же ему послѣдуетъ с протчими сообщниками злодейскими.

По сему оному Лыкову растолковано, и наказание учинено ноября 6-го дня 1774 года».

№ 44.[1]

1774-го году октября 27-го дня привезенной изъ Яицкаго городка любимецъ злодѣя Пугачева, названной полковникъ и судья злодѣйской Коллегіи, илѣцкой казакъ Иванъ, Александровъ сынъ, Твороговъ, въ пополненіе учиненнаго ему въ Отделенной на Яикъ Секретной Коммисіи допроса, въ Казанѣ допрашиванъ и показалъ слѣдующее:

Въ половинѣ или около исходу сентября месяца прошлаго 1773 году въ Илѣцкомъ городкѣ, не знаю—от кого, разнесся вдругъ слухъ такой, что по ту сторону Яицкаго городка[2] явился яко-бы государь Петръ Федоровичь; а напослѣдокъ и то уже говорили, что многія яицкія казаки, приставъ к нему, прошли Яицкой городокъ и идут къ нашему. Вскорѣ же потомъ пріехалъ къ намъ яицкой казакъ Андрей Овчинниковъ, при котором было яицких же казаковъ человѣкъ съ дватцеть, и сказывалъ собравшимся въ кучю тутошнимъ казакамъ, что государь съ велпкою силою идіётъ къ Илѣку, и что уже онъ въ семи только верстахъ отсюда остоновился; «а меня де послалъ къ вамъ сказать, чтобъ вы встретили его съ хлебомъ и солью». При чемъ Овчинниковъ, увѣряя ихъ о злодѣе, яко-бы онъ — истинной государь, говорилъ: «Смотрити де, атаманы-молотцы! не дурачтесь, встретьте его съ подобающею честью! А ежели дѣ вы хотя мало воспротивитесь, такъ государь приказалъ вамъ сказать, что онъ и вызжетъ, и вырубитъ весь вашъ городъ!» Почему все илѣцкія казаки, видя, что яицкія казаки, пристав къ самозванцу, почитаютъ его за истиннаго государя, повѣрили словамъ Овчинникова, а потому и не могли отважится здѣлать какое-либо злодѣю супротивлѣніе, но условились все, без всякаго одинъ другому противоречія, встретить его съ честію, с чемъ Овчинникова и с нимъ прнехавшихъ отъ себя и отпустили; сами же, взявъ хлебъ и соль, а попы со крестомъ и образами, вышли изъ крепости и дожидались прибытія злодѣя.

Вскорѣ потомъ пріехалъ злодѣй съ великимъ числомъ яицкихъ казаковъ (и казалось, что было ихъ не меньше осьми сотъ человѣкъ), которой, сошедъ съ лошади, приложился ко кресту, и, принявъ хлебъ и соль, извещалъ о себѣ, что онъ — подлинной государь, и приказывал служить себѣ вѣрою и правдою, обѣщаясь за вѣрную службу награждать, а в противномъ случае казнить смертію. Потомъ, вошедъ въ церковь, приказалъ попамъ служить молебен и на ектеніяхъ упоминать себя государемъ,

---

[1] *Перед текстом:* «Литера А».

[2] *На поле слева:* «Оной отъ Илѣцкаго городка разстояніем со 180 верстъ».

Всем выноскам в оригинале дана общая нумерация (1—24), нами не воспроизводимая.

а всемилостивѣйшей государыни высочайшее имя исключить. Послѣ молебна все илѣцкія казаки присягали служить злодѣю вѣрно. Потомъ, вышедъ изъ церкви остановился квартировать въ моемъ домѣ, поелику онъ лутче протчихъ, и всегда проезжающія господа имѣлі почлѣги. Злодѣй жилъ въ Илѣке два дни, будучи угощаемъ отъ меня по возможности съ оказаніемъ всякаго почтенія; за что самое злодѣй меня и полюбилъ, темъ болѣе, что я, хотя мало, однако ж, знаю грамотѣ, и в то жъ самое время назвалъ меня полковникомъ и командиромъ надъ илѣцкими казаками. Не упомню точно, въ первой или на другой день злодѣй повесилъ тутъ нашего атамана Лазаря Портнова, за то, что онъ, до приходу еще его, соглашалъ илѣцкихъ казаковъ вооружится противъ его. Злодѣй, приготовляясь къ выходу изъ Илѣка, взялъ съ собою всѣхъ илецкихъ казаковъ, въ томъ числѣ и мѣня, оставя только въ крепости старых да малых.

Идучи отъ Илѣка къ Оренбургу, лежащія по дорогѣ крепости, какъ-то: Разсыпную, Столбовую, Татищеву и Черноречинскую, взяли, по супротивлѣнію, приступомъ, убивая людей, при чем и я былъ; начальников же, бывших въ тех крепостяхъ, злодѣй перевѣшалъ. Наконецъ, чрезъ Каргалинскую татарскую слободу и Сакмарской городокъ пришли къ Оренбургу и расположились лагиремъ близъ города. Въ тот же день, какъ под Оренбургъ пришли, выласки изъ города не было, а было двѣ послѣ, но чрезъ сколько времяни — не упомню. Однако ж, мы въ оба раза оныя прогоняли. Изъ онаго лагиря перешли мы въ другой, пониже города, къ Бердѣнской слободѣ, а потом, какъ снегъ выпалъ, то вошли въ оную слободу и расположились по квартирамъ, а, по малости опыхъ, подѣлали землянки. Съ самаго начала, когда еще къ Оренбургу пришли, злодѣй разослал[1] въ ближнія мѣста указы свои,[2] извѣщая о явленіи своемъ и обольщая народъ вольностію, свободою отъ платежа податей, также крестомъ и бородою, и всякими выгодами; а в то ж время приказывалъ разсевателямъ сіхъ, ложно сплѣтенныхъ, пасквилей набирать народъ на службу въ его толпу, почему народ, прельщаясь на сказанныя выгоды, съ радостію со всехъ сторонъ стекался кучами въ нашу толпу, и в короткое время однихъ башкирцовъ пришло къ намъ тысячи съ двѣ, а крестьянъ — великое множество. Къ Оренбургу злодѣй приступалъ много разъ, но взять онаго не могъ, и были изъ города частыя выласки, съ которыми мы имѣли сраженіе, съ разными удачами на обоих сторонахъ.

---

[1] *На поле слева:* «Съ кѣмъ имянно — не знаетъ».

[2] *На поле слева:* «Сочинял оныя яицкой казак Иван Почиталин, названной потом думнымъ дьякомъ».

По входѣ въ Берду, въ скоромъ времяни, злодѣй учредилъ такъ названную Военную Коллегію; но кто его наставилъ на сіе, я не знаю и никакихъ разговоровъ прежде о томъ от него не слыхалъ, а узналъ уже тогда, когда от злодѣя назначенъ я былъ в ней судьею. Такимъ образомъ, злодѣй, призвавъ пред себя меня, яицкаго старшину Андрея Витошнова,[1] казаковъ яицких: Максима Шигаева, Данилу Скобычкина,[2] Ивана Почиталина и илѣцкаго Максима Горшкова, объявилъ, что онъ учреждаетъ Военную Коллегію и потомъ назвал насъ четверыхъ — Витошнова, Шигаева, меня и Скобычкина судьями, говоря такъ: «Богъ и я, великой государь, жалую васъ судьями въ Военную Коллегію, тебя, Почиталин,—дьяком, а тебя, Горшковъ,—секретаремъ»; чему хотя они и не порадовались, но благодарили злодѣя за милость земными поклонами. Сперва мы отговаривались, было, отъ сей должности: Витошновъ — старостию, а Шигаевъ і я — другими должностьми, потому что Шигаевъ былъ тогда при роздаче хлѣба и денѣгъ, а я имѣлъ въ командѣ пятисотной, Илецкой называемой, полкъ; но злодѣй запретилъ намъ о томъ говорить и приказывалъ дѣлать то, что ему угодно, говоря при томъ мнѣ про сказанныхъ, названныхъ судьями, такъ: «Они дѣ люди безъграмотныя, такъ ты одинъ станешъ за них подписывать, — вит дѣ тебѣ тутъ не сколько много дѣла будетъ, только подписывай, а написать и без тебя есть кому». Сію Коллегію злодѣй учредилъ для того, что ему наскучило давать самому указы свои темъ, которыя, приходя къ нему со сторонъ, изъявляли свое усердіе набирать въ его службу людей или грабить помещичьи домы и самихъ убивать, такъ, какъ и разбирать многія жалобы на башкирцовъ и казаковъ, въ его толпѣ находящихся, въ обидахъ и раззореніяхъ, народу причиняемыхъ, что все возложилъ онъ на попеченіе Коллегіи; а, сверхъ того, должность ѣе была и в томъ, чтобъ доставлять толпѣ провиантъ, фуражъ, жалованье и въ разныя злодѣйскія партіи, по требованіямъ оныхъ, порохъ и пушки. Во время судейства нашего приваживали къ намъ многихъ, не почитающих злодѣя государемъ, разнаго званія людѣй, которыхъ иногда злодѣй самъ, а иногда и мы на словах допрашивали и по допросе представляли злодѣю, которыхъ онъ иногда вешивалъ, а иногда прощалъ, но не иначе, какъ оставлялъ служить въ своей толпѣ. Случалось времянемъ и то, что, во время отлучекъ изъ Берды злодѣя, Шигаевъ самъ собою вешивалъ людей, ибо хотя онъ по Витошновѣ и второй чѣпъ былъ, но, будучи любимѣе

[1] *На поле слева:* «Сей, будучи захваченъ на сраженіи под Сакмарою и содержась въ Оренбургѣ под караулом, умер, до приезду еще туда Секретной Коммисіи».

[2] *На поле слева:* «Убит под Татищевою во время сраженія съ княземъ Голицыным».

всехъ злодѣю, имѣлъ преимущество пред всеми нами и делалъ то, что хотел. Повытчиками въ Коллегіи у насъ были: яицкой казакъ Симионъ Супоневъ, бозулуцкой казак же Игнатей Пустахаповъ, да изъ заводскихъ два человека,[1] изъ которых одинъ былъ малолѣтной. Въ сочиненіяхъ упражнялись Горшковъ и повытчики, а Почиталин редко писывалъ, ибо мы съ нимъ худо знаемъ грамотс, а только што почти имяна свои можемъ подписывать.

Въ Коллегію хаживал изъредка захваченной въ толпу какой-та афицеръ, по прозванію Шваповичь, и видѣл я, что онъ раза с три писалъ што-та, но не знаю — на какомъ языкѣ, ибо онъ ставил неизвестныя мнѣ крючки какія-та; сего Шваповича не случилось мнѣ ни одного раза видать у злодѣя, можетъ, потому, што я самъ изърѣдка къ нему хаживалъ, на поклонъ или тогда, естли самъ позоветъ за чемъ. При злодѣе изъ чужестранныхъ никого я не видывалъ никогда, такъ, какъ и рускихъ из постороннихъ людѣй. Но въ Бѣрдѣ наперстниками у нево были: Шигаевъ, яицкой казакъ Якимъ Давилинъ[2] и Иванъ Почиталинъ, которыя почти безъисходно были всегда при Пугачевѣ; также нередко къ нему хаживали называемыя полковниками: Дмитрей Лысовъ,[3] Тимофѣй Подуровъ, атаманъ Андрей Овчинниковъ.[4] Съ генераломъ Каромъ кто изъ злодѣйскихъ предводителѣй имѣлъ сраженіе, — я не знаю, но противъ деташамента полковника Чернышева почти все выезжали, гдѣ и я былъ, равно какъ под Ильинскою и Озерною крепостьми. Злодѣй раза с три или больше изъ Берды ездилъ на Яикъ и, не упомню — въ которую поездку, возвратяся оттуда, сказывалъ, что онъ женился на казачьей дочери Устиньи Петровой, повѣлѣвая почитать ѣе императрицѣю; народъ тутъ весь такъ как-бы руки опустилъ и роптали: для чего онъ, не окончав своего дѣла, то-есть не получа престола, женился; и, хотя съ того время стали об немъ сумнѣватся, но, бояся висилицы, не смѣлъ ни одинъ человѣкъ явно того говорить. Как же потомъ злодѣй, не знаю — чрезъ кого, узналъ, што генералъ князь Голицынъ идѣтъ съ верными войсками на освобождѣніе Оренбурга, то онъ, взявъ изъ толпы своей половину,[5] пошолъ самъ под Татищеву крепость, но, потерявъ всю силу, прибѣжалъ въ Берду, самъ пятъ только, и на другой день, приказавъ скоро-на-скоро сбиратся,

---

[1] *На поле слева:* «Имянъ их и откуда, и как вошли — не знает».

[2] *На поле слева:* «Назывался дежурнымъ и пропал безвестно под Черным Яромъ».

[3] *На поле слева:* «Злодѣй повесил онаго, будучи въ Бердѣ, в ночное время, но за што — не знаетъ».

[4] *На поле слева:* «Пропалъ под Черным Яромъ».

[5] *На поле слева:* «О количествѣ оной не знает, а говорят, што много больно было, и щоту нѣтъ».

выступил со всею, бывшею тутъ, толпою, оставя медныя деньги, множество артиллеріи и все тягости; сперьва пошелъ, было, на Общей Сыртъ, намеряясь пробрался степью на Яикъ, но, какъ дорогою попались намъ лыжники, то онъ, думая, что есть и тутъ войски, побоялся итти и, возвратяся, пришелъ въ Сакмарской городокъ. Но и тутъ не лѣгче намъ было, ибо князь Голицынъ, очень скоро пришедъ съ войсками, разбилъ въ прахъ всю нашу толпу, и злодѣй потерялъ тут своихъ любимцовъ Шигаева и Почиталина, также и секретаря Горшкова.

Злодѣй въ небольшем числѣ людей, въ которомъ и я былъ ускользнув отъ поимки, прибѣжали в село Ташлу, верстах въ пятидесяти отъ Сакмарскаго городка состоящаго, и тутъ начевали, куда, а равно и в других послѣдующихъ мѣстахъ, разсыпанныя изъ толпы его люди, по малому числу собираясь, приставали къ намъ. Изъ Ташлы пошли мы въ Башкирію и, руководствомъ башкирскаго старшины Кинзи,[1] по уверенію о злодѣе, что онъ — истинной государь, проходя от места до мѣста, собрали башкирцовъ множество и пришли на Вознесенской заводъ. Тутъ, пробывъ, мы, сутки съ двои и взявъ въ толпу свою всехъ годныхъ на службу людѣй, пришли на Авзяно-Петровской Демидова заводъ и проводили тутъ всю Святую неделю. Не упомню точно, на Вознесенском ли заводѣ или на Авзяно-Петровскомъ, злодѣй, на место потеренныхъ производителѣй писменныхъ дѣлъ, взялъ въ секретари исецкаго казака Ивана Шундѣева, а в повытчики[2] — Григорья Туманова;[3] сіи новыя писцы сочиняли отъ имяни названной Коллѣгіи указы къ башкирскимъ старшинамъ и по заводамъ о наборе въ толпу людѣй вооруженныхъ, которыя подписывалъ я, а переводил на татарской языкъ объявленной Тумановъ; и по темъ указамъ старшины и заводскія прикащики давали людѣй охотно. Съ Авзяно-Петровскаго заводу, забравъ, злодѣй, годныхъ людѣй и раззоря оной заводъ огнемъ, повѣлъ всю свою толпу под Магнитную крепость, и, хотя, помнится, не было у насъ въ сіе время пушекъ, однако жъ, крепость взяли грудью, и двухъ оной начальниковъ злодѣй повесилъ, ибо тутъ его ранили картечнымъ выстрелом въ руку; но какъ рана лѣгка была, то онъ вылечился скоро. Пробывъ тутъ дни съ два и забравъ годных людѣй, также пушки и порох, пошли по линіи къ Троицкой крепости и по дорогѣ лежащими крепостьмі, яко-то: Карагайскою, Петропавловскою и Степною, по маломъ супротивленіи, овладѣли, и одну изъ сихъ, не упомню — которую, злодѣй при-

[1] *На поле слева:* «Сей пристал къ злодѣю съначала, какъ еще къ Оренбургу пришолъ».

[2] *В оригинале первоначально было написано:* «повытчиком».

[3] *На поле слева:* «Какой сей человѣкъ, и кто их злодѣю представилъ, — не знаетъ».

казалъ выжечь. Будучи въ сихъ крепостях, злодѣй повесил ли кого, — не упомню, но людѣй годныхъ, также пушки и порохъ, изъ сих крепостей забиралъ съ собою. Потомъ пришли под Троицкую крепость и взяли, по довольномъ супротивлѣніи, приступомъ; по взятіи оной, всехъ жителѣй выгнали изъ крепости в лагирь свой, а денежную казну, товары и всякое именіе, пограбя, снесли в обозъ свой; повесилъ ли кого тутъ злодѣй, — я не упомню, ибо я нікогда въ такія дѣла не вступался, но знать надобно о етомъ названному полковникомъ яицкому казаку Афонасью Перфильеву, потому что от злодѣя поручена была ему коммисія распрашивать и наказывать людѣй, въ подозреніяхъ оказывающихся.

Под Троицкою крепостью в лагирѣ пробыли мы одинъ только день, а на другой, на разсветѣ, противъ нашего чаянія, напавъ на насъ, генералъ дѣ-Колонгъ, и разбивъ толпу, отбилъ всю артиллерію, такъ, какъ и обозъ съ награбленными пожитками, захватя въ полонъ людѣй много; да тут же пропали отъ насъ вышеписанныя секретарь и повытчикъ. Злодѣй, по разбитіи, поворотился съ оставшими изъ толпы его людьми къ Красноуфімской крепости, имѣя у себя одну только пушку; но и сію полковникъ Михельсонъ, повстречавшись съ нами под селомъ Лягушевымъ, отбилъ; Михельсонъ также захватилъ у насъ людѣй немало; однако ж, много еще осталось, ибо близъ лежащей тутъ лесъ послужилъ намъ много къ спасенію, и соединились напослѣдокъ все, идучи дорогою къ Красноуфімску. Проходя Красноуфімскъ, злодѣй взялъ тутъ, не упомню, сколько-та пушекъ, такъ, какъ казаковъ и людѣй изъ жительствъ, по дорогѣ лежащих, и шли къ Осе. Я не упомню — въ которомъ точно местѣ злодѣй принялъ к себѣ, на мѣсто потерянныхъ секретаря и повытчика, въ секретари — Алексея, Иванова сына, Дубровскаго,[1] а въ повытчики — Герасима Степанова,[2] но чьто они за люди, и каким образомъ и гдѣ злодѣй ихъ досталъ, — я не знаю.

Не доходя несколько верстъ до Осы, когда остановились для корму лошадѣй, наѣхалъ на насъ какой-та купецъ[3] съ двумя башкирцами, слѣдующія изъ Башкиріи, и, пришедъ къ ставкѣ злодѣйской и сказываясь приехавшимъ изъ Москвы, просилъ

---

[1] *На поле слева:* «Росту высокого, лицом чистъ и белъ, волосы русыя, борода беловата и малинькая, от роду казалось около тритцети лѣтъ».

[2] *На поле слева:* «Росту небольшова, лицом белъ волосы русыя, а о бородѣ не упомнит точьно сказать, ибо он лѣтами молод, и выговаривался иногда, што он писывал на конторахъ».

[3] *На поле слева:* «Ни имяни, ни мѣста, гдѣ онъ имѣетъ поселѣніе, Твороговъ не знаетъ, но приметами сказываетъ: лѣт сорока, росту небольшаго, на лицѣ малинькія щедрины, смуглъ, борода черная, съ проседью, окладистая, длиною посредственная».

доложить злодѣю, называя его государемъ, держа съ чем-та въ рукахъ черную козловую кису, вышитую серебромъ или мишурою. Почему дѣжурной Давилинъ и докладывалъ об немъ, и злодѣй приказал его къ себѣ въпустить. Какъ скоро сей, сказывающейся купцомъ, пріехалъ, то въ сіе время множество людѣй собралось къ ставкѣ злодѣя, любопытствуя о притчинѣ его пріезда; но злодѣй не приказалъ никого къ себѣ пускать, и былъ притомъ одинъ только Давилин. Однако ж, я, будучи близъ самой ставки, прислышал, что злодѣй, при приходѣ онаго, сказалъ громко: «Здорово, дедушка! Я, помнитца, еще тебѣ долженъ»; а потомъ што говорили, — ничево было не слышно. Но весьма чрезъ краткое время, открывъ у ставки полы и видя, злодѣй, собравшихся старшинъ, сказалъ: «Садитесь, господа старшины!» А какъ оныя сели, то купецъ злодѣю говорилъ: «Приказалъ вашему величеству наслѣдникъ вашъ Павелъ Петровичь поклониться!» — «Благодарствую», сказалъ злодѣй: «што ты за чемъ ко мнѣ присланъ и какія вести мнѣ скажешъ?» На сіе купецъ отвѣчалъ: «Меня, ваше величество, прислалъ сюда Павѣлъ Петровичь посмотреть васъ, подлинно ли вы — родитель его, и приказалъ возвратиться мнѣ къ себѣ съ отповѣдью». Злодѣй спросилъ купца: «Што ж, дедушка? узнал ли ты меня?» — «Какъ не узнать, ваше величество?» отъвѣчалъ купецъ: «мнѣ кажется, вы меня жаловали вотъ этимъ (указывая рукою) зипуном и шапкою».[1] А потомъ, оборотяся къ намъ, говорилъ: «Не сумнѣвайтесь, господа казаки! онъ — подлинной государь Петръ Федоровичь, я точьно его знаю, и онъ вотъ жаловалъ меня зипуномъ и шапкою». Злодѣй, показываясь обрадовавшимся, приказал подать по чаркѣ вина, и, принявъ напереди самъ чарку, сказалъ: «Здравствуй, я, великой государь!» Почему и все, тутъ бывшія, пили за его здоровье. Потомъ злодѣй приказалъ по другой подать и, принявъ, сказалъ: «Здравствуй, милосливая государыня Устинья Петровна!» А затемъ и третью выпилъ за здоровье цесаревича Павла Петровича, называя его своимъ наслѣдникомъ. Чему и мы все слѣдовали. Послѣ сего все мы разошлись, а купецъ остался у него. Когда были открыты у ставки полы, то принесенная купцомъ киса лежала возлѣ злодѣя на землѣ. И сіе произшествіе разнеслось тотъчасъ по всей толпѣ.

Перенаночевавъ въ семъ месте, пошли прямо къ Осе и, пришедъ ко оной, дѣлали приступъ, но, по супротивлѣнію бывшихъ въ ней, отступили и начевали въ лагирѣ; а на другой день пошли, было, паки на приступъ, пустя напереди себя навьючен-

[1] *На поле слева:* «Зипунъ — купеческаго покрою, съ борами, суконной, кирпишнаго цвѣту, а шапка — чорная, бархотная, саратовским маниром, околыш чорной мерлущетой».

ныя сеномъ и соломою телѣги, для того, чтобъ изъ-за нихъ безвредно было чинить приступъ къ крепости. Как же сіе приметили изъ крепости и, думая, что мы намерены крѣпость зажечь, то, не допуская насъ приближится, выслали какого-та гвардейца отставнаго для опознанія злодѣя, не государь ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Когда злодѣй о семъ узналъ, то, переодѣвшись въ простое казачье платье и поставя в рядъ казаковъ, человѣкъ съ двадцеть, сталъ самъ между ими и приказалъ привести посланца изъ крепости. Как же сей приведѣнъ былъ, и сказано ему было, чтобъ онъ узнавалъ изъ представлѣнной ширенги государя,—то онъ, смотря порознь на каждого, наконецъ, уставилъ глаза свои прямо на злодѣя, смотрелъ пристально; почему злодѣй, прервавъ бывшѣе тогда молчаніе, сказалъ: «Што, старикъ? узнал ли ты меня?» — «Богъ знаетъ», отвѣчалъ онъ: «какъ теперь признаешъ! В то время былъ ты помоложе и безъ бороды, а теперь въ бородѣ и постарѣе». Злодѣй сказалъ ему на то: «Смотри, дедушка, хорошенько! узнавай, коли помнишъ!» Старикъ, глядя на него еще долго, сказалъ ему: «Мнѣ де кажется, што вы походите на государя». Злодѣй сказалъ на сіе: «Ну такъ смотри ж, дедушка! поди, скажи своимъта, штобъ не противились мнѣ, а то вить я всехъ васъ предамъ смерти». С чемъ старикъ и пошелъ въ крепость. Злодѣй, ожидая успѣху отъ онаго, не дѣлалъ въ тотъ день приступу къ крепости. А на другой день[1] паки тот же старикъ присланъ былъ изъ крепости узнавать злодѣя и, смотря на него, закричалъ громогласно: «Теперь я узнаю, што ты подлинно нашъ надіѣжа-государь!» и потомъ поклонился. А злодѣй сказалъ: «Ну, старичокъ, когда ты меня узналъ, такъ поди жа, уговори своих афицеровъ, штобъ не проливали напрасно крови и встретили бы меня съ честію». Старикъ, возвращаясь въ крепость и подходя блиско, кричалъ: «Господа афицеры! полно, не противтесь, подлинно государь нашъ Петръ Федоровичь!» Почему бывшія въ крепости, отворя вороты и вышедъ изъ крепости съ хлебомъ и солью, встречали злодѣя. Злодѣй, входя на короткое время въ крепость и забравъ тутъ артиллѣрію и людей, вышедъ изъ оной, приказалъ еѣ зажечь, что тотъчасъ и исполнено.

По созженіи сей крепости, пошли къ Казанѣ, и, проходя чрезъ Воткинской и Ижевской заводы, злодѣй приказалъ оныя истребить огнемъ, людей же, какъ на оныхъ заводах бывших. такъ и по жительствамъ, присоединяли къ своей толпѣ. Дорогою, не упомню — в котором местѣ, злодѣй повесилъ двухъ или трехъ афицеровъ, взятыхъ изъ Осы, но за что, и какъ их

[1] *На поле слева:* «Твороговъ при чтеніи онаго допроса сіе отменил и сказал, что ето въ тот же день было».

имяна,— не знаю; оставшаго же их товарища, по прозванію Минѣева, пожаловалъ полковникомъ за то, что онъ обѣщался, по приходѣ подъ Казань, показать такія мѣста, что не трудно будетъ ворваться въ форштатъ. Не доходя до Казани, попалась намъ въ одной деревнѣ высланная изъ города военная команда; на которую напавъ, разбили и начальника оной закололи. Отошедъ немного от сего мѣста, остановились для раздыху, и в то время злодѣй при мнѣ приказывалъ секретарю Дубровскому написать въ Казань имянной от него указъ, чтоб жители без всякаго супротивлѣнія ему покорились и приняли съ честію, обѣщая за то разныя милости. Дубровской и помянутой повытчикъ Степановъ, будучи великія грамотеи, написали скоро оной указъ; и, какъ Дубровской занятъ былъ еще, не знаю, каким-та сочиненіемъ, то я, взявъ от него оной указъ, принесъ къ злодѣю для подписанія, но злодѣй, принявъ от меня, приказал Дубровскаго къ себѣ позвать; какъ же оной пришолъ, то злодѣй приказалъ ему тотъ указъ сперва прочитать, а потомъ и подписать вмѣсто себя. Равнымъ образомъ, и во все послѣдующія мѣста указы от злодѣя сочинялъ и подписывалъ одинъ оной Дубровской, а других никово я не видывалъ.

По приходѣ къ Казанѣ имѣли сраженіе съ вѣрными войсками, и, хотя оныя долго удерживали стремлѣніе злодѣйское, но, наконецъ, принуждены были бесчислѣнной толпѣ нашей уступить и ретировались въ Кремль. Потомъ толпа наша разсеялась по фаршатату, и, грабя все домы, выгоняли, по приказу злодѣя, всехъ, въ домахъ бывших, людѣй въ злодѣйской станъ. Как же злодѣй, приступая къ Кремлю, увидѣлъ великое супротивлѣніе, то, отступя отъ онаго, приказалъ во многихъ местахъ форштатъ зажечь, что и исполнѣно, и здѣлался преужасной пожаръ; а потому все бывшія въ форштатѣ злодѣи, вышедъ изъ онаго, собрались въ злодѣйской станъ. Толпа наша въ сіе время состояла, думаю я, тысячах въ двадцети и никогда столь многочислѣнна не бывала. Въ числѣ захваченныхъ въ форштате людей была и жена злодѣя Пугачева съ детьми, для которой злодѣй приказалъ поставить полатку неподалѣку от своей; а какъ онъ обходился съ нею отменно противъ протчихъ, то некоторыя изъ ближних къ нему спрашивали его: «Што бы ета была за жепъщина?» Злодѣй отвѣчалъ: «Ето де друга моего Емельяна Иваныча, донскова казака, жена,— он дѣ за мое имя засеченъ кнутомъ». Того же дня къ вечеру пришелъ къ Казанѣ полковникъ Михельсонъ съ верными войсками, с которымі мы имѣли сраженіе, но, будучи прогнаты, остановились лагиремъ верстахъ въ десяти. А на другой или на третей день злодѣй со всею своею толпою пошолъ самъ атаковать Михельсона, и по долгомъ весьма сраженіи, будучи въ прахъ разбиты, потеряли всю артилерію и обозъ съ богатствомъ, въ Казанѣ награбленнымъ.

Злодѣй по разбитіи ономъ, бежавъ от Казани, переправился со всеми послѣдующими за нимъ, взявъ съ собою и жену свою съ детьми, на ту сторону Волги, на лоткахъ, отъ нарочно посланных наперіодъ приготовленныхъ; и, по переправѣ, злодѣй приказалъ стоящую на берегу реки деревню выжечь, но для чево — не знаю. Я не упомню точьно — къ Казане ли идучи или уже по разбитіи под оною, старшины яицкія и все протчія звали злодѣя въ Москву, говоря такъ: «Ваше величество! помилуйте, долго ли намъ такъ странствовать и проливать человѣческую кровь! Время вамъ итти въ Москву и принять престолъ!» На сіе злодѣй отвѣчалъ: «Нетъ, детушки, нельзя! потерпите! не пришло еще мое время! А когда будетъ, такъ я и самъ без вашего зву пойду. Но я де теперь намеренъ итти на Донъ, — меня тамо некоторыя знаютъ и примутъ съ радостію». Как же все переправились чрезъ Волгу, то злодѣй, склоняясь на Донъ, пошолъ съ толпою своею, которая часъ отъ часу умножалась, по жительствамъ и городамъ, но какими точно местами — я не знаю; а помню только, што были въ Алатырѣ, въ Саранскѣ, въ Пензе и въ городѣ Петровскомъ. Во всехъ оныхъ местахъ жители не противились, но, встречая везде съ хлѣбомъ и солью, давали въ толпу нашу вооруженных людей, хлебъ и фуражъ, по силѣ злодѣйскихъ указовъ, имъ данныхъ, которыя сочинялъ Дубровской, как о томъ я и выше сего сказалъ. Въ сіхъ местахъ являлись иногда къ Пугачову изъ крестьян такія люди, которыя просили отъ него себѣ указовъ о наборѣ въ толпу его людей, кои злодѣй имъ и давалъ. Многихъ дворянъ злодѣй въ сіхъ местахъ истребилъ, которыхъ большою частію привозили къ нему свои крестьяня. Вышепомянутаго старика, сказывающагося присланным отъ цесаревича Павла Петровича, злодѣй отъпустилъ отъ себя по переправѣ отъ Казани чрезъ Волгу, спустя дни черезъ два, но въ которомъ имянно месте — не упомню, такимъ образомъ: когда остановилась вся толпа кормить лошадѣй, и многія старшины собрались къ злодѣю, то злодѣй всемъ вслухъ говорилъ ему: «Ну, старичокъ, время тебѣ ѣхать назадъ! убирайся, поклонись от меня наслѣднику моему Павлу и скажи, штобъ онъ меня выручилъ. Да смотри жа, старикъ, возвратись ко мнѣ, конешно, черезъ три недѣлі въ Царицынъ и тутъ меня ищи». Старикъ, поклонясь злодѣю, сказалъ: «Слышу, ваше величество! пріеду». Изъ Петровскаго городка пришли мы въ Саратовъ и, хотя жители онаго противились, но часовъ черезъ пять овладѣли опымъ; злодѣй вѣшал ли тутъ кого,— я не помню, такъ, какъ и того, сколько днѣй мы тутъ прожили. При выездѣ изъ Саратова, пристали къ намъ все тутошнія волскія казаки, равно какъ и во всех протчихъ проходящихъ городахъ злодѣй много бралъ людей на службу въ свою толпу, тож пушки и порохъ, гдѣ сколько случилось.

Идучи къ Царицыну, помнится, еще до входу въ Саратовъ, злодѣй приказалъ помянутому, названному секретаремъ, Дубровскому написать имянной указъ къ донскимъ казакамъ, уверяя их о себѣ, что онъ истинной государь, — увѣщевалъ послужить ему вѣрою и правдою, обѣщеваясь за то жаловать их большими милостьми. Как же Дубровской, написавъ оной, не упомню, ещо куда-та писал подобной пасквилъ, то я, взявъ от Дубровскаго тотъ указъ и принеся къ злодѣю, осмелился ему сказать: «Изволте, ваше величество, сами етотъ указъ подписать! вить имянныя указы, я слыхалъ, сами государи подписываютъ!» Но злодѣй, потупя голову внизъ и потомъ вскинувъ на мѣня глаза, сказалъ такъ: «Иванъ! нельзя мнѣ теперь подписывать, до техъ поръ покуда не приму царства. Ну, вить ежели я окажу свою руку, такъ вить иногда и другой кто-нибудь, узнавъ, какъ я пишу, назовется царемъ. Пошли ко мнѣ, — продолжалъ злодѣй, Алексея (то-есть Дубровскаго), пускай онъ теперь за меня подписываетъ». Почему я Дубровъскаго къ нему и прислалъ, и Дубровской подписал и приложилъ печать, означающую мерзкую харю злодѣя. Как же мы съ Дубровскимъ от него вышли, то я говорилъ Дубровскому за секретъ: «Што, Алексей Иванычь! какъ ты думаешъ? мнѣ кажется худо, пропали мы совсемъ, — видно, што онъ грамотѣ не знаетъ, когда самъ не подписывает имянныхъ своихъ указовъ. А вить государь Петръ Федоровичь и по-руски, и по-немецки достаточенъ былъ въ грамотѣ». — «Такъ, братъ Иванъ Александрычь», отвѣчалъ мнѣ Дубровской: «и я то же думаю; худо наше дѣло». Потомъ, разставшись, я, съ Дубровскимъ, пришолъ къ Чумакову [1] и между разговоровъ открылся ему: «Што, Федоръ Федотычь? худо наше дѣло! Теперь я доподлинно увѣрился, што онъ (то-есть злодѣй) не знаетъ грамоте, и, верно, не государь онъ, а самозванецъ». Чюмаковъ, услышав сіе, крайнѣ испугался, сказавъ: «Какъ ето такъ? Поетому мы все погибли! Какъ намъ быть?» И потомъ, разсуждая, оба, каким бы образомъ арестовать его, не находили средства начать такое дѣло и боялись открытся в томъ другимъ, потому что все безъ изьятія почитали его прямо за истиннаго государя. Въ разсужденіи чего и условились мы таить сіе до удобнаго случая. Хотя же я и съ самаго начала при злодѣе у писменныхъ дѣлъ находился, но кленусь живым богомъ, что никакъ не зналъ того, што злодѣй грамотѣ не умѣетъ, ибо онъ пред всеми нами показывался знающимъ темъ, что писывалъ въ глазахъ нашихъ какія-та крючки, іногда мелко, а иногда крупно, и сказывалъ, што ето пишетъ по-немецки; также, естли когда подашъ ему въ руки што-нибудь написанное, то, смотря

[1] *На поле слева:* «Яицкой казакъ, над злодѣйскою артилеріею названной командиръ».

на оное, шевѣлилъ губами и подавалъ видъ, што онъ читаетъ; почему и не смелъ никто изъ насъ опробовать его знаніе написаніемъ другова, нежели онъ приказывалъ, бояся висилицы, потому что онъ содержалъ насъ въ великомъ страхѣ. Помянутой указъ отправилъ злодѣй на Донъ съ двумя, бывшими въ толпѣ его донскими казаками, но кто они таковы — я не знаю.

Изъ Саратова повѣлъ злодѣй всю толпу свою под Царицынъ и на дорогѣ повстречавшуюся воинскую команду разъбили. Идучи под Царицынъ, заходили въ Камышынку и Дубовку, гдѣ находящіяся казаки, также и калъмыцкой князь Дундукъ съ великимъ числомъ своих казаковъ, присовокупились къ намъ; злодѣй, обрадовавшись умноженію своей толпы, дарилъ насъ и старшинъ калмыцкихъ сукнами, китайками и деньгами, награбленными во время шествія отъ Казани до Царицына, также и названными медалями, ибо на сіи выбиралъ онъ рублевики съ партретомъ покойнаго императора Петра третьяго и отдавалъ оныя бывшимъ въ его толпѣ серебреникамъ [1] придѣлывать ушки; въ которыя вдѣвая ленты, у кого какія случилися, пакалывали на лѣвой сторонѣ груди. Подходя къ Царицыну, встретили насъ съ супротивлѣніемъ донскія казаки, подъ предводительствомъ старшины ихъ Кутейникова, но злодѣй ихъ, разбивъ, прогналъ и Кутейникова взялъ раненаго въ полонъ; што злодѣй съ нимъ, Кутейниковымъ, здѣлалъ, повесил ли его или закололъ, — я не знаю. Пришедъ въ Царицынъ, посылалъ злодѣй къ валу потребовать несколько донских казаковъ на переговорку; а какъ оная обещена была, то злодѣй, скинувъ съ себя свое платье и надѣвъ яицкаго называемаго атамана Андрея Овчинникова, для того, чтоб не узнали, ѣздилъ самъ на переговорку, человѣках во сте, и што тамо говорено было, — не знаю, потому што я при томъ не былъ. Но послѣ сей переговорки передалось къ намъ въ толпу донских казаковъ только пять человѣкъ, а протчія все отъѣхали отъ валу къ городу, почему злодѣй и приказалъ тотъчасъ стрелять по городу изъ пушекъ; а, напротивъ того, и из городу тем же намъ отвечали. Между тѣмъ, какъ сія перестрелка происходила, донскія казаки, отъделясь отъ города, присоединились къ нашей толпѣ, человѣкъ до тысячи, ибо у нихъ было десять хорунговъ.

А вскоре потомъ услышалі мы, что позади насъ идіётъ большая военная команда, почему злодѣй и повѣлъ всю свою толпу мимо города на Низъ къ Черному Яру. Отошедъ отъ города верстъ съ десять, остановились начевать, гдѣ изъ приставшихъ къ намъ донскихъ казаковъ человѣкъ со ста тайно ушли ночью въ городъ, а на другую ночь и другія, состовляю-

[1] *На поле слева:* «Какія оныя люди — не знаетъ, но говорит, што они взяты около Саранска и Пензы».

щія четыре хорунги, то-есть около четырехъсотъ человѣкъ, ушли же. От сего самого произошло въ толпѣ нашей великое сумненіе и переговоръ такой: что донскія казаки недаромъ отстали, можетъ, узнавъ злодѣя, что онъ — ихъ казакъ, поелику онъ такимъ въ публикованныхъ указахъ именованъ. Сіе сумненіе утверждалось и такимъ притомъ разглашеніемъ: будто бы одинъ донской казакъ, во время помянутой переговорки, кричалъ съ валу къ самозванцу громко — «Емельянъ Иванычь! здорово!»[1] Сіи переговоры привелі насъ въ такое замешательство, что руки у всехъ опустились и не знали, за што принятся. А, между тѣмъ, сказано было, что военная команда уже блиско; почему злодѣй со всею своею толпою, поднявшись съ сего мѣста, шолъ дни съ два и, расположася между Царицынымъ и Чорным Яром, поставилъ съ вечера всю свою артилерію въ одинъ рядъ. Какъ же на другой день показались въ виду вѣрныя войски, то с обоихъ сторонъ и зачелась стрельба изъ пушекъ; но, будучи все въ крайнѣй робости, не старались удерживать храброе стремлѣніе войскъ и чрезъ короткое время, уступая свое мѣсто, показали свой тылъ. Хотя же злодѣй, будучи позади своей толпы, и старался словами своими остановить оную и поощрить къ супротивлѣнію, но столь великъ былъ во всех страхъ, что, нимало не слушая его словъ, разсыпались во все стороны. Злодѣй, хотя кричалъ протчимъ: «Стой! стой!», но самъ утекалъ, однако ж, напереди всехъ, а за нимъ и показанная первая его жена и сынъ десятилѣтнѣй, верхомъ на лошедях, а двѣ дочери малолѣтныхъ — въ дорожной колескѣ, наполненной, какъ я думаю, дорогими товарами и деньгами, ибо въ сей коляски подѣланы были потаенныя сумы. Злодѣй и сей, обще съ дочерьми, лишился, потому что злодѣй, спасая себя, бѣгом скакалъ во весь опоръ, приказывая и коляску вести за собою; но какъ сею дорогою случился въ одномъ мѣстѣ превеликой косогоръ, то сказываютъ, что на оном коляска опрокинулась, а потому и осталась она на томъ местѣ. Итакъ, под Чернымъ Яромъ потерялъ злодѣй весь свой богатой обозъ, награбленной, идучи от Казани, равно и артилерію всю безъ остатку.

А какъ мы съ Чюмаковымъ съ вечера еще предчювствовали, что толпа наша, в разсужденіи нашедшей на всех робости, неминуема разогнана будетъ, то въ таком случае условились съ нимъ не упускать злодѣя изъ глазъ; чего ради съ самаго начала сраженія и были при немъ безотлучны, не отступая,

[1] *На поле слева:* «А въ прибавокъ къ тому и то удостовѣряло, что злодѣй в то время, когда донскія казаки въ толпу нашу передались, то онъ, проезжая мимо ихъ, напротивъ своего обыкновенія, отворачивался от нихъ лицомъ; а изъ сего и догадывались, что дѣлал ето для того, чтобъ они ево не узнали».

такъ сказать, пі на шагъ, а потому и бѣжали съ нимъ вмѣстѣ. Къ злодѣю и къ намъ присовокупилось въ сіе время яицкихъ казаковъ до двухъсотъ, да толикое жъ число всякихъ разночинцовъ.

Итакъ, прискакавъ, мы, къ Волгѣ, нашли тутъ на бѣрегу несколько мелъкихъ судовъ, а в то жъ время увидѣли въдали рыболововъ, плавающихъ по Волгѣ для своего промыслу; которыхъ заворотя, взяли их лотки и перебрались потомъ чрезъ несколько часовъ на островъ.[1] На семъ мѣстѣ кормили мы лошадѣй, такъ, какъ и сами ѣли и отдыхали, и злодѣй печалился о потеряніи всей артилеріи и столь многочислѣнной своей толпы, которая почти равнялась под Казанью бывшей. Между темъ, пока мы тутъ были, пришли на берегъ и войски, и, хотя мы были у нихъ въ виду, но дѣлать имъ было нечего, потому что ни одного судна на берегу мы не оставили. Злодѣй, увидя войски, приказал намъ готовиться къ переправѣ на луговую сторону Волги. И, хотя у нашего берега стояли суда, но, в разсужденіи острова, принуждены были оставить и выдумали вотъ какой способ: на острову множество было наносныхъ площатыхъ дровъ и сухова тальнику; оныя, мы, собравъ, надѣлали изъ нихъ множество малиньких и лёгкихъ плотовъ, а по нашему «салы» называемыя, связывая веріёвкою, и, раздевшись, положили на оныя свое платье и седла лошадиныя, а напослѣдокъ, привязавъ те салы къ каждой лошади за хвостъ, по одному и, держась всякой за гриву лошади, переправились таким образомъ на луговой берегъ, оставя на острову, за усталостью лошадѣй, яицких казаковъ, человѣкъ съ сорокъ, тѣхъ самыхъ, которыя съ Афонасьемъ Перфильевымъ пойманы, ибо и онъ тут же тогда остался, да разночинцов несколько человѣкъ. А какъ мы переправу свою окончили при наступлѣніи уже ночи, то, отошедъ отъ берегу версты с три, начевали въ лугахъ спокойно.

Во время сего начлѣга возобновили съ Чюмаковымъ первое наше намереніе связать злодѣя и условились открыться въ том надежнымъ намъ хорунжимъ: Ивану Федулеву, Тимофѣю Железному, Дмитрію Арыкову и Ивану Бурнову. А какъ только мы имъ о семъ открыли, то и они тотъчасъ на сіе согласились и дали слово уговорить къ тому каждой своего приятеля и послѣ снестись между собою, кто какого будетъ мненія. А, между темъ, злодѣй, созвавъ всехъ яицкихъ казаковъ къ себѣ на совѣтъ, говорил: «Как де вы, детушки, думаете? Совѣтуйте, куда намъ теперь итьти!» На сіе мы, желая испытать его намереніи, отвѣчали, што «мы и сами не знаемъ», а потомъ вопросили его: «А, ваше величество, куда изволите думать?» На сіе злодѣй

[1] *На поле слева:* «Сей островъ раздѣляетъ въ оном местѣ Волгу на двое.

сказалъ: «Я де думаю итьти вънизъ по Волгѣ и, собравъ на ватагахъ хлѣба, пробраться моремъ къ запорожскимъ казакамъ, а тамъ де блиско есть у меня знакомыя два князька (называлъ ихъ и по имяни, но я не упомню — какъ): у одново дѣ наберіётся войска тысячь съ семпатцеть, а у другова тысячь съ десять, — они де за меня вѣрно вступятся». На сіе отвѣчали мы ему: «Нѣтъ, ваше величество! Воля ваша, — хоть головы руби, мы не пойдем въ чюжую землю! Што намъ тамо дѣлать!» А злодѣй говорилъ: «Ну да куда же вы думаете? Инъ пойдемъ въ Сибирь».[1] Но казаки и от того отказались, сказавъ: «Нѣтъ, батюшка, мы и туда не ходоки съ вами! Куда намъ въ такую даль забиваться? У насъ есть жоны и дѣти!» Злодѣй, показываясь недовольным и такъ, какъ-бы съ сердцовъ, сказалъ: «Ну, да куды жъ вы совѣтуете?» На сіе Чумаковъ и соглашавшіяся съ нами показанныя харунжия отвѣчали: «А мы де совѣтуемъ, ваше величество, итьти въверхъ по Волгѣ и пробраться къ Узенямъ; а тамо уже придумаем, што здѣлать». Злодѣй опорачивалъ сіе наше намереніе темъ, что тутъ трудно будетъ доставать хлеба, и што тутъ есть опасность отъ воинскихъ командъ, натягивая притом итьти вънизъ; но все единогласно сказали: «Воля вашего величества, — мы туда нейдемъ», почему злодѣй, хотя и досадовалъ на упорство наше, но принужденъ былъ согласится ітти въверхъ, съ чемъ напослѣдокъ и разошлись.

На другой день, вставъ на зорѣ, приготовились къ походу и поѣхали въверхъ по Волгѣ, разстояніем отъ берега Волги версты с три, степью, и ехали тою дорогою до полденъ; но, доѣхавъ до старыхъ калмыцкихъ колодцовъ и увидя, что воды въ нихъ ничево нѣтъ, поворотили для тово къ самой Волгѣ и ехали уже берегомъ. Едучи два дни, помянутыя хорунжія сдержали свое слово и, один другому [2] открывшись, въ намереніи, касательномъ до арестованія злодѣя, согласились; итакъ, посему опасаясь однихъ только разночинцовъ, съ нами бывшихъ, усовѣтовали отобрать у всехъ лошадѣй и тѣмъ принудить ихъ отстать отъ насъ подъ такимъ видомъ, что у многихъ яицкихъ казаковъ не было лошадей, ибо перетонули оныя во время показанной переправы, а некоторыя и брошены въ степи за усталостью. Почему на третей день нашего путешествія, будучи, не знаю, въ каком-та жительствѣ, въ которомъ остановились мы для корму лошадѣй и собранія хлеба, представляли злодѣю, что, какъ лошадѣй у многихъ казаковъ нѣтъ, да и много хлеба надобно на прокормъ разночинцовъ, такъ не прикажет ли онъ, отобравъ у них лошадѣй, оставить всехъ въ здешнемъ житель-

[1] *На поле слева:* «А не то, такъ въ Калмыцкую орду къ Бамбуру, — онъ де за меня заступит».

[2] *На поле слева:* «Одни только яицкія казаки, коих было человѣкъ со ста съ шездесять».

ствѣ. Злодѣй сперва не хотелъ сего здѣлать, но потом, будучи убѣждаемъ прозбою яицких казаковъ, съ сердцовъ сказалъ: «Ну инъ какъ хотите!» Почему яицкія казаки у всехъ разночинцовъ лошадей и обобрали, а потому и принуждены они были остаться тутъ на местѣ, взявъ только съ собою башкирскаго старшину Кинзю, Каргалинской слободы татарина Садыка Сеитова, саратовскаго казака Уфинцова и товарища его, малороссіанина. Кинзю нельзя было намъ никакъ оставить, в разсужденіи, что злодѣй тотъчасъ взялъ бы на насъ подозреніе, а на протчихъ трехъ не имели мы подозренія. Едучи по берегу днѣй съ шесть, поворотили мы изъ хохлатских [1] хутаровъ, состоящих по большой Камышенской дорогѣ, на Елтонское озеро и ехали до онаго дни съ четыре; отъ Елтонъскаго озера, пробираясь на Узени, ехали по наслышкѣ на востокъ и безошибочно пріехали чрезъ пять или шесть днѣй на Узени. [2]

Злодѣй, едучи дорогою до сего мѣста, показываясь весма унылымъ, ничего не говорилъ.

По приездѣ на Узени, начевали мы на чистомъ мѣстѣ, а, между темъ, два яицкія казака: Иванъ Бакалкинъ, Яковъ Лепехинъ, поохотѣвшіяся для пищи стрелять сайгаковъ, отъѣхавъ отъ насъ, не начевали съ намі, но на другой по-утру, возвратясь къ намъ, сказывали, что они нашли неподалѣку отсюда обитающихъ въ землянкахъ двухъ стариковъ. [3] Злодѣй, услыша о семъ, спрашивалъ техъ казаковъ, нет ли у стариковъ чево на пищу. «Есть», — отвѣчали казаки: «мы видели у нихъ дыни и букву». [4] А как злодѣй сталъ насъ звать туда, то мы, почитая сіе место за удобнѣйшее къ произведенію нашего намеренія, съ радостію согласились съ нимъ туда ѣхать. Итакъ, отобравшись человѣкъ съ двадцеть надежныхъ другъ другу людѣй, поѣхали, вооружась каждой шашками, копьями и винтовками и предпріявъ совершенно исполнить тамо свое намереніе, поелику злодѣй селъ на посредственную лошадь, которая не подавала намъ сумненія, чтоб могъ онъ отъ насъ на нѣй уйтить. Имяна сіхъ отобравшихъся на оное предъпріятіе — сіи: Ѳедор Чумаковъ, я, Иванъ Федулевъ, Иванъ Бурновъ, Тимофей Железной, Петръ Быченинъ, Иванъ Астраханкинъ, Василѣй Жигалинъ, Иванъ

---

[1] *На поле слева:* «Малороссійскихъ».

[2] *На поле слева:* «Названіе сіе произошло от дву ускихъ, но глубокіхъ, речекъ, блиско одна от другихъ стоящихъ; и, хотя очень невеликое разстояніе земли, между ими разделяющей, но местами много есть острововъ, преглухим камышом произрастаемых, так что сіи места почитаются непроходимымі и преспособнѣйшими ко укрытію бѣглецам».

[3] *На поле слева:* «Старики у них называются те, которые, для спасенія души своей, кроются въ сих мѣстахъ. Один из оных был яицкой казак, Железной по прозванію, а другой — совсем незнакомой имъ».

[4] *На поле слева:* «Похожая на ретку, но только горечи такой не имѣетъ въ себѣ».

Бакалкинъ, Иванъ Тимонинъ, Яковъ Лепiёхинъ; протчих же имянъ не упомню. Помянутыя старики обиталище свое имели версты за две от нашего стану, въ которое вели насъ объявленныя Бакалкинъ и Лепiёхинъ; а, какъ землянки ихъ были за речкою, на самомъ берегу, въ камыше, то злодѣй и мы, сошедъ съ лошадей, закричали, штобъ подали будару, почему одинъ изъ стариковъ, подавъ намъ будару, перевезъ всехъ насъ, а лошади остались на другомъ берегу. Злодѣй, по выходѣ на берегъ, приказалъ старикамъ подать себѣ дыню и буквы несколько, и старики подали, которыя мы, разрезавъ, стали есть; а какъ оныхъ подано было мало, и многимъ казакам не досталось, то просили они стариковъ, штобъ они позволили итти имъ самимъ для сорванiя дынь и буквы, ибо сей овощъ посеянъ былъ у стариковъ въ недальномъ разстоянiи отъ их землянокъ, почему скарики, позволя имъ на то, и сами за ними же въслѣдъ пошли. Как же при злодѣе остались на сiе время только Чумаковъ, я, Федулевъ, Бурновъ, Железновъ и шестой, не упомню — кто, то Чюмаковъ зачалъ злодѣю говорить такъ: «Што, ваше величество? Куда ты думаешъ теперь итти?» — «А я думаю», отвѣчал злодѣй: «итти по фарпостамъ и, забравъ съ оных людѣй, итьти къ Гурьеву городку; тутъ мы перезимуемъ, и, какъ лiёдъ скроется, то, севши на суда, поедемъ за Каспiйское морѣ и тамо подымемъ орды, — они вѣрно за насъ вступятся». На сiе Чумаковъ и все, при томъ случившiяся, говорили: «Нѣтъ, батюшка, воля твоя, мы не хотимъ теперь воевать, а пойдемъ лутче въ наш городокъ». Злодѣй, примстя, что мы вольнѣя противъ прежняго, говорили ему тутъ, переменялся въ лицѣ, — то поблѣднѣетъ, то покраснѣетъ, а, напротивъ того, и мы дрожмя дрожалi и желали поскорѣе переманить его на ту сторону, гдѣ лошади наши были, боясь, чтоб какъ не ушолъ от насъ тутъ, чего ради и представлялi ему, что время уже ехать. Злодѣй, переминаясь, говорилъ намъ: «Полъно, не лутче ли, детушки, отставить поездку въ городокъ». — «Нѣтъ», отвѣчалi мы во многiя голоса: «нельзя намъ некуды теперь больше ѣхать». Почему злодѣй и, не хотя, принужденъ былъ согласиться на наше предложенiе, сказав: «Ну, инъ воля ваша!» и потом севъ въ будару съ Чумаковымъ и, не упомню — съ кем, другими двумя, переехавъ на другой берегъ, и будару обратно къ намъ перепехнули. Какъ же я съ Федулевымъ, Бурновымъ и протчими, переправясь чрезъ реку, и вышли на берегъ, гдѣ Чумаковъ держалъ какъ злодѣеву, такъ и свою лошадь за поводы, и злодѣй хотелъ садиться на свою лошадь, то Федулевъ закричалъ Бурнову: «Иванъ! што задумали, то затевай!» Почему Бурновъ, стоявъ на то время возлѣ злодѣя, схватилъ его съпереди за руки, повыше локтей. Злодѣй, помертвев, робкимъ и перерывающимся голосомъ говорилъ: «Што ето? Што вы вздумали?

На ково вы руки подымаите?» На сіе мы в разные голоса ему сказали: «А вотъ то, што ты отдай нам свою шашку, ножикъ и патронницу; мы не хотимъ больше тебѣ служить и не хотим больше злодѣйствовать! Довольно и такъ за тебя прогневали бога и матушку, милостивую государыню, много пролили крови человеческой и лишились сами отцов и матерей, и роду, и плѣмяни». Злодѣй, смотря на насъ, говорил: «Ай, робята! што вы ето вздумали надо мною злодѣйствовать! Вить вы только меня погубите, а то и сами не воскреснете! Полно, не можно ли детушки, етова отменить! Напрасно вы меня губите». На сіе все въ одинъ голосъ закричали: «Нѣтъ, нѣтъ! полно! уже не хотимъ больше проливать крови! Мы повезіёмъ тебя прямо въ городокъ, — вить ежели ты подлинной государь, такъ тебѣ нечево бояться. А что до насъ касается, такъ воля матушки нашей, всемилостивѣйшей государыни, — што поизъволитъ, то и здѣлает съ нами. Хотя всемъ намъ головы перерубятъ, только мы тебя не упустимъ! Полно ужъ тебѣ раззорять Россію и проливать безвинную кровь!» И потомъ говорили ему, штобъ онъ отдалъ требуемое отъ него съ честію. Злодѣй, снявъ съ себя шашку и патронницу, сказалъ Бурнову, которой продолжалъ держать его руки: «Мнѣ де бещестно отдать ето тебѣ, а я отдамъ полковнику своему Федулеву», которому сіе, равно и ножъ большей, при немъ бывшей, и отдалъ. Потомъ посадили мы его на лошадь и, ведя оную за поводъ, ѣхали все вокругъ его.

Арестовавъ мы его такимъ образомъ, Чумаковъ поскакалъ въ станъ нашъ объявить протчимъ о семъ исполненіи, а мы, между темъ, повезли злодѣя къ перелазу чрезъ Узень на Яицкую сторону. Как же стали некоторыя изъ наших товарищей переезжать реку, то злодѣй, сидя на лошади, кликнулъ меня: «Иванъ! подь-ка сюды», почему я, будучи верьхом же, къ нему и подехал; но онъ звалъ меня отъехать от другихъ подалѣ, сказавъ, што онъ имѣетъ нужду со мною поговорить; и я поѣхалъ съ нимъ рядомъ. Онъ зачалъ мнѣ говорить такъ: «Иван! што вы ето дѣлаетѣ? Вить ты самъ знаешъ божіе писаніе: кто на бога и на государя руки подыметъ, тому не будетъ прощенія ни здѣсь, ни въ будущемъ вѣкѣ. Ну што вамъ пользы, — меня потеряетѣ и сами погибнете! Полно, подумайтѣ-ка хорошенька, не лутче ли кинуть ето дѣло!» А, между темъ, продолжалъ онъ ѣхать. Я, огленувшись назадъ и видя ѣдущих за собою двухъ казаковъ,[1] а притомъ имѣя под собою лутче лошадь, нежели у злодѣя, не воспрещалъ ему ѣхать, но на показанныя слова его говорил: «Нѣтъ ужъ, батюшка, и не говори! Што задумали и положили, то такъ тому и быть, — отменить нельзя». Злодѣй, зачиная повторять первыя свои слова: «Што де вамъ будетъ

[1] *Далее в оригинале:* «(а притомъ имѣя за собою двухъ казаковъ)».

пользы от того», огленулся, между тѣмъ, и, видя, што казаки немного поотстали от насъ, торопливо сказал мнѣ: «Ну, прощай, Иванъ! оставайся!» и потомъ, чухнувъ лошадь и съворотя съ дороги, поскакал въ степь мелким камышомъ, пробираясь въ переди стоящей, большой и весьма частой, камышъ. Я, въскричавъ ѣхавшимъ позади меня казакамъ: «Уполъ! Уполъ!», чухнувъ и свою лошадь за ним, а какъ выше я сказалъ, что моя резвѣя ево лошади была, то нагналъ я ево очень скоро и только што хотѣлъ, было, схватить его за воротъ, но онъ имеющеюся у него плетью ударилъ по рылу мою лошадь, которая, будучи чрезъвычайно горяча, бросилась въ сторону сажен на десять; потомъ, направя, я, опять ѣе за ним, догналъ паки, но онъ тоже съ моею лошадью здѣлалъ; однако жъ, я и в третей разъ блиско гнался за нимъ. А, между темъ, помянутыя два казака, скакавъ чистымъ мѣстом, взяли у злодѣя перiодъ; итакъ, напослѣдокъ сталъ онъ между нами в срединѣ. Злодѣй, видя, што нетъ способу ускользнуть отъ насъ, в то время, когда его хватали мы руками, бросился с лошади на землю, намеряясь скинуть съ себя сапоги и шировары и бѣжать, повидимому, пешком. Но мы и сами съ лошадѣй поскакали, и бросилъся на него Тимофей Железной; но злодѣй ухватился за шашку его и выдернул, было, ѣе до половины, но другой казакъ Астраканкинъ не допустилъ его до сего; а, между темъ, наскакалъ на насъ и Федулевъ. И связали злодѣю руки назадъ, браня его тутъ, сколько кому на память пришло, и посадили его на ту же лошадь, на которой хотѣлъ бѣжать. Злодѣй сперва, злобствуя на нас, говорилъ: «Какъ де вы смели на императора своего руки поднять? За ето де воздастся вамъ, — естьли не от меня, такъ есть еще у меня наслѣдникъ Павелъ Петровичь». Но какъ мы сего не слушали и говорили ему, што теперь онъ болѣе не обманетъ, то, переменя свои угрозы, сталъ плакать и божится, что не уйдетъ уже болѣе, и просилъ развязать ему руки; почему мы, развязавъ его, привезли къ переправѣ и переѣхали благополучно. Злодѣя Пугачева жена и сынъ, которыя съ нами жа были, и везли их на телѣгѣ, будучи самовидцами, что мы его вязали и содержимъ под карауломъ, хотя ничего не говорили, однако ж, очень плакали.

А какъ будара, на которой мы переезжали, была помянутыхъ стариковъ, то одинъ изъ нихъ, яицкой казакъ, былъ при той переправѣ и слышалъ отъ насъ, что мы ѣдемъ съ повинною въ Яицкой городокъ и веземъ съ собою самого злодѣя. Сей старикъ, похваляя сіе наше намереніе, уговаривалъ насъ, что мы не должны отчаяваться о высочайшей ея и. в. милости, в разсужденіи многихъ обрасцовъ, послѣдовавшихъ съ преступниками: «Вы де старайтесь, какъ можно, довести злодѣя въ сохранности, не упустите. А то я слышал, что въ городокъ къ намъ пріі-

схалъ такой милосливой, не знаю — капитанъ или маіоръ, судья, что изъ тюрмы всехъ колодниковъ повыпустилъ и вдовамъ и сиротамъ выдаетъ на пропитаніе хлебъ». Что насъ больно порадовало и облехчило несколько отъ предъчювствуемого до того нами страху. Однако жъ, некоторыя изъ нашей партіи совѣтывали послать отъ себя нарочныхъ въ городокъ для разведыванія, што тамо дѣлается, и какъ поступаютъ съ приходящими съ повинною; по сей совѣтъ отставлѣнъ, ибо уже мы совершенно положили вести въ городокъ злодѣя, штò бы съ нами ни здѣлано было, — слѣдовательно, и разведывать не к чему было. Но условились напослѣдокъ послать отъ себя съ извѣстіемъ по фарпостам, чрезъ которыя намъ ѣхать надлежало, тожъ и въ городокъ, для того, чтоб не подать о себѣ тамо какого подозренія, естьли бы безъ такого увѣдомлѣнія насъ увидѣли. И сего ради послали мы отъ себя трехъ казаковъ: Василья Жигалина, Ивана Калмыкова и Ивана Хохлова, давъ Калмыкову злодѣеву лошадь, въ разсужденіи худобы собственной его; но ни одинъ изъ сіхъ къ намъ не возвратился. Переначевавъ, мы, неподалѣку отъ сей переправы, на разсвѣтѣ другова дни поѣхали къ городку и, отъѣхавъ верстъ съ тритцеть, ночѣвали на рекѣ Балыклѣ, а на третей день, отъѣхавъ верстъ съ пятнатцеть, остановилісь для корму лошадѣй.

Въ семъ мѣстѣ злодѣй, увидя оплошность малолѣтка, по прозванію Харьки, (а имяни и отечества его не знаю), положивъшаго возлѣ себя на землю шашку и пистолѣт, съхватилъ оныя и, обнажа саблю, бѣжалъ прямо на насъ, то-есть на Чумакова, Федулѣва, Железнова, Бурнова и мѣня, сидевших в то время въ одной куче па травѣ, и кричалъ сіи слова: «Вяжите, про такъ ихъ мать, старшин-та, вяжите!» Какъ скоро мы увидѣли сіе, то тотъчасъ сами вооружились, а Федулѣвъ вопросилъ его: «Ково ты велишъ вязать?» — «Тебя», отвѣчалъ злодѣй съ бранью, а потомъ шолъ прямо на него, уставя въ грудь пистолѣтъ, у котораго и курокъ спустил, но кремень осекся. Федулѣвъ, закричавъ: «Атаманы-молодцы, не выдайтѣ!» пошолъ самъ на него съ обнаженною шашкою, а, между темъ, и многія казаки его окружили. Злодѣй, отъмахиваясь отъ Федулѣва шашкою, пятился назадъ, а в то ж время ударенъ былъ отъ Бурнова, не приметилъ точьно — въ плечо лі или въ бокъ, копьемъ тупымъ концомъ, так что повернулъ его бокомъ, и тутъ сзади схваченъ былъ Чумаковымъ за руки и потом обезороженъ; и паки связали руки и посадили уже вместе съ женою и сыномъ его, рыдающими горько. Злодѣя спрашивали мы тут, самъ ли онъ собою сіе здѣлалъ, или другой кто присовѣтывалъ, на что онъ сказалъ, что присовѣтывалъ ему казакъ Михайла Маденовъ, надеясь, что казаки вступятся. Казаки, услыша сіе, разсердились на Маденова и прибили его немилосердо, такъ что едва дышущаго

на семъ мѣстѣ оставили, и никто не знаетъ, жив ли онъ или умеръ.

Съ сего мѣста поднявшись, переѣхали въ тотъ день еще верстъ съ дватцеть и начевали на степи, где злодѣя, въ разсужденіи его слезъ и прозбы, развязали. А какъ еще везли его связанаго, то казаки Василѣй Коноваловъ и Сидоръ Кожевниковъ говорили мнѣ: «Напрасно дѣ вы его связали, вить неужъли-та онъ отъ насъ теперь уйдетъ!». Въ четвертой день переѣхали мы верстъ съ тритцеть и начевали на рекѣ Кушумѣ; съ Кушуму переѣхавъ, мы, верстъ съ пятнатцеть, остановились между Кажехаровскаго и Бударинскаго фарпосту для корму лошадей; отъсюда товарищи наши послали мѣня и Чумакова со вторичнымъ известиемъ въ городокъ, что злодѣй точно нами везется. Приехавъ, мы, съ Чумаковым и съ однимъ казакомъ на Бударинской фарпостъ, объявили тутошнему командиру о притчинѣ нашей посылки, и, хотя тутъ худо намъ вѣрили, однако жъ, дали намъ подводы и дали для присмотру за нами своего казака, а нашего тутъ оставили, послав притомъ другова для освѣдомлѣнія о подлинности и туда, гдѣ злодѣй везенъ былъ. Приехавъ, мы, съ Чумаковым въ Яицкой городокъ, явились у старшины Ивана Акутина, а сей представилъ насъ къ господину гвардіи-капитану Маврину, которой, распрося насъ о всехъ произшествіяхъ, такимъ [1] образомъ арестовали мы злодѣя, меня оставилъ у себя за присмотромъ, а Чумакова отправил съ командою навстречю злодѣю. Потомъ, какъ злодѣй привезенъ уже былъ въ городокъ, то меня свободили на поруки, а напослѣдокъ, въ числѣ шести человѣкъ, присланъ сюда въ Казань.

Когда злодѣй съ толпою своею былъ между Царицынымъ и Чорнымъ Яромъ, то, не знаю — по наученію ли онъ чьему или самъ собою, въздумалъ старшинъ своихъ назвать генералами, на которыя указъ отъ имяни его сочинялъ вышесказанной секретарь Дубровской; и сей указъ, наканунѣ разбитія нашей толпы, злодѣй, по собраніи къ полаткѣ своѣй всехъ назначенныхъ въ чины старшинъ, вышедъ изъ оной, сказалъ: «Богъ и я, великой государь, жалую васъ чинами, послужитѣ вы мнѣ за ето вѣрою и правдою». А посему мы, став пред нимъ на колени, благодарили. Потомъ злодѣй приказалъ Дубровскому читать о том свой указъ, которой онъ и читалъ; изъ сего указа понялъ я имяна только пожалованных, кои были сіи: дежурной Давилинъ, атаман Овчинниковъ, полковники: Перфильевъ, Федулев, я, Чумаковъ, а другихъ не упомню; но я ни одного изъ техъ чиновъ назвать не знаю, хотя я и самъ въ числѣ техъ пожалованных находился, потому что прежде оных не слыхивал. Злодѣй, во время своего самозванства, часто расказывалъ

[1] *В оригинале ошибочно вместо:* «каким».

о странствованіи своемъ, но я такъ, какъ перед богомъ сказать, пересказать не упомню; но помню то только, что онъ говаривалъ, яко-бы онъ великія нужды претерпелъ отъ всемилостивѣйшей государыни (называя женою) и отъ бояръ своихъ, которыхъ часто онъ бранилъ и грозилъ отмщеніемъ и истребленіемъ всехъ дворянъ. Никогда не только не случалось мнѣ видать, но ниже слышать, чтоб злодѣй имѣлъ съ кѣмъ изъ чюжестранцовъ или изъ [з]дѣшнихъ съ раскольниками, купцами и стрѣцами какую переписку, равно какъ и того, чтобъ надѣялся онъ на по[мо]щь чью-нибудь, выключая послѣднія его подзывы яицкихъ казаковъ въ Запорожскую сечь, за море и в Сибирь, кои, какъ я думаю, произошли от него для одного обольщенія насъ.

Злодѣя почиталъ я прямо за истиннаго государя Петра третьяго, потому, во-первыхъ, что яицкія казаки принялі и почитали его такимъ; во-вторыхъ, старыя салдаты, такъ, какъ и разночинцы, попадающія разными случаями въ нашу толпу, увѣряли о злодѣе, что онъ подлинной государь; а, в третьих, вся чернь, какъ-то: заводскія и помещичьи крестьяня, приклонялись къ нему съ радостію и были усердны, снабжая толпу нашу людьми и всемъ тѣмъ, что бы отъ нихъ ни потребовано было, безъотговорочно. А потому, хотя и слышали мы публикованныя объ немъ указы, доказывающія его донскимъ казакомъ, но тому мало верили и почитали неправдою, до техъ поръ, пока не пришли къ Царицыну; а тутъ уже вышесказанныя притчины, яко-то: неуменіе его грамотѣ и опознаніе его донскими казаками, открыли намъ глаза, и познали свое заблужденіе.

Помнится мнѣ, што, когда были мы съ толпою въ Дубовкѣ, то явился тутъ самъ собою къ ставкѣ злодѣйской астраханской казачей депутатъ Василей Горской и просилъ меня доложить об немъ злодѣю, почему я сказалъ о томъ дежурному Давилину, а Давилинъ доложилъ злодѣю, и злодѣй приказалъ его позвать къ себѣ; и что уже тамо между ими происходило, я не знаю, потому что при томъ не былъ. Сего депутата часто видалъ я въ ставкѣ у злодѣя, но зачемъ — не знаю, и онъ слѣдовалъ за злодѣемъ и по разбитіи уже его под Чернымъ Яромъ, но отсталъ, не знаю — какимъ случаемъ, до переправы еще нашей за Волгу.

І сіе все показалъ я по чистой моей совести, без всякой утайки и лжи, подвѣргая себя за умышленную утайку и ложь въ здешней жизни лютѣйшей смертной казни, а въ будущем вѣкѣ — Страшному Суду Божію и вѣчному мученію.[1]

(Г. А., р. VI, д. 505. 2-я нумерація, лл. 85—110.)

[1] *После текста:* «Генералъ-маіоръ Потемкинъ».

№ 45.[1]

Копіи съ допросовъ,

произведенныхъ въ Яицкомъ городкѣ въ Отдѣленной Секретной Коммисіи явшимся собою изъ злодѣйской толпы.

. . . . . .

Григорей[2] Забродинъ. Отъ роду себѣ имѣетъ 25 лѣтъ, въ казачей службѣ состоитъ съ прошлаго 767 года, въ вѣрной службѣ ея и. в. присягалъ, о смерти государя Петра третьяго, императора, зналъ; о самозванцѣ Пугачовѣ, что онъ — донской казакъ, чрезъ чинимыя здѣсь прошедшею осенью публикаціи слышалъ.

И тою осенью командированъ былъ отъ Комендантской Канцеляріи съ сотникомъ Логиновымъ въ числѣ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ на нижнія яицкія фарпосты для пресеченія воровскихъ киргисъ-кайсацкихъ набѣговъ, въ которую бытность казакъ Михайла Толкачовъ, возмутя нижніе фарпосты, по пріѣздѣ въ Кулагину крѣпость, объявленнаго сотника Логинова и писаря Семена Краснинкова, вообще съ казакомъ Тангаевымъ, въ воду посадили, а потомъ, возвращаясь оттоль, всю, бывшую съ нимъ, Логиновымъ, команду забралъ съ собою въ Яицкой городокъ. А онъ, Забродинъ, въ числѣ 20-ти человѣкъ при казакѣ Григорье Ерофѣевѣ оставлены были по опасности отъ киргисцовъ въ той же Кулагиной крѣпости, гдѣ и были до возвращенія изъ Гурьева городка казака Овчинникова. А какъ оной Овчинниковъ означенной Гурьевъ городокъ злодѣйскимъ своимъ поступкомъ взялъ, тогда и ихъ изъ Кулагиной крѣпости съ собою забралъ въ Яицкой городокъ, гдѣ онъ, Забродинъ, былъ только одинъ день, а потомъ с нимъ же, Овчинниковымъ, отправился въ толпу злодѣя и самозванца подъ Оренбургъ въ Берду. И, будучи тамъ, противъ войскъ ея величества, изъ Оренбурга къ истребленію самозванца[3] выходимыхъ, выѣзжалъ . . .[4]

(Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерація, л.л. 112, 137—138.)

---

[1] *После текста:* Генералъ-маіоръ Потемкинъ.
[2] *Перед словом* «Григорей» *в оригинале порядковый №:* «19».
[3] *В оригинале далее в скобках:* «Въ Татищевой крѣпости».
[4] *Вторая половина «копии допроса» Григ. Забродина опускается.*

№ 46.[1]

Копіи съ допросовъ,

произведенныхъ въ Яицкомъ городкѣ въ Отдѣленной Секретной Коммисіи, поиманнымъ съ казакомъ Афанасьемъ Перфильевымъ, бывшимъ съ нимъ въ одной шайкѣ, яицкимъ казаком.

. . . . . .

Казакъ[2] Иванъ Изюмовъ: Отъ роду ему 40 лѣтъ, въ службѣ состоитъ лѣтъ съ 17, въ вѣрности службы ея и. в. присягалъ, о смерти государя Петра Федоровича слышелъ.

Какъ злодѣй-самозванецъ обнаружился и съ набранною по нижнимъ яицкимъ фарпостамъ воровскою партіею мимо Яицкаго городка ввѣрхъ по Яику фарпостами и крепостьми къ Оренбургу прошолъ, онъ, Изюмовъ, былъ тогда внизъ по Яику за Сахарною крепостью на Каленомъ фарпостѣ въ службѣ, гдѣ находился до пріѣзду туда изъ толпы Пугачова казаковъ: Михайлы Толкачева и ис татаръ Тангаева и Акберды Даутова. Какъ же оные въ исходѣ Рожественскаго поста на тѣ фарпосты пріѣхали, то возмутили всѣхъ казаковъ увѣреніями, что Пугачовъ дѣйствительно царь Петръ Федоровичь, читая при томъ имѣющейся при нихъ, Толкачовѣ и Тангаевѣ, отъ онаго злодѣя называемой ими указъ въ такой силѣ, дабы казаки онаго послушали и ему, Пугачову, яко истинному государю, приклонились, и во всемъ волю его исполняли. Почему многія, почтя сіе за правду, къ нему, Толкачову, пристали; да и онъ, Изюмовъ, смотря на протчихъ, повѣря разглашенію, къ нимъ же присоединился. А оные Толкачовъ и Тангаевъ старшину Никиту Бородина и протчихъ, коихъ упомнить не можетъ, за непокореніе имъ умертвили и, забравъ съ собою казаковъ, в томъ числѣ и ево, Изюмова, пошли въ Яицкой городокъ и со всѣхъ лѣжащихъ ко оному фарпостовъ казаковъ съ собою забирали и повстречавшуюся, изъ городка высланную при старшинѣ Мостовщиковѣ, команду разбили, гдѣ и самово ево, Мостовщикова, поимали и посадили въ воду.

По прибытіи жъ въ Яицкой городокъ, регулярную команду съ полковникомъ Симановымъ въ ретранжаментѣ атаковали. Тотъ же день какъ осадили регулярную команду, посланъ онъ, Изюмовъ, былъ съ казаками Иваномъ Мурашкинцовымъ и Алексѣемъ Челноковымъ отъ Толкачова съ рапортомъ къ самозванцу въ Берду, куда по пріѣздѣ тотъ репортъ и подал самозванцу, а онъ, распечатавъ, отдалъ дьяку Почиталину и вѣлелъ читать, а по про-

---

[1] *После текста:* «Генералъ-маіоръ Потемкинъ».

[2] *Перед словом* «казак» *в оригинале порядковый №:* «10».

чтеніи сказалъ: «хорошо» и спросилъ ево, Изюмова: «Всіё ли благополучно? Толкачовъ до городка доѣхалъ?». На что онъ, Изюмовъ, сказалъ: «Слава де богу, батюшка, здоровъ!». На другой же день самозванецъ отправилъ ихъ обратно отъ себя съ указомъ въ Яицкой городокъ, а что въ указѣ было писано, онъ не знаетъ и не слыхалъ.

Вскорѣ потомъ изъ Берды отъ самозванца казакъ Андрей Овчинниковъ (которой былъ у него атаманомъ) на подмогу въ городокъ съ полутора стами яицкихъ казаковъ и уральскихъ башкирцовъ пріѣхалъ, да и самъ Пугачовъ напослѣдокъ пріѣхалъ же. И, немедленно нарядя людей, начали подъ Кремль подкопъ вести, у котораго укащикомъ былъ руской мужикъ Ситниковъ, на котораго попеченіе вся сія работа возложена была; а, оконча оной, при подорвани и приступъ къ Кремлю чинили, съ тѣмъ, чтобъ, взявъ оной, регулярную команду побить или живыми полонить. Однако, онъ, Изюмовъ, тутъ не былъ, ибо, хотя во все время онъ и находился въ городкѣ, только ни въ караулахъ около Кремля и ни на одномъ приступѣ не бывалъ; предъ Масленицѣю жъ заболелъ и былъ боленъ до Страстной недѣли.

На Страстной же недѣлѣ, увѣдавъ въ городкѣ, что генералъ Мансуровъ съ регулярными войсками къ Яицкому городку приближается, то казакъ Андрей Овчинниковъ, набравъ въ городкѣ казаковъ съ 300, въ коемъ числѣ и онъ, Изюмовъ, находился, выѣхалъ противъ реченнаго генерала; и, у рѣчки Быковки будучи отъ него разбиты, бѣжали, кто куда успѣлъ. А онъ, Изюмовъ, съ Овчинниковымъ, стахъ въ двухъ, бѣжали къ рѣчкѣ Чагану; а, переправясь чрезъ нѣе, Овчинниковъ всѣхъ бывшихъ въ его толпѣ казаковъ приводилъ къ образу въ томъ, чтобы, никто отъ него не отставая, слѣдовалъ за нимъ, куда онъ ихъ поведіётъ, искать самозванца, и чтобъ служили ему до послѣдней капли крови, обнадеживая при томъ, что, можетъ быть, гдѣ-нибудь самозванецъ имъ попадется.

Итакъ, давши предъ образомъ такое обѣщаніе, поѣхали по Бузулуцкой дорогѣ и, переправясь между Елшанскою и Бузулуцкою крепостьми чрезъ рѣку Самару, ѣхали деревнями въ Башкирь, гдѣ увѣдомились отъ башкирцовъ, что Пугачовъ пошолъ съ толпою своею къ Магнитной крепости, то и они следовали ко оной...[1]

(Г. А., р. VI, д. 505, лл. 164 об. — 167.)

---

[1] *Опускается конец показания Ив. Изюмова, с рассказом о всех дальнейших движениях главной «злодейской толпы», вплоть до последнего ее поражения под Черным Яром, и с подробностями относительно поимки его, Изюмова, с товарищами в зимовьях на речке Деркул воинской командой, высланной из Яицкого городка.*

№ 47. [1]

Оспиъ [2] Банновъ: Отъ роду ему 40 лѣтъ.

Прошлаго 773-го года, когда самозванецъ прошолъ съ нижнихъ яицкихъ фарпостовъ къ Оренбургу, онъ, Банновъ, тогда въ Яицкомъ городкѣ былъ и противъ ево какъ за Чаганъ-рѣку, такъ и на другой день, какъ оной самозванецъ, переправясь Чаганъ, къ городу шолъ, выѣзжалъ. Послѣ сего поѣхалъ онъ, Банновъ, изъ города вверхъ по Яику въ Дьяковы хутора для пригону въ городъ своего скота, и, тамъ будучи, пріѣхавшими изъ Берды изъ толпы Пугачова казаками, Дмитріемъ Панкинымъ (которой у него былъ харунжимъ) с товарыщи въ 10-ти человѣкахъ, съ указомъ, дабы войско самозванцу повиновалось и волю его исполняло, онъ, Банновъ, взятъ и увезенъ въ толпу Пугачову, гдѣ, будучи, противъ высылаиныхъ изъ Оренбурга регулярныхъ командъ на сраженіе выѣзжалъ и служилъ самозванцу вѣрно, почитая его за истиннаго государя, по увѣренію многихъ, бывшихъ въ толпѣ у злодѣя-самозванца, самовидцовъ покойнаго государя.

Когда же Пугачова разбили въ Татищевой крепости войсками, онъ, Банновъ, тогда былъ въ Бердѣ; куда, по разбитіи, самозванецъ, прибѣжавъ ночью съ малымъ числомъ людей, сказалъ своей, тутъ бывшей, толпѣ, чтобъ убирались. А на другой день и пошли, было, въ степь къ Сакмарской дорогѣ; а какъ по причинѣ воинскихъ командъ по линіи пройти къ Яицкому городку было не можно, то возвратились въ Сакмару и въ Каргалу, отъкуда посылалъ самозванецъ въ Берду команду для взятья оставленнаго тамъ правіанта и сена; и что тутъ происходило, онъ, Банновъ, не знаетъ, потому что оставался въ Сакмарѣ. Потомъ пришедшими регулярными войсками вскоре самозванецъ въ Каргалѣ и Сакмарѣ разбитъ, и все пушки, при немъ бывшія, отбиты.

Изъ Сакмары бежалъ онъ, Банновъ, в числѣ около 200 человѣкъ съ самозванцомъ по рѣкѣ Сакмарѣ въ село Никольское, а изъ онаго на Ташлу и въ Урал, въ башкирскія жилища, и были сперва на двухъ, не знаетъ какихъ, а потомъ на Биларетском заводахъ, гдѣ всю Святую недѣлю жили съ одними теми бѣжавшими только изъ Сакмары людми. Однако, наконецъ, набравъ себе довольное число башкирцовъ, ходили по заводамъ и, заводскими людми усилясь, Ураломъ пришли къ Магнитной крепости, и что уже тутъ происходило затемъ, какъ онъ, Банновъ, еще заболелъ на Биларѣцкомъ заводѣ и возимъ былъ въ телегѣ почти безъ памяти, не знаетъ. А только памятно ему: какъ въ Троицкой кре-

---

[1] *К показанію Ос. Баннова относится тот же заголовок, что и в № 46.* — *После текста:* «Генералъ-маіоръ Потемкинъ».

[2] *Перед словом* «Оспиъ» *в оригинале порядковый №:* «12».

ности Пугачова генералъ де-Колонгъ, да послѣ того подъ Лягушеною деревнею полковникъ Михельсонъ и достальныхъ, съ нимъ, Пугачовымъ, бывшихъ, людей разбилъ, и только съ малымъ числомъ онъ спасся и вѣлъ свой трактъ къ Казанѣ. Онъ же, Банновъ, во всехъ по сему тракту, такъ, какъ и въ Казане, чинимыхъ злодѣйствахъ участникомъ не былъ, потому что былъ еще боленъ; а выздоровелъ тогда, когда уже изъ Казани за Волгу переправились. И съ сего мѣста что происходило, въ томъ утверждается во всемъ на показаніи Пустобаева и Изюмова, прибавляя к тому сіе:

Когда самозванецъ за Волгою съ набранною къ себе по жительствамъ толпою взялъ Саратовъ и, идучи къ Царицыну, разбилъ между Дубовки и Камышенки следующихъ къ пресеченію пути ево калмыцкаго князя съ калмыцкимъ войскомъ, коего было съ 3000, и несколько пушекъ тутъ въ добычу получено, приближился къ Царицыну, то изъ онаго выѣзжали къ нимъ на переговорку донскія казаки, напротиву которыхъ онъ, Банновъ, съ казакомъ Петромъ Пустобаевым и еще съ двумя казаками, коихъ имянъ не упомнитъ, подъѣзжалъ. И на той переговоркѣ донскія казаки говорили имъ: «Что де, атаманы-молотцы, изъ чего мы напрасно станемъ между собою кровь проливать?».

А онъ, Банновъ, съ Пустобаевым, увѣряя съ своей стороны, что у нихъ присудствуетъ царь Петръ Федоровичь, уговаривали, дабы они приклонились къ нему безъ драки. Донскія же казаки на то объявляли, что они дратца съ ними не хотятъ. Послѣ сей другая переговорка здѣлалась, и донскихъ казаковъ уже было человѣкъ до 10-ти, а далѣе отъ нихъ въ разныхъ мѣстахъ къ городу стояли многія, почему и съ стороны самозванца довольное число къ городскому валу къ тѣмъ казакамъ подъѣхало. И, мѣжду тѣмъ, съ стороны самозванца илецкой казакъ Иванъ Твороговъ, поздоровавшись съ однимъ донскимъ казакомъ, другъ съ другомъ поцѣловались и говорили между собою о пресечени драки; в то время подъѣхалъ съ 10-ю человѣками и Пугачовъ. Тутъ же изъ донских казаковъ одинъ, повидимому, узнавъ самозванца, сказалъ: «Емельянъ Иванычь! здорово». А Пугачовъ на то ему сказалъ: «Да и сынъ де ево здѣся» и, не указывая на себя, что онъ называется государемъ, говорилъ: «Подите де всемилостивому государю служить; я могу у нево упросить въ вашихъ винахъ прощеніе, естьли пріѣдете къ нему съ покорностію въ подданство». Изъ донскихъ казаковъ некоторыя говорили: «Мы де станемъ уговаривать протчихъ; не знаемъ, пойдутъ ли или нетъ; естьли пойдутъ, такъ и мы отъ миру не отстанемъ». Съ чемъ и разъѣхались.

Итакъ, производя, Пугачовъ, несколько въ городъ пушечную пальбу, отворотилъ къ себе многихъ донскихъ казаковъ; неко-

торыя же не пошли. Какъ же донцы въ толпу къ нимъ приобщились, то Пугачовъ, нимало не мешкавъ, отъ Царицына пошолъ внизъ по Волгѣ съ торопностію. Однако, донскія казаки, отъѣхавъ версты съ три отъ города, дѣлали толпы, коими показывали видъ, что изъ нихъ ѣхать съ Пугачовымъ есть нежелающіе; а въ ночь инныя и ушли по прежнему въ городъ, а другіе съ ним, Пугачовымъ, остались. Калмыки жъ, взятые въ толпу его между Камышенки и Дубовки, все изъ толпы ушли жъ. А какъ здѣлалось по тѣмъ рѣчам, кои подъ Царицынымъ донской казакъ употреблялъ на переговоркѣ и называлъ самозванца Емельяномъ Иванычемъ; а другіе говорили, что будто слышали отъ казаковъ же донскихъ, что онъ у них служилъ есауломъ,— такъ и великое сумнѣніе стало, что онъ самозванецъ и въподлинно полно царь ли: въ такомъ мнѣніи находились, не дошедши верстъ съ пятдесятъ до Чернаго Яру.) По утру напали на ихъ толпу регулярныя войски и по некоторомъ сражени ихъ разбили, обозъ и артиллерію отбили, да и людей великое множество полонили; онъ, Банновъ, съ самозванцомъ, соединясь, бѣжали и выше Чернаго Яру верстахъ въ двацати Волгу на суднѣ и лоткахъ стали, было, переправлятца. В то время—изъ Чернаго ль Яру или изъ бывшихъ за ними въ погонѣ — регулярная команда на берегъ рѣки Волги поспѣшила и многихъ изъ нихъ на берегу застали; а онъ, Банновъ, съ самозванцомъ и съ другими переправившимися людми, отошедши отъ рѣки верстъ съ 5-ть, начевали и на другой день пошли въ степь.

Удалясь же отъ Волги верстъ съ 30-ть, остановились для роздыху лошедей и посовѣтовать, куда бъ лутче ѣхать; причемъ казаки, большая половина, приговаривали, чтобъ ѣхать на Узени, другія жъ совѣтовали итти въверхъ по Волгѣ; а съ послѣднимъ мнѣніемъ и Пугачовъ былъ согласенъ, представляя въ резонъ казакамъ, что у Волги можно достать какъ хлѣба, такъ и лошедей: «и какъ де до Камышенки дойдемъ, так пойдемъ на Елтанскую соль, а с оной на Узени и къ морю на ватаги».

Какъ же съ мѣста итти должно было, то казакъ Иванъ Тимонинъ (которой у самозванца харунжимъ) говорилъ ему, Баннову, что «естьли съ самозванцомъ дойдемъ до Узеней, то ево тутъ спросимъ: чего де ради ты везіёшъ с собою женку (кою взялъ онъ въ Казанѣ съ мальчикомъ и малолѣтными девками, о коей онъ прежде, по взятіи еѣ изъ Казани, обьявлялъ, что она — жена Пугачова, его пріятеля, которой будто бы его при нуждахъ не оставлялъ), не можно ль ему еѣ покинуть, и что онъ на это скажетъ; а потомъ въ Яицкой городокъ пошліёмъ освѣдомится, что тамъ дѣлаютъ съ таковыми, кои являются сами; и когда милостиво поступаютъ, то можно будетъ Пугачова арестовать и съ повинною туда его представить».

Съ чемъ и онъ, Банновъ, былъ согласенъ, ибо взяли о Пугачовѣ точное подозреніе, что онъ не государь.

Однако, какъ они въ ночи, ѣдучи къ Волгѣ, увидѣли огни, такъ, опасаясь, не армейскія-ль какія команды тутъ стоятъ, отъ Пугачова онъ, Банновъ, с казакомъ Стольниковымъ въ числѣ 6-ти человѣкъ, — а, какъ протчихъ зовутъ, не упомнитъ (кои все, однако жъ, съ нимъ, Банновымъ, пойманы и здѣсь состоятъ) ушли и по утру съѣхались съ казаками: Петромъ Пустобаевымъ и Перфильевымъ, съ коими было казаков человѣкъ до 20-ти, да на Узеняхъ повстречался им казакъ Иванъ Изюмовъ съ казаками жъ, и всѣхъ ихъ тутъ собралось 37 человѣкъ. По соединеніи ж уговорились, чтобъ ѣхать прямо въ Яицкой городокъ и, явясь, принесть повинную въ своих преступленіяхъ. Но на рѣчкѣ Деркуле наѣхала на нихъ разъѣздная изъ здѣшняго городка команда, которой они отдались безъ всякаго супротивленія, отъкуда привезены сюда и представлены въ Секретную Коммисію.

(Г. А., р. VI, д. 505, лл. 170—174.)

№ 48.[1]

Казакъ Алексѣй Фофановъ в пополнение къ своему прежнему допросу показалъ:

Когда самозванецъ арестован былъ, і, отъ Узеней ехавши степью целой день до вечеру, остановились, тутъ Пугачовъ говорилъ казакамъ, в томъ числе і ему, Фофанову: «Что де вы, робята, стали? Пойдемте де за мною». Почему он, Фофановъ, да еще Федоръ Азовцовъ, Алексей Ульянов, Іванъ Кирсановъ,[2] ис калмыкъ Іванъ Дмитриевъ и пошли с нимъ, Пугачовым, позади ево. А, подошедши, самозванецъ, к старшинам Федулеву і Чумакову с товарыщи, крычал, чтоб вязали старшин. Но какъ за оныхъ Федулева і Чумакова многия казаки въступились, да и оне видятъ, что злодей іхъ на дурное приводитъ, то они, Фофановъ с товарищи, остоновились; и какъ Федулевъ и Чумаковъ, да и другия, — кто теперь сказать не можетъ, — схватя, начали самозванца вязать, онъ, Фофановъ, с товарищи в то время препятъствия никакова не зделали і не толко не препятствовалі Пугачова вязать, но еще и радовались, что ево вяжутъ. А что за самозванцом позади по приказу ево пошли, то было без всякаго умыслу, почитая, что он ідитъ не с намерением старшинъ вязать, ибо когда велелъ за собою ітъти, сего немерения ім не открылъ; сверхъ того, естли б

[1] *Перед текстом:* «Г. Къ допросу подъ № 72-м».

[2] *Фамилии Ал. Ульянова и Ив. Кирсанова в оригинале читаются в выноске, на поле слева.*

ихъ подозревали сообщниками в том злодействе, тогда же бы Чумаковъ с товарыщи самих арестовали, что они і учинили с Кожевниковым і Кановаловымъ.

Казаки Федоръ Азовцовъ, Алексей Ульяновъ, Иванъ Кирсановъ, ис колмыкъ Іванъ Дмитриевъ показали противъ Фофанова сходственно, с такимъ прибавлением: что когда казака Маденова, которой с Пугачовым в заговоре былъ, связали і стали спрашивать, кто еще с ним былъ согласен вязать старшинъ, то он показал, не знает — с чего, із нихъ на Кирсанова; а по сему показанию і ево, Кирсанова, связали, было; но какъ после разобрали дело, что Маденов показал на него ложно, то ево, развязав, освободили.

(Г. А., р. VI, д. 505, лл. 258—259.)

№ 49.[1]

Яицкой казакъ Сидоръ Кожевниковъ, по показанию на него казаковъ Чумакова и Творогова, что онъ препятствовалъ имъ злодея весть въ Яицкой городокъ, спрашиванъ и в дополнение къ своему допросу показалъ:

По переезде чрезъ Волгу на степную сторону, не упомнитъ — на какомъ месте, остановившись, они с самозванцом начали думать, куда бы имъ ехать. Самозванецъ звалъ ихъ на нижние яицкие фарпосты, с темъ, чтоб, забравъ съ оных казаковъ, ѣхать в Гурьевъ, а изъ Гурьева плыть за море въ орды. Но как казаки, не согласясь на оное, говорили: «Мы де туда теперь не пойдемъ, а лутче намъ ехать на Узени, — тамъ мы все нужное къ своему пропитанию на первой случай сыщемъ (ибо они тогда хлеба почти ни куска не имели), а после де, покормясь на Узеняхъ и поправившись несколко отъ дороги, пойдемъ, исполнимъ вашу волю», то и самозванецъ принужденъ былъ на сие согласитца.

Приехали они на Узени (место такое, по которому две речки, одна от другой разъстояниемъ въ двацати верстах, течение имеютъ, ис коихъ первая называетца Малая Узень, а другая — Болшая). Чрезъ Малую Узень переехали они по утру и, не доезжая до другой, такъ, как бы на половине, остановились обедать. После обеда поехали къ Болшой Узенѣ, на берегу которой они, приехавъ, начевали и стояли на одномъ месте почти до обеда другова дни. Потомъ самозванецъ з бывшими при нем казаками: Чумаковым, Федулевым и Твораговымъ и с протчими, всехъ — человекъ с пятнатцать, поехали по оной Узене внизъ для сыску каких-нибудь жителей, отъ коихъ надеялись получить

[1] *Перед текстом:* «Д. Къ допросу подъ № 74-м».

хлеба; онъ же, Кожевниковъ, съ Коноваловымъ и со всеми казаками остались на том же месте. И до сего ни о каком намерени, чтоб Пугачова арестовать, вязать и ехать в городок с повинною, онъ, Кожевниковъ, не слыхалъ, и ему никто о семъ не обявлялъ; а не знаетъ, для чего отъ него таили, какъ уже онъ после о семъ узналъ; а думалъ такъ, какъ говорено: набравши хлеба, итьти по фарпостамъ къ Гурьеву; куда и приготовлялся, было, но вышло тому противное.

Чрезъ несколко часовъ приехавшие отъ Чумакова и Федулева казаки: Петръ Быченинъ и Трофимъ Горловъ взяли ево, Кожевникова, и Василья Коновалова, связали по приказу Федулева, не знаетъ — за что, и обобрали у нихъ сабли, а, связавши ихъ, обявили всемъ казакамъ, что Федулевъ, Чумаковъ и все они вздумали явитца въ Яицкомъ городке и принесть въ своих винахъ всемилостивѣйшей государыне повинную, сказывая, что надежда есть, что они будутъ въ своихъ винахъ прощены, ибо старики, ими сысканные, обявили, что все являющияся собою въ Яицкомъ городке прощаются. Тогда все казаки сказали: «Хорошо, мы все согласны с повинною итьти». Онъ же, Кожевниковъ, будучи при семъ случае связанъ, просилъ ево, Быченина, и всехъ казаковъ, чтоб они ево разъвязали, уверяя ихъ, что онъ и бес того отъ нихъ не уйдет, и, куда бы они ни намерены, онъ всюду съ ними поедет и противится имъ ни в чемъ не станетъ.

Почему казаки, сказавши: «И в подлинну де ему уйтить некуда», разъвязали и приехали на то место, где Пугачовъ былъ арестованъ, и Федулевъ с Чумаковымъ и с протчими их дожидались на той же стороне рѣчки, по которой они ехали. Приехавши к ним, Федулевъ и Чумаковъ в подтверждение еще обявили всемъ казакамъ, что они самозванца арестовали и хотят весть с повинною въ Яицкой городок: «Сказывают де намъ, что тамъ всех явшихся прощаютъ; такъ и мы де принесемъ предъ государынею повинную, авос-либо прощены будемъ». Казаки все закричали, что они все согласны ехать в городокъ и явитца с повинною. Онъ же, Кожевниковъ, ничего имъ тогда не говорилъ и никакаго препятствия не делалъ, а поехалъ за ними, куда они намерение взяли, то-есть въ Яицкой городокъ, и во всю дорогу никакой заворохи не делалъ.

Переехавши чрез Болшую Узень на сю сторону, поехали прямо къ Яицкому городку. Самозванецъ дорогою просил Федулева и Чумакова, чтоб они собрали ис казаковъ кругъ; Федулевъ же и Чумаковъ то зделали. Самозванецъ въ собранномъ кругу [sic] спрашивалъ всехъ казаковъ: «Куда вы, Яицкое войско, намерены теперь ехать, и что хотите со мною делать?» Казаки закричали: «Мы намерены весть тебя въ Яицкой городокъ с повинною. Мы де сумневаемъся в тебе, царь ли ты, нет ли —

такъ де поди, самъ оправдайся, а мы болше съ тобою ехать никуда не хотимъ». Самозванецъ, повеся голову, сказалъ: «Напрасно, други мои, вы ето вздумали: вить де вамъ смерти всемъ не миновать!». Казаки еще сказали: «Что уже ни будетъ, да поедимъ туда и станемъ просить у всемилостивой государыни прощения». И такъ кругъ разошолся, и, не говоря болше ничего, поехали прямо въ Яицкой городокъ. И какъ в кругу, такъ и после во всю дорогу онъ, Сидоръ Кожевниковъ, ни в чемъ противъ намерения Федулева, Чумакова и Творогова никогда не спорил; словъ же такихъ: «Напрасно де вы ето вздумали делать, разве хотите на смерть итьти», говорил ли, нетъ ли, — не помнитъ; и естьли де говорилъ, такъ разве тогда, когда ево Кожевникова вязали, и то де для своего избавления, чтоб былъ на свободе, а не для препятствованія въ отвозѣ Пугачова въ городъ.

(Г. А., р. VI, д. 505, лл. 260 — 261.)

№ 50.[1]

1774-го года сентября 29-го дня бежавшей із Кизляра войска Яицкаго казакъ Федоръ Кузнецовъ, он же і Махановъ, в нижеследующемъ допрашиванъ и показал:

От роду ему 23 года, въ службе третей годъ, въ верной ея и. в. службе присягалъ, о кончине государя императора Петра Федоровича слышелъ.

Прошлаго 773 года весною командированъ онъ былъ із войска Яицкаго в пятисотную Кизлярскую команду господина генералъ-порутчика і ковалера де-Медема, на место убылых болных и престарелыхъ казаковъ. Где, будучи в той команде, сего года в феврале месяце или прежде, по согласию с казаками: Яковом Плехановым, Федором Азовсковымъ с товарыщи, всего дватцать девять человекъ, по притчине, что із учиненной имъ тогда о известномъ злодее Пугачове от походнаго атамана Бородина публикацы многии почитали сего злодея за государя Петра третьяго, императора, із Наурской крепости бежали с темъ намерениемъ, чтобъ, уверясь об немъ, буде в самом деле государь, то б, присовокупясь к нему, продолжать ему службу; а иноково, когда онъ окажется таким, какъ об нем публикаци чинены, в таком случае, отставъ от него, до времяни жить в скрытном месте.

Побегъ же ихъ был з дороги по сю сторону той Наурской крепости, когда они із оной выкомандированы были в полутораста человекахъ в Моздокъ. И по переначевке, отставъ от

[1] *Перед текстом:* «42».

команды на неболшее разстояние, Томскою дорогою, не касаясь никакихъ жилищъ, к Волге-реке, і ниже Царицына около одного саксонскаго колонка в одной ветхой лотки ту Волгу перелезли на луговую сторону и поехали на степныя речки Узени. Но, доехавъ до Болшой Узени, около Астраханскихъ дорогъ он, Маханов, весма тяжко заболелъ і, нашедъ уединенно живущаго там, одного із рускихъ мужиковъ, старика, у него і остался; а товарыщи поехали от него сюда, къ Яицкому горотку; с котораго времяни, даже доныне, у упомянутаго старика і жилъ. А потом, получа от болезни свободу и не желая вдоль быть безъвестнымъ, пошолъ прямо сюда, въ Яицкой городокъ, в намерени по команде себя объявить; с чем и вышелъ на Кажехаровской фарпостъ и полковнику Казаркину обстоятелно о себе объявилъ. Будучи ж в побеге своем, воровства, грабителства і смертнаго убивства некому не чинилъ.

И в том сказалъ сущую правду.[1]

(Г. А., р. VI, д. 505, лл. 297 — 298.)

№ 51.

1774 году октября 4 дня представленные в Секретную Комисию отъ пятидесятника Рычкова, поиманные имъ в степи,— оставшия отъ злодейской толпы яицкие казаки допрашиваны и показали:

1. Василей Спиринъ, онъ же и Овчинниковъ, отъ роду ему дватцатъ пять летъ, в службе летъ с семь.

2. Иван Немчиновъ, отъ роду ему тритцать летъ, в службе летъ с тритцать [sic].

В верной ея и. в. службе присягали, о смерти государя императора Петра третияго знали, о самозванце Пугачове, что онъ — донской казакъ, чрезъ публикацы слышели. В толпу его пристали они тогда, какъ бунтовщикъ Михайло Толкачовъ, возъмутя нижние яицкие фарпосты, съ набранною шайкою приехалъ въ Яицкой городокъ и воинскую команду в ретранжаменте отаковалъ, в кое время они, Спиринъ и Немчиновъ, были в городке. Вступя в шайку к Толкачову, служили самозванцу, почитая его истиннымъ государемъ, по уверению Толкачова и другихъ стариковъ; стояли около ретранжамента в караулах и противъ высылаемых изъ онаго командъ выходили на сражение, такъ, какъ и на первом при подрыве подкопа приступе были же.

А в Великой Постъ на Страшной недели под предводительством злодея Андрея Овчинникова выезжали они, Спиринъ и

[1] *После текста читаем начальные слова скрепы:* «Оные допросы каждому особо читаны, на коихъ і утвердились. А вместо их подписался седмой лехкой полевой команды сержантъ Алексѣй Пименовъ».

Немчиновъ, къ недопуску следующаго въ Яицкой городок с корпусомъ генерала-маіора Мансурова. Но, будучи от него под Рубежнымъ фарпостомъ разбиты, бежали съ Авчинниковым чрезъ Чаганъ степью в Башкирию и, нашедъ самозванца в Магнитной крепости, коя была имъ уже взята, присоединились к нему; и, совокупясь съ его толпою, пошли вверхъ по крепостямъ; и, обошедъ одну, Верхояицкую, крепость, были в Карагайской, Петропавловской, Степной и Троицкой крепостях, кои разбили и первые из нихъ три выжгли. Когда ж подъ Троицкою крепостью ихъ толпа верными войсками была разбита, тогда они, Спиринъ и Немчиновъ, не захотя более за злодеемъ Пугачовымъ следовать, отъстали отъ него обще с казаками, кои ныне с ними же сюда привезены: Иваном Скоробогатовым, Васильемъ Горбушиным, Григорьемъ Харчовымъ, Федором Честоблинниковым, и, переправясь чрезъ реку Уй ниже Троицкой крепости, бежали на Бухарскую сторону.

Однако ж, в шестой день по неимению у нихъ хлеба, воротясь оттоль, и чрезъ реку уже Яикъ перелезли на внутреннюю сторону, но противъ котораго места — не знаютъ. А, голько отошедши отъ реки верстъ з десять, напали на нихъ мещеряки и башкирцы, коихъ было человекъ с полътараста при их есауле Кутлугелде; и хотя они, Спиринъ и Немчиновъ с товарыщи, сперва, опасаясь башкирцовъ, дабы они не зделали с ними чего худова, имъ в руки не давались и чинили супротивление, наконецъ, по превосходной их силе, имъ здались, а есаулъ Кутлугелда взял ихъ и повезъ въ свои кибитки. А, ехавши въ оныя, на дороге пристали к нимъ два татарина, кои сказывали о себе, что они Озерной крепости казаки, называютца: первой — Курастай, а последней — Сююньдюк, и были в толпе Пугачовой. Сею дорогою бывшие при есауле башкирцы все почти разъехались, а с малымъ числом, Кутлыгелда привезъ их въ свои кибитки, в коих жили немалое время; потомъ, не знаютъ, какия-та калмыки привезли къ нимъ яицкихъ казаковъ Алъферова и Лагашкина; а недели черезъ две и еще башкирцами привезены яицкия ж казаки: Чалусовъ, Максимычевъ, Слатковъ, Сергей Калашниковъ, Амаровъ и малолетокъ Павловъ. Жили они у того ж есаула Кутлыгелды, переезжая с места на место кибитками, были на реке Белой и на многихъ малыхъ речкахъ, состоящих в горахъ Уральскихъ, и косили ему, Кутлугелде, сено, а, накося онаго, назад тому недель с шесть, отъ него, Кутлугилды, отпущены и ехали всю степью къ Яицкому городку с намерением, дабы явитца во ономъ и в винах своихъ принесть повинную; но опасались, будетъ ли имъ в томъ прощение, и для того разъсудили наперед о семъ разведать.

Итакъ, недели с три тому назадъ, доехали они до Ташълинскихъ хуторовъ, состоящих противъ Иртецъкаго фарпоста; на

оные они, Спирин і Нѣмчинов, в числе семи человекъ заезжали, а протчия казаки оставались недалеко отъ хуторовъ в лесу; спрашивали у живущихъ тутъ яицкихъ отставъных казаковъ: Петра Болъдырева и другихъ, у кого — не упомнитъ, прощают ли техъ, кои, отъставъ отъ самозванца, сами являются, или что с ними делаютъ. Но какъ те старики съ самой весны на хуторах находятца и в городе с техъ пор не бывали, то имъ ничего о томъ и сказать не могли, а обявили, что скоро они ожидаютъ изъ городка къ себе казака Ивана Гузикова; почему они, Спиринъ и Немчиновъ с товарищи, боясь в город ехать, во ожидани реченнаго Гузикова около техъ хуторовъ по речки Каменки в пустых казака Чапурина хуторахъ жили, где питались ягодою вишнею и оставшим после Чапурина немолоченымъ хлебомъ. Когда ж тутъ наехалъ на нихъ пятидесятникъ Рычковъ с командою, то они, не разъсмотря сию команду хорошенко, сочли их за киргисцовъ и для того побежали, было, отъ нихъ прочь, но, услыша, что Рычковъ называстъ ихъ именами, тогда остановились и отъдались въ его руки, кроме казаковъ: Ивана Слаткова, Ивана Алъферова и Сергея Калашникова, да двоих Озерной крепости татаръ: Курастая и Сююндюка, кои, на тотъ случай отъехавъ отъ нихъ за ягодою-вишнею в другое место, и неведомо куда скрылись.

Во всю ж сию ихъ бытность более никакихъ людей у нихъ еще не было, и никого къ себе изъ руских мужиковъ не забирали, равно разбою, грабительства и смертнаго убивъства с техъ поръ, какъ отстали отъ злодея под Троицкою крепостью, не чинили.

И в семъ допросе показали самую сущую правду, такъ, какъ явитца на Страшномъ Суде Христове.[1]

(Г. А., р. VI, д. 505, лл. 338 — 339.)

№ 52.[2]

Андрей Кожевниковъ:[3] Отъ роду имѣетъ 47 лѣтъ, въ службѣ состоитъ 26 лѣтъ, въ вѣрной ея и. в. службѣ присягалъ, о смерти государя Петра Федоровича слышалъ.

Прошлаго 1773 года въ сентябрѣ месяцѣ находился онъ съ братомъ своимъ роднымъ Михайлою Кожевниковымъ въ собственномъ своемъ хуторѣ, состоящемъ при рѣчкѣ Маломъ Чеганѣ,

[1] *После текста читаем начальные слова скрепы:* «К сімъ [sic] допросам вместо вышеписанныхъ казаковъ по ихъ прошению руку приложилъ 7 лехкой полевой команды сержантъ Алексей Пименовъ».

[2] *Заголовок, воспроизведенный в № 45, относится и к показанию А. Кожевникова. — После текста:* «Генералъ-маіоръ Потемкинъ».

[3] *Перед словом* «Андрей» *в оригинале порядковый №:* «23».

разстояніемъ отъ Яицкаго городка въ 35-ти верстахъ. А во оную бытность (коего числа — не упомнитъ, только въ вечеру) пріѣхали къ нимъ казаки: Иванъ Зарубинъ, онъ же и Чика, Тимофей Мясниковъ и привезли съ собою невѣдомаго человѣка, которой тогда, войдя въ ихъ, Кожевникова, хуторной домъ, объявилъ, яко-бы — онъ государь Петръ Федоровичь, говоря при томъ:

«И вы де держитесь за мою правую полу; и ежели де не отстаните, то будите люди и станите жить по прежнему; естьли де нынѣ меня и не примите, я себѣ мѣсто найду, и вы де тогда уже на меня не пеняйте; когда хотите, то нынѣ помогайте, — я — подлинно государь Петръ Третій. А хотя де такое разглашеніе обо мнѣ и есть, что яко-бы я померъ, ложно, потому: когда я плылъ изъ Петербурга въ Кранштатъ и былъ пойманъ и посаженъ въ темницу, и приказанъ въ смотреніе офицеру Маслову, то де онъ из той темницы меня отпустилъ, а на мѣсто мое посадилъ другова. Съ коего де времяни я и странствовалъ; однако жъ де, хотя въ Писаніи и писано, чтобъ мнѣ еще з годъ не явится, да принужденъ нынѣ явитца для того, что васъ не увижу, какъ всѣхъ растащатъ»...[1]

Какъ казакъ Толкачовъ съ набранною шайкою съ нижнихъ фарпостовъ пріѣхалъ въ городъ, тогда, призвавъ ево, Андрея, въ бывшую у нихъ бунтовщичью канцелярію, собраніемъ выбралъ повереннымъ къ приходу и росходу денегъ въ помощъ къ преждѣ выбранному повѣренному ж казаку Ивану Харчеву, съ коимъ онъ до самаго разрушенія здѣсь въ городкѣ ихъ бунтовщичьяго правленія и находился. А денги, получая отъ Толкачова, издерживали оные на все, касающіяся ихъ, надобности, то-есть: на покупку свечь, мяса, рыбы, железа, кое употреблялось на укрѣпленіе здѣланной ими батареи і на оковку пушечныхъ лафетов.

И затѣмъ, какъ вокругъ ретранжамента въ караулахъ и къ оному на приступахъ не бывалъ, такъ и противъ следующаго въ городокъ воинскаго корпуса[2] не выѣзжалъ. Какъ же корпусъ сюда приближатся началъ, то разнесся слухъ, будто бы всѣхъ тѣхъ людѣй, кои служили Пугачову, не оставляя никого, безъ пощады рубятъ; такъ онъ, Андрей, убоясь того, и что онъ былъ в злодѣйской шайкѣ и самозванцу служилъ вѣрно, да и за истиннаго государя ево почиталъ, согласясь съ казаками: Григорьемъ Алферовымъ, Андрѣемъ и Степаномъ Мурашкинцовыми, бѣжали изъ городка на рѣчки Чежи; гдѣ побывъ краткое время, ѣхали

[1] *Опускается часть показания А. Кожевникова с рядом подробностей относительно пребывания Пугачева на Кожевниковых хуторах и с изложением обстоятельств, вынудивших Пугачева спешно перебраться с этих хуторов, сначала на Усихину россашь, позднее — на Бударинские Толкачевы хутора.*

[2] *Генерал-майора Мансурова.*

обратно въ городъ къ должному повиновенію себя объявить. Но, будучи на Усихиной розсаши, наѣхавшею на нихъ при сотникѣ Александровѣ командою взяты и сюда въ городокъ привезены.

Что показалъ самую сущую правду.

(Г. А., р. VI, д. 505, лл. 140—142.)

№ 53.[1]

Отставныя казаки: Петръ,[2]) Игнатей,[3]) Федоровы дети, Щучкины:

Отъ роду имъ каждому сълишкомъ по 60-ти лѣтъ. Въ вѣрной ея и. в. службѣ присягали и о смерти государя Петра Федоровича публикованныя указы слышели. Прежде сего они состояли съ войсковой стороны, въ убивствѣ генералъ-маіора фонъ Траубенберга и протчихъ они участія не имѣли, ибо тогда они были уже въ отставкѣ и ни въ какія дѣла войсковыя не мешались; однако жъ, при окончаніи о томъ убивствѣ слѣдствія и по наказаніи за сіе виновныхъ, положена была Комендантскою Канцеляріею и на нихъ, Щучкиныхъ за ограбленное при смятеніи у генерала и старшинъ именіе выть, на каждаго по сороку рублей, которые они тогда жъ и заплатили; но, какъ они ничего именія не брали, то и почитаютъ, что сія выть положена на нихъ несправѣдливо.

Назадъ тому года съ три, была у нихъ народная молва о проявившемся въ Царицынѣ какомъ-та человѣкѣ, сказывающемся государемъ Петромъ Федоровичемъ; однако жъ, оная была неосновательна: одни называли ево самозванцомъ, а другія говорили, что не самозванецъ, а въ подлинну государь Петръ Федоровичь. Слышно было и то, будто онъ изъ-подъ караула изъ Царицына ушолъ. Они же, Щучкины, о семъ хотя и сумневались, откуда бы государь взялся, однако жъ, думали: можетъ де и то статься, что онъ подлинно живъ. Прошлого жъ 1773-го году известно стало, что государь около Яицкаго городка кроится, и стали говорить такъже разное: иныя говорили, что подлинно государь, а другія сказывали, яко-бы самозванецъ. Когда жъ пришолъ онъ къ Яицкому городку, и слышно стало по народной эхѣ, что сей проявляющейся государь обѣщаетъ Яицкое войско, когда ево къ себѣ примутъ, жаловать многими милостьми и вступится за нихъ по тяжебному съ старшинскою стороною дѣлу. Чего и они, Щучкины, почитая себя взятьемъ с нихъ

[1] *Заголовок, воспроизведенный в № 45, относится и к показанию бр. Щучкиных.*

[2] *В оригинале перед словом* «Петръ» *порядковый №*: «24».

[3] *В оригинале перед словом* «Игнатей» *порядковый №:* «25».

безвинно, как выше сказано, денегъ обиженными, желали, чтобъ онъ воцарился и защитилъ ихъ отъ обидъ; но какъ они отставныя, да к тому жъ немолодыхъ лѣтъ, то сами къ нему въ службу не вступали, а положились на войско, — какъ оно хочетъ, такъ и дѣлаетъ.

Когда Пугачовъ прошолъ мимо Яицкаго городка къ Оренбургу и тамъ усилился, а потомъ яицкой казакъ Михайла Толкачевъ съ нижнихъ фарпостовъ пришелъ въ городокъ съ набранною имъ толпою и атаковалъ полковника Симонова въ ретраншаментѣ, они, Щучкины, въ ретраншаментъ не попали, а оставались въ городѣ при своихъ домахъ. Какъ же самозванецъ пріѣхалъ въ городокъ и сталъ въ домѣ Толкачева, то из нихъ, Щучкиныхъ, Игнатей тогда въ домъ Толкачева приходилъ, но не для какихъ-либо совѣтовъ, а только для любопытства — посмотреть царя, и что̀ онъ говоритъ. Однако ж де, ничего не слыхалъ; да буде и слышелъ что̀, такъ забылъ и пересказать теперь не припомнитъ. Да можно ль де намъ, простымъ и мизирнымъ, совѣтъ имѣть съ такими людми, каковъ былъ Толкачевъ и ему подобныя: они де люди-та большія. Петръ же Щучкинъ никогда въ домъ къ Толкачеву не ходилъ, а видалъ часто самозванца, разъѣзжающаго по городу. И оба они вѣрили, что самозванецъ — истинной государь Петръ Федоровичь; но никогда и никого не уговаривали и не утверждали, что самозванецъ — подлинной государь; да и не для чего де уговаривать, — вить и безъ того въ городѣ все вѣрили и называли государемъ Петромъ Федоровичемъ. Противъ ретрашамента они, по старости своей, на драку никогда не выходили, а прихаживали иногда только смотреть или принашивали хлѣбъ къ брату своему меншему Андрею, стоящему иногда съ протчими около ретраншамента въ караулахъ.

Болѣе жъ сего ничего они не знают. Самозванца, прежѣ сего бывалъ ли онъ когда въ городѣ и живалъ ли у кого подъ именемъ Пугачева или другова какова, они ево никогда не видывали и ни от кого не слыхали, равно и того не знаютъ, гдѣ и у кого онъ крылся на хуторахъ, какъ проявился, и кто ево были сообщники; а слышели только народную молву, когда онъ, Пугачовъ, не обнаружился, что проявляется царь около города, а гдѣ имянно — того не слыхали; а действительно уже о семъ узнали тогда, когда онъ пришелъ къ городу съ хуторовъ. Прежде сего они щитали самозванца за настоящего государя, потому что онъ такъ назывался, и все ево за такого признавали, въ мысляхъ таковыхъ: какъ бы можно простому человѣку такимъ высокимъ имянемъ пазыватца! Нынѣ же они, какой онъ подлинно человѣкъ, не знаютъ, говоря такъ: Богъ де ево знаетъ, а намъ знать не почему; мы де ево природы прежѣ не знавали, такъ нѣ можемъ сказать, что онъ подлинно за человѣкъ —

можетъ быть, самозванецъ, а, можетъ быть, и настоящей государь. Что въ публикованныхъ указахъ названъ онъ бѣглымъ донскимъ казакомъ Пугачевымъ, это они знаютъ; да вить де и многія называютъ ево Пугачевымъ-та. А мы того сказать не можемъ, Пугачев ли онъ, нетъ ли; пусть де, кто какъ хочетъ, такъ и называетъ! А мы, право, того не знаемъ и сказать никакъ не можемъ. Что о смерти государя Петра Федоровича слышали, въ томъ не запираютца, ибо де и о том слышно жъ было, что онъ такъ же спасся, какъ и въ Царицынѣ, странствовалъ по чужимъ землямъ довольное время. А за что ихъ войско не любитъ, о томъ не вѣдаютъ, — кажетца де, мы никому зла не здѣлали.

И въ семъ допросѣ утвердились.[1]

(Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, лл. 112, 143—145.)

№ 54.[2]

Казакъ[3] Иванъ Чалусовъ: От роду ему 26-ть летъ, въ службе летъ около десяти, в верпой ея и. в. службе присягалъ, о смерти государя Петра Федоровича слышелъ.

Прошлого 773 года в осеннее время былъ он комондированъ, в числе ста человекъ, съ сотником Копеичкиным в Рапния хутора для сыску и попмки оказавшихся тамъ разгласителей із толпы злодея-лжесамозванца. Не доезжая оныя за несколко верстъ, Копеечкинъ послалъ на те хутора впередъ за есаула казака Серебердова, в числе тритцати человекъ, коему повелено было по приезде, подозрителныхъ людей перехватавъ, связать; а за ним после и все они туда ж приехали. Какъ же Серебердовъ, по прпезде своемъ на хутора, разъгласителя, не зънаетъ — какимъ образомъ, упустилъ, то Копеичкин выговаривалъ Серебердову: «Видно де вы неверно служите всемилостивѣйшей государынѣ, что упустили із рукъ ізъменника». Серебердов же отвечалъ, что онъ посылалъ за нимъ в погоню, но какъ сей разгласитель, чрезъ речку переехавъ в лотке, ушол, то и не могли ево поймать.[4] Копеичкинъ же взялъ под караулъ находящихся на техъ хуторахъ двоихъ старикова, Федора Мазанова і другова, не знаетъ — какова, на коих было подозрение, что к ним приезжали із Берды от самозванца казаки.

---

[1] *После текста:* «Генералъ-маіоръ Потемкинъ».

[2] *Перед текстом:* «Представлены от пятидесятника Рычкова въмѣстѣ съ вышеписаннымъ Авчинниковымъ съ товарищи»

[3] *Перед словом:* «казакъ» *в оригинале порядковый №:* «9». *Показание Ив. Чалусова занимает девятое место по порядку вреди допросных речей тех яицких казаков, с Спириным-Овчинниковым во главе, которые были допрошены в Секретной Коммисии 4 октября 1774 г.*

[4] *Далее в оригинале:* «По приезде ж на оныя».

*

А в тот же день в вечеру Сереберцовъ сталъ ево, Чалусова, и других казаковъ подговаривать такими словамі: «Что де мы здесь служимъ и даем волю надъ собою старшинской руке?» то-есть Копеичкину (которой былъ съ старшинской руки). «Мы де вить противимся не самозванцу, а действителному государю нашему Петру Федоровичу! Поедимте де лутче к нему служить! Онъ жалуетъ многими милостьми техъ, кои у него служатъ, — такъ лутче поедим к нему в Берду служить, а Копеичкина свяжемъ и отвезем к государю». Тогда онъ, Чалусовъ, и другия, поверя сему, что подлинно в Берде не самозванецъ, а действителной государь Петръ Федоровичь, согласясь на предложение Сереберцова, и условились на другой день во время обеда ево связать. На другой же день в обеденное время, когда сварили кашу и сели по артелям обедать, то во время онаго Сереберцовъ, вдругъ бросясь на Копеичкина, закричал: «Вяжите ево», почему он, Чалусовъ, обще с протчимі, ево, Копеичкина, і бывших с ними послушной стороны казаковъ перевязали и, приехавъ с ними в Берду, предъставили к самозванцу, которой велел Копеечкина пятерить, а казака Апаньева повесить, что с ними і зделано; протчие ж освобождены.

Будучи в Берде, он, Чалусовъ, самозванца почиталъ за истиннаго государя, смотря на другихъ; выходил много разъ на сражение противъ Оренбургскихъ вылазокъ. По разбитии самозванца в Татищевой крепости, где он, Чалусовъ, не былъ, оставался в Берде, бежал с ним в Сакмару, а изъ Сакмары, по бывшем сраженіи, вместе с вышеписанным Слатковым. В протчем показалъ з допросомъ ево сходственно, на коем онъ, Чалусовъ, і утвердился. [1]

(Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, л. 344.)

№ 55. [2]

Казакъ Иванъ Ефремовъ, онъ же и Ефремычевъ, в пополненіе къ своему допросу показалъ:

По приездѣ ево, Ефремычева, съ нижнихъ фарпостовъ съ бунтовщикомъ Толкачовымъ въ Яицкой городокъ, приставленъ онъ былъ отъ Толкачева къ дому старшины Мартемьяна Бородина на караулъ, гдѣ и находился съ человѣкомъ ево, Бородина, Петромъ Шевяковымъ днѣй с пять. А в сие же время прiехалъ из Берды и злодѣй Пугачовъ. А какъ скоро онъ прiехалъ, то

[1] *На показании Ив. Чалусова — часть скрепы, полный текст которой:* «К симъ допросам вместо вышеписанныхъ чиновъ (?) по ихъ прошению руку приложилъ 7 лехкой полевой команды сержантъ Алексей Шименовъ».

[2] *Перед текстом:* «К допросу подъ № 32-м».

казакъ ис татаръ: Аптюшъ Тангаевъ, пришедъ въ домъ Бородина къ нему, Ефремову, приказалъ именемъ самозванца противъ сего дому зделать висилицу, кою онъ, Ефремовъ, со означеннымъ Шевяковымъ тогда жъ и зделали. По зделани жъ оной и по собрани для зрелища народа, вывели для казни болѣе десяти человѣкъ послушныхъ казаковъ, в томъ числѣ писаря Макара Бородина, а прочихъ не упомнитъ. Когда жъ самозванецъ съ Овчинниковымъ и Толкачовымъ къ висилицѣ присхали, то и велено было тѣхъ вѣрныхъ людѣй вешать, — вешали тогда казаки Никифоръ Зоркинъ и Петръ Быченинъ. По окончани жъ надъ тѣми людьми казни, тутъ же с ними приведенъ былъ и старшины Мартемьяна Бородина дворовой человѣкъ Яковъ, а прозванія ево не знаетъ (которой былъ изъ Оренбурга отправленъ, не знаетъ, за каким-та дѣломъ отъ показанного Бородина въ Яицкой городокъ, но на дорогѣ былъ пойманъ); а какъ сего послѣдьняго Пугачовъ, не знаетъ — за какую вину, приказывалъ пятерить, то Зоркинъ и Быченинъ, выведши его Бородина человѣка, положили наземь на приуготовленную плаху и держали ево — одинъ за голову, а другой за ноги; топоромъ же сечь было некому. Тогда Пугачовъ и Авчинниковъ, оборотясъ назадъ прямо на него Ефремова, (гдѣ онъ тогда зрителемъ же былъ) приказывали ему итьтить и рубить, почему онъ, Ефремовъ, не смея отговоритца противъ самозванцова приказа, не говоря ни слова, пошелъ и рубилъ того человѣка на части: сперва отрубилъ руки и ноги, а потомъ голову.

Исполня же сію лютость, думалъ онъ, Ефремовъ, что и впредь употребляемъ будетъ къ сей же должности, чего ему делать не хотелось; то онъ, Ефремовъ, в тотъ же день послал мать свою Анну Ефремову съ шабромъ своимъ съ казакомъ Гаврилою Городищепсковымъ (которой теперь здесь въ городѣ и о семъ подтвердилъ), для прозбы Овчинникова, чтобъ впредь ево, Ефремова, не употребляли къ сей должности, кои для почести отъпесли ему несколько пряниковъ. Но Овчинниковъ сказалъ: «Подпте де, — теперь не до васъ, а придиде завтра». На утрие жъ, когда мать ево с темъ же казакомъ отнесли еще ему, Овчинникову, в подарокъ денегъ два рубли, то Овчинниковъ, припявъ опые, сказалъ: «Хорошо де! и безъ васъ дело-та зделается». Итакъ, с того времяни въ сію должность ево уже и не употребляли; и болѣе сего, во всю бытность в толпе у самозванца людей не вешалъ и не казнилъ, а, исправляя с протчими наряду казачью должность, сражался противъ вѣрныхъ ея и. в. войскъ; в прежнемъ же своемъ допросе онъ сіе утаилъ, бояся за то жестокаго себе наказанія.[1]

(Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, л. 79.)

[1] *После текста:* «Генералъ-маіоръ Потемкинъ».

№ 56.

Сиятелнѣйшему рейхсъ-графу, высокопревосходителному господину генералъ-аншефу, Лифляндi генералу-губернатору, орденовъ обоих росискихъ, Белаго Орла и святыя Анны, ковалеру, Юрью Юрьевичу Броуну, — отъ присланных сюда на поселение, бывших еитъских казаков: Федора Чюмакова, Петра Пустабаева, Ивана Ѳедулеева, Ивана Творогова, Козмы Кочюрова, Василья Коновалова и Якова Почиталина

Всепокорнейшее прошение.

Хотя по высочайшему имянному ея и. в. соизволению и повелено насъ, нижайших, поселить в здешней Лифляндской губерни со всемъ нашим семейством, но какъ здесь мы к поселению способнаго себе места не предвидимъ, потому что мы в прежнихъ нашихъ жителствахъ никогда хлебопашества не имели, а пропитание наше состояло в том толко — чрез ловление рыбъ, — и для того, ваше рейхгсъ-графское сиятелство всенижайше просимъ: какъ мы намерение имеемъ в росиских губерниях, а, особливо, в Киевской, жителствовать, представить об оном на разсмотрение главной команде. Естли же во опробацию того нам не последуетъ, то в тогдашнее время ваше рейхгсъ-графское сиятелство трудить станем, где и в какихъ здесь местах намъ к поселению за лутчее признаемъ, о чемъ и ожидаем вашего рейхгсъ-граѳского сиятелства милостивой резолюцы.

К сему прошению я, Творговъ, подписуюсь і, вместо, товарищей своихъ: Чумакова, Пустобаева, Федулеева, Кочурова Коновалова и Почиталина, по ихъ прошению, что они грамоти не умеютъ, руку приложилъ.

Рига, Марта... дня 1775 году.

(Г. А., р. VI, д. 512, ч. III, л. 247.)

№ 57.

Сиятельнийшему князю, господину генѣралъ-пракурору, орденовъ светаго Алѣксандра, Бѣлаго Орла и святыя Анны кавалеру, а нашему премилосердому и высокомилостивому государю и отцу, князь Алѣксандръ Алѣксеевичу Вяземскому, — от присланныхъ в Ригскую губернiю, в городъ Перновъ, войска Уральска казаковъ: Ивана Творогова, Федора Чумакова, Ивана Фидулѣева, Пѣтра Пустобаева с таварищи, всего восимъ человѣкъ.

Всепокорнѣйшее наше прошение.

Понѣже, какъ и вашему сиятѣльству есть нѣбѣзызвѣстно, что мы, вѣрноподанные раби ея и. в., въ 774 году погрешили, мы, именованные, какъ предъ всемогущемъ господамъ Богамъ, такъ и предъ стопами матѣрними ея и. в., всемилостивѣйшѣй нашѣй государыни, в томъ, что мы, именованные, по притчинѣ к бывшему прошедшему и самоназвавшемуся высокимъ именемъ упокойного Петра третьяго, императора, къ злодею Пугачеву силою захвачены; изъ числа насъ, захваченныхъ, нѣкоторых и повѣсилъ, по, однако, насъ хотя и простилъ, но толко с темъ намъ подътвѣрдилъ, чтоб мы ему, злодею, служили верно; да и оное изъяснилъ: естли кто на нѣго, злодея, подумаетъ какое умышление, то опаго не толко самаго повесить, но и родъ ево весь искоренить смертию бѣз остатку. Но какъ мы, вышеречешные, чрезъ долгое время, видя ево, злодея, находящегося во всякихъ богопротивныхъ и богомеръских произъходящихъ объстоятельствах, а особливо и нѣ умѣющаго грамоте, паки возъчувствую прежде благословѣнную намъ от господа бога за ея и. в. присягу, нарушенную нами, приняли смелость, чтоб ево, злодѣя, поймавъ, связать, итъти с повиновениемъ и чистосердечнымъ раскаяниемъ к стопамъ матернимъ ея и. в., но опое какъ себя, такъ и ево, злодѣя, в принадлежащая место, а именно в Уральской городокъ, к находящемуся тогда во ономъ гвардіи-капитану Маврину и предъставили.

В бытность же нашу в Тайной Московской Експедицыи, находились мы, имѣнованные, подъ покровительствомъ нѣизреченнаго и щедроотеческаго милосердия вашего сиятѣльства, за которую и приносимъ мы, бѣдные, свою всенижайщую и рабъскую благодарность. По окончании жъ опой Експѣдицыи, и прощены мы бѣзъ всякаго наказания, но толко отослапы в Ригскую губѣрню, в город Пѣрновъ. О здешнимъ состояни вашему сиятѣльству, какъ нынѣ, такъ и в предъидущаго время, впротчемъ, ни о чемъ, кроме нашихъ слезъ, объявить нѣ имѣемъ. Толко мы, бѣдные, все слезно просимъ вашего сиятельства, премилосердаго и высокомилостиваго государя и отца: нѣ предайте насъ, бѣдныхъ, в такомъ случае вечному забвению и содержитѣ насъ, нижайшихъ, в щедроотеческой своей и нѣзабытной памети и предложитѣ свое нѣизреченное и милостивое старание, гдѣ надлѣжитъ, в томъ, дабы мы, бѣдные, стараниемъ вашего сиятѣльства отѣческимъ нѣ лишены бъ были своего отѣчества, ибо во ономъ, какъ есть место пограничное, то долъжны со усердиемъ заслужить все прежние вины наши ея императорскому величеству со охотнымъ нашимъ усердиемъ; за которое вашего сиятѣльства к намъ, бѣднымъ, оказуемое великодушие и милостивое старание мы нижайши долъжны по гробъ нашъ ту вашу щедролю-

бивую к намъ, яко отеческую, милость в нѣзабытной нашей памети содержать и нѣоставлѣние вашего сиятѣльства изъкреннѣе чувъствовать, и о здравии вашемъ бога молить по вся дни до конца жизни нашей, с прославлениемъ всюду вашего сиятѣльства отеческаго имени.

Вашему сиятельству, милостивому государю и отцу, о нѣоставлѣнии в покорности нашѣй прося, остаемся вечно богомолцы

Войска Уральска казаки.

Ч. 1 марта 1778 году.
Перновъ.

(Г. А., р. VI, д. 512, ч. III, лл. 253—254.)

Пугачев и его ближайшие сподвижники в пути.

№ 58.

Записной расколникъ, отставной донской казакъ Землянской станицы Лукьянъ Ивановъ сынъ Худяковъ показалъ:

Тому нынѣ третей годъ, въ Великой постъ привѣзены были отъ сыщика Михайлы Макарова колодники — а сколько человекъ не упомнитъ,— между коими былъ и Зимовейской станицы казакъ Емелька Пугачовъ, подъ карауломъ донскихъ же казаковъ, коихъ велено было отвѣсти въ Черкаскъ; а по какимъ деламъ тѣ колодники вѣзены были, не знаетъ. А какъ оныхъ колодниковъ привезли къ станишной избѣ — а онъ, Худяковъ, былъ на своемъ курене, которой отъ станишной избы саженяхъ въ десяткѣ, и молотилъ пшеницу,— то къ тому ево куреню пришолъ показанной Пугачовъ по знакомству такому, что онъ служилъ с нимъ вместѣ во время прускихъ походовъ, а потому бывалъ у нѣго, Худякова, когда езжалъ мимо въ Черкаскъ, въ его домѣ, такожъ и онъ былъ у Пугачова тому летъ десять, въ день праздника Казанскія Богородицы, на хуторе. А, по сему знакомству пришед къ нему, Пугачовъ говорилъ ему:

«Вотъ де раззорилъ меня Романъ Пименовъ и пограбилъ, да пуще всево два камня, да лукъ, да меня жъ де и послалъ въ Черкаскъ, не знаю, ни вѣдаю, за што. Но спаси де богъ меня,— везутъ без колотки и безо всего. Да горе мое в томъ, что десъ этакими колодникамі везутъ меня водою, такъ вить нескоро довезутъ. А пара приходитъ, штобъ сѣять пшеницу. Такъ я знаю, что я правъ буду, и меня отпустятъ изъ Черкаска — за меня де и старшина Аловленской Михайла Макаровъ старается, и писалъ къ войсковому есаулу письмо; да то моя беда, что уйдіотъ время

севу-ту, такъ я совсемъ раззорюсь, — такъ пожалуй бога ради, возми ты меня на свои поруки, что ты меня въ Черкаскъ отвезешь; а я де тебѣ шесть рублей заплачу».

При чомъ онъ клялся богомъ, что до него дела никакова, кромѣ что напалъ на него Пименовъ, нету. И онъ, во-первыхъ по знакомству, во-вторых — что и денги даетъ хорошія, а къ тому жъ поверилъ онъ и его клятвѣ, пошедъ въ станишную избу, и старшинѣ сказалъ, что онъ ево, Пугачова, въ Черкаскъ отвѣзетъ за своею порукою. И потомъ начевалъ оной Пугачовъ у него одну ночь. А на другой день на вечеръ велелъ сыну своему Прокофью оседлать для себя и для оного Пугачова по лошади и ехать с темъ Пугачовымъ вместѣ до Черкаска, не приказывая сыну своему, какъ того, чтобъ онъ ево, Пугачова, отпустилъ, такъ и тово, чтобъ оного Пугачова и караулилъ; ибо онъ, Худяковъ, поверя клятвѣ оного Пугачова, никакъ и не думалъ, чтобъ до него какое болшое дѣло касалось в Черкаскѣ, а менше того онъ, Худяковъ, чтоб оной злодей могъ отъ сына ево уйтить изъ-за такой клятвы. А на третей день оной сынъ ево приехалъ къ нему въ домъ и сказалъ, что де Пугачовъ отъ него бѣжалъ, да и лошадь, на которой онъ ехалъ, увелъ... [1]

(Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 425—426.)

№ 59.

Выписано изъ допроса

приписнаго къ Авзяно-Петровскому дворянина Евдокима Демидова заводу сѣла Котловки крестьянина Карпа Степанова, по прозванію Карася, которой по рѣшенію Казанской Секретной Коммисіи повешенъ.

Въ минувшемъ іюлѣ месяцѣ, когда злодѣй-самозванецъ Пугачевъ съ своею сволочью приближился къ сѣлу Котловкѣ, то священникъ съ нѣсколькими мирскими людьми, въ томъ числѣ и онъ, Карась, поѣхали въ толпу и въ 5 верстахъ отъ Котловки на Казыльскомъ полѣ самого злодѣя встрѣтили на пути съ хлѣбомъ и солью, а священникъ — со крестомъ, и, какъ истинному государю, пали на колени. Но злодѣй приказалъ имъ встать и итти домой, и отправить за собою, до сѣла Мамадышъ, хлѣба и рыбы; сверхъ же того, спросилъ у нихъ, что живъ ли де Котловский Карась; которому онъ и вызвался. А злодѣй сказалъ

[1] *Опускается конец показания Худякова, где, между прочим, передается разговор отца и сына Худяковых, вслед за бегством Пугачова, и содержится упоминание о карах, постигших, как Лукьяна Худякова, так и станишного атамана Цимлянской станицы, за их невольное содействие этому бегству.*

ему: «Я де къ тебѣ, Карась, послалъ дѣвку,[1] которую содержи у себя», и велѣлъ ему, Карасю, когда приплывутъ сверху Камы суда съ семействомъ и провіантомъ, тобъ оные оставить при Котловкѣ, а людей всѣхъ взять по домамъ и довольствовать тѣмъ провіантомъ до указу.

Послѣ того на другой день, когда онъ, Карась, былъ у злодѣя на поклонѣ, то Пугачовъ сказалъ ему, Карасю: «Знаешь ли ты меня? А я де тебя знаю». По которымъ его словамъ онъ, Карась, узналъ его, что то — не государь, а донской казакъ, потому что назадъ тому лѣтъ съ шесть,[2] въ маіе мѣсяцѣ, оной самозванецъ пріѣзжалъ въ сѣло Котловку съ однимъ товарищемъ, и по отводу старосты поставлены были къ нему въ домъ, гдѣ и начевали две ночи. И тогда онъ, Карась, спрашивалъ ихъ, откуда они; на что самозванецъ отвѣтствовалъ, что они — донскія казаки и пришли для покупки холста и дехтю къ сплаву до Саратова. И называлъ товарищъ онаго самозванца Иванычемъ; а другова какъ звали, не знаетъ, да и отъ самозванца о имяни его не слыхалъ. Гдѣ будучи, оной самозванецъ съ товарищемъ своимъ въ селѣ Котловкѣ купили у крестьянина Степана Вавилова цѣлое малое судно съ дехтемъ, да отъ разныхъ крестьянъ же закупили нѣсколько холстовъ и на то же судно поклали. И, по прошествіи двухъ дней, сошед отъ него, Карася, изъ дому, были на суднѣ съ работными людьми дней съ пять и въ сѣло только прихаживали для закупки холстовъ, а потомъ отправились внизъ по Камѣ съ тѣмъ дехтемъ и холстами на суднѣ къ Царицыну, съ которыми и показанной крестьянинъ Вавилов отправился жъ для полученія съ нихъ достальныхъ за деготь денегъ. И, того жъ лѣта возвратясь, онъ, Вавилов, въ Котловку, сказывалъ, что де оныя казаки остались въ Царицынѣ.

И, хотя онъ, Карась, и бывшей съ нимъ для поклону крестьянинъ Иванъ Александровъ и признали, что онъ — донской казакъ, бывшей у нихъ въ сѣлѣ для покупки дехтю и холстовъ, но, боясь въ глаза ему сказать, изъ нихъ онъ, Карась, ему, злодѣю, отвѣтствовал, что его не знаетъ, а признаваетъ де, какъ и прочія, истиннымъ государемъ и въ его власти быть долженъ, прося его, злодѣя, чтобъ онъ, какъ своихъ рабовъ, жаловалъ. На то злодѣй имъ сказалъ, что «я де со всѣхъ крестьянъ семь лѣтъ дани брать не буду, а только де они служить будутъ мнѣ поочередно въ казакахъ», а потомъ пожаловалъ его, Карася, надъ Котловскою волостью полковникомъ.[3]

(Г. А., р. VI, д. 512, ч. III, лл. 36 — 37.)

---

[1] *На поле слева:* «Взята злодѣями въ деревнѣ Терсы изъ дому Тевкелева».

[2] *На поле слева:* «По вычисленію приходитъ въ 1768 году».

[3] *После текста:* «Секретарь Андрей Еремѣевъ».

№ 60.

1774 года маія 10 дня Оренбургской казачей сотникъ и депутатъ отъ оренбургскихъ казаковъ Тимофей Ивановъ сынъ Подуровъ, которой находился въ толпѣ у лжесамозванца Емельки Пугачова при оренбургскихъ казакахъ полковникомъ и захваченъ при послѣднемъ разбитіи самозванца въ Сакмарскомъ городкѣ, въ Секретной Коммисіи въ допросѣ сказалъ.[1]

. . . . . .

А, сверхъ сего,[2] писалъ я такое жъ увѣрительное о самозванцѣ письмо и къ самарскому бургомистру Ивану Халевину, потому что онъ мнѣ двоюродной братъ, и я слышалъ притомъ, что Самара атамана самозванцова Арапова приняла съ честію, почему и хотѣлъ я увѣрить онаго Холевина, что они не ошиблись.

Думаю я, что, естьли бы самозванецъ не привязался къ Яику, то, конечно бы, взялъ онъ Оренбургъ, потому что бомбы были чрезъвычайной величины, да и пушекъ, единорогов и мартиръ было въ Бердѣ орудей до ста, въ томъ числѣ и секретныхъ три пушки, привезенныя такъже съ какихъ-та заводовъ. Но кто изъ оныхъ изъ канонеровъ стрелялъ — я не знаю; пушки и прочія орудіи большою частію наводилъ самъ самозванецъ, а иногда и канонеры; главнымъ надъ артилеріею былъ яицкой казакъ Федоръ Чюмаковъ, а подъ нимъ Алексей Тіомновъ, яицкой же казакъ.

Во время посылокъ изъ толпы нашей къ городу Оренбургу на переговорку яицкихъ казаковъ, всегда послѣ случалась между переговаривающими ссора, а потомъ тревога и драка за то: съ нашей стороны при уговариваніи городских къ здаче утверждалось, что самозванецъ — истинной государь Петръ третій, а городскія утверждали, что онъ — самозванецъ и разбойникъ, бѣглой изъ Казани, донской казакъ Емелька Пугачевъ; а затѣмъ и слѣдовала всегда ссора и драка. Симъ, происходящим отъ стороны городскихъ рѣчамъ, никто изъ нашей толпы вѣрить не хотѣлъ, потому что самозванецъ преждѣ онаго привелъ всѣхъ къ легковѣрію расказываніемъ своей исторіи сими словами: «Меня дѣ возненавидѣли бояра за то, что я зачалъ было поступать съ ними строго, и выдумали вотъ что на мѣня, — будто бы я хотѣлъ церкви переобратить въ кирки, чего дѣ у меня и въ мысляхъ не бывало, а я дѣ только хотѣлъ снять съ церквей

[1] *Из показания Т. И. Подурова воспроизводится в данном месте лишь один отрывок, взятый из второй половины этого показания.*

[2] *Как показывал Подуров, он писал в осажденный Оренбург к Могутову и Март. Бородину, чтоб они «очувствовались», «пришли с повинною» к «государю» и тем спасли город от обстрела.*

четвероконечныя кресты и поставить осмиконечныя. А подъ тѣмъ-то дѣ видомъ, что будто бы я — безъзаконникъ, свергли меня съ престола и, заарестовавъ в Ранбовѣ, привезли въ Петербургъ, а отътуда заслали, и самъ не знаю — куда. Но, дай дѣ Богъ здоровье караульному офицеру, онъ меня выпустилъ, и съ тѣхъ дѣ поръ я странствовалъ, — тому назадъ тринатцатой годъ; и былъ въ Польше, въ Царѣградѣ, во Іерусалимѣ, у папы римскаго и на Дону, и много дѣ въ это время потерпѣлъ я нужды, былъ и голоденъ и холоденъ, да еще и высидѣлъ подъ именемъ донскова казака Пугачева въ Казанѣ въ тюрмѣ мѣсяцовъ съ восемь, но, спасибо дѣ, караульной солдатъ меня выпустилъ, — его дѣ и имя у меня записано, я дѣ его за это, естьли найду, не оставлю безъ награжденія». Сіи рѣчи самозванецъ, что онъ содержался въ Казанѣ подъ карауломъ, подтвердилъ однажды въ то время, когда явился къ нему въ Берду предъ Масленицею сибирской купецъ Иванъ Бичаговъ — которой, будучи съ самозванцомъ подъ Татищевою крѣпостью, убитъ, — ибо онъ, принявъ его такъ, какъ знакомаго человѣка, говорилъ предъстоящимъ тогда при немъ: «Этотъ де человѣкъ — мнѣ знакомой, онъ содержался со мною въ Казанѣ и, какъ онъ изъ-подъ караула свобожденъ, то дѣ, спасиба ему, припашивалъ ко мнѣ пищу», и потомъ самозванецъ, вынувъ изъ кармана денегъ, подарил ему двенатцать рублей.

Самозванецъ, будучи въ Бердѣ, о намѣреніи своемъ проговаривал сими словами: «Естьли дѣ мнѣ удастся взять Оренбургъ и Яикъ, то я съ одною конницею пойду въ Казань, а по взятіи оной въ Москву и въ Петербургъ и тамо государыню постригу въ монастырь, а боярам всемъ отплачю ихъ хлѣбъ и соль». Такъже самозванецъ говарпвалъ иногда и такія слова: «Ежели дѣ богъ велитъ мнѣ царствомъ владѣть, то я вѣлю всѣмъ старую вѣру держать, платье носить руское, бородъ брить не вѣлю и прикажу волосы стричь по-казачьи». Изъ поступокъ яицкихъ казаковъ можно было примѣтить, что самозванецъ былъ раскольникъ, потому что оныя казаки въ церквахъ надъ образами, которыя были написаны живописью или на то похожимъ, дѣлали великія наругательства, выкалывая глаза, а иногда и совсѣмъ раскалывали и разрубали; но самозванецъ, будучи о томъ извѣстенъ, казакамъ ничего за то не выговаривалъ и, повидимому, попущалъ их на истребленіе оныхъ иконъ.

Когда самозванецъ, ѣздя другой разъ на Яикъ и возвратяся въ Берду, объявилъ всѣмъ, что онъ женился на казачьей дочери Устинье Петровнѣ, и приказывалъ почитать ее за государыню, тогда я зачалъ уже понимать, что онъ, конечно, не истинной государь, а самозванецъ, дѣлая сіе заключеніе изъ того, что, естьли бы онъ былъ точной государь, то отъ живой супруги не поступилъ бы на такое презрѣнное супружество, да и въ такое

еще время, когда надлежало ему старатся утверждать себя на царствѣ. Болѣе же всего утверждало меня въ сихъ мысляхъ то, что самозванецъ, по пріѣздѣ съ Яику, разказывалъ многимъ, будто бы пришло къ нему на Яикъ шесть сотъ человѣкъ донскихъ казаковъ да киргисцовъ двѣ тысячи; но сіе послѣ оказалось ложно, а потому и счол я его тогда совершеннымъ обманщикомъ и помышлялъ, было, отъ него отстать. Но сего исполнить, не знаю — по какой причинѣ, не въ состояніи былъ, ибо, не знаю, какъ будто что меня удерживало и наводило страхъ отстать отъ него; словомъ сказать, привязанъ я былъ къ нему такъ, какъ бы невидимою силою или, просто сказать, волшебствомъ; но отъ чего со мною сіе послѣдовало, — я не знаю...

К сему допросу Тимоѳей Ивановъ сынъ Подуровъ руку приложилъ.[1]

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 495 и 505 — 507.)

№ 61.[2]

Копія с рапорта

Саранской инвалидной команды от подпорутчика Иванова к генералъ-аншефу, Казанскому губернатору и ковалеру фон-Бранту, пущеннаго августа от 4-го из Саранска, а полученнаго 8-го числъ в Казане.

Сего августа 2-го числа пополудни в 5-м [часу][3] по данному мне от следующаго чрезъ городъ Саранск з де[таш]аментомъ для пораженія известнаго и государьственна[го зло]дея, варвара и [са]мозванца, Емелки Пугачева съ его воровскою толпою его сиятелства графа господина секундъ-майора Мелина ордеръ, велено в городе Саранску, за неимениемъ настоящаго воеводы, до прибытія онаго во оную должность вступить и править мне. По которому ордеру во оную должность я онаго жъ числа и вступилъ. А о состояни онаго города [и н]и о чемъ произшедшемъ во оном от показанного злодея вашему высокопревосходителству еще не донесено, о чемъ вашему высокопревосходителству сим всепокорнѣйше и рапортую.

Означенной злодей Пугачевъ съ ево проклятою сволочью в городъ Саранскъ ворвался минувшаго июля 27-го числа, полуночи въ 7-м часу, былъ троя сутки; где будучи, выбраннаго от Саранскаго благороднаго дворянства предводителя господина генералъ-майора Сипягина и других из дворянъ штабъ- и оберъ-афицеровъ, ис приказных служителей и других званей, всего

[1] *Показания Т. И. Подурова скреплены его подписью несколько раз.*

[2] *На поле сбоку: «№ 1643» и начало скрепы, полный текст которой следующий:* «Съ подлиннымъ свѣрялъ порутчикъ Матвѣй Донской».

[3] *Вставки в тексте делаются в виду дефектности оригинала.*

мужеска и женска пола шездесятъ два человека, перерубилъ и перевешалъ, городскихъ жителей; а оставшихъ всехъ в конецъ раззорилъ, — а сколко можетъ где и еще захваченных побито, о томъ Саранской канцеляри неизвестно. Имѣющуюся в Саранской канцеляри при подушномъ зборе ис кладовой разных зборовъ денежную казну, которая состояла за замкомъ и печатью Саранской канцеляри, а за карауломъ штатныхъ салдатъ, и артилерию всее разграбилъ; ис которой денежной казны болшое количество, наложа подводъ на дватцать, взялъ в свой лагерь, а досталную, бравъ мешками и ездя по городовой крепости и по улицамъ, толпы ево злодеи бросали набегшей из разных уездовъ черни, объявляя имъ, что оной злодей Пугачевъ прощаетъ ихъ платежем, какъ подушных денегъ, такъ и протчихъ государственныхъ податей, вовсе, також и от помещиковъ свободными. А которые помещики до нихъ немилостивы были, техъ приказывали самимъ им вешать и рубить, чемъ вся та чернь и доведена до болшаго возмущения, такъ что уже неуповательно и казеннымъ взысканиямъ с нихъ в платежъ происходить. А что принадлежитъ о денежной казне в Саранскомъ магистрате, то и из онаго таким же образомъ за проданную соль денежъную казну бросали тем же набегшим людемъ ис того магистрата в окошки и ездя по торгу. А в питейных домехъ...з [1] одного выходу, какъ горячее вино, такъ и протчие на[питк]и, все выпустилъ и из соляных анбаровъ той же набегъшей [чер]ни соли несколко тысячь пудовъ роздалъ, но токмо сколко именно — того еще, по неприсылке подву требованиямъ Саранской канцеляри от Саранскаго магистрата писменънаго объяснения, Саранской канцеляри неизвестно.

И стоя под городомъ в лагере троя сутки, разсылая свои парти по разным жителствамъ и дорогамъ для сыску дворянъ и укрывающихся от такова ево злодейства господ присудствующих, приказных служителей и разнаго звания обывателей, коеми ево разосланными злодейскими партиями несколко человекъ дворянъ, приказные служители и разные обыватели и со всеми их семействы переловляны и привозимы к нему-злодѣю Пугачеву, коимъ оные, какъ выше явствуетъ, безвинно повешены и переколоты; а протчие теми ево разосланными партиями, где сысканы, потому ж повешены и переколоты, а сколко именно числом человекъ — за опасностию по разглашению техъ разосланных ево партей для посылки по уезду к точной выправке ныне еще познать не можно. Сверх же того, до несколко человекъ, какъ градских, такъ и уездных обывателей, оным злодѣем забраны в казаки. Имеющуюся в Саранской канцеляри казенную печать изъ оной канцеляри взялъ к себе. И, учиня оной злодейской поступокъ, сей проклятой тиранъ и съ ево злодейскою сволочью

[1] *Оригинал в данном месте порван.*

30-го числа пополуночи въ 8-м часу того ж іюля, из Саранска выступя, пошелъ к городу Пензе.

Того ради, об оном вашему высокопревосходителству сим всепокорнѣйше и рапортую. А сколко из Саранской канъцеляри оным злодѣем денежной казны разграблено, народу и артилери, военных служителей и других чиновъ забрано, тому предлагаю при семъ ведомость.

(П. А., кн. VI, л. 84.)

№ 62.[1]

Его превосходителству, господину генералъ-майору, ковалеру и Астраханской губерни губернатору, Петру Никитичу Кречетникову — отъ полковника и Саратовскаго коменданта

Рапортъ.

За весма важное и самонужнейшее дело имею честь вашему превосходителству донесть...[2]

Сего жъ августа 4-го числа получено в Саратовъ известие, что предоказанной злодей Пугачевъ какъ приближаясь къ Петровску, то весь народ возмутившись, а Петровской воевода, казенные семь пушекъ и пороху до пятнатцати пудъ оставивши в том городе, а самъ выехалъ вонъ...[3]

И какъ оная толпа появилась не далече, какъ в трехъ верстахъ от Саратова, то стали передники выезжать и приближатца къ городу, то я выслалъ на сражение саратовскихъ казаковъ, с темъ, чтобъ оне из той толпы могли языка поймать; но оные, хотя и зделали тотъ видъ, яко-бы противъ непріятеля поскакали, но, приближась к нимъ, ни одинъ ни с одной стороны супротивления с ними не зделавъ, а толко в разговоркахъ обращались; но и с правой стороны, из той толпы, где наши казаки стояли, подъехавъ ближе, и стали с ними разговаривать. И в тотъ самой часъ посадские послали к нему от себя посланника, выбранного ими потаеннымъ образомъ, купъца Кобякова къ Пугачеву на советъ, что оне к нему в полданство все итьти желаютъ. Что я, увидевъ ихъ намерение, приказалъ ис пушки по нихъ картечами выпалить. А по выстреле купецъ Протопоповъ сталъ выговаривать озартнымъ образомъ артилерискому

---

[1] *Перед текстом:* «№ 5. Вз. П лучено 23 сентября 1774 году. Копия». *На полях этого и трех следующих за ним документов — скрепа:* «Секретарь Іванъ Зайцовъ. С подлинъными читал подъканцеляристъ Михайла Горбуновъ».

[2] *Начало рапорта опускается.*

[3] *Опускается часть рапорта Бошняка, где, между прочим, рассказывается о неудаче, постигшей поручика Г. Р. Державина вследствие измены донских казаков в его попытке оказать отпор «злодею» перед Саратовым.*

майору Симанъже и майору Бутыркину: «Для чего вы стреляете? И разве не знаете, что послали посланника мы от себя для лутчаго совета!». Которой купецъ Кобяковъ ими и принятъ былъ в толпу; а чрезъ несколко минутъ онъ, Кобяковъ, возвратившись в Саратовъ, и привесъ х купцамъ указъ, которые купцы обступили ево все. И я ставъ ихъ ругать, что оне без ведома моего того купца Кобякова посылали, то тотъ Кобяковъ выневъ изъ-за пазухи указъ, что оной привесъ, ко мне, которой я, взявъ, при нихъ изодъравъ, брося, и топталъ ногами; что видя, те купцы на меня во изорвани указа злобно крычали. В том же злодейскомъ писме написано было, что все купечество, бобыли и пахотные будутъ защищены и пожалованы, и ото всехъ податей избавлены, и волность дана будетъ; а штапъ-оберъ-афицеровъ и дворянъ всехъ хотелъ перевешить. И в то время самое, что увидевъ ихъ злое намерение, приказал, было, ис пушки выстрелить, которой на то объявя, что трубка замочена, и стрелять не можно.

А, между темъ, по проводу обывателей оной злодей, на Соколовой горе учредя в трехъ местахъ батареи, зачелъ ис пушекъ по насъ стрелять; и сколь скоро выстреля раза три, то все купечество и народъ, обратясь, пошли в городъ пешие, а конные купцы и казаки пошли к тому Пугачеву. Итакъ, от оной Соколовой горы, разделясь паръти на четыре, и с той Соколовой горы пустились с великимъ крикомъ, и прямо ко мне к ретраншаменту, и атаковали...[1]

По несчастию, чего я, никогда не думавъ, и не воображалъ: фузелеры все, головою вдругъ обратясь, чрезъ ровъ побежали и с ружъями в ту проклятую толпу, при которыхъ — князь капитанъ Баратаевъ, подпорутчикъ Хотянцов, штыкъ-юнкеры Афонасьевъ и Федоровъ; и сколко я не старался удерживать, но, не на что не смотря, унесли с собою фитили і из-под пушекъ клиньи. А после того баталионной командиръ, гунство-канайля, майоръ Салмановъ, подговоря до несколко салдатъ, в толпу злодейскую побежалъ. Итакъ, я, оставшись одинъ, с некоторыми господами штапъ- и оберъ-афицерами, с нескольким числомъ салдатъ, со взятыми знаменами принужденъ ретироватца, и провожали оные меня, окружа кругомъ, более шести верстъ...[2]

Все, какъ опекунские соляные, такъ и все, судьи из города Саратова выехали, тожъ и порутчикъ Державинъ выехалъ из города прочь, хотя оной господинъ порутчикъ Державинъ и велелъ из Малыковки ко мне парядить мужиковъ пять сотъ человекъ для защищения города. От которого того жъ 6-го числа от мужиковъ староста у меня и явился, что оные от Саратова

[1] *Опускается часть рапорта Бошняка, с описанием некоторых деталей сражения под Саратовым.*

[2] *Опускается часть рапорта Бошняка, где рассказывается об его дальнейших мероприятиях.*

состоятъ не болѣе в пятнатцати верстахъ, и просилъ для проводу оныхъ казаковъ до Саратова, которому я и далъ казаков четырехъ человекъ и с темъ старостою отправя; кои изъменники-канальи, чтобъ провести в Саратовъ долъжно было, а они проведя в толпу злодейскую. И такъ по нынешнихъ обстоятелствахъ во всемъ округе Саратовскомъ; но „что касаетца в донскихъ и волскихъ казакахъ, то по нынешнимъ обстоятелствамъ в нихъ надежда мала.“

Подлинной подписанъ тако: полковникъ Иванъ Констяптиновъ Бошнакъ.

Ч. 8-го августа 1774 года.

(П. А., кн. V, лл. 569—571.)

№ 63.[1]

1774 года августа 10 дня города Петровска селъ Архангелскаго, Лохово тож, и Сердабы пахотныя салдаты Герасим Егоров сынъ Заварзин і Иона Яковлевъ сынъ Поснов, да вотчины помещика Ивана Михайлова сына Шильникова села Лисичкина крестьянинъ Логинъ Агаповъ допрашиваны и показали:

Заварзинъ: что сего де августа 5 числа, по проезде злодея Пугачева чрез показанной город Петровскъ к Саратову, по требованию определеннаго оным злодеем Пугачовым в реченном городе Петровске воеводой прапорщика Ивана Гаврилова сына Юматова, явясь, он, Заварзин, к нему, Юматову, по желанию своему записанъ им в злодейскую толпу в казаки и отправлен былъ от него, Юматова, с протчими в ту злодейскую толпу; которую нагнав, онъ, Заварзин, в Саратовском округе в деревне Каменной Горе, явился злодейскому есаулу Івану Борисову, и пошли обще с ним к городу Саратову для разбития онаго, куда прибыл сего ж течения 6 числа; зделали на предписанной город Саратов нападение, і, по взяти того города, онаго ж числа в ночи посланъ онъ, Заварзинъ, з двумя казаками назад глухим путемъ для разведывания о марширующем часто упоминаемым злодеем россиском войске шпионом. В сей же толпе злодейской стоит под городом Саратовом до 10 000 человекъ...[2]

(П. А., кн. V, л. 112.)

№ 64.

1774 года августа 19 дня явшейся собою изъ укрывательства яицкой казакъ Яковъ Почиталинъ, отецъ бывшаго при злодѣе Пугачовѣ думнымъ дьякомъ Ивана Почиталина, которой,

[1] *Перед текстом зачеркнуто:* «№ 49».
[2] *Показания Поснова и Агапова опускаются.*

по показаніямъ содержащихся въ Оренбургской Секретной Комисіи важныхъ колодниковъ, оказался участіе имѣющей во всѣхъ ихъ злодѣйскихъ предъначинаніяхъ и совѣтахъ, въ Яицком городкѣ допрашиванъ, и показалъ слѣдующее.[1]

. . . . . .

Намѣреніе самозванцово, какъ онъ, Почиталинъ, самъ отъ него слыхалъ, было такое: по взятіи Оренбурга, которымъ онъ навѣрно полагалъ завладѣть, итьти въ Казань, изъ Казани — въ Москву и въ Петербургъ, и, по завладѣніи всемъ, сесть на царство. Въ одно же время, пришедъ, онъ, Почиталинъ, къ самозванцу, засталъ мѣжду имъ, Шигаевымъ и Давилинымъ такой разговоръ: сперва разговаривали долго о средствахъ, какимъ бы лутче способомъ завладѣть Оренбургомъ, и какое распоряженіе тутъ здѣлать, такъже о Казанѣ, да и много кое-о-чемъ говорили, но онъ, Почиталинъ, всего не припомнитъ. Только предъ окончаніемъ сего разговора Шигаев у самозванца спросилъ: «Что жъ вы, батюшка, коли богъ намъ поможетъ все покорить вашему оружію, и богъ велитъ вступить въ Петербургъ, тогда какъ вы поступите съ государынею?» Самозванецъ отвѣчалъ: «Да коли де она меня встретитъ безъ брани, съ честію, то я еѣ тогда прощу и, куда похочетъ — въ свою ли прежнюю землю ѣхать или въ монастырь, буде пожелаетъ бога о своихъ грѣхахъ молить, отпущу. А естьли де не то, то уже я знаю, что тогда здѣлать. Жаль де мнѣ Павла Петровича, — какъ бы де ево злодѣи акаянныя не извели! Когда де я пойду къ Петербургу и подойду къ нему поближе, онъ вѣрно меня встретитъ и отъ меня не отопрется». А тѣмъ тогда рѣчь и кончилась.

Послѣ жъ сего слышалъ отъ самозванца рѣчь о знатныхъ господахъ такую: «Они де были и причиною моей погибѣли. Я де съ церквей велѣлъ кресты снять, тѣ, которыя здѣланы крыжомъ, такъ, какъ на киркахъ бываетъ, а въмѣсто ихъ поставить настоящія кресты, такъ, какъ божественное писаніе повелѣваетъ; а они (то-есть, господа) взвели на меня, будто бы я церкви преобращалъ въ кирки, чего де у меня и въ мысляхъ не бывало. А главная де причина — вотъ чемъ я имъ былъ не любъ: многія де изъ бояръ-та, молодыя люди и середовичи, бывало, еще при тетушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ, да потомъ и при мнѣ, годныя бы еще служить, взявши себѣ чинъ, пойдетъ въ отставку да и живіётъ себѣ въ деревнѣ съ крестьянами, раззоряетъ ихъ, бѣдныхъ, совсемъ, и одни себѣ почти завладѣли всемъ царствомъ; такъ я де сталъ таковыхъ принуждать въ службу и хотѣлъ де отнять у нихъ деревни, чтобъ они служили на одномъ жалованье. А судей-та де, которыя дѣла судятъ неправдою и при-

[1] *Из показания Як. Почиталина печатается лишь один отрывок, взятый из второй половины этого показания.*

тесняютъ народъ, наказывалъ и смерти хотѣлъ предавать. Вотъ де за ето они и стали надо мною капать яму. И, когда де я поѣхал по Нѣвѣ-рѣкѣ гулять въ шлюбке, они де меня тутъ заарестовали да и показали на меня небылицу, и заставили де меня странствовать по свѣту. Гдѣ да гдѣ ужъ я не былъ, и какой нужды не потерпѣлъ! Былъ холоденъ и голоденъ, въ тюрмахъ сколько сидѣлъ, — ужъ только одному богу вестимо!». А, заплакавши, сказалъ: «Да что де мнѣ уже объ етомъ говорить много? Вамъ самимъ ето вестимо; помните, какъ вы меня обрели, — рубашка на мнѣ гроша не стоила». Еще жъ неоднократно онъ, Почиталинъ, видалъ самозванца плачущаго так, что слёзы въ три ручья катятся, смотря на цесаревичевъ портретъ, которой у него стоялъ въ комнатѣ, взятой въ Тимашевой деревнѣ и привезенной къ нему Андреемъ Авчинниковымъ; смотря жъ на тотъ портретъ, любуяся имъ, говаривалъ: «Вотъ де я оставилъ ево малинькова, а нынѣ де выросъ какой большой, — уже безъ двухъ лѣтъ дватцати; авось-либо господь, царь небесной, свѣтъ, велитъ мнѣ и видится съ нимъ»... [1]

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 253 и 265 — 266.)

№ 65. [2]

Августа 29-го числа содержащейся въ Оренбургской Секретной Коммисіи колодникъ, яицкой казакъ, Максимъ Шигаѣвъ, противъ показанія колодника Якова Почиталина, спрашиванъ и показалъ:

Во время бытія его, Шигаѣва, въ самозванцевой толпѣ, какъ онъ былъ въ злодѣйской его коллегіи судьею и притомъ у приходу и росходу денегъ и всяких вещей главнымъ, то имѣлъ онъ до самозванца свободной доступъ и, хотя онъ, Шигаѣвъ, былъ имъ и любимъ, однако ж, не смелъ никогда подавать ему никакихъ своих совѣтовъ, а, темъ меньше, выспрашивать его о чемъ-нибудь; ибо самозванецъ надъ всеми безъ различія вѣлъ большую строгость и часто выговаривался, что онъ не любитъ ни совѣтниковъ, ни укащиковъ. Как же случалось, что иногда прикажетъ онъ што-нибудь здѣлать, а тотъ, кому онъ приказываетъ, или другой кто со стороны, станетъ ему поперечить и скажетъ, что «не лутче ли бы такъ, падіожа государь», [2] — то онъ за сіе весьма серживался и съ запальчивостью приказывалъ исполнить тотъчасъ то, што онъ приказалъ; а какъ лишь тотъ, которому онъ приказывает исполнить, выдетъ от него, то онъ,

[1] *По окончаніи текста показанія Як. Почиталина:* «С словъ повѣрял гвардіи капитанъ-порутчикъ Савва Мавринъ».

[2] *Кавычки в оригинале.*

не уверяясь, самъ пойдѣтъ за нимъ вслѣдъ и надзираетъ тихонько, точно ли онъ исполнитъ. И, ежели кто исполнитъ, такъ хорошо; а какъ скоро не исполнитъ, то тотъчасъ обнадежитъ висилицею, естли въперіодъ такъ здѣлаетъ; некоторых же и самым дѣлом вѣшал. Почему и не смѣлъ никто ему противоречить, а равно и выспрашивать о намереніи его, а развѣ когда самъ потребуетъ отъ кого какова совѣту; да и то всякой дрожалъ и остерегался, чтоб лишнева чего не проговорить. Почему и думаетъ онъ, Шигаѣвъ, что Яковъ Почиталинъ въ допросе своем едва ли не напрасно показалъ то, што бутто бы онъ, Шигаѣвъ, и Давилинъ разсуждали съ самозванцомъ, каким бы лутчим способомъ завладѣть Оренбургомъ и Казанью. Однако ж, онъ, Шигаѣвъ, ни опровергнуть, ни утвердить сего, Почиталина, показанія не можетъ, потому што не упомнитъ точьно: может дѣ статся, што иногда самозванецъ, будучи под веселую руку, и в самом дѣлѣ совѣтывалъ о томъ съ ними; но я дѣ, богъ свидетель, не упомню.

Но, чьто касается до того, бутто бы я самозванца выспрашивалъ такими словами: «Што ж де вы, батюшка, думаете? Коли богъ намъ поможетъ всс покорить вашему оружію, и богъ вѣлитъ вступить въ Петербургъ, тогда какъ вы поступитѣ съ государынѣю?» — то Почиталинъ показываетъ сіе напрасно, я никогда о томъ ево не спрашивал. Да и какъ я смѣю, пзволте сами разсудить, о етом ево спросить, — вить мы ево почитали за истиннаго государя, а притом же онъ обходился съ нами строго; такъ какъ мнѣ можно было о етом ево спрашивать! Нѣтъ! вить мы, перед нимъ дрожали, не смѣли много рта-та розевать! Вить онъ ни на ково не смотрелъ: кто бы онъ таковъ ни былъ, — тотъчасъ укажетъ висилицу. Ето вотъ правда, слышалъ я отъ нево, помнится — только одинъ разъ, отъ пьянова слова такія: что естли онъ завладѣетъ царствомъ, то всемилостивѣйшую государыню пошлетъ въ монастырь, да и боярамъ хлебъ-соль отплатитъ; я дѣ о етомъ и в допросе своемъ показал. А чтоб такъ онъ говорил, какъ Почиталинъ показываетъ: «Коли де она меня встретитъ безъ брани, съ честію, то я еѣ тогда прощу и, куда похочетъ — въ свою ли прежнюю землю ѣхать или въ монастырь, будѣ пожелаетъ бога о своих грехахъ молить, отпущу; а естьли дѣ нѣ то, то уже я знаю, что тогда здѣлать»,[1] — кажется, я не слыхал. Однако ж, памятно сказать не могу, можетъ статься, што и такимъ образомъ я слышалъ, какъ Почиталинъ показываетъ, но я иногда запамятовал.

О Павле же Петровиче самозванецъ слова такія: «Жаль дѣ мнѣ! как бы ево злодѣи окаянныя не извели! Когда дѣ я пойду къ Петербургу и подойду къ нему поближе, то онъ, вѣрно,

[1] *Кавычки и в оригинале.*

меня въстретитъ и от мѣня не отопрется» — неоднократно говаривалъ и во время обѣда и ужина всегда за здоровье его пивалъ и любовался, смотря на его портретъ; да и плакивал неоднократно, когда заведѣтъ речь об нѣмъ, батюшкѣ, то-есть о цесаревиче. Этим-та де вить онъ больше — продолжал Шигаѣвъ — всехъ насъ, дураковъ, и увѣрилъ о себѣ. Мы почитали ево съперьва за истиннаго государя; да ужъ когда онъ женился на казачьей дочери, такъ тогда уже стали объ немъ сумневаться. [1]

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 297 — 298.)

№ 66. [2]

Злодѣя Пугачова жена Устинья Петрова дочь, въ присудствіи того жъ числа допрашивана и показала:

Дочь она отставного яицкаго казака Петра Кузнецова, от роду имѣетъ семнатцать лѣтъ.

Нынѣшняго 1774 года, за двѣ недѣли до Масленой, когда Пугачовъ пріѣхалъ на Яикъ для взятья укрѣпленнаго Симановым Кремля, а, по пріѣздѣ его, въскорѣ пріѣхали къ нимъ въ домъ яицкія казаки: Михайло Толкачовъ съ женою и Иванъ Почиталинъ. Въ то время отца еіо не было дома, — ѣздилъ для погребенія племянника; а она, Устинья, сидѣла дома, самъ другъ, съ снохою своею Анною Григорьевой дочерью. А какъ пріѣхали, то она, Устинья, хотѣла, было, спрятатся, но они сказали: «Не бѣгай! мы пріѣхали тебя посмотреть и хотимъ высватать за гвардіонца», на что она имъ ни слова не отвѣчала; и они, побывъ малое время, поѣхали.

А чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхали показанныя Толкачовъ и Почиталинъ въ другой разъ, и съ ними было тогда множество яицких казаковъ, но кто они таковы — показать не можетъ. Когда жъ стали входить они въ сени, въ то время спряталась, было, она под-полъ; а какъ вошли они въ избу, то стали спрашивать сноху еіо: «Гдѣ Устинья?» На что сказала сноха, что не знаетъ. То казаки бранили обѣихъ скверною бранью, выговаривая: «Вѣть, ей не убѣгать!» и, не видав ее, уѣхали. А, по отъѣздѣ, вышла она изъ-под пола и бранила обще съ снохою: «Что дѣ они, дьяволы, псовы дѣти, привязались?» Въ то время пріѣхали братья еіо Андреянъ и Егоръ (изъ которых Андреянъ — дома, а Егоръ — въ толпѣ у Пугачева).

А въскорѣ, въ третей уже разъ, пріѣхали тѣ же сваты во многом числѣ. Тутъ Устинья ушла, было, въ другую, напротивную, избу, а сваты тотъчасъ приказали снохѣ еіо, Устинью,

---

[1] *После текста:* «Александръ Лунинъ».

[2] *Перед текстом:* «№ 2».

сыскивать, съ приказаніемъ тѣмъ, что пріѣхалъ дѣ съвіёкоръ[1] посмотреть еіё (свіёкра хотя и нѣтъ, но они обманывали). Наконецъ, видѣвъ, она, Устинья, что отбыть невозможно, принуждена запросто, безо всякаго наряду, вытти. А какъ скоро вышла и стала у печки, и не успѣли еще ей никто ничего сказать, самъ Пугачовъ вошолъ въ двери и селъ на лавку, говоря при томъ, чтобъ показали ему невѣсту. Почему сноха, взявъ еіё принужденно за руку, і подъвѣла къ Пугачеву, а онъ, сказавъ, что «очень хороша», и говорил: «Поздравляю тебя царицею!» и въ самое то время далъ ей, Устиньи, серебреныхъ денегъ — точно не помнитъ сколько, а думаетъ, что было рублей тритцать — и, пріотдаче опыхъ, поцеловалъ. Во оное время пріѣхалъ отецъ еіё Петръ Кузнецовъ, и что онъ съ Пугачевымъ говорилъ — того не помнитъ, ибо она тогда была въ великихъ слёзахъ. Потомъ Пугачевъ приказалъ ей, Устиньи, не плакать и готовится къ вѣнцу, а самъ со всѣми, при немъ бывшими, поѣхалъ.

И того жъ дни около сумерекъ пріѣхали, какъ видно, первыя Пугачова любимцы и привезли ей, Устиньи, сарафанъ и рубашку голевую, сороку и шубу длинную лисью и приказали ей парядится, что она въ той же горнице у пѣчьки и исполнила; убирали еіё подрушки, а первая тутъ сваха была жена показаннаго Толкачова. Когда же она была готова, то въскорѣ пріѣхалъ и Пугачовъ, — посадилъ еіё подлѣ себя и велѣлъ подносить вино всемъ, тутъ бывшимъ; и продолжалось пьянство до самой утренней зари, поздравляя благополучной зговоръ; тутъ же пилъ Пугачевъ — и другимъ велѣлъ то жъ дѣлать — за здоровье государя цесаревича Павла Петровича и великой княгини Натальи Алексѣевны. И, наконецъ, разъѣхались.

А по утру пріѣхалъ Пугачевъ съ поѣздомъ, и при немъ было безчисленное множество войскъ его съ знамёнами; и, взявъ еіё, повезли въ церковь Петра и Павла. Какой попъ вѣнчалъ, она не видала, ибо покрыта была фатою и горько плакала. Послѣ вѣнца привезена была въ домъ Толкачова, гдѣ Пугачовъ главную квартиру имѣлъ. Былъ брачной обѣдъ съ великимъ пьянствомъ, поздравляли уже всѣ еіё царицею; тутъ Пугачовъ дарил всѣхъ гостей канаватами, зипунами и бешметами, а отца еіё — шубою. Тотъ же день опредѣлилъ ей двухъ фрелинъ, казачьих девокъ, одна — Прасковья Чапурина, а другая — Марья Череватая; а главная надзирательница — Аксинья Толкачова.

Когда случалось ей съ нимъ говорить, то она, Устинья, спрашивала ево: «Подлинно ли дѣ ты государь, и я сумнѣваюсь въ томъ, потому что ты женился на казачкѣ. И какъ дѣ я вижу, что ты меня обманулъ и заѣлъ мою молодость, ибо ты — человѣкъ

[1] Съвіёкоръ» *написано на месте какого-то другого, выскобленного, слова*

старой, а я — молодіёхонька». На то онъ говорилъ: «Я дѣ современемъ бороду-ту обрѣю и буду моложе». На то Устинья, зная, что казаки не любятъ брить бородъ, говорила: «Такъ казаки любить не будут!» А Пугачевъ отвѣчалъ: «Потому-то я и самъ опой вѣры не люблю, что бороду брить, а здѣлаю дѣ угодность развѣ тебѣ одной». Потомъ Устинья сказала, что онъ имѣетъ государыню: «Какъ же еіё бросить? вить и то не водится, чтобъ имѣть двѣ жены!» На что Пугачевъ сказалъ: «Какая она мнѣ жена, когда съ царства сверзила! Она мнѣ злодѣйка». А Устинья говорила: «Такъ тебѣ ей и не жаль!» А онъ отвѣчалъ: «Отнюдь не жаль, а жаль только Павлушу, потому что онъ — законной мой сынъ. А еіё дѣ, какъ богъ допуститъ въ Петербургъ, то срублю изъ своихъ рукъ голову». А Устинья говорила: «Нельзя этому статся, тебя туда не допустятъ, у ней дѣ людей много, — развѣ тебѣ преждѣ срубятъ». На то Пугачевъ сказалъ: «Я дѣ Оренбургъ скоро возьму и такъ до Питера дойду безпрепятственно». А она говорила: «Да до Питера-то много еще городовъ». Но Пугачовъ увѣрялъ еіё: «Только бъ Оренбургъ взять, а то все ко мнѣ приклонятся!» Сіи послѣднія слова часто говорилъ Пугачовъ и при казакахъ. Много еще въ разныя разговоры приличнаго сему какъ она, такъ и онъ ей говорилъ, но всего пересказать теперь подробно не упомнитъ, только матерія, сему приличная. А какъ часто она, Устинья, сумнѣваясь въ немъ, что онъ не государь, и о томъ ему напоминала, то Пугачовъ, сердясь на неіё, приказывалъ тѣмъ ему не скучать. Итакъ, она эти вопросы, наконецъ, дѣлать ему остерегалась. Какъ же она, Устинья, всегда почти сумнѣвалась и находилась въ слѣзахъ, то Пугачевъ утѣшалъ еіё всячески и въ разныя случаи дарилъ подарками, — оныя въ горести еіё утѣшали; и Пугачевъ, увѣряя еіё, приказывалъ молится богу, что онъ въ такое достоинство еіё произвіёлъ; и жилъ съ нѣю нѣсколько время, поѣхал въ Берду.

При дворцѣ у ней оставались Толкачевъ съ женою, двѣ фрелины и еще множество разныхъ служителей, но кто они — точно показать не можетъ. При войскахъ атаманъ оставленъ былъ Каргинъ, сотники — Перфильевъ и Фофановъ; а отецъ ее, такъ, какъ отставной человѣкъ, никакого дѣла не имѣлъ. Объ войскѣ она свѣденія никакого не имѣла. Часто приходили къ ней спрашивался о дѣлахъ, и расказывалъ одинъ разъ Каргинъ, что надобно дѣ за вины вѣшать злодѣевъ, именовавъ ее, какъ и всегда бывало: «Что ваше императорское величество повелѣть соизволитѣ?»[1] А какъ ей отъ Пугачева приказано было, чтобъ ни въ какія дѣла не в входить, то она Каргину и отвѣчала: «Мнѣ дѣ до вашихъ дѣлъ никакой нужды нѣту и,

[1] *Кавычки и в оригинале.*

что хотитѣ, то дѣлайтѣ, а мнѣ о томъ никогда не докладывайтѣ». А Каргинъ, видно, имѣлъ отъ Пугачева самъ наставленіе, почему многихъ вѣшалъ; а кого имянно — она, Устинья, не знаетъ... [1]

(Г. А., р. VI, д. 506, лл. 409—414.)

№ 67.

Яицкаго казака Семена Шолудякова жена, а Устиньина сестра, Марья Петрова дочь показала:

Когда сестра еіо замужъ вышла, она, какъ при зговорѣ, такъ и на свадьбѣ, была съ другими своими сродниками. Свадьба такимъ образомъ происходила, какъ Устинья показала. Въ подарокъ она отъ Пугачова получила пять аршинъ канавату и пять аршинъ красной голи. Что онъ — обманщикъ, о томъ она, хотя изъ поступокъ его и вѣрно знала, однако жъ, никому о томъ не говорила, дабы не вышло бѣды, и не повѣсили еіо. Съ ней онъ, Пугачовъ, никогда и никакого разговора не имѣлъ; да не только дѣ со мною, ниже съ отцомъ моимъ онъ в ладъ слова не говоривалъ, а больше такъ, какъ подлыхъ людей, презиралъ, а потому и ни о какомъ намѣреніи его она, Марья, не знаетъ и от сестры своей ничего не слыхала. А взята под караулъ потому, что — Пугачева своячина, и прислана сюда. Покудова еще сестра еіо не была за Пугачевымъ и не хотѣла за него итти, то слышала она, что Пугачовъ грозилъ не только еіо, но и всю родню перевѣшать; а какъ онъ такія злодѣйства часто въ дѣйство производилъ, то и нельзя было отъ того браку сестрѣ еіо отговариватся.

От роду ей 22 года. [2]

(Г. А., р. VI, д. 506, л. 417.)

№ 68.

1774-го году сентября 7 дня присланной при допошеніи изъ Уржумской Воеводской Канцеляріи, Уржумской Инвалидной Команды капитана Дмитрія Минѣева дворовой человекъ, Лукьянъ Васильевъ въ Коммисіи показалъ. [3]

. . . . . .

Въ то жъ самое время злодей Пугачовъ с толпою вступилъ въ заводъ, и одинъ казакъ, увидя ево, Лукьяна, и салдата Ва-

[1] *Опускается конец показания Устиньи, содержащий, между прочим, перечисление богатств, какие были подарены ей Пугачевым вскоре после женитьбы.*

[2] *После текста:* «Александръ Лунинъ».

[3] *Начало и конец показания Лукьяна Васильева опускаются.*

силья, спрашивалъ ихъ, что они за люди. А какъ они сказали ему, что — команды маіора Скрипицына и едутъ к нему из Казани, то онъ, взявъ ихъ, представилъ къ самому злодею Пугачеву, которой, распрося ихъ, какіе они люди и куда едутъ, велелъ за карауломъ отправить х Каме-рекѣ, где ево злодейская толпа еще переправлялась; куда они тогда жъ за присмотромъ десяти человекъ привезены. А за ними вскоре и Пугачовъ туда жъ приехалъ и велелъ их представить к себѣ; какъ же они были приведены, то онъ, призвавъ господина ево Минѣева, спрашивалъ: «Действително ль салдатъ Василей — Скрипицыной команды и посыланъ былъ с пакетами въ Казань, а онъ, Лукьянъ, — дворовой ево, Минѣева, человекъ?» Которой въ томъ ево, Пугачова, и уверилъ; а потому Пугачовъ приказалъ ему, Минѣеву, салдата Василья причислить въ свой полкъ, называемой Казанской, какъ уже тогда онъ, Минѣевъ, зделанъ былъ от злодея полковником, а ево, Лукьяна, взять в свое услуженіе по-прежнему; которой по тому приказанію салдата Василья в полкъ и определилъ, а ево, Лукьяна, оставилъ при себѣ.

На другой же день прибыли они со всею толпою на Водкинской заводъ, которой, разъзоря, сожгли; и тутъ, по приказанію Пугачова, повешены: одинъ попъ и трое крестьянъ, а за что — не знаетъ. А потомъ прибыли на Ижевской казенной же заводъ, которой, потому жъ разъзоря, сожгли. Отътуда жъ пошли они прямо хъ Казани, набирая в жительствах в злодейскую службу въ казаки людей, а темъ и умножили напоследокъ злодейскую толпу, что оная составляла тысячь до дватцати. И минувшаго июля в первых числехъ, будучи в селе Чурилине, услышалъ Пугачовъ, что по близости того села, в деревнѣ Сабакиной, находилась военная карабинерная команда, под предводительством полковника Толстова; и для того, взявъ, онъ, Пугачовъ, изъ своей толпы с каждого полку по сту человекъ, что составило тысячу человекъ, и со оными ездилъ для пораженія той воинской команды, которую и разбилъ; а полковникъ Толстовъ, какъ онъ слышалъ от Минѣева, на томъ сраженіи убитъ; причемъ взято злодѣемъ в плепъ карабинеръ сорокъ два человека, такъже и одна пушка и несколько пороху; и из техъ, взятых в пленъ, карабинеръ приказалъ Пугачовъ башкирцамъ дватцать человекъ переколоть, а достальных определить в полкъ, что тогда жъ и зделано.

Наконецъ, 11-го числа июля прибыли они к городу Казанѣ и, не доходя до оного, за семь верстъ, при Троицкой мельнице остановились лагеремъ, откуда того жъ дни злодей Пугачовъ, взявъ съ собою Минѣева и еще злодѣевъ человекъ до пятидесятъ, ездилъ двоекратно для осмотру градских укрепленей; и что тамъ от него происходило, и не было ль какихъ городу предателей, и не имел ли злодей с кемъ переписокъ, — не знаетъ.

А на другой день, то-есть 12-го числа, Пугачовъ со всею толпою пошелъ к Казани на сражение, куда и Минѣевъ съ своимъ полкомъ пошел же, оставя ево, Лукьяна, и еще трехъ казанских баталионов салдатъ: Илью Алексѣева, Федора Шмелева и Алексея,—а чей сынъ не знаетъ,—при обозе, где они были по самое ихъ туда возвращеніе. А пред вечеромъ услышалъ злодей, что идетъ с деташаментомъ подполковникъ Михельсонъ, то и приготовился къ отпору; однако жъ, по прибытіи Михельсона, былъ имъ разбитъ, и на томъ сраженіи господинъ ево, Минѣевъ, взятъ в пленъ...

(Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. 371, лл. 5 об.—7.)

№ 69.[1]

Копия съ копи с рапорта,

поданного войска Яицкаго от сотника Харчева к полковнику Симанову.

10-го сего командированъ я былъ от вашего высокородия на нижние яицкие фарпосты с командою, в числе пятидесяти человекахъ, з даннымъ наставлением, в котором предписать соизволили: Как де известной злодѣй-самозванецъ Пугачевъ, ниже Царицына при Купецкой Ватаги со всею ево злодейскою шайкою будучи в прах разбитъ, и намеренъ переправится на луговую сторону, дабы де в таком случае не могъ оной злодей пробрался за реку Яикъ на Бухарскую сторону, рекомендовано, будучи тамо, старатся смотреть, дабы онъ, злодей Пугачевъ, конечно не могъ пробрался за реку Яикъ; и естли где о приближеніи к линіи ево, злодея, или сволочи онаго уведано будетъ, то б соединенными силами, напавъ на нихъ, истреблять, а особливо самого злодея поимать и пр. Во исполнение котораго я на оные фарпосты и командировался.

И, в приездъ мой на Кошъ-Яицкой фарпостъ, сотникъ Породновъ меня рапортовалъ: Что ис Пещаныхъ хуторъ отставной казакъ Портновъ чрезъ нарочнаго ему дал знать, что приезжали к нимъ в хуторъ три человека казаковъ и обявили, что они из толпы злодея Пугачева и спрашивали, можно ли имъ явится в город; но как де от него, Портнова, было сказано, чтоб ехали бѣзъ всякаго опасения, которые де тогда ж от него и поехали.

Почему я того ж часу в те хутора и командировался и, отобрав от помянутаго отставнаго казака по приезде их и паки в предприятомъ пути обстоятелствы, вследъ отправился. Но,

[1] *После текста:* «Подлинную подписал полковникъ Иванъ Симановъ. Съ копіею свѣрялъ аудиторъ Иванъ Пратопоповъ».

будучи в том поиске при урочище Чаганского Яру, того ж с Кошъ-Яицкаго фарпоста чрез нарочнаго казака (а к нимъ — по уведомлению з Бударинскаго фарпоста отъ есаула Чеснокова) дано знать, что злодей-самозванецъ Пугачевъ с своею шайкою приближается на Бударинской фарпост; почему я, оставя за помянутыми казаками поискъ, тотчасъ обратилъ свой походъ к предписанному Бударинскому фарпосту. И, продолжаясь во ономъ, по миновании Коловертнаго Яру, повстречались мне толпы реченнаго злодея казаки: яицкой — Федоръ Чумаковъ, илецкой — Иван Творогов, а с ними і предписанной Бударинской сотникъ Чесноков, которые обявили, что они едутъ от своего государя, то-есть от известнаго злодея-самозванца Пугачева въ Яицкой городъ с раскаяниемъ, да и злодей де, самозванецъ, у нихъ пойманъ и ведетца; чтоб ево в городе встретили с честию и отвели б квартиру. Но я, видя, какъ Чумаков речи употребляетъ весма сумнительные, тотчасъ снявъ с нево бывшую на немъ злодея Пугачева шашку с серебреною оправою, с Творогова саблю и с обеихъ потурки, патронницу под серебром, сто соракъ одну россійских золотыхъ червонцовъ, серебреною манетою тринатцать рублевъ, потомъ ево с казакомъ Горбушиным къ Яицкому городку отправил.

Самъ паки к Бударинскому фарпосту помаршировалъ. Но какъ приближился ко оному, уже наступила ночь, почему я, не доезжая онаго, остановился и для отобрания известия командировал на тот фарпостъ нарочных, которые, возвратясь, рапортовали, что злодей-самозванецъ с толпою в томъ фарпосте находится. Что, я, получа, паки на тотъ фарпостъ в тое злодейскую толпу к полковнику их Фидулеву послал с темъ: естли они едутъ с покиновениемъ ея и. в., то б злодея-самозванца ко мне, хотя неприметным шайке ево образом, доставил. Но онъ, напротивъ того, темъ посланным обявилъ, что они того злодея не отдадут, а поведутъ в город сами; с чемъ и предостался. И по утру на другой день, какъ они с ним, злодеем, с фарпоста отправились в путь, тогда и я напротив их с командою выехал; с коими съехавшись, данной мне эксемпляръ имъ обявилъ и притомъ паки ево, злодея, который был еще у них в прежнемъ почтении и не связанной, отдачею себѣ требовалъ; однако, они и при том отдать не отваживались и также обявили, что они ево сами доставятъ; что все, я, уважая, путь свой с ними даже до Коловертной лощины и продолжал, но коснутца ему по великости их толпы опасался.

По прибыти ж на опую, уже осмелившись, во-первых с помощию ево злодейскаго полковника Фидулева снял с него, злодея, одежу и притомъ ево, во обличение бывшихъ с нимъ казаковъ, рекомендовал, что он, воръ-разбойникъ,—донской казакъ Емелька Пугачевъ, а не государь, чемъ всех тех казаковъ от него, злодея,

и отвратил и привел в существенное раскаяние; и потом, доехав до Кошъ-Яицкаго фарпоста, взял от них под свой караул и, заклепав в колодку, к вашему высокородию доставил, о чемъ сим нижайше доношу.

Сентября 15 дня 1774 году.

(П. А., кн. V, лл. 518—519.)

№ 70.[1]

Списокъ имянной,

учиненной по коммисіи, въ Царицынѣ производимой полковникомъ и камендантомъ, по совершенномъ разбитіи господиномъ полковникомъ Михельсономъ злодѣйской толпы, изъ приведенныхъ въ Царицынъ, чрезъ разведываніе найденныхъ, кто были начальники, со изъясненіемъ ихъ показанія екстрактомъ, какіе кто особенные или вообще все злодѣяніи учинили, а потому и присуждаются по ихъ дѣламъ къ какому решенію,—значитъ подъ симъ.[2]

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
Въ злодѣйской толпѣ чины и должности имели.	
Полковники:	
1. Григорей Федоров Филинковъ.	Екатеринбургскаго вѣдомства казеннаго промывательнаго завода Уктусу крестьянинъ. Въ прошломъ 773-м году съ октября месяца взятъ въ злодѣйскую толпу, въ проѣздѣ отъ Уфы до Челябы. Былъ въ шайкѣ яицкаго Ивана Сергѣева, а потомъ Ивана Шибаева, которой повѣшенъ до приходу къ Казанѣ дни за четыре. На мѣсто ево онъ, Филинковъ, получа полковничество,— по немъ шайка называлась Филинковою.

[1] *«Списокъ» начинается на обороте л. 197; на первой странице того же листа читаем:* «Копія. 3-го сорту — имѣющіе начальствующіе чины и должности, а не редовыми у злодѣя Пугачева были».

[2] *Помимо первой и второй колонн, которые только здесь и воспроизводятся, в подлиннике содержатся еще две колонны, носящие следующий титул: третья* — «Службы ихъ у злодѣя какіе были, и въ чемъ ихъ вины состоятъ», *четвертая* — «По онымъ чему достойными почитаются».

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
2. Анисимъ Андреевъ Тюринъ.	Города Нижнего Ломова ямщикъ. Будучи в ызвозѣ къ Екатеринбургу до Березовскаго завода прикащика Ивана Петрова, въ прошломъ 773-м году въ ноябре мѣсяцѣ взятъ на томъ заводѣ въ толпу Пугачева и учрежденъ полковникомъ въ Авзянскомъ полку; а послѣ того данъ ему другой зборной полкъ, назывался Донской.
3. Мартынъ Андреевъ.	Оба каторжные, ноздри вырезаны, и съ указными знаки сосланы въ Оренбургъ. Были въ Илецкой Защитѣ въ работѣ у ломки соли. Куда, злодѣйской полковникъ Соколовъ, пришедъ въ большихъ силахъ, атаковав крепость, по перестрелкѣ изъ пушекъ оную преодолелъ; и по овладѣніи по приказу ево, Соколова, командиръ капитанъ Лукинъ съ однимъ подпорутчикомъ повѣшены, а ихъ, ссыльныхъ, сотъ до четырехъ выпустили и пригнали въ Берду, гдѣ они самозванцу такъ, какъ государю, присягали и вѣрили, служа ему на всѣхъ бывшихъ баталіяхъ съ усердіемъ, — въ шайкѣ изъ заводскихъ мужиковъ Дарофея Загуменнова они были казаками. А потомъ какъ Загуменной на Пролейкѣ отъ полевой команды раненъ, то Андреевъ полковникомъ, послѣ того въ Зубовкѣ Мартыновъ есауломъ учреждены.
Есаулы:	
4. Филипъ Мартыновъ.	Во время ж прежде бывшаго подъ Татищевою крепостью разбитія злодѣя Пугачева прибежалъ онъ въ Берду въ трехъ человѣкахъ; забравъ ихъ изъ Берды, бѣжалъ въ Сакмарской городокъ; собравшись съ силами, еще выступалъ на сраженія, но паки разбитъ. Тогда уклонился въ Уралъ къ башкирцамъ и чинилъ заводамъ и по Оренбургской линіи, даже до Троицкой крѣпости, селѣніямъ раззореніе и смертное убивство,

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
	а оттоль, по неудаче отъ разбитія подъ Троицкою крепостью, шелъ Башкирью и чрезъ заводы, гдѣ ему лутчее пристанище и надежда на башкирцовъ, которые всегда ему вѣрны, помогали во всѣхъ раззореніяхъ, въ пригонѣ руских людей вольныхъ и невольниковъ. А к тому послѣ разбитія прежде бывшіе съ нимъ, злодѣем, разными случаями самоохотно збираютца; и так у него въ скоромъ времени силы бываютъ умножаемы, съ которыми онъ, развѣдывая, идетъ в тѣ мѣста, гдѣ войскъ нетъ; почему и, на Казань пришедъ, удалось ему учинить раззореніе, а послѣ разбитія равнымъ образомъ бежалъ чрезъ Волгу. За нимъ яицкіе, заводскіе самоохотно въ разныхъ мѣстахъ збирались же; и такъ прошли чрезъ города даже до Царицына въ великихъ силахъ, которымъ счисленія не бываетъ, но блиско двадцати тысечь состояло. Считался исправнее прежняго, потому что довольно набрано по городамъ: артиллері — более 30-ти орудей, военныхъ людей — салдатъ, артилеристовъ, казаковъ донскихъ, волскихъ, саратовскихъ и протчихъ гораздо приумножено; за вѣрно полагая взять Царицынъ, обнадеживая награждать деньгами за взятье онаго. А къ тому подоспело калмыкъ при ихъ владѣльцѣ Цѣнденѣ тысечь до трехъ, которые денгами, платьемъ, сукнами, шелковыми штуками, бравъ оное со взятаго подъ Саратовымъ сукна [*sic*] такъже и изъ обоза, достаточно награждены и обязались служить вѣрно и подъ Царицынымъ были; да и послѣ владѣлецъ ѣхалъ съ нимъ, злодѣемъ, болѣе сутокъ,—видно, съ какимъ ни есть секретнымъ приказомъ отпущенъ и поѣхалъ въ степь.

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
	По взятіи жъ Царицына полагаемо было итти на Донъ, имѣя надежду приумножитца казаками, чрезъ города вступить въ Москву; но все оные ево злонамереніи уничтожены подъ Царицынымъ. Видя сильное и вредное ему отраженіе, проговаривалъ: «Знатно, намъ не взять, а должно итти подъ Черной Яръ, взявъ артилерію, возвратитца и еще атаковать Царицынъ». Куда и пошли, но господиномъ полковникомъ Михельсономъ между Царицына и Чернаго Яра на корень разбиты; самъ злодѣй по привычкѣ своей бежалъ за Волгу, куда и они ему послѣдовали, но не могли соединится; шатающіе съ голоду пойманы: Андреевъ подъ Царицыным, Мартыновъ къ Астрахани шолъ,— калмыки ево вывезли въ Енатаевскую крепость, а отътоль посланъ въ Астрахань и, утая о себѣ, что былъ есауломъ, присланъ въ Царицынъ, а здѣсь обличенъ. Противъ сего показанія вышеописанные Филинковъ и Тюринъ во всѣмъ томъ признались.
5. Алексѣй Павловъ Зверевъ.	Пензенскаго уѣзду деревни Бурцовой господина Льва Нарышкина крестьянинъ. Бывъ на Кананикольскомъ Масаловомъ заводѣ въ плотичной работѣ, по писменной отъ злодѣя публикѣ, какъ заводской прикащикъ Назаръ Сорокинъ самъ къ злодѣю Пугачеву ѣздилъ и привезъ съ собою, публикуя, приказал работы все оставить и, набравъ 120 человѣкъ, повелъ въ Берду; но, раскаясь, съ дороги ушелъ, а представлены они канторщикомъ Лупоглазовымъ, въ отлучку Пугачева на Яикъ, къ бывшему въ Берде главному изъ яицкихъ Максиму Григорьеву, называемому графу. Въ началѣ прошедшей зимы въ декабре месяцѣ послан онъ, Зверевъ, съ протчими

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
	въ Челябу и тамъ къ злодѣйскому полковнику Грязнову явились, но тогда въ приближеніе изъ Сибири войскъ, оставя Челябу, удалились въ Башкирь, гдѣ онъ учиненъ есауломъ. А по слуху, что Пугачевъ Оренбургскую линію раззоряетъ, нынѣшною весною пошли в соединеніе во 160-ти человѣкахъ и встретились съ Пугачевымъ подъ Петропавловскою крепостью. По разбитіи ево въ Троицкой почти никого съ нимъ не было, но вдругъ подоспели башкирцы, и собралось много охотниковъ, ушедшихъ отъ баталіи, которые съ нимъ, Пугачевымъ, служили,—всѣхъ стало до 2000; отътоль уклонясь въ Башкирь. Поступки и дѣла обьявлены имъ, Зверевымъ, противъ вышеписанного допроса двухъ каторжныхъ сходственно. А притомъ приполнилъ, что при Пугачевѣ ближніе наперсники: Андрей Афанасьевъ Овчинниковъ, самой главной, Екимъ Васильевъ Давилинъ — дежурной, изъ яицкихъ, Иванъ Александровъ Твароговъ — изъ илецкихъ, полковникъ и секретарь, яицкіе жъ Петръ Афанасьевъ Перфильевъ, Федоръ Федотовъ Чумаковъ — полковники жъ, а Чумаковъ и адьютантъ, каргалинской татаринъ Садыкъ Сеитовъ, Кинзя башкирецъ — полковниками жъ, Идарка толмачь, которые, почасту входя къ Пугачеву, въ полатку никого не допуская, производятъ совѣты; а секретов ихъ протчимъ слышать не можно. И все, кроме яицкихъ, удалены и въ страхѣ находятца. Напротивъ того яицкіе дерзновенны и вольны, которыхъ наконецъ состояло до 200 человѣкъ; каждой протчими полковниками не только повѣлевалъ, но и страшны были: по малымъ прицѣпкамъ бьютъ, а, въ случае, и колютъ,—старается каждой имъ

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
	угодить, чтобъ не прогневать. И такъ не только чернь, но и хорошихъ людей, да и всѣхъ военныхъ, имѣя для дѣла, а содержали въ презрѣніи.
6. Сотникъ Иванъ Филиповъ Лунеговъ, (а у Пугачева назывался подложно Медведевымъ.)	Кунгурскаго уѣзду Юговскихъ заводовъ сѣла Спаскаго приписной крестьянинъ. Взятъ во ономъ нынѣшнею весною въ шайку чебаркульскаго казака, бывшаго полковникомъ, Тимофея Фалкова; учрежденъ сотникомъ во время ходу злодѣя Пугачева отъ Екатеринбургской округи на Казань. Показаніе ево сходственно съ вышеписанными. Уличенъ онъ бывшими въ злодѣйской шайкѣ въ тиранствахъ и въ смертномъ убивствѣ: подъ городомъ Макшаномъ изъ окресности собрано было дворянъ и чиновныхъ людей съ фамиліями болѣе 30-ти человѣкъ; поставя на колени, заставили по нихъ стрелять мужиков; того не довольно, что мужики стреляли недействительно,—онъ, Медведевъ, рубилъ саблею, поступая зверски, и всю изломалъ саблю; напослѣдокъ заставилъ убивать осями, и такъ бедные умершвлены. Да въ другомъ мѣстѣ маіора Степанова и протчихъ умертвилъ. Отъ чего онъ, что оное происходило, не отрекся, но запирается, яко-бы не участенъ въ убивствѣ, а будто были надъ ним начальники: злодѣйской полковникъ Иванъ Ивановъ и есаулъ Иванъ Брянчиновъ (о которомъ въ спискѣ о служащихъ упоминается); но на то пленные показали, что дѣйствительно онъ болѣе всѣхъ въ томъ злодѣянія дѣломъ и повѣленіями оказывалъ.
7. Полковникъ Ефремъ Михайловъ Медведевъ.	Казанскаго уѣзду сѣла Болдыря ясашной крестьянинъ. Въ городѣ Казанѣ во время злодѣйскаго раззорѣнія, бывъ съ продажнымъ хлѣбомъ, взятъ въ шайку Филинкова.

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
	Перешедъ Волгу, по раззорении городовъ и многихъ сѣлѣній умножась людми, учрежденъ онъ полковникомъ подъ городомъ Саранскимъ, и разныхъ пахотныхъ людей къ нему въ шайку придано до полутораста человѣкъ,—назывался Медведевъ полкъ. Съ которою шайкою, усердствуя злодѣю, почитая государемъ, всю его злодѣйскую службу исправлялъ: по нарядамъ ѣздилъ въ посылки, приводилъ дворянъ, которые умершвляемы были, чинилъ раззорении и на сраженіяхъ находился.
Сотники:	
8. Иванъ Тихановъ Кузнецовъ.	Оренбургской губерніи Ставропольскаго уѣзду сѣла Боровки ясашной крестьянинъ. Согласясь съ салдатом Бряпчиковымъ (которой в проходъ чрезъ ихъ жительство), чтобъ итьти къ злодѣю служить, называя ево государемъ, пошли, переправясь рѣку Каму, подговаривая бродягъ; явились въ толпу до приходу къ Казанѣ дни за два, приняты въ шайку полковника Фалкова, привели съ собою еще 12 человѣкъ, гдѣ онъ учрежденъ сотникомъ. При взятье Казани былъ, а по разбитіи злодѣйской толпы уходомъ отъ войскъ присоединился паки къ Пугачеву съ протчими таковыми жъ къ нему усердными и продолжалъ всю злодѣйскую службу, и на сраженіяхъ находился, и раненъ.
9. Никита Сидоровъ Пискуновъ.	Подъмосковской деревни Андреевой господской Николая Михайловича Леонтьева крестьянинъ. Въ городѣ Курмыше при питейной продаже былъ въ цѣловальникахъ въ питейномъ домѣ. Взятъ въ зборную шайку къ полковнику Анисиму Тюрину въ сотники, служилъ злодѣйскую службу по увѣреніямъ какъ государю, употреблялся

Чины, имяна.	Откуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
	на раззореніе домовъ,—отъ того имѣлъ набогащеніе, а в смертномъ убивствѣ не винился; на сраженіяхъ во всѣхъ мѣстахъ бывалъ.
10. Харунжей Иванъ Андреевъ Смордовъ.	Алатарскаго уѣзду помѣщика Ивана, Григорьева сына, Чиркова сѣла, называемаго Чиркова жъ, крестьянинъ. Взятъ въ томъ сѣлѣ въ шайку Фалкова, пришли въ главную толпу въ городъ Саранскъ. Службу злодѣйскую со увѣреніемъ, какъ государю, усердно исправлялъ,—на сраженіяхъ находился, употребляемъ былъ со значькомъ въ чинѣ хорунжего.
11. Яковъ Петровъ Белянинъ.	Того жъ уѣзду помещика Александръ, Иванова сына, Чиркова деревни Ушаковки крестьянинъ. По пашпорту былъ въ Саратовѣ въ кирпишной работѣ, отъколь и взятъ въ шайку Фалкова. Пригнатъ въ главную толпу уже въ Дмитріевскъ; гдѣ увидавъ показаннаго Смордова, обще съ нимъ на такомъ же основаніи усердно исправляли службу, — былъ на сраженіи съ полевою командою и на послѣднѣмъ употреблялся со значкомъ же въ чинѣ харунжего.
12. Кананиръ Федоръ Григорьев.	Костромскаго уѣзду сѣла Комарова господина Никиты Васильевича Куломзина. За побегъ отъ помещика и кражу лошадей наказанъ кнутомъ съ вырезаніемъ ноздрей, слался въ Оренбургъ въ сылку въ работу; будучи въ Казанской тюрмѣ, высвобоженъ Пугачевымъ и былъ у него при артилеріи кананпромъ, дѣйствовалъ изъ пушекъ подъ Казанью, подъ Саратовымъ: такъ, по взятіи въ Саратовѣ артилерискихъ служителей, обще съ ними употреблялся. Усердіе имѣлъ, какъ къ государю.

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
Поиманные въ особливой отъ главной злодѣйской толпы въ такой же злодѣйской шайкѣ:	
13.[1] Есаулъ Василей Васильевъ.	Пензенскаго уѣзду сѣла Сластухи экономической крестьянинъ. Посланной изъ злодѣйской толпы полковникъ Василей Ивановъ съ командою набрал людѣй въ службу, обьявляя, что къ государю; ево съ протчими въ томъ сѣлѣ взялъ. Августа въ первыхъ числѣхъ, набравъ болѣе 400, велъ въ главную толпу; обнадеживалъ, что государь всѣмъ оказываетъ милости, — помещичьихъ никого не будетъ. И такъ они, увѣрясь, шли собранною шайкою сотъ до четырехъ человѣкъ по извѣстію, что Пугачевъ прошолъ Царицынъ, вслѣдъ за нимъ. Но нечаянно донской полковник Илавайской съ малою командою, на нихъ напавъ, 23-го августа разбилъ и, захватя въ пленъ, привелъ въ Царицынъ. До разбитія оная шайка, какъ извѣстно, чинила смертные убивствы, — по словесному обьявленію, что погублены волской депутатъ Андрей Дьяченков с товарищи, 5-ть человѣкъ. А въ сей шайкѣ бывшей, малой князя Долгорукова человѣкъ, Ерофей Куликовъ доказалъ: что какъ наѣхали оныхъ во укрывательствѣ на рѣчкѣ Пичугѣ въ буеракѣ передовые, въ томъ числѣ показанной Василей Васильевъ первой былъ начальник и наперсникъ полковника Василья Иванова и съ нимъ въ одной повоскѣ ѣхалъ, и чинъ имѣлъ есаулской; напавъ на нихъ, умертвилъ; а при томъ былъ Петръ Романовъ сотникъ. Да при всей той

[1] *В третьей колонне:* «Службы ихъ у злодѣя какіе были, и въ чемъ ихъ вины состоят» *против № 13 читаем:* «Въ главной толпѣ не были, а своею шайкою прошедъ отъ Пензи другою дорогою. Какъ прошли Царицынскую линію, то 23-го августа храбрымъ полковникомъ Илавайскимъ разбиты. А до разбитія тою шайкою убиты Волскаго войска депутатъ Дьяченковъ с товарищи пять человѣкъ; Васильевъ и Романовъ изобрѣтены убицами оныхъ, а Перьмяковъ, как при шайкѣ начальникъ былъ, во всѣхъ злодѣяніяхъ почитается сообщникъ».

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
	многолюдной шайкѣ усердствовалъ, на сраженіе въ передовые выѣзжалъ храмой старикъ Спиридонъ Пермяковъ, хвалясь, что онъ знаетъ заговору; ободрялъ тѣмъ, что всѣхъ заговорилъ, — ехали бъ безопасно; какъ-то при сраженіи съ Илаванскимъ, разъѣзжая верхомъ, поощрилъ каждаго и почитался за заговорщика и за атамана.
14. Петръ Романовъ.	Пензенскаго уѣзду подгородной деревни Александровки помещика Михайлы, Григорьева сына, Языкова крестьяня. Августа въ первыхъ числах показаннымъ Васильемъ Ивановымъ взяты и шли въ толпу къ Пугачеву, увѣрясь ему, что государь, а 23-го августа, по разбитіи храбрымъ полковникомъ Илавайскимъ, приведены въ Царицынъ. Притомъ и Пермяковъ показалъ, что Васильевъ есауломъ, а Рамановъ сотникомъ были; а о себѣ учинилъ запирательство, яко бы онъ атаманомъ не былъ; но волской старшинской сынъ Терсковъ еще доказалъ об немъ, что великой наѣзникъ, у всей шайки атаманомъ почитался, а смертное убивство чинили Василей Васильевъ и Петръ Романовъ.
15. Спиридонъ Тимофеевъ Пермяковъ.	
16. Петръ Тимофеевъ.	Заводчика Никиты, Никитина сына, Демидова Каслинскаго завода собственной ево крестьянинъ. Бывъ въ посылкѣ съ завода въ Москву на почтѣ къ своему господину о заводскихъ надобностяхъ, и отътоль слѣдовалъ на заводъ рѣкою Волгою на почтовой наемной лоткѣ. Выше Казани въ самую переправу злодѣя Пугачева съ ево толпою чрезъ сію рѣку нечаянно наплыли, взяты и ограблены. Онъ употребленъ въ ихъ толпу, былъ въ шайкѣ злодѣйскаго полковника Филинкова казакомъ, въ продерзостяхъ ни

Чины, имяна.	Откуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
	въ какихъ не признался, а по уликамъ явствует: 1-е, оной Филинковъ отрекся, что былъ онъ сотникомъ во особой шайкѣ, а не у него; то жъ показали злодѣйскіе полковникъ Тюринъ, есаулъ Зверевъ, что знали ево сотникомъ, а у кого в шайкѣ — того не припомнятъ; противъ чего и онъ, злодѣй Тимофеевъ, признался. 2-е, бывшая въ неволѣ въ толпѣ у Пугачева, взятая девицѣю, помещика Пензенскаго уѣзду сѣла Вязовки примеръ-маіора Алексѣя Федорова Чемесова дочь Марья Алексѣева, по взятіи еѣ злодѣями съ двумя братьямі Архиповыми въ домѣ бабки Агафьи Петровой Любятинской, привезена къ показанному Петру Тимофееву въ деревню Зубенскую, и онъ у себя еѣ оставилъ и везъ до Саратова, а в Саратовѣ взяли помянутые Архиповы, отъ которыхъ она и высвобожена, а они казнены господиномъ полковникомъ Михельсономъ. Въ тое бытность въ Пензенскомъ уѣздѣ онъ, Тимофеевъ, въ злодѣйской шайкѣ бывъ начальникомъ, чинилъ смертное убивство, а имянно: отца еѣ и мать Катерину Иванову въ сѣлѣ Вязовкѣ, да деда Ивана Федорова Любятинскаго жену ево Елену Филипову въ деревне Дубенской, помещиковъ Бахметева, Растрыгина съ женами вѣшали по воротамъ и кололи до смерти; дѣтей ихъ, трехъ Бахметевыхъ и трехъ Растрыгиныхъ дочерей, взяли съ собою; въ проѣздъ чрезъ сѣло Загоскино привезли къ нему трехъ помещиковъ (а кто таковы, назвать не знаетъ) — имъ погублены: одного повѣсилъ, другаго казнилъ, а третьяго пятерилъ. Столь былъ золъ, что никакихъ прозбъ ни мало не внушалъ, а презиралъ. Причемъ она была и все самолично на свои глаза видѣла. А сверх того оставленъ позади Пугачева,

Чины, имяна.	Отъкуда кто, давно ль къ злодѣю взяты и что показали.
	выгнал изъ Петровска невольников, 500 человѣкъ, которые шли со слезами, (да онъ самъ набралъ много по уѣздамъ въ томъ числѣ); всѣхъ злодѣевъ, явившихся отъ помещиковъ, принималъ и доставилъ въ Саратовѣ Пугачеву; хвалился своими злыми дѣлами, что противъ протчихъ со излишествомъ набралъ людей и многихъ дворянъ погубилъ. Въ злодѣяніяхъ равенъ былъ злодѣю Кизылову, губителю народа; оной по доносу еѣ господином полковникомъ Михельсономъ повѣшенъ. А и Тимофе[е]ва сыскивала, но донынѣ найденъ не былъ; а какъ усмотрѣла ево, стала напоминать о знакомствѣ, то онъ отрѣкся, будто еѣ не знаетъ; прежде жъ звалъ своею дочерью и хвалился, что самому Пугачеву про неѣ сказывалъ, называя ево государемъ, что позволилъ ему еѣ держать у себя, а ево за всѣ заслуги произвесть полковникомъ назначилъ, — и называлъ себя тѣмъ чином. Противъ оныхъ уликъ подъ жестокимъ истязаніемъ кроме того, что онъ приполнилъ къ прежнему[1] признанію одно показаніе въ томъ, — находился сотникомъ, а во всѣхъ смертныхъ убивствахъ отрицается.

Подлинной подписалъ:
Полковникъ Иванъ Цыплетевъ.[2]

(Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 197—211.)

[1] *В оригинале это слово повторено еще раз, причем заключено в скобки.*

[2] *Печатаемая копия скреплена подписью:* «Генералъ-маіоръ Потемкинъ».

№ 71.[1]

1774 года сентября 26 дня въ Царицынѣ содержащейся, изъ злодѣйской толпы Пугачевой господиномъ полковникомъ Михельсономъ побѣдою взятой, бывшей Саратовскаго баталіона баталіонной командиръ, секундъ-маіоръ, Андрей, Михайловъ сынъ, Салмановъ въ допросѣ показалъ.[2]

. . . . . .

Какъ 6 августа злодѣйская толпа къ городу Саратову шла на приступъ, гдѣ всѣ регулярные, то-есть: баталіонъ — стахъ въ двухъ человѣкахъ, фузелерныхъ дву ротъ — сълишкомъ 300 человѣкъ, подъ командою господина полковника и коменданта Бошняка, крѣпко изъ артилеріи отбивались, имѣя съ крыла на открытомъ полѣ въ правой рукѣ нерегулярные силы, болѣе 1000 человѣкъ: казачьи команды саратовскихъ, волских казаковъ, купечество, цехи, бобыли, пахотные солдаты, которыя, до начатія пушечной пальбы, посылали изъ собратій своихъ купца Федора Кобякова на переговорку, а отътуда привезъ онъ листъ, которой въ руки коменданту дошелъ, и онъ его изодралъ, за что купечество чрезъ бургомистра Протопопова чинили выговоръ. (А во время сраженія оной Кобяковъ ѣздилъ верхомъ и предъ фронтомъ проговаривалъ: «Поберегитѣ людей своихъ». А затѣмъ, по первыхъ выстрелахъ съ злодѣйской стороны, разстроясь, начали одни за другими отступать. Казаки и многіе изъ нихъ приватные, на сей службѣ бывшіе, люди передавались къ злодѣю; а кто не хотѣлъ, спасались скрыватся, и никого на сраженіи не осталось, кромѣ что отъ ретраншамента происходила пушечная оборона со втораго часа пополудни даже до сумерекъ. Но всѣ были въ великой робости и отчаяніи; солдатство говорили, чтоб итти, называя измѣнника государемъ: «Лутче можемъ животъ свой спасти»; а и прочіе, какъ артилерискіе, такъ и гарнизонные, штабъ и оберъ-офицеры, въ упадкѣ духа твердя: «Куда намъ ретироватся?» — страхъ наводили; чрезъ что не было никакой надежды въ спасеніи. А отътого предъ самымъ вечеромъ напередъ фузелерная команда, изъ ретраншамента выступя, будьто на выласку, съ ихъ офицерами, которыхъ я примѣтить, кто таковы, не могъ, но увидѣли их предъ толпою,—отдаютъ свои ружья въ злодѣйскія руки. Послѣ сего выступалъ я за рогатки, солдатамъ своимъ проговаривалъ — стоять до послѣдней крови капли. И какъ во фронтъ вступилъ, то господинъ комендантъ, отказавъ мнѣ отъ команды, приказалъ

[1] *Перед текстом:* «Копія». *После текста:* «Генералъ-маіоръ Потемкинъ».

[2] *Начало показания, где А. М. Салманов давал сведения справочного характера о себе и своем прошлом, опускается.*

оную господину примеръ-маіору Зоргергу и паки мнѣ поручать началъ, но я, уже команды не принявъ, былъ подъ командою.

А чрезъ четверть часа по уходѣ фузелеровъ солдаты согласились: «Пойдемъ къ государю» и меня съ собою звали; а прочих, гдѣ, не осмотрясь, кто идетъ или остаются, я, съ ними вышедъ изъ ретраншамента, пошли въ толпу. Не утаиваю предъ всемилостивѣйшей государынею моею, какъ предъ богомъ, моих тогдашнихъ мыслей, что я не надѣялся никакой лжи быть, а думалъ увидѣть государя. Куда имѣлъ ходъ съ солдатами на Соколову гору. Встречены злодѣями, которые, на меня напавъ, хотѣли сколоть, но солдаты упросили; и такъ жизнь при мнѣ осталась. Удержаны тое ночь подъ карауломъ, а по-утру явился къ самозванцу; пришедъ съ командою, поклонились и стали на колѣни, гдѣ онъ, снявъ шапку, сказалъ: «Плѣнные! ступайтѣ на лагирное мѣсто!» И пошли съ барабаннымъ боемъ, обще съ фузелерною командою, предъ которой увидѣлъ я капитана князя Баратаева, и ниже Саратова, версты съ четырѣ, на рѣчкѣ Увѣкѣ, остановились, — начевали три ночи. А тотъ же первой день присяга была всѣмъ саратовскимъ, отъ мала и до велика, житслямъ и намъ, военнымъ: присягали ему, Пугачову, съ ево скаредною женою Устиньей Петровой, именуя государемъ Петромъ третьимъ; а потомъ за его императорское высочество, благовѣрнаго государя, великаго князя Павла Петровича и супругу его высочества, ея императорское высочество, государыню великую княгиню Наталію Алексѣевну.

Какъ съ перваго приходу, такъ и при семъ случае я усмотрелъ неистовство и самое похабство въ злодѣе, признался за истинну, что онъ, воръ и разбойникъ,— самозванецъ. Пришелъ въ раскаяніе и сожаленіе, что себя погубилъ; стыжусь совѣсти о прежнихъ моихъ мысляхъ, какъ по заочности я заключалъ увидѣть государя. Много погрѣшилъ предъ создателемъ и прогнѣвалъ свою природную монархиню, вижу себѣ достойна праведному отомщенію. И съ того времяни совѣсть денно и ночно угрызала, а страхъ для жизни удерживалъ, что изъ сего проклятаго сонмища избавится не можно. Отдавъ божію предвиденію, когда восхощетъ — избавитъ, и что со мною ни послѣдуетъ — принять смерть или животъ, все равно, потому что я смерть преступленіемъ заслужилъ, а о жизни и тамъ отчаявался, былъ все время для жизни своей въ приватныхъ мысляхъ. Без всякаго раденія исполнялъ повелѣнное, а имянно: о командѣ всякой день злодѣйскому полковнику Петру Перфильеву о благополучіи давалъ знать; на сраженіяхъ артилеристы были при дѣйствіи артилеріи, а я съ пѣхотною своею командою — въ прикрытіи и въ подвозѣ оной, невооруженные, потому что, по множеству у нихъ конницы, за вѣрныхъ мужики, и для нихъ ружья отобраны. А мы почитались сумнительными и содержались болѣе

подъ присмотромъ, нежели могли имѣть какую свободу: хотя мало какое найдутъ сумнѣніе, тотъчасъ всякой изъ нихъ властенъ лишить жизни. А особливо яицкіе были первенствующими и властовались столь же, сколько Пугачевъ: какъ-то артилеріи капитанъ князь Баратаевъ подъ Дмитріевскимъ съ яицкими вступилъ въ гуляніе и, какъ въ вечеру отошелъ въ ихъ ставку, отъколь уже и не возвратился, а по утру найденъ на берегу рѣки Волги убитой, а за что лишенъ жизни — неизвѣстно." Отъчего былъ страхъ, и, льстя себя жизнію, принужденъ я противъ совѣсти своей почитать ихъ со излишествомъ. Никакого себѣ преимущества не сыскалъ и доступу къ злодѣю Пугачову не имѣлъ, а только что, при своей командѣ состоя, писался маіоромъ, какъ-то: 24 августа, то-есть за сутки до сраженія съ господиномъ полковникомъ Михельсономъ, къ полученію солдатамъ денегъ подавалъ ихъ злодѣйскому полковнику, имѣющему надъ артилеріею ведѣніе, Федору Чумакову вѣдомость, подписался маіоромъ и спрашивалъ его о своемъ чинѣ, какъ мнѣ вѣлятъ называтся; на то объявлено такими словами: «Доложить» тому чудовищу, именуя его титуломъ; а потому денегъ выдано 477 рублей,— какъ видно, предъ сраженіемъ задобрить желали.

На походѣ жъ отъ Саратова къ Царицыну, не только что на самой дорогѣ жительствы отдавались въ его волю охотно, но и со сторонъ выходили попы съ мужиками на поклонъ, съ хлѣбомъ и съ солью, становясь на колѣни, кланялись въ землю, просили, какъ у государя, покровительства, каковыхъ отпускалъ въ домы; а ихъ шайки, чиня набѣги, всѣхъ равно разоряли. Въ Дмитріевску, что на Камышенкѣ, оборону нѣсколько произвѣдя, скоро пальба прекратилась въ городъ: бобыли-малороссіянѣ встретили, и солдаты взяты въ плѣнъ; изъ нихъ выбранъ сержантъ Абызовъ, на другой день названъ полковникомъ, и дана команда. Изъ Камышенки Волскимъ войскомъ шли чрезъ ихъ четырѣ городка; каждое мѣстечко со многолюднымъ собраніемъ, и при нихъ священники, встречали жъ со крестами и съ радостными поздравленіями; а особливо въ главномъ ихъ городкѣ Дубовкѣ цѣлымъ соборомъ, старшины и казаки, всѣ въ лутчихъ платьях, съ знамѣнами, показывали радостной видъ; гдѣ Пугачовъ, особливо его единомысленники и ихъ ближніе пьянствовали, а прочимъ въ городокъ войти страхъ,— пьяные кололи своихъ. Я, находясь отъ сего страху въ лагирѣ, проливая слезы о своемъ преступленіи, солдатамъ имянно возпрещалъ ходить, чтобъ кто не попался въ их тиранскіе руки на умерщвленіе, ибо бывшей там полевой команды ундеръ-офицеръ приведенъ къ Пугачеву, тиранили ево отниманіемъ членовъ, наконецъ казнили; и другихъ кто увидитъ чернь, тотъ и убиваетъ. Итакъ, одни тѣ довольны, кто дѣлалъ злодѣяніе, а прочіе помирали съ голоду и ничемъ не призрѣны; ослабѣвшихъ

въ дорогѣ колютъ. А особливо, какъ начнется сраженіе, то на оное гонютъ вооруженные невооруженныхъ впередъ, а при самомъ сраженіи за содроганіе ихъ съзади умерщвляютъ; и такъ разными случаями безчетное множество погибло.

Подъ Дубовкою жъ въ лагирь прибыло калмыцкое войско, — слышалъ я отъ яицкихъ, что самъ князь, ихъ владѣлецъ, — для которыхъ былъ разставленной шатеръ, и пили цѣлую ночь; и потомъ возили въ ихъ лагирь съ судна множество денегъ, дарили сукнами лутчими, шитыми платьями и штуками; подъ Царицынымъ на приступѣ оказалось ихъ гораздо пріумножено, — чрезъ проговоръ слышалъ же, считалось до 3000. А послѣ отступленія отъ Царицына проговаривали, что тѣ калмыки отпущены въ ихъ домы на срокъ, ибо ихъ владѣлецъ еще сутки съ небольшими людьми при Пугачевѣ въ походѣ былъ, а потомъ и отошелъ въ степь, почему примѣтно, что для какого-либо условія и согласія онъ оставался, и съ какимъ ни есть приказомъ отпущенъ.

Но оное у нихъ, что предполагаютъ, дѣлается не со многими яицкими, употребляемымі на совѣтъ, въ которомъ первые — войсковой атаманъ Андрей Овчинниковъ, дежурной Екимъ Давилинъ, полковникъ Петръ Перфильевъ, секретарь Иванъ Твараговъ, полковникъ Федоръ Чумаковъ, каргалинской татаринъ Садыкъ Сеитовъ, Кинзя-башкирецъ, Идарка-толмачь, и тѣ ихъ совѣты бываютъ въ секретѣ: увѣдать не можно и опасно входить съ ними въ разсужденіи. А что принадлежитъ о ихъ замыслахъ, то явно хвалились, обнадеживая себя взять Царицынъ, поворотить на Донъ; и какъ все Донское войско склонютъ (говоря о томъ съ надеждою), пойдутъ чрезъ Воронежскую губернію на Москву. И народъ тѣмъ обуздали, что не могли сумнѣватся. Кромѣ сего я никаковой важности не слыхалъ, но примѣтно тиранское намѣреніе ихъ, продолжаемое отъ злости на таковыхъ умыслахъ, какіе онъ разсѣялъ. И какіе разореньи, тиранствы и смертные убивствы совершилъ разбойническимъ образомъ, производится отъ удачи и умноженія, по захваченной имъ обширности народа въ свою времянную волю, такъ что помощъ ихъ составила все, что ни есть худаго и презреннаго на свѣтѣ.

Наконецъ, хотя я и участникъ того, заслуживаю праведный гнѣвъ и судъ божій и всемилостивѣйшей нашей монархини, причемъ чистосердечно и дѣла мои открылъ: точно, я находился въ толпѣ при артилеріи съ пѣхотою, начальствуя въ прикрытіи и подвозѣ оной; а, кромѣ сего, скаредныхъ рукъ моихъ не простиралъ ни на какое убивство и никакого никому пограбленія и злодѣйства не чинилъ, а виновенъ въ общемъ всего сонмища злодѣяніи, — что, не могши отъ страху удалится, на дву сраженіяхъ противу полевой команды и на послѣднемъ съ господиномъ полковникомъ Михельсономъ былъ. Въ томъ, какъ на

Страшномъ Судѣ Христовѣ, признаюсь чрезъ сіе чистосердечно, ожидая праведнаго отъ ея и. в., всемилостивѣйшей моей монархини, милости и суда. Въ томъ своеручно и подписуюсь.

Къ подлинному допросу секундъ-маіоръ Андрей Салмановъ руку приложилъ.

(Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 218—223.)

№ 72.

1774-го году сентября 27 дня Белогородской губерніи, Орловской правинціи, города Мценска купецъ Иванъ, Стефанов сынъ, Трофимовъ:

Признаюсь чистосердечно и раскаиваюсь, какъ на Страшном Христовом Пришествии, пред моимъ создателемъ богомъ, такъ и пред моей всемилостивѣйшей государыней, во всемъ, что знаю и могу припо[м]нить, не утая и не скрывая всего, чинимаго мною в свете, противного богу и закопамъ.

Спачала находился я, именованны, при родителе моемъ, мценскомъ купце Стефане Трофимове, которой находился во услуженіи у разныхъ господ; помре въ 770-м году. После смерти которого вступил и я во услужение московского ѳабриканта и оберъ-директора Гусятникова, от которого посланъ был с товарищемъ в город Астрахань для взыскания по векселямъ денегъ, 11000 ру., по получении которых [1] истрачено мною на свои мотовския нужды до 150 ру. Но какъ, по выезде обратно із Астрахани в Москву, убоясь, я, именованны, за недостатокъ хозяйской суммы паказания, остался в городе Царицыне, яко-бы за болезнию, а сумму хозяйскую отпустил с моимъ товарищем.

А я, дав плату, поплыл на кашкурской кладной вверхъ по Волги до города Сызрану, от которого прошел пешком чрезъ Казань, Кунгуръ и Екатеринбургъ господина полковника Тимашева на винокуренные заводы, где и принят был (по написанному самим мною пашпортом [sic], с приложением с просроченного настоящего, данного изо Мценского магистрата, пашпорта снятой печати) в работу и допущенъ был в кантору до письменных дел. И, находясь на тех заводах не болея десяти месяцовъ, бѣжал (не учиня никаких пакостей) тулского купца Лугина [2] на железной завод, называемой Златоустинской, и на оном принят был в работу. А с октября месяца прошлого году отправили меня с прочими работными на медной рудникъ для добытия медной руды. Но какъ вдругъ нечаянно живущия около техъ рудниковъ башкирцы, собравшись великое множество, приехавъ

[1] *Опускается излишне: имеющееся далее в оригинале* «мною».
[2] *Вероятно, Лугинина?!*

к нам на рудники декабря в первых числах, взяв всех без остатку, съ 250 человекъ, погнали в горы, с причинениемъ великих страстей, и, догнав до мещерековъ, разделили по деревням, человекъ по 20, по 25 і по 30, и держали недель с шесть. А какъ с вершины Сакмары-реки прихавъ башкирцы с командиром их Мраткой Батырем для раззорения Уйской крепости, однако, не взявъ оную, возвратились обратно; и со онымі отправлен я был с тремя товарищеми для сыску руских. И прописанной Мратко Батырь, довезши насъ до Каноникольского завода, и отдалъ сотнику Пугачева Алексѣю Звереву, которым мы і приняты; и двое из насъ посланы обратно з даннымъ от него, Зверева, указом, чтоб находящимся руским людем обид и притеснение де не чинить и содержать впредь до воспоследования от Пугача указу; а меня с товарищем, взявъ с собою под Оренбургъ в Бердо, представил находящемуся тогда при Пугачеве главному в злоехидстве собеседнику Максиму Григорьеву, которой, нам выдавъ по 1 ру. денгъ, определил в Мосоловскую сотню...[1]

Подойдя жъ под самую Казань, посылал указы, чтоб склонились без кровопролития; однако, видя их несклонность, приказал итти пехотой, а коннице быть — одним казакам ецким. И какъ, обступя с Арскаго поля, и пошли пехотой и взяли в короткое время жителство города Казани, кроме каменного Кремля, и отбили всю артиллерию, стоящую на батареях, і ламовые чугунные пушки, и мѣдную секретную гоубицу с припасами; и, выгнавъ весь народ, не оставя никого, жительство зажгли. И намерение имѣл онъ, Пугачев, и каменной город из ломовых пушекъ разбить, а по разбитии следовать прямо чрез Нижегородскую губернию в Москву, естли б не предускорил господин полковникъ Михелсонъ или Голицынъ, — того обстоятелно знать не могу. І учинилось, не допустя до города Казани, сражение, и отбили у Пугачева несколко артиллерии. А на третей день старался Пугачевъ преодолеть, приказал толпе своей итти пехотой; где ево такъ силно разбили, что онъ болея в тысячи человеках уйти не могъ.

И переправясь чрез реку Волгу с луговой на нагорную сторону, выше Свияска, пониже Чебаксаръ, шел дорогою по жительствам и чрез города, которые ему без всякого противления склонились и припемали шествию, а именно: Цывилскъ, Курмышъ, Алатырь, Саранскъ, Пензю, Петровской, ис которых брал в свою толпу доволно народу и отбирал артиллерию с припасами. И пришед под Саратов, откуда для принятия указа

[1] *Опускается та часть показания И. С. Трофимова, где он сообщает ряд фактов о действиях Пугачева в течение первой половины 1774 г., начиная с похода под Илецкую Защиту и кончая взятием Осы.*

и обявления народу выехал саратовской купецъ Ѳедоръ Федоровъ Кобяковъ и, взявъ указ, поехал обратно в город. Между темъ, человекъ до пятидесят выбежало из города казаков со обявлениемъ, что чернь дратца не намерена, кромѣ какъ разве толко одне воѣнные. Потомъ чинена была со обеих сторонъ пушечная палба, и разбит был город Саратов, и тут [?] взята какъ вся артиллерия, такъ казаки Волского и Донского войска и ис продчего чина людей немало. И, собравшись силно, какъ толпою, такъ и артиллериею, шел х Камышенки, и оной разбил же. От которого пошед вниз по реке Волги по тракту, встретила ево лехкая полевая команда с казаками и калмыками; но, хотя опая с артиллерией и оказывала великую храбрость к преодолению Пугачева, но по трусости казачьего войска, а особливо калмыкъ, которые, не дравшись, бѣжали, устоять не могла и разбита Пугачевымъ вся, и много взято и захвачено в толпу. По окончани ж сего, пошел под Дубовскую станицу, в которой встретили с великою честию и с образами, и все дубовские казаки учинили присягу; и поставленъ над ними старшиною депутат Василей Венеровской, и данъ ему указ о набрании казачьего войска и об отдании ему Пугачеву в толпу, по которому и учинено им было. Да, словом, что и все Волское казачье войско принимали с великою охотою и старались оказывать ему, Пугачеву, верную службу.

По бытности ж Пугачевой у Дубовской станицы, приехавъ к нему от калмытского владелца Цендена несколко калъмыкъ со обьявлением, что оной владелецъ желаетъ быть с своими калмыками подь ево, Пугачева, ведениемъ в службѣ; напротиву чего, посланъ к нему с указомъ из ецких находящейся при нем, Пугачеве, Петръ Алексеевъ и из башкиръ толмачь Идорка. И темъ указом склонили, за что означенного казака Петра Алексеева жаловалъ полковником. А какъ із-под Дубовки, поднявшись, онъ, Пугачевъ, пошел, и, отойдя версты с три, калмытской владелецъ Ценденъ подошел, палъ перед ним, Пугачевым, на колени и знамена свои приклонилъ, і целовал мерзителную Пугачева руку, пошел вкупе. А, по прибытии на станецъ на берегу реки Волги, жаловал онъ, Пугачевъ, владелца Цендена с колмытской ордой из привезенной на судней (которая было ведомства Соляной Канторы) и из ымеющейся при себѣ серебреной и медной денежной казной, сукнами, тавтами, шитым платьемъ и разными знатными товарами достаточное число; притом обявлял ему, владелцу: естли сь их калмытскою помощию возмется город Царицынъ, то и болея от него Пугачева жалованы будутъ. А намерении у него, Пугачева, были: разбивъ город Царицынъ и Черной Яръ, поворотить на Донъ и склонить все Донское казачье войско, а з Дону итти в Москву. Однако, злоеходные [*sic*] ево желании не исполнились и города

Царицына разбить не удалось. Тогда калмытской владелецъ Ценденъ по прозбѣ отпущенъ был Пугачевым в дом свой на срочное время.

А, между темъ, вскоре господином полковником Мехелсоном, ниже Царицына у Санникавой [*sic*] ватаги, со всею толпою Пугачевъ разбитъ, и бѣжал онъ не в болшемъ числе народа, и с ним жена ево, взятая из Казанского острога, и сынъ небольшей, и прописанной ілецкой казакъ Иванъ Твороговъ, из яицких — Василей Коновалова, Козма Иванов, которой всегда был в присмотре повозокъ, шуринъ ево, Пугачева, Егоръ Петров и продчия, которых имени и прозваньев я знать не могу... [1]

И в то время, [2] по любопытству моему, разсмотрелъ и узнал обстоятелно, что онъ — данской казакъ, понеже разговоръ ево явно доказываетъ: употребляет онъ вопросителное слово «откель ты», второе похвалительное «ладно», и весь разговоръ ево — мерзителной, подлой, а благородного и ученого слова ни одного не слыхалъ; да и неможно в немъ быть, понеже в грамоте не умѣетъ. А подписавал вместо ево под указами я по ево приказу, со обявлением: естли я сие кому донести или выговарится могу, то в тот час от него повешенъ буду. В предводителстве ж ево толпы и в секретных думахъ были — из епцких называемой атаманъ Андрей, Афанасьевъ сынъ, Авчинников, дежурной Еким Давилинъ, полковники: Афанасеи Петровъ, Василей Коновалов, Ѳедоръ Чумаков, Козма Иванов, Иванъ и Егоръ Петровы, шурья называемые Пугачева; сверхъ того, прилепившейся изъ Волского войска Александръ Деписьевъ. Во всемъ же возмущени и начатіи дела состоят придчиною яицкия казави, которые, сообщась заедино думою з башкирцами, хотели отмстить учиненную яко-бы ім обиду от бояръ определением в Кизляръ и в продчия службы, что прежде ими никогда чинено и исправляемо не было, и прелщая народ в таковую ж погибель, в каковую и они впали волею и неволею, со обявлениемъ простому народу: что когда всех можно будетъ перевесть помещиков, то тогда будетъ всемъ волность и избавятся от крестьянства, подушных и продчих податей, рекрутского набору, продажи вина и соли не будет. В таком случае народ, какъ несведущей и несмысленная чернь, почитали и утверждали за самую истинну, и думали то подлинно получить, другъ друга склоняли и старались приводить в сию погибель и заблуждение. Что ж касается, хотя я и разумел и обстоятелно зналъ прописанное, толко способу не нашел удалиться от такого

[1] *Опускается часть показания И. С. Трофимова, где передаются, с одной стороны, подробности переправы Пугачева за Волгу с некоторыми из сообщников, а с другой — содержатся сведения о личной судьбе И. С. Трофимова в последние дни перед поимкой.*

[2] «В бытность у Пугачева в команде».

душепагубного заблужденія, понеже, естли сие изыспить в толпе Пугачева, то по допосу лишенъ буду жизни; а естли во время ево разбитиевъ бѣжать в армию или в город, то боялся достойного по моему беззаконию наказания и казни. И такъ время от время обращался в душепагубных и лживыхъ писменных производствах даже и доныне; ведаю, темъ себѣ зделал усугубление, достойное смерти. И, сам все чистосердечно открывая, предаюсь в высочайшую всемилостивѣйшей моей [1] монархине власть, недостоинъ будучи освященного имяни ея и. в. языкъ мой воспомнинать и надеятся о себѣ какое ходатайство простерть; по милость и судъ да совершится надо мною!

Сие писал я, Иванъ, Степанов сынъ, Трофимов своею рукою, в чемъ и подписуюсь. [2]

(Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, л. 147—154.)

№ 73.[3]

Копіи съ допросовъ,

произведенныхъ въ Яицкомъ городкѣ въ Отдѣленной Секретной Коммисіи поиманнымъ съ казакомъ Афанасьемъ Перфильевымъ, бывшимъ съ нимъ въ одной шайкѣ, яицкимъ казакамъ.[4]

I. Петръ, Алексѣевъ сынъ, Пустобаевъ.

Отъ роду ему 50 лѣтъ, въ службѣ тритцать один годъ, въ вѣрной ея и. в. службѣ присягалъ, о смерти императора Петра третіяго зналъ. Прежде сего, по бывшему въ Яицкомъ городкѣ при генералѣ-маіорѣ Потаповѣ слѣдствію состоялъ онъ съ войсковой стороны, а, по воспослѣдованіи на оное изъ Военной Коллегіи конфирмаціи, былъ во всемъ на послушной сторонѣ и подлежащія отъ войска службы исправлялъ съ протчими послушными безъ изъятія.

Въ прошломъ 773-м году, когда лжесамозванецъ около Яицкаго городка проявился и съ набранною къ себѣ шайкою приступилъ къ городку, тогда онъ, Пустобаевъ, съ казакомъ Григорьемъ Харькинымъ посылан былъ отъсюда съ извѣстіемъ въ Оренбургъ, что̀, опъ, исполня, возвратился обратно. А потомъ, когда уже Пугачовъ былъ подъ Оренбургомъ въ Бердинской слободѣ, то онъ, Пустобаевъ, съ казаками: Илжасомъ Аитовымъ, Купреяномъ Беляевымъ, Яковомъ Витошновымъ и Ситниковымъ, а какъ зовутъ — запамстовалъ, вторичпо отъ Камендантской

---

[1] *В оригинале далее еще раз* — «моей».
[2] *После текста:* «Генералъ маіоръ Потемкинъ».
[3] *После текста:* «Генералъ-маіоръ Потемкинъ».
[4] *Тот же заголовок см. в документе № 46 настоящего тома.*

Канцеляріи посланъ былъ въ Оренбургъ съ некоторыми извѣстіями; но въ сей разъ имъ проѣхать уже въ Оренбургъ не удалось, ибо они, лишь только стали подъѣзжать отъ Бухарской стороны къ Меновному Двору, то разъѣзжавшимі лжесамозванцовыми партіями поиманы и привезены къ Пугачову, гдѣ на другой день осуждены были отъ него все къ смерти; но, однако жъ, повѣшенъ изъ нихъ одинъ Илжасъ Антовъ, а онъ, Пустобаевъ, съ протчими, по прозбѣ некоторыхъ яицкихъ казаковъ, были Пугачовымъ прощены, но съ темъ, чтобъ почитали ево за государя и служили ему вѣрно, что они исполнять и обещали. И такимъ образомъ, оставшись въ Бердѣ, видели, что все, бывшія у злодѣя въ толпѣ, почитали ево за государя, а особливо старшина Витошнов, которой покойнаго государя неоднократно видалъ, утверждалъ, что самозванецъ — точной государь Петръ третій. Злодѣй же Пугачовъ, къ вящему ослепленію бывшихъ въ его шайкѣ называя себя государемъ, расказывалъ, будто бы онъ отъ смерти какимъ-та случаемъ спасся и до сего времени странствовалъ. А потому и онъ, Пустобаевъ, смотря на другихъ, а особливо на Витошнова, почел самозванца за настоящаго государя и служилъ ему вѣрно, за что здѣланъ отъ него былъ харунжимъ, выходилъ противъ оренбургскихъ вылазокъ много разъ, также и въ Татищевой крепости против корпуса господина генерала-маіора князя Голицына, на сраженіе.

По разбитіи же въ Татищевой крепости ихъ толпы, самозванецъ бежалъ въ Берду, а онъ, Пустобаевъ, при Овчинниковѣ въ числѣ ста пятидесяти человѣкъ — въ Илѣцкой городокъ, гдѣ, побывъ дней съ пять, съѣхали въ Яицкой городокъ. Потомъ чрезъ три дни высланы были отъ здѣшнихъ мятежничьихъ судей Каргина с товарыщи противъ генерала-маіора Мансурова, съ прибавленіемъ к нимъ еще изъ войска трехъсотъ пятидесяти человѣкъ при назначенныхъ при нихъ начальникахъ: Перфильевѣ и Дехтяревѣ, изъ коихъ первой назывался полковн[и]ком, а другой атаманомъ, съ коими доѣзжали до Иртеку, но корпусомъ Мансурова прогнаны; и въ другой разъ, дни чрезъ два или три, съѣхались, было, на речкѣ Латышовкѣ и чинили пушечную и оружейную стрельбу, однако жъ, чрезъ короткіе часы и тутъ ихъ разбили, причемъ и означенной Дехтяревъ убитъ. Съ сего мѣста некоторыя казаки разбѣжались врозь по лугамъ, а онъ, Пустобаевъ, въ числѣ около 200 человѣкъ бѣжали на Бузулук и, перелезши на Чеганскомъ перелазѣ, подъ предводительствомъ Овчинникова и Перфильева, убоясь въ городъ появитца, пошли на рѣку Самару, а, переправясь чрезъ сію рѣку, пришли, не знаетъ, на какія хутора, въ коихъ захваченнаго какого-та одного офицера повѣсили. Съ того мѣста чрезъ башкирскія Уралы прямо вышли къ Магнитской крепости, которая была уже въ рукахъ самозванцовыхъ, и онъ находился тут, — людей

съ нимъ было, башкирцовъ и заводскихъ мужиковъ, тысечь до двухъ...[1]

Изъ Осы, забравъ людей и пушки, слѣдовали внизъ по Камѣ къ Казанѣ. И по всему сему тракту по деревнямъ татары и черемисы шли къ самозванцу большою частію самопроизвольно и побуждали къ тому по деревнямъ разосланныя отъ него, Пугачова, съ указами татара; и до города Казани набралось къ нему всякаго народу тысячь до дватцати. Со всею сею толпою приступили они к Казанѣ и по сильномъ супротивленіи ворвались въ городъ и оной зажгли, а въ сіе время многихъ тутъ офицеровъ, салдатъ и всякаго званія людей побили, а другихъ въ пленъ взяли. По выженіи города пытались, было, приступъ здѣлать и къ Кремлю, но, однако, отъ онаго были жестоко отбиты и, потерявши человѣк со сто или болѣе, отступили въ свой воровской станъ, гдѣ вскорѣ напалъ на нихъ полковникъ Михельсонъ съ командою, которой хотя ихъ тутъ и разбилъ, однако жъ, по побегѣ на дватцати верстахъ выше Казани паки къ самозванцу изъ тѣхъ разбитых людей тысечь до десяти набралось, съ коими самозванецъ пошелъ, было, еще къ Казанѣ, но полковникъ Михельсонъ встретилъ ихъ и по жестокомъ сраженіи всехъ разбилъ: многія изъ ихъ толпы были побиты, иные захвачены, а протчія разсыпались врознь; башкирцы же на томъ сраженіи отъ нихъ отстали, и съ того времяни, кромѣ одного старшины Кинжи, никого ихъ не было; такъже и пушекъ у него, самозванца, и фуража ничего не осталось, и лошеди все отбиты.

Самозванецъ же съ остальными, коих было тысячи съ полторы, бѣжалъ внизъ по Волгѣ, въ намѣреніи итти къ донскимъ казакамъ и къ Царицыну, по взятіи жъ Царицына — чрезъ степь проѣхать въ Яицкой городокъ и тамъ зимовать, куда и все яицкіе казаки ево подговаривали...[2] Подъ Дубовкою переночевавъ, поѣхали къ Царицыну. Въ проѣздъ ко оному, на другой день встретили ихъ около половины пути, а при каком урочище — не знаетъ, лѣгкія войски, въ числѣ семи тысечь волскихъ калмыкъ, донскихъ казаковъ и регулярныхъ малаго числа людей, съ артиллеріею, противъ которой съ стороны злодѣя употреблено сильное сраженіе. Въ кое время онъ, Пустобаевъ, былъ тогда позади съ заставнымъ знаменъ; итакъ, какимъ образомъ началось то сраженіе, самъ не видалъ, а слышалъ отъ казаковъ, что те калмыки были подъ предводительствомъ князя Дундукова, которой, будучи тутъ разбитъ, уклонился на побѣгъ; а послѣ ево взято артиллеріи девять орудей со всеми принад-

[1] *Опускается часть показания П. А. Пустобаева, излагающая события, начиная со взятия Магнитной крепости и кончая овладением г. Осой.*

[2] *Опускаются подробности следования Пугачева, после неудачи под Казанью, по внутренним уездам, кончая вступлением в Дубовку.*

лежностьми; а притомъ и та регулярная команда при одномъ капитанѣ и донскихъ казаковъ сто человѣкъ при начальнике жъ захвачены, причемъ все они были отъ самозванца утверждены присягою, и онъ, ихъ увѣря, что онъ — государь Петръ третій, императоръ, продолжалъ путь къ Царицыну. На дорогѣ, не упомнит — на какомъ мѣстѣ, самозванецъ, собравъ всехъ находящихъся при немъ главныхъ, какъ-то: Овчинникова, Перфильева и протчихъ, въ числѣ коихъ и ево, Пустобаева, жаловалъ медалями серебреными вызолочеными, кои нашивали на лентѣ; дѣлали жъ ихъ бывшія у нихъ въ толпѣ серебреники. Не доѣхавъ до Царицына, верстъ за 15-ть, переночевали. А на другой день изъ тѣхъ разбитыхъ, пріѣзжая къ самозванцу, 5 человѣкъ волскихъ калмыкъ при одномъ полковникѣ, а какъ звали — не упомнитъ, просили о принятіи ихъ съ подвластными ихъ калмыками къ себе, коихъ обьявили до 3000; а самозванецъ тѣхъ калмыкъ въ свою партію и принялъ, которыхъ для приводу къ себе послалъ ко онымъ калмыкамъ ево, Пустобаева, коихъ онъ и привелъ.

Потомъ подъѣхали къ Царицыну, отъ коего навстречу для переговорки подъѣзжали донскія казаки человѣкъ до 30-ти, къ которымъ тогда самозванецъ самъ, въ числѣ 40 человѣкъ, съ ближними своими, какъ-то: Чумаковымъ и Твороговымъ, выѣзжалъ, въ числѣ коихъ и онъ, Пустобаевъ, былъ. А, съѣхавшись съ ними, самозванецъ тѣхъ казаковъ самъ уговаривалъ, дабы они шли служить государю императору Петру третьему, но себя передъ ними, не именуя уже государемъ, называлъ присланнымъ будто-бы отъ государя фельтмаршеломъ и обѣщевалъ о всехъ винахъ ихъ упросить у государя прощенія. Напротивъ чего, донскія говорили: «Мы де Петра третіяго, императора, знаемъ и ему прежде присягали, а и теперь де, буде онъ, такъ мы ему служить будемъ. Только просимъ, чтобъ по насъ не стреляли, — мы де поѣдемъ къ городу и будемъ стоять около онаго сънизу въ сторонѣ. А въ городъ хотя и полковники наши пойдутъ, но мы входить не будемъ и стрелять по васъ не станемъ». При окончаніи сей переговорки, подъѣхали еще изъ-под Царицына четыре донскія казака, изъ коихъ одинъ, на самозванца смотря пристально, сказалъ: «Емельянъ Иванычь! здорово! Я де тебя знаю». А Пугачовъ на то ему ничего не отвѣчалъ. Сіе услышевъ, онъ, Пустобаевъ, пересталъ почитать самозванца за государя и, отъѣхавъ отъ него далѣе, казаку Чумакову, которой тутъ стоялъ и слышалъ же, по надеждѣ, какъ онъ ему, Пустобасву, братъ двоюродной, сказалъ: «Слышалъ ли де ты, какъ государя-та нашего называютъ? Видно де, онъ въ самомъ дѣлѣ злодѣй. Такъ нечего ему больше вѣрить, а надобно отъ него какъ-нибудь отстать, дабы намъ совсемъ въ конецъ не пропасть». А Чумаковъ говорилъ: «Слышалъ де и я это; однако жъ, ты молчи

объ этомъ, никому не сказывай, чтобъ онъ не свѣдалъ. А придетъ де время, — такъ онъ отъ нашихъ рукъ не отойдетъ!» Послѣ сего донскія, отъѣхавъ въ свою команду, стали на обьявленномъ отъ нихъ мѣстѣ, а Пугачовъ, учредя артиллерію отъ степи, началъ къ городу приступъ чинить; а конница отряжена была ниже того города, чтобъ отворотить тѣхъ донскихъ казаковъ; но сіи, усмотря сіе, большая изъ нихъ часть, въ городъ въѣхали, а протчія, до 500 человѣкъ, сами къ Пугачову склонились. Но какъ изъ города сильная противъ толпы стрельба производилась, то Пугачовъ отъ сего города и отступилъ, въ намерени итти къ Черному Яру. И такъ, слѣдуя отъ Царицына внизъ по Волгѣ, верстъ за 10-ть, начлегъ имѣли, и въ сію ночь присоединившіяся к нимъ ниже Саратова калмыки, 3000, все до одного, а изъ донскихъ со 150 отъ Пугачова бѣжали.

На другой день, отъ сего мѣста отошедъ верстъ съ 20, чрезъ нарочно посланныхъ для развѣдыванія казаковъ получено извѣстіе, что слѣдуетъ за ними полковникъ Михельсонъ съ корпусомъ, почему ихъ вся толпа тутъ и остановилась и, приготовясь совсемъ къ сильному противъ Михельсона отпору, во ожиданіи ево стояла на одномъ мѣстѣ во весь день; а какъ Михельсонъ пришелъ къ нимъ уже на вечеръ и нападенія на нихъ не здѣлалъ, то и они простояли на одномъ мѣстѣ во всю ночь въ готовности. По утру же рано Михельсонъ приступилъ къ нимъ и чрезъ короткое время всѣхъ ихъ разбилъ. У самозванца въ шайкѣ было людей до 10000. Во время сраженія сколько у нихъ въ толпѣ побито людей — не знаетъ, ибо они уже, оставя, все бѣжали къ Волгѣ; донскія жъ казаки, которые подъ Царицыным къ самозванцу пристали, — сколько ихъ за уходомъ протчихъ оставалось — при семъ сраженіи на нихъ же обратились.

Переѣхавъ чрезъ Волгу на луговую сторону, онъ, Пустобаевъ, соглашалъ казаковъ: Марковцова, Огороднова и другихъ, кои нынѣ съ нимъ привезены, чтобъ, отъ злодѣя отставъ, итти съ повинною. И условившись съ ними, отъ злодѣя отстали, выше Чернаго Яру отъ Волги верстахъ въ двадцати или менѣе, и ѣхали прямо въ Яицкой городокъ. На другой день наѣхали на нихъ яицкіе казаки, Савелей Алферовъ с товарыщи, 6 человѣкъ, кои сказывали, что они такъже отстали отъ Пугачова, не имѣвъ желанія больше за нимъ ѣхать, сказывая при томъ, что Пугачовъ ихъ звалъ съ собою въверхъ по Волгѣ на Дубовку для перемены лошадей, ибо подъ ними лошади были весма худы, съ Дубовки, получа лошадей и хлѣба, — на Ѣлтанскую соль и на Узени, а съ Узеней — на нижніе яицкіе фарпосты, съ коихъ, забравъ казаковъ или же не заѣзжая на фарпосты, уже прямо ѣхать чрезъ степь къ морскимъ ватагамъ. Ѣхавши они съ сими, приставшими къ нимъ, казаками сюда вмѣстѣ, до рѣчекъ Чежей, а на оныхъ разъѣхались врознь для стрелянія зверей. Онъ же,

Пустобаевъ, съ некоторыми при урочище Белой Розсаши остановился для варенія каши; и когда наѣхала на нихъ, Пустобаева с товарищи, разъѣзднa[я] изъ городка команда, то онъ и протчія никакого супротивленія не чинили, а, положа ружья, отдались сами въ руки, такъ какъ ихъ и намѣреніе было явитца въ городкѣ; а той же командѣ объявилъ и о другихъ своихъ товарищахъ, отлучившихся отъ нихъ для стрелянія зверей, коихъ онъ вмѣстѣ съ тою командою и нашелъ. Въпротчемъ, бывшей съ ними таварищъ, казакъ Афанасей Перфильевъ, по переѣздѣ Волги-рѣки имѣлъ намѣреніе и ихъ съ казаками подговаривалъ, подъѣхавъ подъ Яицкой городокъ, в степи въ удобномъ мѣстѣ скрытся и жить уѣдиненно. Однако жъ онъ, Пустобаевъ, на то не согласился да и другимъ казакамъ, а особливо Марковцову, подтверждалъ ево Перфильева наблюдать, дабы онъ отъ нихъ куда-либо не скрылся, почитая ево важнымъ потому, что онъ при злодѣе Пугачовѣ былъ первой и людямъ всякое дѣлалъ истязаніе, и возмущеніи въ народъ производилъ онъ болѣе всѣхъ, и у самозванца въ полной власти былъ.

Въ чем сказалъ сущую правду и ничего не утаилъ, и приноситъ во всемъ чистосердечное раскаяніе и повиновеніе, съ желаніемъ въпредь свою вину ея величеству всемилостивѣйшей государыне кровію заслужить...[1]

(Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, лл. 151—159.)

№ 74.

1774 года декабря 5 дня въ Тайной Экспедиціи въ присутствіи генерала-маіора и кавалера Потемкина злодѣй Пугачовъ спрашиванъ былъ съ довольным увѣщаніемъ, чтобъ онъ принесъ богу, всемилостивѣйшей государынѣ и предъ всѣмъ отечествомъ во всѣхъ своихъ дѣйствахъ покаяніе. И оной Пугачовъ, ставъ на колѣни, говорилъ:

Что во всѣхъ своихъ безчисленныхъ злодѣяніяхъ богу и ея и. в., и всему роду христіанскому покаяніе приносилъ, и значитъ въ показанномъ его допросѣ; и болѣе онъ при всякихъ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, чему онъ достойнымъ себя щитаетъ, инова ничего открыть не знаетъ. А всіё отъ него злодѣяніе произошло по поводу яицкихъ казаковъ, ибо они точно знали, что онъ не государь, а донской казакъ; но они желали симъ ево злодѣяніем получить себѣ помочь, ибо онъ самъ отъ Шигаева настоящаго своего имяни не таилъ. При семъ же объявлялъ онъ, что хотя в допросѣ своемъ о томъ, что Пьяновъ ему сказывалъ, что въ Царицынѣ проявился государь, но сего онъ точно утвердить не можетъ, что сіе выходитъ у него изъ памяти,

[1] *Конец показания Пустобаева опускается.*

и сію исторію о царицынскомъ самозванцѣ расказывалъ ему Чика. Да еще пришло ему въ память, что, будучи въ Бердѣ, Перфильевъ и Овчинниковъ ему говорили: «Какъ дѣ мы возмемъ Казань, то пойдемъ въ Москву,— тамъ дѣ нынѣ нѣту никакова войска».

Чика показалъ, что онъ злодѣю о царицынскомъ самозванцѣ сказывалъ, слыша объ ономъ въ городѣ отъ многихъ.

Шигаевъ въ очной ставкѣ съ злодѣем говорилъ: что онъ о Пугачовѣ, что онъ — донской казакъ, не зналъ и злодѣю о семъ не говорилъ; но съ Бородинымъ, однако жъ, связать злодѣя и отвести въ Оренбургъ хотѣлъ, а не доносилъ дѣ въ Яикѣ въ свое время, чтобъ человѣка три—четырѣ, кои о злодѣе знали, не претерпѣли наказанія или бѣды; а притомъ размышлялъ и то, что «естьли я донесу, и за злодѣем пошлютъ, а онъ куда скроится, — такъ я и пропалъ».

Караваевъ показалъ, что онъ о злодѣе въ свое время въ городѣ Яикѣ не объявилъ, пожелѣя Шигаева, штобъ ево не погубить, такъже и другихъ, кто злодѣя видѣлъ.

(Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 457—458.)

№ 75.

Вѣдомость

раззореннымъ до основанія крѣпостямъ и редутам, и которые нѣсколько повреждены.

Раззоренные до основанія.	Которые нѣсколько повреждены.
Начиная отъ Оренбурга, вверхъ Урала къ Сибирской линіи.	Вверхъ Урала.
1. Неженской редутъ	1. Красногорская крѣпость
2. Вязовской редутъ	2. Озерная
3. Гирьяльской редутъ	3. Орская
4. Никольской редутъ	4. Кизильская
1. Ильинская крѣпость	5. Троицкая
5. Подгорной редутъ	6. Каракульская
2. Губерлинская крѣпость	Вънизъ по Уралу.
6. Разбойной редутъ	7. Чернореченская крѣпость
7. Калпацкой редутъ	8. Татищева
8. Тереклинской редутъ	

Раззоренные до основанія.	Которые нѣсколько повреждены.
3. Таналыцкая крѣпость	9. Нижне-Озерная
9. Орховской редутъ	10. Разсыпная
4. Уртазымская крѣпость	11. Гурьевъ городокъ
10. Березовской редутъ	
11. Грязнушной редутъ	По Самарской линіи.
12. Сыртинской редутъ	
13. Янгельской редутъ	12. Переволоцкая
5. Магнитная крѣпость	13. Новосергіевская
14. Урлядинской редутъ	14. Сорочинская
6. Уклы-Карагайская крѣпость	15. Бузулуцкая
7. Петропавловская крѣпость	16. Елшанская
15. Кидыжской редутъ	17. Борская
8. Степная крѣпость	18. Красносамарская
16. Подгорной редутъ	19. Пригородъ Алексѣевскъ
17. Санарской редутъ	20. Городъ Самара
	21. Ставраполь
Итого: 8 крѣпостей, 17 редутовъ.	Итого: 21 крѣпость.

Іванъ Рейнсдорпъ.

Титулярной совѣтникъ Петръ Чучаловъ.

(П. А., кн. XIV, л. 106.)

Донские и волжские казаки в Пугачевщину.

№ 76.[1]

Высокородному и высокопочтенному господину бригадиру и Хоперской крѣпости коменданту, Іонѣ Венедиктьевичу Аршеневскому — при войскѣ Донскомъ отъ арміи полковника Себрякова

Рапортъ.

Какъ сначала получа я изъ Михайловской станицы отъ старшины Осипа Лащилина въ разные, однако въ скорые, числа его рапорты, по присланнымъ къ нему отъ вашего высокородія увѣдомленіямъ о государственномъ злодѣѣ Пугачевѣ, что онъ, разоря Казань, вступилъ въ города Алатырь и Саранскъ и вышелъ въ Нижней Ломовъ,—я посему по усердности моей къ отечеству имѣю нѣсколько на сей случай возложенное по сообщенію отъ войска Донскаго Войсковой Канцеляріи опредѣленіе,— того жъ самаго часу для закрытія войска Донскаго жилищъ и на пораженіе сего злодѣя здѣлалъ распоряженіе такъ, чтобъ находящіяся здѣсь въ верховыхъ станицахъ старшины въ самой скорости выслали со всѣхъ станицъ козаковъ поголовно на тѣ мѣста, откуду опасность слѣдовала. Какъ я тогда чрезъ короткое время уже получилъ отъ господина полковника и Царицынскаго коменданта Цыплетева сообщеніе, яко помянутой злодѣй Саратовымъ овладѣлъ, истребовалъ отъ стороны Донскаго войска, чтобъ надъ симъ злодѣемъ былъ учиненъ поискъ и стараться при помощи божіей его разбить; а на сей же случай и другіе регулярные и калмыцкія войски отправлены. Почему и приказано отъ меня было старшинѣ Кулбакову ѣхать въ верховыя Медвѣдкія станицы и, собравъ тамъ, такъже изъ Бузулуцкихъ станицъ, всѣхъ козаковъ поголовно, занять съ оными пасть на рѣчки Березовки и стараться чинить за злодѣемъ поискъ, а между тѣмъ, не упуская время, крайнѣйше стараться посылкою отъ себя и требованіемъ отъ опредѣленныхъ старшинъ выгонки всѣхъ станицъ козаковъ.

---

[1] *Перед текстом:* «Полученъ въ Резанѣ 21 августа 1774 года. № 91. Ж. Копія».

Но только чрезъ большую долговременность ни изъ одной станицы каза[ко]въ не получалъ. И сверхъ чаянія моего 16 августа старшина Кулбаковъ, оставя занятой въ верьховыхъ Медвѣцкихъ станицахъ постъ свой, ко мнѣ пріѣхалъ, обьявилъ: что ему за приближеніемъ къ нему до дву тысячь злодѣйской толпы съ малою командою устоять не можно,—въ присылкѣ ни отъкуду козаковъ; изъ тамошнихъ Медвѣцкихъ станицъ козаки стали каждой спасать животъ свой, то и онъ отъ такой растройки оттуда уѣхалъ; а городъ де Дмитріевскъ Пугачевымъ совсѣмъ разоренъ, и къ Царицыну пошелъ. И по симъ увѣдомленіямъ еще получилъ я рапортъ отъ двухъ козацкихъ полковниковъ, Мексима Якова[1] и Андрея Вуколова, которые были отъ походнаго атамана командированы на помощъ показанному старшинѣ Укалову, что они, не имѣя за неспособностію надежности въ людяхъ, вдаль иттить усумнились; а изъ верьховыхъ Медвѣцкихъ станицъ не только никакаго вспоможенія, но и по требованію людей имъ не давали. Такожъ наряженныхъ ихъ въ команду ни одного человѣка не выслали и, къ немалому сумнѣнію и опасности, ту злодѣйскую толпу принимаютъ встречею съ хлѣбомъ и солью, и знаменами; да изъ другихъ мѣстъ козаки высылали[с]ь съ крайнею медлительностію.

По которымъ важнымъ опасностямъ я жъ уже болѣе мѣсяця одержимъ жестокою лихорадкою, зачемъ, препоруча къ предохраненію отечеству присланному для того отъ войска Донскаго походному атаману Луковкину, отѣхалъ изъ дому своего подъ защищеніе Хоперской крѣпости и сего числа въ Михайловскую станицу прибылъ. Того ради вашего высокородія покорнѣйше прошу, в случаѣ надобности, дозволить мнѣ съ фамиліею моею пріѣхать во оную крѣпость. А каковое мною вчерашнего дни въ ночи получено отъ господина полковника и царицынскаго коменданта сообщеніе, съ того къ свѣдѣнію вашему высокородію прилагаю копію.

(П. А., кн. V, лл. 235—236.)

№ 77.[2]

Его сиятелству высокопревосходителному господину генералу-аншефу, сенатору и разных орденовъ кавалеру, графу Петру Ивановичу Панину—от генерал-майора и ковалера князя Галицына

Репортъ.

Последним моим репортомъ от 12 сего августа я имелъ честь вашему сиятельству донести, что злодей Пугачевъ овла-

[1] *Надо читать, очевидно:* «Максима Янова».
[2] *Перед текстом:* «Полученъ 24 августа 1774 года. № 92. Ж. Копія».

делъ Саратавамъ. Первыя маи распоряженіі были те, чтобы не допустить его, какъ в больших силах находящагося, зделать покушение во вредъ нашим, преследующим его, небольшим командамъ; почему со всех сторон и приказалъ приумножить поспешности въ марше. А сам я, будучи съ частью войскъ, каторые при мне находятца, назади, успелъ въ два дни зделать болея ста шестидесяти верстъ, дабы соединиться с господином генералом-майоромъ Мансуровымъ. Равным образомъ и полковникъ Михельсонъ, будучи от меня предупрежденъ, старался скарея из Пензы подкрепить деташаменты подполковника Муфеля и секундъ-майора граfа Мелина. Главной в сем случае предъметъ мой клонился к тому, чтобы чрезъ оное движение атнять у злодея все способы пробраться обратно в здешния места, но скорым бы маим поспешениемъ застать его в Саратове и атаковать съ обеих сторонъ, то-есть со здешней дороги и от Петровской крепости. Но варваръ, о приближени моем будучи уведомленъ и не мешкавъ нимало потомъ в сем городе, 10-го числа сего месяца собрал там сваю дружину и побежалъ из онаго, въ числе не менее десети тысечь...[1]

...я для предупрежденія столь распространяющагося зла предложилъ господину генералу-маіору Мансурову, чтобы онъ по слѣдамъ сего злодѣя здѣлалъ сильное послѣдованіе, взявъ въ команду свою деташаменты полковника Михельсона, подполковника Муфеля и секундъ-маіора графа Мелина и, раздѣля оныя для лучшей удобности на двѣ части, отправился бы съ первою самъ по самымъ измѣнническимъ стопамъ, а другую подъ командою полковника Михельсона послалъ бы по рѣкѣ Медвѣдицѣ, какъ для прикрытія донскихъ станицъ, такъ еще наиболѣе и для того, чтобъ симъ движеніемъ можно было дѣлать примѣчаніи и на московскую сторону.

Изъ сего настоящихъ дѣлъ произшествія, ваше сіятельство, изволите усмотрѣть, что главное злодѣйство ядъ свой распускаетъ между рекъ Дона и Волги. Я, не зная точно, въ какомъ положеніи при сихъ обстоятельствахъ находится будутъ нравы донскихъ казаковъ, имѣю предварительно довольныя причины объ нихъ сумневатся, по ихъ всегдашней привязанности къ прежнимъ обычаямъ и суевѣрствамъ, и потому болѣе предполагаю, что генерально на всѣхъ ихъ положится нельзя, а надобно думать, что часть изъ нихъ присоединится къ злодѣю, развѣ не будутъ ли они отъ того предудержаны заключеннымъ нынѣ миромъ. Но при всѣхъ сихъ моихъ предразсужденіяхъ не оставилъ я увѣдомить донскихъ начальниковъ о приближеніи къ нимъ зла, утвѣрждая ихъ въ вѣрности, какъ должностію, такъ и зва-

[1] *Опускается часть рапорта, где сообщается о движении отрядов Меллина и Муффеля.*

ніемъ, къ соблюденію того ихъ обязывающими; а, между тѣмъ, коснулся я и до того, что по возстановленіи съ турками покоя большая часть обращена полковъ на пресѣченіе сего внутренняго возмущенія, какъ еще, сверьхъ того, и другіе полки изъ Москвы слѣдованіемъ своимъ къ здѣшнимъ предѣламъ предуспѣваютъ. Сверьхъ же сего, съ отряженными войсками съ господиномъ генераломъ-маіоромъ Мансуровымъ отправилъ я туда и донскаго войска полковника Денисьева, которой по долговремянной его службѣ, будучи всегда отличнымъ и въ Прускую войну, наконецъ при всѣхъ на Дону замѣшательствахъ доказалъ непоколебимую свою вѣрность, и не можетъ ли онъ своимъ прибытіемъ удержать въ должномъ повиновеніи своихъ однородцовъ...[1]

Развращеніе въ здѣшнихъ дѣлахъ столь велико, что я не знаю, къ чему теперь мнѣ наибольшую свою поспѣшность обратить.[2]

Синбирскаго и Пензенскаго уѣздовъ чернь вся заразою дышетъ, утвѣрждая по своей глупости и по обольщенію самозванца, что онъ — самой покойной государь Петръ третей, — збирается въ немалые скопищи, истребляетъ дворянство и, однимъ словомъ, дѣлаетъ превеличайшіе раззоренія и неустройство въ земли...[3]

Я обязаннымъ себя по должности моей нахожу вашему сіятельству донести, сколь нужно и надобно, чтобы для предупрежденія сего зла начальники войскъ, изъ разныхъ мѣстъ слѣдующихъ, возмогли скорымъ своимъ прибытіемъ оградить здѣшнія мѣста безопасностію отъ пріумножающихся возмущеній и ежечасно открывающихся новыхъ непріятныхъ слѣдствій. А поелику мнѣ извѣстно нынѣшнее въ здѣшнемъ зараженномъ краю положеніе дѣлъ, то я вашему сіятельству съ покорностію моею и представляю, что къ слѣдованію онымъ войскамъ нахожу я съ своей стороны три нужнѣйшія и главнѣйшія пункта, а имянно: 1-е, чтобъ обращена была часть къ самымъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ злость самозванца пребываетъ, чемъ удобно будетъ и донскихъ казаковъ воздержать въ надлѣжащемъ повиновеніи. 2-е, къ Яицкому городку переправить довольное количество чрезъ Волгу, подъ Самарою или подъ Сызраномъ, и чрезъ то не допустить киргисъ-касакъ далѣе свои грабительствы производить. И наконецъ 3-е, — къ Синбирску и, перешедъ подъ самымъ онымъ городомъ чрезъ Волгу, слѣдовать прямо къ называемой Новой Московской дорогѣ, вступая на оную между Кичу-

[1] *Опускается часть рапорта кн. Голицына в связи с взятием Саратова Пугачевым.*

[2] *Опускается упоминание о неустройствах благодаря действиям киргизов и башкиров.*

[3] *Опускается общая оценка кн. Голицыным положения в Заволжьи.*

евскаго Фелдшанца и Бугульмы; обороты же сему войску по переменяющимся абстаятельствам делъ разполагать въ тех местах, где кагда балшая въ них нужда предусмотрится: къ стороне ли Оренбурга или и Казани; а при таких своих движениях равномерно могут итти по востребованию надобности и в средину Башъкиріи, что все, аднако ж, предоставляю я собственному вашего сиятельства разсмотрению.

А на случай могущей последовать от вашего сиятелства на сие, представленное от меня, мнение апрабаци за необхадимо почитаю я предваритъ ваше сиятелство уведомлениемъ моим и о том, что въ Синбирском, Сызъранскомъ и Саратовском уездахъ, а частию и в Пензенском, по неурожаю нынешнимъ летомъ всякаго хлеба, оказывается совершенной голодъ, такъ что и ныне уже крестьяне не имеютъ совсемъ никакого пропитания, а продажа онаго въ тех местах возвысилась до трехъ рублѣвъ дватцати копеекъ четверть. Итакъ, дабы следстви сего недостатка сколько возможно предупреждены были, необходимо надлежитъ, не только для продовольствия войскъ, но и для самых абывателей, предуготовить дастаточныя магазины; а чрез сие самое можно некоторым образомъ и прелепляющуюся къ самозванцу чернъ от того воздержать; въ противном же случае, когда они лишены будутъ при сих нужныхъ обстоятелствахъ къ пропитанию своему надежды, то отчаянность можетъ их довести до самой верхней степени самовольствъ и продерзостей...[1]

Отъ расположенныхъ деташаментовъ въ Башкиріи подъ камандами полковниковъ Шепелева и Якубовича и подполковника Рылева я никакихъ извѣстій не имѣю; напротивъ того, полковникъ Кожинъ присланнымъ ко мнѣ от 6 сего августа рапортомъ увѣдомилъ, что, получа, онъ, извѣстіе о появившейся за рѣкою Иком злодѣйской толпѣ, отрядилъ для учиненія надъ нею поиска главнаго башкирскаго старшину Кидряса Муллакаева съ вѣрными башкирцами, которой 4 того августа, нашедъ оныхъ злодѣевъ, поймалъ самаго ихъ начальнаго возмутителя, мещеряцкова сотника Каинзефера Усаева съ двумя мещеряками и съ ихъ знаме[не]мъ, которой называлъ себя главнымъ злодѣйскимъ полковникомъ, произведеннымъ въ сей чинъ самимъ государственнымъ бунтовщикомъ Пугачевымъ и которой, по приводѣ его къ помянутому полковнику Кожину въ Богульму, въ допросѣ показалъ, что за означенною рѣкою Икомъ, какъ остатки отъ его толпы, такъ и другія еще злодѣйскія партіи шатаются, почему для истре-

[1] *Опускаются: а) сообщение о переписке кн. Голицына с казанским обер-комендантом Лецким относительно продовольствия, б) уведомление о предстоящих планах самого кн. Голицына и в) донесение о награждении войск, разбивших Пугачева под Татищевой крепостью «третным не в зачет жалованьем».*

бленія оныхъ и отрядилъ онъ, Кожинъ, довольную каманду съ капитаномъ Богатыревымъ...[1]

Въ окончаніи сего, здѣсь же включаю я рапортъ, подъ № 16-м, Исецкаго воеводы подполковника Лазарева къ означенному жъ предмѣстнику моему и обращеніи тамошняго народа, духомъ измѣны зараженнаго, къ законному повиновѣнію и спокойствію.

№ 1775. Село Томашево, отъ Сызрана,
16 августа 1774 года. далѣе къ Саратову, 40 верстъ.

(П. А., кн. V, лл. 237 — 245.)

№ 78.[2]

Копия с писма

брегадира Брынка къ генерал-порутчику і ковалеру Щербинину от 16 августа.

Вашему высокопревосходителству честь имѣю донести, что часть едичкуловъ х Кубане уже зближилась и начали переправлятца, а я с войсками к свободному въ ихъ жилища расположенію от Кубани отдѣляюсь.

Чрезъ союзниковъ нашихъ слышу я, что донцы худыя мысли имѣютъ, и нѣкоторой подлой народъ охотно бунтовщика Пугачева ожидают. Болѣе затѣмъ здѣсь новостей никаких нѣтъ; потому, вашему высокопревосходителству поднеся мое усердное почтеніе, честь имѣю пребывать навсегда.[3]

(П. А., кн. V, л. 35.)

№ 79.[4]

Высокородный и превосходителныі господинъ генералъ-майоръ і ковалеръ! Милостивой государь мой!

Сего числа въ 9-м часу пополуночи получил я отъ Хоперского каменданта брегадира Аршеневского, одно за однимъ, два репорта, которыми, по доставленнымъ к нему войска Донскаго от походного есаула Озерина і от полковника Себрякова ізвестиямъ, уведомляет: 1-е, что государьственного ізменника Пуга-

---

[1] *Опускается та часть рапорта кн. Голицына, где он перечисляет приложения, пересылаемые к гр. Панину вместе с рапортом, и запрашивает, как ему быть с «бунтовщиками и смертоубийцами», которых доставляют «со всех сторон».*

[2] *Перед заглавием:* «№ 3».

[3] *«Копия с письма» засвидетельствована подписями:* «Секретарь Александръ Любицки. С подлиннымъ читалъ регистраторъ Евстафей Барабашовъ».

[4] *Перед текстом:* «По секрету». *На поле внизу:* «№ 1539». *После текста:* «Его превосходителству Чорбе».

чова талпа, до тысечи пятисотъ человекъ, идетъ внизъ по реке Медведице и в верховье оной Березовскую станицу заняла, і что выступившие противъ ея донския, в числе четырехсотъ, казаки противитца не могли и отступили. 2-е, противъ самого ево, изменника, калмыки, не выдержавъ і первого огня, разбежались, а князь Дундуковъ с несколким числомъ калмыкъ прибежалъ в Царицын; і что изменникъ застушилъ в Дубовку и идет к Царицыну. Во многихъ же войска Донскаго станицах толпу ево, злодея, стречаютъ не толко с хлебомъ і солью, но и знаменами.

А посему онъ, Аршеневской, сумневается, что і на Хоперскую крепость стремления своего не оставитъ, и, какъ онъ малолюден, проситъ споможения. Сие самое требуетъ поспешного вашего превосходителства з деташаментомъ прибытия к Танбову, отъкуда Хоперская крепость и другия здешния места, требующия споможения і защиты, не в далномъ разстоянiі; такъже способъ будетъ и ко отражению злодея от внутренности войска Донскаго. К приведению жъ черни к спокойствию і должному повиновению доволно оставить одинъ эскодронъ, которой можетъ соединитца с отправленнымъ от меня Сибирского карабинерного полку маіоромъ Калычовымъ, находящимся теперь в Керенскомъ или Верхоламовскомъ уездахъ, — на сие імею ожидать я от вашего превосходителства непродолъжителного уведомления.

Пребывая съ истинным почтениемъ, вашего превосходителства, милостивого государя моего, покорныі слуга

Н. Шетневъ.

Августа 22-го дня 1774 году.
Воронежъ.

(П. А., кн. V, л. 145.)

№ 80.[1]

1774-го года августа под 22-е число,[2] ночью, присланной при рапорте от старшины Василья Манкова, нижеписанной, от злодея и изменника Пугочева с писмомъ въ Иловлинскую станицу подосланной, человекъ в Войсковой Канцелярiі спрашиванъ и показал:

Зовутъ ево Иваномъ, Барисовъ сынъ, Черниковъ; от роду ему съ 35-ть летъ, грамоте читатъ и писатъ не умеетъ. Родился в Волскомъ войске въ Антиповской станицы,—природной

[1] *Перед текстом:* «Копи». *В «копии» показаний И. Б. Черникова на полях частично две скрепы, полный текст которых следующий:* «Войсковой наказной дьякъ Иванъ Несмѣяновъ. С подлинныі читалъ повытчикъ Максимъ Несмѣяновъ».

[2] *В оригинале перед датой — №:* «1».

казачей сынъ. Отецъ ево Барисъ, Ивановъ сынъ, Черниковъ и мать Степанида Степанова в давнихъ годехъ померли, а онъ, жителствуя в той Антиповской станицы своимъ домомъ с женою своею Марфою Кандратъевою и детми: сыномъ Иваномъ тринатцати и дочерью Аленою трехъ-летными, производитъ казачью службу. Назатъ тому летъ с шестнатцатъ, о верной службы [?] присегал онъ, во-первыхъ, покойному императору Петру третьему, а потомъ нынѣ благополучно царствующей великой государынѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссiйской, и наслѣднику ея, его императорскому высочеству государю-цѣсаревичу и великому князю Павлу Петровичу.

О известномъ государственномъ злодее и iзменнике Пугочеве, съ ево злодейскою толпою, какъ въ их станицу доходили слухи, что он, злодей, следуя, раззоряетъ города и протчия жилища, в томъ числѣ Саратовъ, а наконецъ и Дмитревскъ,—i онѣ, разсуждая неоднократно, собирались на зборъ к принятию от того злодея предосторожности, которую и наблюдали. А, наконецъ, 13-го сего августа, яко-то в среду, по бытности ево, Черникова, в хуторе своемъ, прозываемомъ Саломатином, приехавъ туда, станищной их старшина Iванъ Никифоровъ обявил ему, Черникову, и всемъ, в техъ хуторахъ живущимъ, казакамъ, что в станицу ихъ, называя, от самозванца Пугочева прислано к нимъ писмо, в коем де он пишит, чтоб онѣ ему без супротивления здались, ограживая, естли не склонятца, всехъ вырубитъ и жилище выжгитъ, для чего к согласию и велел всемъ съезжатся в станицу. По каковой повестки он, Черниковъ, какъ в четверхъ по утру приехал в станицу, то уже у станицы их на пристани нахадилась болшое судно, прибывшее сверху по Волге, с разною ис толпы злодейской до тысячи человекъ ис каторжных, у коихъ и ноздри рваты и клейманы, сволочью, которые уже, ходя по станицы, грабили дома. А слухъ былъ, что и самъ злодей с толпою в близости, почему, збираясь, все оне, раза с три в одно место, разсуждали, что в таком случае чинитъ: противу ли злодея ититъ или побегомъ спасатца, или же склонитца к нему, злодею, и напоследокъ все, будучи в страхе, сожалея женъ своих детей и iмущество, согласились, по малоимению к сопротивлению людей, к нему склонитца.

И для того онѣ, человекъ до сороку, взявъ с собою три знамя, собравшись, того злодея, следующаго уже со всею ево толпою прямо къ их станицы, верстъ за семъ, встревъ, по научению яицкихъ казаковъ пешие на коленах ему поклонились с пригнутиемъ своих знаменъ, причемъ многие из нихъ по тому жъ научению целовали злодейскую ево руку; а что при томъ он, злодей, с стариками их, прозываемыми забурунными, и другими казаками разговаривал, он, Черниковъ, не слышел. А за станицею и все вышедшие от старова до малова,

мужеска и женска пола, с образами и колокольным звономъ потому ж ево, злодея, ехавшаго верхи на пегой лошади инаходой, также на коленах встрели жъ: а он, злодей, верхи, поцеловавъ у попа крестъ, прямо въехал в станицу и в доме их станицы казака Родиона Осипова забуруннова с своими злодейскими началниками обедал. А бывших до приезду ево в станицы их из судна толпы ево злодеевъ, которые грабили по домамъ пожитки и хлебъ и взяли на то судно станищную их чугинную [sic]пушку да бочонокъ пороху, всехъ из станицы выслал. Между чемъ и один бывшей въ их Караваевской станицы казакъ, прозываемой Прянишниковъ, за выговоренные только о злодее при разговорѣ з другимъ казакомъ сиі речи, что «он не государь, а душамъ нашимъ пагубникъ», по приказу ево злодейскому яицкими казаками повешенъ. Бывшие ж в станицы их для битья каменьевъ каторжные дватцатъ человекъ освобождены и отосланы к таковым же каторжнымъ на судно, а находившияся при нихъ порутчикъ и салдаты, более дватцати, злодеемъ в толпу побраты, и обрезаны у нихъ волосы по-казацки. Пообедавши ж, он, злодей, приказал станищному их атаману Ивану Платонову, забравъ с собою всех станишных старшинъ, есаула и казаковъ, в томъ числѣ и ево, Черникова, с станищными знаменами следоватъ с нимъ, злодеемъ; почему всехъ их и выступило с нимъ, злодеемъ, человекъ до сороку. А отшедъ отъ их станицы верстъ с восемъ, тотъ злодей на речке Балыклее начевал. За выходом же злодейскимъ изъ их станицы, и судно с злодейскою толпою внизъ по Волге отправилось; а сволочь злодейская, вступя в станицу, все имение у них пограбила, какъ и все их хутора без остатка ими раззорены. А намерение оного злодея было, чтоб итить в Караваевскую и Балыклеевскую станицу, а оттуда в города Дубовку и Царицынъ, а ис Царицына на Донъ.

По переночеваніі ж на той речке Балыклее, [1] по утру в пятницу 15-го числа он, злодей, с толпою и с ними отправился к Караваевской станицы; а на пути и все с Казаваевской и Балыклеевской станицъ казаки к нему, злодею, за препровождением посыланной за ними злодейской толпы приехали. На самом же семъ походе, по приказу злодейскому, станищной их атаманъ Иванъ Платоновъ, наредя ево, Черникова, да другова казака — Кирсана Тарасова, обоих их представил к злодею, ехавшему верхи на лошади, а он, злодей, подавъ имъ держанной имъ, злодеемъ, в своих руках запечатанной комвертъ, назвавъ писмомъ, велел отвесть на Медведицу в Березовскую станицу; а опотомъ [sic] взявъ оной обратно в свои руки, приказывал имъ отвесть на Донъ въ Иловлинскую станицу. А какъ на томъ писме надпись была в Березовскую станицу, то он, злодей,

[1] *Опускается:* «по утру».

проговаривая, что въ Иловле будутъ сумневатца и не распечатаютъ, велел писарю своему, яицкому казаку, имеющаму у себя большую рыжею бороду, перечистя, переправить на Иловлинскую станицу; которой писарь, отъехав к телеги, и переправил и імъ препоручил с темъ: какъ злодей имъ приказывал, чтоб отвесть то писмо въ Иловлинскую станицу и, въехав прямо в домъ той станицы казака Федора Аликова, то писмо ему подать, — а он де можетъ оное обявитъ станищному своему атаману и казакамъ. С которымъ писмомъ оне после полденъ в пятницу и отправились в путь, а в суботу 16 числа в обеды, приехавъ, онѣ, в ту Иловлинскую станицу, въехали прямо в дворъ ко означенному казаку Аликову и, подав ему, бывшему в доме с своею семъею, то злодейское писмо, обявили, что оно к пимъ с ними прислано от самозванца, о которомъ он, Аликовъ, спросил, где он находитца; на что онѣ и сказали ему, что отправился х Караваевской станицы. Он же, Аликовъ, тотъчасъ с темъ писмомъ пошел к станищному своему атаману, после чего он, Аликовъ, с протчими казаками, взявъ обоих их, представили находившемуся близъ станицы их в полверсты лагиремъ старшинѣ Василью Манкову, а онъ, Манковъ, взявъ их под караул, отправил в Качал[и]нскую станицу; а отуда отосланы: товарищъ ево Тарасовъ — в Царицынъ, а он, Черниковъ, — к войску Донскому в Черкаской.

При отправленіі ж их злодеемъ с писмомъ, от него имъ другова приказания, чтоб ехатъ в другие донские станицы и чинитъ об немъ разглашение, не было, а приказывал только, чтоб отвесть то писмо и, отдавъ казаку Аликову, назад к нему возвратится. Точию де обое онѣ к возвращению вовсе намерения не имели и никакого нигде о том злодее разглашения и подольщения не чинили и, кроме казака Аликова, ни в которую станицу и ни х кому не въезжали, да и, по приезде к Аликову, никаких к подольщению о злодее речей не говорили, а, называя ево злодеемъ, упоминали, что он все их жилища разорил и імение пограбил, какъ имъ, при отъезде от злодея с писмомъ, наодинѣ их станицы казакъ Родион Забурунновъ сказывал такие слова, чтоб онѣ, будучи в донских станицах, уверяли всех, что оной злодей — точно самозванецъ и варваръ.

В толпе ж ево, злодея, видел онъ яицких казаковъ до трех сотъ, а сверхъ того разная сволочь, какъ-то: казанские татары, лакеи, крестьяне, ссылачные и протчая сволочь, коих всех какъ тысячь до шести и толко почесть оруженных тысячи с две, а то все без всяких оружей. И многие е[з]дятъ в телегах, коих, тожъ калясакъ и берлиновъ, в обозе ево состоит многое число, — и более пятисотъ; в коемъ обозе многое число женъ и обоего пола детей. Да слышел он в той толпе, что из Саратова по раззореніі оного отправлены от него, злодея, две партіі: одна к реке Медведицѣ, а другая по переправленіі чрезъ Волгу на луговую оной сто-

рону, при предводителе — одна, что за Волгою — родом арапе, с темъ чтоб сей заволоцкой партіи сообщится с нимъ, злодеемъ, у Царицына; во многом же те партіи числѣ, ис каких людей и куда точно отправлены, иі [sic] где находятца, — онъ не слышел. При злодейской же толпе видел он шесть медных походных пушакъ и при нихъ из салдатъ в казацкомъ платье кананиръ, да захваченных злодеемъ в Петровске и Саратове донских и іхъ, волских, казаковъ, распределенных по злодейскимъ полкамъ, какъ и оне определены были в полкъ Волского войска казака Ивана Казмина, взятого злодеемъ в Петровске. Да слышел он заподлинно что имъ, злодеемъ, городъ Дмитревскъ весъ разоренъ, и комендантъ Каспер Меллин да одинъ капитан Аигишевъ [?] сколапы. А о заключенномъ с Атаманскою Портою мире хотя в толпе злодейской и слышно, но как де оне яицким казакамъ о томъ мирѣ в разговоре скажут, то оне, браня их матерно, смеютца, говоря такъ: «Вот де помирились!»

Злодей же, какъ он ево на свои глаза точно видел, — приметами: росту среднего, тонокъ, плечистъ, круглоликъ, смуглъ, конопатъ; волосы на голове, усах, бровах [?] и бороде русые с малою сединою, а борода неболшая; носъ с неболшою на немъ горбиною, конецъ его кверху загнулся, и кожа лупитца. Что же при нем жена и дети находятся, того он не слышал, а только при злодее видел одну женку в немецкомъ платье с сыномъ, летъ осми, да трех в таком же платъе всрослых девокъ.

И что он обо всемъ томъ показал истинну, в томъ и подписуетца.

(П. А., кн. VI, лл. 371—374.)

№ 81. [1]

. . . . . .

Кажется к лутчему, но без войска далней благонадежности чаять не можно, ибо примѣтна слабость народная, — естли не преданность к злодѣю, то робость в супротивленіи. И для того, милостивый государь, упреждаю моими выпрашиваніями хотя малова числа войска; какъ и из нынѣшняго сообщенія моего к графу Валентину Платоновичу, в копіи здѣсь приложенного, усмотрѣть изволитѣ, яко прі войске и обыватели ободрятся і могутъ содѣйствовать вообще.

В пути моемъ новое получилъ из Слободской губерніи уведомленіе о оказавшемся будто в Новороссійской губерніи на

[1] *Печатается конец рапорта губернатора Украинской Слободской губерніи генерал-поручика Щербинина гр. П. И. Панину; начало рапорта отсутствует в деле.*

линіи близъ Федоровской крѣпости каком-то самозванцѣ, о которомъ одинъ попъ заключеніе здѣлал ис того, что видѣлъ ево тамо проехавшего в богатомъ экипаже, награждающаго щедро всѣхъ приходящихъ к нему и именующаго себя Иваном Антоновичем; а другова попа служитель будто видѣлъ в хуторѣ сквозь дверь, что сей попъ, пред каким-то пріехавшимъ туда человѣкомъ стоя на коленахъ, называлъ: «ваше величество»; о чемъ пространнее ис приложеній увидѣть изволитѣ. Чего я хотя и не почитаю основателнымъ, но, однако, отношу в копіяхъ при семъ к свѣдѣнію вашего сиятельства, купно с подскриптомъ моимъ по сей матеріи к графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину, гдѣ видно будетъ вашему сиятелству о семъ мое мыслеположеніе, не донося еще о томъ никуда к вышнему мѣсту, яко о неимѣющемъ точности. Для чего и велѣлъ Ахтырскому воеводѣ, от коево в губернію увѣдомленіе о томъ дошло, чтоб доехал самъ на линію к тамошнему камандиру полковнику Алымову, гдѣ все точнѣе и узнано быть можетъ по сыске опыхъ священниковъ и служителя, стараясь, какъ возможно, рѣшить то без народнего волнованія. Естли я оное не такъ внялъ, нижайше прошу меня исправить вашимъ наставленіемъ, что приму съ искреннею благодарностью.

Здѣсь прилагаю и полученное мною ис Кубани от господина брегадира Бринка партикулярное уведомленіе касателно до донскихъ казаков; оное с Пугачевским писменнымъ разсеваніемъ (с коево и здѣсь копію прилагаю) нѣсколко сходно; но по оборотамъ, какие они дѣлаютъ противу злодѣя Пугачева, кажется непримѣтно, какъ и дошедшее ко мнѣ от господина генерала-маиора князя Багратіона увѣдомленіе, в копіи при семъ следующее, и другие приложеніи подтверждаютъ. Я о семъ никуда не писалъ, кромѣ вашева сиятелства, для того, что бліже увѣрятца на ихъ поступках в нынѣшнее время, кои вашему сиятелству по стеченію изо всехъ мѣстъ извѣстнѣе, нежели на слухахъ, происходящихъ иногда от аднаво дерзкова языка.

Впрочемъ, милостивой государь, хачу быть полезнымъ и в нынѣшнихъ обстоятелствахъ моего отечества, но не знаю, годятца ль мои заботы. Ибо я, желая дѣлать лучшее, можетъ быть ошибаюсь. Удостовѣритъ меня можетъ вашего сіятелства рѣшеніе, коево ожидаю, пребывая съ глубочайшею преданностью и высокопочтеніемъ.

Вашего сіятелства, милостивого государя, нижайшій слуга

Евдоким Щербинин.

Августа 28 дня 1774 года.

Острогожскъ. № 82.

(П. А., кн. V, л. 28.)

№ 82.[1]

1774 году сентября 1-го дня обьявленной при репорте отъ подканцеляриста Степана Хобарова...[2] крестьянин Никита, Ивановъ сынъ, Шаевской в канцеляри Павловской крепости во время присудствия допрашиван и показалъ:

Подлинно Никитою ево завут, Иванов сынъ, Шаевской; от роду ему дватцать три года; Серпуховского уезду села Вознесенского волосной крестьянин, где и в подушной оклад положенъ в ряд с протчими таковыми ж крестьяны.

Прошлого 1772-го году в сентябре месяце, а которого числа— не упомнит, отпущен онъ из Серпуховской Воеводской Канцеляри для зарабатывания на подушныя и протчия государьственныя поборы денегъ на два года с печатнымъ пашпортом. И, пришед в город Павловскъ, у находящегося при казенном заводе директура Пфлуга нанялся вить канаты, где прошлаго 1773-го году июля съ 1-го октября по 1-е число и жилъ. В кое время, незнаемо— чья, бударa ведена была с Низу в город Воронежъ с разобранными ж бударами, на которой находился Старадубъской станицы бурлака Дмитрей, а чей сын и прозваниемъ — не знаетъ; с коим он, Шаевской, да еще з бывшим же при томъ канатном заводе работником, Битюцкой волости села Чиглы волостным крестьянином, Семеномъ, Алексеевым сыном, а чей прозванием — не знает, спознався, говорилі, чтобъ он, бурлака, взял их с собою на Низ, где они у кого-нибудь будут наниматца в работники. Почему оной бурлака сказал имъ, чтоб дабыть с канцелярской печати сургочовую печать к зделанию с ней на свинцу печати, к печатанию о проходе какъ себе, так и імъ, Шаевскому с товарыщи, подорожных и билетов; а он, бурлака Дмитрей, по отводе той будары в Воронежъ заедет обратно в Павловскъ [sic] на лотки и их, Шаевского с товарыщемъ, поберет с собою. То он, Шаевской, живущаго ж при означенной Фабрике работника, елецкого купца, Ивана Елецкова подговоря к таковому жъ побегу, и чтоб онъ где досталъ канцелярскую сургучевую печать; которой незнаемо от чего отодранную ему, Шаевскому, и дал. А какъ тот бурлака по возврате с Воронежа и еще с нимъ, незнаемо — каким человеком, на лотки заехали, с коими онъ, Шаевской, и с товарыщемъ своим Семеном, не сказавъ вышеписанному купцу Елецкому, ночным временем, севъ в лодку, уехали; и трактомъ ту печать

---

[1] *Перед текстом:* «Копия».

После текста: «А за скрепою оной допросъ секундъ-майора Степана Толмачова и правящего секретарскую должность канцеляриста Аврама Газина. Н. Шетнев. С подлинным свидѣтельствовал секретарь Иуліан Турбин».

[2] *Опускается краткий перечень выдвинутых против Шаевского обвинений.*

оному бурлаке он, Шаевской, отдалъ. И приехавъ в Усть-Хоперскую станицу, где по разным хуторам у живущих козаков по найму работ[illegible]ли; а потом нынешним летом, пришед, в Березовскую станицу, х казаку Ивану Калмыкову нанелись косить в степи сено.

С коего сенокосу поехали, было, они, Шаевской и волосной крестьянин Семенъ, на дву воловых парах в лесъ за дровами, то и, не доехав до того лесу, напали на них известного злодея Пугачева партия человекъ до петидесят, взяли их с собою, привели х камандующему тою партиею, называющемуся полковником, а какъ ево звать и прозваниемъ — не знаетъ, бутто бъ пожалован оным Пугачевымъ из еицких козаков. Почему оной называющейся полковник приказал им, Шаевскому и Семену, присягать под власть называемого государя Петра Феодоровича и притомъ говоря: «Ежели де присяги не дадите, то будите поколоны»; но они, устрашась, сказали, что ту присягу дадуть, где они во обстоящей при той парти полотняной полатки попом к той присяги с целованиемъ евангелия и креста и приведены. В ту пору оной называющейся полковникъ за имеющихся при них четырех валов далъ им денегъ дватцать четыре рубли, да сверхъ того на месяцъ жалованья по четыре рубли, по одному ружью, пороху по три, свинцу по одному фунту. И какъ только настала ночь, товарищь ево, вышеписанной Семенъ, ис той парти, неведома куда, бежал; а ево полковникъ определил с протчими той парти людми к сторожи табуна, при коемъ он былъ четыре дни, и мима которого табуна проехал на верховой лошади в красном платье с семью вооруженных казаками, про коего имеющияся при том табуне старожа сказывали ему, Шаевскому, что де евто едит для осмотру партеи Емельянъ Пугачов. А называемого государя онъ, Шаевской, не видал и,[1] где он находится, онъ ни от кого не слыхал. А потом оной полковникъ, взявъ ево ис того табуна, послал с протчими собранными оного Пугачева парти людми, по примеру сот до трехъ человекъ, при командующем из данских козаков харунжею, а какъ звать и прозваниемъ — не знаетъ, разных уездовъ в селени, приказывая, чтоб грабить седла и протчия оруди, и что где сыщется. И какъ толко, отехав от той парти, остоновились в степи начевать, то оной харунжей имеющияся при них подленныя пашпорты, денги и порохъ, оставшей от натрусокъ, все отобрал, положил в одно место, дабы ис той парти никто уйтить не могъ. Однако онъ, Шаевской, зговорясь той парти с тремя данскими казаками, шестью разных уездов из селеней однадворцами, а которых они именно селеней, тож какъ их звать и прозваниями,—не знает, в ту ночь, то-есть минувшаго августа месяца спустя после Успеньева дни неделю, бежали к речки Лавле; где, брося ружья, в натрусках порохъ и свинецъ,

[1] *В оригинале «и» повторено дважды.*

сами чрез оную речку переплыли и добежали до реки Дону, где все порознь и разашлись.

То он, Шаевской, не имелъ у себя о проходе билета, переѣхав реку Дон, и пришелъ на реку Чиръ в хуторъ, где находится вышеписанной стародубской бурлакъ Дмитрей, которой по прозбе ево, Шаевского, написал подорожную и припечатал свинцовою печатью, взявъ с него, Шаевского, за то денегъ четыре рубли, и отдал. А подписалъ оную, вместо стряпчего Михайлы Фирсова, яко-бы явленъ в селе Мечетке па заставе и подписанъ писаремъ Казмою Чернобаевым, — то оное писано рукою ево, Шаевского. А сам оной бурлакъ пошел на другия хутора; то он, Шаевской, приметя у того бурлака печатной пашпортъ и два билета, тож и данною им, Шаевским, канцеляри Павловской крепости сургучевую печать, укравъ, и по незнаемости в жителствах людей шелъ до самой Павловского уезду деревни Гнилуши, никуда не заходил и по приходе по знаемости у однадворца Сидора Важева выпрасясь начевал, сказывал ему, что он по отработани идетъ с Низу в дом свой. И по начевани на другой день пришелъ в имеющейся в той деревни питейной дом к выпитию вина, коего и выпил на три копейки; то в ту пору во оной вшед, канцеляри Павловской крепости подканцелярист Степанъ Хобаров спросил, откуда онъ, и ест ли у него писменной вид; коему он, Шаевской, тот писанной бурлаком Дмитриемъ пашпортъ и обявилъ. Но он, Хобаров, прочтя, выговорил: «Оной де пашпортъ воровской, а ты де беглой, да и, какъ видно, от злодея и бунтовщика Емельяна Пугачева разгласитель». Вдаря ево, Шаевского, рукою по щеке, взявъ за волосы, учелъ бить; коему он, Шаевской, и извинился, что он подлинно ис Пугачевой команды; то он, Хобаровъ, нимало мешкав, взявъ ево, свезав, привесъ в Павловскъ и обявил в канцеляри. А что ж показано в репорте подканцеляриста Степана Хобарова, что он, Шаевской, при взятье ево в деревне Гнилуши ему, Хобарову, говорилъ, бутто онъ, Шаевской, послан от означенного полковника разных уездовъ в селени, что про означенного Пугачева в народе говорят, к разведыванию,—то он, Шаевской, обявлял ему, устрошась, дабы он, Хобаров, болше ево не бил. А он, Шаевской, какъ выше сказано, подлинно от той Пугачевой парти бежал с тою жъ партиею и ни с кем другими людми, тож и один, в разбоях не былъ, смертного убивства, воровства и поджеговъ не чинил, и ни за кемъ того не знает.

И в семъ своемъ допросе показал он, Шаевской, самою сущею правду и ничего не утаил.

К подленному допросу рука приложена тако:

К сему допросу крестьянин Никита Шаевской руку приложил.

(П. А., кн. V, лл. 464 — 465.)

№ 83.[1]

1774 года сентября 8 дня в Воронежской Губернской Канцеляри в присудстви крестьянин Шаевской показал...[2]

Съехали[3] на речку Лавлу, где въ степи стояла болшая партия, человекъ до шестисотъ, вооруженных, с семью пушками, в том числе: козаковъ яицких — до ста петидесят, донских — до ста человѣкъ, а протчие — беглые господские люди и дворцовые и помещичьи крестьяне, и однадворцы; в числе жъ донских козаковъ знаитъ по именамъ: изъ Еланской станицы Ивана Копылова, а из другой, незнаемой ему, станицы, — Захара Митрофанова, а протчимъ именъ и прозвания не знаетъ. И по приезде, от него, сержанта, представлены к называющемуся той парти изъ яицких козаковъ полковнику Івану Дмитриеву, при которомъ находился попъ с крестом и евангелиемъ, коимъ и приведены к присяге, и дано имъ по ружью и по лошади и жалованья на месецъ по четыри рубли. А потомъ оная партия, незнаемо куда, отлучалась на два дни, а они с осмнатцатью человѣки оставлены были для сторожи усталых ста осмидесятъ лошадей; а какъ партия возвратилась к нимъ, тогда на другой день называемой полковникъ, по полученному от Пугачова писменному повелению, из парти своей из донских козаковъ называемого темъ началникомъ харунжим Алексѣя Семенова да беглого дворцового крестьянина Дмитрия Усачова, и товарыща ево, дворцового ж крестьянина, Семена Алексѣева, и ево, Шаевского, (какъ все они грамоте умеющия) отправил в разныя уезды для разведывания, что про означенного Пугачова в народе говорятъ, и желают ли народомъ припять ево, Пугачова, за царя, и, естли из них кто его за царя признавать не будетъ, темъ толковать и советывать, чтоб к государю были склонны, и обявлять имъ, что онъ живъ і идетъ з болшими воинскими командами. Почему тотъ донской козакъ Алексѣй с крестьянином Усачовым, по данному ему от него, называемого полковника, писменному приказу, поехали по донскимъ станицамъ до Луганской станицы, а ево, Шаевского, отправил с словеснымъ приказомъ в Павловской уездъ до Павловской крепости, товарыща ж ево, Семена Алексеева, послалъ в Танбовской уездъ до Танбова, с темъ, чтоб, по разведывани уверить вышеписанными словами и, записавъ те жителства, в коих народ к нимъ будетъ склоненъ и Пугачова за царя примет, воз-

---

[1] *После текста:* «Н. Шетневъ. С подлинным свидѣтельствовал секретарь Иуліан Турбинъ».

[2] *Опускается краткое изложение тех признаний, какие были сделаны в Воронежской Губернской Канцелярии Шаевским и елецким купцом Гавр. Исаевым при «объявлении» им их показаний, данных в Канцелярии Павловской крепости.*

[3] *т.-е. Шаевский, Сем. Алексеев и их подговорщик — сержант.*

вратится к нему, хорунжему, на хутора, состоящия близъ речки Нижних Чировъ, где он их и ожидать будетъ...[1]

В бытность ево в болшой парти, видел лежащие под сохранениемъ у сержанта многие писма, о коих он обявил, что то — Пугачовския указы и к нему репорты; однако, к прочтению оных допускаемъ не былъ. А, сверхъ того, видел лежащей на телегах правиантъ, по примеру, кулей до ста іли болше, о которомъ оной же сержантъ обявил, что тот правиантъ тою партиею взятъ с плывущего по Волге, незнаемо чьего, судна. В канцеляри ж Павловской крепости всего вышеписанного не показывал, желая закрыть сообщников своих, обявленных, называемых полковника с партиями; а ныне все то покозал по самой справедливости, без всякой утайки, в чемъ і утвердился.

Къ подлинному допросу рука приложена тако:

Къ сему допросу экономической крестьянинъ Никита Шаевской руку приложилъ.

(П. А., кн. V, лл. 466 — 467.)

№ 84.[2]

1774 года сентября 14 дня[3] присланные с Качалинской станицы от полковника Ильи Денисова, нижеписанные войска Донскаго семъ человекъ казаки, бывшие в толпе злодея Амелки Пугочева, того ж войска в Войсковой Канцелярії допрашиваны и показали:

1. Зовутъ ево Парфеномъ, Агаповъ сын, Бекреневъ; от роду ему дватцатъ три года, холостъ, грамоте читатъ и писатъ не умеетъ; родился на Хопре в Акишевской станицы, казачей сын, в которой станицы имеетъ отца, отставного казака Агапа Бекренева и брата роднаго Филата. В верности службы присегал нынѣ благополучно царствующей, великой государынѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и наследнику ея, государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу. В казаках он состоитъ съ 767 года и был в службѣ в Кизлярѣ с старшиною Григорьемъ Денисовымъ, а, назад тому четвертой год, съ есаулом Петромъ Фоминымъ находился он при Саратове для поисковъ разбойниковъ и у наблюдания каланистовъ.

Сего ж году в августе месяцѣ, будучи он, Бекреневъ, со онымъ есауломъ Фоминымъ в числѣ шестидесяти человекъ ка-

---

[1] *Опускается та часть показания Шаевского, где сообщается об его поездке в слободу Дубовку и деревню Гнилуши и дается описание примет его сообщников.*

[2] *Внизу и сбоку на полях те же скрепы, что приведены в подстрочном примечании к № 80.*

[3] *Перед датой:* «4-е».

заковъ из Саратова посланы к городу Петровску, для разведания о следовавшемъ к тому городу Петровску злодее Амелке Пугачеве с толпою и ради разабрания в томъ городе моста, а пушакъ потопления в воду, какъ к тому городу подезъжатъ стали, — то, усмотря того злодея, с толпою приближавшагося уже к городу, остановились. А есаулъ Фоминъ, с приехавшимъ к нимъ из Саратова да на пути сообщившимся с ними, ехавшимъ из Петровска, — двумя офицерами и человекъ до десяти казаками, поехал ближе к городу осмотретъ ту злодейскую толпу; а вскоре онѣ, поворотясь, афицеры, мимо их пробегли, а есаул, остановясь, сказал только, чтоб онѣ все бежали назад; а самъ от нихъ вследъ за офицерами побегъ, и уже онѣ ево, Фомина, послѣ не видели. А после того вскоре от Петровска и самъ злодей с толпою, сотъ до пяти, гнав за оными есауломъ и офицерами и набежавъ на них, их окружил и, остановясь, спросил у них, какие онѣ люди, и хто при нихъ командиръ, и кому онѣ служатъ. На что онѣ и обявили, что — донские казаки, а служатъ всемилостивейшей государынѣ; командир же их, есаул, от них и два офицера бежали. А злодей, выговоря сиі речи: «Служили де вы государыни, а нынѣ служите мне!» велелъ одному своему злодею жъ, яицкому казаку, называя его фелтмаршаломъ, всех их весть в свой лагирь, бывшей, по проходе Петровска, в лугах. А самъ злодей на коне буромъ, взявъ у одного из них казака дротикъ, с некоторыми яицкими казаками погнал за есауломъ и офицерами; по приводе ж их в лагирь, отвели имъ особое между яицкими место, где оне у одного стога и начевали; а начью [sic] и самъ злодей в лагирь возвратился. По утру ж позваны к злодею от нихъ: сотникъ Иванъ Мелеховъ, квартермистръ Василей Малаховъ и харунжие: Степанъ Калабродовъ да Василей Поповъ; от которых слышели онѣ, что тотъ злодей обещаит имъ денежное жалованье. И потомъ тотъ злодей, с толпою поднявшись, взял их с собою. Следуя ж к Саратову, какъ начеватъ сътали [?], то и выдано было имъ от злодея боченками медною монетою жалованье казакамъ, по двенатцати рублевъ, которое имъ и раздано [sic] было; а из старшинъ злодей Пугочевъ Мелехову велел быть сотником же, а Калабродова произвел въ есаулы и всех их ему, Калабродову, препоручил, и притомъ дал имъ позолоченые медали: Мелехову поменше, а Калабродову поболше. И, сверхъ того, приводил самъ злодей к присяге, а именно: целовали ево злодейскую руку; толко он, Бекреневъ, тогда ту присягу миновал.

В которомъ месте, злодей с толпою, переночевавъ, на другой день к вечеру кприближился [sic] к городу Саратову; и какъ из города чинена была оборона, то он, злодей, делая к тому городу приступъ и стреляя по немъ ис пушекъ, наконецъ імъ овладел и, вобравшись в него, противящихся ему умертвил, а домы господские и богатых купцовъ, кои пред темъ ушли, разорил без

остатку, причемъ и всемъ имъ приказал свои екипажи, бывшие в томъ городе по квартирамъ, забратъ, кои онѣ и забрали. При семъ же городе онъ, злодей, в лугу лагиремъ перебыв двое сутокъ, на третей день отпр[а]вился с своею толпою к городу Дмитревску. А при самом подъеме ис команды их сотникъ Мелеховъ, квартермистръ Малаховъ и харунжей Поповъ, да человекъ до десяти казаковъ, незнаемо имъ — для чего, оставаясь от них позади, учинили побегъ, о которомъ и узнали онѣ тогда, какъ злодей с толпою остановился начеватъ; о чемъ злодей Пугочевъ, чрезъ Колобродова узнавъ и назвав ево, Калабродова, уже полковникомъ своимъ, приказал за ними крепко смотретъ; да и он, Калабродовъ, подтверждал с темъ: естли кто побежитъ, тех он из своих рукъ колотъ будетъ; и действително некоторые из них, коих именно он показатъ не знаетъ, когда было учинили побегъ, на пути яицкими казаками поколаны. В каковомъ будучи страхе, он, Бекреневъ, находясь в команде опого Колобродова, следовал при толпе чрезъ Дмитревскъ и Волскаго войска станицы до города Дубовки всегда со всемя своими казаками при злодейских кошах, не употребляя их ни на караулы и никуда в посылки, яко же и противъ бывшей на речке Пролейке с полковникомъ Кутейниковымъ с казаками стычке и нигде ни на какие сраженiі, и были какъ пленные, кроме того, что Калабродовъ, произведя из них харунжимъ Заполянской станицы казака Семена, а чей — не знает, препоручил ему бывшей с ними бунчукъ, которой ими пред темъ за Волгою у злодейской яицкихъ казаковъ партiі отбитъ. Он, Калабродовъ, бравъ с собою того харунжего и человека по четырѣ казаковъ, всякой день находился при самомъ злодее Пугочеве, которой и платьемъ своимъ ево, Калабродова наградил. По бытности ж злодейской при городе Дубовке, ис которого забірал онъ на толпу свою фураж и правiантъ, и он, Бекреневъ, вообщѣ со взятыми в толпу на речке Пролейке Кутейникова полку съ ючными лошадми человекъ до сороку казаками, Колобродовымъ приведены к присяги и так же, какъ первые, толко целовали злодейскую руку, каковую присягу оп, злодей, какъ забраннымъ имъ из станицъ и із Дубовки волскимъ казакамъ, такъ и протчей сволочи делалъ, однако ж, всемъ порась. А притомъ на семъ начлеге видел он, Бекреневъ, и судовую злодейскую толпу, туда ж, какъ лодокъ на десяти, по Волге приплывшую, на коих, слышел онъ, что была денежная казна и правiантъ.

При следованiі ж от Дубовки к городу Царицыну для взятья ево, на пути злодей с толпою начевал две ночи, а третъего дни, приближась к Царицыну, самъ с толпою потенулся к самому городу, а всему обозу своему, в числѣ коих и он, Бекренев, со всеми казаками, кроме Калабродова, которой находился при самомъ злодее, был, велел итить впередъ; почему тотъ обозъ ево, отошедъ от Царицына какъ верстъ с десять, по переходе

Саксонской слободы, коя была за побегомъ всех жителей пуста, у Волги остановился, а к вечеру и самъ злодей, с толпою прибывь, привел от Царицына захваченных имъ тамо донскихъ казаковъ более дву сот человекъ с десятью знаменами, кои и расположены были особо от них, Бекренева с товарыщи; причемъ слышелі онѣ от Калабродова, что утромъ будетъ подъем, и злодей пойдетъ на Черной Яръ, а оттуда поворотитца чрезъ степъ на Дон.

Между чемъ уже смеркомъ [sic], какъ он, Бекреневъ, своих двух лошадей повелъ к Волге поитъ, то тамо, сообщась команды своей с семью разных станицъ казаками да с однимъ из взятых при Кутениковомъ кошу казаковъ, всего восемъ человекъ, сговорились, оттуда не возвращаясь на кошъ, бежатъ на Дон, по которому согласию тогда ж, яко-то в суботу под воскресенье подъ 24-е число августа, бежавъ ночью, преехали на речку Сарпу; где в камышахъ передневавъ, 27 числа прибыли к Дону противъ Трех-островянской станицы; а тамо переночевавъ, в намерени, чтоб явитца у есаула своего Фамина, уповая, что он уже находитца в своей Кременской станицы, поехали, было, туда почтовою дорогою. И какъ 28 числа в обеднею пору на Иловлинскую почту приехали и тамо у почтовых покормитъ лошадей остановились, то, усмотря следовавшего с полкомъ по речке Иловле со взятыми имъ, не знаетъ онъ, Бекреневъ, в какомъ месте, из злодейской толпы людми (кои с Волги и[з] злодейских судовъ, было, бежали) полковника Илью Денисова, сами онѣ у него, Денисова, явились, а он, отобравъ у них лошадей и воинскую збрую, взял их под караул и, по привозе в Качалинскую станицу, из оной отправил их семерых к войску Донскому в Черкаской, а осмого— Кутейникова полку отослал по-прежнему в тот же полкъ. А что де за побегомъ их з злодеемъ Пугочевымъ и ево толпою произошло, об ономъ уже онѣ неизвестны. Чрезъ всю ж де в той толпе, какъ с двенатцать дней, бытность онѣ никакого къ изменѣ злаго умысла не имели и нигде ни малейшаго злодейства не делали, і злодеямъ ничемъ не помогали, а были точно такъ, какъ пленные, для чего и побегъ, сыскавъ удобной случай, учинили.

В каковой своей истинности он, Бекреневъ, и подписуетца.

2. Завутъ ево Филипомъ, Антоновъ сын, Лабачовъ; от роду ему с тритцатъ летъ, грамоте читатъ и писатъ не умеетъ. Родился он на Хопре в Правоторовской станицы, казачей сынъ, в коей он имеетъ трех братьевъ: первого, Акима, отставного и двух служилых казаковъ — Гаврилу і Игната, и імеютъ женъ и детей; да он, Лабачевъ, женатъ на казачей дочери Аннѣ Кузминой и імеетъ одного сына Евтея, семи лет. В верной службе присегал онъ покойному императору Петру

третьему, а потомъ нынѣ благополучно царствующей великой государынѣ, императрицѣ, Екатеринѣ Алексѣевнѣ и наследнику ея, его императорскому высочеству, благоверному государю-цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу здесь в Черкаскомъ в соборной Воскресения Христова церквы. В казаки ж написанъ он въ 755-м году, с коего времяни и производил казачью службу и, во-первых, был за Дономъ по Егарлику и протчимъ речкам с атаманомъ Макаромъ Грековымъ, на Царицынской линіі — с атаманомъ Максимомъ Бобриковымъ, во второй арміі — с полковникомъ Алексеемъ Каршинымъ.

3. Зовутъ ево Пантилеем, Макаровъ сынъ, Буравлевъ; от роду ему с дватцатъ пять летъ, грамоте читатъ и писатъ не знаетъ; родился он на Бузулуке в Березовской станицы, казачей сын...[1]

4. Зовутъ ево Иваномъ, Савельевъ сын, Горбачовъ; от роду ему с тритцатъ летъ, грамоте читатъ и писатъ не знаетъ; родился он на Бузулуке в Филоновской станицы, казачей сын.

5. Зовутъ ево Ефимомъ, Игнатовъ сын, Плешаковъ; от роду ему с дватцатъ семъ летъ, грамоте читатъ и писатъ не знаетъ; родился он на Хопре в Правоторовской станицы, казачей сын...

6. Зовутъ ево Карнеемъ, Тарасовъ сын, Лащилкинъ; от роду ему с тритцатъ летъ, грамоте читатъ и писатъ не знаетъ; родился он на Бузулуке въ Етеревской станицы, казачей сынъ...

7. Зовутъ ево Ерофеемъ, Андреевъ сын, Баранчиковъ; от роду ему восемнатцатъ летъ, грамоте читатъ и писатъ не знаетъ; родился он на Дону в Новогригорьевской станицы, казачей сынъ...

Все онѣ шестеро противъ допроса товарыща своего Парфена Бекренева показали слово в слово, без наймалейшей разни, и в томъ подписуютца.

(П. А., кн. VI, лл. 379—383.)

---

[1] *В каждом из §§, с 3 по 6, опускаются аналогичные с § 2 детали о служебной карьере упоминаемых казаков и, в частности, о своевременном принесении ими установленной присяги.*

ИНОРОДЦЫ
И ПУГАЧЕВЩИНА

БАШКИРЫ.

№ 85.

Экстрактъ

о известныхъ въ Оренбургскихъ предѣлах произшествіяхъ.

После отправлѣнных Казанскимъ губернаторомъ отъ разных чиселъ сего октебря къ господину генер [sic]-аншефу князю Волконскому, въ Правит [sic] Сенатъ и Военную Коллегію представлѣній, получены вновь слѣдующія сведенія.

1-е. Поиманы два башкирца, ѣдущія изъ Оренбурга, которыя допросами показали: Что они были въ Оренбургѣ на службѣ линейной и оттуда 12-го сего октября высланы съ регулярною и нерегулярною командами для атакія и разбитія извѣстной злодѣйской измѣнническої толпы, съ которою было сраженіе часа 3 или 4; и пототомъ [sic] они, башкирцы, съ прочими бывшими въ той высланной командѣ татарами и другими разными людми по усиленію сей толпы взяты во оную, въ которой были одни сутки; и какъ стали изъ оной проситься въ домы, то, отобравъ у нихъ ружья, отпущены. Въ бытность же въ той толпѣ слышали, что на означенномъ сраженіи изъ ихъ измѣнническаго собранія побито и въ городъ взято до 500 человѣкъ. Сія жъ толпа въ близости стоитъ Оренбурга въ полѣ, имѣя начальникъ оной небольшую калмыцкую кибитку, а прочія на открытомъ мѣстѣ, чего ради и начали рыть землянки, а движенія никуда не имѣетъ, кромѣ разъѣздовъ по окрестнымъ мѣстамъ для осторожности своей, чемъ къ Оренбургу и всѣ дороги пресѣчены.

2-е. Присланной изъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи регистраторъ Черкашениновъ для нѣкоторыхъ по симъ обстоятелствамъ надобностей сказывалъ словесно, что бывшія въ измѣнническої толпѣ башкирцы, отправленныя изъ Уфимской канцеляріи на сикурсъ городу Оренбургу и взятыя въ сію толпу неволею, а нѣкоторыя и добровольно ко оной присоединившіеся (о чемъ Правительствующему Сенату уже репортовано) всѣ отпущены въ домы для возмущенія башкирцовъ и ради приведенія въ тое толпу трехъ вѣрнѣйшихъ башкирскихъ старшинъ, со обѣщаніемъ за каждого дать по 100 ру.; и хотя сіи злодѣи-

башкиры отъ Уфимской канцеляріи и сыскиваются, однако жъ, за укрывательствомъ ни одного не сыскано. О сихъ же обстоятельствахъ слухъ толко носится, и вѣрнаго извѣстія нѣтъ.

3-е. 22-го числа отъ статского совѣтника и Исецкой провинціи воеводы Веревкина при рапортѣ прислана копія съ адресованнаго указомъ отъ извѣстнаго самозванца и злодѣя Красногорской крѣпости коменданту и прочимъ, съ которой при сем подносится копія подъ лит. А.

4-е. Сей же воевода Веревкинъ, да Уфимская канцелярія и Уфимской комендантъ Мясоѣдовъ от 12-го и 20-го чиселъ увѣдомляютъ, что на поискъ и разбитіе извѣстной злодѣйской толпы заготовляются команды: съ Исецкой провинціи козаковъ и башкирцовъ болѣе 4000 человѣкъ; съ Уфимской провинціи башкирцовъ же, хотя оны и колеблятся, однако жъ, чрезъ благопристойное увѣщаніе вѣрнѣйшими изъ нихъ старшинами довольное количество собирается, но сколько дѣйствительно можетъ собраться, неизвѣстно; съ Верхояицкой крѣпости 8-я полевая команда, съ Троицкаго и Звериноголовскаго баталіоновъ по 250 рядовыхъ, казаковъ и башкирцовъ линейныхъ 500 человѣкъ. И, хотя означенныя воевода и комендантъ и обнадѣживаютъ поспѣшнѣйшимъ доставленіемъ сихъ командъ къ Оренбургу, и что оныя, кромѣ Уфимскихъ башкирцовъ, изъ прочихъ мѣстъ для соединенія къ 16-му числу сего октября въ Верхояицкую дистанцію ожидаемы были, однако жъ, еще неизвѣстно, сколь далеко они маршъ имѣютъ.

5-е. 24-го числа сего октября отъ находящагося въ Яицкомъ городкѣ подполковника Симонова репортомъ представлено, что онъ, Симоновъ, 13-го числа отъ Оренбургскова губернатора получилъ ордеръ чрезъ яицкихъ козаковъ степною стороною, подъ препровожденіемъ отъ киргисъ-кайсацкаго Нурали-хана киргисцовъ, которымъ онъ, между прочаго, увѣдомленъ, что помянутая злодѣйская толпа съ ее предводителемъ-самозванцомъ, какъ де по скаскамъ выходцовъ слышно, намѣряется возвращаться на Яикъ для зимованія, почему на Яикѣ и должная осторожность продолжается.

6-е. Сверхъ того, отъ него, Симонова, о началѣ сей толпы представлено: Что извѣстной злодѣй-самозванецъ по нѣкоторымъ доказателствамъ на Яикѣ сентября съ 9-го числа былъ сыскиваемъ, но за укрывателствомъ по разнымъ мѣстамъ не сысканъ, а наконецъ по его возмущенію, вдругъ прибравъ къ себѣ изъ хуторовъ и нижнихъ форпостовъ изъ мятежниковъ болѣе 300 человѣкъ козаковъ и обще съ оными уже вышедъ наружу, покушеніе имѣлъ въ помянутой Яицкой городъ ворваться, на пріемъ коего почти и все бывшее въ прежнемъ мятежѣ войско были согласны и пришли в колебленность, но, однако жъ, по воспрепятствованію имѣющихся во оном Оренбургскаго корпуса воинскихъ командъ не допущены; и, по прогнаніи ево, 19-го того ж сентября, уклонясь,

пошелъ вверхъ по Яику-рѣкѣ, по лежащему къ Оренбургу тракту, но дальняго надъ нимъ поиску, по внутреннему между прежнихъ мятежниковъ, коихъ составляетъ немалое количество, нестроенію, учинить было оттуда не можно...[1]

11-е. 26-го числа отправленной отъ Уфимской канцеляріи для наряду на службу башкирцовъ капитанъ князь Ураковъ репортомъ представилъ, что находящіеся въ командѣ ево вѣрноподданныя башкирскія старшины: Алибай Мурзанаевъ, Кусякулъ Азятевъ обявили ему присланныя изъ злодѣйской толпы на татарскомъ діалектѣ два запечатанныя возмутителскія писма...[2] Онъ же де, князь Ураковъ, находится нынѣ съ башкирцами и мещерядкими командами, а во сколькомъ числѣ людей — не изъясняетъ, около Богульчанской пристани въ 50 верстахъ, но далѣе слѣдовать, въ разсужденіи колеблемости башкирцовъ, не смѣетъ; да и старшины ихъ по той же самой причинѣ, а особливо не имѣя къ подкрѣпленію регулярных командъ, сумнительны.

И посему, какъ уже неоднократно Уфимской канцеляріи дано знать о отправленныхъ изъ Казани и Синбирска къ Оренбургу регулярныхъ командахъ съ тѣмъ, чтоб башкирцы были препровождаемы туда ж, имѣвъ всегдашнее сношеніе съ тѣми регулярными командами, дабы чрезъ то, подошедъ къ Оренбургу, въ пристойномъ мѣстѣ могли они соединиться, то съ посланныхъ о семъ въ тое канцелярію предложеніевъ и отосланы къ нему, Уракову, копіи. А, сверхъ того, отъ пріѣхавшаго сюда мещерятскаго старшины Мендея Тюпеева, для спасенія отъ искавшихъ его башкирцовъ къ отвозу въ злодѣйскую толпу, увѣдомясь о в рныхъ башкирскихъ и мещерятскихъ старшинахъ, послано къ нимъ писменное повелѣніе съ похвалою ихъ ревностнаго къ службѣ усердія, и, показавъ имъ, сколко регулярныхъ командъ отправлено и еще вслѣдъ идетъ, и объ отправленныхъ изъ Санкт-Петербурга двухъ генералъ-маіорахъ, предписано, чтоб они башкирской и мещерятской народъ старались, увѣщавая, здѣлать въ службѣ противъ злодѣйской толпы вѣрными и къ походу готовыми. А съ выше явствуемыхъ двухъ татарскихъ писемъ при семъ копіи подносятся подъ лит. В, С.

12-е. 27-го числа Уфимская Провинціальная Канцелярія съ сообщенія отправленнаго отъ оной для збору башкирцовъ на службу той же канцеляріи воеводскаго товарища Богданова репортомъ представила, что присоединившіеся къ злодѣйской толпѣ Кипчатской волости башкирцы намѣрились здѣлать нападеніе на Стерлитамацкую пристань и оную разорить; чего, собранныя вѣрныя башкирцы, убоясь, отступили назадъ, ближе къ сей пристани; однако жъ, по причинѣ бѣгущихъ ежеденно по нѣсколку

[1] *§§ 7—10 опускаются.*
[2] *Опускается часть § 11 с подробностями об этих письмах.*

человѣкъ въ злодѣйскую толпу опасается, что во время нападенія на ту пристань едва ль отъ нихъ ожидать можно защищенія. Къ тому ж де отъ Табынской канцеляріи дошло свѣденіе, что 22 числа октября пріѣхали на Авзяно-Петровской Демидовской заводъ изъ злодѣйской толпы 8 человѣкъ рускихъ и 30 башкирцовъ и, ударя въ набатъ, собрали крестьянъ и прикащиковъ, канторщика да попа, бивъ, оковали и послали на другія заводы съ тѣмъ, чтоб и оттуда люди, взявъ хозяйскихъ лошадей, собрались бы па Авзянъ. А между тѣмъ изъ собранныхъ крестьянъ, сами собою отдавшись въ злодѣйскую толпу, разобрали ружья и копья, и куда пошли — не знаютъ. Сверхъ сего, реченнаго ж 27-го числа Уфимской комендантъ со увѣдомленія Троицкой дистанціи бригадира де-Феервара представляетъ, что по его требованіямъ съ Сибирской линіи генералъ-маіоръ Станиславской съ двумя полевыми командами въ помощъ той Троицкой дистанціи слѣдуетъ.

(П. А., кн. VI, лл. 2—7.)

№ 86.

№	Ч.	Месяцъ мартъ.	С кем посланы.
598	1	Ордеръ господину секундъ-майору Петрову. Уфимского уезда Казанской дороги Байлярской волости Мензелинского ведомства деревни Такермень башкирцы: старшинской писарь Салимъ Узеевъ, выборной Дусхай Юскаевъ, да Саралинской волости деревни Кугашевой ясашной татаринъ Суюжъ Булатов обьявили, что бывшия у них во оных деревнях старшины: Тонузя Мамыковъ и Максютъ Сундюковъ и Іскандаръ Ишалинъ находятся ныне въ злодейской толпе, на место которых о выборе других старшинъ просили. Почему имѣете вы, выбрав состояния доброго, в те деревни определить других старшин и, кто выбраны будутъ, меня репортовать. У подлинного подписано тако: Александръ Бибиковъ. (П. А., кн. XVI, л. 252.)	Отосланъ со оными татарами.

№ 87.[1]

Копия съ ордера

господина генералъ-порутчика и ковалера де-Колонга, пущеннаго от 31-го маия, а полученнаго июня 5-го числъ 1774 году.

Какъ нынешния обстоятелствы внутри Исецкой правинци совсемъ текутъ не по желанию: а сколко злодейства, по утишени корпусомъ моимъ с великою трудностию перваго жару, паки начинаютъ невидимой огонь, тайно подкладывая, умножатца, чему способствуетъ приближение ко оным самово злодея, которой, хотя будучи разбитъ, но, видно, разослалъ по правинцы из бывших въ ево толпе тамошних жителей с ложными разглашениями, чемъ, в невежествѣ погруженной народ, ослепясь, приходитъ в болшое волнование; столко и от стороны киргисъ-кайсакъ прорывами их от линіи, которых по малости в крепостях гарнизона удержать не можно, делаютца великия разъзорени; да и самозванецъ, по разбитіи мною под Троицкою, а по убеге и на встрече со оставшею сволочью между Варламовской слободой и Кундравинским селомъ господиномъ подполковником Михелсоном, скрылся оттуда в недалное разстояние, которой, какъ видно, п[о] ошибке ево, господина подполковника и от меня отправленного з деташаментомъ примеръ-майора Жолобова, будучи в средине их марша и оставшись на несколко в покое, могъ паки присоединить к себе да несколко башкирцовъ, делаетъ теперь свои вкоренившияся злодеяния (какъ то уже известно, что крепость Чебаркульскую и Кундравинское село зажегъ), за истреблениемъ коего хотя майоръ Жолобовъ и обороченъ, но болше надобно ожидать ево оттуда внутрь упоминаемой правинцы, — что сколь необходимо должно предварить введениемъ туда воинских силъ.

Но какъ войски, при мне находящияся, состоятъ не более, какъ толко из четырех лехких полевых команд, ис коих: одна — в Куртамышском дистрикте, к стороне Ялуторовска, к линейнымъ крепостям, какъ на удержание киргисцовъ, такъ и преградою, чтоб зло далее, внутръ сибирских границъ, не ворвалось; другая — при майоре Жолобове, купно з деташаментомъ господина майора и ковалера Гагрина, за поиском самого злодея; а затемъ со мною для занятия поста в Троицкой крепости остаютца толко две; да и башкирцы все генерално бунтуютъ и во многих местах, немалолюдными при озерах и речках скопищами находясь, разсылаютъ свои парти для разъзорения россійских жителствъ, которыя еще и в то время, когда я внутри жителствъ находился, под-

[1] *После текста:* «Свидетельствовал протоколистъ Василей Протопоповъ».

бегами своими под малые жителства делали разъзорения и народ убивали, (но стремление, которымъ я болше долженъ былъ на истребление самого главного злодея, принудили оставить тамъ поиски), итакъ, малымъ числом, каковы у меня, силъ возможно ли теперь вдругъ и непріятеля, в силах шатающагося, побеждать, важныя посты от стремления ево по разным местам занимать, внутренния раздоры прекращая, приводить обстоятелства к ползе общественной в безопасность: сие при малых войскахъ немала трудность. И, ежели б я вознамерился все вышеписанные правила в одинъ разъ исполнить, то корпус, предводимой мною, раздробился бъ на такия малыя части, что былъ бы невинною жертвою весь варвару, ибо последование прошедшихъ казусовъ само по себе доказало, что раздробленныя силы подвержены неизбежимаго истребления.

Но что касается до меня, я за главной предметъ таперь поставляю, чтоб, двинувшись внутръ той правинцы, в центръ Башкири, утушить, какъ наискоряе, разгарающееся пламя, всему обществу не полезное, и потомъ умирить около техъ местъ окружающую Башкирь. Но нелзя оставить и занимаемаго таперь здесь, в Троицкой, поста без воинских силъ, которой потому важенъ, что, будучи во оном, можно стремление злодея на далныя крепости удерживать, в коемъ гарнизонъ сколь недостаточенъ, столь небезображенъ, такъ что все воинския чины походят болше на мужиковъ и, не имея совсемъ никакого оружия, не могутъ быть действовать к сопротивлению. При всем же том артиллери съ ея припасы, возвращенной при разбити злодея, немало, такъ, какъ пороху, свинцу и других нужных артиллерискихъ припасовъ. То, чтобы онъ не толко и темъ и другимъ возползоватца не могъ, но, ежели бъ уклонился прорватца внутръ или на линию, тотъчасъ съ его поста можно, выступивъ, отъразить,—для того господину генералъ-майору Станиславскому предложилъ я, чтоб онъ по получени того, немедленно забравъ весь свой деташаментъ, кроме Кизилского баталиона чиновъ, которых оставить в Верхо-Яицкой, следовалъ чрезъ Уйскую крепость сюда, к Троицкой, форсированными маршами. А я, по прибыти ево, имею с своимъ в назначенное место выступить; где находясь, еще и другая полза быть можетъ: ибо правианта здесь на линіи вѣсма недостаточно,—какъ о том и господинъ полковникъ Ступишинъ ко мне представляетъ и просилъ о доставлени онаго в Верхъ-Яицкую,—которой, изыскивая все способы, надобно доставлять; и хотя об оном от меня к господину генералъ-порутчику, Сибирскому губернатору и ковалеру, Чичерину и писано, противу ево обещания о скорейшемъ доставленіи, но надобно к тому канвой немалой, то к прикрытию идущих траспортовъ можно будетъ до Троицкой от меня учредить в таком месте постъ, чрезъ которой бы транспорты проходить свободно могли.

О чемъ, ваше превосходителство, будучи ізвестны, благоволите Верхо-Яицкую крепость в разсужденіи, что у васъ въ разныхъ деташаментах войскъ болше, нежели у меня, от безопасности содержать своими силами и не толко что оную темъ прикрывать, но и здешныя приклонныя места на угрозъ, по разсмотрению своему, деташаментъ ближней к здешнымъ местамъ ввести; о чемъ я просилъ его сиятелства, господина генералъ-порутчика и ковалера, князя Щербатова, а, ваше превосходителство, благоволите в том не пропустить время до ожидания на то от нево повѣления своею отрядою; а мне туда отрежать со здешней стороны войскъ никакъ не можно, ибо все малыя мои силы упражнены таперь в нужных задолженіях, о чемъ я и господину полковнику Ступишину далъ знать.

Подписалъ:

Іванъ де-Колонгъ.

(П. А., кн. V, лл. 615—616.)

№ 88.

Переводъ съ ордера

господина генералъ-порутчика и кавалера де-Колонга къ генералъ-майору и кавалеру Фрейману, отъ 28-го іюня 774 года, изъ Челябы.

Какія сейчасъ отъ господина полковника Бибикова извѣстіи я получилъ, со оныхъ при семъ точныя копіи включаются, изъ которыхъ изволите усмотрѣть, что злодѣйскаго намѣренія нѣтъ на Донъ, какъ Кундравинскіе и Варламовскіе жители увѣдомились чрезъ письма отъ сыновей, находящихся въ злодѣйской толпѣ. Слѣдовательно, мое нужно пребываніе въ Екатеринбургѣ, какъ и прежде вашего превосходительства увѣдомлялъ и ожидалъ только на то требованія Бибикова, коего и теперь ожидаю. А, между тѣмъ, посланнымъ сего числа ордеромъ господину генералъ-майору Станиславскому приказалъ со всею его командою слѣдовать сюда съ поспѣшностію, котораго по прибытіи, соединя и оную, хотя его команда и слаба, но со здѣшнею потянусь въ Екатеринбургъ, дабы, въ случаѣ опрокидованія злодѣйскаго, можно къ преслѣдованію употребиться и здѣлать, по крайней мѣрѣ, отъ здѣшнихъ и тамошнихъ округовъ угрозу. А вашему превосходительству предаю въ разсмотреніе здѣшней весь край, которой останется безъ всякихъ войскъ, кромѣ что одна команда 13-я при майорѣ Ертманѣ на Звѣриноголовной дистанціи и теперь...[1] въ степи ищетъ извѣстной вамъ на Абу-рѣкѣ злодѣйской, изъ иновѣрческой и рускихъ составляющейся, шайки, отъ которой что тамъ дѣлается — неизвѣстно. Вслѣдствіе чего, какія

[1] *Выкрошившееся место.*

по сему мѣры преположите, меня чрезъ нарочнаго увѣдомить. А ту 13-ю команду больше употребить и двигать не можно, какъ она должна хранить преградою постом въ Куртамышѣ мою линію и Звѣриноголовскую дистанцію, а, находясь въ Куртамышѣ, не впускать злодѣевъ-воровъ башкирцовъ по обѣ стороны во внутреннія жительства; о чемъ васъ не преминулъ увѣдомить, коль она въ томъ краю нужна; а коль скоро ее оттуда взять, то Сибирской губерніи Ялуторовской дистриктъ и упомянутыя граничныя мѣста не увидятъ угрозы, тотчасъ новыя убеспокойства откроются, которыя два разъ уже открывались.

На подлинномъ подписалъ:

Иванъ де-Колонгъ.

(П. А., кн. V, л. 164.)

№ 89.

№	Число.	Мѣсяцъ іюль 1774 года.	Съ кѣмъ отправлено.
309-й Бугульма.	16	**Ордеръ** господину генералъ-маіору и кавалеру князю Голицыну. Находившейся въ деташементѣ господина генерал-маіора Фреймана башкирской сотникъ Сагандыкъ Тактаровъ присланъ былъ ко мнѣ въ Оренбургъ отъ сего генерала съ рапортами, котораго я, не имѣя случаю обратно къ нему отправить, посылаю теперь въ Уфу. Ваше сіятельство, естьли угодно будетъ, можете оставить ево, какъ усерднова и вѣрнова человѣка, при себѣ и употреблять по вашему разсмотренію. Что жъ принадлежитъ до сохраненія дому ево, состоящева въ близкомъ разстояніи отъ Уфы, то дана ему отъ меня сальвогвардія. Подполковникъ Михельсонъ отъ 27-го числа прошедшаго мѣсяца рапортуетъ мнѣ, что, по удаленіи ево отъ Балачинской,	Съ нарочно присланнымъ отъ его сіятельства отставнымъ вахмистромъ Афонасьемъ Метликинымъ.

№	Число.	Мѣсяцъ іюль 1774 года.	Съ кѣмъ отправлено.
		Ирехтинской, Ерейской, Кигазынской и Казанчинской волостей, зломышленники-башкирцы, усиливаясь вновъ, не разорили бъ усмиренныхъ и добронравных до рѣки Танып обывателей; то, хотя для примѣчанія таковых злодѣевъ поставлено отъ него нѣсколько человекъ въ деревнѣ Бураевой подъ начальствомъ старшинъ: Кулея Балтачева и Абдиллативъ Измайлова, коимъ и приказано отъ него свою команду вѣрными и добрыми людьми умножить стараться, но, дабы сіи злодѣи не могли дѣлать больших скопищъ, то прошу ваше сіятельство отъ стороны Уфы чрезъ Сатаниху въ вышеписанныя волости послать хотя небольшую команду, которая, вступя въ оныя волости, произвести можетъ страхъ и пресѣчь дорогу бунтующимъ Аинскимъ башкирдамъ перейти по Бедряжской дорогѣ и далѣе чрезъ рѣку Уфу. Сверхъ сего онъ, Михельсонъ, по дошедшему къ нему извѣстію увѣдомляетъ меня, что перьвой возмутитель, которой во все время шатался съ Пугачевымъ, Уфимскаго уѣзда Нагайской дороги Кипчацкой волости старшина Киньзя Арасланов обще съ Салаваткою, да и многія таковыя начальники на 25-е число прошедшаго мѣсяца бѣжали отъ Пугачева на свое жилище... [1]	

(П. А., кн. 17, л.л. 189—190.)

[1] *Дальнейшая, бо́льшая, часть «ордера» опускается.*

№ 90.

1774 году июля 30 дня присланной Бахмутскаго гусарскаго полку от прапорщика Товеркина Казанскаго уезду Нагайской дороги деревно [sic] Тоиметкиной служилой татаринъ Бикметь Калеевъ в Секретной Коммиси допрашиванъ и показалъ:

По отпуску деревни их обывателей, а по данному [1] из Казанской Адмиралтейской Канторы пашпорту находился онъ прошлой 773 год и сего году по Фомину неделю на состоящем в Оренбургском уезде Асинском железном завотчика Якова Твердышева заводе в работе. И на той Фоминой неделе приехали на оной заводъ злодейская партия, человеках в двустах, над которыми былъ злодейской началникъ башкиредъ Бахтияръ; без супротивления з заводской стороны весь тотъ завод разграбили и сожгли, а работных людей и крестьянъ, но сколко числом — не упомнитъ, взяли, в томъ числе и ево, и руских в то ж время отпустил на завод, а татаром и ему дал по лошеде и по копью; проговаривал при том, чтоб они служили государю Петру Федоровичу верно, — и получат де, которые останутся въ ево службе, от податей свободу, а на сколко время — не сказал. Почему он и бывшие при том в работе татара всему оному и поверили, и при немъ, Бахтияре, остатся согласились, с которым пошли в Казанской уездъ. Услыша, что злодей Пугачевъ уже идет Казанским уездом х Казани, то оной Бахтиярка оставил взятыхъ в Башкири и набранных им в Казанском уезде людей в деревне Зюре, а сам с собранною сволочью поехал в село Мамадыши и чрез пять дней возвратился толко с шестью человеками. Он же посылал ис толпы ево башкирцов и татар о наборе людей в толпу ево. И с тем злодеемъ Бахтияром ездилъ онъ по разнымъ жителствам, но назвать их не упомнитъ. И, услыша, что идетъ военная команда, то тот злодей приготовился к супротивлению; но оная какъ толко лишъ пришла, и по малом сражени все они, в том числе и тот Бахтияр, разбежались; а онъ, Калеевъ, оною командою на дороге пойманъ и присланъ в Секретную Коммисию. В бытность ево в злодейской толпе, Пугачева по уверению злодея ж Бахтияра почитал государем, а нынѣ, наслышась, он, от многих, почитает ево за сущаго злодея и изменника; ево ж самого не видал, смертнаго убивства никому не чинил.

От роду ему дватцеть три года.

(Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. 276, л. 2.)

[1] *Конец слова расплылся от воды.*

№ 91.

Выписка

из партикулярного письма, полученного въ Москве августа 7 дня 1774 году.

На полученныя ваши господскія повелѣніи отъ 24-го маія и [?] отъ 1-го іюля, на оныя вамъ, милостивымъ государямъ, доносилъ, а теперь, что вашей милости донести, не знаю.

Мы здѣсь живемъ праздно и, къ чему пристать, не знаемъ; ибо какъ многими моими плачевными представленіями васъ, государей, о истребленіи обѣихъ вашихъ заводовъ доносилъ и увѣдомлялъ, что и давно, надѣюсь, вы о томъ печальнѣйшемъ состояніи извѣстны; итакъ, на то ожидаю вашего повелѣнія. Команды жъ военные, стоящіе нынѣ въ Чѣлябѣ съ де-Колонгомъ, а въ Варламовой слободѣ съ Фрейманомъ, къ намъ въ Уралъ в сторону нашихъ заводовъ нейдутъ и башкирцовъ въ ихъ улусахъ не посѣщаютъ, и донынѣ нигдѣ еще башкирцамъ отъ нашихъ командъ удару [?] не было; и что дѣлаютъ наши генералы, — богъ знаетъ, а ожидаютъ только, чтобъ сами они, злодѣи, пришли въ познаніе, чего никогда имъ не дождатся. А они, злодѣи-башкирцы, у насъ всегда и вездѣ русаковъ губятъ; а 28 іюня Каслинской и Кыштымской господина Никиты Никитича Демидова заводъ оныя жъ башкирцы все выжгли, какъ заводъ, такъ и селеніе, а съ людьми что здѣлали, — о томъ еще здѣсь не слышно. И сіе весьма жалости достойное дѣло, что у насъ здѣсь дѣлается: командъ много, а только все стоятъ, а о защитѣ и истребленіи злодѣевъ мало думаютъ, да и самого злодѣя Пугачова почти изъ рукъ упустили. А теперь уже тотъ злодѣй отсель далеко: бывъ въ Осѣ, кою выжегъ, самъ пополъ внизъ по Камѣ къ Сарапулу, а что онъ тамъ теперь злодѣйствуетъ, — о томъ ближае знать Казанскимъ. Изъ уведенныхъ злодѣемъ Пугачовымъ съ вашихъ заводовъ крестьянъ около Красноуфимской крѣпости возвращено 520 душъ, въ томъ числѣ жены и малолѣтки, кои по близости Кунгура и Ачисткой крѣпости въ жительствахъ на житье разведены; а какъ теперь тамъ Кураевъ и Моисѣевъ, то и еще не оставятъ они оныхъ изъискивать, и, надѣюсь, все угнанныя злодѣемъ отъисканы будутъ; ибо они оставлены отъ злодѣя около Красноуфимской крѣпости, такъ оттоль имъ однимъ выходить отъ башкирцовъ не можно, что туда из Ачитской крѣпости, надѣюсь, господинъ маіоръ и кавалеръ Гагринъ пойдетъ и всѣхъ оныхъ, сколько ихъ найдется, возвратитъ. А со злодѣемъ развѣ одни годныя и проворныя люди не взяты ль, да и то, надѣюсь, многія отъ него разбѣжались.

(П. А., кн. VI, л. 68.)

№ 92.[1]

Сіятелный князь, высокородный и превосходителный господин генералъ-майоръ и кавалеръ!

Милостивый государь мой!

Обстоятелства здѣшнія с башкирцами, а паче с киргискайсаками, со дня на день становятся неспосными. Сіи обѣ націи во всѣхъ мѣстахъ дѣлаютъ почти непрестанные пакости, а особливо киргисцы, кои по Яику-реке видимы бываютъ везде на сю сторону перелѣзающия и обратно с захваченными людьми и со скотомъ возвращающіяся, причемъ и самого Нурали-хана и Айчувакъ-солтана дѣти предводителми усмотрены, ис чего заключаю я, что они генерално взбунтовали; что доказываютъ настоящия ихъ киргиския отличьныя злодѣйския поступки и обращеніе хана и солтана, кои нарочно отсель отдалились и сіе попущеніе чинятъ, какъ то и выходъцы свидѣтелствуютъ, ис коихъ одного допросъ при семъ препровождаю. А я ко отвращенію сего зла силы не имею, ибо господинъ генералъ-майоръ Ореймanъ и поныпе чрезъ четырекратное к нему предложение на назначенной ему постъ прибыть не могъ, [и гдѣ теперь находится, неизвѣстенъ], а господинъ генералъ-майоръ Мансуровъ съ Яику по ордеру господина генералъ-порутчика и кавалера князя Щербатова отправился къ Сызрану, причемъ и последнихъ яицкихъ казаковъ без позволенія моего с собою забралъ; итакъ, я при всехъ мѣстахъ за неименіемъ войска нахожусь в сумнителных обстоятелствахъ, ежели не предваренъ буду помощію вашего сиятелства.

Чего ради и прошу к реченному господину генералъ-майору Ореймапу с точьностию предложить, дабы онъ, сколь скоро возможно, поспѣшалъ и злодѣйствующихъ башкирцовъ укрощалъ, и темъ запертые дороги старался свободными учинить, — а иначково здешнія гражданя в пропитаніи своемъ могут претерпеть крайнею пужду и бѣдность; да и господину Мансурову велеть взятыхъ имъ с собою яицких казаковъ отпустить, которых бы я могъ употребить для поиску над киргисцами.

А и, впрочемъ, разсмотрению вашему предаю, пребывая со особливѣйшимъ моимъ почтениемъ вашего сиятелства, милостиваго государя моего, верной і покорной слуга

Іванъ Рейнсдорпъ.

Изъ Оренбурга, августа 6 дня 1774-го года.

(П. А., кн. V, л. 249.)

[1] *Перед текстом:* «№ 3». *На поле сбоку:* «№ 1112. Все решено по их къ князю ответным предложениям». *На поле внизу:* «Его сіятелству князю Петру Михайловичу Голицыну».

№ 93.[1]

В Пермскую Провинциальную Канцелярию от бергъ-гешворена Кирхнера

Рапортъ.

Сего сентября 4 числа, приехавъ в здешную Ачитскую крепость, татарской деревни Араковой мулла Яслыбай Аметьевъ обявил: что слышалъ онъ в проговаривани от татаръ, что яко-бы за Уфою рекой башкирецъ Салаватко имеетъ в собрани башкирцовъ до тысячи, да пришедшихъ к нему тулвинских татаръ две тысячи, и нападение де хочетъ иметь на Ачитскую крепость, такожъ и Кунгуръ, в разсуждение де того, что командъ во оныхъ никакихъ нетъ. Почему я онаго муллу Аметьева для подлинного о ихъ злых умышлениихъ отпустилъ обратно в написанную деревню Аракову, потому что онъ и каждой день сюда, ежели что услышит, даетъ знать. С чемъ Пермской Провинциалной Канцеляри о вышеписанномъ симъ за известие и репортую.

Подлинное подписал:

Бѣргешворенъ Александръ Кирхнеръ.

Ч. 5 сентября 1774 году.

(П. А., кн. V, л. 534.)

№ 94.[2]

В Пермскую Провинціалную Канцелярию Красноуфимской крепости священника Василья Игнатьева

Рапортъ.

Сего сентября 4 числа пришедъ я в домъ отставного салдата Афанасья Первушина, и жена ево обявила мне, что де бывшаго коллежского регистратора Федора Попова человекъ ево Сергей Васильевъ говорил де мне: «Слышно де, кума, что башкирцы говорятъ: надобно де Саранинской завод и Красноуфимскую и Ачитскую крепость выжечь и вырубить. А ты де, кума, отселе убирайся». И взяв с собою тещу свою и сына ее, с обою[?] и бежалъ в Башкирь. Того ради в Пермскую Провинциалную Канцелярию почтенно симъ репортую.

Сентября 5 дня 1774 году.

(П. А., кн. V, л. 534 об.)

[1] *Перед текстом:* ««Вз. Полученъ 18 дня 1774 году. Копіи. Получено сентября 6 числа 1774 году». *После текста и на обороте — скрепы:* «Іванъ Зиновьевъ». «С подлинными читалъ регистратор Еѳимъ Соколовъ».

[2] *Скрепы те же, что и на предыдущем «рапорте» (№ 93).*

№ 95.[1]

Въ Государственную Бергъ-Коллегію отъ коллежского асесора Ивана, Семенова сына, Мясникова о нижеслѣдующемъ

Всепокорнѣйшее доношеніе.

1-е. Государственной Бергъ-Коллегіи известно, что я имѣл общих с товарищемъ моимъ, директоромъ Яковомъ Твердышевымъ, въ Оренбургской губерніи вододѣйствуемыхъ: мѣдиплавиленныхъ — шесть, желѣзныхъ доменныхъ — четырѣ, молотовой — одинъ, лесопилочной — одинъ, всего двенатцать заводовъ, которые фабрикамі и протчими надобностми достаточно были устроены и принадлѣжащими к нимъ материалами и другими потребностми в доволномъ изобиліи запасены. И имѣлось на оныхъ заводахъ и в поселенныхъ к нимъ шести деревняхъ крепостныхъ нашихъ мастеровых и работныхъ людѣй мужѣска пола семь тысячь двести шездѣсятъ дѣвять душъ.

2-е. А в происходимой нынѣ в той Оренбургской губерніи от злодѣя Пугачева и ево сообщниковъ-башкирцовъ бунтъ в самомъ почти оного началѣ реченной злодѣй Пугачевъ и башкирцы прошлого 1773 году, в октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, напавъ на наши, во-первыхъ, Каргалинскія медные рудники, потомъ на заводы медные и желѣзные, имѣющіяся на нихъ деньги и приготовленной для мастеровыхъ и работныхъ людѣй правиант, всякую одежду и обувь и протчіе разные припасы, какіе на техъ заводахъ и рудникахъ ни были, такожъ пушки, ружья и порохъ пограбили без остатку, лошадѣй и скотъ отогнали, желѣза и мѣди многое число разграбили жъ, мастеровыхъ и работных людей многихъ забрали к тому злодѣю в толпу, заводъ Покровской мѣдной в том же октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1773 года сожгли со всемъ строеніемъ и плотиною. И со времени того нападения на оныхъ нашихъ заводахъ плавка мѣди и чюгуна и выковка желѣза остановилась и нынѣ не производится ни на одном заводѣ; и выплавленныя в томъ 1773 году на всѣхъ техъ заводахъ медь, чугунъ и выкованнае желѣзо имелось при оныхъ заводах.

А в нынѣшнем 1774-м году, в маие мѣсяцѣ, желѣзной доменной Белорецкой заводъ злодѣй Пугачевъ, а потомъ въ июнѣ и июлѣ мѣсяцахъ сообщники ево, Пугачева, бунтующія башкирцы, на четырехъ медныхъ: на Преображенскомъ, Воскресенскомъ, Верхоторскомъ, Архангелскомъ, на желѣзныхъ домѣнныхъ: Юрю-

[1] *Перед текстом:* «Копия». *На полях и после текста — скрепы* «Михайла Архипов». «С подлинным читалъ регистраторъ Андрей Лебедевъ».

зянском, Симском, молотовомъ Усть-Катавскомъ, на лесопилномъ Симскомъ и в шести деревняхъ фабрики, магазѣйны, в плотинахъ вешняки и слань и всякое заводское строение и крестьянскія домы выжгли до основанія, причемъ и имѣвъшіяся в заводскихъ канторахъ, данные из Оренбургского Горпаго Началства на записку выплавляемого чюгуна и мѣди, шнурованные запечатанные книги, и протчіе писмѣнные дѣла всѣ погорѣли без остатку; мастеровых жѣ и работныхъ людѣй, сколко от прежняго забрания осталось, окромѣ только спасшихся отъ ихъ злодѣйскихъ рукъ уходомъ, побили до смерти, а женскъ полъ, чиня надъ оными варварское свое поруганіе, забравъ съ собою и с малолетнимі детмі, погнали, какъ скотовъ, в далніе лѣса и в свои башкирскія кочевья; и гдѣ нынѣ тѣ люди находятся, и что с ними происходитъ, точнаго сведения не имѣю, потому что злодѣи-башкирцы, истребляя тѣ заводы, всѣ пути от оныхъ пресѣкли, такъ что ни к намъ с техъ заводовъ, ни от насъ туда проехать и понынѣ не возможно; а толко получили мы краткіи известіи от посланныхъ своихъ для развѣдыванія служителей, которые увѣдомились от спасшихся от злодѣйских рукъ побегомъ малова числа заводских людѣй, пришедшихъ въ городъ Уфу.

3-е. Оставались у насъ от того злодѣйскаго погубленія несозженные толко два завода: одинъ жѣлѣзной — Катавской, другой мѣдной — Богоявленской, на которые и полагали послѣднюю нашу надежду, в чаяніи, что, можетъ быть, не спасутся ли хотя оные отъ истребленія; но, не имѣя ни откуда никакой помощи, и тѣ послѣдніе два завода состоятъ в крайной опасности, да и могут ли остатся несоженными — неизвестно, ибо жѣлѣзной Катавской в ыюлѣ мѣсяцѣ съ 15-го по 21-е число башкирцами былъ атакованъ, и чинены ими ко оному многіе приступы, но крестянѣ того завода, хотя с потеряніемъ некотораго числа людѣй, однако ж, оной заводъ отстояли и тѣхъ злодѣев отбили прочь. Точію по известіямъ хлѣба при томъ заводѣ болѣе не паходится, какъ толко до половины октября мѣсяца, а соли прошедшаго августа с первыхъ чиселъ не имѣютъ, покупкою ж достать ни с которой стороны бунтующия башкирцы не допускаютъ; и, хотя паходится посеенпова заводскими нашими крестьянами по близости заводовъ и деревень в поляхъ хлеба до трѣхъ тысячь дѣсятинъ, которой ежели бы можно было весь собрать, то бы могло быть до тритцати тысячь четвертей, но бунтующия башкирцы для истребленія людѣй и с намереніемъ паки к нападѣнію разьезжаютъ около техъ несозженныхъ дву заводовъ и заводскихъ жителей из жилищъ ихъ не выпускаютъ; а кто по крайнѣй необходимости отважится зачѣмъ вытти, техъ побиваютъ до смерти, отчего тѣ заводскіе крестьянѣ лишаются пропитания и доходятъ до

крайнѣй гибели: или отдатся бунтовщикамъ на варварския мучѣния и смерть, или помереть голодною смертію.

Того ради, Государственной Бергъ-Коллегіи всенижайше доneся, покорнѣйше прошу, дабы соблаговолѣно было сіе мое доношеніе принять и о вышепредписанномъ заводовъ и деревень нашихъ истребленіи, куда надлѣжитъ, сообщить, с требованіем ко спасенію несозженныхъ дву заводовъ, а наипачѣ находящихся в нихъ жителѣй, от злодѣйского погубленія вспомоществованія военными командами, находящимися в Челябе, в Уфѣ и в пригородѣ Табынску, чтоб крестьяня оныхъ заводов без такой помощи, не возмогши болѣе имѣть к сопротивленію силъ, не принуждены были отдатся в руки злодѣямъ и быть ихъ жертвою или голодною помереть смертію; такожъ о собраніи угнатыхъ башкирцами обоего пола крестьянъ на прежніе места ихъ жилищъ и о сохраненіи ихъ паки от злодѣйскаго нападенія, и о защищеніи для собранія стоячего в поляхъ хлѣба учинить милостивое распоряжение; а тѣ разграбленные и сожженные наши заводы, деревни и рудники повелено бъ было освидетелствовать и, какое оным послѣдовало раззореніе и истребленіе, и что пропало людей, и не осталас ли какова наличнова на техъ позженныхъ местахъ мѣди, чюгуна и желѣза, — учинить опись.

Сентября...-го дня 1774 года.

У подлинного доношения подписано тако:

К сему доношенію коллежской ассесоръ Иванъ, Семеновъ сынъ, Мясниковъ руку приложилъ.

(П. А., кн. VI, лл. 406—407.)

№ 96.[1]

Его высокографскому сиятелству, высокопревосходителному господину генералу-аншефу и разныхъ ординовъ ковалеру, Петру Ивановичу Панину генералъ-маиора и ордена святаго Георгия ковалера Скалона

Рапортъ.

Ордеръ вашего высокографского сиятелства отъ 3-го прешедшаго сентября, по[д] № 128-м ис Керенска пущенной, на имя его превосходителства, господина генералъ-порутчика и ковалера, де-Колонга 8-го сего настоящаго я с моимъ должнымъ почитанием получилъ и в точное оного исполнение вашему высокографскому сиятелству покорнейше доношу:

[1] *На поле снизу, на первой странице л. 329:* «№ 188».

Сколко под предводителствомъ моимъ в здешнемъ краю состоитъ и какого роду войскъ, о томъ при семъ подносится особой рапортъ. Сиі войски обращаются здесь для усмирения и приведение в должное ея и. в. повиновение напоепныхъ ядомъ нечестиваго самозванца бунтующихъ воровъ-башкирцовъ, которых хотя по несколку человскъ и почти ежедневно, какъ здесь в Челябинску, такъ и въ крепости Верхо-Яицкой, с повиновениемъ являются, но затемъ другия, и поныне бунтуя, злодеяніі производятъ; однако жъ, при всемъ томъ подается надежда, что они успокоются.

Ядъ нечестиваго самозванца Пугачева (о поимке коего я уже известие имею) коснулся частию и в Сибирскую губернию, которой и пон[ы]не еще не изчезаетъ, ибо живущия по Барабинской степи иноверцы и некоторыя заводския крестьяня в верности сомнителны, а киргисъ-кайсаки по всей Новой Таболной и Ішимской линіі производятъ великия и такия безпокойства, что его превосходителство, господинъ генералъ-порутчикъ и ковалеръ, Иванъ Александровичь де-Колонгъ принужденным нашелся оставить здесь находящияся сибирския войски в мое предводителство, самъ следовать на линию для пресечения киргиских дерзостей, обратя на нихъ одну полевую команду; будучи не в силахъ ихъ усмирить, изволитъ мне предлагать, чтобъ отрядить туда отсюдъ еще одну таковую жъ и до ста человекъ казаковъ.

Я, исполняя его превосходителства повеление и будучи доволно сведомъ о угрожаемой линиямъ опасности, отъ 16-го минувшаго сентября сообщалъ его превосходителству господину генералъ-маиору и ковалеру Потемкину, чтобъ оставляемые на попечение и збережение сибирскихъ войскъ Кунгурской уездъ и Екатеринбурское ведомство изволилъ опъ принять в свою стражу, а подполковника Жолобова (которой находится въ Екатеринбурге) съ его деташаментомъ уволилъ сюда. Да и господину Оренбурскому губернатору, его высокопревосходителству, господину генералъ-порутчику и разныхъ ординов ковалеру, Рейнздорпу по долгу службы не оставилъ донести, что болшая часть сибирскихъ войскъ обращается ныне в пределахъ вверенной его высокопревосходителству губерніі, а затемъ на сибирскихъ линіяхъ во опыхъ крайней недостатокъ, и просилъ, не соизволит ли его высокопревосходителство для занятия Оренбургской губерніі, отколь подлежитъ, войскъ истребовать, а сибирскія чтобъ обращены были на свои линіі,—а без того опасно, чтобъ, по малосостоянию на опыхъ воинскихъ командъ, не загорелся таковой же огонь и в Сибирской губерніі, каковъ происходилъ во Оренбурской.

Все сие представляя в высокое благоразсмотрение вашего высокографского сиятелства, осмеливаюсь доложить, что госпо-

динъ генералъ-маіоръ и ковалеръ Фрейманъ его превосходительствомъ, господиномъ генералъ-порутчикомъ и ковалеромъ, де-Колонгомъ никогда удерживанъ не былъ, а зашелъ онъ в здешную правинцыю съ его деташаментомъ самъ, да и із оной вышелъ во исполнение данныхъ ему от главной команды повелениевъ.

Генерал-маеоръ і кавалеръ Антонъ Скалонъ.

Октября 9-го дня 1774 года.

Оренбурской губерніі городъ Челябинскъ.

(П. А., кн. VII, лл. 329 и 332.)

№ 97.[1]

Въ Государьственную Бергъ-Коллегию заводчика Ивана, Алексѣева сына, Масалова

Покорнѣйшее доношение.

Указами ея императорскаго величества: 1-м, изъ Правительствующаго Сената даннымъ оной Государьственной Бергъ-Коллеги 23 июня сего 1774 года, а 2-м, во исполнение ево изъ оной Коллеги и ко мне в насланном от 28 июля, предписано, чтобъ раззоренные и разграбленныя известными злодейскими партиями медные и желѣзные заводы старались заводчики по примеру казенных, также раззоренныхъ, Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ, потребнымъ числомъ людей снабдить и по-прежнему в действие привесть без потеряния времяни; и на оной ея и. в., ко мне присланной, указъ Государьственной Бергъ-Коллеги всепокорнейше доношу:

1-е. Какъ известно Государьственной Бергъ-Коллеги из поданныхъ от меня доношениевъ, коимъ образом на Каноникольскомъ моемъ медиплавиленномъ заводе и при рудникахъ зладеями не токмо разное имение разграблено, но и до основания какъ ѳабрики, магазейны, в платине вешняки и обрубы и всякое заводское строение со всякими припасами, какъ при заводе, такъ и при куреняхъ, также и канторы со всеми книгами и письменными делами и крестьянския домы созжено и, единымъ словомъ сказать, такъ изтреблено, что удобнея и скорея оного на дру-

[1] *Перед текстом*: «Копія». *После текста:* «В Бергъ-Коллегію получено ноября 11 дня». *На полях и после текста — скрепы:* «Михайла Архипов». «С подлинным читал канцеляристъ Степан Ішотинъ».

гомъ месте построить; к тому жъ и у заводскихъ крестьянъ рогатой и протчей скотъ и лошадей и со всеми пожитки ограбили и привели ихъ до крайней бедности, и многихъ служителей, мастеровыхъ и работных людей, какъ при рудникахъ, такъ и при заводе, умертвили и с собою увезли. А после того и еще нынѣ чрезъ присланное ко мне от находящагося въ Оренбурге прикащика моего Ефрема Полосатова писмо получилъ известие, что прислана была 28 числа августа на тотъ мой истребленной заводъ его превосходительства, господина генералъ-маиора и кавалера Ореймана воинская команда для выручки страждущихъ от башкирцовъ и не отдающихся в зладейския руки, равно и башкирцамъ, оставшихъ моихъ крестьянъ, которыхъ она с собою и взяла; но в томъ случае имеющуюся, оставшую от раззорения прежде бывшихъ зладѣевъ, штыковую мою медь всю разстащила, о чемъ его сиятельству, высокоучрежденному господину генералъ-аншефу, сенатору и разных орденовъ кавалеру, графу Петру Ивановичу Панину 14-го ч. сего октября доношение от меня послано. А люди наличныя по ордеру его высокопревосходительства, господина генералъ-порутчика и Оренбургской губерни губернатора и разныхъ орденовъ кавалера Рейнздорпа вышеписанною командою с того завода, в разсуждени опустошения ево и опасности от набеговъ зладейскихъ и по неимению на прокормление ихъ тутъ хлеба, переведены все, во-первыхъ, на Преображенской опустошенной же директора Твердышева заводъ для уборки хлеба, а после в село господина колежскаго советника Тимашева, называемое Ташлу, для таковаго жъ убрания хлеба, а потомъ для зимовки переведены в Пречистенскую крепость и в новопоселенную татарскую деревню Нагаеву; и за темъ ихъ выводомъ оставшая часть черной и горѳуферской меди, також и разныя заводския инструменты остались на том изстребленном заводе безъ всякаго присмотру.

2-е. А хотя я по всеусердию моему к службе ея и. в. к построению вновь того моего изстребленнаго завода и о приведени в прежней порядокъ и имею всежелательную ревность, но за означенным раззорениемъ, также за неимениемъ и приписных противъ другихъ заводчиковъ казенныхъ крестьянъ, а по самой малости покупныхъ людей, примеру казенныхъ камскихъ заводовъ, которыя после приключившейся также от зладѣевъ остановки в действо приведены, в возобновлени мне того своего завода держатся и в томъ желаемого успеха произвести никакъ не можно.

3-е. А понеже всевысочайшими имянными блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя-императора Петра Великаго Бергъ-привильегиею, а государыни-императрицы Анны Иоанновны Бергъ-регламентом заводчики между протчими преимуществами всемилостивейше обнадежены снабдеванием на

построение таковыхъ заводовъ заимообразно казенными деньгами но токмо со определения генералъ-бергъ-директориума.

Того ради, Государьственную Бергъ-Коллегию всепокорнейше прошу, принявъ во уваженіе вышеизъясненное, последовавшее мне, невинное раззореніе, снабдить на сей случай всевысочайшихъ узаконениевъ помощию, в которой я весьма нужное себя нахожу сие: 1-е, на построение вновь завода и на заведение всего разграбленнаго выдать мне заимообразно на десять летъ до пятидесятъ тысячь рублев; 2-е, от платежа десятины, по силе состоявшагося 762-м году августа 9 дня узаконения, уволить и 3-е, людей положенную заводскимъ учреждениемъ препорцию, вместо умерщвленныхъ и разными случаи пропадшихъ в смутное время, дозволить купить. И естьли изъ высочайшей ея и. в. милости сие удовлетворение оказано мне будетъ, то я, нижайши, не толико что состояние свое от такъ великаго и почти несноснаго убытка чрезъ поспешное приведение въ действо подорванного и совсемъ уже изтребленного завода поправить могу и казна выданные мне деньги в срокъ без потеряния получить, но и впредь по тому заводу от платежа десятины и от поставки на денежное дело меди немалая государьственная полза быть можетъ. А, какъ выше значитъ, оставшие заводские мои крепостные люди находятся ныне без всякихъ заводскихъ должностей и работъ, а на пропитание ихъ за раззорениемъ вышесказанного моего завода хлеба в наличности тамъ ничего у меня нетъ, а из другихъ способных местъ достать покупкою партикулярно въ скоромъ времяни и по нынешнимъ обстоятельствамъ никакъ не можно, то в семъ случае соблаговолено б было, пока они мною в заводские работы употребится имеютъ, к тому ж и покупкою в способныхъ местахъ правианта и в перевозе оного, какъ возможно будетъ, доставить и снабдить пропитаниемъ с казенной стороны; а тотъ разграбленной и созженной мой заводъ повелено бъ было освидетельствовать и, какое оному последовало раззорение і истребление, и что пропало людей, и не осталось ли какова наличнова на техъ позженыхъ местах меди, желѣза и чюгунныхъ инструментов, учинить опись, и ко оставшему, для охранения от какихъ-либо хищниковъ, такожъ и для безопасности от башкирцовъ людемъ моимъ, опредѣлить пристойное число военной команды, и о томъ, куда следуетъ, сообщить, и о всемъ вышеписанном учинить милостивую резолюцию.

Октября 28 дня 1774 году.

Къ подлинному доношенію заводчикъ Иванъ Масаловъ руку приложилъ.

(П. А., кн. X, л.л. 65 — 67.)

№ 98.[1]

[*Экстракт*]

Злодей Пугочевъ, отобравъ ис толпы конницу, тысячь до десяти, и взявъ шесть пушекъ, а три пушъки и тысячь до дву людей оставил при обозе, учинили на Казань нападение, в том числе и онъ, Курочкинъ; форштатъ и татарскую слободу выжгли, а крепости разбить не могли и, отойдя отъ Казани под оное жъ село [2] к обозу, стояли сутки. Тогда на ту толпу перед вечером его сиятелство, господинъ генералъ Галицынъ с войсками учинилъ нападение и ту толпу разбилъ, и пушки все отбилъ, и несколко злодеевъ в пленъ взялъ. Тогда означенной злодей Пугачовъ с конницею, з двумя стами человеками, бежал вверхъ по реке Волги, в том числѣ и онъ, Курочкинъ, и, во-первыхъ, стали незнаемо в какомъ селе, куда и собралось к нимъ ис техъ разбитыхъ злодеевъ четыреста человекъ, и под темъ селомъ на разных лотках реку Волгу переехали. Тогда еще башкирцовъ собралось ста с три, которым оной злодей Пугачовъ реку Волгу переезжать не велелъ, а приказалъ возвратитца обратно в свои селеніи....

(П. А., кн. X, л. 27.)

№ 99.[3]

По указу ея императорскаго величества.

Инструкция.

По высочайшему ея и. в. соизволенію надлежитъ съ башкирскаго и мещерятского народовъ и другихъ Уфинскаго и Исетскаго уѣздовъ иновѣрцовъ, бывших въ прешедшей отъ извѣст-

[1] *Под № 98 печатается извлечение из обширного «Экстракта», носящего заглавие:* «Экстрактъ, сочиненной в Танбовской правинціалной Канцеляри, из следственнаго дела о присланных сего декабря 1-го дня при промеморіи ис канцеляри Хоперской крепости колодникахъ, поманныхъ по разбити ис толпы извеснаго зладея Пугочева, бывшихъ в той толпе, дву человекахъ: Иване Курочкине и Василье Желтилове, ис коих Курочкинъ в той толпе былъ полковником, а Желтиловъ — казакомъ». «*Экстракт*» *в оригинале дан в виде двух колонн, со следующими титулами:* «Какихъ оныя чиновъ, и в чемъ ихъ преступлени состоятъ». «Приличные законы». *Печатается часть текста первой, левой, колонны из «экстракта» показания Курочкина.*

[2] *Неуказанное, верстах в 10-ти от Казани.*

[3] *Перед текстом:* «Примѣрная». *В оригинале «Инструкция» писана двумя колоннами; при печатании левая опускается, а из текста правой колонны воспроизводится лишь вступление и § 3 «Инструкции» (из числа имеющихся в ней семи). В опускаемой правой колонне читаем:* «Опредѣленному для збору штрафныхъ лошадей съ башкирцовъ и другихъ иновѣр-

*

ного государственного злодѣя Пугачева бунтъ участниками, въ нѣкоторой родъ наказанія собрать штрафныхъ лошадей три тысячи, для пріему которыхъ и назначены по способности разныя мѣста, въ томъ числѣ городъ Уфа, куда и командированы вы съ приданною вамъ командою. Итакъ, прибывъ туда, къ дѣйствительному исполненію приступить вамъ по предписанному...

3-е. А какъ и напредь сего при бывшихъ бунтахъ вмѣсто збору штрафныхъ лошадей въ натуре, за неимѣніемъ или за непріискомъ годныхъ, и деньгами чинено было взысканіе, то по сему примѣру и нынѣ, ежели въ которыхъ жительствахъ и волостяхъ такихъ достойныхъ къ службѣ лошадей нѣтъ, а тѣмъ людямъ, на конхъ взысканіе ихъ будетъ расположено, въ близости и скорости покупкою сыскать будетъ не можно, въ такомъ случае збирать за нихъ деньгами жъ, по двадцати по пяти рублей за каждую. Однако жъ, въ сей денежной зборъ и въ расположеніе онаго вамъ самимъ не въходить, а оставить на волю и расположеніе обывательское, наблюдая при томъ сіе наипаче, чтобъ деревенскіе старшины, сотники, выборные и богатые мирскіе люди убогихъ не отяготили и вовсе бъ ихъ не изнурили, а раскладывали бъ то съ превосходствомъ на заживныхъ и богатыхъ людей, по тому резону, что богатые больше и наклонность имѣли къ сообщенію съ бунтовщиками и сами обще съ ними жъ злодѣйствовали, раззоряя пребывшихъ въ вѣрности; а убогія бъ отъ крайняго изнуренія, сколько можно, были збѣрежены, изъ коихъ многія по ихъ скудости или еще и по неволѣ примѣру ихъ, богатыхъ, послѣдовали...

Генваря ... дня 1775 года.

Титулярной совѣтникъ Петръ Чучаловъ.[1]

(П. А., кн. XV, л.л. 176—177.)

№ 100.

1775-го февраля 25 числа присланныя изъ Казанской Секретной Коммисіи башкирцы Правительствующаго Сената въ Тайной Экспедиціи приняты и оберъ-секретаремъ Шешковскимъ чрезъ казачьяго Уральскаго войска есаула Ивана Гульчихина,

---

цовъ: Уфимской провинціи — въ городѣ Уфѣ, въ пригородѣ Табынску, Красноуфинскѣ, въ Ельдякѣ, въ Нагайбацкой, въ Зилаирской крѣпостяхъ; Исетской провинціи — въ Челябинскѣ (гдѣ провинціальное правленіе), въ крѣпостяхъ: въ Чебаркулской, въ Міяжской, въ Верхояицкой; въ Ставрапольскомъ уѣздѣ — въ городѣ Ставрополѣ, въ слободахъ, лежащихъ по рѣкѣ Кинелю, а имянно: въ . . . . . , въ . . . . . [sic] въ Бугульминскомъ уѣздѣ — въ слободах: въ Бугульмѣ, въ Кувакѣ, въ Бугурусланѣ».

[1] *Подпись П. Чучалова идет в форме скрепы по листам «Инструкции».*

за тѣмъ, что они по-руски говорить не умѣютъ, допрашиваны и показали.[1]

. . . . . .

2. Означенного башкирца Юлая сынъ показалъ:

Салаватомъ ево зовутъ, Юлаевъ сынъ, от роду ему двацать первой годъ. Жителство онъ имѣлъ при отце своем, Оренбургской губерніи въ Уфимской правинціи, въ деревне Юлаевой, состоящей на болшой Сибирской дороге.

Въ прошломъ 1773-м году осеннимъ времѣнемъ изъ Уфимской Провинціалной Канцеляріи присланъ был к нимъ вь ихъ башкирскіе селѣніи печатной манифестъ, чтобъ тамошние ихъ башкирскіе старшины отправилі от себя башкирцовъ на вспоможеніе вернымъ войскамъ против проявившагося тогда злодея Пугачева и его толпы, которой чинилъ нападеніе на Оренбургъ и раззорялъ другіе тамошніе селѣніи. Почему отецъ его Юлай, давъ ему, Салавату, в команду башкирцовъ, восемдесятъ человѣкъ, да и заслуженой темъ отцомъ его в Полше знакъ, его, Салавата, к вернымъ россійскимъ войскамъ и отправилъ, и велѣно было ему явится в крепости Стерлинской пристани у комапдира, ассесора Павла Богданова. Ехалъ до оной крепости пятнатцать дней и, по приезде въ оную, явился с командою своею у того Богданова, которой поруча его с тою командою и еще другихъ башкирцовъ и мещаряковъ, всего до тысячи двусотъ человекъ, подъ предводителством башкирского старшины Элви къ генералу Кару в деревню Биккулову. Но, не доезжая оной с версту, встретила ихъ злодейская толпа въ дву тысячах или болѣе, при которых были пушки, и, іхъ всехъ атаковавъ, держали до сумерекъ, почему ихъ старшина Элвіи, не имѣвъ при себѣ пушекъ и видя, что злодейской толпы вдвое было болше, нежели его команды, без сопротивленія къ злодеямъ и съклонился, причемъ и вся его команда, в томъ числѣ и онъ, Салаватъ, в толпу взяты. Злодейской началникъ, называющейся атаманомъ, Овчинниковъ отправилъ его с протчими в Берду къ самому злодѣю, которой, будучи въ оной крепости, приводилъ ихъ къ себе в службу, а тех, кто въ оную не поидетъ, уграживалъ казнить смертію, почему онъ, боясь смерти, служить злодею согласился. Однако жъ, будучи въ его толпе, когда оная приступала къ Оренбургу, не хотя у злодѣя быть, отделясь отъ его толпы, побежалъ к городу, к вернымъ войскамъ, но только опъ добежать к городу не успел и отъ оного не болѣе уже, какъ въ одной верстѣ, бывшими в злодейской толпе яицкими казаками пойманъ; причемъ те казаки за то, что онъ хотелъ изь их толпы бежать, кололи его пиками и зделали ему две раны: в левую

[1] *Показание (под № «1») отца Салавата — Юлая, Азналихова сына, опускается.*

щоку, под левым ухомъ, да в правую руку, кололи его и в спину, но толко, по бывшимъ тогда на немъ калчугамъ, болшаго вреда и ранъ ему не зделали и хотели совсемъ лишить живота; однако жъ, по его щастію, наехавшими башкирцами отъ смерти, по прозбѣ ихъ, избавленъ; потомъ привели его к самому злодею, которой его уговаривалъ, чтобъ онъ служилъ ему верно и не бегалъ, — а естли побежитъ, то, конечно, живота лишенъ будетъ; почему онъ, из страха боясь учинить побега, в толпе злодейской и оставался. После сего злодей Пугачовъ делалъ въ толпе своей распоряжение, установлялъ началников, причемъ ево, Салавата, по прозбѣ вышесказанных, бывших въ ево команде, башкирцовъ, назвалъ полковникомъ; но какъ онъ отъ вышеобьявленныхъ ранъ былъ боленъ, то отъ злодея и отъпущенъ былъ до выздоровленія съ другими заболѣвшими десятью человеками башкирцами вь его жилище с темъ, чтоб онъ тамо о злодѣе уверял, что онъ подлинно государь, и по выздоровленіи, набрав себѣ в команду башкирцовъ, возвратился в толпу къ злодею. Былъ онъ в домѣ отца ево толко два дни; і какъ зделался здоровъ, то уже по приказу злодея увещевать башкиръ и набирать ихъ к злодѣю въ службу ему, Салавату, способу не было за темъ, что уже преждѣ его в свое жительство приезда посланной отъ злодея, названной имъ полковникомъ, Иванъ Грязновъ всех башкирцовъ забралъ въ свою команду силою и із них, которые с нимъ не пошли, мучилъ, причемъ одного башкирского сотника, Колду Девлетова, повесилъ, у другаго жъ разграбилъ домъ; а отецъ его, устрашасъ того, бежалъ. По наборе тем Грязновымъ толпы, разорял оной и жокъ тамошнія селѣніи и крепости и взятой въ оных порохъ и свинецъ, также и толпы своей болшую часть отправилъ къ называемому тогда графомъ Чернышевымъ яицкому казаку подъ Уфу, которымъ оная и взята; а Грязновъ поехалъ съ оставшею толпою подъ Исецкъ.

Потом же, осадивши Красноуфимскую крепость, бывшіе при оной осаде башкирцы, названные обьявленнымъ Грязновымъ полковниками, Соваканкулъ и Бахтыяръ, прислали по него, Салавата, въ его жилище одного башкирца, Эвлезыя Саккулова, и русского попова сына, Макара Иванова, с которыми онъ, Салаватъ, по приказу техъ полковниковъ в Красноуфимскую крепость къ злодейской толпе и явился и съ сего времяни чинилъ уже злодействы, яко-то: именовавшись полковникомъ и з другими двумя таковыми жъ имевши при себе в командѣ до дву тысячь толпы, и совокупившись з злодейскимъ названным брегадиромъ Иваномъ Степановымъ и его шайкою, а всего было толпы до четырехъ тысячь человекъ, по приказу оного брегадира вооружались и подступали штурмомъ подъ городъ Кунгуръ целой день, — однако жъ, оного не взяли. И при семъ сраженіи его, Салавата, от верныхъ войскъ в правой пахъ ранили; и какъ онъ

сделался отъ того болѣнъ, то и отпущенъ былъ въ его жилище; а какъ выздоровѣл, и были въ их селеніяхъ верныя войски, то противъ оных з другими, бывшими при нем,[1] башкирцами имелъ сраженіе. А потомъ, когда злодей Пугачовъ къ их селѣніям приближился, то онъ, Сулават, паки к нему в службу взятъ, и, по приказу его, онъ, Салават, з двумя полковниками и с частію толпы выжгли заводчика Твердышова состоящей близъ отца его деревни заводъ, под которой насилно Твердышовымъ на землѣ отца его поселѣны две деревни; однако жъ, онъ, Салаватъ, о пожеге того завода у злодея дозволенія не просилъ. Потомъ былъ съ онымъ злодѣемъ (былъ) при взятье Осинской крепости, где также тяжело въ правую ногу ружейною пулѣю раненъ, почему и отпущенъ от злодея для излеченія въ его деревню, откуда верными россійскими войсками взятъ, причемъ весь его домъ раззоренъ, три жены его и два сына взяты в пленъ, и где находятся нынѣ — не знаетъ, а онъ, Салаватъ, с протчими привезен к подполковнику Аршеневъскому, у которого при съпрашиваніи о его злодействах сеченъ былъ батожъемъ і отъ него отосланъ в Казань, а изъ Казани отправленъ сюда.

Будучи в злодейской толпе, никого из своей воли и самъ собою не умерщвлялъ, а, может быть, при сраженіи с верными войсками кого и убилъ, но точно показать не можетъ; злодею жъ Пугачову столко усердствовалъ, защищал его злодейскую толпу и с верными войсками имелъ сраженіе потому, что онъ, Салаватъ, почиталъ сего злодея не инаково, какъ за истиннаго россійскаго государя, а посему и боясъ от него смерти, а паче по молодости своих летъ, смотря на другихъ старейшихъ башкирцовъ, что все тамошніе башкирскіе их селеніи къ злодею предалисъ; а о томъ, что тотъ злодей ложно имя государское на себя принял, хотя и слышалъ, но не думал, чтобъ та была правда; в чемъ и приноситъ предъ ея императорским величествомъ повинную и проситъ матерняго помилованія. Прежде явившагося злодея Пугачева онъ, Салаватъ, никаких раззореніевъ, пожеговъ и смертных убивствъ не чинилъ и ни за что наказыванъ не былъ, а жилъ в селѣни при отце своемъ спокойно.

(Подпись по-татарски.)

(Г. А., р. VI, д. 427, л.л. 23—30.)

---

[1] *Слова:* «бывшими при нем» *написаны другой рукой и вставлены в текст после подчистки. Оригинал, с которого печатается показание Салавата, вообще изобилует подчистками.*

Калмыки.

№ 101.

№	Числа.	Мѣсяцъ май 1774 года.	Съ кѣмъ отправлено.
80-й. Дюсметева.	16	Ордеръ господину подполковнику Мильковичу. Въ отправленномъ къ вамъ третьяго дня ордерѣ предписалъ я, чтоб постарались вы отправить отъ себя изъ находящихся у васъ, приведенныхъ въ повиновеніе, калмыковъ къ обратившейся отъ Самарской линіи калмыцкой шайкѣ къ селѣніямъ Иргиза подъ начальствомъ Дербетева съ ево матерью для склоненія ихъ на истинной путь, за коими вслѣдъ господинъ генералъ-маіоръ Мансуровъ послалъ съ деташаментомъ маіора Муфеля. Но, какъ и въ здѣшней сторонѣ изъ шатающихся между Самарской линіи и Ново-Московской дороги калмыковъ послѣ пораженія полковникомъ Шепелевымъ и капитаномъ Квашнинымъ-Самаринымъ успѣла большая ихъ часть обратить бѣгъ свой и прорваться чрезъ Московскую дорогу въ Башкирію за рѣку Діёму, что вчерашнего дня послѣдовало, то и сіе послѣднѣе произшествіе побуждаетъ меня послать къ вамъ сей ордеръ, дабы вы не только въ шайку Дербе-	Отданъ для пересылки господину полковнику Шепелеву.

№	Числа.	Мѣсяцъ май 1774 года.	Съ кѣмъ отправлено.
		тева, но и къ симъ, вѣрныхъ и надѣжныхъ изъ вашихъ калмыковъ отправили для уговору и увѣщанія, чтобъ они, въ должное повиновеніе обратясь, возвратились на прежнѣе ихъ кочевье; возмущающихъ же их яицкихъ козаков, которые, какъ извѣстно, при них находятся, всѣхъ переловя, выдали бы ближайшимъ нашимъ воинскимъ командамъ, съ увѣреніемъ, что не только не будутъ притеснены и воспользуются всѣми прежними выгодами, но и показано будетъ возможное вспоможеніе. Старайтесь, ваше высокоблагородіе, сіе исполнить къ умноженію похвалы, трудами вашими пріобрѣтенной, послав для сего из Ставропольскихъ и Оренбургских калмыковъ, ибо уповать надобно, что въ сих толпахъ обѣихъ сихъ родов калмыки находятся. Какой успѣхъ отъ сей посылки получите, меня рапортовать въ Оренбургъ, куды я сей день изъ деревни Дюсметевой выѣду.	

(П. А., кн. XVII, л.л. 64 об. — 65.)

№ 102.[1]

Копия с сообщения

господина полковника князя Дундукова.

По отправленіи послѣдняго к вашему высокоблагородію сообщения, я, слѣдуя к городу Дмитревску, вчерашнего числа известился, что сей город еще третьяго дня занетъ злодейскою партиею; а потому оставалось мнѣ сохранить Волъжского войска селенiи. Но сего числа, имея маршъ к Балыклеевской станице,

[1] *На полях — начало скрепы секретаря Ивана Безгина, полный текст которой:* «С подлинными свидетельствовал секретарь Іванъ Безгинъ».

пополудни в пять часовъ, разстояніемъ отъ оной верстъ с пять, какъ посланныя вперед и по сторонам партіи, такъ и я со всеми войски, усмотрели по ту сторону станицы пыль, от множества конъского топоту подымающуюся; которую признавъ быть от злодейской толпы, отправилъ ко изследованию истинны нарочныхъ, а, какъ от оныхъ получилъ сведение, что злодеи к станице показыватца уже началі, то, желая освободить изъ ихъ рукъ, по крайней мере, сию станицу, откомандировалъ к ней при порутчике Климове казаковъ и калмыкъ до 400 человекъ. Но вместо того, чтоб ихъ принять охотно, жители той станицы, постановя на яру, в коемъ примкнуто обиталище, імѣющияся у нихъ четыре пушки, начали по нихъ палить; каковую сущую видя измену, принуждены казаки и калмыки отступить, а, между темъ, злодейские толпы стали вбиратся в станицу, чего и предудержать способа не осталось, потому что наступала ночь, а лехкая полевая каманда с артилериею находилась позади верстахъ въ петнатцати. Ближе станицы лагирь занять мнѣ было никакъ не можно, ибо, хотя и есть по Балыклейке вода, однако жъ, с таким топкимъ мѣстом, что и близъ берегу подехать способу нетъ; а станицу атаковать, какъ за темнатою ночи, такъ и по открытности ко оной степи, опасно по той притчине, что состоит на пригорке.

Затемъ, не вдаваясь в сию опасность, принужденъ со всемъ войскомъ ретироватца к речке Пролейке и, перешед на другую сторону, расположился при оной на самой проезжей дороге; разставя по всемъ во окружности местамъ, также и к станице, караулы, буду ожидать утра и, смотря по обстоятелствам, постараюсь к пресеченіямъ злодейскаго предъприятия надлежащия принять мѣры; а, между темъ, заблагоразсудилъ о семъ в краткихъ терминахъ дать вашему высокоблагородию знать.

Но показанным же порутчиком Климовымъ захваченъ от злодейской партіи войска Яицкого казакъ Иванъ Туминъ, которой, между протчимъ, на вопросъ показалъ: Что изменникъ Пугачовъ, по переправе с луговой на нагорную реки Волги сторону выше Казани при городе Цывилске, не более, какъ въ 400-х человекахъ, ідетъ на Низ, раззоряя города и протчия жилища и противящихся ему умерщвляя, — намерение имеетъ пробратца к Терсу и далее в горы. Водянымъ путемъ слѣдуют два его судна с хлебнымъ запасомъ, а з денежною казною таковаго ж яко-бы перенять не могли, а уплыло внизъ. Войска злодейскаго, к военнымъ действиям исправленного, состоитъ с лишнимъ шесть тысячь, в томъ числе: яицкие, взятые изъ Саратова и із Дмитриевска, тамошние, и царицынские, бывшие в Дмитриевску, казаки, ставропольские калмыки и деревенские мужики, орудей дватцать семь. В бытност де ихъ в Саратове, приезъжали к Пугачову из Дубовки два казака с ызвестиемъ о следованіі в здешние места противъ ево россискихъ и калмыц-

ких войскъ, коихъ казаковъ онъ, Туминъ, после уже не видалъ; да назатъ тому четвертой день прибылъ и еще с таким же уведомлениемъ дубовской же казакъ, которой изяснилъ к тому, что все Волжское войско охотно ево, Пугачова, ожидаютъ; і сей де посъледней казакъ и доныне в зладейской талпе остался. Прочие жъ станицы доброволно к нему, Пугачову, склонились.

А, понеже из находящихся теперь при мне того Волжского и Донскаго войскъ казаков, кроме походного полковника Кутейникова и некоторых старшинъ, многие вь ихъ к ея і. в. вѣрности оказываютца сумнителны, какъ-то человекъ до десяти в сию ночь, скрывшысь, передались к варварскому собранию, для чего покорно ваше высокоблагородіе прошу обещанными войски меня постаратца, какъ наискорее, подкрепить, ибо я кроме регулярной каманды и калмыкъ на казаковъ совсемъ надежды не палагаю, а опасаюсь, дабы в самом зъ зладеемъ действіи не зделать чрезъ такихъ вероломцовъ интересу ея і. в. вящего предосуждения, и о семъ его превосходителству господину Астраханскому губернатору прошу от себя данесть, а я за краткостию времяни особъливого рапорта написать не успелъ. Затемъ с достодолжным почтеніемъ імею честь пребыть.

У подлинного подписано тако:

Вашего высокоблагородія, милостивого государя моего, покорной слуга, полковникъ князь Алексей Дондуковъ.

От 15 августа 1774 году.

(П. А., кн. V, л. 232.)

№ 103.[1]

Сіятелнѣйши графъ, высокородный і высокопревосходителны господинъ генералъ-аншефъ і разныхъ ординовъ ковалеръ!

Милостивый государь

Петръ Ивановичь!

Сего августа 19-го дня полученъ мною ея і. в. указъ із Государственной Военной Коллегіи отъ 30-го іюля, коимъ дано знать, что по імянному ея і. в. высочайшему повеленію пресеченіе бунта і возстановленіе внутреннего порядка, і состоящія в Оренбургской, Казанской і Нижегородской губерніяхъ і в здешнемъ краю войски поручены въ главную команду вашего сіятелства, почему я о сей высочайшей доверенности весма і радуюсь. Вследствіе чего, хотя о Астраханской губерни ничего в указе не упомянуто, но какъ в немъ сказано о воіскахъ тамошняго

[1] *Перед текстом:* «Вз. Полученъ 24 сентября 1774 году».

края, то я за должность імѣю вашему сиятелству с почтеніемъ моимъ донесть . . .[1]

Волское войско, три верхніе станицы, поступили доброволно в злодейскую сторону; і, хотя на пораженіе іхъ командированъ с калмыцкимъ войскомъ і казаками полковникъ князь Дондуковъ с приданною в подкрепленіе іхъ іс Царицына легкою полевою командою і со орудіями, но токмо никакой помощи городу Дмитріевску зделать не могъ; которой і встреченъ злодейскою толпою выше Дубовки, у Балыклеевской станицы, і тутъ остановленъ; а комендантъ полковникъ Меллинъ до приходу злодѣевъ із города уехалъ в Царицынъ. Дондуков же, видя волскихъ казаковъ, с ними сообщенныхъ, і некоторыхъ із своихъ казаковъ же, туда побегшихъ, писалъ к Царицынскому коменданту, а сей 19 доносилъ ко мне, что онъ на находящихся в команде ево казаковъ совсемъ надежды не полагаетъ і опасается, дабы в самомъ действи з злодѣемъ не зделать чрезъ такихъ вероломцовъ інтересу ея і. в. вящаго предосужденія, і просил скорѣйшаго подкрепленія себѣ войсками. Каковыми, по неіменію у меня, ничего вспоможенія зделать ему не возможно: і всего здесь собрано с казачьихъ станицъ конныхъ казаковъ с полтараста человекъ, но и техъ послать весма опасно преданности іхъ в совокупленіе к злодѣемъ, да і толикое малое число никаковой помощи учинить і поспешить туда не могутъ; калмыкъ же хотя еще по приказу моему несколко сбираетца, токмо іхъ бес подкрепленія россійскаго войска в командировку употребить нимало не надежно, и пехота къ Царицыну ниже не успеетъ.

А какъ по прежнимъ ізвестіямъ и по ево, Царицынскаго коменданта, репортамъ явствуетъ, что злодейское стремленіе склоняетца внизъ по Волге-реке, слѣдовательно, к недопущенію оного наисилнейше должно старатца: в наипервыхъ, у Царицына і по лини іхъ, злодеевъ, преследовать и искоренить, а, во-вторыхъ, и здѣсь, в Астрахани, на отраженіе іхъ і на защищеніе города і кочующаго народа взять предохранителные мѣры, кои уже і точно восприняты; і теперь происходитъ укрепленіе города и собраніе войскъ, для чего тѣ казаки и калмыки, да и легкая полевая команда і гарнизонъ на то самое и приуготовлены. И, сверхъ оного, и къ генералъ-порутчику и ковалеру де-Медему писано и решительно от него требовано, дабы, видя таковую бедъственную всемъ здешнимъ местамъ отъ внутренняго врага напасть, на прегражденіе и іскорененіе ево уделить ис корпуса своего воинскихъ силъ, регулярныхъ і казаковъ, достаточное число, такъже и командированных к нему калмыкъ тысячу пятьсотъ человекъ отъпустить въ Астрахань, оставя толко при себѣ на единъственное спасеніе тамошнего края отъ набега

[1] *Опускается часть письма П. Н. Кречетникова, с сообщением об успехах Пугачева во внутренних русских уездах, кончая взятием Саратова и занятием Дмитриевска (Камышина).*

с противной стороны, дабы я, совокупя малѣйшія мои команды, в состояніи былъ техъ внутреннихъ злодѣевъ поразить и здешние места от нихъ защитить; почему і можетъ онъ, генералъ-порутчикъ, подвиги свои і нападеніи в непріятелскія жылища на некоторое время іли до обращенія отсюда войскъ удержать. А кочующихъ здѣсь калмыкъ, спасая іхъ от раззоренія, паче же от соединенія съ злодѣйскою толпою, велено нынѣ всехъ съ ихъ скотомъ удалить къ морю въ мачаги, а иныхъ перевесть в близость къ Астрахани на луговую сторону и расположить кочевьемъ по островамъ, ибо злодейское намереніе есть ітти сюда і на Яикъ, на Терекъ и въ Горскіе места.

По сей притчинѣ и принужденным нахожусь оставатца въ Астрахани с малымъ числомъ военныхъ людей для сохраненія здешняго города, особливо жъ и удержанія от могущаго быть по тому усилившемуся злодѣйству волнованія і смятенія в народе, гдѣ неістовыхъ збродныхъ бурлакъ да и азіатцовъ, живущихъ и пріезжихъ людей разных родовъ, такъже и в содержаніи колодниковъ состоитъ немалое число, за коими і должно іметь по нынешнему опаснопу времяню наикрепчайшее пре[до]стереженіе, о чемъ о всемъ и Правителствующему Сенату неоднократно отъ меня донесено.

Касательно жъ до Царицынской крепости, тамо комендантомъ все принадлежащіе ко оборонѣ разпоряженіи, о коихъ и мною доволные подтвержденіи ему учинены, чтобъ старатца, укрепившись по военному обряду, тѣхъ злодеевъ до раззоренія себя отънюдь не допустить и полковнику князю Дондукову наикрепчайше велеть обще с легкою командою па нихъ нападать и істребить, и поскоряе командировать ис Царицына на способныхъ лодкахъ пристойную команду, человекъ сто с пушками с надежнымъ обѣръ-афицеромъ, и ідущія по Волге-рѣке злодейскіе два судна съ правіантомъ і экипажемъ отбить или по крайней мерѣ іхъ сжечь или же затопить, чтобъ они целыми отнюдь оставатся не могли...[1]

Покорнѣйше прошу, по крайнему здѣсь недостатку, воинскими силами меня снабдить, ибо я не сомневаюсь, что на преследованіе іхъ, злодѣевъ, отъ Казани и от Оренбурга войски посланы, но толко ни малѣйшаго сведенія об нихъ, где они находятца, не имѣю. Впрочем же, с совершеннѣйшимъ высокопочитаніем к вамъ пребываю

Вашего сіятелства, милостиваго государя, всепокорнейши слуга Петръ Кречетниковъ.

Ч. 20-го августа 1774 года.

(П. А., кн. V, л.л. 588—590.)

[1] *Опускается последняя часть письма П. Н. Кречетникова, где, в частности, передается содержание еще одного рапорта от Бошняка, полученного в Астрахани вечером 19-го же августа.*

№ 104.

Экстрактъ,

учиненной из допросовъ содержащихся под ведомством Синбирской Правинциальной Канцеляри пленныхъ колодниковъ, которые допрашиваны по сообщению Синбирскаго каменданта, господина полковника, Рычкова, в силе полученнаго из учрежденной в Казане по имянному ея и. в. Секретной Коммиси указу.

А допросами показали:[1] . . . . . .

. . . . . .

Число людей.		
131	Деревни Сугутъ новокрещенъ из чувашъ Василей Алексеев, 17 летъ. Высечь нещадно плетми, отрезать ухо и учинить, какъ прочим, присягу.	Присланъ при промемори из Самарской Камендантской Канцеляри, изъясняя повеление его высокопревосходительства господина генералъ-порутчика, ковалера и Оренбургского губернатора, Ивана Андресвича Реинздорпа об отправлени ево в Синбирскъ, а притом и ево, Алексеева, обстоятельствы, кои онъ при поимке, при допросе господиномъ подполковником Милковичем, обще з башкирцы Аслагуломъ Каныевым с товарыщы показал: Будучи они в деревне Каиткуловой, что на Току-реке, от Ново-Московской дороги в шестидесяти верстах, въ возмущение от вора и злодея-самозванца Пугачева начали прибавлятся к старшинам Каипаулу и Юламану ставрополских и степных калмыкъ, по уранам живущихъ, множественное число; с которыми де согласясь, все оных деревень старшины и башкирцы, в том числе и они, ездили в разные места для раззорения господских домов. И по возвращени де оттоль, когда от предписанного господина подполковника из Сорочинской крепости тремя партиями перелезшие и на Уране ко-

[1] *Печатается конец «экстракта» о 131 чел. «колодников».*

Число людей.		
		чюющие калмыки были разбиты, то оставшие от них собрались на ту ж реку; такъ и, будучи в страхе, взялі намерение притъти внутрь Башкири для соединения с тем вором и самозванцемъ Пугачевымъ в Уральские горы. И, будучи де в движени на походе, в намерени пробратца на ту сторону Московской дороги к Уралским горам, не доходя до Новой Московской дороги верстъ за дватцеть или за дватцеть за пять, противъ деревни Сарманаевой и Мустафиной, въ вершинах речки Нитъті напала на них команда съ стороны Московской дороги, салдаты и гусары, которые де всехъ их разбилі, и побито множественное число; а оставшие де, успевшие, бѣжали на ту сторону Московской дороги, а они де обратились на речку Зиганликъ, откуда намерены былі пробрατся чрез Московскую дорогу ниже Дюсметевой деревни, где напав четверты раз прибывшая от показанного господина подполковника Милковича из Сорочинской крепости команда жъ; по разбежани протчей их братьи по лесамъ, і забраны они з женским полом и с малолетными детми в Сорочинскую крепость...[1]

Секретарь Семенъ Афанасьевъ.

Канцелярист Алексѣй Ильинъ.[2]

(Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. 297, л.л. 21-22.)

---

[1] *Опускается заключительная часть «экстракта», с резолюцией об указе в Симбирскую «Воеводскую» (sic) Канцелярию, по поводу колодников, внесенных в «экстракт».*

[2] *Фамилии Афанасьева и Ильина скрепляют по листам «Экстракт».*

Киргиз-кайсаки.

№ 105.[1]

Сіятельнѣйшему графу, высокородному и высокопревосходительному господину генералъ-аншефу и трехъ россійскихъ орденовъ кавалеру Петру Ивановичу Панину генералъ-порутчика, Оренбургскаго губернатора и кавалера Рейнсдорпа

Рапортъ.

Ордеръ вашего сіятельства отъ 12 числа настоящаго о здѣланіи къ Нурали, хану киргисъ-кайсацкому, отвѣта на его ко мнѣ о внутренних ихъ обстоятельствахъ присланное письмо, въ назначенныхъ при томъ терминахъ, и чтобъ я старался всячески возобновить съ нимъ, ханомъ, и съ протчими тамошними иновѣрческими народами все преждшія благія обращеніи, торговлю и пр., 25 числа сего жъ получить я честь имѣл. И, что касается до обращенія моего съ нимъ, ханомъ, и съ другими, то, какъ во всю мою здѣсь бытность не оставлялъ я всегда въ повѣденіи моемъ съ нимъ, ханомъ, и съ протчими поступать по имѣющимся здѣсь предписаніямъ, такъ и впредь тѣхъ правилъ держатся не премину. А на письмо тогда жъ къ нему, хану, отвѣтствовалъ, съ коего при семъ копію подношу.

Въпротчемъ, хотя изъ киргисъ-кайсацкихъ владѣльцовъ Дусали-солтанъ, бывъ преклоненъ на сторону извѣстного государственного злодѣя, и находился въ развратномъ состояніи, однакъ, и онъ нынѣ, пришедъ въ раскаяніе, предъявилъ готовость ево ко исполненію здѣшняго требованія, къ коему я по надлежащемъ увѣщеваніи и предложилъ, чтобъ онъ старался въ доказательство того своего раскаянія: 1-е, подчиненной ему народъ въ спокойствіи и тишинѣ содержать, не попуская отнюдь на продерзости; 2-е, идущимъ бы сюда на торгъ и отъсель возвращающимся азіятскимъ караванамъ доставлялъ безъопасное препровожденіе; 3-е, киргисцовъ бы своихъ на торгъ сюда высылалъ;

---

[1] *Перед текстом*: «Ч. 22 іюля 1775 года». *После текста:* «По сему къ губернатору писано удовольствіе, от 29-го іюля под № 366-м вообще, на другое ево представленіе».

4-е, захваченныхъ бы здѣшнихъ людей, всѣхъ собравъ, возвратилъ, о чемъ и впредь повторять ему не оставлю, обнадеживая возобновленіемъ прежней моей съ нимъ дружбы.

Что же принадлежитъ до возобновленія учрежденного здѣсь торгу, то имѣю честь вашему сіятельству донести, что оной съ киргисъ-кайсаками давно уже начатъ и съ изряднымъ успѣхомъ происходитъ, да и изъ азіятскихъ областей три каравана съ ихъ товарами пришли.

Іванъ Рейнсдорпъ.

Изъ Оренбурга.
Іюня 25-го дня 1775 года.

(П. А., кн. X, л. 440.)

№ 106.[1]

Высокородный и превосходителный господинъ генералъ-маіоръ і кавалеръ!

Государь мой!

После отправленного вчерашнего числа к вашему превосходительству при писме в копіяхъ известей 19, 68, 11 [о злодее] 225, 11 [Пугачевѣ]; вследъ котораго новыя, полученныя мною сейчасъ от деташаментнаго командира маіора Жолобова, у сего препровождаю, ис которых изволите видеть, что 88, 31 [войскъ] 18, 14, 15, 6, 15, 14-хъ [никакихъ], кроме 17, 19, 14-хъ [моихъ], 15 [къ] 68, 34 [злодѣю] ближайшихъ 18, 11, 23, 31 [нѣтъ], 20, 19, 21, 6, 12, 6-ть [поражать] и [и] 8, 19, 22, 20, 21, 11, 20, 35, 23, 22, 23, 8, 19-вать [воспрепядствовать] 18, 11, 15, 19, 17, 24 [некому]. А и мои бы 88, 14 [войски] совершенно в нынѣшнее время 15 [къ] 18, 11-му [нему] 20, 21, 14, 22, 20, 11-ть [приспѣть] и [и] 20, 21, 14, 7, 16, 14, 12, 14-тся [приближится] могли, но господинъ полковникъ 37, 31 [Бибиковъ], сколько я ни писал, чтоб онъ іхъ, не удерживая, о-7, 21, 6, 23, 14-лъ [обратилъ] на 68, 35 [злодѣя], однако жъ, вместо тово под разными протекстами чрезъ переписки онъ удерживаетъ, а своих 22, 14, 16, 31 [силъ] имѣя достаточно; и маіоръ 12, 19, 16, 19, 7, 19-въ [Жолобовъ] донесъ, что при дву маіорах: 25, 14, 29, 11, 21, 11 [Фишерѣ] — моего 7, 6, 23, 6, 16, 14, 19-на [баталіона], а [а] [с] 19, 13, 11, 21, 19-вым [Озеровым] — ево, з [съ] 10, 8, 11 [две] 23, 32, 22, 35-чи [тысячи]. Между тем же, я, упомянутые 88, 14 [войски] когда отправил, то многократъ требовалъ от него уведомленія о прибыти самому туда по надобности,

[1] *Перед текстом:* «№ 6. Полученъ іюля 11 ч. 1774 году. Копія».
Расшифровка — в оригинале она сделана над шифром, а нами печатается вслед за ним в скобках, — повидимому, сделана другою, рукою, не тем лицом, кто снимал копию.

токмо того требованія не дождался, а открылось: видно, для тово онъ умалчивал, чтоб свободнее мои 18, 14 [войски] от ево ведомства не отпустить; а чрезъ то 68, 14 [злодѣй] чемъ далее, темъ более свой 35. 10, 31 [ядъ] и-22, 20, 24, 22, 15, 6-етъ [испускаетъ] и 13, 6, 8, 19, 10, 32 [заводы] зъ 7, 11, 10, 18, 32-ми [бѣдными] 15, 21, 11, 22, 23, 33-янамі [крѣстьянами] 20, 19, 9, 24, 7, 16, 35-етъ [погубляетъ]. По каковым обстоятельствам, дабы чрезъ такія неустройства далее происходить непріятныхъ следствей не могло, сего числа посланным к господамъ 97, 6 [маіорамъ]: графу 10, 11, 15, 6-тро [де-Кастро] Лацерде, 12, 19, 16, 19, 7, 19-ву [Жолобову] и [и] 9, 6, 9, 21, 14-ну [Гагрину] предписал, такъ, какъ и прежде, чтоб они конечно старались 68, 35 [злодѣя], от всехъ ево предприимчивостей отражая, и-22, 23, 21, 11, 7, 14-ть [истребить] до уничтоженія; а полковникъ бы 37, 31 [Бибиковъ], надзирая ихъ обороты, употреблял свои силы, на случай прорыву, 15 [къ] 19, 23, 21, 6, 12, 11, 18-ию [отраженію] в приличныя посты, а в случае некоим образом уделил бы и 15 [къ] 22, 14, 15, 24, 21, 22, 19-ванію [сикурсованію] 19, 10, 14-н [одинъ], блиским к нам, 10, 11, 23, 6, 29, 6, 17, 11, 18, 23, 11-цъ [деташементец], которой 8 [въ] 22, 14, 15, 24, 21, 22, 19-ваніе [сикурсованіе] хотя і не войдетъ, но будетъ 68, 35-мъ [злодѣямъ] и приклоняющимся ко онымъ 22, 11, 16, 35, 18, 14-нам [селянинамъ] делать 24, 9, 21, 19, 13, 24 [угрозу].

Хотя все оное мною и определено, но уже довольно запримечено, что в тамошнем краю без генералитецкой особы дела происходятъ весма 18, 11, 24, 22, 20, 11, 29, 18-ы [неуспѣшны], а чрезъ то 9, 14, 7, 11-ль [гибель] толко 18, 11, 22, 28, 6, 22, 18, 6-я [несчастпая] 18, 6, 21, 19, 10, 24 [народу] и [и] 13, 6, 8, 19, 10, 6-мъ [заводам] 7, 11, 21, 11-тъ [бѣретъ] свою 22, 14, 16, 24 [силу], а [а] 68, 14 [злодѣй] умножаитъ свою 22, 8, 19, 16, 19-чь [сволочь]; к пресеченію чего хотя я намерялся прежде 23, 24, 10, 6 [туда] 14, 23, 23, 14 [итти], но удерживало меня открывшия 19, 20, 6, 22, 18, 19-сти [опасности] 18, 6 [на] 17, 19-ей [моей] 16, 14, 18, 14 [линіи] и [и] 8 [въ] 13, 8, 11, 21, 14, 18, 19, 9, 19, 16, 19-вской [Звериноголовской]. И сія последняя хотя некоторым образомъ миновала, но на моей 16, 14, 18, 14 [линіи], какъ господинъ генеразъ-маіоръ и ковалеръ Скалонъ доноситъ, что 15, 14, 21, 9, 14, 22, 15, 14-я [киргискія) 22, 23, 6, 21, 29, 14, 18-ы [старшины] некоторыя, да и немало противу прежнихъ времянъ являютца 22, 24, 17, 18, 14, 23, 11-лны [сумнительны] и [и] от-15, 19, 28, 11, 8, 6-ли [откочевали] 8, 10, 6-ль [вдаль]; а чрезъ находящихся у нихъ с 18, 6, 29, 11-й [нашей] стороны за 17, 24, 16, 16, 19, 8, 31 [мулловъ] 23, 6, 23, 6, 21, 31 [татаръ] и одного сержанта 8 [въ] 20, 11, 21, 11, 8, 19, 10, 28, 14, 15, 6-хъ [переводчи-

кахъ] известно, будто бы для 15, 6, 15, 14-х то [каких-то] 22, 19, 8, 11, 23, 19-въ [совѣтовъ] съе-13, 12, 6, 23, 27, 6 [съѣзжаются] и [и] 22, 15, 19, 20, 16-ятца [скопляются] 18, 6, 17, 11, 21, 11-ны [намерены], о коихъ ещо 18, 11 [не] 21, 6, 13, 8, 11, 10, 6, 18, 19 [развѣдано]; итакъ, класть надобно, не по поводу ль 68, 14, 22, 15, 14-хъ [злодѣйских], к нимъ дошедшихъ, 20, 14, 22, 11-мъ [писемъ]; для чего и требовал онъ, господинъ генерал-маіоръ, чтоб уделить к нему 18, 6 [на] 16, 14, 18, 14-ю [линію] отъ 17, 11, 18, 35 [меня] 8, 19, 14, 22, 15, 31 [войскъ].

Однакъ, на си обстоятелствы ваше превосходительство уже известны, что 13-ть 15, 19, 17, 6, 18, 10, 6 [команда] въ [въ] 15, 24, 21, 23, 6, 17-ыше [Куртамышѣ] остановлена для всехъ притчинъ, кои вам от меня приписаны; то, в случае надобности, и приказал ее употребить. Да и кроме сего, ваше превосходительство, какъ наперво изволили ко мне адрисоватца, чта 18, 6, 17, 11, 21, 11, 18-ие [намѣреніе] свое 8, 19, 13, 32, 17, 11-ли [возимѣли] и-23, 23, 14 [итти] 26 15, 14, 13, 32, 16-у [къ Кизилу], я, получа оное, в разсуждени, не навест бы повеленіям, даннымъ вам от его сіятельства князя Щербатова, препядствія, такъ, какъ и после отвечалъ, уберегаясь сево, зделался здесь оставшим. А теперь, какъ сами із ызвестиевъ изволите видеть, что в стороне 15, 24, 18, 9, 24, 21-ской [Кунгурской] за 68, 11, 17, 31 [злодѣемъ] от посланных 17, 19, 14-хъ [моихъ] 88, 31 [войскъ] по распоряженію господина полковника 37, 6 [Бибикова] никакого нетъ у-22, 20, 11-ха [успѣха], в таком случае нужно 17, 19, 11 [мое] 23, 6, 17, 31 [тамъ] присудствіе з досталными 88, 6, 17, 14 [войсками], которыми, по выступлени от-22, 34, 10, 6 [отсюда], зделаю 287, 6 [башкирцам] 20, 19, 14, 22, 15, 31 [поискъ]; о коихъ, что оне около 15, 32, 29, 23, 32-ма [Кыштыма] есть, и от время в другое получая прямо от маіоровъ себе ізвести, а не чрезъ переписки, могу по надобности 22, 19, 11, 10, 14, 18, 14-тца [соединится] и содействовать противу часто описываемого 68, 35 [злодѣя]. А вашему превосходительству, ежели изволите принять разсмотреніем своим во уваженіе тамошнихъ известиевъ, остаетца 13, 10, 11-сь [здѣсь] 20, 21, 14, 15, 21, 32, 8, 6-ть [прикрывать] 15, 21, 6-й [край] и оной своимі 8, 19, 14, 22, 15, 6-ми [войсками] 13, 6, 22, 23, 24, 20, 14-ть [заступить], ибо чтоб по произшедшим от 68, 35 [злодѣя] в дальнейшія внутренния жительства и города, за неприбытиемъ 17, 19, 14, 17, 31 [моимъ] 23, 10, 6 [туда], а полковником 37, 32-мъ [Бибиковым], какъ онъ, можетъ, человекъ, 20, 21, 14 [при] 8, 19, 14, 18, 22, 15, 14-хъ [воинскихъ] об-21, 35, 10, 6-хъ [обрядах] небывой, не понест бы от 8, 32, 29, 18, 14-хъ [вышнихъ] правительствъ 18, 6, 21, 11, 15, 6, 18-ия [нарѣканія].

Итакъ, о всемъ вышеписанном вашего превосходительства, я, уведомя, 18, 6 [на] 13, 6, 18, 35-тие [занятіе] здешнего 15, 21, 6, 34 [краю] какое 22, 19, 9, 16, 6, 22-ие [согласіе] и преположеніе изволите принять, имѣю ожидать вашего превосходительства с сим же нарочным уведомленіе.

На подлинном подписано тако:

Іванъ де-Колонгъ.

Въ 10-день іюля 1774 года.
Челябинскъ.

(П. А., кн. V, л.л. 258—259.)

№ 107.[1]

Копія с допроса,

вышедшему 31-го числа іюля сего 1774 года ис киргисъ-кайсацкого полону астраханскому жителю Ивану, Семенову сыну, Беляеву учиненного.

Въ бытность мою в помянутой Киргисъ-Кайсацкой орде, в плену владенія ханскова у киргисца Бухара, от котораго между разговорами, по знанію мною ихъ киргиского языка, слышалъ, да и самъ тотъ мой хозяинъ мне проговаривалъ:

Что они руских людей воюютъ и в пленъ берут потому, что де имъ сіе чинить вѣлелъ оказавшейся в Россіи злодей-самозванецъ Пугачевъ, котораго они называютъ государемъ, понеже де они, какъ оной самозванецъ, такъ киргисъ-кайсацкой Нурали и кубанской ханы, учинилі межъ себя согласіе (а когда, того не изъяснилъ), чтоб имъ Россію воевать обще: киргисъ-кайсацкому Нурали-хану — со здешней стороны, кубанскому — с тамошнихъ пределовъ, а самозванец де со здѣшними городами будетъ управлятся сам; в каковомъ намѣреніи они, киргисцы, чтоб на здѣшнія мѣста нападеніи чинить, и предъостаютца, присовокупляя к тому между разговорами и то: «Толко бы де намъ Оренбургъ взять, а протчія мѣста все противу насъ стоять не могут и все намъ подрушны».

В чемъ сказалъ истинную правду и подписался.

К подлинному допросу, вместо оного Ивана Беляева, по ево прошенію, руку приложилъ писарь Михайла Такаревъ.

(П. А., кн. V, л. 251.)

---

[1] *После текста:* «Титулярной совѣтникъ Петръ Чучаловъ. С подлинным читал канцелярист Андрей Первышевский».

№ 108.[1]

Управляющему войскомъ Яицкимъ, полковнику Ивану Даниловичу Симанову.

Писмо ваше со удоволствием моимъ получить удостоился и, слыша о вашемъ благополучи, обрадовался. Что-ж изволили уволить поблисъ Яика намъ кочевать, за оное приношу благодарность мою. Кіргисъ-кайсаки все к войне на Русь склонились, которых я от того и возразить не в силах, почему они и мне злодеи оказались, от которыхъ злодѣевъ по речке Утве в вершины прочь и откочевалъ къ Илеку; изволте оныхъ воровъ собою искоренять,—я темъ буду доволнымъ. От воровъ-табынцовъ очень мне постыдно, потому что из взятыхъ нынешнею зимою, согласныхъ злодею Пугачеву, калмыкъ две девки ныне от меня бежали: одна—Кукучь, Адяна Хахуева дочь, другая — Амарханъ, Чигиръ Габунова дочь, от кочевки. Я уже стерпимости не нахожу, что ныне время ворамъ и плутамъ, а мы, добрые люди, з бесчестиемъ остаемся. Я считаю, что то попущаетъ богъ за наше согрешение, почему я и откочевалъ от нихъ прочь и сердечно, по верноподданнической къ ея и. в. присяге, желаю прикочевать к Россіи. А какъ бежавшия девки: одна, Мамарханъ, была взята в замужство за меня, а Кукучь — за сына моего Перелисалтана, почему воры-табынцы і будутъ мне посмехатца, прошу для дружества оных девокъ, ежели вы [?] меня признаваите за друга, ко мне возвратить. Здешния воры отъ часу умножаются: прошу меня оборонять и удоволствовать,—оных девокъ ко мне прислать. Однако, оных дѣвокъ я себе взялъ не для тово, что у меня жены нетъ, а толко потому, что те калмыки—общники Пугачеву, какъ я — ея императорскому величеству верноподданной, пугачевых сообщниковъ женъ и детей в рабы себе брать. Хотя вы ихъ мне и не отдадите, то пхъ в жены руски и калмыки не возмутъ, а я без жены не буду; но, однако, прошу без отставки для дружества оныхъ прислать и въ великомъ безъчестіи меня не оставить, и ближнѣе дружество иметь.

Ныне я з братомъ моимъ Айчувакъ-салтаномъ, от воровъ отделясь, нахожусъ з добрыми людми поблись вашей лини,—о техъ калмыцкихъ девках очень сокрушаюсь; ежели вы мне техъ девокъ отдадите, то я, либо к вам или к Оренбурху прикочевавъ блиско, обще с вами буду на киргисцовъ поступать войною; а когда техъ не отдадите, то поблисъ васъ мне кочевать не воз-

[1] *Перед текстом:* «Копия. Переводъ с татарскаго писма, присланнаго от киргизъ-кайсацкаго Нурали-хана, 1774 году августа 5-го дня полученнаго, в которомъ пишетъ тако:» *После текста:* «Свидѣтельствовал капитанъ Михайла Рамановъ».

можно, потому что и другия калмыцкия бабы, на то смотря, бежать будутъ, и вы себе за дружбу признавать не будите.

По нынешнимъ обстоятелствамъ воры, киргизъ-кайсаки, выше и ниже Яицкаго городка ездятъ толпами нынѣ, — с Утвинскаго устья воры-киргисцы к тому себя отважили, вамъ и мнѣ злодеи, от которых прошу имѣть осторожность, коих остановить моей силы недостаетъ.

Съ симъ посылаю человека моего Якшибая Миклая.

Для верности я, Нурали-ханъ, собственноручно обыкновенную свою печать приложилъ.

1774-го году августа 6-го дня.

(П. А., кн. V, л. 201.)

№ 109.[1]

Копія с сообщенія,

присланного от 7 августа к полковнику Ступишину от брегадира Суморокова.

Посланным от меня к вашему высокоблагородію сего ж месяца от 5 числа ордеромъ о приняти от намеряющаго злодейство и нападени на россійские жительства чинить киргиского солтана Кутай-Менды съ ево подвласными киргисцами и другими сообщниками предосторожности к недопущенію ни до какой удачи и предписано, но сего ж августа 6 числа обстоятелное получилъ я извѣстие, что Таиръ-солтанъ пошел в трехъ тысячахъ своего войска на крепости: Пресногорковскую или и Петропавловскую, а, сверхъ того, і вышеписанной воръ Кутай-Менды і их же киргиские старшины: Итега Алчабай и Таутбай Тарханъ, по подсылке от известнаго государственнаго злодѣя и разбойника Пугачева, намерены жъ, собравъ своихъ подвластныхъ киргисцовъ, нападать на крепости и, что в добычю получатъ, тем бы ползовались; а при томъ и старшины Кулсары Батыря киргисцы то жъ чинить намеряютца. И вышеписанной солтанъ Кутай-Менды переправились чрезъ реку Ишимъ при речке Тургае-Нижном, разъстояниемъ отсель езды дней восемь, в то место, где и Таир-солтанъ кочуетъ.

В разсуждени чего, дабы вышеписанныя старшины і ихъ киргисцы и в самом деле по лехкомыслію своему чего, к здешней стороне вреднаго, учинить не могли, вашему высокоблагородию чрезъ сіе о приняти и по дистанціи крепости Звериного-

[1] *После текста:* «Свидетельствовал протоколистъ Василей Протопоповъ».

ловской и далее, яко же и в прикосновенных к линіи внутренних жительствах должно, наикрепчайшей предосторожности сообщаю; а о том же от меня ко всемъ командующимъ по всей новой линіи наистрожайше предложено, да и 13-ть полевой лехкой команды командиру, господину примеръ-маіору Эрманту, находящемуся нынѣ в пригородке Куртамыше, писано, с темъ, чтоб онъ с командою своею стоял к выступленію на искорененіе сихъ злодеевъ, куда потребуется, во всякой воинской готовности и ісправности и о томъ всемъ крестьянам приказал обявить для того, что, можетъ, и они на киргисцовъ собратца і на нихъ итъти согласятца. Впрочем, пребываю.

На подлинном подписано тако:

Степанъ Сумороковъ.

(П. А., кн. V, л. 656.)

№ 110.

Объясненіе.

На походе ис Кизилской в Верхо-Яицкую крепость, по причине рапорта господина каменданта Ступишина, что злодей стоитъ подъ оною съ семью тысечамі, в двенатцети вѣрстах, получилъ я первой ордеръ господина генералъ-порутчика де-Колонга о переходе уже і к тамошнему краю какъ приложенная копия значит, а орегиналъ сего отправленъ тогда жъ к господину генералъ-порутчику и ковалеру князю Щербатову, куда я и поспешалъ.

А по прибытии 17 числа июня въ Уйскую крепость, где и советникъ Тимашевъ с конницею 18 числа пріединился а лошади оного от ежедневных переходовъ оказались въ болшей худобе, далъ знать о том господину генералъ-порутчику де-Колонгу и представилъ, что в крепостях: Верхо-Яицкой и Кизилской на состоящия там гарнизоны провианта не более осталось, какъ на месяцъ, то и требовалъ доставленьем оного ис Челябы...[1] Находясь же во оной Уйской крепости, получилъ от господина генералъ-порутчика де-Колонга нижеследующия ордера:

1, от 17 июня, полученнымъ 20 числъ, далъ знать, что злодей Пугачевъ послалъ в киргискую сторону къ старшинамъ о собрани ему до несколка тысячь силъ, и делали бъ с своей стороны на крепость Звериноголовскую нападение; да и, что от разбития под Троицкою въ степную киргискую сторону прошло сто человекъ калмыкъ, примечая, и оне не будут ли по научению техъ киргисцовъ подговаривать и склонять к нападению на крепости,

[1] *Опускается часть «Объясненія» с подробностями о действиях Фрейлмана 20 и 21 июня 1774 г.*

взлагалъ на меня прикрытие Чебаркулской крепости и Кундравинской слободы, а затем от войскъ моих отделить поставлениемъ несколко въ Уйскую крепость и къ свободному проходу будущих транспортовъ. А онъ самъ, господинъ генералъ-порутчикъ, за отряжением своих войскъ, остался въ Челябинском округе съ одною только полевою командою.

2-м, от 18 июня, полученнымъ 20 числъ, уведомлял, что злодей вошелъ в Красноуфимскую и расположился потом на Иргин[с]ком заводе, и потому онъ, господинъ генералъ-порутчикъ, долженъ зрениемъ приуготовитца, буде бъ нужда потребовала, и в ту сторону къ поражению злодея; а от меня требовалъ сведенья, сколко при мне силъ находитца, потому, чтоб, в случае надобности и поисковъ над злодеемъ, к преследованию средственный места назначить и чтоб при поворотах оного злодея въстретить.

3-м, от 21 июня, полученнымъ 23 числа, коим прописывалъ, что господинъ генералъ-порутчикъ князь Щербатовъ о занятіи мне Белорецкаго завода и прикрытие ево, господина генералъ-порутчика де-Колонга, распоряжение свое зделалъ по тогдашнимъ, к нему дошедшимъ, ізвестиямъ, какъ реченной господинъ генералъ-порутчикъ в преследование гнался за злодеемъ и имелъ войски при себе, а теперь толко одну команду, — следовательно, оные переменились, и предявлялъ мне тамошних обстоятелствъ местамъ нужды, которых, за выкомандированиемъ ево войскъ, исправить онъ не в силах, и потому взълагалъ на меня прикрытие тамошних местъ и препровождать правианские транспорты. А онъ, господинъ генералъ-порутчикъ, оставшись тамо съ одною полевою командою, состоитъ готовымъ к выступлению на злодея, в подкрепление отправленънымъ войскам; и затемъ никаких уже таковых тамъ не останетца. А какъ въ Уйской крепости войски правиантом, а лошади фуражемъ, продоволствоватца не могут, то, сколко посему, а не менше и за отбытьемъ ево, приближитца мне къ Челябе и занять главное место, а, по крайней мере, доколе онъ тамо будетъ находитца, — въ Варламовой слободѣ.

4, от 22 июня, полученнымъ того ж 23 числа, коим уведомлялъ по рапорту полковника Бибикова, что злодей Пугачевъ находитца бутто-бы въ семи тысячах и изъ занятаго имъ Іргинскаго завода ушелъ на Медянское село, и пробираетца на Белую; исъ приложенных же от него, Бибикова, ізвестиевъ видитца, что подполковникъ Паповъ имелъ съ злодеем дело по сю сторону Красноуфимска. Ево ж, господина генералъ-порутчика, войски при трех майорах, уповаетъ, находютъца за Екатеренбургомъ, и потому, естли потребуетъ нужда по упомянутымъ обстоятелствам, то съ досталною командою выступить имеетъ къ подкреплению своих войскъ; и в Челябе гарнизону содержать некому будет. Сверхъ же того, уведомлялъ, что на лини ево от киргисцовъ

происходятъ шалости, и, ежели не утишатца, и въ отмену ничего не будетъ, долженъ возреть онъ на свою линию своим присмотромъ, где никаких лехких командъ нетъ, и придвинуть не откуда,— предлагалъ мне занять Челябинской край, а онъ не уповаетъ тамо долгое время пробыть, какъ выше сего упоминалъ, что на то два ему путіи открылось, ис коих въ любой почитаетъ непременно итти...[1]

От господина ж генералъ-порутчика и ковалера князя Щербатова от 2-го июня, а мною полученнымъ 23 числъ, ордеромъ предписано было следовать на Белорецкой завод и прикрывать господина генералъ-порутчика де-Колонга, а преследование и истребление самово злодея предоставилъ уже в полное попечение реченнаго господина генералъ-порутчика; господинъ же генералъ-майоръ князь Голицынъ от 12 июня, а мною полученнымъ 23 числъ, предписалъ следовать въ Зелаирскую крепость. Почему, какъ тот Белорецкой завод от Уйской крепости обстоитъ не в далном разстояни, а от Зелаирской крепости я уже былъ отдаленъ, да и в разсуждени томъ, что, какъ онъ господинъ генералъ-майоръ, такъ и протчия команды подближаемы были к темъ месътамъ, и что обстоятелства Челябинского округа, прописанныя в ордерах господина генералъ-порутчика де-Колонга, едва ль могли быть за пресеченьемъ коммунникацыи командирам моим известны, да и, какъ господинъ генералъ-порутчикъ князь Щербатовъ упоминалъ в ордере своемъ, по известиям полагать надо стремление злодея к Перме, естли б оттуда зделалъ поворотъ вглубь Сибири, отвращать бы оставалось единствѣнно моему деташаменту, — следовать не разсудилъ...[2]

20 числа июля прибылъ я под Челябу и сталъ къ способнейшему прикрытью жителствъ между левым берегомъ Миясареки и Екатеринбурской дороги, в деревне Кременковой, разстояниемъ от города въ двенатцети верстах. А в тот же дѣнь [?] получилъ я отъ 4 июля чрезъ нарочного от господина генералъ-порутчика и ковалера князь Щербатова ордер, чтоб немедленно мне к Зилаирской крепости поспешать; о чемъ того ж числа и господину генералъ-порутчику де-Колонгу рапортом донесено, что я не в состоянье означенному предписанью ни под каким видом под Челябою нисколко переждать, а долженъ на сих днях выступить къ Зелаиру, и требовалъ от Исецкой Правинцыалной

---

[1] *Опускается та часть «Объясненія», где передается содержание еще трех ордеров де-Колонга (от 24-го, 25-го и 28-го июня) и вкратце изложена сущность всех ответных рапортов Фреймана де-Колонгу.*

[2] *Еще часть «Объясненія» опускается, с описанием препятствий, помешавших походу Фреймана к Зелаирской крепости, и с целым рядом подробностей, как об его передвижениях в первой половине июля 1774 г., в соответствии с предписаниями де-Колонга, так и о принятых им мерах к снабжению линейных крепостей провиантом из Челябинского района.*

Канцеляри, чтоб, сколь можно более, отправить правианта на линию под прикрытиемъ моимъ, которого, однако, в зборе не было, кроме для перехода моего потребнаго числа. На которой господинъ генералъ-порутчикъ присланным 24 числа июля ордеромъ далъ знать, что онъ, не желая оставить Исецкую правинцыю вовсе без войскъ, принужденным нашелся возвратится въ Челябу...[1]

...Я жъ 26 числа выступилъ ис Кременковой; и на первомъ ночлеге ротмистръ Гречь, не могши настичь башкиръ, приединился ко мне. А что во время сего перехода, какъ при деташаменте моемъ, такъ и въ отряженной съ господиномъ Тимашевымъ команде, произходило, и какия случались с башкирцами пораженi, равно и забранье крестьянъ Кананиколских заводовъ, покоренье Преображенскихъ мужиковъ и усмирение осми волостей, по несколку командъ башкир, которымъ по присяге билеты даны, затемъ о переводе Зелаирскаго гарнизона на Преображенской завод зделанья нового укрепленья — х команде от меня рапортами обстоятелно донесено. 16 ж сего выступилъ я, в сходствие повеления господина губернатора и ковалера Рейнсдорпа, къ Оренбургу и нахожусь ныне въ семидесяти верстах от оного города.

Генералъ-маіор Федор Ореймanъ.

(П. А., кн. V, л. л. 657 — 660.)

---

[1] *Опускается небольшая часть «Объясненія», где рассказывается об отправке Фрейманом отрядов на усмирение башкиров: под начальством Тимашева — к Кананикольским заводам, под командой Греча — к Горькому озеру, невдалеке от р. Мияса.*

Татары.

№ 111.[1]

Его сиятелству...[2] граѳу Петру Ивановичю Панину генералъ-порутчика, губернатора Казанскова, князя Мещерскова

Рапортъ.

У сего принашу вашему сиятелству копию с палученнова мною, третей севодни день, чрезъ нарочнова куриера от господина генерала-ѳелтьмаршела, павелеваюшева абаими армиями ея и. в., его сиятелства граѳа Петра Александровича Румянцова, из Могилева, отпушеннова от 12 числа пред симъ мунувшева [sic] месена предписания. Его сиятелству данесъ я с тем же курцеромъ, што буду всеусердно старатца о открытіи на таму і в протчемъ па немъ іспалнениемъ. Но, какъ следы дела сего толь закрытые, а патому і претруднейшие ко узнанию источника зла тово, то, какъ я рукаводствуюсь ва всемъ над главнымъ начальствомъ вашего сиятелства, не саизволите ли и на сие препадать мне образа, каким бы наиудобнеѣ аткрыть тайну оную; сие чрезъ нарочнова жъ куриера преправаждаю і буду ажидать наставления мне вашева сиятелства. Съ самова палучения мною онаго делаю я непроницаемо еще аб ономъ никаму асведомленіи а знатнейшихъ в губерніи татарахъ, где ане в жителствахъ, с кемъ и какъ во обращенияхъ и все ли при дамѣхъ, іли хто куда с какова времени в атъездахъ да сего и нышѣ; на всемъ маимъ спрашиваниямъ а абитателяхъ в губерніи уверяютъ все, што знатнейшие іс татаръ в уездахъ живутъ, а жители слабодъ здешнихъ — мало значущие между симъ родомъ людей.

Князь Платонъ Мещерской.

9-е ѳевраля 1775 года, іс Казани.

(П. А., кн. XI, л. 310.)

---

[1] *Перед текстом*: «№ 42. Вз. Получено 17 ѳевраля 1775».

[2] *Опускаются детали титула, обычные в «рапортах» кн. Мещерского к гр. П. И. Панину.*

№ 112.[1]

Копия с писма

гаспадина генерала-фелтьмаршела, павелевающева армиями ея и. в., его сиятелства граоа Петра Александровича Румянцова к губернатору Казанскому князю Мещерскому, атпущеннова із Могилева пад нумеромъ 6-мъ, от 12-го генваря.

Пасредствомъ переписки маей съ генераломъ-парутчикомъ Щербининымъ и, какъ пад маим беспасредственнымъ началствомъ находится и втарая армия, узналъ я із данесеній капитана Павлова, абретающевася въ Едичкулской орде, что 16-го ноября прашедшева года казанские два татарина прибежали чрезъ ту орду в Тамань и оттуду отправлены с паспешностию к татарскому хану Девлеть-Гирею, абвещая в техъ народахъ разширающиесь въ Росіи успехи бунтовщика Пугачова: ани тамъ пранесли, что самозванецъ войска імеѣтъ до 300000, а наиболе із Кивіи, Буковара, карапалки, башкирцы, киргизы, китайцы, бывшие за Волгою калмыки и татара казанские. З другой страны, нахадящейся в Цареграде нашъ паверенный в делахъ, г. [sic] палковникъ и кавалеръ, Петерсонъ от 22 декабря ізвещает, что министерство Порты часто імеѣтъ саветы с недавно тамъ абретающимися татарами; и, по соображению сихъ абаихъ известей, можно падазревать, что упамянутые Петерсономъ татаре суть те самые, а каторыхъ писалъ ка мне и г. Щербининъ, и что лжесвидетелство ихъ о делахъ Пугачева могло в первомъ разе палстить чемъ-нибудь Порте.

И какъ сіи татаре не именованы, кроме названия ихъ казанскими, то і пачелъ я за должное уведомить а семъ абстаятелстве ваше сиятелство, какъ ради того, чтоб вы в сваей губерніи приказали наистражайше взять предастарожности противъ выпусковъ падобныхъ татаръ и всякова вреднова саабщения с народами пагранычными і саабщили не менше сие патребнымъ хранить и другимъ начальствующимъ в той же старане, такъ еще пад рукою і благовидным образомъ і сами ізведать, не найдется ли, кемъ реченные татаре посланы, і кта ане суть, чем бы аткрыть і весь умыселъ, можетъ быть, еще кроющейся.

(И. А., кн. XI, л. 311.)

---

[1] *Перед текстом*: «Получено 17 февраля». *После текста:* «С подлиннова [?] переписано сие маею рукою. Князь Платонъ Мещерской».

Разные народности.

№ 113.[1]

В Правителствующій Сенатъ із Пелымского камисарства

Репортъ

о полученіи указа.

Ея і. в. указъ Правительствующаго Сената із перваго департамента, печатанной генваря 12 числа, под № 449-м, і при немъ дватцать пять ексемпляровъ для публикованей о поступаніи всемъ с получаемыми от изменника Пугачева писмами во оное камисарство сего числа получены, і теми публиковано, і надлежащее ісполнение чинено быть имеетъ.

Токмо оказалось по публикамъ, что есть тайная молва в здешнихъ селенияхъ между многими народы, яко іми почитаетца все нынешние произвождени сумнително, потому что де означенное ісполнение наше — пустая (сумнительно) помощь, і пользы де мало принести імеетъ; а, конечно, ежели б де тому Пугачеву надлежало учинить препятство і поимку, то б де неотменно от высокихъ правителствъ всемъ местам (для приумножения в соединенность регулярных и нерегулярныхъ людей собрать і в едино время ево, Пугачева, со всехъ сторонъ окружить народнымъ усилиемъ, и взять со всеми ево общниками безсумненно, и чинить с нимъ подлежащие, и тем бы де в народе учиненное соблазнение и бедство удержать) остатца бес повеленневъ не мипуло б, токмо де техъ і нетъ, кроме того, какъ толко что ему, Пугачеву, и общникамъ ево о названіи себя імянемъ імператорскимъ не верить и уверителей ловить, по которымъ и исполняетца. А какъ ево де усилство есть, и оружиями исправенъ, и темъ ему происходитъ свободность и лехкость малинкие города і деревни, за неименнемъ в техъ оружиевъ и людей воинскихъ, то в свою волю склонятъ и ему жъ теми на протчихъ усилнее нападать, — какая-либо де и есть по справедливости допустителность главными командами, по

[1] *Перед текстом:* «Секретно».

какимъ-либо де откуда вернымъ свѣдѣніямъ; а мы де, малинкіе люди, о томъ знать і противитца самоволно не можемъ, опасаясь страха божія і монаршихъ праведныхъ гневовъ; а о всехъ ево, Пугачева, усилствахъ і о взятье де городовъ при высокомъ правителстве, конечно, де не бес ведома, а болшей де защиты не чинитца, какъ только де малое число командъ посылаетца, и те, по невозможностям ево, Пугачева, усилностей, в пленъ к нему берутца. Но, однако, по повеленіямъ указнымъ чинятъ все іспол-неніи без отрекателства и надеютца впредь получить защище-ние, а при случаяхъ, какъ нужда требовать будетъ, сколко воз-можно, для обороны всего государьственного противъ Пугачева, к противлению себя верно готовыми іменуютца: а ежели ж де силъ ихъ не будетъ, і побежденными последуютъ, то де взыщетъ богъ за ихъ раззорение и губительство на техъ, кто состоитъ виновенъ богу і монархомъ противлениемъ і непринадлежащими действами.

Сверх же сего, говорятъ: «Какъ де мы по нынешнему слыху, паче чаяния, ежели действително узнаемъ і увидимъ, что істинно государь Петръ Феодоровичь, такъ противъ его вели-чества вооружаться не будемъ для того, что мы де в то время в Петербурхе вить не были, какъ онъ здравствовалъ, а почитаемъ толко ево во упокоеніи по присланнымъ к намъ манифестамъ; а чтобъ от него во время ево жизни отреклись, того мы не чинили и, за что б де то зделать, не знаемъ; а о том де всемъ обстоитъ воля божия над нимъ і над всемі, а не наша. А нашъ долгъ есть де любить бога і своих природныхъ государей всехъ і быть к нимъ верными по присяжной должности на угодные богу дела, а не на богопротивные, і никогда мы де своихъ мыслей и делъ противныхъ не имели; хотя бъ ихъ повелени последовавшими і учинились от одного другаго побеждать, то намъ на помазанниковъ божих и нашихъ государей-монарховъ рукъ поднять не можно, і не долженствуемъ, кроме того, какъ толко де об нихъ молить всегда бога, дабы все (какъ есть і они во плоти человеческой обстоятъ і друхъ на друга чрезъ какие-либо обстоятелства, от наведеней ненавистниками, между собой гневы улучить не миновывают, то бъ те сократились божескою благодатией, ибо царские сердца в руце божеской, а не челове-ческихъ) были в любве іскренней, благоугодной богу, и между собой в желаемом благополучіи, і церкви бъ святые благолепиемъ украшали і защищали от видимыхъ враговъ, і жаловали бъ всего отечества своего верноподданныхъ імъ живымъ богомъ насъ, нижайшихъ рабовъ, по заслугамъ надлежащими милосердствова-ниями. И желаем де в вере и верности богу і отечеству быть безотменно. А как де окажется за подлинно какая-нибудь персона, назвавшись імянемъ государя імператора Петра Фалшиво, и делалъ во отечестве нашемъ всемъ беспокойство и соблазнъ, і темъ

учинилъ туркамъ на помощество способъ, то не токмо де тело ево і с ево общниками істребимъ смертно, но и души их со всемъ ихъ родомъ, такъ, какъ і протчих бывших ненависниковъ святыя христовой греко-кафалического исповедания церкви і всего рода христианского губителей, проклинать будемъ до века и вручимъ ихъ страшному суду божию. Ныне ж де наводитъ токмо к неверию об немъ, государе, яко ему живымъ быт же не можно; а ежели б де здраствовалъ действително, то возможно б де ему во время случаевъ по отбытіи уже находитца в Голштини или у Пруского короля, которой, его любя, хранил бы, і безбоязненно в здешнее отечество, какъ онъ былъ самовластецъ, высокому правителству явно об своемъ здраствованіи обьявить, і вернымъ сынамъ ево, государя нашего, надлежащие повелени для сокращенневъ ему противниковъ учинить, і о томъ всему народу дать знать; то бъ никто де ево покойнымъ не щиталъ, а старатца б де без боязни об немъ і могли во всякое время; то де и того не было жъ, и ныне де потому-та Пугачеву верности подлинной никто не чинитъ; а единственно де, кои к нему и склонились, такъ толко для одного узнания истинной правды, дабы никто де богу і государемъ нашимъ не могъ зделаться самоволнымъ ізменникомъ; а то, как же бы онъ самъ былъ, государь, живъ, то доныне ему о себе таит бы такъ долго было жъ не можно. А чему ж де надобно быть, то будетъ дело самимъ богомъ, по воли ево господней, для помилования всехъ насъ и нашихъ душъ, искупленных кровию христовою: а мы де все ево создания.

О томъ симъ оное камисарство покорнейше рапортует і проситъ для ісполненей надлежащего наставления.

Секундъ-маіоръ Митрофанъ Поповъ.

В первый департаментъ.
Февраля 27 дня 1774 года.

(Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, л.л. 26—27.)

№ 114.[1]

Его сіятелству, высокородному и высокопревосходителному господину генералъ-аншефу, сенатору и разныхъ орденовъ кавалеру, графу Петру Ивановичю Панину отъ генералъ-порутчика, кавалера и Нижегородскаго губернатора, Ступишина

Репортъ.

Вашего сиятелства повелѣніе, со изьясненіемъ во ономъ имянного ея и. в. соизволѣнія о препоручени вашему сіятелству

[1] *Перед текстом:* «№ 19. Полученъ августа 9 дня 1774 в Москвѣ»

с полною мочью и властію о искоренѣніи бунта и возмущенія, производимаго отъ извѣстнаго государьственнаго злодѣя и самозванца Емелки Пугачева съ ево сообщниками, и о возстановленіи вездѣ повиновенія законной власти, и о предоставленіи в главное начальство не толко всѣхъ войскъ, отъряженныхъ и употребленныхъ к сему намеренію, но и господъ губернаторовъ: Оренбургскаго, Казанскаго и меня, я имелъ честь съ великимъ удовольствіемъ вчерашнего числа, въ 10-м часу пополудни, чрѣзъ отъправленного отъ вашего сіятелства получить, на которое и на прописанные во опом пункты симъ вашему сіятелству покорнѣйше представляю.

На 1. Извѣстной самозванецъ и бунтовщикъ Пугачевъ с своею злодѣйскою толпою, по двоекратномъ подъ Казанью разбитіи, прошедшаго июля 17-го переправившись чрѣзъ Волгу-реку подъ селомъ Сундыремъ, вошелъ моей губерніи въ городъ Курмышъ 20-го, имѣя намереніе из онаго итти в Нижней, но, получа свѣденіе чрѣзъ чювашъ, что оной укрепленъ и ко отъраженію приуготовленъ, пошолъ чрѣзъ Курмышской уездъ в Алатарь 23-го чиселъ; произвѣлъ во оныхъ подобные своему звѣрству надъ обывателями и над помещиками, имъ захваченными и привозимыми възбунтовавшимися, по ево злодѣйскому возмущенію, крестьянами варварствы, не оставилъ же, чтоб не коснутся и церквамъ, даже до того: ихъ грабилъ, иконы кололъ, служившихъ во оных и привозимыхъ новокрещенами, татарами и чювашами, священников и церковниковъ убивалъ! Обоихъ же сихъ уѣздовъ проходя чрѣзъ разные селенія, на многіе парти разсеявшись, Курмышскимъ, Ядринскимъ, Алатарскимъ, частію же Нижегородскимъ и Арзамаскимъ уѣздами, помещиковыхъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ привелъ въ великое возмущеніе и неповиновеніе своимъ помещикамъ и начальникамъ; и, будучи в томъ, делали ему во всемъ вспомоществованіе и безопасное слѣдованіе, куды ему было надобно, изъключая из сего городъ Ядринъ, въ которомъ правящей воеводскую должность камисаръ Лихутинъ со гражданствомъ приезжавшую июля 23-го къ раззорѣнию оного исъ толпы злодейской партію, состоящую въ трехстахъ человекахъ, разбилъ: трехъ убилъ, двенатцеть ранилъ, тритцеть пять захватилъ. Напослѣдок, самъ же злодѣй Пугачевъ, бывъ в Алатаре два дни, изъ онаго на 26-е число, спознавъ, что к нему приближился маэоръ графъ Меллинъ, пошелъ въ бегство по Саранской дорогѣ.

По получени же сего извѣстія, я тотъчасъ послалъ взбунтовавшихся крестьянъ приводить в прежнее ихъ повиновеніе и послушаніе изъ состоящаго здѣсь баталиона и штатной роты парти: къ Алатарю и въ Курмышъ — по пятидесятъ, в Арзамасъ — тритцеть человекъ; но, поелику все пешіе, то и не могъ бы я иметь болшаго успеху, когда бы на сей случаи не поиманы

были изъ сущихъ и нераскаявшихся злодѣевъ шесть человекъ, коихъ я, по изслѣдованіи, велелъ немедленно повесить в городехъ: Нижнем, Курмыше, Нижегородского уезда в селѣхъ: Богородском, Павловѣ, Спаском, Воротынцѣ. Сіе, по крайнѣй мерѣ, здѣлало въ жителствах страхъ и обращеніе къ послушанію, кромѣ отдалѣнныхъ, также чювашъ и татаръ; а, дабы скорѣе ихъ въ прежнее повиновеніе привесть, требовалъ я отъ его сіятелства князь Михаила Никитича двусотъ казаковъ, о коихъ и сообщеніе получилъ, что они отъряжены изъ полку полковника Краснощокова, и велено слѣдовать с поспешеніемъ. Я надѣюся, когда сіи прибудутъ, всю мою губернію въ три недели в повиновеніе привесть; сколко же всего и какого званія гдѣ злодѣями побито, казенного, яко-то: денегъ, соли, напитковъ и протчаго разграблено и разтощено,—мною свѣденій отъбираются, а по семъ въ свое время вашему сіятелству донесть не премину, о присылке коихъ и еще вторично подтвержденіе учинено...[1]

Наконецъ, за должность нахожу вашему сіятелству донесть, что городъ Нижней положеніе свое имѣетъ по всей губерни весма важное, потому болѣе, что хранитца в немъ: денежной казны, медною манетою, до милиона, соли по берегу в разных мѣстахъ до семи милионов пуд, вина также вне Кремля до четырнатцети тысячь ведръ, а черни, приходяще[й] ежедневно на судахъ, великие тысячи. Сіе все хранить подъкрепленія никакова не имѣю, кромѣ гарнизона и с разных мѣстъ малѣйшихъ командъ, с коими, за раскомандированіемъ ко усмиренію бунтовщиков, не болѣе четырѣхъсотъ редовыхъ и то не весьма надежных; а Кремль в окружности своей имеетъ на двѣ версты и сто восемдесят саженъ. Къ оборонѣ ж все, что силы человѣческие могутъ изыскать, я ничево не упустилъ; но со всемъ тем, не могу сказать, чтобы себя могъ совсемъ обеспечить.

Изъ разсыпавшейся в слѣдованіи чрѣзъ мою губернію изменника Пугачева толпы называемой разбойничьей ево шайки полковникомъ Аристовъ поиманъ 25-го числа прошедшаго июля въ селѣ Фокинѣ, отсель въ осмидесяти верстахъ, допрашиванъ подъ жестокимъ истязаніемъ, и, наконецъ, раскаясь, казался мнѣ бытъ онъ свѣдущимъ о всех злодейских намереніяхъ; и, какъ допросъ сей имеетъ в себѣ важность, с которого я чрѣзъ нарочных куриеровъ поднесъ при своей реляціи тогда жъ ея императорскому величеству и въ Секретную Камисию в Казань, таковъ же и здѣсь къ вашему сіятелству подношу.

[1] *Далее в рапорте сообщается об отрядах Михельсона, Меллина и Муфтеля, преследующих Пугачева, указывается на затруднительность осведомлять главную квартиру о движениях неприятеля и подчеркивается, что по Нижегородской губернии приняты все меры к оповещению населения о полномочиях Панина, о заключении мира с Турцией и приближении войск из-за границы для борьбы с бунтом.*

Учрежденная же Секретная Коммиссия по имянному ея и. в указу въ Казанѣ на мое сообщеніе для скорѣйшаго усмиренія бунтующихъ дала мнѣ власть, соображаяся, однако же, съ материнмъ ея и. в. милосердіемъ, чинить казнь и наказаніе кнутом; и, какъ сіе дѣло весма нужное для злодѣйствующихъ, и ничемъ ко усмиренію и столь скоро в послушаніе привесть не можетъ, какъ казнь, я приступалъ к сему съ сердечным сокрушеніемъ и толко к темъ, кои никакова помилованія, яко изверги, не заслуживаютъ, я вашего сиятелства, яко определеннаго с полною властью и силою началника моего, испрашиваю к сему дозволенія, с темъ притом увѣреніем, что не лишу жизни, которой прямо того недостоинъ, и безъ крайней нужды.

Алексѣй Ступишинъ.

№ 1680-й.
Августа 6 дня 1774 году, пополудни въ 1-м часу,

(П. А., кн. V, лл. 47—49.)

№ 115.[1]

Его сіятельству...[2] графу Петру Ивановичу Панину отъ генералъ-порутчика и Нижегородскаго губернатора Ступишина

Рапортъ.

Вслѣдъ за отправленнымъ сего числа моимъ рапортомъ, вашему сіятелству за должность донесть нахожу.

Отъправленной отъ меня здѣшняго гарнизону капитанъ Алексѣевъ въ Курмышской уѣздъ для усмиренія бунтующихъ съ пятьюдесятъ человѣками редовыхъ отъ 6-го числа рапортуетъ, что онъ, будучи въ Курмышскомъ уѣздѣ, подъ селомъ Хоршевашеми былъ атакованъ семью стами чювашъ четыре раза; однако, убивъ у нихъ изъ пушекъ двенатцеть человѣкъ, отогналъ отъ себя, кои, отошедъ отъ него не далѣе двухъ вѣрстъ, остановились въ лѣсу.

Я изъ сего поступка примечаю, что нужно будетъ помощь ему придать, и для того ожидаю прибытія казаковъ, отъправленных отъ генералъ-маэора Чорбы, кои сего числа выступили изъ Мурома.

Князь Петръ Михайловичь Голицынъ отъ 6-го августа партикулярно увѣдомляетъ, что подъполковникъ Муѳель рапортом к нему доноситъ: 1-го числа сего жъ месѣца злодѣй Пуга-

[1] *Перед текстом:* «№ 22. Полученъ августа 11 дня 1774 году в Москвѣ, въ 9 часов пополудни».

[2] *Опускаются в титуле детали, аналогичные с титулом гр. П. И. Панина в № 114.*

чевъ вошелъ въ городъ Пензю, толпа ево находитца до трехъ тысячь, а протчіе будто еще не взошли, а остались въ деревнѣ Безсоновкѣ, отъ города въ двѣнатцети вѣрстахъ, и будто Пугачевъ тамъ нашолъ одиннатцеть пушекъ и двѣнатцеть пудъ пороху. Отъ злодѣя подполковник Муѳель въ сорокѣ пяти вѣрстахъ, и графъ Мелинъ долженъ ближе находитца,—то и приказалъ безъ упущенія времени обѣимъ злодѣя атаковать. Его сіятелство разсуждаетъ по движенію злодѣйскому, что онъ клонитца на Донъ или к Яику, а, я думаю, послѣднѣе, можетъ быть, всево справѣдливѣе, буде не оборотитца къ Танбову и на Воронежъ. Сей извѣргъ толпы свои разсылаетъ в разные мѣста и темъ закрываетъ свои движенiи и намеренiи.

Алексѣй Ступишинъ.

№ 1755-й.
Августа 8 дня 1774 году, пополудни въ 11-м часу.

(П. А., кн. V, л. 57.)

№ 116.[1]

1774-го году августа 10-го дня въ экспедиции его превосходительства, господина генералъ-порутчика, кавалера и Нижегородского губернатора Алексѣя Алексѣевича Ступишина прибывшей въ Нижней съ Темниковскихъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ артилери-порутчикъ Семенъ Кабановъ обьявилъ:

Что въ городѣ Троицкомъ острогѣ, въ Красной слободѣ и близь оного заводу въ жительствахъ обыватели, болшею частію мордва, татара и помещичьи люди, всѣ възбунтовавшись, чинятъ великіе злодѣйства и варварства, яко-то: въ городѣ Троицкомъ воеводу и волостнаго дворцоваго управителя убили до смерти, а у многихъ дворянъ и протчихъ обывателѣй домы разграбили і разоряют; свѣрхъ же того, означенные злодѣи приступаютъ къ предписанному казенному винокуренному заводу, коего директоръ коллежской ассесоръ Андрей Реткинъ уехалъ въ Москву, оставя въ должность свою казначея порутчика Микалинскаго, которой такъже, опасаясь техъ злодѣевъ, из оного заводу выехалъ въ Арзамасъ и сыскиваетъ в защищеніе сего заводу камандъ.

Къ подлинному обьявленію артилери-порутчикъ Семенъ Кабановъ подписался.

(П. А., кн. V, л. 82.)

[1] *Перед текстом:* «Копія». *Зачеркнуто:* «№ 41». *После текста:* «С подлиннымъ поверял секретарь Петръ Краминъ». *На обороте:* «Ордеръ по сему послан под № 56-м».

№ 117.[1]

Его сиятелству...[2] графу Петру Ивановичу Панину от генералъ-порутчика, кавалера и Нижегородскаго губернатора Ступишина

Рапартъ.

Сей числа я получилъ рапортъ от Арзамаского воеводы полковника Сенявина, в коемъ доноситъ: 9-го де числа сего месяца прибывшие в городъ Арзамасъ Темниковского уезду дворяня и находящияся в томъ уезде на Брыловскомъ казенномъ винокуренномъ заводе оберъ-афицеры обьявили ему, что извѣстного государственного бунтовщика, варвара и самозванца Пугачева злодѣйские парти, разсыпавши и сообщась с тамошними обывателями, разьездъ имеютъ около городовъ: Красной Слободы и Троицкого Острога, которые состоятъ за Темниковымъ. А 10-го Темниковского уезду Саровской пустыни иеромонахъ Питиримъ писменно показалъ, что посланной из оной пустыни для разведывания об ономъ злодѣе Пугачеве и ево партияхъ, куда оные клонятца, Темниковской купецъ Алексей Бабин, приехавъ в тое пустынь, обьявилъ, что оного злодея Пугачева партия уже и в городъ Темниковъ августа 9-го числа, в обедни, вступила.

И, какъ городъ Темниковъ въ осмидесяти верстахъ от Арзамасу, для того немедленно отправилъ я прибывшую сюда двузотную каманду казаковъ с подполковникомъ Архаравымъ на защищеніе города и на истребление злодеев, а к господину генералъ-майору Чорбѣ сообщилъ, с темъ, дабы онъ поспешилъ от себя отправить легкие войски к Темникову подать помощь и для получения точнаго о сихъ злодейскихъ толпахъ сведения, какихъ они силъ, и, что увѣдаетъ, давал бы вашему сиятелству знать; я не знаю, посланной мой курьеръ где господина Чорбу найдетъ.

Теперь отъ повеления вашего сиятелства будетъ зависить обеспечить Московскую губернию, а, какъ видно по симъ известиямъ, бунтующи толпы без войскъ часъ от часу размножаютца.

При отправлени сего к вашему сиятелству репорта получил я от посланного от меня для усмирения бунтующихся в Курмышскомъ и Ядринскомъ уездахъ с камандою капитана Алексѣева репортъ, что онъ послѣ неоднократного з бунтующимися чувашами сражения, соединясь Томского пехотного полку с капи-

[1] *Перед текстом:* «№ 37. Полученъ августа 13 дня 1774 году». *Зачеркнуто:* «№ 48».

[2] *Опускаются в титуле детали, аналогичные с титулом гр. П. И. Панина в № 114.*

таномъ Дурновымъ, въ Ядринскомъ уезде под Ягункинымъ околодкомъ собравшуюся из чувашь толпу до семисотъ человѣкъ, обще с реченнымъ капитаномъ и с прибывшими из города Ядрина при бургомистре из купечества дватцетью человѣками, разбили, которую гнали восемь верстъ, и ис техъ злодѣевъ убили болѣе ста человѣкъ; из команды же ихъ убитыхъ, кромѣ лѣгкораненыхъ изъ купцовъ трехъ человѣкъ, никого нетъ; а теперь слѣдуютъ в село Тумашево. Я, похваля ихъ поступокъ, подтвердилъ, чтобъ они со усердиемъ старалися употребить ко усмирению всю возможность.

А из Алатаря увѣдомляютъ, что посланной по повелению моему для разведывания о злодѣйской толпѣ прежнихъ служебъ казачей слободы салдатъ Пряхинъ, не доезжая города Пензи, за сорокъ верстъ, в селе Городищахъ, от находящагося во ономъ въ 4 де[нь] сего августа от подполковника Муфеля известился, что известной государственной злодей 1-го, 2-го и 3-го чиселъ августа былъ в Пензе и тотъ городъ раззорилъ, воеводу сожегъ и многихъ побилъ до смерти и, забравъ из оного, такъ і из Саранска, по шести пушекъ, с толпою своею, состоящею, будто, до пяти тысячь человѣкъ, пошелъ на Петровскъ, что сходственно с первымъ отправленнымъ от меня к вашему сиятелству репортомъ, кроме числа людей.

Алексѣй Ступишинъ.

№ 1808.
Августа 11 дни 1774 году, пополудни въ 9-м часу.

(П. А., кн. V, л.л. 98 — 99.)

№ 118. [1]

Его высокогравскому сиятелству, господину генералъ-аншефу, разныхъ орденовъ ковалеру, Петру Ивановичю Панину Санктъ-Питербурскаго легиона отъ подъполковника Архарова

Всепокорнѣйши рапортъ.

Даннымъ мне отъ его высокопревосходителства, господина генералъ-порутчика, ковалера и Нижегородской губерни губернатора, Алексѣя Алексѣевича Ступишина ордеромъ велено со врученною мне іс козаковъ командою, состоящею во сте шестидесят человекахъ, следовать для защищения городовъ: Арзамаса, Темникова и Краснослободка от разбойническихъ партей, такожъ и для усмирения бунтующихъся крестьянъ. Во исполнение чего, прибывъ в городъ Арзамасъ сего августа 13 числа и, по ордеру господина воеводы полковника Сенявина, оставя ис команды

[1] *Перед текстом:* «№ 67. Получень 23 августа 1774». *Зачеркнуто* «№ 91».

моей для безопасности того города дватцеть человекъ козаковъ, прибыл з досталными того жъ августа 16 числа в город Темни ковъ, которой нашелъ безо всякого правления; такожъ и в уезде не осталось ни одного селения, которое бъ ни бунтовало; о чемъ от меня къ господамъ губернаторамъ: Нижегородскому, Воронежскому, к воеводам: Шацкому и Арзамаскому репортовано. Для установления жъ на сей случай возможного порятка, за неименiемъ в команде моей афицеровъ, поручилъ я команды темниковским дворяном, разделя уездъ на три части, придалъ каждому по дватцети человекъ козаковъ, в город же Краснослободкъ отправилъ козаковъ тритцеть человекъ при одном сотнике,— с таким наставлениемъ, дабы каждой в своей части, какъ возможно, старался бунтующихся крестьянъ усмирить и укрывающихся метежниковъ, бывшихъ в злодейской пугачевой парти, переловя, прислать ко мне в городъ Темниковъ. Вследствие чего, от камандированныхъ от меня темниковскихъ дворянъ і из города Краснослободка от сотника получилъ следующая:

Отъ гварди-подпорутчика Кобанова, — что он, 17-го августа отправясь з данною от меня ему командою из села Кушекъ въ деревню мордовскую Борашево, в которой новокрещенныя, собравъ великую толпу, с рогатинамі и дубьемъ козаковъ отаковали и, бросясь вдругъ с ружьеми и с рогатинами и превеликим крикомъ, и одного козака ранили в руку, а под другимъ закололі лошадь, почему онъ, Кобановъ, принужденнымъ нашолся поступить с ними, какъ з злодеями; ис коихъ одинъ и убитъ, а вдоя [sic] захвочены въ ево команду, протчия жъ разбежались в лесъ. Потом же уведомился онъ, что и в деревни Акашевой собирается многолюдная толпа, куда для сикурсу к прапорщику Колунчакову следовалъ и онъ; с коимъ соединясь, следовали к той деревни, но на дороге, навстречу имъ, такая жъ толпа, верхами и пешками, с рогатинами и ружьими, на нихъ напали, с коими поступлено так же, какъ з злодеями, і из нихъ человекъ до пяти убито и забрано в команду двенатцеть человекъ, а протчие разбежались.

А из города Краснослободка прислано таковых же бунтувщиковъ и разбойниковъ шесть человекъ, кои все содержутся в здешнемъ городе подъ карауломъ. К вашему жъ высокогравскому сиятелству с симъ репортомъ отправилъ я здешнего помещика господина артилери-порутчика Кобанова, какъ человека, могущаго донести все непорятки, произшедшие и ныне происходящая [sic] здешнего города и его окресностей.

Подполковникъ Іванъ Архаровъ.

1774-й, 19-го числа августа.
Темниковъ.

(П. А., кн. V, л.л. 196 — 197.)

№ 119.

1774-го году октября 20 дня в канцеляри его сиятельства, господина генералъ-аншефа и ковалера, граѳа Петра Ивановича Панина генералъ-аншефа и ковалера граѳа Ивана Петровича Салтыкова, Алаторскаго уезду, селъ Порецкого и Семеновскаго, служитель Николай, Никитинъ сынъ, Алымовъ, явясь, обявилъ:

Сего году в ыюле месяце, какъ во оные господина ево селы, Порецкое и Семеновское, пришелъ самозванецъ и государьственной бунтовщикъ Пугачевъ с злодейскою ево толпою, тогда и оныхъ вотчинъ, села Семеновскаго, крестьяня, взбунтовавшись, и самопроизволно пошли во оную злодейскую толпу: конюховъ семнатъцать да крестьянъ дватцеть четыре человека; и в то время, какъ онымъ злодеемъ, такъ и реченными конюхами и крестьянами взято изъ имеющагося в той вотчине господскаго конного заводу сто петдесятъ лошедей. Да после оного, дня черезъ четыре, приехавъ из оной же злодейской парти человекъ до шестидесятъ, в числе которыхъ ни конюховъ, ни крестьянъ уже не было, взяли еще восемдесятъ лошедей.

А после ихъ оного села крестьяня и окрестныхь [?] жительствъ мордва оставшихся на ономъ заводе лошадей, до двусотъ, взявъ, делили по себе; а какъ мимо оныхъ, господина ево, вотчинъ проходилъ господинъ майоръ граѳъ Мелинъ с воинскою командою, то оные крестьяня и моръдва, боясь учинения с ними за то по законамъ, разобранныхъ ими лошедей приводили къ господскому двору, которыхъ и собрано до двусотъ, да взято жъ в городе Алатыре ис канцеляри переловленныхъ в поле и приведенных во оную канцелярию ко обявлению обывателями лошедей до семидесятъ, которые теперь на заводе. А, после оного недели чрезъ две, в разныя времена означенныя, бѣжавшия в толпу, конюхи, семнатцеть человекъ, да крестьянъ семнатцеть человекъ в вотчину свою, в село Семеновское, явились, которыя для допросу обявлены были в Алаторскую канцелярию, а допросами показали, что они, во время бытия своего в злодейской толпе, смертныхъ убивствъ не чинили и находились при обозе, почему Алаторскою канцеляриею наказаны все плетьми и отъданы на росписку поверенному, ис коихъ двое пемерло [sic]; а о взятыхъ лошедяхъ обявили, что оные за устолью брошены: некоторые в Саранске, а протчие в Саранскомъ уезде, которых еще не возвращено до ста дватцети лошедей. А слышелъ он, что многие из оныхъ лошедей приважены были в Саранскую канцелярию для явки, которые и отъданы для прокорму онымъ привотцамъ с росписко. В Алаторской же Правинциалной Канцеляри ис колодниковъ

господина моего никово нетъ, а держатся человекъ с семь в селе Семеновскомъ, которыя и будутъ представлены в Алаторскую канцелярию. И проситъ он о предложени в Саранскую канцелярию, чтоб оная благоволила розданных для корму на росписки лошедей собрать, для усмотрения ненаходящихся досталных господина ево лошедей, и, естьли ис тех окажутся господина ево, то об одъдаче оных ему или посланнымъ от него повереннымъ.

К сему обьявлению служитель Николай Алымов руку приложил.

(П. А., кн. VI, л. 463.)

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ПУГАЧЕВЩИНА

Горные заводы Приуралья.

№ 120. [1]

Его высокопревосходительству, генералъ-порутчику и кавалеру, князь Федору Федоровичу Щербатову директора Ивана Осокина оренбургских: Троицкаго, Нижно-Троицкаго и Усень-Ивановскаго медиплавиленных заводов от поверенного прикащика Петра Заева.

Покорнейшее доношение.

Имеетъ реченной директоръ Осокин въ Оренбургской губерни, в Уфимскомъ уезде, внутри Башкири, по Казанской дороге, в Киргиланской и Калнынской волостях, в растояни отъ городовъ: Оренбурга — въ 300-х, от Уфы — два завода въ 150, одинъ в 120, от государственной соляной Ашкадарской пристане — в 200-х, от Богулминской слободы — въ 70, от Бакалинской и Нагайбацкой крепостей — въ 90 верстах, на двухъ речках, впадающих в реку Икъ по течению с правой стороны, три медиплавиленные завода о шеснатцати печах. И егда о известном замешателстве какъ скоро из Оренбургскаго Горнаго Началства от 4 числа октября 773-го года в заводские канторы указы получены, то немедленно и означенному директору Осокину, с приложением с указа точной копи, знать дано, которой, какъ о томъ получил известие, и требовал от его высокопревосходительства, господина генерала-аншефа, Казанскаго губернатора и кавалера, Якова Ларионовича фон-Бранта отъ злодейской толпы в защищение команды, с темъ, чтобъ елико возможно, для государственной отъ заводовъ прибыли, в разсуждени жителей и имевшаго при техъ заводах для всякой предосторожности оружия, повелениевъ.

А между темъ, отъ следующаго из состоящей [на] Московской дороге из деревни Юзеевой в Богулминскую слободу с корпусомъ господина генерал-майора Фреймана по присланному от 18-го числа ноября минувшаго 773 года ордеромъ велено,

---

[1] *Перед текстом:* «Копия». *После текста:* «С подлинным читал генералной писарь Иванъ Металпиковъ».

сколко есть пушекъ, ядеръ, ружей, пороха, чтобъ в реченную слободу немедленно отъправить. И, во исполнение того ордера къ его превосходительству при репорте дватцать пятъ пушек разной величины, в том числе: литых изъ железнаго чугуна четырнатцать, медных одиннатцать, все на лафетах окованных, ис коих одна — пяти, шесть — дву с половиною, две — одного с половиною, а протчие — полуфунтовые, ядеръ и картечной дроби разнокалиберных сортовъ на шести подводах, свинцу две целые свинки, пороху в дву боченках да в двенатцати каптеярмусах до пятнатцати пуд, фузей новых с медными оправами тулской работы сорокъ семъ, турокъ пять, одинъ мушкатантъ и отправлено. Мастеровые люди съ их семействами, ково забрать было можно, во избежание злодейскаго нападения, по силе его высокопревосходительства господина губернатора приказания, в город Казань вывезены, понеже пред тем о приближени ко оным заводам немалой злодейской толпы известно чрезъ приезжающих уже и пойманных при тех заводах од [?] трех человекъ-злодеевъ было, кои в помянутой же корпусъ господина генералъ-майора Фреймана и отъправлены. А сколко оставалось в заводах крестьян и съ их семействы, и в каких обращениях отъ злодея Пугачева и от его посланных повелителей послее выезда моего 23 числа ноября минувшаго 773 года находились — неизвестно, а кто имяны, о всехъ приложенъ при сем реэстръ, кои по прибытию моему в заводы 16-го числа сего месяца оказались все в своих селениях, употребляя по моему наряду себя в приуготовление каждой, годной к заводской работе; а в самом деле то ли имеютъ сочинять, потому жъ напередъ о всем состояни их узнать не можно, и для того не соизволено ль будетъ в подкрепление сочинить повторителною присягою.

Того ради, вашему высокопревосходительству о вышеписанном представляя, и всепокорно прошу, дабы соизволено было для ныне наступающаго летнего времени, в случае в заводах малости людей, артилериею с потребными припасами, всю или какое число, а притомъ сколко из воинской команды, хотя на щетъ заводской, вашему высокопревосходительству в покровителство разсудитца, определить. А дабы бес того орудия по такой отдалености разстояния от городовъ, а потомъ и от определенных командъ, елико возможно к сохранению предписанные директора Асокина заводы с приуготовленными для действия заводского, яко-то: плотин, разных звания фабрикъ, мастеровых и работных людей селенеи, а в дровосеках пятнатцати тысещь саженъ уголных дровъ, угля в куренях и в заводах сорока пяти тысячь коробовъ от сождения бунтовщиками-башкирцами привестъ, какъ о таковом сождени и оставшие за невывозом в Казань крестьяна обьявляютъ, что угрожение к сождению всех заводовъ и в куренях припасов, а их к преданию смертному, по настанию летнего времени, а наипачее

от околных селеней, от башкирцов, от коих под заводы земли, леса куплены, многократно происходило; а притом и живущие в околних деревнях ясашные татара от башкирскаго злодействия имеютъ опасение; вследствие чего, бес таковой охранности, по случаю имеющаго в заводах, раззорения не могли бъ зделать и впредь к наивящему раззорению заводов и к погублению мастеровых и работных крестьян зловымышленного нападения. Отчего за прописанным обстоятелствомъ, от малости людей и при них в случае нападения ко оборонению по неимени несколко артилери с пристойными к тому припасы, немалое опасение имею и о семъ моем прошени вашего высокопревосходительства всепокорнейше прошу в свое покровительство предприять и учинить милостивое разсмотрение.

Апреля 21-го дня 1774 года.

На подлинномъ подписано тако:

К сему доношению прикащик Петръ Засевъ руку приложил.

(П. А., кн. XVII, л.л. 37 — 38.)

№ 121.

№	Числа.	Мѣсяцъ іюнь 1774-го года.	Съ кѣмъ отправлено.
205	16	Сообщеніе господину генералъ-порутчику, Оренбургскому губернатору и коваллеру, фонъ-Рейнсдорпу. Два сообщенія вашего превосходительства, изъ которыхъ при одномъ приложены были копіи съ доношеніевъ заводчиковъ: Демидова и Твердышева, я имѣлъ честь получить. Читая оныя, нашелъ я ихъ объявленіи совсемъ несогласныя съ рапортами и допросами, чрезъ которыя извѣстен я о созженіи заводовъ и о всѣхъ того произшествія обстоятельствахъ, и которыя подтверждаютъ, что жестокость, употребляемая отъ завотчиковъ съ своими крестьянами, возбудила ихъ къ ненависти противъ своихъ	Втораго гранодерскаго полку съ вестовымъ, гранодеромъ, Иваномъ Матвѣевымъ.

№	Числа.	Мѣсяцъ іюнь 1774-го года.	Съ кѣмъ отправлено.
		господъ: а сіе тѣмъ доказывается, что крестьяна нимало не защищали себя отъ стремленія на жительства ихъ злодѣйскаго и не прибѣгнули къ воинскимъ командамъ ни съ объявленіемъ о опасности, ни съ прозьбою о защищеніи; но, напротивъ, о созженіи послѣдняго Твердышева завода самъ прикащикъ въ Бугулчанахъ полковнику Хорвату показалъ, что крестьяна допустили сами башкирцовъ до зазженія того завода. И, хотя многія, подобныя сему, доказательства имѣю я о недоброжелательствѣ и склонности сихъ крестьянъ къ злодѣю Пугачеву, но, не имѣя причины въ сіе входить, обращуся я на требованіе вашего превосходительства. По настоящему положенію разоренныхъ Демидова и Твердышева заводовъ не нахожу я инова средства къ соблюденію оставшагося хлѣба и къ приведѣнію крестьянъ въ порядочное состояніе, какъ послать самихъ заводчиковъ съ отправляющимся въ ту сторону отъсюда господиномъ генералъ-маіоромъ и кавалеромъ княземъ Голицынымъ, поелику все сіе отъ хозяйства и собственнаго ихъ прибытка зависитъ; они, оставаясь в разположенныхъ близъ оныхъ заводовъ воинскихъ командахъ, подъ защищеніемъ ихъ, могутъ такъ, какъ хозяева, съ лутчимъ успѣхомъ возстановить опять порядокъ и способствовать войски продовольствіемъ провіанта, и собственнымъ своимъ попѣченіемъ охранить себя отъ дальнѣйшаго ра-	

№	Числа.	Мѣсяцъ іюнь 1774-го года.	Съ кѣмъ отправлено.
		зоренія. И для тово не изволите ли, ваше превосходительство, симъ заводчикамъ о семъ объявить и, естъли они согласятся, то приказать имъ явиться у помянутаго генерала, а мнѣ дать знать; почему здѣлаю я ему предложеніе, чтобъ далъ онъ всѣмъ тѣмъ деташементамъ ордеръ, отъ коихъ сіи заводчики по способности могутъ просить вспоможенія и въ виду ихъ возстановлять свое хозяйство.	

(П. А., кн. XVII, л. 142.)

№ 122.[1]

Премилосердый государь и отецъ
Алексей Степановичь!

Всеприятное ваше писание долженствую содержать в памяти моей! Вашему высокородию доношу:

Божеским попущением, грехъ ради нашихъ, известной злодей Пугачевъ со всею плутовскою толпою июня 24 числа сего года на Воткинском заводе былъ, и управители: Иванъ Яковлевичь Ялымовъ, Алексей Степанычь Клепиковъ, до вступления ево злодейскаго, и отъездомъ на Ижевской заводъ со всею командою упредили толко за два часа. И упоминаемой злодей, по ябедничеству находящихся у ево в толпе, с Черепановки — Петра Слепова сына Семена, Ножевского завода расходчика, да из Паздеръ Жорноковыхъ — Алимпа Волхина сына Афанасья, Петра Прошутина матерь к городищу у старова кирпишнова сарая повесилъ; заводъ: ни одной фабрики, ни церквей и канторы — словом, считая кроме одного магазеина, [и то старшия мастера отъстояли], все без остатку созжены. Да верного уведомления не получил, яко-бы Коростелеву жену повесилъ же; и будто бы

[1] *После текста*: «Оное писмо писано Гороблагодатского Горнаго Начальства члену кольежскому ассесору Москвину села Сосновского от выборнаго крестьянина Михаила Степанова». *Вслед за припиской после текста подпись:* «Гаврила Пучковъ»; *эта подпись — часть скрепы, идущей по листам с 270 по 275 кн. V, П. А., которая полностью читается так:* «С подлинным читал за дежур-маиора капитан Гаврила Пучков».

на Кулюшевскомъ поле Ивана Яковлевича и Алексея Степановича с командою — не более дву выстреловъ каждой употребилъ — и грудью де здавили, и всю артиллерию отбили, Алексея де Степановича в спину двумя железницами ранили и со всеми канторскими служителями взяли в пленъ. И более де изменили мастеровые, бывшие прежде в полону. И оной злодей Пугачевъ стоитъ противъ Паздеръ, — об ономъ объявляютъ бывшие Денисовой сотни крестьяне в томъ сраженіи.

Фотеевой сотни крестяне ходили з дарами стречать и Леонтья Щетникова хотели, связавши, отвести к нему, злодею, но онъ отъ нихъ убежалъ; да и нашей Денисовой сотни многіе к нему в злодейскую толпу по прелести склонны и поныне бунтуютъ, и никакимъ примером для подлинъного проведания проехать нелзя Низоваго конца. Анисимъ гранодеръ с партией стоитъ, и все к нему склонны, а Фотеевой сотни. А к намъ для усмирения вспоможения не откуда нетъ: баронския не даютъ, толко доброжелателных до трехъ сотъ человекъ в селе Сосновскомъ в скопе есть, — и что господь богъ соизволитъ, а трудно наше спасение! Ѳедоръ Ѳедоровичь Венцель со священиком Васильемъ Петровичемъ отъехали в Казань, а чрезъ почту на имя ево получилъ ордеръ, которой к вашему высокородию при семъ посланъ; и посланной вашъ конюхъ отсюда отправился обратно, и онъ можетъ вашему высокородию объявить.

И во изьяснение моего рабского почтения и наивсегда покорны

Михайло Степановъ.

(П. А., кн. V, л.л. 274 — 275.)

№ 123[1].

С писма Соликамского завода от прикащика Степана Щербакова, от 1 ч. июля 1774 году.

[Копия с копии]

Сего числа едущей Отчерскаго острошка пономарь Петръ Калашниковъ сказывал, что де их Очерского приходу, бывъ все во осторожности на Воткинском заводе, крестьяне, после 21, 6, 13, 13, 19, 21, 11, 18-ия [раззоренія] того завода 68, 35, 17, 14 [злодеями], возвратясь отталь по домам своим, и, пришед, обявляютъ:

Что 68, 14, 22, 15, 6-я [злодѣйская] 8, 22, 35 [вся] 23, 19, 16, 20, 6 [толпа] отшатилась от показанного Воткинского на Ижевской завод, и, там будучи, хотя заводские обыватели 8 22,

[1] *Как и в № 106, расшифровка, сделанная в оригинале над текстом, печатается в строку в скобках, вслед за соответствующим цифровым шифром.*

11, 17, 14 [въ семи] 22, 23, 6-х [стах] человеках 8, 19, 19, 2 1 24, 12, 11, 18, 18, 19 [вооруженно] противъ 18. 11, 20, 21, 1 4 35, 23, 11, 16, 35 [непріятеля] от-20. 19. 21, 31 [отпоръ] и 14 17, 11, 16, 14 [и имѣли], 18. 19 [но] 18, 14, 28, 11, 9, 19 [ничего 14, 26, 31 [ихъ] 18, 11 [не] 13, 6. 30, 14, 23, 14, 16, 19 [защи тило]. Итакъ, 18, 11, 20, 21, 14, 35, 23, 11-ль [непріятель], 9, 21 24, 10, 33, 34 [грудью] 18, 6, 22, 23, 24, 20, 35 [наступя], совсем тотъ 13, 6, 8, 19, 10, 31 [заводъ] 19, 22, 14, 16, 14-л [осилил] и притом петерых или 29, 11, 22, 23, 11, 21, 32-хъ [шестерыхъ] человекъ из лутчих людей, в том числе якобы и 20, 19, 16, 15, 19, 8, 18, 14, 15, 6 [полковника] иноземца и управителя 20, 19, 8, 11, 22, 14, 16, 31 [повесилъ], а напоследокъ всего заводское и 10, 6, 17, 19, 8, 18, 19, 11 [домавое] с-23, 21, 19, 11, 18, 14, 11 [строеніе] 8, 22 11 [все] 19. 9, 18, 34 [огню] 20, 21, 11, 10, 6, 16, 31 [предалъ] и 19, 20, 24, 22, 23, 19, 29, 14, 16, 31 [опустошилъ]. И оттоль показанной 68, 14 [злодѣй], выступя, яко бы уже 8 [въ] 22, 6, 21, 6, 20, 24, 16, 31 [Сарапулъ] отошелъ и там 23, 19 12, 11 [то же] у-28, 14, 18, 14, 16, 31 [учинилъ], что и при заводахъ, и все 22, 11, 16, 11, 18, 14, 11 [селеніе] 8, 32, 12, 11, 9 [выжегъ] 12, 11 [же].

Июля 1 ч. 1774 году.

(П. А., кн. V, л. 257.)

№ 124[1].

Его превосходителству, господину генерал-порутчику и ковалеру, Ивану Алѣксандровичю де-Колонгу Пермской Правинцыалной Канцелярии

Рапортъ.

Какъ известной государственной злодей со всею своею сволочью въвалилъся в Кунгурской уездъ отъ Красноуфимской крепости прошедшаго июня месяца, о котором Пермъская Правинцыалная Канцелярия 12 числа, въ часъ пополуночи, получила толко сведение, то [?] для города, сколко возможность дозволила, сделана [?] неупустителная предосторожность; а какъ во оном воинских командъ нисколко не было, да и во всей провинцыи, кроме господина подполковника Папова съ ево небольшим деташаментом, и то составляющих из одних рекрутъ, нетъ, почему [?] на защищение города употреблены одни граждана и уездные обыватели. А о присылке помощи к городу, а болше к преследованию за злодеемъ, самого жъ того часа с нарочнымъ предста-

[1] *Перед текстом:* «№ 14. По секрету. Копия». *На полях начальные слова скрепы, приведенной в примечании к № 122.*

влено въ Екатеринбургъ, в канцелярию Главного Заводовъ Правления, где главнокомандующей — господинъ полковникъ Бибиковъ, а потомъ і собственно ему того ж июня писано: от 13 — о приближенні злодея и сволочи х Кунгуру, от 20 — а отаковани злоде[е]м Осы, отъ 22 — о завладени оною и всемъ деташаментомъ, командированнымъ отъ коллежского асъсесора Башмакова, и командою прибывшаго туда маіора Скрыпицына и имъ самимъ со всею притом артиллериею, снарядами и ружъями, а от 28, по сообщению Башмакова, о многочисленной толъпе блись Анъшинъских заводовъ со злодейскимъ предводителемъ Белобородовымъ, равнымъ образомъ сообщено было. И госъподамъ майорамъ: Жолобову и ковалеру Гагрину от 20, 21, 22, 24 и 28 числъ, прописывая именно, где злодеи находятца, место и сведенні о намереннях ево, какпе канцелярия имела. Но на все сие от господина полковника Бибикова получила три предложения, а от господъ маіоровъ — ковалера Гагрина, что онъ зависитъ по старшинъству отъ господина премиеръ-майора Жолобова, а от него отъзывъ, что далее Ачицкой крепости следовать от господина полковника Бибикова повеления не имеетъ, что самое и в предложениях ево, господина Бибикова, значитъ, с которых, а на последнее и с отъвета канцелярского, на разъсмотрение вашему превосходителству прилагаютца точныя копии.

Перъмъская ж Правинцыалная Канцелярия по предписанъным обстоятелствам, не видя надежды в помощи, находитъ за нужное вашему превосходителству представить, что злодей, таперь находясь за Камой, разъзоря уже Вотъкинской заводъ и на ономъ захватя пушки и снаряды, стремитъся на далнейшее покушение, что по приложенного при семъ писма ясно усмотреть соизволите, чемъ, умноживъ свою сволочь, снабжая себя пушками и снарядами, чего у него в Кунгуръскомъ уезде нисколко не было, вознамерится. Или от воинских командъ, преследуемыми ему встречю от Казани, понудятъся бежать назадъ, то паки Кунгурской уездъ, лежащей по обеимъ странам Камы, будучи оставленъ безъ воинских командъ, а равно и Соликамъская страна, подвержены будутъ жребию несчастия от его варварства, а притомъ и самому городу Кунъгуру болше опасности будетъ. Естьли же онъ на оной устремитъ свои желанні, в такомъ случае вашего превосходителства Пермъская Правинцыалная Канцелярия осмеливаетъца, изъясънивъ сие, проситъ, чтоб ко упрежденню сего, могущаго быть, зла господамъ майорам: Жолобову и ковалеру Гагрину повелеть, отделясь отъ Екатеринбурга, следовать х Кунгуру и объще з господиномъ подполковникомъ Паповымъ, соединясь, преследовать злодея съ сей стороны, а по возможности и, переправясь реку Каму, застановить ему путь къ Соликамску и Вятке. И сие не толко можетъ

служить защитой Кунгурской правинціи и Екатеринбурга и всей Сибирской страны, но надежно, что и всемъ ево злодейскимъ стремленіемъ конецъ, а обществу желаемое спокойствие быть можетъ темъ: когда от Казанской стороны будутъ преследовать ево войски, отъ Уфы отрезавъ ево отъ Башкири, и совокупными силами зделаютъ ему поражение, а помянутымъ съ сей стороны, когда соблаговолите повелеть, деташаментами воспрепятствуемъ будетъ, возвратится в Кунгурской уездъ и промъчатся къ Соликамъску или к Вятке, то принудится быть в средине войскъ къ конечному ево истреблению. И на сие от вашего превосходителства Пермъская Правинціалная Канцелярия ожидаетъ резолюціи.

На подлинном подписал:

Воеводя Александръ Голубцов.
Секретарь Иванъ Зеновъевъ.

Іюля 1 дня 1774 году.

(П. А., кн. V, л. л. 270—271.)

№ 125.

1774-го года іюля 29-го дня представленной при репорте Бахмутскаго гусарскаго полку от прапорщика Товеркина Вятской провинціи города Слободскова посадской Алексей, Федоровъ сынъ, Поторочиновъ в Секретной Коммисіі допрашиванъ и показалъ:

Въ прошломъ 1773-м году, в половине ноября месеца, з даннымъ ему из Слободскаго Магистрата пашпортомъ былъ онъ на Касатурскомъ железномъ тулскаго купца Лугинина заводе для работы, где в бытность ево в декабре месяце того ж года, приехавъ на сей заводъ, злодейской атаманъ Иванъ Степановъ, а прозвания ево не знает, с пятьюдесятью человеками казаковъ, собравъ того завода жителей, объявлялъ манифестъ отъ имени государя Петра Федоровича, чтоб все они были послушны и ему покорились, — уверялъ их при том, что, когда государь воцаритца, то дана будетъ льгота от рекрутских поборовъ и от всехъ податей, чему они, польстясь, поверили; потомъ приказалъ набрать из них в службу сто человекъ казаковъ, вооруженныхъ, с лошадьми, к прибытию их же злодейскаго полковника Грязнова и, не мешкав, от них поехалъ. А они, исполняя ево приказание, тех сто человекъ, вооруженных казаков собрали и, спустя дни с четыре, оных помянутому полковнику Грязнову, какъ он приехал к нимъ на завод, представили; у котораго тогда в команде находилось человекъ до четырехсотъ из руских и башкирцовъ. И, бывъ у них на заводе трои сутки, дождавъшись ко умножению своей толпы башкирцов же, человекъ до трехсотъ, х коим присово-

купя и тех, отданных ими, сто человекъ, отправился х Кундравинской черносошных крестьянъ слободе, в разстояни отъ их завода в сороки пяти верстах, для набора ж в казаки.

А сего году апреля в первых числехъ, какъ услышали они, что пришелъ на Саткинскоі железной заводъ с верными войсками подполковникъ Михелсонъ, тогда, согласясь, они обще миромъ написавъ к нему писмо, означа во ономъ свое предъ государынѣй преступление, что они преклонны были къ злодею, къ испрошению милости послали отъ себя нарочного на тот завод, на что и получили они от него повеление, с темъ, чтоб они злодею не верилі, а были б покорны къ государынѣ; почему тогда жъ в верности их же заводскимъ священником и приведены были все к присяге.

А в мае месяце, в последних числехъ, какъ приехалъ к нимъ на заводъ злодей Пугачовъ ис показанной деревни Кандравы с толпою, коей, повидимому, было тысячь до двухъ, захватя всехъ ихъ, на заводе жителей, и выбравъ из них годныхъ человекъ до полутораста, в томъ числе и ево, Поторочинова, к себе в службу, а негодных с семьями оставил и, роздавъ имъ копья, пошелъ с ними х Красноуфимскоі крепости; по выходе ж из завода, оной велелъ башкирцамъ зжечь. Х коему уже онъ, Поторочинов, и привязанность имелъ, и почитал ево за совершенного государя, и былъ с нимъ в Красноуфимске, а от Красноуфимска и под крепостью Осою, и, наконецъ, на Воткинском и Ижевскомъ железных заводахъ, которыя, раззоря до основания, такъ, как и крепость Осу, выжгли. По бытности ж близъ Ижевскаго завода, слышалъ онъ разговоръ между яицкими казаками, что намерен де ихъ батюшка итти в Казань и, овладевъ оною, следовать в Москву и тамо принять престол; а естьли де Казань не возметъ, то, отступя, итьти на Донъ. И после того, собравшись, с своею толпою пошли х Казане.

И, проходя мимо села Мамадышъ, послалъ Пугачовъ из своей толпы есаула Гаврилу Лихачова с сотникомъ Никифором Ивановымъ для набору в казаки по Зюрейской дороге с злодейскими наставлениями для оболщения народа, с темъ, чтоб по наборе оных доставить х Казане и, естьли где противится станутъ, то писать о том к нему. Почему тотъ Лихачовъ, взявъ ево, Поторочинова, с собою для писарскоі должности, ибо об нем тогда сказалъ сотник Степанъ Горбылинъ, котороі ему издавна былъ знаком, что он писать умеетъ, и с ним поехали по разнымъ деревням, где он, по приказу Лихачова, те злодейския наставлени читалъ, чрез что и набрали в казаки человекъ до двусотъ, и с теми набранными поспешали они х Казане; в тех же жителствах, ис котораго сколко взято было казаков, давалъ он старостамъ билеты, именовалъ во оных злодея императорскимъ титуломъ. И с теми набранными поспешали они

х Казане для доставленія къ злодейской толпе, но, не дошедъ до оноі верстъ за соракъ, услышели они, что идутъ верные войски, разбежались в лесъ, а потомъ, собравшись, опять пришли они по Зюрейской дороге в деревню Панову Гору, близ которої стоялъ их же злодейской полковникъ Бахтияръ Кенысендеевъ [sic], с толпою набранных казаков же ис татаръ и из рускихъ, человекъ до шестисотъ, с коим, соединясь, пошли к деревне татарскоі Яри для корму лошадей. Куда по приходе реченной полковникъ Кенкендеевъ показанного есаула Лихачова отправилъ в дворцовую Рыбную слободу для таковаго ж оболщения с злодейским наставлениемъ, с толпою человекъ до четырех сотъ; а он, Топорочинов [sic], с ним не поехалъ, а остался в тоі деревне за болезнию при томъ Кенкендееве. Ис той деревни Юри [sic] с ним отправился в одну татарскую деревню, названиемъ ее показать он не знаетъ, и, быв в разстояни верстах в шести близь тоі деревни, встретевшеюся имъ воинскою лехких войскъ командою имелі они сражение и по немногом сопротивлени были разбиты, и тот Кенкендеевъ от них бежалъ с некоторым числом, а онъ ушолъ в деревню, где, наконецъ, казаками былъ поиманъ и от них представленъ сюда.

О кончине жъ покойного государя императора Петра третьяго он знал и, слыша публикованные о злодее, изменнике Пугачове манифесты, за государя ево признавалъ по уверению других, что все ево такъ почитали; наруша же верность присяги, служил ему верно и не старался о него отстать, лстился надеждою, что по окончани службы получить от него освобождение от податей; нынс жъ, узнавъ все его оболщени и видя в отечестве крайнѣе раззорение, за государя ево не признаетъ, а почитаетъ за сущаго злодея и изменника. Во все ж то время грабилитва [sic] и смертноу[б]ивства не чинилъ.

К сему допросу Алексей Поторочиновъ руку приложилъ...[1]

От роду ему 49 летъ.

(Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. 260, л. л. 1—2.)

№ 126.

1774-го году іюля 30-го дня прислапной отъ господина подъполковника Михельсона, бывшей въ злодѣйской толпѣ полковникомъ, Иванъ, Наумовъ сынъ, Белобородовъ въ Секретной Коммисіи допрашиванъ и показалъ:

Уроженецъ онъ Кунгурскаго уезду, приписного къ медному Осокинскому заводу села Медянки, изъ крестьянъ. Въ прошломъ 759-м году того сѣла отъ обывателей по очереди отданъ

[1] *Опускается приговор Секретной Комиссии об А. Ф. Поторочинове.*

въ рекруты и опредѣленъ въ выборгской артиллериской гарнизонъ, а оттуда посланъ былъ в Петербургъ на пороховые заводы въ работу, где производилось жалованья ему, какъ и прочимъ, по четыре рубли по дватцети копеекъ в годъ; но, не захотевъ болѣе служить, началъ притворно храмать правою ногою, сказывая, что оною боленъ, для чего и отосланъ онъ въ лазаретъ и лежалъ тутъ с полгода, а въ 766-м году за тою храмотою отъ службы отставленъ канапером, съ пашпортомъ, на свое пропитаніе. И, пришедъ въ городъ Кунгуръ, явился въ канцеляріи; а, хотя и назначено было ему жить въ показанномъ селе Медянке, но, какъ онъ по отставке женился кунгурскаго посадскаго Федота Елисеева на дочери девке Нениле, коя тогда жила Кунгурскаго ж уезда в селе Богородскомъ, то и разсудилъ онъ остатца в томъ же селе и жилъ своимъ домомъ, производя торгъ воскомъ, медомъ и прочими товарами.

А сего 1774 году генваря 1 числа, когда были ихъ села жители все на базаре, приезжали во оное село: сперва Кунгурскаго уезду села Алтынпова крестьянинъ Данила Бурдовъ — и читалъ публично на базаре всему народу манифестъ отъ имени государя императора Петра третьяго, а потомъ башкирдовъ пять человѣкъ — и объявляли такъ же публично всемъ, что называемой ими полковникъ Кансафаръ Исаевъ съ пятью стами башкирдовъ чрезъ ихъ село идетъ въ Кунгуръ для приклоненія народа государю Петру Федоровичу, и находитца де онъ отъ села недалеко, а ихъ послалъ для занятія квартиръ и запечатанія питейныхъ домовъ: и кто де ево встретитъ, техъ домы не раззоряетъ и жалуетъ всякою вольностію; а кто противитца или бегаетъ, техъ вѣшаетъ и домы ихъ обираетъ на государя; а государь де взялъ уже Оренбургъ и Уфу и находитца в Оренбургѣ. И выслушавъ показанные слова, жители ихъ села Богородскаго повѣрили, что это подлинно государь Петръ третіи; и выбрали лутчихъ несколько человѣкъ для встречи помянутаго Кансафара. А онъ, Белобородовъ, между темъ, такъже повѣря во всемъ сказаннымъ отъ башкирдовъ словамъ и убоясь, чтобъ домъ его раззоренъ не былъ, поехалъ напередъ, и, отехавъ отъ села версты двѣ, где и выбранные отъ сельскихъ жителѣй люди, догнавъ ево, обще встретили съ хлебомъ и солью. А Кансафаръ, увидя ихъ, спросилъ, что за люди. Они сказали, что идутъ встречать команду государя Петра Федоровича, и просили ево, чтобъ онъ не раззорялъ ихъ домы. Онъ же, принявъ хлебъ и поздравя ихъ съ императоромъ Петромъ третьимъ, сказалъ: «Добрые вы люди, что встретили». А какъ пріехали въ село, то встретилъ того села попъ Кузма Ефимовъ со крестомъ и с хлебомъ и солью. По прозбе же ево, Белобородова, Кансафаръ сталъ къ нему въ домъ, где приказалъ ему, Белобородову, собрать къ себе сотника, старосту и лутчихъ людей; а какъ собраны были, то Кан-

сафаръ приказалъ своему пищику читать всемъ вслухъ манифестъ, такой же, какъ и прежде крестьянинъ Бурдовъ читалъ; и, выслушавъ оной, жители сказали, что они государю покорны. Потомъ велелъ темъ сотнику и старосте выбрать изъ жителей половину къ себе въ казаки, а ему, Белобородову, надъ оставшими жителями изъ ихъ же сыскать въ начальники честнова и справѣдливаго человѣка, почему онъ представилъ къ нему крестьянина Конона Змеіова, которой и определенъ сотникомъ. А жители просили Кансафара, чтобъ изъ нихъ въ казаки половину не брать, потому что, жительство хотя и велико, но по большой части живутъ изъ другихъ деревень, да и жители бѣдны; а потому и приказано было от него набрать только дватцеть пять человѣкъ, кои выбраны съ лошедми и представлены къ Кансафару, которой, присовокупя къ нимъ изъ приведенныхъ съ собою, набранныхъ имъ въ деревнѣ Бырмѣ, двенатцеть человѣкъ, определилъ надъ ними, по желанію ихъ, ево, Белобородова, сотникомъ.

И, бывъ въ селе ихъ два дни, тотъ Кансафаръ съ толпою и онъ, Белобородовъ, поехали въ приписное къ Сергинскому дворянина Ивана Демидова заводу село Алтынное, где встречены были попомъ и жителями, и, выбравъ тутъ изъ крестьянъ въ казаки пятдесятъ человѣкъ съ лошедми, прибыли на Осокинской Шуртанской заводъ, где все, что ни было, разграбили, а изъ заводскихъ крестьянъ взяли въ казаки человѣкъ до пятидесятъ. И в то время присланъ былъ от называемаго графа Чернышева присяжной листъ, по которому какъ тутошних жителей, такъ и набранныхъ въ казаки, привели къ присяге и тутъ же разделили толпу на двѣ партіи, изъ коей Кансафаръ ему, Белобородову, далъ въ команду сто человѣкъ, да для публикованія отъ имени государя манифестъ и наставленіе въ такой силѣ: ежели кто будетъ противитца, техъ вѣшать и рубить головы, а, которые склонятся, техъ жаловать вольностію, стричь волосы по-казацки и приводить къ присягѣ.

Потомъ тотъ Кансафаръ пошелъ съ толпою подъ Кунгуръ, а онъ, Белобородовъ, съ своею въ Сибирь, въ Ачитскую крепость, которая прежде взята теми башкирцами, на заставу и, бывъ въ той крепости двои сутки, отправился къ Екатеринбургу. И, следуя чрезъ разныя крепости и заводы, кои добровольно ему сдались, набралъ въ казаки до шестисотъ человекъ, пять пушекъ, да пороху пудъ съ пять, и, не дошедъ до Екатеринбурга верстъ за сорокъ остановился на Шайтанском Ширяева заводѣ, откуда посылалъ онъ своей толпы тритцеть человѣкъ на Уткинской казенной заводъ съ манифестомъ для приклоненія, почему бывшей на томъ заводе ундеръ-шихтъмѣйстеръ Павелъ Жубринской, пріехав к нему, Белобородову, привезъ для продовольствія ево толпы казенныхъ денегъ тысячу пять сотъ рублей, за что, онъ, ему, Жубринскому, давъ чинъ сотника, послалъ обратно на заводъ

съ приказаніем набирать въ толпу людей. После того съ высланною изъ Екатеринбурга воинскою командою имѣлъ двоекратное сраженіе, и на оных изъ воинской команды взяли въ полонъ: на первомъ человѣкъ до пятидесятъ, а на другомъ шесть человѣкъ; ис техъ пленныхъ — одного отставного салдата да крестьянина повѣсилъ, а двумъ отрубилъ головы, протчихъ же наказывалъ плетьми, приговаривая имъ, для чего они идутъ противъ государя; техъ же пленных по приказу ево заводской попъ привѣлъ въ вѣрности самозванцу къ присягѣ, и велелъ онъ, Белобородовъ, имъ называтца казаками. Потомъ, выбравъ, онъ, съ разныхъ заводовъ лутчихъ, человѣкъ съ пять, и одного изъ пленных, да изъ татаръ четырехъ человѣкъ, посылалъ подъ Оренбургъ къ самозванцу съ репортомъ, въ коемъ изъяснялъ свою къ нему усердную службу, и приказалъ имъ проведать отъ знающихъ людѣй, подлинно ли онъ государь. Изъ которыхъ четверо руских, возвратясь, сказали, что подлинно государь, и при немъ же есть такіе люди, которые прежде въ гвардіи служили, и тогда они же привезли указъ отъ самозванца о пожалованіи ево, Бѣлобородова, атаманомъ; а онъ, повѣря сказанному и видя отъ самозванца къ себе милость, началъ еще усерднее ему служить и надеялъся отъ нево болѣе получить награжденіе.

И, находясь на Шайтанскомъ заводѣ съ месецъ, отправился на Уткинской казенной заводъ. Въ то время было уже въ ево толпѣ людей тысечи до полуторы, къ продовольствію жъ оной бралъ съ жителей для людей провіантъ, а на лошедѣй фуражъ, безъденежно; и на томъ заводе, явясь къ нему, реченной ундеръ-шихтъ-мейстеръ Жубринской представилъ набранныхъ имъ въ казаки двести человекъ. Потомъ всехъ, на ономъ заводе бывшихъ, въ вѣрности самозванцу чрезъ тутошнего попа привелъ к присягѣ и поехалъ на Уткинской же Демидова заводъ, гдѣ до приходу ево приготовлено было на сопротивленіе ему съ разныхъ заводовъ вооруженныхъ человѣкъ до осмисотъ съ пятнатцетью пушками, съ которыми и имѣлъ онъ сраженіе, а по немаломъ супротивленіи ихъ разбилъ, пушки жъ взялъ къ себе, изъ взятыхъ въ полонъ одного крестьянина за побѣгъ повѣсилъ; въ казаки изъ заводских взялъ сто дватцеть, а, вместо того, изъ своей толпы оставил на том заводѣ до семисотъ человекъ, зделавъ над ними начальниками помянутаго ундеръ-шихтъ-мейстера Жубринскаго да зъ Билимбаевскаго Строганова заводу подъячего Петра Паркачева, и далъ имъ чины есауловъ. А съ четыреста человекъ послалъ на Ревдинской Демидова (заводъ) и столько жъ на Ширяевской заводы для предосторожности отъ вѣрных войскъ, а при немъ тогда осталось только дватцеть пять человѣкъ, съ которыми продолжалъ путь чрезъ заводы казенные: Сылвинской, Илимской; а съ Шайтанскаго Демидова поехалъ паки на Уткинской Демидова ж заводъ, съ онаго на

Шайтанской Ширяева заводъ же. А какъ услышелъ, что съ вѣрными войсками маіоръ Гагринъ идетъ на Уткинской заводъ, то онъ къ оставленным (имъ) на томъ заводѣ семистамъ человекамъ взялъ изъ оставленных имъ на заводахъ людей съ Ревдинскаго двести, да съ Шайтанскаго двести жъ человѣкъ и съ находившимися при немъ дватцетью пятью человекамі пошелъ на отраженіе того маіора; но онъ, упредивъ ево, Белобородова, темъ заводомъ и оставленными семьюстами человеками овладелъ и, встретя ево съ своими войсками и не въпуская въ заводъ, разбилъ, почему онъ съ оставшими при немъ тремястами ушелъ на Каслинской Демидова заводъ, где началъ, было, делать укрепленіе, но пришедшею воинскою командою онъ съ толпою разбитъ, откуда и бежалъ во сте семидесятъ человѣкахъ на Саткинской Лугинина заводъ. Тутъ онъ, Белобородовъ, и посланные от него въ другихъ местахъ набрали въ казаки четыреста пятдесятъ человѣкъ, а всехъ тогда въ толпѣ ево собралось до семисотъ человѣкъ.

Въ бытность же на Саткинскомъ заводѣ, присланъ къ нему въ помочь отъ самозванца Пугачова атаманъ, которой сказывалъ о себе, что онъ прежде служъ [sic] въ гвардіи изъ дворянъ ундеръ-афицеромъ — Михайла, Титовъ сынъ, Голевъ, котораго онъ о Пугачовѣ спрашивалъ, подлинно ли онъ государь Петръ Федоровичь. Онъ сказалъ, что подлинно государь: «И я де потому болше ево знаю, что, когда находился въ гвардіи, то во время ученія бивалъ изъ своих рукъ и пришибъ къ ружью персты, отъчего де имѣю знаки»; чему онъ, Белобородовъ, и болѣе повѣрилъ. А какъ потомъ онъ увиделъ, что тот Голевъ делалъ непорядки и пьянствовалъ, то, сковавъ ево, отослалъ обратно къ Пугачову, самъ же пошелъ съ толпою подъ городъ Кунгуръ; и дорогою въ деревнѣ Верхних Кигахъ по принесенной ему отъ мещерика [?] жалобѣ, что сынъ ево не почитаетъ, того мещерятского сына повѣсилъ. И какъ онъ пришел въ деревню Нижние Киги, то тутъ явились къ нему бывшіе въ злодѣйской толпѣ называющейся станичной атаманъ съ казаком, а какъ их зовутъ, не упомнитъ, и сказывали, что они пріехали съ Катайского заводу к нему в команду; но какъ третьева ихъ товарыща, оставленнаго назади съ лошедьми, къ нему привезли башкирцы, то онъ и донесъ ему, Белобородову, что они, все трое отложась отъ злодѣя, ехали къ нему съ увѣщательнымъ указомъ отвращать отъ того злодѣя, за что онъ техъ двухъ повѣсилъ. И в то же время получилъ отъ самозванца Пугачова повеленіе, чтобъ итьти под Магнитскую крѣпость, куда онъ с толпою и пошелъ, но за разлитіемъ рекъ остановилъся въ Саткинскомъ заводѣ, где и стоялъ до слитія оныхъ и до просухи, всего недели съ четыре; потомъ вторично получилъ отъ злодѣя съ илецкимъ казакомъ, бывшимъ у того злодѣя есауломъ, Иваномъ

Шибаевымъ указъ о поспешеніи итти подъ Магнитскую крепость, — самъ же Шибаевъ поехалъ обратно. А онъ, Белобородовъ, вскоре послѣ того, передъ выходомъ съ Шайтанского заводу, получилъ Косотурскаго Лугинина заводу отъ жителей известіе, что оной Шибаевъ въ томъ заводѣ хозяйской домъ разграбилъ, у служителѣй лошедѣй и седла обралъ, почему и послалъ въслѣдъ за нимъ сто человѣкъ, с темъ, чтобъ ево, поймавъ, сковали; а какъ онъ, Белобородовъ, пришелъ на Касотурской заводъ, то и засталъ Шибаева уже скованова и уведомился, что оной Шибаевъ репортовалъ на него, Белобородова, къ злодѣю Пугачову о томъ, что онъ, Белобородовъ, перваго, отъ него присланного, Михайлу Голева сковалъ, а одного донскова казака убилъ до смерти, да и ево, Шибаева, сковавъ же, хотелъ сечь плетьми и бутто намеряется отъ него, самозванца, отложится. И, какъ онъ отъступилъ отъ Касотурскаго заводу вѣрстъ с дватцеть, то приехали къ нему отъ злодѣйскаго ж полковника Михайловскаго, находившегося въ Чебаркульской крепости, шесть человекъ казаковъ и объявили, что къ опому Михайловскому отъ самого злодѣя присланъ указъ, по репорту обявленнаго Шибаева, чтобъ противъ ево, Белобородова, поступить военною рукою за то, что онъ хочетъ отъ самозванца отложится; онъ же, Белобородовъ, сказалъ имъ, что служит злодѣю вѣрно и измѣнить ему не желаетъ, а потомъ оные уехали обратно. И, какъ онъ вступилъ въ Чебаркульскую крепость, то полковникъ Михайловской объявилъ ему оной указъ, но онъ, Белобородовъ, и ево, Михайловскова, увѣрилъ, что онъ къ злодѣю Пугачову усердепъ, почему Михайловской и велелъ поспешать ему къ назначенному месту. И, будучи въ пути, отъ крепости въ тритцети верстахъ, повстречались с нимъ двое яицкихъ казаковъ и объявили, что они посланы отъ самого Пугачова, подтверждая тоже, чтобъ онъ шелъ, какъ можно скоряе, и, следуя съ нимъ, говорили: «ты де былъ въ службе и видалъ государя, то де ныне узнаеш ли ево»; на что онъ ответствовалъ, что государя видалъ и, естли подлинно онъ, то узнать можетъ.

А какъ прибыли къ Магнитской крепости (коя до приходу ево уже злодѣем взята была), тогда отобрали от него все оружіе, какое имѣлъ, и представили те яицкіе казаки ево съ Шибаевымъ къ самозванцу Пугачову; онъ же, Белобородовъ, ставъ предъ нимъ на колени, называлъ ево батюшкой, которой во всемъ томъ, что на него Шибаевъ репортовалъ, ево простилъ. А по выходѣ отъ злодѣя, яицкой казакъ, называемой артиллерископ полковникъ, Федоръ Федотьевъ спросилъ ево: «узналъ ли де ты государя», — на что онъ сказалъ, что подлинно государь; и, хотя онъ въ лицо ево и не призналъ, однако, по увѣренію Голева и Тюмина, какъ они служили при бывшемъ императоре въ гвардіи, считалъ и въ мысляхъ за истиннаго государя, да и другимъ

во увѣреніе объявилъ. По приказанію жъ Пугачова приведенную имъ, Белобородовымъ, толпу раздѣлили на две партіи, причемъ самозванецъ ему, Белобородову, и предписанному илецкому казаку Шибаеву далъ чины полковничьи и поручилъ — одну партію, триста человѣкъ, Шибаеву, а другую, въ четырехъ стахъ, ему. И пошли все въ Карагайскую крѣпость; во оной былъ командиромъ прапорщикъ, а какъ ево зовутъ, не знаетъ, къ которому ездилъ онъ по приказанію Пугачова уговаривать, чтобъ здался безъ сопротивленія, і увѣрялъ того прапорщика, что самозванецъ истинной государь; почему прапорщикъ, не дѣлавъ супротивленія, въпустилъ въ крепость, и по приказу того злодѣя Пугачова крепость сожжена, показанного ж прапорщика съ командою, такъже годные пушки и пороху полтора пуда взяли къ себе. И пошли по крепостямъ, а какъ имъ званіи, не упомнитъ, кроме только двухъ: Степной и Петропавловской, и во всехъ техъ крепостяхъ имѣли съ вѣрными войсками сраженіи, а по преодоленіи все выжжены; бывшихъ же в техъ крепостяхъ жителей, забирая, вели съ собою плѣнными и, пришедъ къ Троицкой крепости, по многомъ съ вѣрными войсками сраженіи оною овладели и вошъли въ крепость, где такъ, какъ и въ первыхъ крепостяхъ, всехъ взяли въ плѣнъ, а денежную казну и обывательскіе пожитки разграбили. В то время вышереченной Тюминъ сказывал ему, что де государыня изволила оставить россійской престолъ, а великій князь и дядя его, принцъ Жоржа, идутъ въ Казань съ двумя полками навстречу ему, злодѣю. На другой же день, пришедъ къ той крепости, генералъ-порутчикъ де-Колонгъ съ войсками злодѣйскую ихъ толпу разбилъ, а они съ злодѣемъ не болѣе, какъ въ тысяче человѣкахъ, убежали къ Кундравинской крепости, близь которой, напавъ на нихъ, подполковникъ Михельсонъ съ командою разбилъ же, откуда они, бежав къ Кунгуру, дорогою набирали по жительствамъ людей въ свою толпу, а заводы все, такъже и селеніи, где ихъ не встречали, выжгли.

И, будучи въ Челябинскомъ уезде, въ Башкиріи, пріезжали къ самозванцу Кунгурскаго уезда татара и просили ево, чтобъ шелъ къ нимъ, опасаясь за первой ихъ бунтъ себе наказанія: естли де Кунгуръ не приведетъ онъ себе въ послушеніе, то, имъ что делать, они не знаютъ; на что имъ злодѣй сказалъ, что онъ Кунгуръ возметъ, и они будутъ въ покое. Тогда жъ говорилъ: бутто онъ получилъ съ петербургскимъ купцомъ отъ великаго князя Павла Петровича въ подарокъ пару платья, чулки, сапоги, шляпу и два, многой цены стоющіе, кампя. Потомъ, будучи въ Уфимскомъ уезде, соединилъся с ними называющейся полковникомъ башкирецъ Салаватъ Юлаевъ съ башкирцами, тысечь до двухъ. И все они, имевъ съ помянутымъ подполковникомъ Михельсономъ в томъ уезде три сраженія,

пришли къ Красноуфимскою [sic] крепости, где съ пришедшею изъ Кунгура командою хотя и имели перестрелку, но оная отъ нихъ ретировалась, а они съ толпою пошли подъ пригородъ Осу и дорогою, зъ заводовъ и жительствъ забирая людѣй, умножали толпу.

Онъ же, Белобородовъ, между темъ, заехавъ в село Богородское, в котором онъ жительство имѣлъ, взялъ жену свою Ненилу Федотову и дву дочерей: Авдотью и Марфу. И, соединясь паки съ толпою, пришли подъ пригородъ Осу, где прежде ихъ былъ присланной изъ Казани маіоръ Скрипицынъ съ командою, с которою они имели сраженіе по два дни, а на третей посыланы были къ крепости казаки для переговору съ командою. Тогда маіоръ Скрипицынъ просилъ ихъ, чтобъ с нимъ болѣе сраженія не имѣли: «и я де добровольно отдамъ крепость, естли узнаю, что государь подлинно живъ и у нихъ находитца». И того жъ дни подъ вечеръ тотъ маіоръ изъ воинскихъ одного прислалъ въ толпу смотреть самозванца Пугачова; а яицкіе казаки, взявъ, представили того присланного къ Пугачову, которой, давъ ему на себя посмотреть, послалъ ево подъ карауломъ къ крепости; которой, подошедъ ко оной, сказывалъ маіору, что злодѣя виделъ, которой во всемъ похожъ на бывшаго государя, только имѣетъ бороду. Въ четвертой же день все того пригорода Осы жители и священники со кресты, а маіоръ съ командою, ихъ встретили, почему и вошли они в крепость, где и еще изъ крестьянъ и салдатъ умножили свою толпу, маіора ж и афицеровъ Пугачовъ имѣлъ при себе; а потомъ, зажегши пригородъ, пришли къ реке Камѣ, где того маіора Скрипицына и офицеровъ (кромѣ подпорутчика Мпнеева и Осипскаго воеводы) повѣсилъ, а за что — не знаетъ, да и воеводу Осинскаго хотелъ повѣспть же за то, что онъ оставался назади, но, по прозбе ево, Белобородова, не повесилъ, а Минѣева пожаловалъ полковникомъ в названной темъ злодѣемъ Казанской полкъ.

Отъ Камы пошли на казенные железные, Воткипской и Ижевской, заводы, куда пришедъ, некоторыхъ командировъ предали смерти, а другіе, какъ онъ слышелъ, бежали; и, какъ те заводы зажгли, то и отправились къ городу Казанѣ. А, отъехавши отъ Ижевскаго завода несколько верстъ, въ вотятской деревне злодѣй-самозванецъ Пугачовъ июня 29 число торжествовалъ свое, подъ именемъ покойнаго государя-императора Петра третьяго, и государя-цесаревича тезоименитства, сзывалъ всехъ толпы своей начальниковъ и подносилъ вотки чаркою серебрепою, почему и пили все за здоровье его; во оной чарке былъ портретъ императрицы Анны Іоанновны, то лжесамозванецъ, указывая на оной, говорилъ: «Этотъ портретъ моей бабки». Следуя ж къ Казанѣ, дорогою въ жительствах крестьянъ забирали въ толпу; в которых же селах священники встретятъ

ихъ со кресты, техъ отпускали, а кои не встречали, техъ вешали. Итак, приближась къ Казанѣ верстъ за десеть, июля 11 числа стали лагеремъ у Троицкой мельницы. По объявленію самого Пугачова, в толпѣ ево было тогда тысечь до дватцети, а у каждыхъ пяти сотъ былъ полковникъ. И того ж дни подъ вечеръ Пугачовъ, отобравъ яицкихъ казаковъ человѣкъ съ пятдесятъ, ездилъ къ Казане для осматриванія городских укрепленій и способныхъ местъ ко взятью. И, какъ возвратились, то казаки сказывали, что послали въ Казань три манифеста, и что на Арскомъ поле изъ садовъ вышелъ какой-то старикъ и сказывалъ Пугачову, что въ Казане архіерей и все господа здатца злодѣю и ево встретить согласны, но запрещаютъ де имъ недавно приехавшей из Москвы генералъ да губернаторъ и говорятъ: «Естли де пойдутъ злодѣя встречать со крестами, то мы и кресты изъ пушекъ разобьемъ». А после того вскоре с теми казаками вторично и онъ, Белобородовъ, ездили къ Казане для такого жъ осматриванія. А на другой день то-есть 12 числа, призвавъ къ себе Пугачовъ называемыхъ имъ полковниковъ и тайныхъ совѣтниковъ — яицких казаковъ: Екима Васильева, Ивана Творогова, Федора Федотьева, Андрея Афанасьева, Григорья Леонтьева, татарина Идыра Бахмутова и всехъ полковниковъ, в томъ числе и ево, распределилъ, какимъ образомъ зделать на город нападеніе. И говорили, что злодѣй Пугачовъ по взятіи Казани намеренъ пройти въ Москву и тамо воцарится, и овладеть всемъ россійскимъ государствомъ. Потомъ пошли съ толпою къ Казанѣ полковникъ Минѣевъ и онъ, Белобородовъ, съ своими полками отъ реки Казанки на гору, что къ загородному губернаторскому дому, где напали на бывшіе у того двора вѣрные войски; и по многомъ супротивленіи толпа ихъ, подъбежавъ къ батареямъ и сбивъ съ места войски, овладели пушками и прорвались за рогатки, а онъ тогда остался назади, принуждая свою команду къ наибольшему пораженію. Злодѣй же Пугачовъ въ то время разъезжалъ съ яицкими казаками на лошеди верхомъ позади всехъ. И, какъ въ форштатъ ворвались, то и онъ, Белобородовъ, верхомъ въехалъ и, бывъ недолгое время, ездилъ в лагирь обедать; а потом, какъ поехалъ, было, в город, то на дороге повстречалъся с нимъ самъ Пугачовъ съ яицкими казаками и приказалъ ему возвратитца для того, что идутъ къ Казане войски, почему онъ и возвратился, не бывъ нигде при грабеже. Потомъ и вся ихъ толпа изъ города выбралась, и жителей, забравъ всехъ изъ домовъ в плепъ, выгнали, то по приказанію Пугачова яицкіе казаки городъ зажгли и ушли все въ лагерь, взявъ съ собою пленныхъ и погрибленное. И того ж дни, какъ готовились они къ сраженію съ идущими къ Казане вѣрными войсками, то онъ, Белобородовъ, бывшіе на Арском полѣ кирпишные сараи приказалъ такъже зжечь для того, чтобъ

опп въ сраженіи не зделали имъ помешательства. А потомъ злодѣй Пугачовъ, призвавъ ево, Белобородова, да называемаго имъ Донскаго полку полковника Анисима Тюмина (которой сказывалъ о себе, бутто онъ служил въ Голштинской службе), приказалъ имъ, чтоб съ ихъ полками шли на воспрепятствованіе следующимъ вѣрпымъ войскамъ; по опъ, Белобородовъ, Пугачову говорилъ: какъ де слышно, что войска идетъ очень много, а имъ с такою малостію людѣй воспротивится не можно, почему тотъ злодѣй оной нарядъ и отменилъ. Къ вечеру жъ того дни вѣрные войски под командою подполковника Михельсона пришли къ ихъ лагерю, то Пугачовъ приказалъ оставить тутъ от полку по сту человекъ, а прочимъ всемъ итти къ реке Казанке въ луга, куда, было, и пошли, оставя съ теми, отъ полковъ наряженными, людми командпром полковника яицкаго казака Федора Федотьева; но какъ услышали пушечную пальбу, то и побежали къ тому месту и продолжали сраженіе до самой ночи, а, по пораженіи ихъ, бежали опи далѣе въ луга. На другой же день и еще отъ перваго места отступили; и такъ тотъ и другой день, то-есть 13 и 14 числа, дополняли полки изъ плепныхъ. А 15 числа по утру они паки, собравъ все силы, съ десятью пушками пошли ко взятью крепости, но до оной не допущены, а встречены были на Арском полѣ подполковникомъ Михельсономъ съ командою; и тутъ вся ихъ толпа по совѣршенном разбити разбежалась; сам же злодѣй въ небольшемъ числе ретпровался за реку Казанку чрезъ зделанной по приказу ево крестьянами села Савипова мостъ, а обозъ, бывшей того злодѣя в селѣ Сухой-рекѣ, пошелъ прежде ихъ, увидя пораженіе.

А какъ в томъ обозе была жена ево з дочерьми, то онъ, пагнавши оной, взялъ жену з дочерьми и отъехавъ в сторону, оставилъ лошедей и убежалъ съ женою, съ дочерьми и еще с тремя казаками въ лесъ, и ходили трои сутки, разсуждая: естли итти имъ на Волгу, то они местъ не знаютъ; а буде пробиратца въ домъ, то опасались, что будутъ пойманы на заставахъ; итакъ, велелъ онъ, Белобородовъ, жене и дочерямъ итти к Казани и явитца, сказываясь отъставного солдата Семена Шеклеина женою. А в вечеру того жъ дни и онъ, раскаявшись во всехъ ево злодѣйствахъ, решилъся, наконецъ, итти въ Казань и явитца, с темъ, чтобъ, скрывъ прямое свое прозваніе, именовать себя Иваномъ Шеклеинымъ, ибо онъ въ жительстве своемъ называемъ былъ двумя прозваніями, Белобородовымъ и Шеклеинымъ. Почему, скинувъ съ себя бывшее тогда на нем платье и сапоги, пришелъ съ одним, бежавшим с нимъ, демидовским крестьяниномъ Ефимомъ въ село Сухую-реку и обявили десятнику, что они — злодѣя Пугачева команды и идутъ явитца въ Казань; то имъ отвели квартиру, и, начевавъ, они, тутъ,

пошли прямо къ Казани и явились 19 числа июля въ слободѣ, а какъ названіе — не знаетъ, на пекете афицеру, отъ котораго того ж дни присланы они въ бывшей близь крепости подполковника Михельсона лагерь. А какъ тогда во ономъ случилъся быть знакомой ему, бывшей на Сергинскихъ дворянина Ивана Демидова заводахъ, служитель Гаврила Володимеровъ для выручки бывшихъ же въ плену у злодѣя демидовских крестьянъ, которой прежде былъ у него, Белобородова, в толпѣ, и косго посылал онъ съ Шайтанского заводу къ злодѣю подъ Оренбургъ съ репортомъ и для провсдыванія, подлинно ль онъ государь, то онъ, Белобородовъ, и просплъ того Володимерова, чтоб онъ, назвавъ и ево демидовскимъ крестьянином, взялъ къ себе на росписку; но Володимеровъ, не зделавъ того, донесъ об немъ господину подполковнику Михельсону, которой, пришедъ къ нему, спросилъ, онъ ли Белобородовъ, в чемъ онъ тогда жъ и признался, почему отъ него и представленъ того 19 июля въ Секретную Коммисію.

Въ бытность ево у Пугачова, какъ от него, такъ и отъ сообщниковъ, не слыхалъ, да и самъ не знаетъ какимъ образомъ злодѣй могъ укрытся изъ тюрьмы. Прежде сего не искалъ онъ случая отъ злодѣя отъшатится для того, что уверенъ былъ, что злодѣй — истинной государь, темъ болше, что издавна слыхалъ въ народной молвѣ, яко-бы государь живъ и сосланъ въ сылку, а вместо ево погребенъ гвардейской капралъ (хотя и слышалъ чрезъ публикованные указы о кончинѣ бывшаго императора), польстилъся надеждою, что будетъ отъ него, самозванца, пожалованъ; ныне же познавъ, онъ. свое заблужденіе, показалъ все вышеписанное отъ чистаго сердца и ничего не утаплъ.

К сему допросу Іванъ Белобородовъ руку приложилъ.

(Г. А., р. VI, д. 429, лл. 1 — 9.)

№ 127. [1]

1774 году июля 30 дня присланной изъ Синбирской Провинциалной Канцеляри, Казанского уезду, Нагайской дороги подписной х казенному Вознесенскому заводу села Бряндина крестьянинъ Харитонъ Евсевьевъ в Секретной Коммисіи допрашиванъ и показалъ:

Сего 774 году в марте месице, приехавъ на показанной заводъ, злодейскай толпа, человекъ с триста, надъ которыми былъ командиром их же заводу писарь Бердниковъ, всехъ на том заводе бывших в работе, крестьянъ, человекъ з двести, в том числе и ево, Евсевъева, взяли, а командира их порутчика, какъ

[1] *Внизу на поле:* «Оной умре».

зовутъ — не знаетъ, изрубили, а потомъ и заводъ, разграбя, зажгли и привели их к злодею Пугачеву, которой былъ подъ Оренбурхомъ в Бердинской слободе; представлены были к самому тому Пугачеву, которой именовалъ себя государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, — велелъ ему служить верно; видя ж они, многую при немъ толпу, страха ради темъ ево именовать обещали. По приходе жъ их, злодей поехалъ с толпою под Татищеву крепость, а онъ оставленъ былъ в Берде; отколе чрез день злодей, прибежавъ не во многомъ числе людей, из оставших несколко взялъ с собою подъ Сакъмарскую крепость, куда и онъ взят; но и под Сакмарою и еще злодей разбит же. И, взявъ ево, человеках в тритцети уехалъ чрезъ разные заводы и крепости, набиралъ людей силою ко умножению толпы, и во многих местах имели верные войски съ нимъ, Пугачевымъ, сражени, при которых и онъ с копъемъ былъ, а иногда оставался при обозе; напоследокъ пришедъ х Казани, былъ онъ на обоих сраженіях, токмо в городъ не входилъ (а былъ при карауле обоза). По разбити жъ злодея с толпою, какъ они побежали, то и онъ, не отставая, былъ с ними и уитить не ст[а]рался, почитая того самозванца по простоте своей государем; а какъ Волгу переехали, то онъ сталъ помышлять, что то есть не государь, да и что везде онъ войсками разбиваемъ, — от него бежалъ с тем, чтоб пройти въ ево жителство. И, пришедъ в городъ Синбирскъ (от котораго в близости село Брянкино), и на перевозе пойманъ и обявленъ в Синбирской Провинциалной Канцеляри, где не бывъ допрашиванъ, присланъ сюда в Секретную Коммисию. Будучи в толпе, злодея Пугачова почиталъ за государя, а ныне почитаетъ за сущаго злодея и бунтовщика.

От роду ему 20 летъ.

(Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. 276, л. 1.)

№ 128.

Экстрактъ

изъ репортовъ генерала-маіора и кавалера Фреймана, отъ 6 и 10 сентября, и соучаствовавшихъ съ нимъ: коллежскаго совѣтника Тимашева и маіора Швыковскаго, отправленныхъ изъ Преображенскаго завода.

Во время слѣдованія генерала-маіора Фреймана изъ Верхо-Яицкой крѣпости къ Зелаиру и къ Преображенскому заводу, многія встрѣчались злодѣйскія башкирскія партіи, изъ которыхъ всѣ супротивлявшіяся поражаемы были, а раскаявшіяся въ

своихъ измѣнническихъ поступкахъ, по учиненіи ими въ вѣрности присяги, отпущены въ домы.

Противъ Магнитной крѣпости у бунтовщиковъ-башкирцовъ захвачено съ 50 лошадей, а сами злодѣи скрылись въ горы. Гусарской капитанъ Краевичъ, будучи посыланъ въ измѣнническія жилища съ командою, убилъ въ оныхъ 32 человѣка да поймалъ 25, а, между тѣмъ, и башкирцы застрѣлили 4 казаковъ, самовольно отлучившихся для выемки у нихъ меду. Преображенскаго завода крестьянѣ, духомъ бунта зараженныя, хотя и находились въ крѣпкихъ и способныхъ къ оборонѣ мѣстахъ, но совѣтникомъ Тимашевымъ безъ всякаго съ ихъ стороны супротивленія приведены въ повиновеніе, равно какъ и съ крестьянами жъ Кананикольскаго завода маіоръ Швыковской такимъ же образомъ поступилъ и привезъ изъ нихъ 722 души къ помянутому генералу-маіору; пушки же, тамъ бывшія, за негодностію бросилъ въ воду.

Хотя сему генералъ-маіору и предложено было сперва занять среднюю позицію въ Зелаирской крѣпости, но не могъ онъ на долгое время остановится тамъ по недостатку лошадинаго корму, и что магазеинъ прежней съ провіантомъ весь пздержанъ былъ, а, сверхъ того, и для другихъ многихъ неудобностей.

Коликое число обращено мятежниковъ-башкирцовъ въ прежнее послушаніе, тому пріобщается при семъ оригинальной реэстръ, присланной отъ помянутаго генерала-маіора Фреймана, которой надѣется, что сверхъ означеннаго въ ономъ числа, не замѣдлятъ и протчіе къ тому жъ приступить, тѣмъ наипаче, что онъ взятыхъ капитаномъ Краевичемъ въ плѣнъ 25 человѣкъ отпустилъ въ ихъ домы для совѣтованія протчимъ о обращеніи къ спокойной жизни.

По усмиреніи сего края намѣренъ былъ означенной генералъ-маіоръ учредить по ямской дорогѣ почту, представя притомъ господину Оренбургскому губернатору о переведеніи въ Преображенской заводъ изъ Зелаирской крѣпости гарнизона съ жителями, потому что тамъ только до 16 домовъ осталось, и тѣ лежатъ между такими горами, съ которыхъ оружейные выстрѣлы въ крѣпость достаютъ. Напротивъ того, въ ономъ заводѣ нужна воинская команда для присмотру за тамошними крестьянами, и надлѣжитъ здѣлать особое для того укрѣпленія, которое имъ и назначено и состоять можетъ изъ трехъ батарей и двухъ редантовъ, какъ для прикрытія съ наружной стороны, такъ и для угроженія всего селенія, ограждаясь, сіе укрепленіе, съ другой стороны прудомъ и отъ речки крутымъ берегомъ. А въ Зелаирской крѣпости для охраненія домовъ башкирская почта установлена быть можетъ. На которое представленіе и получилъ онъ, генералъ-маіоръ, от означеннаго губернатора согласное съ тѣмъ преположеніе.

Что касается до мѣдленія его, генерала-маіора, въ Исецкой провинціи, то онъ принужденъ былъ сіе учинить по предложеніямъ господина генерала-порутчика де-Колонга для соблюденія той предосторожности, что, естьли бъ злодѣй, сдѣлавъ поворотъ въверхъ по Камѣ, потянулся въ Сибирь, въ такомъ бы случаѣ долженъ былъ онъ перерезать ему путь, равно какъ и, въ случаѣ ж стремленія сего изверга въ горы, отклонить его отъ Верхоянцкой крѣпости, въ какомъ расположеніи и находился онъ, защищая тамошніе селеніи отъ набѣговъ башкирскихъ, и, находясь въ непрестанныхъ оборотахъ, отправлялъ во многія мѣста подъ своимъ прикрытіемъ транспорты съ провіантомъ, будучи при всемъ томъ упражненъ приведеніемъ башкирцовъ въ надлежащее повиновеніе; наконецъ же, по ордеру отъ каманды отправится онъ изъ Преображенскаго завода съ своимъ деташаментомъ къ Оренбургу около 20 сего сентября.[1]

Коллежской совѣтникъ Тимашевъ, проѣзжая башкирскія селеніи въ Исецкой провинціи, а частію и въ Уфинской, для возстановленія въ оныхъ прежней тишины и спокойствія, и имѣя въ командѣ своей кавалеріи до 300 и разныхъ казаковъ до 400, увѣдомился чрезъ подлазщиковъ о скрывающихся въ двухъ мѣстахъ ворахъ-башкирцахъ, для пораженія которыхъ отрядилъ онъ партіи подъ камандами гусарскаго Изюмскаго полку капитана Краевича и порутчика Ровнева, кои, напавъ на тѣхъ злодѣевъ, всѣхъ ихъ истребили, побивъ почти всѣхъ на мѣстѣ, а нѣкоторыхъ захватя въ плѣнъ, причемъ въ добычу получено болѣе 700 лошадей; равнымъ же образомъ, и чугуевской ротмистръ Туминъ имѣлъ удачу разбить въ немаломъ числѣ башкирской же пикет. Впротчемъ, помянутой совѣтникъ Тимашевъ нашелъ бы и еще многія случаи поражать мятежниковъ, но тамошнее мѣстоположеніе, лѣсное, гористое, каменистое и преисполненное непроходными почти ущельями, въ которыхъ они скрываются, главнѣйшимъ и единственнымъ тому было препятствіемъ. Однако жъ, при всемъ томъ удостовѣряетъ, что Исецкая провинція и часть Уфимской, къ оной прилегшей, пребудутъ теперь спокойными.

Маіоръ Швыковской, будучи отряженъ отъ генерала-маіора Фреймана за вершины рѣки Яика въ башкирскія кочевья для усмиренія мятежниковъ, напалъ на злодѣйскую шайку, состоявшую по примѣрному обозрѣнію въ 1000 человѣкахъ, и оную по долгомъ и сильномъ съ стороны ея супротивленіи, разбилъ и, положа на

[1] *На поле сбоку приписано рукою кн. П. М. Голицына*: «NB. А какъ присудствіе сего генерала-маіора въ Оренбургѣ нынѣ ненужнымъ я почитаю, то и предложилъ ему, чтобы употребилъ всѣ средства къ усмиренію башкирцов, занимая кордонъ отъ послѣдняго посту полковника Шепелева, расположеннаго въ Богульчанахъ, и продолжалъ до Оренбурга; а съ другой стороны онаго посту къ рекѣ Сакмарѣ на село Ташлу, совокупя съ Преображенскимъ заводомъ и съ Верхо-Озерною дистанціею».

мѣстѣ болѣе ста человѣкъ, протчихъ сильно преслѣдовалъ; съ нашей стороны убито тритцать, въ томъ числѣ Изюмскаго гусарскаго полку порутчикъ Банческулъ, да ранено дватцать восемь человѣкъ.

Генералъ-маіоръ князь Петръ Голицынъ.

(П. А., кн. V, лл. 635 — 638.)

№ 129.[1]

...[2] 1774 года сентября 12 дня присланные при рапорте с Медведицы от старшины Петра Кулбакова, нижеписанные из злодейской Амелки Пугочева толпы, имъ поиманные два человека в Канцелярiи Войсковыхъ Дел допрашиваны и показали:[3]

1. Завутъ ево Васильемъ, Ивановъ сын, Акаевъ; от роду ему сколко летъ, не знает; грамоте читать и писать не умеетъ. Родился в Казанской губерни, Пензенского уезду в селе Ламовке, синбирского купца Якова Барисова Твердышева крестьянинъ; откуда, назад тому летъ с шесть, темъ купцомъ Твердышевымъ онъ, Акаевъ, с отцом своимъ и матерью, тож и з женою своею, со всем семействомъ переведенъ на железной заводъ ево, Твердышева, состоящей въ Уфинскомъ уезде, а в какой деревни — не зьнаетъ, на реке Белой, при котором в работе в числе протчих работниковъ, какъ до тысячи человекъ, он и находился.

Сего ж году о празднике Святыя Пасхи злодей Амелка Пугочевъ с бывшаю при немъ толпою, какъ сотъ до пяти, в числѣ коих были: яицкие казаки, башкири, калмыки, руские мужики, протчая сволачь, по болшой части ничем не оруженныя, с пятью бывшими при немъ, злодеѣ, чугуннымі пушками, появясь от стороны Оренбурга, въехал в завод их и, находясь в немъ с одну неделю, какъ тот их завод, такъ и другой по той же речки Белой завод же, называемой Абзянской, и все их жилища без остатку пожегъ и разорил. А, между темъ, оной злодей, называя себя царемъ Петромъ Федоровичемъ, сказывал имъ, чтоб онѣ и шли с нимъ служитъ; почему де із завода их и пристало к нему на своих лошедях до трех сотъ человекъ, в числѣ коих и он, Акаевъ; а протчие все, тож жены их и дети, остались в тамошнемъ месте, а где уже после их поделись, — он не ведает; бывшей же тамо прикащикъ Михайла Шлычковъ пред темъ,

[1] *Копия допросных речей В. И. Акаева скреплена теми же подписями, что и № 78.*

[2] *Опускается:* «З».

[3] *Показание второго из присланных, крестьянина Ив. Семен. Лайщакова (тоже из с. Ламовки), опускается.*

*

неведомо куды, бежал. А потомъ оной злодей, определя всех ихъ, заводских, в полкъ называющагося злодейским полковникомъ Дорафея Макарова-Абзянского, следовал со всею ево злодейскою толпою степными местами и разными великоросіскими, башкирскими и казанъскихъ татаръ жилищами, не чиня, однако, нигде никакого раззорения и смертного убивства, кромѣ того, что умножал толпу свою ис тех жилищъ рускими, башкирами и татарами, к городу Казани долгое время. А напоследокъ, приближась со всею своею толпою под Казань по утру, отбивъ близъ того города бившаю при карауле медную пушку, делал к тому городу приступъ и, вобравшись в городъ, весь форштатъ, пограбя у жителей имение, выжегъ без всякого, однако ж, людемъ смертного убивства, потому что все жители находились в крепости, а оставались толко жены с детми. Пробыв же тамо часа с три, какъ выступили онѣ из города, то, не знаетъ он, Акаевъ, какою военною командою, вся их толпа впрах розбита, пушки и весь их обозъ отбиты, и людей изъ их толпы много в смерть побито. А он, Акаевъ, будучи пред Казанью, означенного злодейского полковника Дорафея Абзянского отъ есаула из руских Мартина Никифорова определенъ харунжимъ, имел у себя желтой шелковой с пришитымъ крестомъ бунчукъ, которой де он, Акаевъ, по разбитиі их в речке Казанке, спосая себя, потопил в воду.

По разбитиі ж злодей Пугочевъ не более, какъ в трех стах человеках, в томъ числѣ и он, Акаевъ, бежавъ вверхъ по Волге, на третей день в верстах в семидесяти от Казани, не знаетъ он— при какой деревни, мужиками в садах чрезъ Волгу перевезенъ на сю сторону без всяких пушакъ и повозокъ, а толко верхи на лошедях; а по переезде, следуя, тотъ злодей, с ними с неделю времяни, не упомнитъ — до какого города, по пути с деревенъ забирал с собою мужиковъ, а помещичьи дворы, за побегом из нихъ всехъ помещиковъ, без остатка раззорялъ. Вступя ж во оной городъ без всякого супротивления, потому что воевода с товарыщи из него бежали, пробыли тамъ, не чиня никакого раззорения и смертного убивства, часа с три, а потомъ чрезъ три дни овладел, тожъ без всякого супротивления, городомъ Саранскимъ, за побегомъ из него воеводы и протчих, ис коего, взявъ три чугунные пушки с городовыми кананиры и с приумноженною ещѣ в толпу свою сволочью, пошел на города: Пензю, а оттуда на Петровскъ, Саратовъ и далее вниз по Волге.

А он, Акаевъ, испрошась у злодейского полковника Абзянского, одинъ поехал впередъ на прежнее свое жилищѣ, в село Ламовку, для свидания с своими родственниками, где и пробыл три дни. Между чемъ, и самъ злодей с толпою, следуя к Пензе, чрезъ то село Ламовку прошел и крестьянъ ис того села забрал в свою толпу; а после того и он, Акаевъ, ис того села с однимъ

крестьянином, в ту ж толпу злодеемъ назначеннымъ, Ивапомъ Семионовымъ выехал вследъ за злодейскою толпою; о которой известясь, что она по раззорении Пензы пошла к Саратову, онъ, Акаевъ, уже убоялся следомъ той толпы итить, потому что вследъ за нею с корпусомъ уже прошел господинъ генерал-майоръ князь Галицынъ, и для того поворотя от Волги путь свой в томъ намерении, чтоб, обошедъ оной корпусъ, пробратца в злодейскую толпу. А по пути с разных местъ из мужиковъ и із малоросиян сволочь, приставая к нему, Акаеву, за нимъ следовала степью и разными жителствами, не делая нигде никакого раззорения и смертного убивства, ибо де он, Акаевъ, запрещая сволочи то чинитъ, угражал, что по приезде будет о томъ на нихъ доноситъ самому злодею, называя ево царемъ; которой де сволочи, по приезде ведомъства войска Донскаго на реку[1] Медведицу, и набрело к нему более трехсотъ человекъ, все почти никакого оружия не имеющия, а с ружьями не было более пятидесяти человекъ, с коими он, Акаевъ, зделавъ на пути два ис платковъ шелковых бунчуки, въехал в Березовскую станицу, которую по прежде ево прошли такие ж две злодейские партии. И, в той Березовской станицы переночевавъ, по утру, оставили тамо своих худых и усталых лошадей, а вместо их, пригнавъ станишной табунъ, взяли лутчих казачъих и одинъ станишной бунчукъ; и, потомъ приехавъ в Малоделскую станицу, тамо онѣ никакого раззорения не делали, а толко онѣ тамошнего попа за то, что он не хотел писатъ в нижние Медведицкие станицы, чтоб онѣ без сопротивления склонились, от нихъ, злодеевъ, писмо, устращивал повеситъ, чего, однако ж, ему по прошению всех не учинено. По выезде ж к Заполянской станицы, под оною онѣ заначевали, а в обеднею пору, какъ усмотрели онѣ противъ себя казачью команду, то онѣ сперва противъ оной имели оборону, а потом, будучи тою командою разбиты, с нимъ, Акаевым, человекъ ста с два бежали к Царицыну; а протчие куда разбижались или побиты, — не знаетъ. По приближении ж ихъ к Царицынской линии, тамо онѣ в другой рядъ казачъею командою разбиты ж, причем де много из них поколоно, протчие все порась разбежались, а бывшие у них три бунчука да одна с Малоделской станицы с подводчикомъ взятая подвода и іхъ повоски отбиты; а он, Акаевъ, тамо с четырмя человеки бежавъ внизъ по Волге, сообщилось толко их восемнатцать, да на пути ещѣ пристало к нимъ и розбитой самого злодея толпы четыре человека. Итак, де все онѣ дватцатъ два человека, поворотясь назад, какъ на речке Алшанке, близъ хутора Березовской станицы казака Валикова, остановились, то тамо наехавшим на них старшиною Петромъ Кулбаковымъ с командою онѣ без всякого супротивления взяты,

[1] *В середине этого слова выскоблена буква «ч».*

а потом онъ, Акаевъ, с вышезначущимся села Ламовки крестьяниномъ Иваномъ Семионовымъ от него, Кулбакова, присланъ сюда в Черкаской, а протчие де все отосланы от него в Хоперскую крепость.

Во всю ж де сию ево в злодейской толпе бытность он, Акаевъ, самъ никому смертного убивства и нигде никакого раззорения не чинил, кромѣ того, что в одномъ, не упомнитъ — какомъ, селѣ при немъ одинъ из злодеевъ, руской человекъ, которой, набравъ себя человекъ с дватцатъ, раззорил то село, а попа з дьякономъ повесил, за то там же повешен. Тож он от самого злодея в полковники наименован и для набрания себя полку отправленъ не был, а толко в приставшей к нему разной сволочи он, Акаевъ, какъ будучи при злодейской толпе по прежде их, считаем был за полковника, и онѣ ево, Акаева, приказы слушали. По разбитиі ж их у Царицынской линіі, точно он, Акаевъ, следовал на прежнее свое жилищѣ, а не с темъ, чтоб паки набратъ себя злодейскую толпу; и із чего де оное в рапорте старшины Петра Кулбакова написано, он не знает и в томъ подписуетца.

(П. А., кн. VI, л.л. 376 — 378.)

№ 130. [1]

Въ Правительствующій Сенатъ изъ Унженской Воеводской Канцеляріи

Репортъ.

Сего сентября 19 дня обьявленъ въ здѣшнюю канцелярію при доношеніи Унженскаго уѣзда, Троицкаго стана, вотчины порутчицы Дарьи, Ивановой дочери, Пашковой сотскимъ Леонтьемъ Герасимовымъ пришедшей сего жъ сентября 12 въ вотчину оной госпожи его, въ деревню Скородумово, къ выборному Игнатью Петрову, вывезенной изъ той ихъ вотчины оною помѣщицею его Оренбургской губерніи, Уфимскаго уѣзда, въ деревню Ломовку, на желѣзные ее заводы, крестьянинъ Никита Андреевъ, по прозванью Соловьевъ, которой на спрашиваніе выборному, по неимѣнію никакого писмяннаго вида, о себѣ обьявилъ:

Что онъ на то прежнее жилище пришелъ для свиданія съ родственниками, ибо де имѣвшей реченной помѣщицы его Пашковой въ Уфимскомъ уѣздѣ желѣзной заводъ въ нынѣшнемъ 1774 году

[1] *Перед текстом*: «Копія. По секрету». *На полях скрепа*: «Съ подлиннымъ читалъ регистраторъ Иванъ Брагинъ». *На поле сбоку*: «№ 1286» *и окончание другой скрепы*: «Терской».

нашедшимъ ко оному государственнымъ злодѣемъ и варваромъ Пугачевымъ со многочисленною его воровскою толпою весь созженъ и раззоренъ, а бывшіе при томъ заводѣ заводскіе работные люди, тожъ и живущіе для той же заводской работы воблизь онаго завода по деревням крестьяне, въ томъ числѣ и онъ, Андреевъ, всего съ пятьсотъ человѣкъ или и болѣе, взяты были имъ, Пугачевымъ, въ свою толпу, съ которымъ и ходили по разнымъ той Оренбургской губерніи крѣпостямъ и заводамъ для раззоренія оных, а живущихъ въ нихъ людей истребленія, что онымъ Пугачевымъ съ его воровскою шайкою и съ ними и чинимо было. А какъ де подъ Казанью былъ онъ, Пугачевъ, и въ то де время его, Соловьева, стоящаго отъ Казани версты съ четыре, на Арскомъ полѣ, на отѣзжемъ караулѣ, наѣхавшіе съ стороны города Казани гусары ранили и оставили на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ до ночи, а въ вечеру ушолъ онъ въ лѣсъ и былъ въ оном по опасности, чтобъ не убили, трои сутки, а потомъ пошелъ на прежнее жилище, Унженскаго уѣзда въ деревню Денисиху, и шелъ разными селеніями, обошедъ Яранскъ стороннею дорогою, чтобъ, за неимѣніем у него никакого вида, гдѣ подъ караулъ не взяли. А по селеніямъ во время прохода его сказывался, яко-бы ходилъ онъ на плотахъ до города Казани и тамъ заболѣл, и теперь идетъ отътоль въ домъ свой, въ реченную деревню Денисиху, почему безъ задержанія и пропускали.

По справкѣ жъ въ здѣшней канцеляріи, реченной крестьянинъ Андреевъ по третьей ревизіи по поданной скаскѣ оказался написаннымъ въ деревнѣ Медведицѣ наличнымъ; и по покупкѣ реченною порутчицею Пашковою въ прошломъ 1771-м году съ протчими купленными ею крестьяны, всего двѣсти восемдесятъ семь душъ, въ томъ числѣ и онъ, Соловьевъ, съ женами и съ дѣтьми, въ силу Правительствующаго Сената 1762 года указа, вывезены въ Оренбургскую губернію на покупную ею, Пашковою, землю, на рѣку Бѣлую въ предписанную деревню Ломовку, гдѣ за нихъ со второй 1772 года половины и подушные и всякіе государственные поборы платимы были безъдоимочно.....[1]

Сентября 19 дня 1774 года.

На подлинномъ подписано: Воевода кольлежской ассессор Иванъ Верховской. Товарищь ассессоръ Василей Сабанѣевъ. Секретарь Алексѣй Поповъ.

(П. А., кн. II, л.л. 113—114.)

[1] *Опускается конец «копіи репорта» Унженской Воеводской Канцеляріи с донесением о мерах, принятых ею в отношении крестьянина Н. А. Соловьева.*

№ 131.[1]

1774 года октября 4 дня присланные с Аннинскаго завода отъ ундеръ-шихмейстера Степана Горчакова двое бѣглыхъ того завода служителей допрашиваны и показали.

1-й, Яковъ Пиняженинъ: Отъ роду ему тритцать семь лѣтъ. При вступленіи на всероссійскій ея императорскаго величества престолъ и послѣе того, при наборѣ въ мастерства, у присяги былъ, которую и верноподданническую должность нарушилъ, а склонялся подъ именемъ покойнаго государя-императора Петра третіяго бѣглому казаку и злодею Пугачеву, смотря на протчихъ того завода мастеровыхъ и обывателей: Ивана Котельникова, по прозванію Вахони, съ товарыщи. И потому 20 числа декабря 1773 года на Юговскіе заводы для соеденения съ собранною въ тех заводах командою къ супротивленію противо идущей тогда къ Пулвы злодейской партирій [sic] по повесткѣ шихтмейстера Солнопекова не поѣхали и почитали злодея за дѣйствительнаго государя императора Петра третіяго. Генваря 14 числа сего 1774 года прибылъ съ командою на Ананнинской заводъ бергъгешворепъ Иванъ Никоновъ; коего убоясь, бѣжалъ онъ, Пиняженинъ, въ лесъ, по которымъ около деревень Комаровой и Городищенской скитался даже июля до последнихъ числъ, а пропитание имелъ покупкою хлеба въ показанныхъ деревняхъ у крестьянъ на имѣющіяся деньги. Изъ того лесу выходилъ в Великой Постъ, а котораго месяца и числа — того не упомнитъ, на Аннинской заводъ по жену свою, с которою намерение имелъ итти въ Осу для житья; однако, оную получить не могъ, которая тогда находилась при Юговскихъ заводах, причемъ протчіе того завода беглые мастеровые и обыватели, а кто таковые, оприметить не могъ, подъячева Ворсина жестоко били и грабили его и у других пожитки, а онъ, Пипяженинъ, до того не касался, а все безъвыходно былъ въ домѣ своемъ.

Июня 23 паки изъ вышеписанного лесу приходилъ на тотъ же Аннинской заводъ одинъ для взятья и увозу собственной своей коровы, которую увелъ въ деревню Комарову и отдалъ крестьянину Афонасью Локтіеву за имевшей на немъ, Пиняженинѣ, забранной во время побегу, хлеб.

Въ томъ же июнѣ мѣсяцѣ, въ последних числех, а после завладения злодеемъ Пугачевымъ пригородка Осы, приходилъ онъ из лесу паки на Аннинской заводъ для свидания со сродъ-

[1] *На поляхъ сбоку. по листам часть скрепы, полный текст которой:* «С подлинъными свидетелъствовалъ секретарь Алексей Черединъ».

ственницей своей. И, шедши со онаго завода обратно к Комаровой деревнѣ и отшедъ отъ онаго завода с версту, нашелъ на вышедшаго из лесу Аннинскаго завода служителя Павла Бѣлоруцова малолетнаго сына Саву Белоруцова, — спросилъ ево: «куда пошелъ», на что ему Белоруцовъ обявилъ, что «въ Осинскіе деревни»; то и онъ, Белоруцовъ, пошелъ съ нимъ же и, отошедъ версты съ три, достигли идущего Аннинскаго завода служителя Кандратья Трубинова. А потомъ все трое, шедши жъ, встретились, во-первых, здешнихъ Юговских заводовъ съ штейгеромъ Прокопьемъ Переваловымъ, коего нечемъ не били. А потомъ стретясь же на дорогѣ съ башкирцомъ и рудопромышленником деревни Коемовой Васильемъ Усаевымъ, которой спросилъ ихъ: «какіе люди», на что они, Пиняженинъ и Трубиновъ, обявили, что де «беглые с Аннинскаго завода», и за то, что их спрашивалъ грубо, а особо, узнав чрезъ обявление ево, что онъ — верноподданной команды, съ глупости своей онъ, Пиняженинъ, взявъ, имевшим при себе бердышемъ ево, Усаева, по шее засекъ, а потом Трубиновъ докололъ уже въ крыльца [sic] копьемъ до смерти; а имевшееся на немъ платье все оснимали и ево, Усаева, съ дороги отънесли въ лесъ, какъ и платье неподалеку такъже въ лесу спрятали. И отътудъ, дошедъ до деревни Шабаровой, показенного Бѣлоруцова оставя, разошлись они, Пиняженинъ и Трубиновъ, врознь по лесу, по которымъ блись Комаровой деревни и шатался, а Трубиновъ уже куда ушелъ, — не знаетъ. И какъ услышалъ чрезъ крестьянъ оныхъ деревень Комаровой и Городищенской, что всемилостивѣйшими ея и. в., указами произнесенные их вины всемъ прощаются, то онъ, Пиняженинъ, въ июле месяце, въ последних числех, пришелъ на Аннинской заводъ и явился ундеръ-шихтмейстеру Горчакову, которой, взявъ, заковалъ въ железа и прислалъ на Юговскіе заводы къ господину коллежскому ассесору и Канцелярiи Главнаго Заводовъ Правленiя члену Башмакову.

По отъезде же съ Аннинскаго завода управителя гитенъ-ферваltера Юрья Берлина и шихтмейстера Алексея Солнопекова и протчих собственных их пожитковъ не грабливалъ и про других не про кого не знает; будучи въ томъ побегѣ, на воровствахъ, разбоях и на сраженiях, при супротивленiи съ верноподданническою командою, въ злодейских шайках и самого государственного злодея Пугачева въ толпѣ, при взятье пригорода Осы, не бывалъ; о выжеге Аннинскаго и Юговских заводовъ онъ, Пиняженинъ, намерение не имелъ и отъ других ни отъ кого про то не слыхалъ. Напредь сего онъ, будучи въ партикулярномъ содержанiи отъ Аннинской канторы за блудное воровство, наказанъ былъ плетьми, а, более сего, въ штрафах, подозренiях и за то въ наказаниях не бывалъ. И въ семъ своемъ допросѣ показалъ самую сущую правду и ничего не утаилъ; а ежели что по-

казалъ ложно или утаилъ, а после кемъ изобличенъ будетъ, за то учинить съ нимъ по указомъ.

Къ подлинному допросу, вместо служителя Якова Пиняженина, по ево прошению, Козма Притчинъ руку приложилъ.

(Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. I, лл. 4—6.)

№ 132.[1]

1774-го года октября 30-го въ Юговской заводской канторе, по силе вышеписанной пометы, приписной къ здешним Юговским заводам села Троицкого, тож и Старой Посадъ, крестьянинъ Семенъ, Трифанов сынъ, Котелников, противъ поданного от канцеляриста Степана Трубинова репорта, вторично переспрашиван и показал:

От роду ему семдесят летъ. Находился онъ, Котелников, на отезжем на речке Гаревке пикете в карауле, вместо сына сына [sic] своего Данила, в казаках. И 2-го числа минувшаго июня позванъ был в дом означенного канцеляриста Трубинова и, по доволном с ним, Трубиновым, разговоре о живущих в селе Троицкомъ родственниках, причемъ канцеляристъ Трубиновъ, показывая видъ ко одобрению ізвестного государьственного злодея Пугачева и не оприметя в немъ, Трубинове, сего выведывания, сказывал ему, что, когда в ны[не]шнем 1774-м году, а в котором месяце и числѣ — того не припомнит, называемой полковникомъ башкирец Салаватъ Юлаев со злодейскою толпою стоялъ въ их Троицком селе, и по наряду от той злодейской толпы стоял онъ, Котелников, для предосторожности от верноподданной команды на карауле и слышал от башкирцов, а кто они таковые, не знаетъ, и уверял ево, Трубинова: что подлинно государь Петръ третій императоръ, а не злодей Пугачев восходитъ по-прежнему на царство; бывъ, онъ, по своему государству, и разведывал тайно обиды и отягощения крестьянства от бояръ и заводчиков и еще, было де, хотел три года о себе не дать знать, что живъ, но не могъ претерпеть народного раззорения и тягости и принужден себя обявить.

И, после отезда башкирца Салаватка со злодейскою толпою, чрезъ три дни ходилъ онъ, Котелников, в село Тихоновское за сыском потерявшейся своей лошади. И шел онъ, Котелников, по Тихоновскому селу и, увидя в томъ селѣ неболшее число людей, к которым онъ пристав, и слышал от них, что читали они писанное Юговскаго Осокина заводу находящимся при арми государя атаманом горным служителем Гавриломъ Ситниковым писмо, а кто то писмо читалъ, кто ж имянно при томъ были, —

[1] *Скрепа по листам та же, что и в № 131.*

того не припомнитъ, что называемой полковникъ Белобородов прислал в городъ Кунгуръ к воеводе господину Миллеру указ, чтоб отнюдь не воевать, почему де воевода и отказался, что он более воевать не станет, за что ево государыня и от воеводства отрешила; казенной Уткинской завод, такъже и городъ Екатеринбургъ не воюютъ; а толко мутит де всею здешнею стороною ассесоръ Башмаковъ, называя его злодеем государю, за что де государь хочетъ и приказал в мелкіе части ево изрубить, и, какъ можно, приказал поймать.

Да и потому каждому разуметь можно, что, естли бы де подлинно не государь былъ, то бы давно полки были присланы; а хотя де две роты с майором присланы, и те безъизвестно пропали. И мы час от часу ожидали, чтобы быть зъ государем; а хотя за государыню и другую присягу принимали, то не с чистосердечного своего желания, но по принуждению. А государь обещаетъ во многих указах, что подушныя денги будутъ собираны только по семидесяти копеекъ з души, какъ и при прежних государях было. Да и онъ Котелников сам от себя вздумал, доброхотствуя злодею Пугачеву и желая быть в точном ево повиновении: Что оной самозванецъ-государь, взявъ уже в свое владение Оренбургъ, Уфу, Новотроицкую и Чебаркульскую крепости, под Москву отправил для покорения ж сто полков, под Кунгуръ идет с полковникомъ Белобородовым дватцать полков, и построил государь в степи пороховые и пушечные заводы, и делаютъ белой и черной порохъ, — белой де весма силно палитъ, а голку не дает; пушекъ у государя наделано великое множество, і поставлено их в Новотроицкой крепости в шесть ярусов; и ту де Новотроицкую крепость наименовал Петербургомъ, а Чебаркуль Москвою; ево высочество, государь-цесаревичь, великій князь Павелъ Петровичь и с великою княгинью Наталію Алексѣевною в Оренбурге, и графъ Захаръ Григорьевичь Чернышев ныне приехал тут же в Оренбургъ; и его высокопревосходителство, господинъ генерал-аншефъ и разных ординов ковалеръ, Александръ Ильичь Бибиковъ съехался з государем и, увидя точную ево персону, устрашился и принялъ ис пуговицы крепкого зелья, и умеръ. Онъ же, Котелников, и тогда, когда еще под Кунгуръ государево войско подступало, имелъ намерение, по взятии того Кунгура, прямо итьти с командою на здешния Юговскія заводы для взятья и покорения ж за государя.

А какъ ему, Котелникову, канцеляристъ Трубиновъ сказал, что мне у господина коллежского ассесора Башмакова при делах находится весма трудно, какъ что ни во дни, ни в ночи нимало покою не имеет, то онъ, Котелников, советовал ему, Трубинову, предатся государю: «тебя государь зделает полковникомъ»; а онъ, Трубипов, довольным признавался, когда пожалован будет секре-

таремъ; причем онъ, Трубинов, (ему) спрашивал ево, Котельникова, каким бы путемъ ему пробрατся къ государю, на что онъ, Котельников, объявилъ, чтобъ толко доехать до села Троицкого, оно ж и Старой Посадъ, и оттоль с радостию крестьяне на своих подводах отвезут, где он изволитъ находитца. А на конецъ всего еще онъ, Котельников, обявил ему, Трубинову: слых де носитца, яко-бы де и шихтмейстер Яковлев в пригородке Осе отакован, и на сраженіи убито казаков башкирцами четырнатцать да раненых тритцать человѣкъ. А въпротчемъ, на спросъ ево, Трубинова, которой ево, Котельникова, спрашивалъ, не имѣетъ ли каких-либо еще сведеній, на что онъ, Котельниковъ, сказалъ: Богъ знать, много въ народѣ говорятъ, но теперь онъ не припомнитъ.

Въ злодейских же походах не бывалъ, смертнаго убивства и грабѣжа не чинивалъ, и в семъ своемъ допросѣ показалъ сущую правду и ничего не утаилъ.

Къ подлинному допросу, вместо крестьянина Семена Котельникова, по ево прошенію, руку приложилъ мирской пищикъ Никифоръ Моторинъ.

(Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. I, л.л. 13 — 16.)

№ 133.[1]

Его сіятелству, высокородному и высокопревосходителному господину генералъ-аншефу, сенатору и разныхъ орденовъ ковалеру, графу Петру Ивановичю Панину от генералъ-порутчика, ковалера и Нижегородского губернатора Ступишина

Раппортъ.

Представленной ко мнѣ при доношеніи Нижегородского уезду, вотчины содержателя медныхъ и железныхъ заводовъ Лугинина, чугунского заводу от служителя Камнева того жъ заводу крестьянинъ, бывшей злодею и варвару Пугачеву, сообщникомъ, Михайла Ильинъ допросомъ, винясь, показалъ: Што, пріехавъ в прошломъ году на состоящѣй в Оренбурской губерніи оного Лугинина Златоустинской железной заводъ, сказывающіяся того злодея Пугачева атаманом Кузнецовъ, называя ево, Пугачева, государемъ Петромъ третіемъ, уверялъ тѣмъ всехъ, на заводѣ бывшихъ, работниковъ и приказалъ имъ быть у него в подданстве и, какъ потребны они к нему будутъ, то бъ состоять

[1] *Перед текстом:* «Ч. 12 ноября 1774 года».

готовыми, обещевая за то имъ волность и свободу от всякой подати, с чего они и почли ево, Пугачева, государемъ.

Потомъ присланной к нимъ от означенного Кузнецова казакъ Ерусланов с того заводу взялъ с собою крестьян до двусотъ, да послѣ, приехавъ, называющеися жъ отъ онаго Пугачева полковникомъ Шибаевъ, с партіею, забралъ до трехъ сотъ человекъ, в томъ числѣ и ево, Ильина. И по забраніи пригнаты были они под Магницкую крепость к самому Пугачеву, с которымъ і с имевъшимися при немъ толпами ходили по разнымъ местам и были при взятье крепостей: Карагайской, Степной, Петропавловской и Троицкой, кои разъзоряли и пожигали, людѣй побивали; однако дѣ, онъ собственно своими руками ни убивства, ни пожегу не делалъ, болше потому, што совесть ему в томъ всегда воспрещала. А как дѣ подъ Троицкою крепостью толпу ихъ пришедшими воинскими командами розбили, то они разбежались по своимъ заводамъ.

После жъ того вскоре, пріехавъ к нимъ, означенной Пугачевъ, со многимъ числомъ людѣй, тотъ заводъ и дворы ихъ всѣ выжегъ, а крестьянъ, равно и ево, Ильина, взялъ паки с собою; у коего находясь, былъ при взятье города Осы и состоящего по рекѣ Сивѣ Воткинского железного заводу, а напоследокъ, какъ и Казанской фарштатъ выжгли и домы раззоряли, онъ, Ильинъ, был жѣ, толко дѣ потому жѣ без всякого дейсівія.

А какъ прибывшимъ подполковникомъ Міхельсономъ они по разбити прогнаты, и от того Пугачевъ, з досталною толпою убежавъ, перешелъ за Волгу по Алаторской дорогѣ, то онъ, Ильинъ, с находившіміся в той толпѣ, взятыми с помянутаго Златоустинскаго заводу, крестьянами, шестью человеки, а имянно: с Антономъ Шапшуркинымъ, з Гаврилою Козминымъ, с Филиппомъ Мухинымъ, с Афонасьемъ Страхнинымъ, с Семеномъ Макаровымъ и с Васильемъ Лапшинымъ, не желая у онаго Пугачева быть, сыскавъ способъ, бежали и пришли на прежиѣе жилищѣ, в предписанной чугунъской заводъ с коего они сведены..... [1]

Алексѣй Ступишинъ.

От ...-го дня октября 1774-го году.

(П. А., кн. IX, л. л. 89 — 91.)

---

[1] *Опускается конец рапорта Ступишина, с выраженіем сомнения в искренности «раскаяния» Ильина в виду того, что он явился с заявлением об этом раскаянии в свое жительство, а не в присутственное место.*

№ 134.[1]

[Экстракт]

Число людей.		
77	Деревни Новыхъ Выслей, Полевой Яушево тож, новокрещенъ исчювашъ Андрей Максимов, 20 летъ. Высечь батожьемъ.	Находился онъ по пашпорту в работе в Оренбургской губѣрни на медномъ колъежскихъ ассесоровъ: Твердышева и Мясникова Воскресенском заводе. И в прошлом 1773-м году в осеннее время, после Покрова, на тотъ заводъ приехавъ, злодейская толпа, и раззоря тотъ заводъ, крестьянъ всехъ взяли съ собою, а ево, Андрея, и протчихъ нанятых работных людей оставили на том заводе. И сего 774-го году после масленицы, получа, онъ, заработные деньги, шелъ в домъ свой; и, будучи на дороге, напали на него башкирцы, и, взявъ ево, отвезли в Берду, где и жил в землянки и для пропитания получал хлеб, а денегъ давано не было. И із оно Берды взяли (взяли) под Оренбургъ, в Татищеву крепость, где и находился до техъ пор, какъ под тою крепостью войскамп злодей розбитъ; а во время батали стоял онъ позади злодейской толпы на улице, где онъ, по разбити того злодея военною командою, и в пленъ взят; а оружия у него никакого не было, и сражения не имел...

(Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. 297, л.л. 6—7.)

[1] *Заглавие «экстракта», равно и подписи, скрепляющие его за полностью, воспроизведены выше в № 104. Печатается здесь «экстракт» из показания лишь одного колодника, занесенного в «экстракт» под № 77. На поле слева:* «П».

№ 135.

Краткой экстрактъ,

учиненной изъ такова жъ о пойманныхъ и присланныхъ Оренбургской и Сибирской губерніи крестьянахъ въ разныхъ ихъ злодѣяніяхъ, показанных по допросамъ, и о комъ и въ чемъ — значитъ ниже сего.

Чьихъ вѣдомствъ крестъяне.	Учиненныя злодѣйствіи.	Резолюція.
Оренбургской губерніи, Куштымскаго завода, Барневской слободы староста Федоръ Черепахинъ.	Сперьва слышелъ о злодѣйской толпѣ, когда еще злодѣи на Куштымской заводъ не пришли, но прибывшему на оной къ защищенію маіору Чубарову съ командою не открылъ. И, когда посланные отъ маіора для развѣдыванія подъпорутчикъ Куракинъ ю[sic] шихместеръ Кузнецовъ с казаками злодѣями на Косотурскомъ заводѣ захвачены, и возвратились одни казаки, онъ будто о семъ приключеніи и не зналъ, но слышелъ послѣ. Когда выписные изъ заводскихъ жителей крестьяня на нышѣшной случай въ службу тамо отъ маіора и прикащика тово завода, двадцать пятъ человѣкъ, къ злодѣямъ на Косотурской заводъ посылали просить злодѣйскаго полковника прибытіемъ къ нимъ на Куштымъ, а кто имянно — онъ не знаетъ, но, знавши то злоумышленіе, къ предосторожности никому не сказалъ; и, какъ шумъ и збориша толпами въ заводѣ здѣлались, онъ съ протчими былъ и возмутившихся крестьянъ не унималъ, а можно было ихъ и съ присланнымъ изъ злодѣйской	За изменническія поступки высечь публично кнутомъ, давъ пятдесятъ ударовъ, и употреблять въ работы до успокоенія замѣшателствъ.

Чьихъ вѣдомствъ крестьяне.	Учиненныя злодѣйствіи.	Резолюція.
	толпы старшиною захватить; но не только старался не допустить до того, но вообще съ крестьянами при всемъ томъ, когда маіора и офицеровъ орестовали и связали, былъ и, по увозѣ съ завода казны, артиллеріи и протчаго на Косотурской заводъ къ называемому злодѣйскому полковнику Никифорову, доношеніе отъ всего крестьянства, писанное пищикомъ Мартыновымъ, за рукоприкладствомъ такого жъ Болотова, о разаботных [sic] крестьянских деньгах посылал и самъ ѣздилъ...[1]	
Присланные изъ Шадринска Далматской вотчины крестьянѣ: Петръ Парадѣевъ.	Былъ выпсанъ въ числѣ командированных экопомической Далматской вотчины отборныхъ крестьянъ для охраненія отъ злодѣевъ города Челябы. Идучи, при деревнѣ Балдиной въ разъѣздѣ съ крестъяниномъ же далматскимъ Жерноковымъ башкирцами пойманъ и отведенъ въ злодѣйскую толпу, въ деревню Маткину; и со злодѣями, уже въ числѣ толпы, и въ походѣ въ деревняхъ Шершневой, Малышевой и другихъ и въ Сокурскомъ заводѣ былъ. И съ того завода онъ и съ тѣмъ Жернаковымъ отъ атамана злодѣйскаго отпущены съ билетомъ въ домы ихъ, съ которыми доѣхали вообще до Течинской слободы;	По силѣ законовъ повѣсить съ публичными обрядами.

[1] *Опускается часть «экстракта», с изложением показаний троих «пищиков»: Мартынова, Болотова и Пушкина.*

Чьихъ вѣдомствъ крестъяне.	Учиненныя злодѣйствіи.	Резолюція.
	услышали, что ловятъ таковых,— Жернаковъ, возвратясь, поѣхалъ по прежнему въ злодѣйскую толпу, а онъ былъ въ домѣ своемъ, пошелъ въ Течинскую слободу. И увидя ѣдущихъ въ оную изъ злодѣйской партіи семъ человѣкъ, къ коимъ присталъ и съ тѣми грабилъ, и, ограбя, ходилъ съ ними по разнымъ селѣніямъ, и жителей вездѣ склонялъ, и, когда ложной указъ читанъ былъ, къ подписанію подъ нимъ многих приводилъ. И пришелъ съ протчими семью подъ Челябу, и тутъ былъ въ злодѣйской толпѣ, изъ которой по приказу злодѣйскаго жъ атамана Рожева ѣздилъ по Далматской вотчинѣ и жителей въ злодѣйскую толпу склонялъ, и увѣрялъ о извѣстномъ ворѣ - измѣнникѣ Пугачевѣ, что подлинно третей императоръ живъ, и отъ него изданъ тотъ ложной указъ. Но въ одной деревнѣ старостою съ крестьянами пойманъ. По доказательствамъ же других онъ былъ главнымъ атаманомъ и дѣлалъ великія къ подпискѣ принужденіи со устрашиваніемъ, а по прочтеніи ложнаго указа торжествовалъ... [1]	

[1] *Опускается часть «экстракта», с изложением показаний Кирилла Щетинина и Захара Аврамова.*

Чьихъ вѣдомствъ крестьяне.	Учиненныя злодѣйствіи.	Резолюція.
Исецкаго пригородка, деревни Заевой крестьянинъ Андрей Дедюринъ.	Былъ въ работникахъ съ другими крестьянами у приказныхъ служителей того пригородка для рубки дровъ. И двое изъ тѣхъ показали на него, что онъ говорилъ: «Долго де нѣтъ Пугачева,—то-бъ хозяивы ваши увидѣли, что съ ними здѣлано было», въ коихъ словахъ чинитъ запирательство... [1]	За ураживаваніе высечь плетьми.
Крестьянина Новогорода [sic] сын Егор Новогородов.	Признался, что подговорщики-злодѣи: Кудрявцовъ и Тюленевъ, пріѣхавъ къ нему въ домъ, сказывали, что они изъ Оренбурга пріѣхали, и о извѣстномъ самозванцѣ, увѣряя, говорили, и, призывая лутчихъ крестьянъ, между собою имѣли согласіе. А отецъ ево имѣлъ намѣреніе ѣхать къ злодѣю Пугачеву и просить команды, чтобъ итьти въ Утяцкую слободу. И, пробывъ у него трои сутки, уѣхали въ деревню Галишеву. И, имѣвъ сих злодѣевъ у себя въ домѣ, никому о томъ не донесъ. Въ чемъ и мать ево Аксинья Михайлова дочь признались и показали сходно... [2] (П. А., кн. XVI, л.л. 52 об.—55.)	Высечь плетьми несчадно и употреблять въ работы до успокоенія.

[1] *Опускается часть «экстракта», с изложением показаний крестьянина Исецкого пригородка Вас. Нечаевского и двоих крестьян из Утяцкой слободы Ялуторовского дистрикта: Ив. Шаршина и Филиппа Шурманова.*

[2] *Опускается конец «экстракта», с изложением показания крестьянина Утяцкой слободы Тимофея Меньщикова.*

Разные заводы и фабрики.

№ 136.

№	Месяцы и числа.	1774 годъ.	Съ кѣмъ отправлено.
39-й	Февраля 26-го.	Сообщеніе господину генералъ-аншефу, Казанскому губернатору и ковалеру, фонъ-Бранту. Господинъ полковникъ Зубовъ донощеніемъ своимъ мнѣ представилъ, что онъ, въ ставропольской своей вотчинѣ, въ селѣ Героимкѣ съ деревнями, имѣя винокуренные заводы, ставилъ вино въ Яицкой городокъ по контракту, цѣною по рублю по двадцати копѣекъ вѣдро; но нынѣ та поставка по извѣстнымъ обстоятельствамъ пресеклась, и что изъ заготовленныхъ имъ туда осьми тысячь вѣдръ, какъ ево, такъ и окрестныя, крестьянѣ берутъ и увозятъ не только въ свои селѣніи, но и въ злодѣйскія толпы. Въ такомъ случаѣ, чтобъ пресѣчь зло, отъ пьянства крестьянъ происходящее, равно и избавить себя разоренія, просилъ онъ меня по сей контрактованной цѣнѣ принять отъ него вино, сколько въ наличности у него сыщется, и употребить ево на войски, въ командѣ моей находящіяся.	Казанскаго втораго баталіона съ сержантомъ Ананьемъ Падучевым.

№	Месяцы и числа.	1774 годъ.	Съ кѣмъ отправлено.
		По предписанной причинѣ я, соглашаясь на справедливое ево требование, покорно вашего высокопревосходителства прошу приказать оное вино у нево принять и употребить в местах, где оное нужно тоже и, по какой цене отпустить онъ, господинъ Зубовъ, пожелаетъ, с нимъ уговорится. Пребываю, впротчемъ, с ыстиннымъ и совершеннымъ почтениемъ. (П. А., кн. XVI, л.л. 36 об. — 37.)	

№ 137.[1]

1774-го году июля 25 дня представленной в Нижегородскую Губернскую Канцелярию Нижегородскаго баталиона от подпрапорщика Розсыпенкова, поиманной имъ, известнаго государьственнаго злодея и варвара Пугачева сообщникъ во общемъ съ его превосходителством, господиномъ генералъ-порутчикомъ: орденовъ, святаго Александръ Невскаго и святыя Анны ковалеромъ и Нижегородскимъ губернаторомъ, Алексѣемъ Алексѣевичемъ Ступишинымъ с товарыщи в присудстви з доволным о показани истинны увещаниемъ допрашиванъ и показал:

Ильею ево зовутъ, Степанов сынъ, прозваниемъ Аристов; от роду ему сорокъ восемь летъ, из дворянъ, деревню имѣетъ Костромской правинцы, Чижева стану в селце Белой Реки, крестьянъ шесть душъ; женатъ, у него сынъ да дочь, которые живутъ в означенном же селце. В службу онъ вступилъ в прошлом 746-мъ году апреля 10 числа, — определенъ в Бутырской пехотной полкъ салдатомъ; въ 749-м году произведенъ капралом, в том же году переведенъ в Московской пехотной полкъ подпрапорщикомъ і из оного въ 762-м году отставленъ сержантомъ. І по отставкѣ пришел в ту свою вотчину, где и жил.

---

[1] *По листам на полях скрепа:* «С подлиннымъ читалъ секретарь Петръ Краминъ».
Перед текстом: «Копия з допросу». *Зачеркнуто:* «№ 2».

А въ 764-м году, за произведеное во ономъ селце неуказное винное курение, написанъ и определенъ былъ Государьственной Военной Коллеги Канторою в Томской пехотной полкъ салдатомъ, в коемъ и продолжалъ службу 770-го году по мартъ месяцъ; и по ево службе в томъ полку произведенъ сержантомъ. А во ономъ марте месяце, согласясь оного полку с салдатами: Иваномъ Мальковымъ, Сергѣемъ Невенщинымъ, Федоромъ Поляковымъ, из состоящей в Грузи Моздокской крепости бежали чрез Куминскую степь и прошли в Царицыно и оттуда в Москву, где означенныя салдаты остались, он же, Аристов, пошелъ в селцо Белую Реку. И, бывъ в своемъ домѣ с полгода, сказываяся жене и протчимъ отпущеннымъ от полку. И, какъ онъ, Аристов, живъ толикое время, в судебномъ месте не представилъ писменнаго о себе известия, то вознамерились ево другие помещики поимать; избегая чего онъ учинил побегъ в Москву.

І сыскавъ тамъ означенных своихъ товарыщей-салдатъ пошли с следуемыми из Санктъ-Питербурга чрез Москву горнаго началства служителямі: Васильемъ Львовымъ, Петромъ Чижиковымъ, Петромъ Аверьяновымъ въ Экатеринбургъ, каторые приняли ихъ заведомо, что они беглые, со обнадеживаниемъ, что тамъ таковые принимаются и в работу на заводах употребляютца. И по приходе были у оных служителей в работе недели с четыре; однако, по притчине от канторы требования у них известия, бежали. И, будучи в пути, уведомились они в Сарапулѣ и Осе, что называющейся государемъ Петромъ третіимъ Пугачевъ принимаетъ к себе разного звания людей з болшимъ награждениемъ жалованья; чему, они, польстясь, приняли намерение итти прямо к нему.

И, не доидя до Казани верстъ с шесть, какъ онъ расположился лагиремъ, пришли и явились сего июля в первых числахъ на Арском полѣ к старшине ево яицкому казаку, Петру Львову, которой по их желанию и представил ихъ к тому Пугачеву; а онъ под именемъ государя Петра третьяго принялъ и допустил ихъ к руке, подтвердя при томъ, чтоб они служили ему верно, обещая награждениемъ до немалого числа жалованья, и по приеме определил ихъ в казацкой Яицкой полкъ рядовыми под команду полковника казака Ѳедора Прохорова. Причемъ оной Пугачевъ сказывал ему, что живущие при городе Казане в татарской слободе татара чрез присылаемыхъ к нему приглашаютъ ево ітти прямо в Казань, уверяя, что ее можно взять без далной трудности: где де военных людей немного, они ж будутъ ему на спомоществование. Да на другой день под вечеръ, приехав из самых состоящихъ в городе Казане татарских слободъ, человекъ до семидесяти, а по имяномъ не знаетъ, явились к нему, Пугачеву, и принесли меду, сахару и завернутые матери, а какие — не ведаетъ, сказывая, чтоб онъ ехалъ в Казань по Арской дорогѣ

от речки Казанки низомъ, где никакого укрепления нетъ, и для въезду [?] мѣсто удобное: в Казанском же де манастыре многое число обывателями положено денегъ; и, бывъ у него часа 3 два, пили чай, поехалі в домы свои.... [1]

Пугачевъ продолжалъ свой бегъ луговою стороною вверхъ по Волгѣ к городу Кокшайску и, не доезжая до него повыше за версту, переправлялся той же ночи чрезъ Волгу па пагорную сторону по примеру, за отпускомъ ис-под Казани башкиръ по желанию ихъ, в четырех тысячахъ человеках; в числе ономъ находилось: несколко башкирцов, казанских татаръ, отставных салдатъ, барских людей и выпущенных имъ, злодеемъ, ис тюремъ казанских. И, переправившись, на утро пришел в село Сундырь; тутъ исполнил свои злодеяпп, — выжегъ все село без остатку за невстречю и недачю перевезенных судовъ, повеся притом афицера, бывшаго для охранения перевоза, и целовалника; ис которого ітти положил намерение к городу Нижнему. Но какъ, отошед верстъ с пятнатцеть, остановился для кормления лошадей, где пришли із лесу чюваша, человекъ до пятнатцети и, на спрашивание ево о городе Нижнемъ обявили, что онъ весма укрепленъ, и воинской команды в немъ много. Да сверхъ оного, уведомясь чрез разездные от него парти о переправляющейся близ города Свияжска за ним в погоню воинской командѣ, для сего переменя свое намерение, пошол к Донцу и Дону лесными местами чрезъ Курмышъ, миновавъ Алатарь, на Промзино [?] городище, а потомъ, минуя Пензу, на Усть-Медведицу и чрез станицы: Качалино, Малые Чиры, Болшие Чиры и Пятиизбинскую. А ис сей последней станицы намеренъ послать в Царицыно осмотреть, не можно ли будетъ оттуда получить пушекъ с припасами, с коими маршировать до Черкаскаго и, тамъ будучи, по способности возмутить Белогородскую и Кубанскую орды, и, умножа силы, обратиться к Москвѣ.

А ево, Аристова, какъ выше значитъ, отшедши от села Сундыря пятнатцеть верстъ, послалъ с семью человеками вперед для приуготовления, где онъ будетъ итти, хлеба, овса и разных съестныхъ припасовъ. Почему онъ пришел Ядринскаго уѣзда под деревню Ивановскую; переправясь чрез реку Суру, войдя во оную деревню, из оной отпустил трех по желаниям их в чювашские деревни, с приказанием явитца имъ в селе Оокине или деревне Осиновкѣ, а протчие своевольно в чювашские ж селени разошлись. Сам же онъ, Аристов, оставшись одинъ, взявъ с собою в проводники оной деревни крестьянина Данила Иванова, пришел в присудное к селу Воротынцу село Семьяну, где ево встре-

[1] *Опускается та часть «допросных речей» Аристова, где рассказывается о взятии Казани и последующем поражении, нанесенном Пугачеву Михельсоном.*

тили крестьяня с хлебомъ и с солью, спрашивая у него таковыми речми: «Не от государя ль Петра третьяго присланъ». И на то обявил, что онъ полковникъ и присланъ от того государя с темъ: естли кто имеютъ себе от началниковъ своихъ какие обиды, то бъ ихъ вешать. И после того вскорѣ во оное село привезъ из села Воротынца староста со крестьяны, по обявлению от него, управителя з женою да француза, немца и крестьянина Андрея Кирѣева, да представил еще села Семьяны двухъ крестьянъ, з жалобою на всехъ ихъ в причиняемых ими одновотчиннымъ крестьяномъ обидах, кои по ево, Аристова, приказанию воротынцовскими и семьянскими крестьяны и повешены. Где онъ былъ часовъ с пять; а потомъ из жителства проводилі ево крестьяня и дали проводника до села Воротынца, в котором так же, какъ и в селе Семьяне, былъ встреченъ, и по приезде, на требование ево вотчинных разорителей, представлены к нему были упоминаемым же села Воротынца старостою, по сказыванию ево, управителской братъ Иванъ Тетеевъ с сыномъ, кои потому ж съ ево, Аристова, приказания фабришными повешены. А притомъ онъ вызывалъ в службу къ известному злодею Пугачеву охотниковъ, на что, какъ крестьяня, такъ и фабришные желание свое обявили; а напоследокъ по ево приказанию всю фабрику раззорили и полотна по себе разделили. Ис фабричных же, выбрався, одинъ, и прилепившись к нему, которой называется Григорьемъ, по отечеству Максимовым, а прозванием Пытов, просил ево, Аристова, чтоб отвесть къ известному злодею Пугачеву; но он за незнанием, где находится, отрекся, а пригласил ехать с собой, со обнадеживаниемъ ему темъ, что онъ, будучи при немъ, какъ будетъ грабить, можетъ получить себе денегъ и платья доволное число, на что и склонился. А, что принадлежитъ до проводника, то онъ, кроме указания по тракту дороги, ко учинению в другихъ местах и нигде злодеяния с нимъ общества і согласия не имел. И, ісполня все то злоупотребление, взявъ по желанию реченного фабричнаго Пытова и с проводникомъ, приехал в село Оокино, и тамъ находящимся Нижегородскаго баталиона ундеръ-афицеромъ при помощи тутошних крестьянъ они все попманы, и по привозе в Нижней представлены в Губернскую Канцелярию.

Будучи ж под Казанью, в тотъ самой день, когда под Казань пришли, по утру рано Казанской архиерей с семинаристомъ, котораго ни імени, ни отечества не знаетъ, однако, в лицо узнать можетъ, ибо приметами онъ: лицемъ белъ, чистъ, глаза серые, волосы русые, — завязаны пучкомъ, ростомъ высокъ, корпусомъ тонокъ, в полукафтанье сукна василковаго, на верховой лошади, прислалъ ко упоминаемому злодею Пугачеву вязеной кошелекъ з золотыми денгами, по примечанию, тысячь до трех, а сколко подлинно — не ведаетъ, кои тогда и принялъ самъ злодей, поднеся тому семинаристу рюмку водки, приказалъ за то его пре-

освященство благодарить. А болѣе, кто присылал к нему денегъ, тож, куды бъ онъ в знатные города посылалъ для возмущения, такъ, какъ кто бы і из оных к нему пріезжал, — онъ, Аристовъ, совсемъ не знастъ.

И в семъ допросе сказал самую сущую правду, не утая ничего, в чемъ и подписуется.

(П. А., кн. V, л.л. 52 — 54.)

№ 138.[1]

1774-го года августа 1-го дня в Нижегородской Губернской Канцеляри присланной при репорте от капитана Алексѣева села Воротынца крестьянин во общемъ съ его превосходителством, господиномъ генералъ-порутчикомъ, орденовъ: святаго Александръ Невского і святыя Анны ковалером, Нижегородской губерни губернатором, Алексеем Алексѣевичем Ступишиным с товарыщи присудстви з доволнымъ о показаніи істинны увещаниемъ, а потом и с пристрастием, в допросе показалъ:

Васильемъ ево зовутъ, Федоровъ сынъ, прозваниемъ Черновъ. От роду ему пятдесятъ летъ. Крепостной он крестьянин Нижегородского уезду, вотчины тайного советника, действителного камеръ-гера, графа Александръ Николаевича Головина, села Воротынца, в котором по второй и по третичной ревизи в подушномъ окладе написанъ. Состоявшейся пред симъ о известномъ государьственномъ злодее Пугачеве указы, а особливо последней в прошломъ 773-м году ноября 29-го дня імянной ея і. в. манифестъ, по публиковани в том селе нарочно посланными из Нижегородской Губернской Канцеляри, онъ слышалъ.

А сего июля 18 числа, приехавъ въ ихъ село, Нижегородского уезду села Майдану крестьяня четыре человека, из коих припомнит: Петръ Назаровъ, Кондратей Беловъ сынъ, а какъ ему и другимъ двумъ человекамъ звани — не знает, обявили, что злодей Пугачевъ, называя оного государемъ Петромъ третиемъ, следуетъ блиско, а прежде де от него будетъ брегадиръ; почему же об ономъ они узнали, — не обявили. Однако ж, все того села крестьяня и фабришныя работники, и протчия, в томъ числѣ и онъ, собираясь толпами, между собою согласилисъ ево встречать с ыконами, с хлебомъ да с солью. И на другой день, то есть 19-го, пришелъ онъ по наряду старосты Чуева, сотского Андрея Ананьина на мирской сход, на которомъ земской Филипъ с отцомъ Іваномъ Новоселовыми выборной Николай Степановъ, староста Степан Чуевъ, сотские и десятски, і, словомъ, все воротынцов-

[1] *На полях сбоку и после текста — скрепа:* «Протоколистъ Яковъ Федоровъ».

ския крестьяня, фабришныя были во ожидани того, называющагося іменемъ государя Петра третияго, злодея Пугачева. Но, между темъ, того ж числа днемъ приехавъ в означенное село верхами на лошадяхъ, с ружьеми і с пистолетами, в казачьемъ платье, шесть человекъ обявили, что они присланы реченного злодея Пугачева от полковника, а какъ ему имя и отечество — не сказали, с темъ: когда он і после ево упоминаемой злодей в село Воротынецъ будетъ, то б встретить с хлебомъ да с солью; которые на дворе у управителя Алексея Тетеева были с часъ и пили разные напитки, а потомъ уехали, а онъ і все крестьяня тогда пошли каждой в домы свои.

А 20-го числа потому ж собралисъ, по наряду соцкого Андрея Ананьина на сход: выборной Степановъ, соцкой Урусовъ, десятской Трунтинкин і все крестьяня, и фабришныя, на которомъ сходе онъ, Черновъ, земской Филипъ с отцемъ Іваном Новоселовыми, крестьяня: Михайла Киреевъ, Василей Жахва, Іванъ Фроловъ, Григорей Солдатовъ, Федоръ Рузин, Іванъ Стрека и упоминаемой сотской Ананьинъ — все единогласно закричали, чтоб, от господина ихъ отложасъ, итти в подданство к означенному самозванцу-злодею Пугачеву, почитая ево за государя Петра третияго, і к тому всехъ техъ бывшихъ на сходе: выборного, старосту, соцкого Урусова со крестьяны и фабришныхъ соглашали. К чему а по тому іхъ совету все і склонилисъ і управителя Алексея Тетеева с женою Настасьею Николаевою, з братомъ Іваном Тетеевымъ, с племянникомъ Васильемъ Ивановым, француза, немца да воротынцовского крестьянина Андрея Киреева, захватя, сковали, і в господскомъ доме содержали, с темъ намерениемъ: ежели оной злодей Пугачевъ к нимъ в село или кто от него будетъ, то представить іхъ к нему, дабы за оказанныя имъ от нихъ обиды приказалъ повесить.

А 22-го числа, во время ихъ воротынцовскихъ, не иземля выборного, старосты, соцкого и десяцкого с фабришными, земского с отцом, ко ожиданию поминаемого злодея Пугачева или от него посланного собрания, приехавъ в село Воротынецъ, одновотчинныя крестьяня: із села Семьяны по примеру более тритцети человекъ, іс коихъ он припомнитъ — Михайла Романовъ, Іван Петровъ, із деревни Березовки человекъ з десять, а кто они, равно і семьянския, — званиями, не припомнит, обявили имъ что они, будучи в городе Курмыше, допущены были к руке реченного самозванца-злодея Пугачева, которой приказалъ имъ привесть всехъ вотчинныхъ раззорителей в Курмышь. На то согласилисъ они всемъ миромъ, — означенныхъ управителя Тетеева і протчихъ для того отвозу отдали темъ семьянскимъ и березовским крестьяномъ да с ними отправили воротынцовскихъ крестьянъ: Івана да Федора Буровыхъ, Никиту Савельева, Михайлу Обрамова, Данилу Пеликанова, Андрея Клюева, Федора

Беспалова, Івана Свеньина, Максима Чиркова, Андрея Матина, Івана Рогожина, Михайлу Долгова, Матвея Лазарева, Григорья Брюзгина, Федора Одинцова, Филипа Новоженина, Павла Быкова на пяти парахъ, чрезъ село Семьяну. По отправлени ж оныхъ сотской Андрей Ананьинъ, взявъ на улице старосту Чуева, сковавъ, посадилъ в караулной избе под караулъ. І напоследокъ того ж дня, под вечеръ, іс техъ воротынцовских — Михайла Долговъ, Матвей Лазаревъ, Григорей Брюзгинъ, Федоръ Одинцовъ, Филипъ Новоженинъ, Павелъ Быковъ приехавъ возвратно уже одни, со обявлениемъ всемъ крестьяномъ и фабришнымъ, что техъ управителя з женою, француза, немца і крестьянина Киреева, остановя в томъ селе Семьяне, сказывающейся злодея Пугачова полковникомъ по жалобе семьянскихъ и березовскихъ в обидахъ повесилъ и обещал быть к нимъ в село Воротынецъ скоро.

Почему на другой день, то-есть 23-го числа июля, по утру, собравшисъ, священники: Іван Федоровъ, Григорей Тимофеевъ с причетники, державъ в рукахъ іконы, а крестьяня с сотскими, десятской, тожь выборной Степановъ, староста Чуевъ (коего іс под караула свободилъ сотской Ананьинъ) и фабришныя — с хлебомъ да с солью, и были означенного называющагося полковникомъ в ожидани, не делая имъ, священники, никакого увещания, а обще, какъ он в жило взъехалъ, то ево со всемъ темъ і встретили. А по приезде оной называющейся полковникомъ взошелъ в питейной домъ, куда управителского брата Івана Тетеева с сыномъ Васильемъ привелъ фабришной Алексей, а какъ ему імя і отечество — не упомнит, которыхъ означенной называющейся полковником, спроса толко о ихъ звани, велелъ потому ж, какъ управителя с протчими, повесить на крестьянскихъ воротахъ, что іспольнили крестьяя: Никита Денисовъ, Григорей Кривенковъ а еще кто вешалъ, — уже не упомнитъ; напоследок же всего вышеписанного, во-первыхъ, вызывалъ оной называющейся полковником к злодею Пугачеву в службу охотников, со обявлениемъ, что всякому желающему у него быть производимаго жалованья по дватцети рублевъ в месяцъ, на что они, воротынцовския крестьяня в том числе сотской Андрей Ананьинъ и фабришныя, полстясь тогда, были согласны. Более ж того еще злодейства имъ употреблено і наконецъ, взбунтуясъ, фабришныя с приказания того называющагося полковником, с ними жь и они, крестьяня, состоящие при селе Воротынце: полотняную фабрику всю без остатку раззорили и полотна по себе разделили, кожевенной заводъ сожгли и господской домъ разломали; оставшияся жь после повешенныхъ пожитки заперты и запечатаны в чулане старостою.

І, по окончани того злоупотребления, реченной называющейся полковником, начавъ, іс того жителства с отдавшимся в службу к Пугачеву однимъ из фабришныхъ Григорьемъ Пытовымъ уехали, а куды — не знаетъ. І с нимъ другихъ жилъ, кроме выше-

показуемыхъ, крестьянъ, в согласи не было, і они вору Пугачеву присяги не чинили. І в семъ допросе сказалъ самую сущую правду. Вышеписанной же Черновъ при семъ допросе под жестокимъ мученіемъ во всіо продолжителное время упорствовалъ назвать Пугачева злодеемъ, почитая ево іменемъ государя Петра третияго; однако ж, наконецъ, не от укрызенія совести, но от нестерпенія мученія назвал ево злодеемъ.

(Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. 404, л.л. 2—4.)

№ 139[1].

Копия с репорта

из Танбовской Правинцыалной Канцеляріи.

Сего августа 21-го дня злодейская толпа, в трехъстах человеках конных да черни человекъ до тысячи, приехавъ в дворцовое село Расказово, которое от Танбова состоитъ в тритцети верстах, и призвавъ чернь, поили виномъ и сами пили, — поздравляли Петра Федоровича. Дворцовые ж крестьяне встречали с хлебомъ и солью и, при нападеніи тех злодеевъ на фабрики фабрикантовъ: Тулинова и Олисова, чинили вспоможение: пушки несли, фабрики поджигали. И въ 4-м часу пополудни было со обоих сторонъ, яко-то у фабрикантовъ со злодеями, сраженіе, причемъ продолжалось пушечная полба и ружейная стрельба. И по многому сражению из злодейской толпы отбито чюгунных пушекъ три, злодеевъ побито три, поймано девять человекъ, которые от помянутых фабрикантовъ при репорте и присланы. А допросами не пойманных злодеевъ показываютъ, что их действителное намерение, разбивъ фабрики и взявъ фабричных въ помощь, и забравъ пушки и протчае, быть в Танбове и в жителствах на реке Савале.

По рекам же Вороне и Хопру таковых же злодейских партей по разнымъ шайкам іметься во многомъ числе, тысячь до дву человекъ, и в таком согласи, чтоб всемъ соединится. Те ж злодеи показываютъ, что при грабѣжахъ іми многих дворянъ и протчих кроме черни варварски мучели и вешали.

Августа 23 дня 1774 года.

(П. А., кн. V, л. 331.)

---

[1] *Перед текстом, вслед за зачеркнутым* — «къ № 134», *читаем:* «Августа 29». *После текста:* «С подлиннымъ свидетелствовалъ секретарь Іванъ Безгинъ».

№ 140.[1]

Въ Казанскую Губернъскую Канцелярію господина генералъ-порутчика, действителнаго камеръгера и орденовъ: святаго Александра Невскаго, святыя Анны и Бѣлаго Орла ковалера, графа Ивана Ларіоновича Воронцова находящагося при заводе отъ служителя Ивана Юрьева

Доношеніе.

Сего 774 года прошедшаго августа 6 числа в Казанскую Губернскую Канцелярію подано отъ меня доношеніе, в которомъ объявлено о разореніи господина моего отъ злодейскаго нападенія завода:

Что сего жъ года в ыюле месяце в разные числа приезжающие злодейской парти во многочисленномъ собрани въ заводахъ господина моего изъ служащихъ при заводе крестьянъ из дворовъ людей насилно выбрали въ свою злодейскую толпу осмнатцеть человекъ, ис которыхъ ныне тринатцеть человекъ, выбежавъ ис толпы, возвратились въ свои домы; а протчие заводъскіе крестьяня, видя множественное ихъ, злодѣевъ, число вооруженныхъ, а у себя не имевъ къ защищенію никакова оружія, бежали з женами и з детьми для укрывательства в лесъ. Ис протчихъ господина моего муромскихъ и пензенскихъ деревень крестьянъ, которые находились при заводе в каменщикахъ и в плотникахъ и в протчихъ работахъ, до восмидесятъ человекъ, все разбежались, но, где ныне находются, сведенія не имею. В бытность же злодеевъ въ заводе, разграбили и переломали при винокурняхъ из выходавъ медной посуды, вина и хлеба немалое число взяли съ собою, такъже господина моего заводскую кантору съ писменными делами, при которой состояли в наличности денги, свещенниковъ и прикащиковъ домы совсемъ разграблены, рогатай и мелкай скотъ угнали въ свою злодейскую толпу, которая состояла в татарской деревне Зюре, о чемъ, по прибытіи в заводъ, господину подъполковнику Сергею Васильевичу Неклюдову объявлено.

А какъ 774 году по приказомъ его превосходительства, покойнаго господина генералъ-аншефа, ковалера и Казанской губерни губернатора, Якова Ларіоновича фон-Бранта и по даннымъ отъ Казанской Губернской Канцеляри выписямъ отъ заводу господина моего в пермские города в контрацкую сумму в зимнихъ месяцахъ отъправлено вина простаго одиннатцеть тысячь семьсотъ тритцать ведръ, которое все злодейскими партиями

[1] *Перед текстом:* «Копія».

отъбито, о чемъ отъ заводскаго прикащика Федора Герасимова доношениемъ въ экспедицию его превосходительства предъставлено, и реэстръ подвотчикамъ по имянамъ, которые находились под ызвозомъ того вина, приложенъ, и просилъ, чтобъ ихъ повелено было допросить, въ которыхъ селеніяхъ то везенное вино злодейскими партіями отънето,—они доказать могутъ; а господину моему чтобъ зачесть в контрацкую препорцію и денги выдать, что во ономъ виною заводъ господина моего не состоитъ. А во все прошедшие три годы поставка вину производилась во всякой исправности...[1]

А нынешнею веспою, въ маие месяце, по приказу жъ его превосходительства зъ заводу господина моего на судахъ рекою Камою еще в пермъские города по даннымъ отъ Казанской Губернской Канцеляри выписямъ в контрацкую сумму отъправлено, под присмотромъ военной команды господина порутчика Мелентьева, в пятистахъ тритцети шести бочкахъ мерою дватцеть одна тысяча восемьсотъ дватцеть девять ведръ одна осмая, которое въверхъ по Каме до пригорода Осы дошли, но злодейская толпа около оныхъ жительствъ по Каме в разных местах состояла, и по препятъствію злодеевъ далее вверхъ до вышепредписанныхъ городовъ итътить было не можно. А по данному отъ его превосходительства ордеру господинъ порутчикъ спустилъ суда внизъ по Каме, которое состояло на страхе господина моего противъ села Рыбной Слободы; объ ономъ от него, господина порутчика, і от заводскаго прикащика Федора Герасимова его превосходительству представлено, и требовалъ, куды повелеть изволитъ оное вино отъправить.

А денги за провозъ, тожъ какъ и за зимнею поставку, за всю сумму—за дватцеть за одну тысячу за восемьсотъ за дватцеть за деветь ведръ за одну осмую, сполна отъданы; а вино, какъ выше предписано, состояло на судах и при заводе в наличности, отъ которой отъ усышки и утечки последовалъ немалой господину моему ущербъ. Но и заводъ за неполученіем денегъ за все отъпущенное вино в зимнихъ и летнихъ месяцахъ, всего за тритцеть за три тысячи за пятьсотъ за пятдесятъ за деветь ведръ за одну осмую, остался не толка в приуготовленіе всехъ потребныхъ к винному куренію припасовъ впредь для исправной поставки, что изъ служащих заводскимъ людемъ, кроме что из другихъ деревень и из волных работниковъ, которые находились при заводе въ разныхъ должностяхъ, денежное и хлебное жалованье производить, в несостояніи, но и резолюци отъ Губернской Канцеляріи никакой не последовало, кроме того, что присланъ отъ губерни Казанскаго баталіона сержантъ з десети

[1] *Опускается часть «доношения» с перечислением ряда материальных потерь завода гр. Воронцова.*

салдатами на суда, которому опредѣлено в пути до пермских городовъ иметь смотрение. То принужденъ былъ на отправленное вино занять денегъ ис проценту для наиму других работниковъ с немалою заплатою, и прошедшаго августа 28 числа от села Рыбной Слободы суда с виномъ в пермскпе города отъправились...[1]

...ежели от Губерской Канцеляри денги выданы будутъ, то, закупя мне, хоша с великою передачею противъ прежнихъ цѣнъ, хлебъ и протчие припасы, по исправлени при заводе мѣдной посуды, винное куреніе производитца будет, и в начале предбудущаго года, в зимнихъ месяцахъ, поставка вину произведена быть имеетъ. А, не закупя ныне все потребные к винному куренію припасы, заводъ остапется без действія, и господин мой всего употреблен[ног]о в заводъ капиталу лишится и придет в раззореніе. А ныне, за раззореніемъ отъ злодеевъ, у казанскихъ жителей ис проценту на поправление завода потребной суммы сыскать не у кого не можно...[2]

Сентября 10 дня 1774 году.

(П. А., кн. IX, лл. 72—73.)

№ 141.[3]

Его сиятелству, высокопревосходителному господину генералъ-аншефу и разныхъ орденовъ ковалеру, графу Петру Ивановичу Панину Донскаго войска от сотника Птахина

Рапортъ.

По отправленні от его благородия господина капитана Ивана Андреевича Карташева з данною мне от него камандою, сего октября 3-го числа на Шкафтенские его сиятелства графа Андрея Петровича Шувалова заводы приехал благополучно, где по приезде уведомился, что известной злодей Фиръсъ Ивановъ со всею разбойническою партиею по разнымъ местам въ лесах пристанище имеетъ неподалеку и намерение свое имелъ для погубления находящегося при помянутых его сиятелства заводах управителя с протчими служителямі и совершеннаго раззорения техъ заводов исполнить въ скорости; почему я, оставя при тех заводехъ для охранения десять человекъ, с протчими тритцетью казакамі стараłся преследовать за ним для сыскания по всей

[1] *Опускается та часть «доношения», где Ив. Юрьев излагает и мотивирует ходатайство о выплате заводу полностью денег за 35559 ведер вина с осминою.*

[2] *Копия «доношения» опускается.*

[3] *Перед текстом:* «№ 19. Вз. Подано 3 ноября 1774 году».

окружности здесь в лесах и в разныхъ жителствах денно и ночно почти без оддыху. И сего ж месяца 10-го числа догнал онаго злодея въ десяти человекахъ, разстоянием от помянутыхъ Шкафтенских заводовъ не менее двусотъ верстъ, вписъ по реке Суре в селе Чумакпне (а котораго уезду и чьи того села крестьяня, об оном донесть вашему сиятелству не имею), где, окружа ихъ, хотя и немалое время, ружейною пальбою с ними дрался; однако, по власти божеской, какъ самаго атамана, такъ и протчих ево портизоновъ, всего девять человекъ, переловя, взял безо всякаго с моей стороны повреждения весма удачно, которыхъ съ собою и привесъ на предписанные Шкафтенские заводы сохранно; а десятой ис того числа убежал, и сыскать онаго было не можно. Обыватели ж того села къ поимке онаго разбойника Фирса Иванова не толко мне въспомощевствовать, но и із домовъ своих все разбежались, куда — неизвестно. Я же, давъ несколько времени казакамъ и іх лошедям, как оные весма утруждены, на краткое время роздыхъ, к тому ж и исправя на тех злодеевъ ручные и ножные кандалы, въ скорости отсуда в город Синбирскъ и імею отправитъся.

К сему рапорту, вместо вышеписанного сотника Птахина, за нѣуменіемъ ево грамоте, того жь Донскаго войска казакъ Никита Елистратовъ, по ево прошению, руку приложилъ

Октября 14 дня 1774 году.

(П. А., кн. VIII, л. 83.)

№ 142. [1]

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня імператрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская!

Государыня всемилостивѣйшая!

Бьетъ челомъ воронежских купцовъ и фабрикантов, суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ содержателей, Якова и Василья, Васильевых детей, Туляновых кредитованной их прикащикъ Емельянъ, Деменьтиевъ сынъ, Верещагинъ; а в чемъ мое прошенію[sic], тому следуютъ пункты.

1-е. Премудры монархъ, блаженныя і вечной славы достойныя памяти государь Петръ первый, імператоръ великій, во время благополучнаго своего государьствования неусыпными трудами о всеобщемъ благосостояніи и между другими неизщетно-опи-

[1] *На первой странице л. 217, на поле снизу:* «Отдана 10 декабря 1774». «Слушали декабря 20 1774». *На челобитной подпись секретаря Сената:* «Андрей Лангель».

санными пределами в распространение комерции и о манифактурах старатся соизволилъ и ко учреждению также оных подавать способы, что суконные фабрики по необходимости в не вшедших во обычай казенною суммою во многих местах учредить повелелъ, какъ-то: хозяевъ моихъ предками суконная казенная фабрика, действующая в восемъ становъ, по призыву начальствующих в свое содержание принета и с таковымъ точно обнадеживанием — к размноженію оной подкрепитъ далѣе в силах действующее состояніе казенною суммою. Но никто із предковъ, равно и хозяева мои высокаго в. і. в. интересу не требовали, а с помощию всевышняго довели своимъ прямо усердствующимъ отечества сыновъ радениемъ до такаго цветущаго состояния, что ныне изъ осми до трехсотъ становъ действуютъ. Сколь же трудно и весма сперва было во обычай новаго знака входить нужно, яко-то все принадлежащую к той фабрики материалы, за неимениемъ в Россіи, мастеровъ і к тому еще неприобычных выписывали изъ чужих краев (что нынѣ в Россіи строитца), противо таких же содержателевъ платили цену вдесяторо, чрезъ что приносили не толко высокому в. і. в. платежемъ пошлинъ интересу прирощение, но и всеобщенародную ползу увеличивали шелковою фабрикою, тож заведениями еѣ умножающихся силъ в разныхъ местах, яко-то в царствующемъ столичномъ граде Москве и еще суконные в Танбове и в Володимерскомъ уезде, о которыхъ Государьственной Манифактуръ-Коллегіи известно, и по даннымъ имъ, хозяевамъ, привилегиям к заведению значитъ. И нынѣ тожъ о тех же фабриках неусыпное попечение в размножение старание прилагаютъ, дабы и прочие, зря на тѣ благословенные плоды, входили.

2-е. Хотя ж даннымъ Государьственной Манифактуръ-Коллегіи еще въ 723-м году регламентомъ всевысочайше повелено, чтоб все содержатели разнаго роду фабрикъ не толко самые оне, но и іхъ прикащиковъ, от всех гражданских службъ свободными остатся долженствуютъ, а темъ наипаче и никакому правителству с челядью (кромѣ коллегіи) судомъ и расправою зависимы быть не могутъ, дабы остановокъ и в настоящих делах упущения не воспоследовало, не умалчивая и того, Правительствующему Сенату изъявить дерзаю, что какое хозяева мои претерпели от внутренняго мятежника Пугачева в нападеніи ево партіи на Танбовскую суконную фабрику разорение, а к тому:

3-е. Хъ крайнему жъ нынѣ не толко хозяевамъ моимъ притеснению, но и к сущему во остановках по фабрикам разорению, Воронежскаго купечества изъ общества некоторые из могущих, в противность, какъ выше значитъ, законов, желая по завистямъ привлечениемъ къ ежегоднымъ разным гражданским службамъ, а особливо в магистратской судъ, отъ тех фабрикъ отъдалить, время сделав нетерпящимъ, хотя жъ и зная уже доволно, что

здѣсь в резиденціи отъ подобных сему партизоновъ ассесоръ Яковлевъ былъ балатированъ в повоучрежденной городовой магистратъ разгеромъ, однако, по содержанию разных фабрикъ и заводовъ горнаго началства, по всевысочайшему в. і. в. указу не толко онъ и ево потомки уволены и свободными остались нынѣ. Итакъ, въ сходственность уже постановленных правилъ, и я, по писмамъ моихъ хозяевъ о уволненіи от всех гражданских службъ их, принужденным себя нахожу прибегнуть под милостивое покровительство правителствующаго Сената и со всеподданническою моею преданностию просить о милостивомъ защищеніи, о невыборах — помощи.

И дабы высочайшимъ в. і. в. указомъ повелено было сие мое челобитье, Правителствующаго Сената въ 4 департаментъ принявъ, и за вышепрописанными законами и резопами (и что действително хозяевъ моих фабрика от фабрике отъ Воронежа до Москвы и до протчих местъ на немалое разстояние удалился), и за всевысочайшаго в. и. в. материнаго милосердия, въ сходственность ассесора Яковлева, и что почувствовали отъ партіи Пугачева разорение, заменить въ единственное во уваженіе о увольненіи от гражданских всех службъ всемилостивѣйше удовледворить, дабы оные далие в размноженіи своих фабрикъ силы, какъ выше значитъ, умножали и о томъ в Воронежский Губернскую Канцелярию и Магистратъ, и куда надлежитъ, о невыборе всемилостивѣйше изъ Правительствующаго Сената определить в. і. в. указами.

Всемилостивейшая государыня! прошу в. і. в. о семъ моемъ прошеніи решение учинить.

Декабря ... дня 1774 году.

Къ поданию надлежитъ Правителствующаго Сената въ 4 департаментъ. Челобитную писал дому господина генерал-порутчика, сенатора и ковалера, Михаила Михаиловича Ізъмайлова служитель Герасимъ, Стефановъ сын, Дубенской.

К сей челобитной Емельянъ Верещагинъ руку приложилъ.

(П. А., кн. II, лл. 217—218.)

ДОПОЛНЕНИЯ

1.* Некоторые сведения относительно автора «Экстракта» сообщает следующий документ, воспроизводимый полностью и с соблюдением орфографии оригинала: **

«Сиятелнѣйши графъ, милостивы государь, Петръ Ивановичь! Не осмелился бъ я вашего высокографскаго сиятелства утруждать моею покорнейшею прозбою, естли бъ не имелъ надежды на мою предъ ея величеством и предъ отечествомъ безвинность, а притомъ на патриотическое вашего высокографскаго сиятелства поведение і на изливаемые щедроты, — ко всемъ безвинно страждущимъ милосердие. Въ 763-м году по всевысочайшему ея и. в. соизволению отправленъ я былъ в Казанскую, Нижегородскую и Оренбургскую губерни для освидетелствования принадлежащихъ ко флоту дубовых лесовъ и рощъ и для разведывания о причине бедности в Казанской губерни жителей. Я никогда того не ожидалъ, чтобъ за справедливость мою столь былъ гонимъ, как-бы и за болшие пороки и преступлени. Но всеподданническое мое усердие не позволило мне ни малейшаго оставить безъ изьяснения, и сию вверенную мне комисию исправилъ я столь удашливо, что Правителствующему Сенату, а темъ болше ея императорскому величеству, было угодно, уполномоча, определить меня, какъ способнаго к правлению сей должности. Вместо того, я отданъ к темъ в команду, на кого по прошедшей сей комиси представлялъ. Что же вашему высокографскому сиятелству за нужное предпочелъ при сей моей покорнѣйшей прозбе приобщить со внесеннаго от меня экстракта копию. Сиятелнѣйши графъ! милостивы государь! Вот мой проступокъ, коего болше я за собой не знаю! А за сие из военнова списка выключенъ, штатъскаго ни места ни чина не имелъ, в морской и адмиралтейской, имея от меня по команде прозбы, не включаютъ; итакъ, все безвинно обходятъ. И, бывши по высочайшему ея и. в. повелению самъ командиромъ, бываю того же ранга в команде. При раззорени же Казани от известнаго изверга Пугачева разоренъ такъ, что по чести моей (кроме получаемаго жалованья) и содержать себя не в состояни. Но, сверхъ того, и рационы получаю по старому, а не по новому окладу, чемъ ея императорское величество из высочайшей своей монаршей милости всехъ наградить уже соизволила. Сиятелнѣйши графъ! милостивы государь! Зная мою всеподданническую робкость, ни о какомъ награждени вашего высокографскаго сиятелства просить не осмеливаюсь; но, какъ человеколюбивы отецъ, справедливы судья, милосерды всемъ притесняемымъ покровитель и защитникъ, войдите в мое нещасное состояние и подайте безвинно страждущему помощъ, и исходатайствуйте мне от престола монаршаго обьявление моей вины, или возъвратите мне подлежащѣе мое. Питаясь надеждой на величество души вашей, с наиглубочайшей моей преданностию и с ыскреннимъ моимъ почитаниемъ остаюсь,

---

* Этот и последующие №№ в отделах: «Дополнения» и «Примечания», должны быть относимы к соответствующим №№ порядковой нумерации самих документов.

** Цитаты из текста оригинала в «Дополнениях» даются обычно без соблюдения его орфографии, исключая ряда документов, публикуемых полностью.

сиятелнѣйши графъ, милосерды государь, вашего высокографскаго сиятелства покорнейши слуга Александръ Свѣчинъ. 9 декабря 1774 года. Казань». Перед текстом: «№ 68» (П. А., кн. VIII, лл. 679—680).

Некоторые биографические данные об авторе «Экстракта» сообщаются еще следующими документами, представленными им гр. П. И. Панину. Так, в «аттестате печальной комиссии», «учрежденной о погребении» импер. Елизаветы, засвидетельствовано, что «находившийся при оной печальной комиссии у сочинения разных рисунков» подполк. А. И. Свечин, «как в рисовании, так и в архитектурии и в прешпективой, рекомендовал себя знающим и трудолюбивым штаб-офицером» (ibid., л. 683). А в «аттестате» от 13 мая 1765 г., заверенном Петербургским губернатором Степ. Ушаковым, сказано, что, в бытность Ушакова «главноприсутствующим» в Новгородской Межевой Губернской Канцелярии, в той же канцелярии в качестве члена «обращался в хорошем состоянии и поступках» и А. И. Свечин, обнаружив себя «в знании межевой науки искусным» (ibid., л. 683). Ряд «похвальных аттестатов» свидетельствует о «добропорядочном и рачительном правлении дежур-майорской должности» капитаном А. И. Свечиным; один из этих аттестатов датирован сентябрем 1752 г. (ibid., л. 682).

В «аттестате», выданном в ноябре 1768 г. генералом-майором, флота-капитаном, Андреем Елмановым, «главноприсутствующим Казанской Адмиралтейской Конторы, на имя «особой экспедиции экспедитора и оной же конторы члена» А. И. Свечина, указывается, что возложенная на Свечина «экспедиция» состояла: 1) в «смотрении» за дубовыми рощами и их размножением, «к чему работных людей определять ему, господину полковнику Свечину, по своему рассмотрению», 2) в заготовлении и вывозке корабельных лесов к пристани, «для чего тем татарам наряд делать», 3) в подаче ведомостей о работавших для соответствующего зачета им этих работ, 4) в рассмотрении и вершении по «словесным жалобам» от татар, 5) в калькуляции цен на поставляемый лес и в мерах к его удешевлению. В аттестате Елманова говорится далее, что за два года правления Свечиным его «экспедиции» им «решено дел» — «казенных» 544, «челобитчиковых по словесным жалобам» 2364 («кроме конторского правления»), причем, подчеркивается, «во все бытие его при сих должностях... ни от кого не только письменных, ниже словесных, жалоб ни в чем не доходило». К тому же, во время отлучек Елманова, на Свечина возлагалось главное начальство и над конторой, и над адмиралтейством (ibid., л. 683 об.).

В «аттестате», выданном Свечину в декабре 1770 г. Казанским губернатором фон-Брантом, сказано, что «от уездных обывателей по Казанской губернии, как в обидах и взятках, так и ни в чем, никаких на него, Свечина, просьб и челобитья не бывало» (ibid., л. 684).

В похвальном стиле составлен и «аттестат» на имя А. И. Свечина, подписанный 19 января 1773 г. бывшим «главным командиром» Казанской Адмиралтейской Конторы Ив. Иохемсеном (ibid., л. 684).

В документе, озаглавленном — «Экстракт из полученных Правительствующего Сената и Государственной Адмиралтейской Коллегии указов и полковника Свечина изъяснение», находим подробное изложение всех указов, касавшихся определения А. И. Свечина в Казанскую Адмиралтейскую Контору, и обстоятельную критику всего поведения Адмиралтейской Коллегии в отношении его, Свечина. Вопреки ясным указаниям высочайшей конфирмации и сенатского указа от 18 июля 1765 г., Адмиралтейская Коллегия, по мнению Свечина, не только не определила его «главноприсутствующим» в Казанской Адмиралтейской Конторе, но и отдала его под команду тем, кто был им же, Свечиным, опорочен в его «Экстракте» (ibid., лл. 715 — 720).

3. В «Ведомости, сочиненной о преждепоселенных и вышедших из-за польской границы разного звания беглых людей», содержатся следующие сведения о населении по течению р. Иргиза незадолго до Пугачевщины.

Впервые «разобрание оных [иргизских] поселенцев последовало в 762-м году чрез посланного от Оренбургской Губернской Канцелярии майора Брюхова,... и оных Брюховым по переписи найдено 1195 душ обоего пола». Вторую перепись иргизских посельщиков производил присланный из Сената, в силу именного повеления от 8 апреля 1763 г., ассесор Лихарев, причем оказалось, что из числа включенных в перепись Брюхова убыло 317 душ, осталось 878; «да к тому числу вновь прибылых в поселении явилось 575, а всего 1453 души». «И в то самое время явилось к нему, Лихареву, на поселения более трех тысяч человек беглых». «Во отвращение сего, дабы как помещиком чрез побег крестьян не причинить крайнего разорения, также не подать к побегу повода невоздержного состояния служилым людям, и от сообщества таковых жителей не могло б произойтить разбою и прочего какого нестроения», Сенатом был «сочинен» доклад императрице, чтоб «паикрепчайшим образом» подтвердить о воспрещении «своевольного побегу и поселения по Иргизам». 19 августа 1763 г. последовала соответствующая высочайшая резолюция, с таким, однако, добавлением, чтоб вновь пришедших на Иргиз рассылать по прежним местам жительства «без наказания». Затем об этом было публиковано «во всем государстве печатными указами». В 1765 г. по сенатскому указу Казанским губернатором Квашниным-Самариным был послан на Иргиз для «переревизования поселенцев» подполк. Попов. Им найдено в Красном Яру — 95, в сельце Рождественском, Перекопная Лука тож, — 269, в Березовом починке — 79, в Овсяном Гаю, что у мостов по Яицкой дороге — 62, итого 505 душ». Да раскольников, которые вышли из-за польского рубежа в силу манифеста от 4 декабря и сенатского указа от 14 декабря 1762 г., разрешавших им селиться по Иргизам на условии шестилетней податной льготы, Попов обнаружил: «в Криволуцкой слободе 258, в местечке Криволучье, что в Медвежьем Гаю, называемом Аврамовом ските, раскольнических иноков 17, в новопоселенной деревне Скормяшке, Криволуцкой Остров тож, — поселян 42, в местечке Мечетном, называемом Пахомиевом и Филаретовом скитах, иноков 29, в слободе Мечетной поселян 264, в Старицком Юрту, выше Мечетной слободы, на Саратовской дороге, называемом Исааковом ските, иноков 37,— итого 683; а всего с вышеписанными беглыми разного звания людьми 1188 душ; а женска пола в вышеписанных селениях имеется 785 душ».

В реестре, приложенном к упомянутому сенатскому указу от 14 декабря 1762 г., значится: «в Астраханской губерний по р. Иргизу — сенокосу 5418, лесу 2575 десятин, при р. Малом Иргизе — сенокосу 731, лесу 712 десятин. В Оренбургской губернии ниже города Самары по р. Волге до устья речки Иргиза, вверх по Иргизу плодородные и выгодные земли на несколько тысяч семей». Здесь-то, указывается в «Ведомости», при устье Большого Иргиза, и по другим речкам... оные выходцы и поселились» (П. А., кн. XV, лл. 94 — 96).

Для характеристики иргизских поселенцев не безразличны данные, сообщенные на допросе в Тайной Экспедиции 18 декабря 1774 г. монахом с Иргиза Пахомием относительно двух монахов из иргизских же скитов, Филарета и Гурия, подозревавшихся в соучастии с Пугачевым и, повидимому, действительно как-то причастных к Пугачевщине. О Филарете монах Пахомий, между прочим, показал: Слыхал он от Филарета, что тот «прежде сего был Московский второй гильдии купец и живал в Москве, и торговал на ярмонках, а больше на Макарьевской, разными мелочными товарами». А о монахе Гурии тот же Пахомий рассказал, что, по его сведениям, Гурий и отец его — нижегородские купцы Петелины (Г. А., р. VI, д. 512, ч. III, лл. 92 — 93).

5. В «Реестре», о котором упомянуто в «покорнейшем доношении» пахотных солдат с. Богоявленского, говорится о нижеследующем:

Предкам просителей, «верстанным и неверстанным солдатам» с. Подвалья, Ильнские Горы тож, «дано и отказано во 188-м [1860] году... в по-

местье земли 1432 четверти в поле, а в дву — по тому ж, да на сенные покосы Черемшанский Остров». Четыре года испомещенные «землею и островом... владели бесспорно». В 1684 г. «межевщик Лев Вельяминов да подъячий Жуков примежевали» Черемшанский остров к вотчине Новодевичьего монастыря, а еще через четыре года «писец» Мих. Пушкин «по тому неправому межеванью сверх острова еще отвел потаенно земли половину поля» все тому же Новодевичьему монастырю. В 1695 г. посланные из Симбирска по «определению Казанского Дворца» дворянин Степан Холопов да подъячий Попов «отказали» по-прежнему Черемшанский остров предкам просителей, «а про межеванье писца Пушкина учинили досмотр и чертеж, по коему значится в отводе к Новодевичью монастырю поместной земли тысяча сто, дубровы и лесу — семьсот десятин». Жители с. Подвалья Черемшанским островом владели «лет более девяти без спору», пока Новодевиченская волость не была пожалована кн. Меншикову. В 1710 г. новодевиченские крестьяне «усилием своим тот Черемшанский остров отняли и владели уже по 758 год». В 1758 г., в виду подачи пахотными солдатами с. Подвалья челобитной, новодевиченские крестьяне, даже «не ходя в суд, полюбовною подпискою обязались, что им тем островом не владеть». Пахотные солдаты после этого владели островом «по 1770 год уже без всякого спору». «А в 1770 г. находящийся у межеванья в пожалованных господам графам Орловым в вотчинах землемер Турченинов по неправому писца Пушкина межеванью отмежевал пашенной земли половину поля, а лес весь без остатку, да, сверх того, и Черемшанский остров ко отмежеванию присвоил». При возникшем споре Турченинов не принял от солдат «справедливых доказательств» и отослал дело в Московскую Губернскую Межевую Канцелярию, отсюда оно попало в Вотчинную Коллегию, которою решено в пользу Орловых, так как Турченинов при представлении обо «всем вышеписанном обстоятельстве» умолчал (П. А., кн. XV, лл. 51 — 52).

6. На почве недоразумений с заработной платой в обстановке Пугачевщины разыгрывались эпизоды большой значительности. Один из таких эпизодов, со слов приехавшего в Казань «служителя-конторщика» Шилвинского медно-плавильного завода Алексея Деревягина, рассказан в «рапорте» Вас. Красильникова, сына «заводчика» Петра Красильникова, А. И. Бибикову в январе 1774 г.

22 декабря 1773 г. «в воскресение по утру рано крепостные... означенного завода заводские мастеровые и работные люди: Федор Минеев, Тихон Данилов, Василий Угольников, Иван Васильев Боченок (большой), Федот Петров с товарищи, в немалом числе собравшись, пришед отца моего [т. е. П. Красильникова] к хоромам и в контору, учинили, яко-бы они удовольствия себе от отца моего, заводчика Красильникова, и от брата моего, бывшего в кредитованности при оном заводе содержателя, Семена Красильникова заработной платы . . . . . , великое с руганием роптание». В тот же день, «в раннюю обеденную пору», к Красильниковым на завод «наехали из толпы помянутого возмутителя, бунтовщика и самозванца-вора Пугачева злодейскою войною [?], с криком, с копьями, со стрелами и саблями, называющиеся казаками татара и русские, на конях верьхами, до осьми человек». Среди приехавших, «злодеев» Деревягин «признал» двоих людей помещика Останкова из «недальней» от Шилвинского завода деревни Башанды (один из них русский, а другой—крещенный башкир Григорий Артемьев, «который притом у них предпочитался начальником»), да шестерых татар из деревень: Калмаш, Азмушкиной и Кулюковой. Вместе с «злодеями» на завод «верьхами и на санях» приехали еще «в понятых села Шилны приписные к Ижевскому казенному заводу крестьяне: Трофим Ларионов, Мирон Петров, Иван Безщоков..., да деревни Шилны приписные ж к Авзяно-Петровскому дворянина Демидова заводу крестьяне: Григорий Иванов, Федор Кондратьев с товарищи».

Объявив «бывшим в собрании» «заводским... крепостным мастеровым и работным людям», что отныне «они имеют быть вольные», «злодеи» спросили, где «заводосодержатель» (С. Красильников); а так как его «тогда в заводе не прилучилось», то спросили про приказчика. И заводские крепостные люди, Ф. Минеев с товарищами, «тогда оказавшиеся в большом возмущении», «склонясь», схватили Деревягина и со словами, «что бутто он приказчик», «ругательски, с великим шумом», отдали его «тем злодеям и неприятелям в руки, яко в жертву», а затем участвовали в совместном с «злодеями» истязании связанного Деревягина «мучительскими и смертными побоями». «Злодеи» особенно старались получить от Деревягина сведения о порохе. В заключение приехавшие «разграбили» хоромы Красильникова-отца, бывшего о ту пору «за законными нуждами в городе Туле в доме своем»; имевшиеся заводские дела, указы и книги, какие б ни были, все без остатку оные злодеи в той же конторе в печи сожгли»; но «изготовленной к поставке в Екатеринбург на монетное дело чистой штыковой меди», 456 «маловесных» штыков, не тронули.

«При означенном возмущении», и кроме поименованных, «крестьян довольно находилось» и, в частности, «села Боровецкого приписные к Ижевскому казенному заводу крестьяне: Степан Семенов, Андрей Гаврилов, Малафей Никифоров с товарищи были».

«Наклав пограбленный отца моего пажить, одежу и посуду всякую и прочий экипаж заводский на приготовленные от заводских крепостных отца моего людей подводы» и захватив «имевшиеся для содержания завода деньги», «злодеи», вместе с избитым Деревягиным и одиннадцатью крепостными, которых «отрядили от себя... в казаки» упомянутые Федор Минеев с товарищами, поехали с Шилвинского завода в татарскую деревню Кулюкову (в 12 в. от Мензелинска), где стояла их «партия» при «командирах», татарах же: «полковнике-старшине» Тойгузе, сотнике Рахсябае и писаре Доскае (из дер. Такирмень). Сюда, в дер. Кулюкову, вскоре был доставлен и Семен Красильников, которого 23 декабря «подвез к заводу обманом» и «предал» Федору Минееву с товарищами собственный «заводский работный его человек», крестьянин Ярославского Спасского монастыря, Егор Дмитриев. Вывезя в «степь», татары «копьями скололи» «заводосодержателя», а крепостной заводский человек Красильниковых Вас. Петр. Угольников, как он сам «сказывал похвально», «ево, Семена, уже добил до смерти».

Будучи отпущен «злодеями», «по ходатайству и просьбе прилучившихся тогда в оной деревне Кулюковой... деревни Шилны приписного к Авзяно-Петровскому дворянина Демидова заводу крестьянина Дмитрия Екимова да экономического ведения села Илбахтина крестьянина Филиппа Петрова», Деревягин вернулся к себе домой в с. Боровецкое и нашел двор свой разграбленным, а домашних своих — «великим страхом разогнатых». Григорий Розиня, заводский крепостной Красильниковых с Шилвинского завода, предводительствовавший при разгроме двора Деревягина, «похвально грозился ево, Деревягина, поймать и истребить злою мучительною смертию, дабы он, Деревягин, им, Розиней, с товарищи в животе не видим был».

«А в заводе уже и оставший де отца моего всякий экипаж и скот и прочее, что б ни было»,— жаловался в заключение Бибикову сочинитель рапорта, «те отца моего крепостные люди, разделяя по себе и накладывая на подводы, увозят с заводу, неведомо — куда» (Г. А., р. VI, д. 507, ч. I, лл. 128 — 131).

10. «Ордер» А. И. Бибикова на имя секунд-майора Петрова — лишь одно из свидетельств серьезного внимания, уделявшегося главнокомандующим вопросам продовольствия войск и населения в условиях недорода 1773 г.

Вследствие недостаточности аппарата Главной Провиантской Канцелярии на местах, была, повидимому, создана специальная продоволь-

ственная организация с Казанским обер-комендантом Лецким во главе, в составе целого ряда особых уполномоченных по хлебозаготовительным районам: в Самаре для закупки провианта и фуража находился капит. Бронский (П. А., кн. XVI, л. 275), в Бугульме — полк. Толстов и майор Хирьяков (ibid., лл. 281 об. — 282); в Бугульме же, Кичуевском фельдшанце, на Черемшане и в Бугуруслане действовал сам Лецкий (ibid., л. 299). Был уполномоченный по продовольствию и в Симбирске; позднее в этой должности видим капитана Горихвостова.

На ряду с серьезными продовольственными затруднениями, А. И. Бибикову приходилось считаться и с явлениями дороговизны, резко обозначившимися на почве этих затруднений. Ср. разрешение, данное Бибиковым «Главной Дворцовой Канцелярии экзекутору» Елагину (в ордере от 4 марта 1774 г.), не останавливаться перед «передачей» в цене при закупке лошадей и «прочих вещей» для улан с дворцовых деревень (ibid., л. 408 об.).

Тревожиться продовольственными осложнениями пришлось и преемнику А. И. Бибикова кн. Ф. Ф. Щербатову. В ордере от 29 апреля 1774 г. Щербатов останавливал внимание как кн. Голицына, так и Оренбургского губернатора, уже «вошедшего в деталию своих дел», на необходимости позаботиться им обоим о провианте, как для Оренбурга, так и для Яика, «где, мню, также быть в провианте недостатку». Щербатов указывал, что при всем и его старании найти подрядчиков для этих целей, «хотя и приискиваются охотные, однако ж, на сие еще полагаться не можно» (П. А., кн. XVII, л. 24).

Позднее, в ордере от 30 июня 1774 г., Щербатов опять просил Голицына особенно позаботиться о «продовольствии войск провиантом и фуражем, которого, ваше сиятельство, доставить лишены почти всех способов». Щербатов советовал использовать «имеющую остаться в Бугульчанах команду» для того, чтоб «под смотрением ее помощию крестьян Воскресенского завода починить мельницы и находящийся на оном [заводе] хлеб перемолоть; равным образом, чтоб и сена они же заготовляли».

Продовольственный вопрос давал себя остро чувствовать и в лагере восставших, особенно во время долгого стояния главных пугачевских сил под Оренбургом в Бердской слободе. О снабжении всем необходимым огромного количества народа, жившего или только бывавшего в Берде, приходилось усиленно думать и «Государственной Военной Коллегии», учрежденной Пугачевым, и его специальному продовольственному комиссару — Максиму Шигаеву, тому самому, который был самым влиятельным членом в Коллегии Пугачева и оставался за главного в Берде во время отлучек последнего. Провиант и фураж пугачевцы старались стягивать в Берду решительно отовсюду: с заводов, из-под Самары, из далекой Челябы и т. д. Однако, с продовольствием в Берде дело не всегда обстояло благополучно. Так, казачий капрал из Елшанской крепости Тимофей Соколов, «бывший в корпусе полковника и Симбирского коменданта Чернышева» и затем попавший в «злодейскую толпу», когда «корпус» был ею разбит, «объявил»: «В сей злодейской толпе приходит недостаток в хлебе по причине той, что ни с которой стороны оного не везут; для чего между злодеев идет переговорка, что предводитель их намерен отправить партию, тысяч до двух человек, с пушками по Самарской линии к Бузулутской крепости и в окрестные оной жительства для получения провианта. А сам со всею его толпою в том состоит намерении, чтоб взять Оренбург» (Л. А., секр. пов. кн. I, л. 291 об.).

Как видно из показаний очень многих рядовых пугачевцев, живя в Берде, они определенно не доедали под конец. Продовольственный кризис, повидимому, сыграл какую-то роль в подготовке почвы для крупных неудач Пугачева весною 1774 г.

В своем упорном стремлении использовать район Бугульмы, Бугуруслана и Бузулука в качестве одной из снабжающих местностей пуга-

чевцы сталкивались с соответствующими намерениями А. И. Бибикова и его подчиненных в отношении того же самого района. Генерал-майор Фрейман, получивший со своим отрядом прозвание «неподвижного» за длительную задержку под Бугульмой, очень возможно, решаясь на такую задержку, руководился именно продовольственным значением Бугульмы в условиях недорода 1773 г. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что кн. П. М. Голицын по пути к Оренбургу весной 1774 г. счел необходимым, посредством дополнительного бокового движения, овладеть Бугульминским районом.

Некоторой иллюстрацией к вопросу о продовольственном значении Бугульминского района в обстановке развития Пугачевщины могут послужить следующие документы:

Казанский губернатор кн. П. С. Мещерский, в бытность в Симбирске, подал гр. П. И. Панину рапорт 2 ноября 1774 г. и в нем сообщал, что, по приезде в Казань, в виду «почти всеместного» неурожая хлеба, ему пришлось принимать меры к разрешению продовольственного кризиса и, в частности, стараться «опознавать о помещиках, предуспевающих в домостроительствах и добрым хлебопашеством». Один из таких помещиков, капитан Степ. Егор. Кротков, владевший деревнями в Симбирском и Оренбургском уездах, ответил на обращение Казанского губернатора, что в его Оренбургских деревнях (в 50 в. от Бугульмы и в 350 в. от Оренбурга) и после разграбления «злодейскими толпами» более 6000 четвертей, имеется необмолоченного хлеба, примерно: ржи — около 5000, пшеницы — около 2000, овса и ячменю — до 1000 четвертей; а вблизи Симбирска, сверх того, еще ржи — около 2000, да овса — до 2500 четвертей. Он согласен весь тот хлеб продать в казну «со удовольствием великим» по такой цене за четверть: симбирские запасы — 2 р. рожь (включая стоимость помола и тары), 2 р. пшеница (включая стоимость перемола ее в крупу), 1 р. 25 к. овес; и оренбургские запасы по тем же ценам, франко его оренбургские деревни. Обращая внимание Панина на «благомысленное поведение» Кроткова, Казанский губернатор вместе с тем сообщал, что он велел «вышепоказанной хлеб» принять в казну по цене, назначенной самим Кротковым (П. А., кн. II, л. 253).

В виду возбужденного Кротковым ходатайства о награждении, пришлось выяснять размер «уступки» в цене, сделанной Кротковым «против прочих продавцов». На соответствующий запрос канцелярии гр. Панина поступил из Казани такой ответ от 21 февраля 1775 г.: Мука ржаная (с поставкою в кулях в казенные магазейны) в Симбирске стоила от 2 р. 25 к. до 2 р. 80 к. четверть ($7^1/_2$ пуд.), а в оренбургских деревнях Кроткова, одновременно с поставкою последним, у симбирского купца Шайдарова мука покупалась для «Оренбургского департамента» по 2 р. 70 к. четверть (ibid., л. 252).

Панин рапортовал Сенату 2 марта 1775 г., что он считал бы справедливым поощрить Кроткова («добронамеренный помещик, который единственно в хлебопашестве, отличась от прочих, и упражняется») награждением его штаб-офицерским чином. Уступка в цене, сделанная Кротковым (приблизительно 50 коп. с четверти или около 15 000 р. на 30 000 четвертей), добавлял Панин, сама собой и «не знатная», тем не менее, «в пример же послужила ко удержанию и установлению мною в общем с господами губернаторами преположении... непременных хлебу цен, к чему между душами, по несчастию непросвещенными о истинном познании настоящего долгу в обязательствах общежития, никто там иной найтиться не мог, как означенный капитан Кротков» (ibid., л. 254).

Как узнаем из письма надв. сов. Дарьи Кротковой к Панину, «поданного» 3 декабря 1774 г., симбирский комендант полк. Чернышев, которого пугачевцы разбили на путях к Оренбургу в ноябре 1773 г., женат был во втором браке на дочери ее Анне Ивановне; эта последняя, незадолго до несчастья с мужем, в сентябре 1774 г., «по выезде из деревни,

Нижегородского уезда из села Шишковерди, к Симбирску, на дороге злодеями убита до смерти», оставив малолетних сына и дочь. Сын, по отъезде отца в поход, был взят на свое попечение деверем Дарьи Кротковой, отставным капитаном Степ. Егор. Кротковым, проживавшим своим домом в Симбирске (П. А., кн. IX, л. 273).

Упоминание о Ст. Ег. Кротком — у Дубровина, «Пугачев и его сообщники», т. III, стр. 322 — 323.

14. В разрешении продовольственного вопроса приходилось принимать участие не только администрации мятежного края и военному командованию, но и высшим органам власти. Исключительное значение этого вопроса в обстановке пугачевщины побуждало к мерам необычным, экстраординарным. Для иллюстрации стоит изложить два указа гр. П. И. Панину: сенатский от 27 сентября 1774 г. и Военной Коллегии от 10 ноября того же года. В указе Сената говорилось:

21 августа Главная Провиантская Канцелярия получила от Оренбургского губернатора Рейнсдорпа «сообщение», с подробной характеристикой продовольственного положения подчиненного ему «департамента». Рейнсдорп, между прочим, ставил Канцелярию в известность, что, с одной стороны, татарин Усманов, подрядившийся в Казани произвести «поставку провианта» в Оренбург, доставил по назначению лишь «весьма небольшое число», и «весьма сумнительна» вероятность выполнения им остальной основной части подряда, в виду «невозможности по продолжающимся обстоятельствам в найме повозчиков»; а с другой — «никакого способа нет» к осуществлению перевозки провианта в Оренбургскую губернию и ее собственными средствами: «люди крайне разорены», дороги еще «заграждены злодеями», а все «обитатели», в особенности «иноверные» народы, продолжают пребывать в «колеблемости». Слаба надежда на получение провианта и из Исецкой провинции, «ибо де и там еще беспокойства происходят». Как сообщал Главной Провиантской Канцелярии Рейнсдорп, он «принужденным нашелся» в таких условиях «позволить подрядить к поставке» 10000 четвертей муки и соответствующей пропорции круп (625 четвертей) крестьянина Кобелева (из вотчины генерала-фельдцейхмейстера кн. Орлова), притом «с немалым против прошедших лет в цене возвышением» (мука — по 4 р. 10 к., крупа — по 7 р. за четверть). Главная Провиантская Канцелярия, в виду значительности суммы подряда с Кобелевым (45375 р.) и существовавших узаконений о недопущении крестьян к «подрядам и откупам», передала дело на «рассмотрение» Военной Коллегии. Эта последняя высказалась за разрешение Оренбургскому губернатору заключить «контракт» с Кобелевым, полагая, что «теперешние в Оренбургской и в других, соседственных ей, губерниях обстоятельства, кажется, препятствуют соблюсти касательные до подряду провианта узаконения»; однако, передала дело на окончательное решение Сената. Сенат «приказали» послать Оренбургскому и Казанскому губернаторам указы с напоминанием о состоявшемся именном высочайшем указе 3 сентября 1774 г., коим предписано им принимать все меры к обеспечению населения и войск пропитанием, и одновременно, в соответствии с представлением Военной Коллегии, разрешить Оренбургскому губернатору произвести предположенную закупку у Кобелева, однако, не иначе, как с аппробации «главного начальника» края, гр. П. И. Панина (П. А., кн. II, л. 83 — 85).

В указе Военной Коллегии Панину говорилось:

2 октября 1774 г. генерал-провиантмейстер Дурново, представляя Военной Коллегии на утверждение ведомости о потребном провианте и фураже для снабжения армии в ее «непременных квартирах» в течение 1775 г. и необходимой для этого «денежной казне», между прочим, обращал внимание Коллегии на требование Оренбургского обер-коменданта относительно заготовки в самом Оренбурге «сверх годового продовольствия в запас на три года», «в рассуждении нынешних, непрекратившихся там, обстоятельств». Дурново, имея в виду «чрезвычайно неумеренные

ныне там цены», высказался за отсрочку выполнения требования Оренбургского обер-коменданта до того времени, когда цены снизятся; если же «заготовление в запас» будет «апробовано» Коллегией, то просил и денежную казну на то «ассигновать». Коллегия, учитывая, что высочайшим указом от 18 августа 1774 г. Главной Провиантской Канцелярии уже отпущено 100000 р., что другим высочайшим указом (от 27 октября 1774 г.) «соизволено отпустить из разных присутственных мест 400000 р.», «в дополнение к штатной сумме», «на случай возвысившихся на провиант и фураж цен», и что, наконец, продовольствие войск в Казанской, Нижегородской и Оренбургской губерниях «возложено на попечение» Панина, которому дано право «на потребную сумму брать из тамошних статс-конторских доходов», находила, что «требованное генералом-провиантмейстером на превозношение в провианте цен число наградится» таким путем, почему генерал-провиантмейстер и Главная Провиантская Канцелярия за своим «ответом» и должны «без упущения» «стараться всевозможнейше и неусыпно», чтобы провиант и фураж был заготовлен и доставлен своевременно по назначению (П. А., кн. III, *лл.* 256 — 258).

15. В поволжских правобережных уездах положение с хлебом и с фуражем было настолько напряженное зимой 1774 — 1775 года, что приходилось перебрасывать из района в район войсковые части, там и здесь расположенные на «винтер-квартиры» для поддержания спокойствия в мятежном перед этим крае. В связи с «повелением» гр. П. И. Панина о перемещении Владимирского драгунского полка из г. Верхнего Ломова в Саранск или в какой другой пункт Казанской губернии, по указанию Казанского губернатора, кн. Мещерский рапортовал графу 24 февраля 1775 г., что он назначил квартировать тому полку в «Свияжске и в ближайших около сего города на правой же стороне Волги селениях лучших», в виду того, что «к продовольствию здесь и гораздо выгоднее».

Мещерский пояснял, что «во всей Пензенской провинции, по неурожаю хлеба, доставляется для продовольствия обывателей провинции той в уездах: Пензенском, Саранском и Петровском, казенная мука да и овес на семена из Симбирска; — а и в части нижной Симбирского уезда тож обыватели ныне бесхлебны; в прочих же Симбирского уезда частях и Казанского по правой стороне реки Волги квартирующих войск толико, что по нехорошему и там урожаю только что возмогут, а не особливо, фуражем продовольствоваться» (П. А., кн. XI, *л.* 446).

Политика твердых хлебо-фуражных цен, проводившаяся Паниным, быстро породила обычные в таких случаях недоразумения. К примеру вот некоторые из них.

Пензенская Провинциальная Канцелярия доносила 18 ноября 1774 г. гр. П. И. Панину, что от поручика 4-го эскадрона Архангелогородского карабинерного полка Кривцова к ней поступило требование об отпуске средств для продовольствия этого эскадрона во второй половине ноября по «справочным ценам» с. Нарышкина Пензенского уезда, где назначено квартировать эскадрону. Между тем, «справочные цены» с. Нарышкина (мука — 3 р. и крупа — 4 р. за четверть) выше продажной цены хлебу, утвержденной «преположением», какое «учинено во общем собрании» Панина с губернаторами Нижегородским и Казанским для «всех городов и мест» (мука — 2 р. 70 к. и крупа — 3 р. 50 к. за четверть). Недоумевая, как поступать в таких случаях, Пензенская Провинциальная Канцелярия решила «представить» Панину со «испрошением.... в резолюцию повеления» (П. А., кн. VIII, *лл.* 407 — 408).

Если в одних случаях войсковые части просили о дополнительном отпуске средств, в виду отставания твердых цен от рыночных, то в других случаях им приходилось настаивать на выдаче положенного рациона натурой, как людям, так и лошадям (ср. рапорт ген.-майора кн. П. М. Голицына Панину от 23 ноября 1774 г. — ibid., *л.* 405).

16. В силу «репорта» директора Темниковских винокуренных заводов действительному тайному советнику, сенатору Алексею Петровичу Мельгунову и «сведения», дошедшего до Сената от последнего, относительно того, что во всех городах и уездах Воронежской губернии у «помещиков и земледельцев, не обходя никого, как в гумнах, так и в амбарах, хлеб описывают, и продажа от городовых команд, яко-бы по сенатскому указу, удержана»; а, между тем, помянутый директор, проезжая Козловским уездом, видел сам «немалое число по гумнам старого хлеба в кладях», — Сенат «приказали» (24 октября 1774 г.) «предписать» Воронежскому губернатору не только не оказывать «никакого помешательства» закупке хлеба на казенные винокуренные заводы (Темниковским заводам назначено «выставлять» в год около 120000 ведер вина), но «в потребном случае и всякое возможное вспоможение» оказывать, так как сенатскими указами подтверждено, чтоб «и партикулярным людям, вступившим в винный подряд, на выкурку вина хлеба покупать не запрещать». Сенат «приказали» об этом «уведомить» и Панина, с тем, чтобы он, в свою очередь, «уведомил» Сенат, буде «такое запрещение» им сделано (П. А., кн. II, л. 105).

Дополнительным доношением в Сенат А. П. Мельгунов, приложив копию с полученных им (в копиях же) инструкций, какие даны из Козловской Воеводской Канцелярии посланному для описи хлеба офицеру, сообщал, что та опись хлебу и запрещение его продажи последовали в силу «ордера» Воронежского губернатора, благодаря чему в выкурке вина, начинающейся обыкновенно с сентября, и последовала остановка.

2 ноября 1774 г. Сенат «приказали» дать знать Панину и послать указ Воронежскому губернатору о том, чтобы снято было запрещение с свободы внутреннего хлебооборота в Воронежской губернии, с временной приостановкой, впредь до выяснения результатов описи, продажи хлеба лишь за пределы Воронежской губернии. Сенат при этом разъяснял, что, помимо казенных винокуренных заводов, в Воронежской губернии в покупном хлебе, ведь, нуждаются: 1) те, кто хлебопашеством не занимаются, 2) те, кто к своему хлебу принуждены прикупать, 3) наконец, дворяне, обязавшиеся поставкой вина в казну, кои «всегда имеют нужду прикупать» хлеб к «своему запасному на винокурение». Между тем, в инструкции об описи, данной Козловской Канцелярией, сказано, чтоб в опись не включать лишь хлеб, потребный помещикам и крестьянам для пропитания до нового урожая (ibid., лл. 111 — 112).

18. В связи с неурожаем, постигшим немцев-колонистов и в 1774 г., Саратовская Контора Опекунства Иностранных, производя закупки муки для «пропитания сих поселян и на посев им ржи», между прочим (как доносила Сенату 3 декабря 1774 г. Канцелярия Опекунства Иностранных, во главе которой стоял тогда кн. Г. Г. Орлов), «сторговала у отставного ротмистра Ив. Огарева ржи, состоящей в г. Симбирске, 3000 четвертей, по три рубля каждую четверть», на условии доставки в Саратов собственным его, Огарева, «коштом». Когда рожь была погружена на суда, специально «нанятые», и деньги, вслед за погрузкой, уплачены Огареву присланным из Саратова поручиком Будановым, с рожью двинулись в путь. В дороге, как 24 октября 1774 г. доносил Саратовской Конторе Опекунства Иностранных Огарев, одно из судов (емкостью в 1100 четвертей), принадлежавшее саратовскому купцу Самойлову, подверглось 10 августа нападению «множественного числа с луговой стороны в лодках злодеев», которые стали рожь грабить и свозить на берег; самое же судно было позднее найдено на мели, неподалеку от Саратова, накренившимся, и в нем всего только 35 четвертей промокшей и проросшей ржи. Остальная рожь (1900 четв.) на трех судах, будучи остановлена в пути, «во отдаленности от Саратова», «по сим замешательствам», прибыла в Саратов уже «по выходе из оного злодеев», причем часть ее (695 четв.) оказалась подмокшей, вследствие повреждения одного из судов от «штурма». Канцеля-

рия Опекунства Иностранных «представляла» Сенату о законности просьбы Огарева, чтоб с него не взыскивали денег за 1100 четв., в виду того, что, по мнению Канцелярии, в «контракте», который к тому же и утрачен, в виду «расхищения конторских дел» в Саратове «злодеями», ничего не было упомянуто об ответственности Огарева на случай «толь непредвидимый и совсем неожидаемый» (П. А., кн. II, лл. 179—181).

Указом от 8 декабря 1774 г. Сенат «изволил повелеть» Панину рассмотреть в числе других также и вопрос о принятии на казенный счет разграбленной «злодеями» ржи Огарева. Получив сенатский указ лишь 17 января 1775 г., Панин ответил Сенату 21 января, что в настоящий момент, когда «пресечение известного в государстве бунта... уже мною исполнено», и совершилась даже казнь над «самим предводителем с его сообщниками», он не в праве вмешиваться в дела других губерний, кроме трех, ему вверенных; между тем, поручения Сената касаются Астраханской губ. (ibid., л. 182).

Одновременно с изложенным, Панину пришлось решать другое дело, связанное с тем же Огаревым. В письме от 4 декабря 1774 г. ротмистр Ив. Ил. Огарев обратился к Панину с просьбой «аппробовать» поставку им в Симбирск по себестоимости (3 р. за девятипудовый куль) 5000 четвертей пшеницы, «заготовленной» им близ Бузулуцкой крепости, с принятием при этом на казенный счет провоза (одна коп. с версты за 25 п.) и с выдачей аванса в размере 9000 р. Огарев обещался выполнить поставку к 1 марта 1775 г. На письме — помета Панина, что в пшенице в казенных магазейнах нужды нет.

Потерпев неудачу Огарев обратился к Панину в январе 1775 г. с «всепокорнейшим прошением» о том, чтобы «послать в Оренбургскую губернию ордер о пропуске... до г. Саратова» 4000 четв. пшеницы, купленной им в ноябре 1774 г. в Оренбургской губернии в с. Асеве у отставного капитана Степ. Егор. Кроткова (помечено получением 2 февраля 1775 г.). В данном случае Панин пошел навстречу желанию Огарева и действительно послал с ним «ордер» Оренбургской Губернской Канцелярии, которым Огареву дозволялось свою пшеницу «не токмо из Оренбургской губернии в другое место, куда пожелает, вывесть, но и в продажу употребить». «В казенных магазейнах, состоящих под моим начальством», — пояснял при этом Панин, — «в пшенице надобности нет, потому что пшеница не такой хлеб, который бы в пищу крестьянами употреблялся (П. А., кн. X, лл. 192—194).

19. Продовольственное значение района Вятки и Камы в условиях неурожая в среднем и нижнем Поволжьи в 1774 г. подтверждается данными, содержащимися в рапорте «штата провиантского капитана» Авксентия Горихвостова на имя гр. П. И. Панина от 11 октября 1774 г. Этим рапортом Горихвостов запрашивал Панина, не следует ли закупить для Симбирского магазейна до 2000 кулей муки ржаной с остановленных накануне в Симбирске судов, плывущих с р. Вятки, тем более, что «продавцы, тамошние крестьяне, просят» в качестве «последней цены» по 2 р. 65 к. наличными за куль по $7^1/_2$ п. (брутто) в каждом. Между тем как «симбирские купцы просили со увещевания» по 2 р. 85 к. за такой же куль. Горихвостовым приведены и справочные цены местного симбирского «торга»: Рожь — от 3 р. 10 к. до 3 р. 20 к. за четверть, ржаная мука — 35 — 37 к. за пуд, овес — 1 р. 20 к. четверть, крупы — от 3 до 4 рублей четверть (П. А., кн. VII, л. 109).

На первой странице второго полулиста рапорта Горихвостова читаем: «Экономические крестьяне Хлыновского уезда села Нолей — Перфил Федоров, Иван Семенов, черносошный крестьянин того ж жительства Ефим Власов с товарищи»; таковы, повидимому, были фамилии упомянутых Горихвостовым собственников муки, задержанной в Симбирске.

В справке, данной в «военно-походную» канцелярию гр. П. И. Панина 15 октября 1774 г. Симбирским Провинциальным Магистратом, на

основании «записной хлебных цен книги», значится: ржаная мука — 44 к. за пуд, крупы гречневая и полбные — 4 р. 20 к. четверть, овес — 1 р. 40 к. («привозной уездными обывателями») и 1 р. 60 к. («из лавок») за четверть же, сено «поемное» — 8 к. («от здешних») и 7 к. («от уездных обывателей») за пуд, сено «степное» — 10 к. («от здешних») и 9 к. («от уездных обывателей») за пуд же (ibid., л. 111).

21. 2 сентября 1774 г. состоялся указ Сената на имя гр. П. И. Панина (зарегистрирован канцелярией последнего 14 сентября), которым сообщалось, что, по представлению генерал-прокурора, Сенатом разосланы указы губернаторам: а) Казанскому, Нижегородскому, Оренбургскому и Астраханскому (последнему лишь о Саратовском округе) — с запросом, каков урожай хлебов в их губерниях, вся ли земля засеяна, и каким способом думают они прокормить население; б) Воронежскому, Белогородскому, Слободскому, Тобольскому, Московскому, а также Малороссийской Коллегии — с предложением «дать знать Сенату без замедления», в каких размерах они были бы в состоянии «вспомоществовать хлебом» губерниям: Казанской, Оренбургской, Астраханской и Нижегородской, в случае недорода в этих последних (П. А., кн. II, л. 28).

23. Полковник Вас. Бибиков сообщал 3 марта 1775 г. гр. П. И. Панину из Екатеринбурга, что он, «исполняя свято повеления» графа, «в споспешествование сплаву закупленного в здешнем ведомстве провианта, суда казенные на пристани дать приказал», учитывая то обстоятельство, «что леса, будучи здесь везде к заводам разведенные, вольною покупкою им негде бы было получить». Бибиков указывал, что он разрешил «подрядчикам» закупать провиант, ибо «воспрещения никакого чинено не было», но напоминал, что «закупка... их весьма была не велика, потому что в ведомстве здешнем цена хлебу всегда выше окрест лежащих, по причине множества мастеровых при заводах, покупным всегда хлебом питающихся» (П. А., кн. XII, л. 185).

24. В «Ведомости, учиненной в Московской Губернской Канцелярии, из присланных из Володимирской Провинциальной и из Муромской Воеводской канцелярий о хлебных в минувшем июне месяце ценах ведомостей», которая прислана к гр. П. И. Панину вместе с рапортом Московского губернатора гр. Ф. А. Остермана от 7 августа 1774 г., значатся следующие цены: по Владимиру — ржаная мука 25 к. за пуд, гречневая крупа от 3 р. 10 к. до 3 р. 30 к. за четверть, овес от 1 р. до 1 р. 10 к. за четверть же; по Мурому — ржаная мука точно также 25 к. за пуд, гречневая крупа у «вольнопродавцов» от 2 р. 70 к. до 2 р. 90 к. за четверть, а из «лавок» от 3 р. до 3 р. 20 к., овес у «вольнопродавцов» от 1 р. 95 к. до 1 р. 10 к. за четверть, а из «лавок» от 1 р. 15 к. до 1 р. 20 к., сено у «вольнопродавцов» от 8 до 10 к. за пуд, а из «лавок» от 9 до 11 к. (П. А., кн. VI, л. 121).

25. Предложением от 20 июля 1775 г. Панин затребовал у Нижегородского и Казанского губернаторов представления «генеральной ведомости» о степени выполнения «всеми поставщиками» взятых ими на поставку хлеба для продовольствия в краю тамошнем народа в знатном количестве», на основании «преположения», сделанного на общей «конференции» Панина с Казанским и Нижегородским губернаторами 26 октября 1774 г., а также об излишках поставленного уже хлеба в казенных магазинах, на предмет их использования для войск, так как «и без того жители нынешним урожаем могут себя удовольствовать». Панин предлагал отказаться от тех «обязательств», по которым «подрядчики» «на сроки не выставили». Впредь до «генеральных ведомостей» Панин предлагал незамедлительно доставить частные ведомости о московском купце Гусятникове, который к этим поставкам «особливо вызвался и подряжен», и об его «поверенных» (П. А., кн. X, л. 492).

31. Пугачеву, вероятно, было известно, что в Сибири не совсем спокойно. Недаром, в последние минуты свободы он звал своих привер-

женцев, еще не зная, что они уже решили изменить ему, между прочим, и в Сибирь.

Яицкий казак Вас. Еремин засвидетельствовал на допросе, что, вслед за окончательным поражением, после переправы за Волгу, оставшихся сообщников («почти из одних яицких казаков») Пугачев «подзывал сперва в Сибирь, а, как не было туда охотников, то звал, чтоб сбунтовать на нижней дистанции казаков, взяв Гурьев, и ехать на лодках на морские ватаги и за море, куда были и согласны; когда ж приехали на Узени и услышали, что в Яицком городке поступают с таковыми милостиво, кои являются сами, то взяли намерение самозванца арестовать..., что самым делом и исполнили» (Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, л. 65).

Пугачеву тем легче было помнить о Сибири, как месте возможного убежища, что в рядах его активных сообщников вплоть до сражения под Черным Яром были и сибиряки, правда, из Зап. Сибири. Ср. «допросные речи» исецкого казака Сем. Билдина (ibid., лл. 133 об. — 134).

32. В связи с мятежническими действиями в районе Сорочинской крепости, Бузулука и Самары, о которых упоминает Шигаев в конце своего дополнительного допроса, не будет лишним передать содержание рапорта кап. Бутримовича от 4 декабря 1773 г. коменданту Новохоперской крепости полк. Подлецкому. Будучи командирован «для разведывания о злодее», Бутримович сообщал, что он прибыл 4 ноября в Бузулукскую крепость; 21 ноября, в день вступления в Бузулук «злодейской партии», выехал отсюда в Самару и теперь находится в Пензе. Бутримович в следующих выражениях характеризовал общественные настроения: «К злодею в Пензе великую имеют опасность... В доношении же из Саранской Воеводской Канцелярии видно, что значущийся злодей Пугачев с его толпою яко-бы движение имеет к городу Синбирску или уже и совсем во оной въезд свой назначает, еже и известно чрез народную эху... По всей Казанской губернии великая опасность: всю казну отправляют в Москву изо всех мест... Злодейская толпа состоит во множестве разного народу звания: казаки [sic] яицких и башкирцов, киргизцов, калмыки, мещеряки, чуваша, мордва, крепостные казаки и солдатъ [sic] к заводам собраны, из лакеев и крестьян, и все по-казачью острижены. И вся чернь к злодею склонна... Оренбургская губерния почти разорена. Чернь, не разумея того, что разоряет, и тех, которые и к нему склонны, то и говорят, чтоб получить вольность». В Самаре, в ожидании «злодея», «самый бедный народ радовался о том, чтоб поскорей пришел, чтоб им грабить богатых». В своем рапорте Бутримович, между прочим, дает также описание нападения на деревню отставного переводчика Арапова, вблизи Бузулука, под начальством называвшегося «седьмым членом» яицкого казака Вас. Елеазарова (Л. А., секр. пов. кн. II, лл. 277 об. — 278).

Некоторые сведения о Григ. Бородине сообщает следующий рапорт. «Войска Яицкого старшина» Никифор Назаров рапортовал (рапорт помечен «поданным апреля 6 дня 1774 г.») «в учрежденную о известном злодее-самозванце и его сообщниках комиссию», что, в силу срочного «запроса» комиссии от 23 минувшего марта обо всех «выбежавших из толпы разбойнической яицких казаках, в том числе и о казаке Григорие Бородине», он, вместе с прочими старшинами, «подписал, что оный Бородин прежде был состояния хорошего, старшинской сын и согласной стороны». Однако, эта справка была дана поспешно и не должна считаться правильной. В действительности же Григ. Бородин, будучи послан против «злодея-самозванца» в составе «партии» старшины Андрея Витошнова, к Пугачеву сам «пристал, забыв свою присягу, и, закоснев в той омерзелости, во всем ему повиновался, за что и произведен от него хорунжим». Бородин неоднократно участвовал, как указывалось далее в рапорте старшины Назарова, в активных «злодейских» выступлениях, при чем, в частности, «подъезжая» к Яицкому городку, «многие поносные речи говорил». В виду этого, автор рапорта, аннулируя ранее данную им справку, «за вышепи-

санными обстоятельствами», уже не находил возможным «аттестовать» Бородина, «что он состояния хорошего и к бунтам не приставал». «А что я оную справку подписал с прочими старшинами, а сего не изъяснил»,— писал Назаров,—«то оное тогда учинено по скорому той справки требованию» (Г. А., р. VI, д. 507, ч. I, л. 280.)

33. «Допросные речи» Ив. Як. Почиталина, особенно в некоторых своих частях, дышат непотухшим пафосом успехов Пугачева в течение первого полугодия Пугачевщины. Эти успехи подчас приводили отдельных представителей власти и военного командования в угнетенное состояние, которое те не всегда скрывали в соответствующей официальной переписке.

Ген.-майор Фрейман так характеризовал положение под Оренбургом в «сообщении по секрету» на имя Астраханского губернатора П. Н. Кречетникова от 22 ноября 1773 г.: «Толпа изменников от часу умножается и до такого дошла усиления, что имеет у себя более семидесяти орудий артиллерии, пороху ж и ядер из крепостей и с заводов побрали великое множество; а, сверх того, бомб и ядер на помянутом Авзяно-Петровском заводе налив, довольное число провезли в их же злодейскую толпу, которая в двадцати шести тысячах уже была... Из сих бессчастных обстоятельств, ваше превосходительство, усмотреть соизволите, коль нужна помощь городу Оренбургу, для чего и необходимо надобно надежной и наполовину регулярной конницы десять тысяч человек для отбития злодейской артиллерии, как пехота, по обширности места, единственно к прикрытию своих пушек употребляема быть должна; да и оной надлежит быть не менее тысяч пяти, чтоб на разные кареи к лутчей обороне конницы разделена была. Гарнизон же Оренбургский, состоящий из одной пехоты, сколь бы силен не был, далее двух или трех верст отбить не может, не подвергая себя быть отрезанным (Л. А., секр. пов. кн. II, лл. 248 — 249).

В свою очередь Оренбургский губернатор Рейнсдорп рапортовал однажды Военной Коллегии, что он не в состоянии ничего сделать с осаждающими: людей у него мало, к тому же они все пешие или худоконные, а, «за поколебанием башкирского и ставропольского калмыцкого народов и других людей», ему и негде взять хорошей конницы. Между тем, у «злодеев» лошади «в добром качестве» и «содержатся на добром корму», благодаря чему «злодеи при вылазках столь проворно обращаются, что их пешим и худоконным достигать трудно, ибо они во время наступления рассыпаются, как и пушки с совершенною скоростью в разные места таскают и успешно поступают, так что пехоте ни на картечный, ни на ружейный выстрел сих ветренных злодеев достичь... не можно» (ibid., л. 170.) Ср. то же в «Экстракте из дела о самозванце Емельяне Пугачеве»— ibid., лл. 192 — 194).

Отдельные эпизоды осады, вероятно, действовали на осажденных угрожающе. «Контора Оренбургских строений» рапортовала Рейнсдорпу 24 октября 1773 г., что на это число «в ночи в начале девятого часу» подъехавшими со стороны степи «известными злодеями» «у состоящего чрез р. Яик моста... лежащий на нем канат в пяти местах пересечен, и с верхней стороны три якоря отрублены, и с осми комяг мостовины сброшены и роспущены по воде». Будучи «окликаны» «находящимся у того моста караульным из работных», «злодеи» дважды выстрелили, после чего обратно уехали в степь (А. Ю., Тург. обл. кн. II, л. 652).

В обстановке надвигавшейся голодовки и общего подавленного настроения в осажденном Оренбурге вряд ли жизнь текла без тревожных слухов и ожиданий, тем более, что еще до начала осады в местном гарнизоне были уже случаи проявления некоторых колебаний. Ср. случай «разглашения» в Оренбурге на базаре в конце сентября 1773 г. «пребезмерно пьяным» солдатом Лукою Траппау, что он ездил с письмом на немецком языке от губернатора Рейнсдорпа к «злодею» и привез ответ на

том же языке; а «при отправлении де... словесно наказывал тот злодей, что он к нему, господину губернатору, будет сюда в город обедать» (ibid., л. 270).

Общее подавленное настроение в осажденном Оренбурге, по всей вероятности, поддерживалось отчасти несколькими сотнями яицких «послушных» казаков, с Мартем. Бородиным во главе, которые прибыли в Оренбург раньше Пугачева и, конечно, не могли спокойно принимать доходивших известий о разорении «злодеями» их хуторов и прочего имущества.

Трое яицких казаков (двое из калмыков и один из чувашей), Бажандык Шагаев с товарищами, будучи допрошены 29 ноября 1773 г. в «Управляющей Войском Яицким Комендантской Канцелярии», показали:

С месяц назад были они посланы войсковым старшиною Мартемьяном Бородиным из Оренбурга к Яицкому городку вместе еще с двумя татарами и одним калмыком, с целью пригнать в Оренбург до 270 казачьих лошадей. Посланные действительно взяли лошадей и погнали их по «степной стороне» р. Яика; у крепости Озерной они переправились через р. Яик и поехали «внутренней сторсной». У Ташлинских хуторов их остановили илецкие казаки, человек с пятнадцать, «яко-бы для выбору из тех гнавших нами лошадей их собственных илецких, взятых помянутым войсковым старшиною Бородиным с командою в проезд отсель». На следующий день утром в те же хутора из «самозванцовой партии» приехал «господина подполковника Бородина дворовый человек из башкир Андрей Бородин с товарищи, человек с тридцать». Илецкие казаки, взяв себе сколько-то лошадей, направились на Илек, а Бородин, обезоружив и перевязав Бажандыка с его спутниками, погнал их, вместе с остальными лошадьми, «в партию к помянутому самозванцу», причем лошади похуже были оставлены «в косяке у полковника Бородина, находящемся в Бузулукских вершинах», а вместо них отсюда было взято сколько-то «из собственных его, Бородина, лошадей, купно с находящимся при том дворовым его калмыком Манжею Бурнекеевым» (Л. А., секр. пов. кн. II, лл.209 — 212).

Легко понять, что успехи Пугачева объяснялись совсем не тем, что так озадачивало Фреймана. В Берде, повидимому, далеко не все обстояло благополучно. Тот же Бажандык с товарищами в таких словах передавали на помянутом допросе свои впечатления о главной штаб-квартире Пугачевщины: «Теперь всей толпы их имеет быть, например, тысяч до восьми, в том числе: здешних яицких сот с семь, илецких и оренбургских ста с два, башкирцов сот с восемь, калмык ставропольских ста с два ж; регулярных, сколько всего, точно не знаем, а прочие большею частью почти все из крестьян и работных людей. Артиллерии у них имеется не более, как орудий до пятидесяти». «Воровской» атаман Овчинников на предложенный ему вопрос о походе к Яицкому городку ответил, что не пойдут туда, пока не возьмут Оренбурга, хотя бы это продолжалось до весны. Да это и понятно, замечал Бажандык, «в рассуждении, что де люди по большей части у них безодежны, да на Яике и кормить де их нечем.) Однако ж, и там хлеб и для лошадей сено, которое было не в отдаленности, почти все в корм употреблено, — и у них не без нужды в том настоит, и, отколь они то доставать будут, уже неизвестно. Для чего... Бородина дворовый человек из башкир Андрей Бородин, он же и Шара, с приданною ему, например, в пятидесяти человеках командою из разночинцов, отправлены незадолго пред побегом нашим выше Оренбурга, неведомо — на какие, неблизко отстоящие заводы для привозу овса. Может статься, что и у многих то намерение есть, чтоб, отстав от злодейства, по своим местам разбежаться; но, видно, страха ради, при нем безотлучны, что от него, злодея, беспрестанное кровопролитие происходит». У Пугачева «способных к воинскому делу только почти одни яицкие и оренбургские казаки, башкирцы и калмыки, но и из числа башкирцов многие неисправны; а прочие, будучи большею частию из разных крестьян и работных людей

*

окроме дубин, и ничего при себе не имеют. По примечанию нашему, многие ж показанного самозванца признали, что он не таков, каковым себя именует, и точно из воров; но обличать или говорить о том, как выше сказано, страха ради, не могут. Застава ж у них состоит точию в одном месте, по Сакмаре-реке, ниже мосту, поблиз дороги, в двух стах человеках. А по прочим местам везде чинятся каждодневные разъезды, в которые посылаются человек по сту и более и менее, но к ночи оные съезжаются паки к станциям своим и к вышеупомянутой, учрежденной по Сакмаре-реке, заставе. Временем же таковые разъезды производятся и по степной Яика-реки стороне» (ibid., лл. 210 — 211).

Значение продовольственного вопроса в жизни Берды и, в частности, в событиях, приведших к весеннему разгрому основных Пугачевских сил, следует особенно подчеркнуть. Пугачевцы старались стягивать в Берду провиант отовсюду, как крупными партиями, так даже и по мелочам. «Послушной стороны казак» Еремей Буренин, будучи допрошен 23 декабря 1773 г. в «Управляющей Войском Яицким Комендантской Канцелярии», показал, что, по поручению названной Канцелярии, ездил он, «по верхним форпостам» в целях опубликования «открытого ордера» канцелярии и копии с ордера Казанского губернатора фон-Бранта, относительно награды тысячью рублями того, кто поймает и доставит власти Пугачева. И 22 декабря, когда он был на Иртецком форпосте, приехал туда с хлебом двоюродный брат его Алексей Буренин и рассказал, что, в бытность его на мельнице отставного илецкого казака из татар Смаила Алкина (на речке Кинделе), где он покупал хлеб, слышал он от одного раненного татарина, прибывшего «не в давне из толпы самозванцовой», в Илецкую станицу из той толпы присланы при здешнем из татар казаке Асане Мустаеве двадцать человек, которые де тамо багрят и неводами тянут рыбу для отвозу во оную толпу; и сия де толпа после праздника Рождества Христова намеряется к городу Оренбургу итти на слом, к чему де и лестницы для подставки под городовые стены приготовляют» (Г. А., р. VI, д. 504, ч. II, л. 179); Ср. Л. А., секр. пов. кн. II, л. 536).

39. Дополнительный материал для характеристики Харчевых содержится в показании Никиты Харчева, который, по окончании Пугачевщины, явился «сам собою» в Уральске, 14 апреля 1775 г. был допрошен в местной Войсковой Канцелярии и сообщил при этом о своем участии как в Пугачевщине, так и в событиях на Яике, предшествовавших ей (П. А., кн. XIII, лл. 135 — 136).

41. Эпизод с отрядом Симбирского коменданта полк. Чернышева, шедшего на выручку Оренбурга, краткие сведения о котором опущены нами при печатании показания Чики, подробно изложен Дубровиным в op. cit., т. II, стр. 105—110, в частности, на основании «допросных речей» Аверкиева и Чеботарева. В виду неполного использования этих источников указанным автором, будет нелишним сообщить о содержащихся в них дополнительных данных относительно Пугачевщины. Таа, в показании хорунжего Оренбургского нерегулярного войска (из Борской станицы) Родиона Чеботарева находим следующие подробности о «толпе» Пугачева:

«В толпе его, злодея, людей множество, как-то: казаки яицкие, илецкие и (силою захваченные) оренбургские, калмыки ставропольские, а, по большей части, башкирцы уральские и мужики помещичьи, которых каждый день на конях и пеших приходит к нему, злодею, по немалому числу... Начальники того самозванца сказывают, что во всей их толпе всех людей числом до 26000, чего, однако ж, ему по краткому времени счислить обстоятельно было не можно; а что принадлежит до пушек, то орудий до ста будет... Канониры у него — солдаты и казаки, над которыми командуют яицкие... Взятые в плен гранодеры употребляются к артиллерии, при которой есть и один из той гранодерской роты поручик». «Толпа...,» — говорил также Чеботарев, — «разделена на несколько частей, которыми управляют

старшины, а всякая часть на роты, и в каждой роте считается по 100 рядовых, есаул, сотник и два хорунжих, и имеют именные списки». О настроении, господствовавшем среди пугачевцев, Чеботарев отзывался так: «Впротчем же, всіö в злодейской толпе находится в неописанном ужасе, и те, которые хотя в малейшем подозрении к уходу окажутся, тот же час казнены бывают смертію; и казненных не хоронят, но кучами лежат на улицах». В момент вылазки из Оренбурга 14 ноября, «яицкими усмотрен из канониров один, что́ палил фальшиво, за что, сказывают, он повешен». Самого Пугачева Чеботарев описывал следующими чертами: «Приметами самозванец — росту среднего, лицом смугл, борода небольшая, черная, рябоват, от роду лет сорока, речь его сбивается на черкасскую, однако ж, приметно, что берет осторожность; платье носит казачье, без всякого против простых казаков отличия». «Караул при нем, который составляется из немалой кучи, содержат одни только яицкие казаки, на верность которых он больше полагается, и которые пред всеми прочими преимуществуют». Чеботарев выбежал из толпы Пугачевой 16 ноября 1773 г. как раз, когда «по наряду самозванца велено всем выезжать в луга к Чернореченской крепости, по слуху, будто киргизцы многих посланных за сеном побрали в плен». По словам Чеботарева, «злодеи имеют намерение послать для выгону провианта две партии, по 1000 человек: первую — на Самарскую дистанцию, в Бузулуцкую крепость, а вторую — в Бугурусланскую слободу» (Г. А., р. VI, д. 432, лл. 1 — 7).

Подпрапорщик Ставропольского батальона Григ. Афан. Аверкиев, захваченный пугачевцами при разбитии корпуса Симбирского коменданта полк. Чернышева, а затем бежавший из Берды, на допросе в Казанской Секретной Комиссии 5 февраля 1774 г. рассказал, как очевидец, следующее о Пугачеве и пугачевцах:

«Будучи ... в сей толпе, слышал я, что тут находится всех тысяч до пятнадцати разного звания: татар, башкирцов, чуваш, калмыков и русских крестьян, дворовых людей, солдат, казаков и ссыльных без ноздрей. Пушек же насчитал я тамо восемьдесят шесть, в том числе три единорога а, сверх сего, сказывают, что есть еще пушки и у называемого ими графа Чернышева, который находится в Уфимском уезде, у которого в толпе народу, сказывают разно: иной — тысяч восемь, а другой — более. Солдат у самозванца, разными случаями захваченных и самопроизвольно к нему явившихся, тысяч до двух и восемь человек офицеров ...: Алексеевского полку поручик Иван Стренев, да Ставропольского баталиона прапорщик Сила Строев, а прочих не знаю, которые пережалованы тамо: двое — атаманами, а прочие — сотниками и есаулами, кои жалованье берут то же, какое и казаки, но поскольку — не знаю, ибо тамо никакого положения нет, и выдает тогда, как деньги случатся, тож и провиант, который, а равно и фураж, забирают из крепостей и из помещичьих деревень, также привозят туда много и крестьяне свой хлеб, и покупают у них повольною ценою». «Будучи ж я в толпе у самозванца, употребляем был за казака по караулам и в то время приметил, что у него ни пароля, ни лозунга нет; и, когда по пикетам в ночное время разъезжают дозоры, и их окликают, то они не больше отвечают, что «казаки»; а потому и можно без всякой опасности объезжать их пикеты и верным из войск ее величества». В «толпе» у Пугачева было «много и старых людей»; эти «старики» неоднократно просили отпустить их домой; но Пугачев «говаривал» им в ответ: «Погодите де, детушки, трохи! Вот скоро Оренбург сдастся! Он уже теперь на последней веточке трясется. А как Оренбург возьму, то всех вас распущу». Перед Рождеством Аверкиеву случилось быть вместе с прочими в «превеликом кругу»,—слушать чтение рапорта из Оренбурга, подписанного Рейнсдорпом, Мартемьяном Бородиным и Корфом, на имя Пугачева, с обещанием сдать город и с просьбой о помиловании. Когда чтение кончилось, Пугачев «закричал»: «Бог и я, государь, прощаю всех!»... «А как он все сие выговорил, то народ упал на колени, и всякий радо-

вался тому, что Оренбург без кровопролития сдается». На другой день, утром, когда Пугачев с небольшим отрядом поехал, было, к Оренбургу, яко-бы «для принятия города», он был встречен выстрелами из пушек; пришлось вызвать артиллерию и конницу, «и происходило тогда сражение». А после Рождества выбежал в Берду из Оренбурга яицкий казак из калмыков Дюртей. Пугачев на первых порах очень приблизил его к себе, но «после не приказал самозванец ходить к себе оному, так, как и не быть в том месте, где он будет». Дело в том, что один башкирский старшина из «верных», пойманный под Оренбургом, когда «наложена уже была на него петля», «сказал про объявленного калмыка Дюртю, что он прислан к нему, Пугачеву, от губернатора с тем, чтоб его убить»; Пугачев хотел, было, тут же повесить Дюртея, однако, помиловал, по просьбе «прочих яицких казаков», считавших, что нужно подождать новых подтверждений замысла Дюртея от других «выходцев» из Оренбурга. Аверкиев говорил еще в Секретной Комиссии, что он слышал от казаков и такие речи о Пугачеве: «Будто оный самозванец был в Цареграде и после в Риме у папы для испрашивания помощи, дабы он был по-прежнему в России государем, на что папа ему говорил: когда де ты сделаешь такой колокол, чтоб во всем свете слышан был (то-есть распустить бы по всему свету слух, что он жив), то тогда де ты государем и будешь». От казаков же он, Аверкиев, слышал, что, «когда де Оренбургъ возьмется, то пойдем к Казани»; а канониры дополнительно сообщали, что «еще хотят иттить на Дон, а оттуда, совокупясь с теми казаками, уже в Россию».

Слышал Аверкиев и такой разговор между солдатами и одним из казаков: «Куда-то де наш батюшка по взятии Оренбурга пойдет?» — спросили солдаты. На это казак отвечал: «А вот де смотри, как он нас всех покинет! Он де только лишь в погибель-то нас ввел! Я де слышал, что он из нас отберет лучших двенадцать тысяч человек и хочет с ними уйти на реку Енбу близ Китайского государства» (Г. А., р. VI, д. 436, лл. 2 об. — 5).

44. В целях дополнения сведений, содержащихся в показаниях Творогова и других казаков, в отношении личных имен активных пугачевцев представляют интерес два списка, хранящиеся в Г. А., р. VI, д. 419, лл. 1—6: один перечисляет тех лиц, которые «по последним известиям находятся в злодейской толпе главными предводителями»; другой носит название «Реестра», с заглавием: «Имена тем, которые по допросам от колодников показаны участниками». Судя по фамилиям, оба списка составлены ранее разгрома Пугачева весной 1774 г. А по количеству названных в обоих списках и многочисленным искажениям действительных фамилий и имен можно прийти к заключению, что составители списков располагали очень недостоверными и крайне неполными сведениями о вождях восставших. По всей видимости, в первый период Пугачевщины, до ее разгрома весной 1774 г., в распоряжении у власти не было еще достаточно исчерпывающей информации о своих противниках. Зато позднее соответствующие материалы настолько выросли, что теперь открывается полная возможность составить подробный алфавит вождей и участников Пугачевщины, заключающий несколько тысяч имен.

45. Ряд подробностей о действиях пугачевцев на нижних яицких форпостах сообщается в показании яицких казаков Алексея Старцева и Григ. Абышева, данном 24 декабря 1773 г. «во Управляющей Войском Яицким Комендантской Канцелярии». По словам казаков, они только что вернулись с Карташевских хуторов (вниз по р. Яику, не доезжая 10 в. Кожехаровского форпоста), куда их посылала названная Канцелярия, и на эти хутора только что приезжала «партия» человек в 50 «для забрания лошадей и рогатого скота у послушных казаков», а верстах в 76 от Яицкого городка, у Бударинского форпоста, «поколебавшимися форпостными казаками» «учреждена» застава человек в 60 (Л. А., секр. пов. кн. II лл. 287 и 290).

В один день с Абышевым и Стардевым был допрошен в «Управляющей Войском Яицким Комендантской Канцелярии» и работник протопопа Димитрия Федорова (из Яицкого городка) Леонтий Артемьев, показавший следующее:

Хозяином своим был он послан для рыболовства вместе с старшинским сыном Ив. Мостовщиковым и прочими казаками вниз по р. Яику. Однако, спутники его, когда доехали до «урочища Мырьсевой Старицы», что в 100 в. от Яицкого городка, по неизвестной причине спешно повернули обратно; он же, Леонтий, остался на Мырьсеевских хуторах, с целью нарубить и привезти домой дров, причем «заночевал в зимовье послушной стороны у сотника Никифора Митрясова». Как раз в это время (в ночь на 22 декабря) на названные хутора приехало человек с двадцать казаков, с Сем. Толкачевым во главе, «бывших на пригородах послушной стороны казачьих лошадей забрали», а, «по забрании из тех хуторов лошадей, ездили и в Карташевские, неподалеку, выше оных Мырьсевьих, состоящие, хутора ж и потому ж одних послушной стороны казачьих лошадей... пригнали и, соединя всех, уехали к Сундовскому форпосту, проговаривая, что у них при том форпосте людей тысяч до двух находится». 23 декабря утром Леонтий взял свою лошадь, спрятанную им перед тем «в скотской баз», и без дров поехал в городок домой. В пути, когда он отъехал верст на тринадцать, ему вновь повстречался Толкачев с казаками, которые, судя по их словам, уже успели побывать в «Бударинских, что у Городища, хуторах»; узнав, что Леонтий — работник протопопа Федорова, казаки отняли у него лошадь и к тому же добавили: «вот де скоро они и на хозяине, помянутом протопопе, ездить будут» (Г. А., р. VI, д. 504, ч. II, л. 114; ср. Л. А., секр. пов. кн. II, лл. 288 — 289; еще ibid., л. 539).

47. Об упомянутом Банновым пугачевском агитаторе Дм. Панкине с товарищами заимствуем следующие детали из имеющегося материала:

Войсковой старшина войска Яицкого Мартем. Бородин писал коменданту Яицкого городка подполк. Симонову 13 октября 1773 г. из Оренбурга, что, по объявлению «выбежавших от самоизвестного самозванца послушной стороны старшинского сына Семена Окутина и казака Ив. Дурманова», «назад тому пятой день посланы де от того самозванца в Яицкой городок, для побужденя находящихся в городе яицких казаков и истребования сюда оных себе в помощь до трехсот человек, которым бы и сбиратца по Чагану в хуторах казака Фофанова, казаки: Дмитрий Сломихин, Степан Мякушин, Дмитрий Панкин; а оные посланы с указом на имя к казаку Петру Яманову и два ордера к казакам же: Ивану Фофанову и Тихону Кобыльей Голове» (Л. А., секр. пов. кн. I, л. 155).

Яицкий казак Ив. Чечин, 41 года, по его словам, принимал участие в «сделании около Яицкого ретраншемента рва», и в это время с Брусяных хуторов от специально приехавших туда от Пугачева казаков Дм. Панкина и Степ. Мякушина приехала в городок жена последнего «с объявлением, дабы казаки ехали к самозванцу в Берду служить», и с угрозами, в случае непослушания. «Видя, что многие казаки пристали к Пугачеву, почитают его за царя», и Чечин решил послужить «третьему императору». Перед зимним Николою Чечин с еще одним яицким казаком отправился, яко-бы для рыболовства, на Брусяные хутора, а оттуда, вместе с другими казаками, «ушли в Берду». Чечин «с того времени злодею служил верно... и был с ним везде» (Г. А., р. VI, д. 505, лл. 175 об. — 176).

В связи с показанием Баннова в той его части, где он говорит о донских казаках, нелишне напомнить, что Канцелярия Войска Донского, извещая Воронежского губернатора Шетнева (рапортом от 26 августа 1774 г.) о ряде удачных дел донцов со «злодеями», вместе с тем писала: «Злодей перебирается за Кубань, и опасности де от него донским станицам нет». Тем не менее, в виду слухов, что «злодея скверный язык выговорил позволение изменникам, Дербетевым калмыкам, перебыть за Волгу»,

пришлось предписать всем атаманам и полковникам, командированным для борьбы с «злодеем», наряду с участием в преследовании и «конечном истреблении» Пугачева, пока «проклятая его волокита тянется над Волгою», в то же время «на всякий непредвидимый случай... и от набегов изменников-калмык предосторожности своей не оставлять» (П. А., кн. V, лл. 433 — 434).

51. По словам яицкого казака Сергея Калашникова, упоминаемого в показании Спирина и Немчинова, в сентябре 1773 г., когда Пугачев с «толпою» направлялся от Яицкого городка к Оренбургу, он, Калашников, «находился в собственных своих хуторах, состоящих при урочище Гнилом». Хотя Пугачев и из этих хуторов «в свою шайку людей забирал», но он, Калашников, «тогда спрятался и с ним не пошел, для того, что, какой он подлинно человек, не знал и имел в том сумнение». Затем он переехал в Яицкий городок, а в последних числах октября, когда в городок с увещательными целями приехал от Пугачева казак Никита Синельников, в числе прочих согласившихся «уехал в слободу Берду и, вступя в толпу самозванца, почитал его за истинного государя, смотря на стариков» (Г. А., р. VI, д. 505, л. 347).

58. Сохранился документ с таким длинным заголовком: «Экстракт, учиненный ис журналов посыланных Войска Донского в станицы крепости святого Димитрия конного казацкого полку нарочных к разведанию о обстоятельствах известного злодея Пугачева; а какие о том где слышаны народные эхи и прочее, — явствует у сего ниже». Этот «экстракт» показывает, что Дон уже к концу ноября 1773 г. был сильно встревожен разнообразными слухами о «самозванце» в Заволжье, и меры предосторожности против Пугачева, принимавшиеся еще тогда войсковым начальством, лишь сеяли панику, порождали ожидания в рядах донских казаков. Стоит привести ряд местных отзывов о Пугачеве, включенных в «экстракт». Так, станичный атаман Иловлинской станицы Сидор Афанасьев «сказывал»: «хотя, слышно, нашего войска тамо казак беглый Пугачев делает в людях развраты, только нашей станицы казаки его знают, — оной Пугачев нехорошева корпуса, ростом мал, черен, разве оной у самозванца во услугах находится». «Азымейской [Зимовейской] станицы сказывал казак Иван Сидоров, что беглый из нашей станицы казак Емельян Пугачев, тому назад третий год, был послан во вторую армию. И как оттоль был отпущен на время в дом, и, по окончании своего термина, обратно отъехал в армию. И приехал в Донецкие станицы, вместо себя нанял казака, а сам, оной Пугачев, возвратился в дом. Почему по волности его заворовался: был в крепости Моздоке, а потом, в прошлом году, поиман и посажен был в Царицынской крепости под караул, а оттоль отправлен в Войско Донское. Который Пугачев с дороги, близ Цимлянской станицы, бежал в прошлом годе. Оной же Пугачев — росту небольшого, волосы на голове и бороде черные, лет тридцати. Мать его прошлого году чрез его воровство взята в Черкасской, которая тамо и умерла, а жена и дети по бедности меж двор бродят» (Л. А., секр. пов. кн. II, лл. 336 — 337).

61. Дополнением к рапорту подпор. Иванова о событиях в г. Саранске и в Саранском уезде могут служить два рапорта: один — подполк. Муффеля на имя кн. Ф. Ф. Щербатова, другой—подполк. Михельсона Нижегородскому губернатору Ступишину.

Подполк. Муффель, имевший от главнокомандующего кн. Ф. Ф. Щербатова предписание «следовать, как наискорее, поспешнее» за «злодеем», доносил ему 1 августа 1774 г. из сельца Садовки (повидимому, на дороге к Саранску), что «везде здесь чернь заражена», и потому «весьма трудно здесь сведение получить о злодее Пугачеве». По известию, полученному майором Акинфиевым от своего крестьянина, которого он нарочно посылал для разведки, г. Саранск «злодеем разбит», двор и винокуренные заводы Акинфиева за р. Сурой равным образом разграблены, а крестьяне и дворовые люди с них, как и во всем Саранском уезде, «пристали» к «злодейской

шайке». «А передаются более от пьянства», — замечал Муффель,— «и что он, злодей, обещает по сту рублев на месяц и вечную волю» (П. А., кн. V, л. 62).

Другой противник Пугачева, подполк. И. И. Михельсон, в недоумении, должен ли он преследовать Пугачева и «пресекать» ему дороги, рапортовал Ступишину из с. Починок 3 августа 1774 г., что он все-таки отправил капитана Дурнова с командой для следования за «злодеем» и надеется, что тот уже достиг Курмыша; а сам, рассылая повсюду, исключая Алатыря, «партии» «ко усмирению бунтующих крестьян и истреблению разных шаек», двигается к Саранску, считая, что именно в этом городе — «настоящее место делать мои обращения во все стороны и, в случае надобности, повстречать Пугачева». Михельсон, по его словам, был убежден, что везде «в здешних местах, где когда не будет команды, может родиться великое зло», «Злодей», повидимому, «узнав, что ему дорога пресечена», изменил свое намерение двигаться к Арзамасу, — сообщал далее Михельсон Ступишину, и «с крайним поспешением» вышел 30 июля из Саранска вместе с забранными отсюда пушками. Крестьяне, которые и перед тем «спомоществовали» в «великих варварствах», а именно: одни держали своих господ и прикащиков связанными, другие отвозили их к «злодею», третьи сами лишали их жизни (что творилось в расстоянии даже более 100 в. от Саранска), и, по уходе Пугачева из этого города, продолжали пребывать в том же настроении и бесчинствах. «Злодейское сердце сих бунтовщиков» сказалось, например, в случае приглашения «бунтующими мужиками» 1 августа «злодеев» в с. Починки, чтоб связать рейтар при казенном конском заводе, несмотря на то, что «во всей околичности известно было» о вступлении Михельсона именно 1 августа в это село. Одна из высланных Михельсоном команд, под начальством майора Харина, утром 3 августа в с. Сучкине (в 40 в. от Починок) «наехала злодейскую толпу человеках в 200, по большей части барских людей, коими предводительствовал толпы Пугачева донской казак Александр Суходольский, коей назывался полковником». Харин разбил эту «толпу», причем самого Суходольского взяли в плен, а большинство «злодеев» «побили», так как они «не давались в руки живыми». Суходольский в допросе показал, что он, «отстав от Пугачева, пробирался на Дон», а Пугачев, «по неудаче под Казанью, и видя, что ему к Москве пробраться трудно, по согласию яицких казаков», стремится теперь через Малыковку и Иргиз к Яику (в оригинале, представляющем копию рапорта Михельсона, сказано ошибочно — «к Ядрину»). (Ibid., лл. 50 — 52).

62. Ряд подробностей относительно взятия Пугачевым Саратова сообщают нижеследующие документы, — даем их в собственном пересказе.

Саратовский цеховой Степ. Ив. Кузнецов, бежавший из Саратова «тайным образом, ища спасения», в субботу, 9 августа, т. е. в тот же день, когда и Пугачев покинул Саратов, будучи допрошен в Царицыне 12 августа, показал: «Государственный бунтовщик» Пугачев въехал в Саратов 7 августа, лишь с «частию своей толпы»; «прочие толпы расположены были по Улешам». На следующий день сам Кузнецов видел в городе «вора и бунтовщика». В этот именно день Пугачев с шестью «своими товарищами» приехал к Троицкой соборной церкви, где хранилась денежная казна Опекунской Конторы, и приказал саратовскому пахотному солдату Як. Лапшину да отставному саратовскому казачьему пятидесятнику Як. Уфимцеву «накладывать ту денежную казну на возы», что те и исполнили. А вслед за этим «во всем городе чинены были великие грабежи и смертные убивства». Тогда же, «неведомо — по чьей сказке», Пугачев получил сведения о судне с денежной казною Соляной Конторы, стоявшем на Волге, повыше Саратова; судно возвратили в Саратов, и против Улешей все бывшие на нем мужчины были расстреляны в тот момент, когда они, раздевшись по приказу «злодейскому», пустились вплавь за Волгу;

умерщвлено было на судне немало и женщин с детьми. 9 августа Пугачев «со всеми своими воровскими толпами от г. Саратова пошел вниз по Волге», «и то с денежною казною судно за ним следует». «По отбытии того вора Пугачева был в соборной церкви со звоном молебен, а о чем — того не знаю». «Слышал я», — заканчивал Кузнецов свое показание, — что Пугачевым город «приказан в смотрение реченному пятидесятнику Уфимцеву». У «вора Пугачева» Кузнецов видел артиллерийского капитана кн. Андрея Баратаева и сек.-майора Андрея же Салманова; о последнем «слух происходит, что пожаловал его Пугачев в полковники» (П. А., кн. V, лл. 572 об. — 573).

Донося 28 августа 1774 г. главнокомандующему Панину о взятии «злодеем» Саратова, Астраханский губернатор ген.-майор П. Н. Кречетников отмечал, что это случилось «не иначе, как по предательству купцов и, на остаток, гарнизонного майора Сальманова и артиллерийской команды, кои все добровольно из фрунта к нему [«злодею»] ушли». «Сей богомерзкой измене», — констатировал далее губернатор, — «спомоществовало несогласие Опекунской Конторы главного судьи статского советника Ладыженского с комендантом полк. Бошняком, коему заблаговременно от меня наставление дано было, чтоб он взял все воинские команды в свое распоряжение; но Ладыженский и с ним ветреной человек, гвардии-поручик Державин, того не сделали и сбирались его арестовать, и потому сбирали на совет купцов и гарнизонных штаб-офицеров противу коменданта, и тем его ослабили, и укрепления никакого не сделали. А как самое зло настало, и злодей пришел, то в тот самый день коменданту команду отдали, а сами — Ладыженский в Царицын, а Державин на Яик — поехали. И так люди, возмутясь, в толь непростительное зло впали, и таковые плоды от разных команд, не подчиненных один другому, последовали». Кречетников сообщал Панину, что, по получении им «вчерашний день» известия о разбитии Пугачева 25 августа, он отправил в Красный Яр» навстречу «злодею» легкую полевую команду, 200 чел. гарнизонной пехоты и 450 чел. «легких разных войск, каких только набрать мог», а полк. кн. Дундукову велел с «калмыцкими войсками гнаться» за «злодеем» «сзади от Черного Яру». Заканчивал Кречетников свое письмо печальными размышлениями о том, что он «живет, действительно не имея себе помощника ни в каких делах, — ни в военных, ни в гражданских». «Товарищи мои», — пояснял он, — «оба обязаны рыбными промыслами, так у них торги в голове; а обер-комендант — тот, кой кроме страха ничего не знает и нигде не служивал, так и понятия ему взять негде». «Я истинно, милостивый государь», — заканчивал Кречетников свое письмо, «о всяком патроне должен сам приказывать, не только что-либо сделать» (ibid., л. 567).

В рапорте от 12 августа 1774 г. из с. Соплевки (в 140 в. от Сызрани) кн. П. М. Голицын, извещая гр. П. И. Панина о падении Саратова, высказывал предположение, что «измена обывателей и нерасторопность начальников — главные причины тому несчастию», тем более, что «город имел гарнизону до осмисот регулярных и до ста казаков донских, равно как и довольно пушек и артиллерийских припасов». Отмечая, что «теперь означенный бунтовщик — в больших силах, снабденной всем оружием, и число толпы его считают более десяти тысяч», Голицын «представлял» о необходимости срочного направления «к здешним пределам» войск, следующих из Москвы, «дабы не дать распространиться несчастной заразе». «Теперь здешние обстоятельства столь строги», — писал Голицын, — «что я не имею почти времени ваше сиятельство уведомить о прочих здешних дел положениях». Впрочем, мы узнаем из упомянутого рапорта кн. Голицына, что сам он будет стремиться «чрез поспешный марш соединиться с ген.-майором Мансуровым, находящимся в Сызрани», а Оренбургскому губернатору и деташементам, которые расположены в Башкирии, им сделаны «должные распоряжения» «о принятии предосторожности», так как неизвестно, куда «устремится» из Саратова «злодей», располагаю-

щий «несколькими своими шайками на луговой стороне р. Волги» (ibid., лл. 142—143.)

По «объявлению» гвардии-поручика Г. Р. Державина ген.-майору кн. П. М. Голицыну, в Саратове (очевидно, перед нападением на него Пугачева) было: 300 чел. фузелеров «под ружьем», 160 чел. батальонных солдат, 150 чел. донских казаков при Конторе Опекунства Иностранных (из них 100 «передались злодею», «будучи в партии», т. е. в отряде, высланном вместе с Державиным к Петровску), 60 чел. дубовских казаков, да у коменданта «быть долженствовало» более 200 донских и саратовских казаков. Артиллерия в Саратове насчитывала в это время «пушек», «мортир» и «городовых пушек» — 15, да пушек без лафетов более 20 (ibid., л. 248).

Между тем, Саратовский комендант полк. Ив. Конст. Бошняк рапортовал П. Н. Кречетникову 14 августа 1774 г., что он прибыл 11 августа в Царицын, имея при себе всего 67 чел. (ibid., л. 572).

67. Яицкий казак Семен Мих. Шелудяков, свояк Пугачева по Устинье, показал в Секретной Комиссии, что, во время осады пугачевцами коменданта Яицкого городка полк. Симонова, он, в виду своей всегдашней принадлежности к «послушной стороне», получил однажды от Симонова предложение отправиться с двумя татарами: Кучаем и Салтан-беком «на Низ до Енайкиных хуторов с тем приказанием, чтоб послушной стороны казаки ехали к нему, полковнику Симонову, в Кремль на помощь, и разглашать о Пугачеве, что обманщик». Во время выполнения этого поручения, Шелудяков был пойман «злодейскими сообщниками, Карташовым с товарищи», на Кошевском хуторе и чуть, было, не посажен в воду, увезен затем в Яицкий городок, а там выпущен на свободу с соответствующими угрозами. Однако, когда осажденные потребовали «на переговорку» именно его, Шелудякова, то «он и выпросился у бунтовщиков на оную». На переговорке, тайком от «присмотрщика», приставленного к нему, Шелудяков сообщил прапорщику Ив. Басманову, высланному Симоновым, то, что слышал он в Берде, куда ездил от Устиньи с письмами к Пугачеву, а именно: что «армия к ним на помощь идет..., и во многих местах толпы злодейские уже разбивают» (Г. А., р. VI, д. 506, лл. 418—419).

68. В тот самый момент, когда успехи Пугачева, после короткой заминки весною 1774 г., стали вновь и по новому расти. главное военное командование правительственных войск в лице кн. Ф. Ф. Щербатова, недооценивая этих успехов своего противника, считало возможным говорить о «бегстве» Пугачева, а в отношении населения, принимавшего еще недавно участие в мятеже, действовать так, как если бы оно успокоилось совершенно.

«Встречается мне мысль», — писал Щербатов в ордере от 15 июня 1774 г. на имя ген.-майора Мансурова, «что злодей-самозванец, будучи повсюду поражаем и почти лишен способов к усилению своему, не вздумал бы под именем чужим, так, как простой человек, что он в самом деле есть, укрыться от своих сообщников и обратиться в первое его гнездо и лучшее убежище, — в раскольничьи Иргизские слободы». Щербатов рекомендовал Мансурову «дать о сем знать поручику Державину» (которому и сам Щербатов предписал «возобновить все бывшие для сего у него распоряжения»), да и «прочим, в тамошней стороне расположенным, ведения вашего командам, дабы они обращали туда свое внимание и тайным образом чрез весьма верных людей делали разведывания» (П. А., кн. XVII, л. 141).

Ордером от 20 июня 1774 г. Щербатов предписал подполк. Милковичу «содержащийся в Борской крепости под смотрением прапорщика Колотинского скот, взятый в Кинельской и Мочинской слободах тогда, как жители сих селений в злодейских шайках находились», «возвратить в помянутые слободы для раздачи жителям, ибо все они возвратились в свои дома и живут спокойно». Щербатов предписывал обратить особенное внимание на справедливое возвращение скота действи-

тельным владельцам при посредстве «старших в оных слободах атаманов» (ibid., л. 152).

(Ср. еще ордер кн. Щербатова от 14 июля 1774 г. на имя полк. Обернибесова, с отказом в увольнении его «в такое дорогое время» — П. А., кн. XVII, л. 185).

Представляя себе «злодея» бегущим, главнокомандующий ошибался: взятие Казани было одним из самых ярких успехов Пугачева.

При нападении Пугачева на Казань существенно пострадал, между прочим, крупный казанский торговец и промышленник Щелоков, тот самый Щелоков, которого в свое время определенно подозревали в содействии Пугачеву в Казани, еще до начала открытой Пугачевщины, и относительно которого эти подозрения вряд ли могут считаться окончательно устраненными и теперь, несмотря даже на оправдание его Тайной Экспедицией. Как писал в своем прошении (без даты) к гр. П. И. Панину «полковника Григорья, Михайлова сына, Коробьина крестьянин Василий Щелоков», он, живя в Казани и «издавна упражняясь в частной торговле и казенных подрядах, дошел до того, что данной... кредит увеличил надежду взять от короны под своз и опасность свою до Санкт-Петербурга корабельных мачтовых лесов сто одиннадцать тысяч пудов». «Сие число», — писал Щелоков, «по обязательству с казною поставил я исправно, а притом и казне против казенной поставки мачтовых лесов в 1773 г. до пятнадцати тысяч рублев сделал прибыли; сам же, по случившемуся тогда мелководию, претерпел убытка до пяти тысяч рублев». О «таком несчастии» Щелоков не стал бы «столько сожалеть», если б не известия: 1) о сожжении и разграблении казанского дома его «по общему несчастию от изверга рода человеческого Пугачева» (жена по памяти показала в Казанской полиции «только» на 13140 р.) и 2) об убийстве «бунтовщичьей шайкой» 18-летнего сына его. Между тем, на Щелокове, по его свидетельству, лежали два казенных долга: один, 1460 р., — в Казанскую Губернскую Канцелярию, да в Главную Провиантскую Канцелярию — за 500 четвертей овса, которые не поставлены только потому, что «посланные мои», выполняя подряд Щелокова на доставку от Рыбной слободы до Петербурга 3000 четвертей казенного овса, вынуждены были продать до 500 четвертей из этого числа «по необходимости мелководия и дороговизны работных людей».

На изложенном прошении Щелокова читаем следующую, подписанную гр. Паниным, резолюцию: «1775 года марта 2 дня. По возложенному на меня от ее и. в. нынешнему служению, не следует сие до моего рассмотрения, а принадлежит оное по казенным долгам до тех мест, в которые теми долгами и взысканием челобитчик обязан. А по случившемуся ему разорению следует он к рассмотрению и поправлению собственно своему помещику, яко его подданной. Граф Петр Панин». (П. А., кн. XV, лл. 193—194).

На пути к Казани, как известно, ближайшие сподвижники усиленно уговаривали Пугачева итти прямо к Москве и там, в первопрестольной русской столице, как-бы в знак победы над немецким Петербургом, сесть на царство. Никаких видимых препятствий к походу на Москву не было; к тому же и после поражения под Казанью Пугачеву не приходилось сомневаться ни в своей популярности в массах, ни в быстром, как всегда, восстановлении своей живой силы. Капрал Цывильской штатной команды Мартын Журавлев, как видно на основании «Экстракта из допросов по Секретной Комиссии содержащихся колодников сего 1774 года с августа месяца», показывал позднее в Секретной Комиссии, что он видел «много злодеев», «дорогою едущих», когда был послан Цивильским воеводою Копьевым (связан, бит плетьми и повешен «по указательству купца Шулина») «по Казанской дороге в село Сундырь для разведывания о злодеях». Тот же Журавлев говорил в Секретной Комиссии, что, в день отъезда «злодеев» из Цивильска, «привели чуваша двух священников, принося на них жалобу..., кои по повелению самого зло-

дея Пугачева и его называемого генерала замучены плетьми до смерти, и тела брошены в реку». «Слышал он от казаков, что злодей Пугачев намерение имеет разделиться на две части и одною иттить на Курмыш, а другою к Макарьевской ярмарке» (Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, л. 207). Первоначальное направление пути Пугачева после Казани как будто указывало, что «государь Петр Федорович» действительно не чужд был в это время намерения итти в глубь внутренних русских губерний. И все-таки главная «злодейская толпа» не пошла ни в Нижний, ни к Москве, а резко повернула с запада на юг, вдоль Суры, с Суры перекинулась на Волгу и уже не изменяла этой традиционно-бунтарской реке вплоть до окончательного поражения под Черным Яром. Явный сворот Пугачева с дороги к Нижнему Новгороду Нижегородский губернатор А. А. Ступишин был склонен объяснять принятыми им мерами по усилению обороноспособности города. Недаром Ступишин счел нужным представить Панину (в доношении от 25 октября 1774 г.) к чину поручика «Нижегородского гарнизонного баталиона адъютанта» Ив. Филонова за то, что он, Филонов, когда Нижнему грозила опасность от «известного злодея», «по знанию фортификации и артиллерии, употреблен был по показанию моему к работам укрепления города Нижнего» и к «исправлению пушек», в чем «оказал отличные труды» (П. А., кн. VII, л. 390).

К возможному нападению со стороны «злодея» Нижний, повидимому, действительно был подготовлен Ступишиным, очевидно, правильно оценивавшим экономическое и политическое значение своего города. Припоминается, что еще А. И. Бибиков в «сообщении господину тайному советнику, сенатору и кавалеру Маслову» от 7 марта 1774 г. в таких выражениях высказывал свои беспокойства, как относительно этого города, так и о всем пути к нему с Камы, в обстановке Пугачевщины: «Из Соликамского уезда, из Дедюхина, из Нового Усолья и от Соли Камской, по вскрытии рек, отправляется обыкновенно соль на множестве судов до самого Нижнего Новагорода, где и отдается подрядчикам и развозится ими в верховые города. На оные же суда определяется великое число людей для провождения до устья реки Камы, а от сего места до Нижнего Новагорода почти вдвое их умножается; и все сии работники, оставляя жилища свои, отлучены бывают от оных всегда почти до сентября месяца и, отставая от судов, во время возвращения своего, многие из них, шатаясь по дорогам, производят великие грабительства и разорения» (П. А., кн. XVI, л. 42).

Тем не менее, вряд ли Пугачев воздержался от похода на Нижний под влиянием известий, что город сильно укреплен. Правдоподобнее предполагать, что им руководили мотивы иного порядка. Лишившись башкир и своих сообщников с заводов, утратив связь с Приуральем, отрезанный от хлебного Вятско-Камского района, Пугачев, после поражения под Казанью, вряд ли мог принять решение углубиться во внутренние русские губернии, которым явно грозил голод; скорее, он должен был подумать в первую очередь о создании себе новой стратегической базы. Не спроста его намерения устремились в сторону Дона и родного казачества.

70. Как показывает «список», в главной «злодейской толпе», шедшей с Пугачевым, командные должности, в соответствии с ее социальным и этнографическим составом, были заняты людьми различных положений, жителями самых разнообразных местностей. Иначе и не могло быть. Преодолевая огромные пространства, Пугачев и его ближайшие сподвижники, ведь, рассылали повсюду в стороны своих эмиссаров, группами и поодиночке, с помощью их вербовали все новые кадры сообщников, а вместе с этим, естественно, видоизменяли, обновляли и расширяли соответствующим образом начальствующий состав своих военных сил.

Дворовый человек помещика Григ. Ив. Бахметева (из с. Знаменского Алатырского у.) Иван Евсевьев, 20 лет, будучи допрошен 12 августа 1774 г., показал: В «нашествие от злодейской толпы в город Алатырь»,

«послана была по разным местам злодейская партия», и один из ее отрядов в числе 12 чел., приехал к ним, в с. Знаменское. «Возмутя крестьян» и, по просьбе их, «отдав им для мученья» помещика, «злодеи» взяли с собою восьмерых крестьян, двоих дворовых (одним из них был сам Евсевьев) и отправились в дальнейший путь. Всюду «по жительствам» забирая людей и переменяя лошадей, означенная «злодейская толпа» побывала в Саранске, Пензе, Петровске, в селах: Чардыме и Малыковке. В Малыковке «злодеев» (их было в это время 30 чел., причем двое — яицкие казаки) точно также «жители встретили», и здесь «наехали» на них донские казаки; «с ними поговоря», донцы тут же поехали вместе в с. Терсу и затем всех перевязали; только «бывшие с ними яицкие казаки ушли к злодею Пугачеву, который стоит, слышно де, что в Саратове» (П. А., кн. V, л. 266).

Власть строго отличала «злодеев» от «черни», смущенной ими благодаря своему «невежеству»; если за первыми признавали еще некоторое значение в смысле военной силы, то к «черни» относились с полным пренебрежением.

Рапортом от 15 августа 1774 г. Нижегородский губернатор А. А. Ступишин, получив повеление главнокомандующего от 13 числа того же месяца, успокаивал Панина, что разорение Троицкого Острога, Красной Слободы и Темникова последовало «не от толпы изверга Пугачева, но от возмущения черни». «Никогда не думаю», — писал губернатор, «чтобы скопища сии были в большом числе, но единого ради грабежа, из коих всякой, воспользуясь, будет непременно разъезжаться в свои домы». «На таковой случай, кажется, нет удобнее ко усмирению казаков», — замечал Ступишин. Нижегородский губернатор действительно усмирял население с помощью казаков, поскольку они были у него. Считая своим первым долгом устранение опасности от Арзамаса, Ступишин командировал туда сначала подполк. Архарова со 160 казаками (из этого числа 30 донцов отряжены на усмирение Починковского завода), а затем приказал итти в том же направлении майору Голубю с эскадроном бахмутских гусар и сотней малороссийских казаков. При всем своем пренебрежении к «черни», Ступишин заканчивал свой рапорт Панину просьбой «подкрепить здешнее преважнейшее место [т. е. Нижний Новгород] некоторым числом пехоты». Губернатор обращал внимание главнокомандующего на то, что подполк. Архарову пришлось взять направление на Темников, а он, губернатор, «обессплив» в пользу соседних губерний свой «важнейший» город, вынужден «подкреплять оной только строгостию самолично» (ibid., л. 180).

Однако, обилие всюду бродивших «злодейских» отрядов не могло не отражаться на борьбе с основным врагом. В своем рапорте нижегородскому губернатору А. А. Ступишину из с. Починок от 4 августа 1774 г. И. И. Михельсон сообщал, что с помощью обычной военной разведки «весьма трудно» узнавать «о движениях злодейских» (т. е. самого Пугачева), благодаря «рассеянным его шайкам»: гораздо лучше это делать через «шпионов и здешних жителей», «имеющих к тому более способов» (ibid., л. 64).

Брожение в мятежном краю не сразу улеглось, и «злодейские шайки», число которых так размножилось в период успехов Пугачевщины, продолжали беспокоить военное командование и местную администрацию и после окончательной неудачи движения — см., напр., П. А., кн. V, л. 449.

Обилие активных выступлений на местах, неизменно сопровождавших Пугачевщину в основном ее течении, не всегда было показателем ее внутренней устойчивости, процветания и силы. Пристальное изучение стихийной партизанщины во всем разнообразии и противоречивости ее выявлений, столь необходимое для понимания Пугачевщины в целом, помогает раскрыть такие глубины движения, что становится уже понятной его конечная беспомощность. В момент нападения на Царицын, Пугачев, как показал результат этого нападения, при всех своих внешних данных,

в действительности был совсем не таким грозным, как это представлялось, например, Царицынскому коменданту полк. Цыплетеву.

В ответ на «ордер» Панина от 6 сентября 1774 г. с благодарностью за «отражение атаки» Пугачева на Царицынскую «крепость», Цыплетев направил графу 10 октября того же года «покорный рапорт», в котором постарался следующим образом отвести от себя легкий упрек, высказанный Паниным, по поводу того, что не удалось задержать Пугачева под Царицыным до прибытия деташемента Михельсона: 1) «Известия о приближении его, господина Михельсона, я не имел», — писал Цыплетев, «и полагаться было не на что». 2) Донских казаков в распоряжении Царицынского коменданта так было мало в момент приступа, и в таком они были подавленном настроении, что «сею командою почти и сделать ничего не можно». Дело в том, — пояснял Цыплетев Панину, что за день до «злодейского приступа к крепости», т. е. 20 августа, явились к нему «с небольшими людьми» «усердные донские полковники», и, когда он отправил их обратно за своими полками, следовавшими позади, «нечаянно злодейская толпа перед ними оказалась». Тут один из полковников, Кутейников, попал к «злодеям» в плен, — донцы пришли в «упадок духа» и к «отступлению в домы». «Вместо ожидания с Дону прибавки... силы их [т. е. усердных полковников] умалились, а к утру и гораздо стало недостаточно, так что с небольшим один полк составлять могли»; и притом казаки, видно, всё на ворота смотрели, «куда им от нападения злодейского уходить». Полковникам пришлось просить Цыплетева поставить казаков под «прикрытие», «и содержаны были под крепостью в одном буераке под пушками». 3) Сам «злодей» был «исправнее прежнего, в большем числе солдат, фузелеров, казаков — яицких, донских, волжских, саратовских, дмитриевских и с множеством калмык; и, кроме разнокалиберных, по городам набранных, пушек, почиталось несколько единорогов, снарядами, порохом приумножаемыми во всех местах; а всего составляло с чернью тысяч близко двадцати». К тому же «сей злодей позади себя предавшихся ему имел, а нам были изменники». 4) Цыплетев отдавал себе отчет в том, что гарнизон, насчитывавший «не более восьмисот» человек, притом «по большей части рекруты, нигде в деле не бывалые», и «обыватели», недостаточен для такой «пространной крепости», как Царицын. При «малолюдстве» комендант не был убежден еще и в стойкости своего гарнизона; до приближения злодея, он «у себя уже видел еще до того худые толки, всеявшиеся в подчиненных». А, между тем, он хорошо знал, что «варвар, прошед великую обширность, губя народ привлечением к себе, не страшен бы был ни на каком сражении, как только получает способы у наших людей от скорой их перемены против его в послабление». Не ожидая, таким образом, «ни с которой стороны помощи и не имея о господине Михельсоне известия», признавая «превосходство» на стороне «злодея» «в виде солдат и прочих военных», помня вместе с тем, «как уже в Казани сей злодей баталию выиграл против гарнизонных, подкрепляемых полевыми», наконец, «воображая слабости и измену в других городах нашего народа» и одновременно учитывая «перемену» в своем гарнизоне и в казаках пред лицом многочисленного «внутреннего врага», — Цыплетев, даже при наличии сложившегося, как ему казалось, в гарнизоне настроения «стоять до последней крови капли», «чистосердечно» признавался, что он и думать не мог ни о чем бо́льшем эпизодических вылазок, «почитая себе за счастье» уж одно то, если ему удастся «соблюсти врученную... крепость и не допустить, как и в прочих городах, до кровопролития». Что же касается полевой команды и калмыков «полковника, калмыцкого владельца, Дундукова», то они были заранее отряжены к Саратову по ордеру Астраханского губернатора П. Н. Кречетникова (П. А., кн. VIII, лл. 81-а — 81-б).

Внешне сильный и внутренне слабый, Пугачев, вскоре после неудачи под Царицыным, был легко разбит Михельсоном, и Царицынский комен-

дант Цыплетев, только что освободившись от тревоги в связи с нападением врага, представлявшегося страшным, оказался перед новым затруднением: как быть с громадным количеством пленных, доставшихся в сражении под Черным Яром? Цыплетев «предавал в высокое рассмотрение» Панина в рапорте от 11 сентября 1774 г., что, в виду «великого множества черни... из дальних мест, прямого о поступках их изобличения здесь никоим образом найти не можно» и поэтому «отличить способу нет» ни тех, «кто самоохотно предался», ни тех, кто «под неволею взят»; даже и «претерпя некоторые в допросах истязания», «показывают все единогласно, будто под неволею»; «закрыты и важные преступления». Цыплетев поэтому предлагал, «кроме главных преступников, которые здесь уже изобличены», остальную «всю чернь разослать в их присутственные городовые канцелярии, с предписанием о учинении там разобрания», тем более, что на местах «все наиточнейше частию известно, а другое чрез изобличения сыскаться может» (П. А., кн. V, л. 521).

Не всю «чернь» пришлось, однако, рассылать по городовым канцеляриям; некоторых из числа захваченных под Черным Яром отправили даже в Москву, к «следствию о злодее». Допрошенная 15 ноября 1774 г. в Тайной Экспедиции одна «жонка» показала: Зовут ее Ириной, от роду ей 23-й год, она дочь атамана Сибирского Казачьего Войска Федора Захар. Шадрина. Родители ее, жившие за Екатеринбургом в Тюбоковой казачьей станице, лет 18 назад померли, после чего она, Ирина, жила сначала на Саткинском железном купца Максима Лугинина заводе у своей сестры Дарьи, бывшей в замужестве за приказчиком того завода Вас. Муллиновым, а затем, выйдя замуж за кунгурского купца и депутата Кондр. Ермол. Ширинкина, жила сначала два года «своим домом» в Кунгуре, а потом переехала с мужем на Саткинский же завод, где они также жили «своим домом», «пропитание имея от производимого мужем ее торгового промысла». Весной 1774 г. муж ее «с прочими заводскими жителями» участвовал вместе с Михельсоном в сражении под с. Лягушиным, после чего все вернулись на завод. Когда в мае, дня два спустя после праздника Николая-чудотворца, «Пугачев с своею толпою нечаянным образом по утру рано подошел к их заводу», он прежде всего «зажег тамошних обывателей домы», так что все сгорело; затем повесил ее мужа и двух приказчиков, Степ. Половникова и Степ. Мосеева. А ее, Ирину, «злодейские» казаки «потащили», было, к злодею на расправу; но, как он из заводу уже вышел, то и осталась жива; злодея нагнали они уже в степи, верстах в 25 от завода. Вплоть до разбития Пугачева под Царицыным Ирина «находилась у его полковника Анисима, Андреева сына, Тюмина в услужении, который в толпе своей сказывал, что он — Голубинской станицы казак; а как в одно время напился он пьян, то он сволочи своей сказывался, что он служил в гвардии. Сей Тюмин — человек немолодой. Она варила про него есть и мывала рубашки». После разбития толпы Михельсоном и пленения «злодейской жены с малолетними детьми», по «приказу» Михельсона, «к тем малолетним злодейским детям приставлена она нянькою и со оными, равно и с матерью их, а злодейскою женою, от Михельсона отправлена она за караулом в Царицын; а из оного отосланы в Симбирск, из которого пересланы сюда в Москву в Тайную Экспедицию. С злодеем никогда и ни о чем она не говаривала, и о злодейских его замыслах не знала» (Г. А. р. VI, д. 512, ч. I, лл. 323 — 324).

71. События августа 1774 г., которыми дано содержание «допросным речам» Салманова, одного из офицеров, перешедших на сторону «злодеев» и благодаря этому располагавших возможностью наблюдать происходящее из лагеря восставших, получают дополнительное освещение в официальной переписке военного командования и местной администрации.

Накануне вступления Пугачева в Саратов, 5 августа 1774 г., Нижегородский губернатор А. А. Ступишин писал гр. П. И. Панину: «Злодей»

по всем данным собирался итти из Курмыша в Нижний, но «отменил свое намерение», «получа чрез чуваш [известие] о приуготовлении здешнем к неприятной для него встрече». В Нижегородской губернии «взбунтовавшиеся начали приходить в признание и послушание, — не от угрызения совести, но от строгости, которую я к ним употребил: сие последнее, надеюсь, всего лучше к воздержанию их послужит». Сообщив, что «деташементы», преследующие Пугачева, находятся под командой Муффеля, Меллина и Михельсона, Ступишин выражал опасение, что эти последние, «не имея начальника над собою, идут каждый особо и, как видно, не только связи, ниже сообщения между собою не имеют, или очень редко». «И потому боюсь», — признавался губернатор, «чтобы злодей их, заведши, не обманул так, как и прежде было». Возможность вступления «злодейской толпы» в Касимов маловероятна, разве взбунтуются «тамошние татары»: «сие для Москвы не может быть страшно, — их усмирить 50 человек могут». Ступишин советовал разместить полки, «вышедшие из Москвы», между Арзамасом и Темниковым, так как в таком случае обе дороги, ведущие к Москве, оказались бы под присмотром, и «если бы злодею и удалось обмануть наших, и так бы, кажется, заслонили Москву» (П. А., кн. V, л. 40).

Безнадежно опаздывая с информацией, Ступишин же писал Панину 8 августа 1774 г., на основании рапорта Алатырской Провинциальной Канцелярии, что «человек» саранского помещика Вас. Акинфиева «объявил», будто слышал он от «обывателей» с. Березников, будучи там 1 августа 1774 г., как Пугачев, «набрав в свою шайку до 3000 чел., и оставил ее между пригородка Шешкова и города Пензы, а сам поехал в Пензу, приказав оставшим себя ожидать; однако же, к ним не возвратясь, обратился в бегство, а куда и с каким числом — не знают». Передавая вкратце содержание сообщения кн. П. М. Голицына от 5 августа, Ступишин писал, что Голицын принял все возможные меры «для предохранения» Казани, оставив соответствующие войска «под повелением» ген.-майора Потемкина, а сам собирался 7 августа переправиться через Волгу при Услонском перевозе (ibid., лл. 60 — 61).

Не в лучшем положении относительно информации был и Михельсон. Извещая нижегородского губернатора Ступишина в рапорте от 5 августа 1774 г., писанном «в поле под селом Голицыным», что никаких сведений нет ни о Муффеле, ни о Меллине, Михельсон вместе с тем сообщал, что, «в рассуждении здешних беспокойств», он спешить не может; к тому же, он опасается поворота Пугачева к Воронежу. Впрочем, — прибавлял Михельсон, он надеется, что высланные им партии «произведут тот успех, что в здешних местах будет тишина». В том же рапорте Михельсон высказывал уверенность, что «толпа» Пугачева состоит из «таких людей, которые ничего не значат» (ibid., л. 65).

12 августа 1774 г. Михельсон рапортовал Панину из дер. Песчанки, что он, «производя марши от 50 до 60 верст в сутки», спешит догнать подполк. Муффеля и майора гр. Меллина. Эти последние, «не считая себя довольно сильными поразить» Пугачева, по взятии им Саратова, по словам Михельсона, поджидали его сначала в дер. Крюковке, верстах в 50 от Саратова; а когда узнали, что Пугачевым Саратов оставлен, вступили в него, повидимому, 11 августа вечером. Михельсон заканчивал свой рапорт указанием, что он, «по обстоятельствам г. Пензы и здешних мест», должен был оставить гвардии-поручика Мельгунова со 105 уланами и казаками для очищения своего тыла (ibid., лл. 168 — 169).

Ощупью приходилось действовать против Пугачева и главному военному командованию. Кн. П. М. Голицын, извещая Московского главнокомандующего кн. М. Н. Волконского письмом от 2 августа 1774 г. о принятии им, в силу «высочайшего рескрипта», под свою команду всех войск, кои были «под предводительством» кн. Ф. Ф. Щербатова, сообщал одновременно, что последние известия о «злодее» получены им от его «пред-

местника»; а теперь вот уже три дня не имеет «никаких более уведомлений от отряженных на преследование его деташементов». В том же письме Голицын доносил Волконскому, что «к обузданию башкирского непостоянного народа все меры надежные взяты», и что теперь он обратит «главнейшее внимание» «на совершенное искоренение распространяющейся ехидны за Волгой», особенно, в виду выраженных Ступишиным опасений, «чтоб опять сей изверг каким-бы образом не прошел назад и коснулся Московской губернии». Сказав, что он располагает двумя эскадронами гусар, четырьмя приблизительно сотнями донских и украинских казаков, да пехотой в количестве около 400 чел., Голицын добавлял: «Не могу полагать, чтоб можно было его [«злодея»] настичь» (ibid., лл. 4 — 6).

7 августа 1774 г. кн. П. М. Голицын писал из Казани, повидимому, ген.-майору Чорбе, что, отбывая сам «прямейшею дорогою» на Корсунь, в целях «совершенного покрушения сего нечестивого сонмища» и одновременной помощи преследующим «злодея» деташементам, он просит Чорбу обратить все внимание на дорогу из Пензы к Кадому, дабы «изверг не мог оною дорогою коснуться ближе к Московской стороне, а каким-либо подложным движением и обойтить наши деташементы». Голицын жаловался, что «злодей» всюду в селениях берет наилучших лошадей» (ibid., лл. 85—86).

Чорба, между тем, рапортовал Панину 6 августа 1774 г., что ни подполк. Архаров, посланный им с казацкою командою, в Нижний Новгород (4 августа он прибыл во Владимир) «по разведыванию его там, и будучи в марше, о злодее Пугачеве никакого известия не имеет»; ни находящийся в Коломне капитан, да и казаки, посланные по Касимовской и Каширской дорогам, не сообщили никаких сведений «о предъявленном возмутителе и его сообщниках» (ibid., л. 24).

В тот же день, 6 августа 1774 г., Чорба вторично рапортовал Панину, что ни от капит. Лыкошина, командированного в Коломну, ни от других, «посланных по прочим дорогам к разведыванию», он никаких известий не имеет ни о «злодее-возмутителе» Пугачеве, ни об его «отделенных партиях» (ibid., л. 44).

Помимо отряда ген.-майора Чорбы, специально оберегавшего подступы к Москве, в первой половине августа 1774 г. в распоряжении у Панина появилось значительное количество свежих войсковых единиц, только что стянутых отовсюду к фронту восстания. Войска все прибывали. Между тем, «изверг», олицетворявший главную опасность, стремительно «бежал» в сторону. Приходилось все больше считаться с силой и мощью посеенного им «зла» в тылу. Чтобы развязать руки деташементным командирам, непосредственно преследовавшим самого Пугачева, вновь подошедшие отряды должны были заняться успокоением «черни», поднявшейся поголовно и повсеместно.

Один из самых свирепых усмирителей, полк. Древиц, выступя из «села Егорьева» к Переяславлю Рязанскому, рапортовал Панину 12 августа 1774 г. (в ответ на «повеление» последнего от 9 августа), что он мог бы обезопасить «положение Московское» «от покушения на зловредность злодея Пугачева» в случае, если бы получил в свое распоряжение три роты Нарвского пехотного полка («они в нынешней своей позиции почти ненадобны, когда Великолуцкий полк сюда приступит») и полсотни казаков, которых он предполагал бы расположить в Муроме, Касимове, Переяславле Рязанском или Калуге, с таким расчетом, чтоб иметь всегда «верный переход через реку Оку и верное известие от всего берега», а, следовательно, и быть в состоянии «с лучшим успехом всю возможность употреблять к преследованию злодея». Древиц выражал уверенность, что с момента установления связи его с Михельсоном, Меллиным и Муффелем, «весь Пугачевский дух перемениться в народе должен», и ему удастся «в совершенство привесть» все предписания Панина, особенно, «ежели незнания мои еще здешнего края и довольно российского языка усердию моему сперва несколько препятствовать не будут» (ibid., л. 83).

При отсутствии своевременной надежной информации об «оборотах злодея», неудивительно, что в стратегических планах противников Пугачева не было никакого единства: одни беспокоились за Москву, другие — за Воронеж и Дон, третьи — за оба направления сразу, и т. д. (ср. рапорт донских полковников Лащилина и Грекова от 12 августа 1774 г. о «стремлении» Пугачева к Дону — П. А., кн. III, л. 32).

Письмом от 17 августа 1774 г. Воронежский губернатор Шетнев извещал ген.-майора Чорбу как о движении Пугачева с одной частью его толпы к Дмитриевску, так и о том, что вслед за ним отправились три тысячи «калмыков лучших», легкая полевая команда (500 чел.), и с часу на час ожидается еще ген.-майор кн. Багратион с его деташементом. Шетнев не сомневался, что Пугачев будет разбит этими силами, и ему не останется ничего другого, как искать спасения в той другой своей «партии», которую он, по оставлении Саратова, послал на Хопер «под командою одного начальника», и «от которой уже появляются Хоперского уезда в селениях разъезды». Шетнев просил Чорбу «приблизиться чрез Шацк к городу Тамбову» со всем его деташементом, если, конечно, это не противоречит «повелениям от главной команды», и подкреплял свою просьбу следующим указанием: «Воронежская губерния никакой защиты не имеет,— посему и делает сомнение, чтоб не ворвался [«злодей»] как в беззащитное место, где вся чернь охотно его ожидает» (П. А., кн. V, л. 185).

В течение августа и сентября 1774 г. с турецкого фронта, как с Кавказа, так и из Крыма, был снят целый ряд полков и направлен на борьбу с «домашним врагом». Естественно, что эти войска находились в еще большей неизвестности относительно «злодея». Один из командиров таких полков, ген.-майор Георгий де-Прерадович рапортовал 29 августа 1774 г. ген.-поруч. Е. А. Щербинину, находившемуся в Слободской губернии «с властию губернаторскою», что он с пятью эскадронами Бахмутского гусарского полка, с Молдавским гусарским и Донецким пикинерным полками «сего числа у [sic] поход выступил» и «берет прямой тракт Острогожской провинции на слободу Старую Белу». Заканчивал де-Прерадович свой рапорт просьбой «дать мне знать, куда будет прямейший тракт к пресечению пути означенного злодея, дабы я мог ему со всем его собранием надлежащее сопротивление сделать» (ibid., л. 387).

72. Трофимов попал в Берду в момент наивысшего торжества Пугачевщины в первый период ее развития. Оренбург томился в осаде, голодал. Чуть ли не все Заволжье и Приуральский край были тогда под властью «третьего императора»; мятежное настроение передавалось уже за Волгу и Каму. Предводители восстания все шире развертывали работу, превратив слободу-крепость Берду в главный штаб военно-революционных действий, в организационный центр восстания в целом. Пафос первых впечатлений чувствуется в тоне всех «злодейских» писаний Трофимова-Дубровского.

Успехи Пугачева больно били по наиболее влиятельным группам местного населения. После подавления Пугачевщины, оренбургский купец Гавр. Троф. Крестовников жаловался в прошении, поданном гр. П. И. Панину 8 июля 1775 г., на свое «особливое разорение» от мятежников: так, в слободе Берде «запасенное немалое число хлеба» разграблено «злодеями», и ими же захвачено «товаров у приказчика моего в Троицкой крепости на немалую сумму»; к тому же салотопный и кожевенный заводы его взяты «для сожжения на дрова воинским служителям». Указав, что, в силу именного высочайшего указа от 1 мая 1774 г., жители Оренбурга за осаду «уволены» на два года от платежа подушного сбора, а купеческому «обществу» пожалован «за тот 774 год весь прибыльный чрез откуп сбор с питейных доходов того города Оренбурга», Крестовников просил Панина, «приняв сии резоны в милостивое уважение», повелеть Оренбургскому губернатору выдать ему причитающуюся сумму из пожалованных купечеству питейных сборов, «дабы я сим случаем оставший и закреди-

*

тованный по обряду купеческому мною товар подкрепить мог» (П. А., кн. X, л. 479).

Как известно, успехи Пугачева долгое время не принимались особенно всерьез властью, хотя единичные трезвые и предусмотрительные оценки положения отдельными представителями власти на местах доходили до центра с самых начальных моментов восстания. Так, жалуясь на «неимение настоящего повелителя», предусматривая «остановку или и недостаток» в снабжении войск провиантом, фуражем и «казной», комендант Троицкой дистанции Антон де-Фейервар еще 17 октября 1773 г. рапортовал Военной Коллегии, «что здесь скорейшая и сильнейшая помощь есть весьма нужна» для «избежания сего несчастия». Де-Фейервар обращал внимание Коллегии на то, что «казаки... яицкие и от Оренбурга даже до Самары со оным изменником сообщились», и что Пугачев «своими разосланными манифестами и указами приводит весь народ в страх и в робость». «Если сей общественный злодей ныне в скорости истреблен не будет, то может так усилиться», — пророчески замечал комендант, «что после принуждено будет большою силою его искоренить» (Л. А., секр. пов. кн. I, лл. 143 об. — 144).

73. Обстоятельства последнего месяца действий Пугачева и его ближайших соратников, на которых, между прочим, останавливался в своем показании Пустобаев, дополнительно освещаются нижеследующими данными.

Еган Гибнер, колонист из «колонга» Нижняя Калка, будучи допрошен 18 августа 1774 г. Державиным, показал: Пять дней назад, 13 августа, при «следовании» Пугачева чрез их «колонг», он, Еган, и товарищ его Фридрих Фахлер «неволею» были взяты «злодеем» и принуждены следовать за его «сволочью». 15 августа в полдень, вскоре по миновании Балыклеевской станицы, на «злодейскую сволочь» напала военная команда; слышно было от «злодеев», что то были калмыки (4000 чел.) и «пятьсот пехоты». «Была великая пушечная стрельба». Пугачев принужден был бежать к своему обозу, находившемуся в 3 в. позади. Спустя полчаса, нападавшие повернули, однако, обратно, и Пугачев, «собрав всю свою сволочь», в свою очередь, перешел в наступление. Стрельбы на этот раз уже не было слышно, и что происходило, — не известно. Еган с товарищем своим был очевидцем того, как привели к Пугачеву человек 200 слишком пленных: одни были в красных одеждах с зелеными обшлагами, другие — в зеленых, штаны как у гусар, на третьих были медвежьи шапки. Пушек было взято восемь. А сколько их было у самого Пугачева, — ему, Егану, не известно; «сволочи» ж у «злодея» — до 30000 чел. 15-го числа ночью Гибнер с Фахлером выбежали из Пугачевой толпы (П. А., кн. V, л. 227).

Астраханский губернатор П. Н. Кречетников писал ген.-майору кн. П. М. Голицыну 28 августа 1774 г., что, после окончательного поражения под Черным Яром при «купецкой ватаге», «государственный варвар Пугачев», как показал на допросе присланный в Астрахань из Черного Яра, пойманный из «злодейской толпы», депутат Астраханского казачьего полка Вас. Горский, намерен с оставшимися при нем яицкими казаками и «всякой сволочью» (в количестве 500—600 чел.) переправиться через Волгу, в 17 в. от Черного Яра, и «бежать» к Ахтубинскому селитряному городку и Красному Яру, «чтоб достать тамо хлеба и лошадей». В целях «всеконечного истребления» Пугачева, Кречетников счел нужным с своей стороны: а) «выкомандировать» легкую полевую команду с казаками и татарами «для поиску» по дорогам, лежащим к селитряному городку, Красному Яру и к Гурьеву; б) писать к кн. Дундукову, чтоб и он с калмыцким войском, переправившись на луговую сторону Волги, принял участие в названном «поиске»; в) наконец, предложить подполк. Кандаурову (в Гурьеве) и полк. Симонову (в Яицком городке) «о учреждении в пристойных местах крепких разъездов», «дабы сей злодей не мог пробраться за реку Яик на Бухарскую степь» (ibid., л. 619).

«Определенный до указу» командиром в Дмитриевске старшина Максим Чеберев (рапорт вместо него подписан отставным канцеляристом Фед. Бароновским) «покорнейше рапортовал» кн. П. М. Голицину 30 августа 1774 г., что от дмитриевского купца Матвея Петрова, проживающего за Волгой, в Николаевской слободе, и участвовавшего вместе с прочими «в разъезде» «для присмотру и искоренения известного злодея Пугачева и его сволочи», он, Чеберев, только что получил уведомление о «разбитии» ими близ Яблонного Буерака (в 20 в. ниже Николаевской слободы), «злодейской толпы», человек в 30, в которой, судя по «белому знамени», был сам Пугачев. От того же купца Петрова Чеберев получил одновременно и другое известие: «один русский человек», пойманный раненым, Афанасий Дубинкин, показал, что был ранен саратовским казаком Уфимцевым на луговой уже стороне, при попытке бегства из «злодейской толпы» после ее разбития «росспйскими войсками ниже Царицына в Насоновском Яру, где купца Соленикова ватага»; сам же Уфимцев с 50 чел., повидимому, присоединился к вышепомянутым 30 чел. Заканчивался рапорт сообщением о принятых Чеберевым мерах (П. А., кн. VI, л. 73).

Суворов рапортовал 29 августа 1774 г. из с. Лапистейки «главному повелителю войск, отряженных на истребление внутреннего смятения», гр. П. И. Панину, что он «достиг сей день» кн. П. М. Голицына, берет с собою в качестве «конвоя» 12 гренадер с унтер-офицером, 12 яицких казаков со старшиною и «выпровожает» себя к «передовым войскам», преследующим «бунтовщика и изменника Пугачева» (П. А., кн. V, л. 370).

3 сентября 1774 г. Суворов рапортовал Панину из Царицына, что, задаваясь целью либо «истребить» «всеобщего возмутителя, разбойника и государственного изменника», либо, по крайней мере, «заключить от всех мест в таковой зев, которого б не мог миновать», он назначил: Михельсону с деташементом следовать за Волгу, Голицыну — также «перенестись за реку» и не допускать «злодея» «внутрь иметь ему убежище и распространение злодейства», Мансурову — «расположиться в Дмитриевске, простирая пост свой к Саратову», ген.-майору кн. Багратиону с семью гусарскими эскадронами, расположенными около Голубинской станицы, — «уставить себя в Царицын» и «сообщить постами к Дмитриевску и Черноярy», а Муффелю — «остаться и делать примечания о сем злодее». Из рапорта Суворова узнаем, что преследовать по пятам Пугачева отправлены следующие отряды: Меллина — с присоединением к нему еще 200 казаков, донского полковника Иловайского — с тремя сотнями донцов и яицкого старшины и майора Бородина — с двумя сотнями яицких казаков. Провожавший отряд Бородина «здешних шелковых заводов офицер Рычков», вернувшись в Царицын, сообщил, что цель у Бородина — отрезать «злодея» от Елтонского озера к Узеням, и вчера он должен был быть против Дмитриевска. К рапорту Суворов приложил записку, из которой узнаем, что «в сей вечер» гвардии-капитан Галахов, отправляющийся «на случай» при деташементе Михельсона, собирался «арестовать» одного «здешнего обывателя», а потом «заблагорассудил того обывателя для политических причин не арестовать, а вовсе утаить, понеже он — знакомец сущему с ним, ради непредательства». От этого «обывателя» «разведано», что Пугачев, после окончательного его поражения Михельсоном («Насоновского»), «уведомлял его [обывателя], что он побежит вверх по Волге луговой стороной, накопится снова (как — неизвестно) и переправится опять, будто бы в сии страны на нагорную сторону (ibid., л. 455).

В рапорте от 4 сентября 1774 г. Суворов писал из Царицына Панину, что «самокрайнейшие надобности понудили» его заимообразно взять у «здешнего» (Царицынского) купечества 8000 р., «по неимению суммы государевой», в расчете на то, что вернуть удастся из «казенных сумм», «состоящих» в Вятской Провинциальной и Слободской Воеводской Канцеляриях и уже затребованных Суворовым. «Сии деньги», писал Суворов, «употреблять намерен, взирая на обветшалость крайнюю в сол-

дат одеянии, поисправить их, а других, и вовсе не имеющих, одеть и сделать к сему наступающему осеннему времени надежных к исправлению лучше службы государевой, равно как и для случающихся по важным обстоятельствам посылок». Суворов рапортовал, что из занятой суммы (она — «на руках» у Михельсона) им дано, в частности, 100 р. «ныне посланному, в таковых комиссиях уже бывшему, Спасского села жителю, Леонтию Федотову с товарищи, обещавшему Пугачева убить» (ibid., л. 490).

В тот же день, 4 сентября, Суворов еще раз рапортовал Панину из Царицына, что, в виду «несчастия» с Симбирским комендантом полк. Рычковым под Корсунем и передвижения, в связи с этим, в указанный район кн. П. М. Голицына с его деташементом (с целью «чувствительно наказать бунтовщиков и не дать усилиться»), пришлось «определить» подполк. Муффелю выступить из Черного Яру и быть в команде у Мансурова, а этому последнему, взяв центром Саратов, «иметь дирекцию расстояния от Сызрани до Дмитриевска», так, чтобы «нагорный берег Волги» не оставался «беззаботен» за уходом Голицына. Багратиону Суворов предложил следовать к Царицыну и взять к себе своих гусар от Голубинской станицы, поставив, по возможности, целью «содержать временно пост» в Дмитриевске, «по общему с генерал-майором Мансуровым усмотрению». Предписывая Меллину быть авангардом деташемента Михельсона, идущего вверх по Волге, и следовать сначала на Николаевскую слободу, а потом к Узеням, Суворов одновременно предложил лейб-гвардии поручику Мельгунову и поручику ж Веденяпину с «состоящими у них» сотней уланов и 48 чел драгун переправиться на луговую сторону Волги из Дмитриевска в Николаевскую слободу и соединиться с Меллиным. Заканчивался рапорт указанием, что сам Суворов «сей день» будет переправляться в Царицыне на луговую сторону Волги и возьмет направление «вверх течения оной» «к скорейшему достижению сего разбойника следов» (ibid., л. 491).

Из рапорта и приложенной к нему записки Суворова Панину (от 8 сент. 1774 г. из слоб. Николаевской, «против города Дмитриевска»), видим, что деташемент Меллина, с Суворовым во главе, достиг этой слободы 8 сентября. Задачей Суворова, по его словам, было в это время «достигать его [Пугачева] следов к Узеням»; Суворов думал, что стремление «луговым берегом Волги отрезывать его [Пугачева] от Иргиза и вверх могло бы дать ему волю к Яику и Башкирии накопляться». Опасаясь какой-нибудь неожиданности со стороны Пугачева, Суворов предписал Багратиону «иметь проницательное око» на оба берега Волги от Дмитриевска к Астрахани, а одновременно «обнимать его бдением Кубань, Дон и калмыков и воображать себе побег Пугачева, могущий быть и к Таману». Суворов, как видно из его записки, предполагал, что, если «разбойник» вздумает перебраться через Волгу у Малыковки, он неминуемо наткнется там на Мансурова и Муффеля, «обнимающих» район от Сызрани до Дмитриевска; между Самарой и Симбирском — «кн. Голицын и прочие»; «о предосторожностях в Башкирии, с уведомлением о побеге Пугачева», уже писано «ко всем тамошним наших войск командирам». Оставался под вопросом и беспокоил Суворова перегон от Симбирска к Казани, и Суворов обращал внимание Панина на возможность переправы Пугачева через Волгу, «например», в Тетюшах. Рапорт Суворова заканчивался сообщением, что Галахов «отправляется отсюда в Саратов» (ibid., лл. 459 — 460).

Из «лагеря в степи при реке Еруслане» (в 40 — 50 в. от слоб. Николаевской) Суворов рапортовал 9 сентября 1774 г. Панину, на основании рапорта, полученного из Саратова от ген.-лейт. Савельева, что полк. Иловайский и яицкий старшина Бородин, подкрепленные в Саратове 3 пушками, соответствующим количеством артиллерийских припасов, 4 канонирами, 31 чел. яицких казаков и 150 пуд. сухарей, «выступить изготовлялись сего 6 числа к преследованию разбойника Емельки Пугачева, который по известиям бежит на речки Узени»; а гвардии-поручик Дер-

жавин, разбив киргизов на р. Карамане, принял меры к преследованию Пугачева, которого видели «шатающимся по степи с малыми людьми» у р. Малого Карамана; сюда же Державин вызвал и поруч. Роговского. С своей стороны, Суворов «послал повеления» к Михельсону и Цыплетеву о необходимости отправить к Елтонскому озеру «небольшие партии для того, дабы разбойник Пугачев, случаем оборотясь, не прорвался против стороны Царицына» (ibid., л. 493).

Полк. Михельсон рапортовал Панину 19 сентября 1774 г. из колонии Рубной, что попытка его «с передовым отобранным числом поспешать вслед» за ген.-поруч. Суворовым, в виду «несносной погоды», не удалась; ему пришлось «повернуть назад к Волге», соединиться с основными силами своего деташемента, под начальством майора Харина, и взять «марш» к Самаре. Михельсон, по его словам, считал свое дальнейшее движение к Яицкому городку нецелесообразным, так как, по его сведениям, Пугачев действительно не более, как в тридцати человеках, бежал к Яику, а войск, преследующих его, собралось «до полутора тысяч» «на добрых конях», которых, конечно, достаточно для поимки 30 чел., — иронически замечал Михельсон. К тому же и ген.-майор Фрейман двигается также к Яику. Михельсон не желал подвергать себя «крайнейшей опасности» движения через степь, зная, что в отряде его «весьма худо одеты люди», лошади измучены, да и весь отряд, пройдя речку Тургун, пострадал от «великого снега», а потом, «противу 15 числа», и от «дождя с весьма холодным ветром», в результате чего в его «малой передовой части» за одну ночь пало до 70 лошадей, и «от стужи померзло более 40 чел.»; из них семеро (в том числе, казак из мещеряков) тогда же и умерло, «а прочих, изрубя повозки, на огни с трудом могли отогреть» (ibid., л. 612).

Пока военное командование напрягало все усилия к поимке «главного злодея», думая достигнуть этого военною рукой, яицкие казаки, прошедшие с Пугачевым весь победоносный путь от Яика, на Яик же и вернулись ровно через год и передали власти своего вождя.

14 сентября 1774 г., как раз в момент допроса в Яицком городке Ф. Чумакова и Ив. Творогова, гвардии капитан-поручик Маврин рапортовал (повидимому, П. С. Потемкину) с их слов вкратце об обстоятельствах, при которых они «скрутили» Пугачева, и мотивах, руководивших ими при этом («сведали, что здесь приходящих с повиновением прощают», и надеялись «воспользоваться пощадою» посредством выдачи «злодея»). Извещая Потемкина, что «злодей» в 50 в. от городка, и для встречи его отправлен «изрядный корпус», Маврин добавлял: «Теперь для такого гостя приготовляю дом, где б можно со всею при нем свитою вместить» (ibid., л. 544).

Суворов рапортовал Панину 16 сентября 1774 г. из Яицкого городка, что с деташементом гр. Меллина, с яицким старшиною Бородиным и донским полковником Иловайским он «намерен взять поспешную дорогу на Сызрань степью»: «Не уповаю», — писал Суворов, «чтоб вашему высокографскому сиятельству противно быть могло, когда я выпровождением отсюда разбойника Пугачева поспешу». «Лейб-гвардии капитан-поручик Маврин уверил меня», — прибавлял Суворов, «что после завтра до него [Пугачева] дела не будет». Из «предосторожности» Суворов «предписал» ген.-майору Мансурову «занять Сызрань достаточною командою», устроив через Волгу «перевоз множественным числом судов исправных» (ibid., л. 516).

Полк. Симонов «покорно рапортовал» Суворову 16 сентября 1774 г. из Яицкого «ретранжемента»: «Злодей Пугачев» доставлен сотником Харчевым в «ретранжемент» «на 15 число в самую полночь». «Изверг» содержится «под крепким караулом, в оковах»; под караулом же содержатся и остальные 114 яицких казаков «злодея Пугачева шайки», доставленные в «ретранжемент» Харчевым. «По городу тишина». Сам же он, Симонов, ждет Суворова «с вожделенным усердием» (ibid., л. 517).

Суворов рапортовал Панину 17 сентября 1774 г. из Яицкого городка, что он «действительно выступит назавтра» на Таловую, Иргиз, Юлань [?] в поход степью до Сызрани», «приставами при Емельке Пугачеве [его жене и сыне] определив» Меллина и поручика 2-го гренадерского полка Москотиньева, притом «с прибавкою к прежнему войску человек сто пехоты от князя Голицына», только что (т. е. 17 сентября) прибывшего в Яицкий городок. Суворов указывал, что поход придется совершать «при непрестанном дожде и от того грязи». «Донеси, боже, сохранно!» — восклицал Суворов (ibid., л. 631).

Выступая из Яицкого городка 18 сентября 1774 г., «точно в 10 часов пополуночи, степью к Сызрани», Суворов рапортовал Панину, что, «нетерпеливо желая к вашему высокографскому сиятельству... выпроводить Пугачева», он должен был, «как г. Меллин медлителен», «по неприбытию еще его, препоручить его комиссию прославившемуся верностью яицкому старшине майору Бородину», возложив на Меллина лишь задачу «повелевать полевым деташементом для закрытия конвоя» (ibid., л. 624).

Полк. Древин рапортовал Панину 26 сентября 1774 г. из дер. Средняя Люзань, что он выступил накануне со своим отрядом из с. Пенделки, с целью принять на себя, по «ордеру» Панина, «конвоевание государственного злодея», и, между тем, не доходя с. Нарышкина, узнал, что «сей злодей еще в ночи чрез Нарышкино провезен в клетке под конвоем». Проскакав верст с 60, сначала с ротою гусар, а под конец всего лишь с тремя офицерами, верстах в 50 от Пензы Древин нагнал Суворова, но, когда объявил ему о цели своего приезда, то «получил ответ, что мой деташемент ему не надобен, ибо он едет на почтовых лошадях, — то де я с ним поспеть не могу». На предложение Древина избрать более короткий путь до Симбирска, Суворов ответил, что «хотя он, едучи через Пензу и Саранск, верст 200 лишнего едет, но скорее по большому тракту подводы достать может». Отвергнув и просьбу Древина оставить лично его или двух его офицеров в карауле при «злодее», Суворов, садясь на почтовых лошадей, предложил Древину, с своей стороны, исполнить прежде данное ему Паниным повеление о следовании к с. Канадеям (П. А., кн. VII, л. 26).

77. Беспокойства и подозрения относительно лояльности Донского казачества, столь определенно и ярко высказанные в рапорте ген.-майора кн. П. М. Голицына гр. П. И. Панину в середине августа 1774 г., возникли в официальных кругах гораздо раньше, еще в самом начале развития Пугачевщины в Оренбургском крае. Как можно теперь предполагать, меры предосторожности, принятые тогда против Пугачева на Дону войсковым начальством, как по собственной инициативе, так и в силу директив из центра, были продиктованы не только предусмотрительностью в ожидании реальной опасности от «изверга», но и тревогой за внутреннее состояние самих донцов. Иллюстрацией может служить «отписка» Войска Донского на имя Государственной Военной Коллегии от 21 октября 1773 г. (С. Л. А., секр. пов. кн. I, лл. 346 — 350). Как видно, между прочим, из этой «отписки», возможность сочувствия к восстанию в некоторых кругах зажиточного казачества и на Дону стремились предотвратить уподоблением Пугачева обычным беглым и бродягам из «самого подлого состояния людей».

78. Командному составу правительственных войск не нравились не только «худые мысли донцов», — в недоумение приводили подчас и действия той части казачества, которую считали сохранившей верность своей «присяжной должности». Небезынтересный эпизод описан в рапорте капитана Петра Бутримовича и поручика Якова Хрущова на имя коменданта Новохоперской крепости И. В. Аршеневского от 2 сентября 1774 г. из с. Чуева.

Как узнаем из этого рапорта, Бутримович и Хрущов, придерживаясь приказаний Воронежского губернатора Н. Л. Шетнева — «не вдаваться в

великую опасность, а всем быть соединенными силами и стараться единодушно», решили действовать сообща с командами есаула Устинова (50 чел. донских казаков) и поруч. Пасмурова (10 чел. чугуевцев). Соединившись, они побывали в поисках «злодеев» у «помещика Кошелева» в Шацком у., в с. Перевоз того же уезда, принадлежавшем Мосолову, и, наконец, направились к с. Чернавке, где действительно застали «злодеев», справлявших здесь, как раньше в с. Перевоз, свадьбу одного из своих товарищей на дворовой девке Мосолова. Объединенный отряд с помощью поджога овладел двором, куда «злодеи» сбежались в целях обороны, и перебил большую часть из них, причем казаками были преданы смерти даже и те из «злодеев», кого они получили в связанном виде себе под караул. Всех «злодеев» оказалось 27 человек, и предводителем у них был яицкий казак Константин Дмитриев. В плен были взяты три «девки», оказавшиеся в замужестве за «злодеями». В качестве трофеев победителям досталось в Чернавке «множество всякого добра и сундук окованный большой с казною». По разбитии «злодеев», в соединенном отряде начались нелады. Так, при попытке поруч. Хрущова определить, «сколько чего взято», «есаул Устинов, набежав своими казаками, хотели заколоть до смерти, и, устанавливая со всех сторон своими дротиками, и всяческими ругательными словами бранил; а как уже и смерклось, то много раз проскакивая мимо того поручика, проговаривал: Где тут поручик? Заколю, — так пропадет место собаки! Он хочет меня здесь обидеть!» Когда Бутримович стал требовать от Устинова учинения погони за частью «злодеев», успевших убежать, тот отказался со словами: «Мне нет нужды. а я у тебя не в команде». И при этом казаки вновь угрожали дротиками и смертью. Не ограничиваясь сказанным, «Устинов, въезжая в господский дом помещика Волосатова [в с. Чернавке], брал, что хотел». Исходя из подобных наблюдений, Бутримович и Хрущов сочли возможным сравнить в своем рапорте казачьего есаула с самим «злодеем», который «во всяком месте делает великое грабление и великие лакомства». Из боязни, как бы казаки, «бросясь в грабительства и разорения», не навлекли произведенным ими «великим шумом и криком в самой темноте ночи» нового нападения на Чернавку, Бутримович и Хрущов целую ночь простояли на карауле. Тревожное настроение в отряде усилилось от известия, полученного от одного из пленных, что в с. Лопатине стоит еще «злодейская партия», в 150 чел., и среди них восемь яицких казаков, из коих один, Ив. Соловьев,—атаманом в ней. Сообщение пленного показалось тем более значительным, что от него же стало известным одновременно о завязанных указанной «партией» сношениях с донской Филоновской станицей и о согласии последней помогать «злодеям». Исходя из факта непонятно быстрого убийства «донцами» своего же донского казака Антона Медведева, захваченного в плен в числе других «злодеев» в Чернавке, Бутримович и Хрущов склонны были думать, что это было сделано «потому, чтоб не было языка». Они даже определенно указывали в рапорте, что следует бояться не столько «злодеев», сколько донских казаков, ибо они в данном случае помогали, лишь узнав, что «казны тысяч 90»; вообще же, «они не так верно службу свою приносят, как надо» (П. А., кн. VII, лл. 59 — 60. Рапорт коменданта Новохоперской крепости бригадира Ионы Венедикт. Аршеневского Панину об эпизоде с Устиновым см. — ibid., л. 52).

85. Неуверенность в башкирском народе, которая так чувствуется в «экстракте», может быть дополнительно иллюстрирована следующей выдержкой из доношения Оренбургского губернатора Рейнсдорпа на имя Военной Коллегии от 25 октября 1773 г.: «Что же касается до башкирского народа, то, хотя об нем чрез Уфимскую Провинциальную Канцелярию и чрез посылку нарочных довольное оному увещевание учинено, только со всем тем, повидимому, находится в большом колебании, и, хотя по наряду реченной Провинциальной Канцелярии для поиску над сим злодеем не едут, однако ж, и к нему, злодею, кроме прежних, не пристают,

а смотрят на то, на которой стороне успех будет. Киргизцы же при теперешних обстоятельствах профитуют отгоном от разоренных и других малолюдных крепостей скота и увозом людей» (А. Ю., Тург. обл. кн. II, л. 650 об. Отпуск процитированного только что доношения заканчивается в оригинале следующей пробой пера: «Высокородный и превосходительный господин бригадир. Емельян Пугачев» — ibid., л. 661 об.).

Из числа «отправленных Казанским губернатором . . . . представлений», упомянутых в начале «экстракта», укажем на следующее: Со слов присланного из Уфимской Провинциальной Канцелярии офицера Москвитинова Казанский губернатор Як. Иллар. фон-Брант письмом от 8 октября 1773 г. «за должное находил предуведомить» кн. М. Н. Волконского, что «не только той Канцелярии присутствующие в сем случае о помощи башкирской сумневаются, но и один из надежных, башкирский старшина и почтовый комиссар Мендей Тупеев, полагает надежду только на двух старшин с их подчиненными, да и то не так верно, как бы надлежало». Не считая эту информацию «основательной», Брант, тем не менее, в виду «легкомыслия башкирского народа», «уже напред сего в неоднократные замешательства и бунты приходившего», считал, что «нельзя и от сего не иметь предосторожности», и потому просил, «как наискоряе», сообщить о возможной военной помощи ему со стороны московского главнокомандующего (Л. А., секр. пов. кн. I, л. 47 об.).

В связи с высказанными в конце «экстракта» надеждами на движение ген.-майора Станиславского с войсками Сибирского корпуса к Оренбургским пределам, не будет лишним напомнить об обратных настроениях по этому поводу, например, у коменданта Озерной крепости полк. Отто де-Марина. Как видно из его рапортов от разных чисел ноября (от 16, 17 и 19-го) 1773 г., предпринятым «разведыванием» было установлено, что на р. Сакмаре за Кундравинской слободой, верстах в 12 от Озерной крепости, собралось с неизвестною целью тысяч до трех башкиров, а еще «три тысячи вооруженных башкирцов под предводительством русских старшин отправились без пушек по горам навстречу к нападению идущим в корпусе господина ген.-майора Станиславского командам и к недопущению соединиться к Озерной крепости». Предполагая, что башкирцы «вознамерились учинить, как уповательно и видимо, нападение на крепость или пресечь к Озерной коммуникацию», и учитывая «слабое укрепление и обширность крепости», а также малочисленность и несостоятельность гарнизона («инвалиды и дряхлые»), де-Марин был чрезвычайно обеспокоен тем, сможет ли Станиславский во время притти к Озерной крепости, тем более, что дорога от Орской до Губерлинской крепостей предстояла ему «местами гористыми и ущелистыми». Де-Марин жаловался на невозможность получить сведения о «злом умысле» и объяснял это тем, что из Кундравинской слободы «лучшие жители давно в возмутительской толпе» (Л. А., секр. пов. кн. II, лл. 141 — 142).

86. Для характеристики Пугачевщины в районе Мензелинска, Нагайбацкой крепости и Заинска ряд данных содержится в показаниях двух пугачевцев, «отставного гвардии-фурьера» Мих. Тит. Голева и Вас. Ив. Персиянинова, которые были присланы Михельсоном из Царицына в Симбирск и здесь, в канцелярии гр. П. И. Панина, подверглись допросу 29 октября 1774 г. «при присутствии» надворного советника Чонжина.

1. М. Т. Голев показал о себе: От роду ему 53 года. Родом он из однодворцев дер. Крутой Курского уезда. После отставки в 1764 г. его определили «на поселение в Казанский уезд, в пригородок Заинск, в Александрову слободу, где, поселясь, жительство и имел сего года по февраль месяц», вплоть до приезда к ним из Нагайбацкой крепости «злодейской толпы», «башкир и татар сот до девяти человек, под предводительством называющегося их полковником татарина Нагайбака». Встреченные без всякого сопротивления, злодеи, взяв с собою его, Голева, да еще человек с 20 «таких же отставных поселенных», в тот же день оставили Алексан-

дрову слободу и направились обратно к Нагайбацкой крепости. По пути они заезжали в Заинск, но были выгнаны «наехавшею на них гусарскою командою» после «сражения», успев, однако, произвести «великое разорение и грабежи» и взять с собою отставных офицеров: Лопатина, Савинича и Мертвецова, «да малолетков человек до семидесяти». На лошадях все они приехали в Нагайбацкую крепость, «пробыли дня с три» там, а затем майор и оба капитана «бывшим там персиянином Васильем Ивановым» были «отпущены обратно в домы», а он, Голев, и еще один малолеток (Лаптев) увезены к «самому злодею Пугачеву» в Берду поехавшею туда башкирскою командою, человек в 200. В чистый понедельник (на первой неделе Великого поста), когда Пугачев «отправился с своею воровскою толпою к Яику», Голев был «оставшимися после его старшинами назван атаманом» и тут же послан под Уфу к Чике в с. Чесноковку. Чика же, у которого он пробыл двое суток, направил его, Голева, вместе с двумя малолетками (один из них — Лаптев) и солдатом Казанского батальона Ефремом Бородиным к «полковнику» Ив. Белобородову под Асатковский (sic) завод. Через трое суток, за упреки в «напрасных» «жителям тех мест мучительских побоях и всеконечном разорении, а многим и смертном убивстве», Голев, вместе с одним крестьянином Матаевского (sic) завода «по приказу реченного Белобородова» был закован и отослан на Вознесенский завод, где в ту пору находился разбитый уже под Оренбургом Пугачев. «И по приказанию его, Пугачева, они раскованы, и чин с него снят, и велено ему быть в Яицком полку». Вместе с Пугачевым, который «набрал опять к себе разного народу в службу тысяч до семи», он, Голев, пробыл Пасхальную неделю на Белорецком заводе, затем ходил с ним по крепостям и по городам, кончая Царицыным; лишь во взятии Казани он не принимал участия, так как был «отправлен наперед со вьюком». Свою позднюю добровольную явку (лишь после окончательного поражения Пугачева под Черным Яром) Голев объяснял тем, что он участвовал в «злодейской шайке» не вследствие почитания им «вора Пугачева» за государя, «а единственно во оной был за присмотром прочих его воровских товарищей».

Другой допрошенный, Вас. Ив. Персиянинов (он же Торнов) показал: «От роду ему 37 лет», «природою он персидской нации города Мешеда». Будучи взят в плен лет 18 тому назад «трухменцами» и продан ими киргизкайсакам, «жительствующим за Яиком», он, Василий, бежал от них в Гурьев, оттуда «привезен в Оренбург», здесь «крещен в веру греческого исповедания и поселен в Ставропольском уезде в селе Лебяжье». В 1773 г., «в бытность его для торгового промыслу в Оренбургском уезде около Алабердинской мельницы, наехавшие злодейской Пугачевой толпы калмыки взяли его и отвезли к самому злодею Пугачеву, который тогда находился в Берде». В виду выраженного им, Василием, желания «служить», Пугачев определил его в команду «называющегося полковником Оренбургского депутата Падурова». А через неделю Падуров уже отправил Василия с увещательным манифестом в Нагайбак. Приехав в Нагайбацкую крепость, Персиянинов «объявил» манифест «находящемуся народу»; «все письменно обязались быть ему, Пугачеву, в верности». Пробыв пять дней и, между прочим, «приказав отпустить в домы их» троих, «в то время приведенных в ту крепость, пленных нагайбаками офицеров», Персиянинов вернулся к Пугачеву, по приказу которого тут же был «назван сотником» (чрез самозванцова секретаря яицкого казака Горшкова) и отправлен с 200 чел. в дер. Стерлитамак, «неподалеку от Нагайбака», с целью «недопущения российских войск», причем «и по прочим деревням стояло той же воровской шайки человек до семисот». Через неделю «прибывшая воинская команда», несмотря на сопротивление, выгнала их, вместе с «находящимся при оной толпе полковником башкирцом Каранаем и прочими, находящимися при них, злодеями в татарские деревни Бешкурас [?]». «А в бытность во оной теми же его товарищами

связан, и еще с ним 6 человек казанских солдат, и отвезен в Казань», где и «содержался» в Секретной Комиссии с пятой недели Великого поста по самое взятие Казани Пугачевым, после чего он опять вступил в толпу и участвовал во всех ее действиях, вплоть до окончательного разбития ее «корпусом Михельсона». После переправы Пугачева приблизительно с 60 чел. через Волгу, Василий явился в Черноярской крепости. Пугачева почитал он за государя, «по своему чужестранству и слыша от прочих людей» (Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 93 — 95. Ср. — Г. А., р. VI, д. 431).

87. Из ордера де-Колонга от 31 мая видно, что победитель Пугачева под Троицкою крепостью (21 мая 1774 г.) не считал возможным сколько-нибудь успокоиться и после своей победы относительно положения в Исецкой провинции, с которой его по преимуществу связали события восстания 1773 — 1774 г. Эта провинция с главным городом ее Челябинском играла, как известно, весьма значительную и, притом, активную роль в Пугачевщине. Нижеприводимые документы могут лишний раз напомнить о некоторых эпизодах Пугачевщины, географически связанных с названным городом и с его провинцией.

В Исецкой провинции не все было благополучно уже в октябре 1773 г. Челябинский казак Андрей Билдин, будучи «секретно» допрошен 27 октября 1773 г. «в казенном доме при присутствии» воеводы Веревкина и воеводского товарища Свербеева, показал, что «командирован он был в числе прочих казаков из Челябинска для известного экстраординарного дела в команде атамана Севастьянова» и, «будучи в тракте», в Уйской крепости говорил он, пьяный, по общему согласию с челябинским казаком Семеном Зайковым и одним казаком из Емалжелинской (sic) крепости, кому имени и прозвания он не знает: «Когда де дойдем против злодейской партии, то де мы пойдем прямо к названному государю, и, ежель де господь дозволит видеться с Алтынным Глазом, который де обстоит в той злодейской партии, тогда де он, Билдин, с ним нога за ногу свяжется». Когда сотник Казанцев, слыша эти слова Билдина, стал его «от таковых речей удерживать», то «он, Билдин, его, Казанцева, ругал и проговаривал вышеписанные ж речи и прибавя еще к тому, что ево, Казанцева, наперед предам к казнению или застрелю». О нахождении «Алтынного Глаза» в «злодейской партии» сказывал ему, Билдину, и Зайкову казак Роман Речкалов, когда они вместе были в питейном доме в Коелской крепости. Речкалов и упомянутому еманжингилинскому казаку подтверждал, что «Алтынный Глаз» действительно находится в «злодейской партии», и что у него «на рукавах на бешмете позументы и кисти золотые имеются». «Ежели б его, Билдина», — указывал он, «захватя, сюда, в Челябинск, не выслали, то б, конечно, он с товарищами своими намерение свое исполнил. Более ж к тому намерение из казаков и никого в согласии с ними не было, а только почти все казаки, следующие в команде атамана Севастиянова, проговаривают и утверждают, что известный возмутитель подлинно государь» (Л. А., секр. пов. кн. I, л. 258).

Казанское Экономическое Правление доносило 3 января 1774 г. в Казанскую Секретную Комиссию, на основании рапорта Оренбургского экономического казначея сек.-майора Завороткова:

Как «уведомился» Заворотков 14 декабря 1773 г. «от состоящих в Исецкой провинции, в дачах башкирских старшины Абдул Карымова, на озерах Миясовом и Тургуяке, части его крестьян, шестидесяти человек, для рыбного промысла», «они того декабря до 10-го стояли благополучно. А того 10 числа, приехав к ним, того старшины башкирец объявил из тех крестьян Башлыку Василию Лаврову, чтоб он с озер сбирался поскорее,— у них де за Чебаркульской крепостью, которая от тех озер состоит в пятнадцати верстах, есть тумаша, то-есть неблагополучно; а затем вскоре и другой, прибежав, вотчины и деревни старшины Таймасова башкирец Исмаил тож объявил, чтоб они с того промыслу съезжали, — в Кундравинской де слободе неблагополучно, приехала де во оную партия злодей-

ская. С чего уже тот Башлык Лавров с товарищи, оставя семьдесят возов рыбы и прочий весь припас, инные на лошадях, а другие и пешком выбрались. А следуя к Далматову, отошед только версты с три от того промысла, усмотрели назади вдали великое огненное, к высоте простирающееся, пламя, почему упование положили, что либо Кундравинская слобода или промывальной глиняной государев завод горят. После чего пришед в деревню татарскую Казыреву, а потом в другую, Таймасову, в которых усмотрели они, что все башкирцы собравшись толпами, вооруженною рукою, лошади у всех верховые, в готовности, экипаж складен на возах, всякой разной скот приготовлен к гоньбе. Где им, промышленникам, едва только дали обогреться, выгнали, объявляя притом, чтоб убирались, — будет де худо. Да и в прочих де башкирских деревнях, хотя они толпами собрания и не видали, точию де как от них же, самих башкирцов, те промышленники уверены, что де они, башкирцы, и сами состоят в большой опасности» (Г. А., р. VI, д. 507, ч. I, лл. 35 — 36).

Крестьянин дер. Смолиной (Буткинской слободы) Семен Микушин, будучи приведен далматовским крестьянином же, старостой, Игнатьем Стениным к настоятелю Далматовского Успенского монастыря Иакинфу и там допрошен, показал 13 января 1774 г. нижеследующее:

В декабре 1773 г. в числе прочих крестьян Буткинской слободы и он, Семен, был «выбран в казаки» и отправлен сначала в Челябинск, а затем вскоре в Кундравинскую слободу, в составе команды в 200 человек, под начальством поручика, по имени Максима. 3 января к слободе подошла «в большом числе людей, русских и башкирцов, воровская партия». После нескольких выстрелов в степь из пушек, имевшихся в «партии», ворота слободы были отворены, и «воровская партия» без всякого сопротивления была впущена в слободу, будучи встречена командою, жителями и священником с крестом. 4 января командир команды был повешен, все «в конторе бывшие дела» перед конторой же сожжены, казенные деньги забраны, а вино в двух бочках роспито. На следующий день «воровская партия», «всех нарядя кундравинских жителей в подводы», вместе с упомянутой выше командой выбранных в казаки крестьян, двинулась к Чебаркульской крепости, где точно также была встречена жителями и священником с крестом. 6 января «после обедни ходили на воду, где означенной поп в чтении поминал имя императора Петра третьего». 7 января, забрав казну, имевшиеся в крепости пять пушек, «а вино роспив» (два ведра вина дали и «попам»), «пошли со многочисленным паро, дом башкирцов под город Челябу», откуда только что прибежал хорунжий Наум Невзоров. 8 января, когда подходили к Челябинску, версты за три до города началась перестрелка с обоих сторон; при этом они, казаки, «как безоружные», были «отосланы по горам вдаль по рознице, чтоб городским жителям казалось силы боле». По окончании перестрелки, «все от города отступили до деревни Однодворки». На следующий день к городу лишь подъезжал за чем-то один хорунжий Невзоров, но «никакого действия того дни не было». 10 января (в оригинале ошибочно «9-го»), по восходе солнца, вновь двинулись к Челябинску, и «производилась пушечная пальба со обоих сторон до полдіён», после чего опять отступили, на этот раз к дер. Шершневой. Во время перестрелки на помощь к атакующим пришло 400 чел. крестьян с Кыштымских заводов при двух пушках. Затем «в полночное время» вся толпа отъехала» «обратно в Урал (слышно, что на заводы Косотурские)». Когда при этом «полковником», предводительствовавшим толпою, было сказано, что всякий казак из крестьян волен итти к нему в «партию» или отказаться, и в ответ на это вызвались охотниками лишь несколько человек из Окуневского дистрикта и Буткинской слободы, то «оной полковник объявил, чтоб с ним всех исецких жителей не было: оставайтесь де на месте, куда хотите — туда и подите; а башкирцам всем, сколько их ни было, отдал приказ, чтоб город Челябинск атаковать», содержа осажденных в строжайшей блокаде. «А

той же ночи по утру на рассвете», — так закончил свое показание Микушин, «приехал старшина Исай с братом своим башкирцом, коему и приказал, чтобы вывести чрез Башкирь всех их, русских, в русское жило, в Баландину деревню, а из Баландиной в Бродокалмыцкое село, которой башкирец и еще с ним другой башкирец же . . . . . чрез Башкирь в провожатых и были, и никакого им притеснения чрез всю Башкирь чинено не было; и вышло более двух сот человек» (ibid., лл. 261 — 262).

«Оренбургской губернии экономический казначей» подпоручик Егор Козловский рапортовал в Казанское Экономическое Правление 8 апреля 1774 года:

В октябре 1773 г., в бытность свою в Челябинске для отдачи рекрут «в состоявшейся тогда рекрутской со ста душ по человеку набор», ему пришлось, в силу «секретного повеления» Исецкого воеводы Веревкина от 23 октября, принять на себя поручение сопровождать до Верхояицкой крепости 800 чел. башкиров при «главном и надежном» их старшине Исае Токтагулове, направленных в распоряжение коменданта этой крепости Ег. Алексеев. Ступишина, в целях усмирения крестьян «разных, состоящих за Верхояицкой крепостью, железных и медных заводов». Козловский прибыл с башкирскою командой в Верхояицкую крепость 2 ноября и на следующий же день был отправлен Ступишиным на Белорецкий (Мясникова и Твердышева) завод с отрядом из 300 башкиров и 33 казаков при хорунжем для подавления вспыхнувшего там бунта, что им и было исполнено. На Белорецком заводе Козловский пробыл до 21 ноября, после чего направился обратно в Челябинск, сдав команду вновь прибывшему прапорщику Федосееву. В это время уже были «известным злодеем и башкирцы возмущены и взяли намерение город Челябу атаковать». Козловскому пришлось принять активное участие во всех событиях осады города «русскими и башкирцами» с 12 декабря 1773-го по 5 февраля следующего года, т. е. вплоть до «выступления» из Челябинска «Сибирских и Оренбургских линий и войск главного командира» де-Колонга, вместе с войсками, со всею Провинциальною Канцелярией и «того города разных чинов обывательми во внутренние Исецкой провинции селения к городу Шадринску»; это «выступление» вызывалось, по словам Козловского, тем, что «предписанные злодеи, отобравшись партиями, рассыпались во многие, как около оного города Шадринска по близости состоящие, так и другие окрестные, слободы и, чиня возмущения, привели крестьян к себе в присоединение». В частности, в экономическом селе Воскресенском, как рапортовал Козловскому староста этого села Вас. Оксенов с «лучшими крестьянами», имели место следующие происшествия:

В один из февральских дней (6 февраля) в село Воскресенское «набежало» человек до двухсот «ружейных русских людей и башкирцов», среди которых был, между прочим, крестьянин этого села дер. Лишаковой Петр Ушаков, и, «при собрании оного села крестьян», «письменной объявили чтением пред конторою, не слезавши с лошадей, держа в руках обнаженные сабли, манифест» о том, что император Петр III «жив и имеет возвестись на всероссийский императорский престол». При чтении этого «лжесоставного манифеста» приехавшими было приказано «слушателям, став на колени, подняв кверху правую руку, с отличением дву перстов держать». Возглавлял приехавших «Пугачева сообщник, бывший донской казак, называвшийся есаулом, Матвей Тараканов». По оглашении манифеста, «злодеи» «связали, а напоследок и в ножные железа ковали» сельского старосту, писчика Мешкова и некоторых крестьян, причем «старосту били плетьми смертельно и бесчеловечно, проговаривая они, злодеи, притом, что для чего он, староста, ездил с писчиком по деревням и публиковали крестьянам о Пугачеве, что он подлинно злодей и беглой с Дону казак, печатные манифесты». «И по наказании, учредя контору станичную,

а старосту отреша, выбрали из тутошних крестьян атамана, есаула, хорунжего и сотских»; затем все книги, списки и дела, находившиеся в конторе, «не оставя ни одной бумажки, вынося на улицу, сожгли». В заключение, «злодеи», совместно с крестьянином Ушаковым, в домах старосты, писаря штатной команды Шестакова и других «разбойнически чинили собственному имению грабительство и опустошение с крайним озорничеством». Уезжая, «злодеи» захватили с собой две чугунных пушки с имевшимися «припасами», «старых, негодных к стрельбе, седмь ружей», да из конторы «настольное красное сукно», медную печать и ключи от «магазейна». Дней через десять после «первого их злодейского набегу», как раз в то время, когда через с. Воскресенское имел следовать от Челябинска к Шадринску генерал де-Колонг, дома старосты и других обывателей, пострадавшие при первом набеге, вновь подверглись разграблению, сначала со стороны «Карачельского форпоста крестьянского пицика», отставного подпрапорщика, Григорья Козлова, воскресенского крестьянина Захара Распопова и «прочих» (в числе их — Василий и Дмитрий Сажины, Варлам Дериглазов), а затем, 7 марта, со стороны «злодеев», бежавших «в край Сибирский» по разбитии «шайки», которая «состояла» в слободах, смежных с Оренбургской губернией.

Козловский высказывал убеждение, что «воскресенские крестьяне как к предъявленной злодейской шайке присоединились, то и единственное с ними имели согласие и, видно, что все по невежеству своему и легкомыслию того возмутителя и самозванца Пугачева сообщникам в их скаредных и злых предприятиях с охотою помогали»; в частности, воскресенские крестьяне дважды высылали в помощь «мятежническим толпам» по сотне вооруженных своих односельчан. В доказательство активной роли воскресенских крестьян в событиях Козловский ссылался также на то, что пятеро из них были даже повешены по решению «комиссии» ген.-поруч. де-Колонга, причем четверо — «за их к подводу злодеев и прочую к злодейству умышленность» в бытность их в Челябинске «на городовой стене в карауле».

Вместе с тем, Козловский рапортовал, что «прочие ж состоящих в Исецкой провинции ведомства моего вотчин крестьяне до такового возмущения не доходили, но состояли во всякой непоколебимости», а о подчиненных ему ставропольских экономических вотчинах, за дальностью расстояния, он ничего не знает (ibid., лл. 306 — 309).

89. В усмирении Пугачевщины, как известно, большую роль сыграли отдельные лица, группы и слои — оставшиеся «верными» правительству — из состава общественных классов и нерусских народностей, которые в основной своей массе, между тем, активно участвовали в движении. Такие «усердные» обычно обращались потом к власти с соответствующими напоминаниями и ходатайствами (ср. например, ходатайство походного старшины Ногайнинской волости Рахмангула Иртуганова на имя Панина — П. А., кн. VIII, л. 731).

На фоне общей картины взаимоотношений башкиров и Пугачевщины и отличавших эти взаимоотношения неровностей и перемен, факт самовольного «бегства» от Пугачева в июне 1774 г. ряда виднейших участников Пугачевщины из башкиров, отмечаемый кн. Ф. Ф. Щербатовым в ордере кн. П. М. Голицыну, не представляется ни единичным в истории этого восстания, ни неожиданным. Нелады между вождями Пугачевщины и мятежными башкирами имели место уже в Оренбургский период восстания. Яицкий казак Григ. Синельников, прибывший курьером из Яицкого городка в январе 1774 г. в Петербург, показал: «Слышал он, что самозванец около заговенья, то-есть около 14-го ноября, хотел, было, с находящимися при нем яицкими казаками, оставя стоянье под Оренбургом, всю свою сволочь и башкирцов, иттить к Яику. Но башкиры принудили его остаться и не пустили, сказав, что ты нас уверил, что ты государь, и обещал, Оренбург взяв, сделать, чтоб гу-

бернии не быть, и чтоб мы были оной неподвластны; а теперь бежать хочешь и нас оставить на такую ж пагубу, которую за такой же мятеж терпели отцы наши, которых казнили смертию; итак, мы до того времени тебя никуда не упустим, покуда ты действительно не исполнишь своего обещания». Он же, Синельников, показал, что к возвещенному скорому приезду государя-наследника Пугачев «приготовил ему казацкое суконное платье» и всех уверял о приближающихся военных командах, что «оные посылаются на помощь ему от государя великого князя». «К тому еще присовокупил он, Синельников, что пред отъездом его стало слышно, яко-бы самозванец для учинения нового к Оренбургу приступа делает лестницы» (Л. А., секр. пов. кн. II, лл. 423 об. — 424).

90. «Партии» башкир, действовавшие от имени «государя Петра Федоровича», обращались к населению с различными лозунгами и обещаниями, в зависимости от социальной обстановки. «Пригорода Бирска командир, пример-майор Моисеев», со слов крестьянина из с. Каракулина Андрея Волкова, «сообщал» в Мензелинскую Воеводскую Канцелярию, что дня четыре назад в дер. Подымалову, вблизи Каракулина, «приехала неприятельской толпы во многом числе башкирцов партия и, во-первых, собрав во оной боярских людей и прочтя им указ, и распустили знамя, привели их за имя бывшего императора Петра третьего и его императорского высочества, государя цесаревича и великого князя, Павла Петровича к присяге, и объявили им, что де они теперь не боярские, а государевы; и потом вошли в господской дом, чинили грабеж и с двора его всех лошадей и одну карету свезли к себе, а хлеб молотой приказали печь в хлебы и овес разбирать по команде, а у крестьян ничего не брали» (Л. А., секр. пов. кн. II, л. 347 об.).

92. Беспокойством и тревогой за «обстоятельства», создаваемые «иноверцами», наполнен и рапорт ген.-поруч. де-Колонга на имя гр. П. И. Панина от 31 августа 1774 г. Как и Рейнсдорп, де-Колонг сознавал всю затруднительность лежавшей на нем, между прочим, задачи в продолжавшихся условиях «провиантские транспорты на Оренбургскую линию препровождать». «При благости Господней», — заканчивал де-Колонг свой рапорт,— «в здешних челябинских Исецкой провинции, яко же и Сибирской губернии во внутренних российских жительствах, ныне восстановлена тишина; а хотя и есть некоторые плуты по скрытию не переловлены, однако, по удалению злодея не опасно, и от время в другое попадаются. Башкирцы же от бунта своего не отстают». Посылавшийся в целях увещания, бывший у них «в захвате» и вернувшийся «на сих днях», «мещеряцкий ахун» («как бы наш преосвященный», он же и депутат Уложенной Комиссии) объявил, что «некоторые башкирцы склоняются в повиновение, а другие нет, а особливо те старшины, которые от злодея-самозванца Пугачева за их к нему услуги названы полковниками и свыше чинами» (П. А., кн. V, лл. 660 — 662).

95. Уральские заводы долго и после Пугачевщины не могли чувствовать себя спокойно в обстановке всеобщего возбуждения, какое охватило за время восстания самые широкие слои инородческого, в частности, башкирского населения и держалось крайне упорно.

Полк. Бибиков рапортовал гр. П. И. Панину 2 января 1775 г. (рапорт помечен получением 26 января 1775 г.), что он, в силу повеления графа от 11 ноября и 3 декабря 1774 г., запрашивал ген.-майора Скалона, командовавшего войсками в Челябе, относительно подполк. Жолобова и получил позволение оставить его впредь до приказа в Екатеринбурге. Между тем, Суворов «ордеровал» Жолобова, чтоб «быть ему в Красноуфимске и охранять окрестные места». Учитывая полную необеспеченность Екатеринбурга военной силой («рекрут, набранных здесь в минувший набор, господин Сибирский губернатор приказал отправить на Оренбургскую линию, а своих здесь солдат не наберется более пятидесяти человек; набранные ж на защищение из черни казаки все почти обращены

от меня к прежним местам, а крестьяне до одного — в домы»), Бибиков счел нужным запросить Суворова от себя о Жолобове. «Я хотя и не вижу теперь от башкирцов озорничества», — объяснял Бибиков Панину свои беспокойства, «но о дальних их кошах ничего представить не могу, потому что в некоторых деревнях их никого еще нет, а, сверх того, и заселились вновь и весьма много около разоренного Уфалейского завода на принадлежащей оному земле, неизвестно, с каким намерением; следовательно, и должно еще наблюдать предосторожность, не только в рассуждении их, но и во внутренних селениях». К тому же Бибиков считал необходимым «иметь еще хотя небольшую команду, как-то: в Кыштымском заводе и Воскресенском селе, яко в таких местах, где и в самое мирное время башкирцы не были смирны» (П. А., кн. X, *лл.* 115 — 116).

А Суворов рапортовал Панину 16 февраля 1775 г., что «во всех местах», ему «препорученных.... в надзирание» Паниным и занятых войсками, «равно и в окрестностях их расположениев», «в народе настоит тишина и спокойствие, и, как о набегах ворами-киргизцами в границы наши для причинения в жительствах разорения, так и о развратных разглашениях между подлой черни, чтоб могло проникнуть какое где суеверство, — того не слышно». Впрочем, сообщал Суворов, им получен 15 февраля рапорт Исецкой Провинциальной Канцелярии от 22 января 1775 г. с извещением, что из числа башкир «остались в упорстве и доныне Салзаутской волости старшина Баязит Максютов и Терсяцкой сотник Махмут Колмакаев, кроме их подчиненных» (П. А., кн. XI, *л.* 370).

97. «Правящий Кизильского дистаночного коменданта должность» сек.-майор Ив. Демидов рапортовал 26 октября 1773 г. коменданту Трехцкой дистанции бригадиру Антону Адам. де-Фейервару, что Никифором Крюковым, подъячим Уртазымского медного рудника (в 13 в. от Кизильской крепости), принадлежавшего к Каноникольскому медеплавильному Ив. Мосолова заводу, в «Кизильскую Дистаночную Комендантскую Канцелярию» подано «объявление» следующего содержания: «Сего октября 24-го числа, по утру, на означенной Уртазымский медный рудник приехав старшины Кинзи-Булата деревни Умеркиной башкирцы: Абакар, Избай, Муса с товарищи, всего до тридцати человек, с луками и стрелами каждый, и спросили, где лежат заводчиковы пожитки. И они, убоясь их, сказали. То оные башкирцы, бросясь с лошадей, пошли в балаган, где лежал провиант и прочее, и взяли класть на своих лошадей, на телеги и сани, и увезли тринадцать кулей аржаной муки, по цене на тридцать рублев, телег с колесами шесть (в том числе у одной колеса железом кованы) на десять рублев, железных инструментов, лопаток, каиль, клиньев и ломов и молотов на девяносто на пять рублев; веса с коромыслом железным и гирями в пятнадцать рублев, мелочного — соли, табаку, крупы, две кожи сырые бычьи — на десять рублев, а всего на сто на пятьдесят на девять рублев. И при том взятье они со оными башкирцами, боясь их, ни в чем не препятствовали, и оные башкирцы их ничем не вредили, и из их пожитков ничего не брали, почему он, Крюков, с бывшими при нем с того рудника принуждены съехать на Кизильский рудник же» (Л. А., секр. пов. кн. I, *л.* 260).

Упомянутый в доношении заводчика Мосолова коллеж. сов. Ив. Тимашев, на которого Оренбургским губернатором была возложена в свое время «комиссия» по усмирению уральских нерусских народностей, рапортовал Панину 4 ноября 1774 г., что он, «под видом надобности по комиссии моей», старался забирать «по тракту в Башкирии начальников в злодеянии, служащих у вора Пугачева и награжденных воровскими чинами», да «и впереди на Сибирской дороге забрать не оставит». «Хотя оные по посылке от меня сами ко мне явились и ныне во употреблении служат изрядно, однако ж, повиновение их не самоохотное», — замечал Тимашев, именно поэтому опасаясь и долго задерживать их у себя, и пересылать в Оренбург «чрез Башкирь». Этих главарей, казалось ему,

лучше переслать к Панину или в Казань, что можно было бы ему сделать в «непродолжительном» времени, «вышед из Башкирии в российские жилища» и «скрыв от башкирцов». Тимашев высказывал мнение, что деташемент, находящийся при нем, должен и на зиму остаться в его же распоряжении, с присоединением к нему 23-й легкой полевой команды: «Сей ветреной народ», — писал — Тимашев, «а особливо Ногайская дорога в будущую весну, войсками не окруженная, могут нанесть своим злодеянием излишний труд вашему сиятельству», тем более, что им, Тимашевым, уже «переловлены» «воровские пересылки» башкиров с киргизами (П. А., кн. VIII, лл. 427 — 428).

99. Уфа с прилегающими районами, закинутая в самую гущу инородческого населения, никогда не жила спокойно, всегда ждала очередной неприятности от окрестных башкиров. Недаром уфимское дворянство жаловалось в «покорнейшем доношении» на имя гр. П. И. Панина от 15 марта 1775 г. (зарегистрировано получением 17 мая того же года):

«При построении г. Уфы весьма было нужно, чтоб из прочих уездов российских дворян несколько фамилий перевесть, как еще в новозаводимой тогда сей город и прилежащее в близости к нему место, сколько для размножения между башкирским или, можно сказать, тогда диким народом российских селений, а, толь паче, и для обуздания буйства и приведения к лучшему порядку сих народов. А, сверх того, сие переведенное дворянство и посему здесь надобно было, чтоб, в случае по легкомыслию того народа неспокойствия, могли оные употреблены быть и в частом о их замешательствах разведывании. Да и к самой службе учреждены были в регуле из них дворянские роты и продолжались в том до самого уформирования Оренбургского корпуса полков, за каковое предков наших при тех их службах доказательство от российских монархов и жалованы были окладами земель, денег и прочими знаками высочайшей монаршей милости». Дворянство жаловалось на «разнообразные и конечные от башкирцов разорения», на постоянную повторность «несчастного жребия». «И только что успеют по прошествии одного такого замешания и несчастья утереть свои слезы и сколько-нибудь приводить себя в состояние, то опять представится им в глаза таковое ж плачевное зрелище с наичувствительнейшим разорением, и так, что имевшие из тех наших предков хорошие прожитки принуждены были, лишась того, притти как сами в совершенную скудость, так и потомков своих в таковой же оставить». Дворянство указывало, что в «превеликий бунт» «обитающих в Уфимском уезде башкирцов и разного рода людей», «по причине возмущения» от Пугачева, дворянам пришлось принять участие в обороне осажденной Уфы. «При нынешнем возмущении уже мы столько разорены, что принуждены провождать нашу жизнь с великим прискорбием и бедностию». Между тем, «грабители к отдаче того грабленного обратно или к заплате за оное никакой почти склонности не имеют, отзываясь разновымышленными и ухищренными их отговорками. А по сим обстоятельствам и не остается той надежды, чтоб к поправлению нашего состояния от них мы собственное свое когда получили». Дворянство просило Панина «учинить благорассмотрительное вашего сиятельства определение» и «исходатайствовать у престола ее и. в. высочайшую милость». Под доношением подписи: дворянского предводителя Ник. Зубова, семерых Аничковых, двоих Калавских, Никол. Пекарского, Ив. Суровцева, вахмистра кн. Егора Уракова, Мих. Белавина, Вас. Яшкова и Ив. Колокольцева (П. А., кн. XIII, лл. 151 и 154).

Следует отметить, что под конец осады Уфы пугачевцами инородцы, главные враги города, повидимому, уже не играли особой роли среди осаждавших. Недаром в «Экстракте из представлений, вступивших в Секретную Комиссию [Оренбургскую] разных мест о содержащихся в тех местах колодниках», читаем: «Захваченных из злодейской толпы в с. Чесноковке и при Благовещенском заводчика Мясникова заводе: крестьян — 545 человек, казаков — 9 человек, казанский цеховой — 1, татар — 2, под-

поручик — 1, канонир — 1, отставные вахмистр и капрал — 2», итого 561 человек (Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, л. 328).

101. Калмыки принимали участие в Пугачевщине с самых начальных ее шагов; отдельные представители этой народности были уже среди сообщников Пугачева, когда оглашался первый его манифест 17 сентября 1773 г. на Толкачевых хуторах. Но если в этот момент в рядах пугачевцев находились лишь немногие калмыки, притом, повидимому, оказавшиеся на Яике, то вскоре на сторону мятежного движения калмыки стали переходить стихийно и в различных районах.

Рапортом от 29 сентября 1773 г. комендант Озерной дистанции бригадир Корф запрашивал Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, «не соизволено ль будет со всех форпостов нерегулярных, равно и артиллерию снять в крепости и редуты, поелику куда способнее, под тем претекстом, будто они ради защищения от киргиз-кайсак снимаются». В действительности же Корф боялся, во-первых, того, что «калмыцкое замешательство и самовольная с форпостов отлучка следует, конечно, от какого неприятного слуху или шпионства», а, во-вторых, и того, что «в крепостях по малолюдству российских, а по умножению поляк в отпоре от неприятеля весьма худая надежда». «Пленники - конфедераты», — пояснял Корф, «по легкомыслю своему столь поползновенны ко освобождению себя, что какие б только не последовали им слухи, тому подражать, конечно, не удержатся; как то от меня о сумнительных их разговорах от 26 числа сего месяца по команде его превосходительству, господину генерал-майору и Оренбургскому обер-коменданту, Валленстерину донесено». «Во отвращение быть могущей иногда в таком несчастливом случае и их измены», Корф считал целесообразным «обнадежить их тогда к верности ее и. в. увольнением их в свое время из высочайшей милости в их отечество» (А. Ю., Тург. обл. кн. II, л. 293).

Одним из оснований к рапорту Корфа Рейнсдорпу от 29 сентября 1773 г. послужил рапорт казачьего сотника Степана Милеева от того же числа с Везовского форпоста на имя капитана Бор. Сав. Уланова. Милеев сообщал, что «сей ночи находящиеся на здешнем Везовском форпосте есаул Кузьма Кукень с командою, с прибывшими с нижней заставы калмыками, оседлав своих лошадей и собрався, совсем уезжают в Оренбург, яко-бы то чинят они с повеления главного своего командира. И, хотя я им в том несколько и препятствовал, чтоб без дозволения здешних командиров не отлучаться, того они не слушают и намерения своего не оставляют» (ibid., л. 295).

А 10 октября 1773 г., на допросе в Зеленорской крепости, иецкий казак Ив. Ив. Скрыпов показал, что, едучи в Оренбург «к отставке», верст за 8 до Сакмарского городка, он был захвачен вместе с другим казаком в плен двумя калмыками и привезен в «войско казачье, которое имеет намерение взять под свою власть город Оренбург»: «под которым хотя де два месяца простою, а не оставлю, чтоб не взять мне Оренбург»,— так формулировал в своем показании Скрыпов общее решение «войска начальника, государя-императора Петра третьего» (Л. А., секр. пов. кн. I, л. 146).

Поручик Илья Щипачев, тот самый, который 27 декабря 1773 г. «покорнейше рапортовал» пугачевскому атаману И. Ф. Арапову (см. «Пугачевщина», т. I, № 79), двумя месяцами раньше уведомлял коменданта Яицкого городка И. Д. Симонова (в рапорте от 17 октября 1773 г.), что, во время стоянки на полпути между Красносамарской и Борской крепостями, из состава порученной ему «Ставропольской калмыцкой пятисотной команды», «часу в одиннадцатом ночи», «вдруг без всякой причины», больше половины команды, «отложась», бежало вместе с расставленными караульными («бежало рядовых калмык всего 316 человек»), причем, как оказалось «по разведанию», беглецы «путь свой продолжать начали чрез Красносамарскую крепость, токмо степью, чрез речку Ки-

*

нель, по большой Криволуцкой дороге, в их домы» (А. Ю., Тург. обл. кн. II, л. 621).

Как рапортовал Государственной Военной Коллегии 21 ноября 1773 г. Казанский губернатор Брант, «по привычке... многих легкомысленных людей к ложным и пустым разглашениям, такие, по возвращении моем из Кичуйского фельшанца, услышал я здесь разносящиеся о касательствах до известной злодейской толпы эхи, что, предупреждая ко удержанию сего в народе неистовства, а к сохранению желаемого, общей тишины, необходимо должно здешний город укрепить, сколько можно, военными командами». Брант обращал внимание Коллегии на то, «что за выкомандированием против известной злодейской толпы гарнизонных команд, осталось в Казани самое малое количество военных людей, да и то — старые, дряхлые и раненые...; артиллерии ж хотя из Кунгура разных калибров, гарнизонных, чугунных, от одного до семнадцатифунтовых, двадцать одно орудие сюда и перевезено, только все без лафетов, которыми вскоре и исправиться не можно». Брант находил положение Казани тем более затруднительным, что 1) «здесь осужденных в ссылку в Оренбург содержится колодников до двухсот, да в прибавление ко оным препровождаются сюда таковых же из Московской Розыскной Экспедиции до семисот человек»; 2) «ныне здесь присланных из разных мест для отправления в Сибирь поселенных находится больше четырех тысяч человек», которых не с кем отправить, почему временно «и расположены в лежащих около Казани жительствах»; 3) «не меньше ж сего и во отправлении поляков, как и в содержании их здесь, состоит нужда». Исходя из всех этих соображений, а также и из того, что «ныне как подушные деньги платят, так и рекрут отдают все, а особливо татары, весьма медлительно», Брант просил о «снабдении» его «военными людьми и довольною полевою артиллериею», во избежание «каковых важных нестроениев». Казанский губернатор указывал, что «партия калмык», о которой он уже рапортовал 16 ноября, «и поныне по Самарской линии держутся в околичности Бузулуцкой крепости, где недалеко и кочевые их места находятся; однако ж, не производят больше никаких злодейств, а выходят только устращивания, что они с старшиною и с пушками дожидаются еще трех тысяч человек и пойдут к Казани» (Л. А., секр. пов. кн. I, лл. 286 — 287).

До нас дошли три «извета», «засвидетельствованные секретным смотрителем и десятоначальником, священником Михаилом Ануфриевым». Согласно первому «извету», сделанному 30 ноября 1773 г. «Казанского уезду, Ногайской дороги, Федоровой сотни Федорова, деревни Старой Сахчи ясашными из чуваш новокрещенами: выборным Василием Александровым, старостой Емельяном Алексеевым с мирскими людьми», в ночь на 30 ноября в названную деревню приехало человек до 60 калмыков, «начальник» которых потребовал от старосты с их деревни «денег десяти рублев» со словами, «что де мы теперь за вас служим, а вы де в домах живете»; остальные же, «разъехавшись по разным квартирам», «причинили им, новокрещенам, немалое разорение». При вторичном приезде тех же калмыков в Старую Сахчу они опять «грабили домы и многих копьями переранили, також десять лошадей угнали... и притом им, новокрещенам, говорили, что де едет царь Петр Федорович, а нас де послал теперь искать бояр и велел всех перерубить; и выспрашивали, далеко ли живут отсель бояры». Помимо новокрещен, священнику Ануфриеву «объявил» еще дворцовый крестьянин из с. Богородского, Сухая Река тож, с Алацкой дороги, Яков Семенов с товарищами, что те же калмыки за р. Бол. Черемшан отняли у них «рогатого скота... шестьдесят восемь голов», купленных в Ставропольском уезде у калмыка Степана Замзы и у «обывателей», а самих ограбили до-гола: «и едва де от них они, крестьяне, освободились слезами, и пришли во означенную деревню Старую Сахчу во одних только рубашках, и едва не замерзли на дороге».

Во втором «извете», который был сделан Ануфриеву священником, выборным, старостой и мирскими людьми с. Троицкого, Сахча тож, значилось, что приехавшие из Старой Сахчи калмыки разграбили мельницу, «хозяйский дом разбили», скот увели, да «и у помольщиков угнали ж двадцать лошадей». В поисках «мельничного приказчика», калмыки чуть не избили местного «попа», принятого ими ошибочно за приказчика.

Об отгоне калмыками лошадей и грабеже пажити говорилось и в третьем «извете» выборного и старосты ясашных чуваш-новокрещен из деревни Писмеря (Г. А., р. VI, д. 507, ч. I, лл. 59 — 60).

Казанский обер-комендант Алексей Лецкий рапортовал Военной Коллегии 2 января 1774 г., что им отпущено двести ружей из числа привезенных из Петербурга «инфантерских нового манира», «для вооружения отставных поселенных в Заинске, Тинске и Ерыклинске», в виду опасности от «бунтующих башкирцов и ставропольских калмык» (Л. А., секр. пов. кн. II, л. 474).

Активное участие калмыков в Пугачевщине в течение всего периода до весенних неудач 1774 г. не осталось безнаказанным. При рапорте от 23 июля 1774 г. ставропольский комендант полк. Отто де-Марин представил в Оренбургскую Секретную Комиссию «Ведомость, коликое число после бежавших воров-калмык оставшего их скота было собрано и из оного в раздаче значит под сим». Комендант пояснял, что раздача производилась сначала его предшественником, сек.-майором кн. Чегодаевым, а потом им, в силу соответствующего указа Казанской Секретной Комиссии (от февраля 1774 г.) и ордера А. И. Бибикова от 25 марта того же года.

Упомянутая «Ведомость» содержит следующие сведения о калмыцком скоте и об его дальнейшей судьбе:

Было «собрано после бежавших калмык: лошадей и жеребят — 436, коров — 3832, телят — 424, овец — 5628, ягнят — 935». Из этого количества приблизительно половину (и притом почти всех коров) роздали при кн. Чегодаеве «разным помещикам и прочим людям за разграбленный скот». А «из оного остаточного числа в бытность полковника де-Марина роздано: артиллерии-поручику Николаю Булгакову—лошадей и жеребят 30, рогатого 60, овец 200; отставному капитану Осипу Исленьеву — лошадей и жеребят 9, рогатого 25, овец 125; надворному советнику Михайле Тимашеву—лошадей и жеребят 16, рогатого 115; отставного вахмистра Бастрыкова жене его Анне Михайловой—лошадей 5, жеребят 7, рогатого 20, овец 40; прапорщику Афанасию Кисленскому — лошадей 6, рогатого 10, овец 50; майорше Татьяне Неплюевой — лошадей 8, рогатого 10; госпоже генерал-майорше Марфе Малаховой — лошадей 15, рогатого 80, овец 200; надворного советника Ермолова жене Февронье Дмитриевой — лошадей 16, рогатого 20, овец 75; отставному вахмистру Андрею Суровцову — лошадей и жеребят 3, коров 8, овец 40; госпоже бригадирше Нееловой — лошадей 6, рогатого 20; секунд-майору Александру Кудрявцеву — рогатого 28, овец 150; капитану Михайле Карамзину — рогатого 100, овец 300; прапорщику Ивану Новикову — лошадей и жеребят 5, рогатого 11, овец 50; секретарше Пелагее Колюбакиной — лошадей 12, рогатого 15, овец 75; прапорщику Михайле Смолкову — лошадей 8, рогатого 9, овец 150; прокурору Петру Лазареву — лошадей 16, рогатого 14, овец 30; недорослю Перфилью Неплюеву — лошадей 16, рогатого 21, овец 150; адъютанту Саврасову — рогатого 4; отставного подпоручика Григорья Андреева жене его Катерине Степановой — лошадей и жеребят 5, рогатого 10, овец 150; подполковнице Арине Апраксиной — овец 215; поручику Петру Путилову — овец 179». Да «города Ставрополя обывателям» имеет быть роздано 5 жеребят и 191 голова рогатого скота (Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, лл. 169 — 171).

104. Если большая часть калмыков сочувствовала восстанию или даже выступала в нем активно, то были среди калмыков и такие группы, на которые официальная власть считала возможным опираться. Так, 14 сентября 1774 г., повидимому, еще до появления в Яицком городке Чумакова

и Творогова, полк. И. Д. Симонов «покорно рапортовал» П. С. Потемкину, что Рычков, «начальник» отряда в 100 человек «здешних калмык», командированного по повелению Потемкина на Иргиз и в низовья Волги «для преследования воровских киргиз-кайсак», «доставил сюда пойманных им по речке Деркулу и при Камышлацких вершинах из первых известного злодея Пугачева предводителей казака Афанасья Перфильева с товарищи, 37 человек, которые де взяты из-за производимой с ним оружейной стрельбы» (П. А., кн. V, л. 545).

105. Стремясь к установлению желательных отношений с киргизами, Панин, между прочим, заинтересовался вопросом о жаловании, выплачивавшемся русским правительством киргизским ханам, и направил об этом в Оренбург 10 марта 1775 г. свое «повеление». В ответ «Оренбургская Пограничных и Иноверческих Дел Экспедиция» рапортовала 6 апреля того же года Панину (рапорт подписан Рейнсдорпом и П. Рычковым), что Нурали-хан и Айчувак-солтан киргизские «определенным им жалованьем по сей 1775 г. удовольствованы», и что жалованье это, в соответствии с их собственным желанием, обычно выдается им «летним временем» Султаны «Меньшей киргиз-кайсацкой орды», Эрали и Дусали, не получали жалованья за прошлый год: один — «за отдаленностью кочевья его и по бывшим обстоятельствам», а другой — «по причине прилепления его к известному государственному злодею Пугачеву и учинения при уральских форпостах злодейства». «Также и Средней орды Аблай-солтану», — заканчивала свой рапорт Экспедиция, — «коему по близости всегда из Троицкой крепости отпускалось, за разорением оной и за нетребованием его, на прошлый год выдано не было» (П. А., кн. XIII, л. 56).

Спокойный тон рапорта Рейнсдорпа Панину от 25 июня 1775 г. нужно подчеркнуть, тем более, что предшествующей осенью и зимой в официальной переписке явно выступала, наоборот, тревога за киргизов.

Так, в ответ на «повеление» Панина о дополнительных запасах провианта в местных «магазейнах» на всякий возможный случай, Царицынский комендант полк. Цыплетев «покорнейше рапортовал» ему 11 сентября 1774 г., что он уже написал в Симбирск в Обер-провиантмейстерскую Комиссию о «снабдении» его деньгами (тысяч до десяти) для покупки сена и о «доставлении... водяною коммуникациею» тысяч до пятнадцати четвертей овса, а также муки и круп. В виду «ненадежности здесь исправиться», Цыплетев просил Панина «в тое комиссию о подтверждении», тем более, «что всякой хлеб, только с Верху покупаемой, против прежних пропорций со уменьшением, в руках купеческих застало злодейское замешательство, а от здешних земледельцев получить ничего не можно». А, с своей стороны, Цыплетев указывал, что по опыту «прошедшей зимы» и в предстоящее зимнее время «здесь к зиме кордону быть необходимо надобно»; Цыплетев «предавал в высокое рассмотрение» Панина тот факт, что в минувшую зиму «киргиз-кайсаки, начав от Дмитриевска, на-низ по Волге, а особливо в Волжском войске, великое зло в увозе людей и отгоне скота произвели, показывая наущение сего ж проклятого изменника, а и по их обыкновенной воле, где удачи им, тут не оставят и еще на поживы без нападения» (П. А., кн. V, л. 520).

И ген.-майор Георгий де-Прерадович рапортовал Панину 12 октября 1774 г. из г. Дубовки, что, в силу полученных им «ордеров» Панина от 24 сентября и 3 октября, он «охотно приступает» «быть неотлучным» при двух гусарских полках, впредь «до окончания намеренного вашим графским сиятельством с киргизцами дела» и «не умедлит» занять позиции между рр. Волгою и Медведицею, а ген.-майору Волкову, который теперь в Царицыне, уже написал, чтоб отправлялся в Симбирск и принял в команду «другие полки». Де-Прерадович выражал уверенность, что он не упустит «всю окрестность здешних селений от собраний в злодейском намерении и мятежа усмирить... и волжские берега также охранять от набегов киргисцов и башкирцов» (П. А., кн. VII, л. 323).

Сам гр. П. И. Панин, посылая Сенату 25 ноября 1774 г. «репорт о получении указа с соответствием», «представлял» на «высокое рассмотрение Правительствующего Сената», что, несмотря на поднятый Сенатом (его указ Панину от 21 октября 1774 г., «где б оной столь продолжительно был удержан, мне неизвестно», — писал Панин) вопрос о возможности возобновления отсылки в Сибирь колодников, очевидно, запрещенной по опасности от «внутренних возмутителей», он все-же «признает за полезное обождать до весны», «в рассуждении не совсем успокоившихся еще киргиз-кайсаков и некоторой малой части башкирцов», а также и в виду «весьма недостаточного всеместного пропитания» (П. А., кн. II, *л.* 119).

То же настроение тревоги за киргизов чувствуется и в рапорте Суворова Панину от 26 января 1775 г. из Симбирска. Суворов уведомлял, на основании полученных им донесений ген.-майора Мансурова, что этот последний, в соответствии с сообщением к нему Рейнсдорпа, собирает в Яицком городке следующие силы для «экспедиции» против киргизов: два эскадрона гусар (из числа семи эскадронов Бахмутского полка, находящихся теперь в Илецком и Яицком городках), да по 40 чел. драгун от каждой из трех легких полевых команд (6-й, 7-й и 22-й). С своей стороны, Рейнсдорп «определил» «к вышепомянутому предмету» 300 чел. башкиров и «триста лучших и доброконных яицких с надежным старшиною казаков», при двух или трех легких пушках. И только теперь,— сообщал Мансуров Суворову, «ожидается прибытием в Оренбург означенная башкирская команда». Повод к экспедиции дало письмо Нурали-хана и Айчувак-солтана, с просьбою «под воров, их одноземцев, кочующих ныне по Яику-реке, близ Гурьева городка, послать воинскую команду и тем как пред сим захваченных российских людей выручить, так и удержать оных от предпринимаемого вновь в наши границы набегу, да и в самое наказание тем злодеям сделать захват им и их женам с детьми, и скоту» (П. А., кн. XI. *л.* 163).

107. Показание Беляева, передающее один из оттенков изменчивых настроений киргизов за время Пугачевщины, относится своими свидетельствами, повидимому, к тому периоду, когда Пугачев еще стоял под Оренбургом. Ряд сведений об участии киргизов в Пугачевщине в этот ее период можно дополнительно почерпнуть из некоторых документов официальной переписки конца 1773 г.

Раньше, чем Оренбургский губернатор Рейнсдорп успел обратиться за помощью к командованию Озерной дистанции, по укрепленным пунктам этой дистанции уже были разосланы «самозванцовы фальшивые указы», и здесь произведшие то же впечатление, что и всюду. Отмечая в своем пространном рапорте от 14 октября 1773 г. на имя Рейнсдорпа почти общий факт неявки в Озерную крепость, вопреки приказу, казаков, калмыков и башкиров с крепостей, редутов и подведомственных последним форпостов и застав, комендант Озерной дистанции Корф должен был признать, что «оные по рассеенным от помянутого злодея приглашениям изменили». 8 октября 1773 г. в самой Озерной крепости пришлось подавлять открытый бунт казаков, собранных в «лагере» под крепостью, которые были «обольщены» бежавшим перед тем табынским казаком Тимофеем Красильниковым и привезенным им с собою «злодейским фальшивым указом». Корф, как видно из того же рапорта его Рейнсдорпу, оказался парализованным и в другом отношении. «Киргиз-кайсаки»,— писал Корф, «так взволновались, что, ездя немалолюдными толпами, делают большие пакости» на всем протяжении Озерной дистанции. Корфу не только не приходилось ожидать прибытия подкреплений к себе с подведомственной ему дистанции, но и заботиться о помощи крепостям и редутам своей дистанции, в виду совершенно реальной угрозы со стороны киргизов, достаточно взбудораженных к тому времени неоднократными обращениями к ним вождей Пугачевщины. (Рапорт Корфа Рейнсдорпу от 14 октября 1773 г. см. в Л. А., секр. пов. кн. II, *лл.* 162 — 165 и в А. Ю., Тург. обл. кн. II, *лл.* 629 — 632.

Этот рапорт с фактической стороны использован отчасти Дубровиным, op. cit., т. II, стр. 79—80.)

Как видно из рапорта ген.-майора Фреймана в Военную Коллегию (от 21 ноября 1773 г.), отставной из татар яицкий казак Ишметь Щербенев, по приезде своем с «мельницы отставного из татар же казака Мустая муллы Муралеева, стоящей на реке Кинделе, от Сорочинской в шестидесяти верстах», явившись в Сорочинскую крепость, «объявил», что «оной Мустай прислал к снохе своей письмо, уведомляющее о таковом же, от киргизского хана к Яицкому коменданту присланном, что киргизцы намерение имеют, как скоро река Яик покроется льдом, итти на крепости и российские жительства для разорения их; а чинимого де им ханом увещания они не слушают. Почему означенной Мустай той снохе своей и велел приезжать в Яицкой город. А помянутой де Ишметь объявил, что те киргисцы уже и действительно от Илецкого городка и около его с хуторов людей и скот побрали (Л. А., секр. пов. кн. I, л. 358).

Промемориею от 25 ноября 1773 г. комендант Яицкого городка Симонов извещал Саратовскую Комендантскую Канцелярию о чрезвычайно возросшей за последнее время и явно враждебной активности со стороны киргиз-кайсаков. На основании рапортов «находящегося на нижних яицких форпостах Войска Яицкого старшины» Никиты Бородина, Симонов уведомлял, что «кочующие по Яику-реке во множественном числе киргиз-кайсаки на внутреннюю сторону не только скот свой перегнали, но и сами с юртами своими, как и Нурали-хан их кайсацкий с его семьями, перешли и кочуют вниз по тому Яику-реке, простираясь сверху, от Котельного форпоста, на-низ, даже до Гурьевского редута, так множественно, что де чрез полагаемое между теми форпостами расстояние, на ста семидесяти девяти верстах, едва вмещаются, и верхнее де кочевье занимает сам помянутый Нурали-хан». Точных сведений о действительных намерениях киргиз-кайсаков не имеется, и потому особенно необходимо иметь «должную осторожность», — заканчивал Симонов промеморию советом (Л. А., секр. пов. кн. II, л. 241). О том же Симонов рапортовал и в Контору Военной Коллегии (ibid., л. 46), сообщая при этом дополнительно, на основании сведений, полученных от Бородина, о следующих «наглых обидах и озорничествах» со стороны киргизов. Эти последние, — писал Симонов, — «ездя по той внутренней стороне большими собраниями», все вооруженные, «злодейские свои продерзости нападением на тамошние форпосты весьма умножают, так что де из оных форпостным казакам ни за сеном, ни за дровами почти выпуску не дают; на коих де нападая, бьют беспощадно, грабят и в плен увозят, да и скот без остатку отгоняют; а сена казачьи не только на степной, но уже и на внутренней стороне без остатку же травят и жгут».

26 ноября Симонов отправил в Саратовскую Комендантскую Канцелярию новую промеморию, в которой писал, что от Бородина получены еще более тревожные сведения о «злых киргиз-кайсацких предпритиях», а именно: Зеленовский форпост «от них, киргиз-кайсак, во осаде состоит», «да и из прочих де верхних форпостов командиры доносят, что они, воры, во всех местах путь пресекли, а с нижней де дистанции уже давно и репортов нет и, благополучны ль оные или нет, неизвестно». Кончалась промемория просьбой о «принятии во всех тамошних местах самонаикрепчайшей осторожности», а также и об уведомлении всех «низовых городов и крепостей», как и Астраханской Губернской Канцелярии, относительно киргиз-кайсацкой опасности (ibid., л. 242).

Тот же И. Д. Симонов рапортовал 29 ноября 1773 г. в Военную Коллегию, что «киргиз-кайсаки множественным числом кочевье свое вниз по Яику-реке по обоим сторонам беспрепятственно продолжают и, между тем, при тамошних форпостах продерзости свои от часу более умножают». По одним сведениям, «положено у оных киргиз-кайсак намерение, закочевав на-низ, оставя тамо жен и детей своих, самим итти большим собранием

под кочующих по Волге калмык и Кундуровских татар для злодеяния, а потом, если там удачно им будет, и яицкие форпосты разбить намеряются; под оных же де калмык некоторые киргизцы ныне уже и пошли». А по другим сведениям, «будто б их киргиз-кайсацкая орда имеет намерение, оставя здешнее кочевье, итти в подданство турецкое, в Крымскую землю». Симонов уведомлял Коллегию, что в целях «предосторожности» он, «в рассуждении их кайсацкого наглого и, против прежнего, весьма отменного озорничества», уже отправил 200 яицких казаков, но предупреждает, что этого количества недостаточно, а больше он не в состоянии уделить на это дело сил, в виду «внутреннего Войска Яицкого нестроения» (ibid., лл. 213 — 214).

«Покорным рапортом» от 2 декабря 1773 г. «находящийся в Яицком городе» подполк. Симонов уведомлял «по секрету» Контору Военной Коллегии, что 26 ноября киргизский Нурали-хан «прикочевал» к Кулагиной крепости, «расположился поблиз оной на острову» и «объявил», «яко он чрез все зимнее время тут и пребывать имеет». «Все нижние крепости и форпосты», от Кулагиной «даже до новоучрежденного Гурьевского редута», «состоят от них, киргиз-кайсак, во осаде», а «Зеленовский же де форпост совсем, а также и имеющиеся вне Тополинской крепости скотские базы ими, кайсаками, сожжены». «А притом де разведано», что часть киргиз-кайсаков «для злодеяния под волжских калмык... действительно пошли» (ibid., л. 351).

Подробности о появлении и враждебных действиях киргизов на луговой стороне р. Волги, «у урочища, называемого Куркина Яра» (вблизи от Черного Яра и в 100 в. от Ахтубинских шелковых заводов), в середине декабря 1773 г. см. в «покорнейшем рапорте» Царицынского коменданта полк. Цыплетева на имя президента Военной Коллегии гр. З. Г. Чернышева от 26 декабря 1773 г. (ibid., лл. 520 — 523).

111. В виду бедности настоящего издания документами об участии в Пугачевщине татар, представляется особенно нелишней некоторая дополнительная публикация архивных материалов по этому предмету, хотя бы в форме отдельных выдержек и пересказа.

Астраханский обер-комендант ген.-майор Левин рапортовал в Военную Коллегию 2 ноября 1773 г.: «Здешний Астраханский край по нынешним воинским обстоятельствам подвержен наивсегдашней опасности от нечаянных горских, кубанских и киргис-кайсацких воровских набегов, о колебленности которых — о горцах и кубанцах от Кизлярского коменданта, а киргис-кайсацких чрез Астраханскую Губернскую Канцелярию по уведомлению от управляющей Войском Яицким Комендантской Канцелярии — известиям и ныне неоднократно ко мне доносится: что от сих орд в больших силах собрании чинятся для произведения злодейств в российских границах. Итак, я, опасаясь, чтоб таковые воровские партии не коснулись к реке Волге, где находится множество рыбных промыслов и при них в работах российских людей, а, важнее сего, чтоб не пресекли они от Царицына с Астраханью сухопутные коммуникации, как все сии вредности для Астрахани весьма важны, а не меньше сего и в самом городе Астрахани опасности настоит от множества живущих в нем азиатских народов, дабы и оные, в случае нечаянного неприятельского приближения, не могли, как они одного закона, взбунтовавшись, каковой-либо городу вредности причинить, — для чего мне ко отвращению и приведению сей Астраханской крепости во оборонительное состояние воинские команды весьма нужно иметь и при самой Астрахани, по неимению здесь довольного числа воинских команд» (Л. А., секр. пов. кн. I, лл. 192 — 193).

Два татарина из Сеитовой слободы под Оренбургом, Хайсамуддин (мулла) и Хабибулла Зайнулгабдиновы показали на допросе в Казани 12 декабря 1773 г.: Их слобода «совсем состоит в злодейских руках», «противиться они ничем не могут, а оказывают во всем им себя послушными, чем и спасают живот свой», но, как очевидцы и свидетели, они о

многом «обстоятельно известны». Так, они могут заверить, что «злодейская толпа... хлеба имеет довольно, а денег мало, почему находящимся в той толпе изменникам от злодея, начальника их, и дано было во все время только по одному рублю каждому человеку.) Движения сей толпе никуда не слышно, и партиев от нее в рассылке, кроме одних башкирцов и калмык, никуда нет. А неотменное их намерение состоит взять Оренбург, и злодей Пугачев всех своих сообщников обнадеживает, по взятье Оренбурга, великим награждением». «В бытность же их еще дома», — говорили Зайнулгабдиновы на допросе, «слышали они в злодейской толпе, что от известного злодея Пугачева Уфимским башкирцам приказано города брать, заводы разорять и на идущие полки нападать. Только яицких казаков, как и пушек, ничего к ним не послано. Чего ради, башкирцы и требуют о присылке к ним казацкой команды и пушек. По приказу Оренбургского господина губернатора, киргизцами в Илецкой, в Татищевой, в Нижнеозерной, в Разсыпной крепостях и ниже Яицкого городка по хуторам казацкие жены с их имуществом забраны и увезены в их улусы, о чем они слышали в злодейской толпе от яицких казаков. Да как из них мулла был в Оренбурге, то от губернаторского секретаря Чучалова слышал, что, как скоро на представление от губернатора из Санкт-Петербурга получен будет указ, то приказано будет киргизскому Нурали-хану и с башкирцами таким же образом поступать». Приезд в Берду в конце ноября 1773 г. одного татарина из дер. Сарманаевой с известием о наступлении правительственных войск под командой ген.-майора Кара и обратная посылка того же татарина вместе с двумя башкирцами «для разглашения в уездах, что будто Оренбург взят», побудили Зайнулгабдиновых, по их заверению, поехать в Оренбург к губернатору, а от него к Кару, с известием о действительном положении вещей и таким способом парализовать действие «распущенной злодейской эхи». 2 декабря братья-татары пустились в путь; но, вместо того, чтобы попасть в Бугульму, им пришлось пробираться кружной дорогой к Казани, всюду встречая «в народе, не только башкирском, но и в русском, к присоединению в злодейскую толпу согласность». Зайнулгабдиновы должны были даже все время выдавать себя за командированных из Берды с поручением побуждать население везти провиант, который «там очень дорог» (Л. А., секр. пов. кн. II, лл. 344—346).

Как показали 11 января 1774 г. в Казанской Секретной Комиссии староста и один из крестьян сельца Вознесенского, Заводское тож, помещика, отставного губернского секретаря, Алексея Афанасьева (с Арской дор. Казанского у., верстах в восьмидесяти от Казани), 4 января 1774 г. по утру приехало к ним в сельцо «восемь человек иноверцев, им незнаемых, которые были в синих епанчах и при саблях и назывались казаками, а при них было понятых из ближних к ним татарских деревень великое множество, по примеру человек с двести». Среди приехавших были татары из деревень: Мурали, Поник, Шапшары, Курмалы, Куюк, Мурма, Келеевой, Таксичи и Дальняя Сиза. «И по приезде тотчас взъехали прямо на двор к помещику их, который накануне только сего дни приехал из Казани и проезжал показанными деревнями: Дальняя Сиза и Таксичи». Помещик был избит и увезен, дом разграблен, лошади угнаны. Когда «спросили у первых из тех злодеев, куда де вы его везете, то они отвечали им: Мы де повезем его в Кукмар (медной завод казанского купца Иоасафа Иноземцева, расстоянием от их деревни верстах в пятидесяти), — там де стоит наш главной». На вопрос старосты, обращенный к «злодеям», «откуда де ваша милость, то один из казаков, выхватя саблю и замахнувшись на него, сказал: А вот де откуда наша милость!» (Г. А., р. VI, д. 507, ч. I, л. 97).

Как рапортовал 27 января 1774 г. начальнику «Казанских казначейских дел», «экономическому казначею», прим.-майору Голицыну, волостной староста Танаевской вол. Сем. Васильев с «мирскими людьми», до сих пор им «отнюдь посылать писем было не возможно, того ради, что от

злодейской толпы проклятая орда многонародно стекошася и обступиша кругом село Елабугу, стояли в Бетках и в моем жиле, и в Танаках, и, овладаша нас, разоряли, бьют немилостивно и оставиша кругом жительства своими караулы, с Крешенья до пришествия из Заинска команды гусар, коя команда из Елабуги выручила команду, отчего орда вся разбежалася». Указав, что правительственная команда ушла от них сначала в Заинск, а отсюда в Мензелинск, где и «орда, слышно, стоит», авторы рапорта сообщали далее о насильственном взятии помянутой «ордою» двадцати человек «из села Бетков в свою шайку под Мензелинск» и при этом давали такую дополнительную характеристику восставших татар: «Они, проклятии орда, твориша над Русью, что хотеша, самовластны были, и судьи—все татара; да они и судей те своих не слушают, всяк зовется есаулом; такое озорничество делали над Русью, что́ хотеша». «Экономического казначея» извещали также, что, во время «злодейского собрания», жителям пришлось взять обратно всякому свои «подушные деньги», из опасения перед разграблением их татарами; но «ныне паки в жилех благополучно, — подушные деньги и рекруты во всякой скорости отправлены будут». Авторы рапорта жаловались Голицыну, что «в селе Бетках караулят завсегда миром у соляных амбаров человек по двенадцати, понеже солдаты вси [sic] разбежались в толпу злодейскую», почему и просили «приказать с жительств наших давать подмогу, понеже Бетке весьма разорительно» (ibid., л. 239).

Для характеристики участия татар и, вообще, инородцев в Пугачевщине представляет интерес показание «корабельного плотника» Казанского Адмиралтейства Ивана Костылева, как оно передано в рапорте Казанской Адмиралтейской Конторы (за подписью Александра Свечина) А. И. Бибикову от 31 января 1774 г.

Как показал Костылев, будучи послан «в Казанский уезд по Арской и Зюрейской дорогам для взыскания с служилых татар подушных денег», он приехал 4 января в дер. Едыгер и здесь наткнулся на «злодейскую партию», человек в пятьдесят татар, башкир и вотяков («по большей части, видно, той же Арской дороги окольных жительств»), которые, узнав о цели поездки Костылева, хотели, было, «рубить головы» саблями, но затем, пощадив, «привязали к саням веревкою» и повезли в дер. Куршину к татарскому старшине Мясагуту Гумерову из дер. Ксяк (?). Здесь «Костылева оставили для письменных дел», а его товарища, солдата Слугина, «послали в большую злодейскую их толпу далее». В течение пяти дней старшина Гумеров «набирал в их злодейское повиновение под образом службы, коих и набрано из окольних жительств человек слишком тысячи с три. А потом выехали, было, с намерением приближаться к Казани и встать в пригороде Арске, с тем, чтоб во оном ожидать подкрепления из главной злодейской толпы, состоящей под Оренбургом и в других тамошних местах, а потом итти на Казань. Но, узнав около деревни Люги, что выслана из Казани противу их команда, все разбежались». Однако, один татарин «под караулом привез» Костылева «в разбежавшуюся толпу, которая была уже собрана под управлением деревни Сасмак называющегося сотником служилого татарина Галея Кадырова». Галей, взяв с собой Костылева, отправил его в «русское село» Сарали, сам по дороге свернул в сторону, а Костылев был «привезен» в Сарали «злодейской партии русскими крестьянами, пятью человеками, и объявлен к старшине-башкирцу Шарыпу Якупову». На другой день под караулом тех же самых крестьян и одного татарина Костылева отвезли «для сбору разбежавшихся от старшин Мясагута и Галея бунтовщиков». Этой посылкой Костылев, по его словам, хотел воспользоваться для того, чтоб «некоторых казаков согласить к побегу в Казань» и таким способом, «разбив караулы, которые стояли в каждой деревне, пройти»; Костылеву и его единомышленнику, «форштмейстерскому ученику» Казанского Адмиралтейства Степану Федорову, «бывшему тут у вышеписанного Галея

при письме ж», действительно удалось подговорить «человек с тридцать, взятых неволею»; «к тому побегу не допустил», однако, «один злодей, Кукмарского завода заводчика Асафа Иноземцева из работных людей Гаврила», который, «под видом согласия» с Костылевым, «разведал то его, Костылева, намерение» и помешал осуществить его с помощию «явльшихся охотою злодеев». Дней десять «толпа» ездила по «разным жительствам», — все искали сотника Галея Кадырова; а когда встретили, Гаврила объявил Галею про Костылева, «что приводит де он, Костылев, их завсегда в согласие к побегу в Казань». Ценою «великого плача» Костылев спас свою жизнь и был отправлен за караулом к «злодейскому подполковнику Кузметю Ишменеву под село Елабугу» в числе 72 чел., из которых 52 чел. взял с собою в Мамадыш старшина Муканай, а остальные 20 чел., и в их числе Костылев, остановились в с. Стырове, Лекарево тож, верстах в шестнадцати от Елабуги, где и пробыли дней пять. «Те злодеи проговаривали, что к ним на помощь к тому селу Елабуге идет из главной толпы два полка казаков да четыреста человек калмык, и с коими оружие, двадцать две пушки, также ружей, пороху и пуль довольное число». Воспользовавшись тем, что 23 января, «около полуночи», «драгуны и с крестьянами» из с. Елабуги разогнали «злодейские караулы по окольным жительствам» и разбили в с. Танаике «злодейскую толпу», которая, хотя и насчитывала три тысячи человек слишком, но была плохо вооружена и «пороху ничего не имела», Костылев сговорился с «беглым рекрутом» Петром Сергеевым и «школьником» Николаем Никифоровым, «тою ж ночью бежали и тракт имели глухими дорогами» в направлении «столбовой Зюрейской дороги», причем «называли себя: он, Костылев, — дьяконом, школьник Никифоров—пономарем, а рекрут Сергеев—крестьянином». «Прежде ж ему, Костылеву»,—показывал он,—«от тех злодеев бежать было не можно за тем, что во всех окольных жительствах стояли их злодейские караулы, и обыватели были под их повелением; а притом от них, злодеев, подтверждаемо было ему, что, ежели он побежит, и его поимают, то без всякого милосердия казнен будет смертию. Будучи ж в той злодейской толпе, он, Костылев, ни к чему с ними согласия не имел, а только из принуждения, под лишением жизни, имея над головою державшие двумя злодеями обнаженные сабли, писал по сказыванию тех злодеев-старшин в окольные жительства обывателям от имени их приказы: чтоб давали казаков и были бы им во всем послушны, в противном же случае то домы их жечь; и кто их согласие на себя примет, тем давали с показанием о сем билеты, чтоб посланные их злодейские партии более к тому не принуждали и не разоряли; и прочие, сему подобные, письма, не прибавляя он, Костылев, под образом недоразумения, никакого слога. А писал так, как те старшины-татары, по-русски весьма мало знающие, приказывали; но поправлял слог в тех письмах их злодейской сообщник из вотяков, разумеющий по-русски писать, Семен Иванов. Дел же других никаких, ему, Костылеву, от них вверяемо не было». «Находящиеся по Каме и Вятке-старшины»,—показывал также Костылев, «имели переписки татарскими и русскими письмами с находящимися ж старшинами в Уфимском уезде и около Мензелинска, в том числе с называемым графом Иваном, Никифоровым сыном, Чернышевым; а какой он именно человек, так и прочих старшин он не знает. Получая те письма, имели по них совет: один — старшина Мясагут Гумеров, да сотник Ахкуней Полатов, да из вотяков крещеный Семен Иванов [а из какого жительства — он не знает]; прочих же, так равно и его, Костылева, в то время, таясь, высылали вон» (ibid., лл. 167 — 168).

Казанские купцы Михаил и Александр Петровичи Тарасовы «покорнейше доносили» в феврале 1774 г. в Казанскую Секретную Комиссию, что 25 декабря 1773 г., «в самой день Рождества Христова», в дом их, «имеющейся в Казанском уезде по Арской дороге в селе Куракове», где они жили «до записания в купечество из крестьян», «приехало злодей-

ской толпы вооруженных казаков пять человек», и, прежде всего, схватили и заковали в «конские железы», взятые у старосты того села Семена Петрова, «живущего в том доме нашего приказчика, казанского ж купца, Семена Борисова, по прозванию Селиванова». Угрозами и побоями «злодеи» вынудили Селиванова отдать им ключи от хозяйских «амбаров и чуланов», после чего «зверски» разграбили, «что им было надобно», и, «склав на воза и взяв означенного нашего прикащика Селиванова скованного ж с собою... уехали в татарскую деревню Чибилну». Среди приезжавших опознали татарина дер. Чибилны (Уфимского у. по Казанской дор.) Суюша, старокрещена из дер. Сетяковой (Казанского у. по Зюрейской дор.) Герасима Федорова да татарина из дер. Камаевой Бикту. Выехав из с. Куракова в поле, по дороге в «главный злодейский стан», «злодеи» вновь принялись «бить немилосердно» Селиванова, «спрашивая притом еще денег», и когда тот «отвечал с клятвою, что денег у него нет», «злодеи», расковав его, «связали ему назад руки веревкою, повалили в сани, закрыли сверху рогожей и, оборотя лошадь назад с одним с ним, «погнали по дороге, а сами... уехали, уже неведомо — куда». Предоставленная самой себе лошадь привезла Селиванова в новокрещенскую деревню Кырныш; здесь «бывшие в той деревне злодеи ж, пришед к его саням, развязывать у него рук не приказали, а велели отвезти в Уфимский уезд в башкирскую деревню Гулюкову». «Злодейский» приказ был выполнен в точности Кырнышским старостой, и Селиванов оказался под караулом и в колодках в доме одного башкирца дер. Гулюковой. Через трое суток в эту деревню приехала, повидимому, из-под Мензелинска «злодейская... толпа во множестве народа», и Селиванова представили к возглавлявшим ее трем старшинам, «из коих де одного называли Каранаем». «А как он им сказал, что вышеобъявленными, приехавшими в село Кураково, злодеями дом наш ограблен, где и он взят, то они, старшины, браня тех своих сообщников заочно, и о взятье его сожалели. И приказав отыскать ему на выкуп денег три рубли. Почему он для отыскания тех денег, хотя ему взять их было и негде, от них и пошел на свою квартиру. И как скоро вышел от двора, то повстречался с ним один знакомый крестьянин, который той деревни у башкир содержит из оброку рыбные ловли. У которого, он, выпрося слезно объявленное число денег, и тем старшинам отдал, а они, по получении оных, его, Селиванова, приказав снять колодку, отпустили в дом, в село Кураково, куда он пришел того ж декабря 30 числа и жил в доме нашем. А сего февраля 10 дня, приехав сюда, в Казань, явился к нам, кой и ныне находится здесь, при нашем доме. Явиться ж ему сюда в скорости было не можно, потому что около того села по всем жительствам разъезжали злодейские толпы, и везде по дорогам расставлены были их пикеты». За время отсутствия Селиванова из хозяйского дома, во-первых, уехал, «неведомо куда», новокрещен упомянутой дер. Сетяковой Пахом Федоров, «бывший... в работниках» при доме Тарасовых в с. Куракове, и, во-вторых, приезжавшими в с. Кураково татарином (дер. Камаевой с Арской дор.) Халилом Курмаметевым и новокрещеном из вотяков (дер. Вондем) Якимом Винкимом, которые живали у Тарасовых прежде в работниках, разграблен в доме Тарасовых в с. Куракове «оставший экипаж», «разный скот» увезен, «а бывшие ж в том доме долговые письма и записные домовые книги сожжены без остатку» (ibid., лл. 214 — 215).

Казак-татарин из Озерной крепости Муса Усманов, 54 лет, показал, что, по взятии «злодеями» их крепости и после казни «воинских командиров», в частности, брата его, казачьего капрала (Бикбая Усманова), был отправлен он, Муса, под Оренбург, служил Пугачеву из страха в Берде и однажды даже «ушел, было, но башкирцами был пойман и плетьми от них бит». Затем он «во всех тех местах был, где Пугачев злодействовал, даже до пригорода Дубовки; по взятье ж оного, согласясь с такими ж татарами: яицкими — Сюндюком Тангаевым, Кумаем Тюпеневым и казанским — Шафием Бетентяевым, бежали чрез здешнюю

степь прямо в Яицкий городок» (Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, лл. 295 об. — 296).

Другой казак-татарин из Озерной крепости, Бикмурат Ниязов, 20 лет, двоюродный племянник Мусы Усманова, показал, что, когда, после взятия Пугачевым Озерной крепости, «злодеи», переночевав «на половине пути при Сухарниковых хуторах», стали приближаться на следующий день к Татищевой крепости, защитники крепости открыли по ним артиллерийский огонь и «палили беспрерывно по толпе самозванца», не обращая внимания на намерение противника «переговорку сделать»; «наконец, и от Пугачева приказано также ответствовать и, как можно, наступать на крепость сильнее». Под вечер нападавшие зажгли под крепостью конюшни, сено; пожар перекинулся на крепость. «Злодеи» воспользовались тем, что ветром дым гнало с конюшен на крепость, ворвались в крепостные ворота и стали избивать всех, попавшихся под руки; в частности, коменданту и жене его вырезали груди. После этого «было о сей злодейской победе молебствие». «Злодей» пробыл «в стану» у Татищевой трое дней, — чинил артиллерию, а затем выступил в Черноречье. В дальнейшем Бикмурат был соучастником всех «злодейских» начинаний; лишь по взятии Дубовки, он отстал от Пугачева с рядом своих товарищей (один из них — Нияз Надыров) и, «раскаявшись в злых своих делах», явился с повинной на форпостах у Яицкого городка (ibid., лл. 335 об. — 336).

Ново-Московской дор., дер. Аршировой ясашный татарин Утеган Уразметев обратился к Панину с «всепокорнейшим доношением» (датировано 24 октября 1774 г.), в котором просил: 1) «за верные мои к отечеству услуги избавить меня с детьми и родственниками от подначальства старшин, которые сообщниками были злодею», но «повелеть быть» под командою Бугульминской Земской Конторы, 2) наградить его «жалованным листом» и 3) не отказать в «милостивой резолюции» о возвращении его награбленных пожитков. В подкрепление своего ходатайства Уразметев пояснял, что он не только активно участвовал в обороне Оренбурга вплоть до снятия осады, но и был затем отправлен Рейнсдорпом 26 марта 1774 г. «во все Ново-Московской дороги жительства для увещевания бунтующего народа». Однако, ему не удалось выполнить этого поручения, так как он был пойман «злодеями» и отвезен в Сакмарский городок. Здесь он избавлялся «от предстоящей смерти» два раза «деньгами и платьем», а «в третий раз претерпел разграбление моего дома и похищение всех пожитков, всего тысяч на шесть рублев, а притом 123 лошади и 1 верблюд; все же сие захвачено недалеко живущими от меня татарами и башкирцами». Уйдя «из рук злодейских», Уразметев получил от встретившейся «разъездной команды» отряд в 20 чел. татар, с помощью коего ему было велено разыскивать «злодеев». И на этом поприще Уразметев, по его словам, сумел себя проявить: так, в степи, близ р. Самары, им пойман «злодейский полковник» Филипп Иванов с троими сообщниками (остальные, более 30 чел., разбежались). Затем им же была переловлена шайка из 8 чел., среди которых была женщина с троими детьми. Всех пойманных Уразметев отправил к полк. Шепелеву. Через два месяца к последнему явился и муж помянутой женщины, называющийся полковником персиянин, Мосей (П. А., кн. VII, лл. 395 и 398).

120. П. Заев не без основания писал главнокомандующему о возможности новых «происшествий», — «происшествия» действительно случились, и Осокинский приказчик стал одною из жертв, как узнаем из «допросных речей» пугачевца Селезнева.

Крепостной крестьянин помещицы Агаф. Ив. Некрасовой (из дер. Бордуковской, с. Сатанихи, под Вологдою) Козьма Леонт. Селезнев показал о себе 31 мая 1774 г. в конторе Вятских и Яранских казенных винокуренных заводов, куда он явился «к найму в заводскую работу», что в 1772 г. он был отдан своей помещицей в рекруты, определен в Выборг в Тобольский пехотный полк и уже недели через три, когда полк

выступил в «повеленной поход» (на турецкий фронт), бежал, вместе с одним своим товарищем из с. Красного под Петербургом. «Осенним временем» пришли они вдвоем в Балахну; здесь товарищ его остался, а он, Селезнев, «шатаясь всю зиму по разным местам», пришел, наконец, в с. Богородское на Каме, где «нанялся на соляные суда до города Нижнева». В конце 1773 г. в дворцовой слободе Кукарке он вновь нанялся в работу у «находившегося тогда в Кукарке для найму под Илецкую соль работных людей прапорщика Василья Аничкова» и был отправлен последним вместе с прочими пятнадцатью товарищами на Илецкую пристань. Когда их «партия» дошла до Сарапула, она подверглась здесь нападению со стороны человек до трехсот конных пугачевцев; те взяли их с собой и привезли в с. Чесноковку к «называемому от злодейской толпы графом Никифору Васильеву [sic] Чернышеву». Через два дня «случившаяся злодейская партия» была разбита наехавшими «российской армии конными и пешими командами». Он, Селезнев, был забран при этом в плен, отвезен в Уфу, но оттуда отпущен с билетом домой, причем в этом билете он, с его слов, был наименован дворцовым крестьянином из Кукарской слободы Семеном Халтуриным. Происходило это уже весною, в полном разгаре было половодье, итти стало нельзя. Селезневу и двум его товарищам пришлось остановиться на Осокинском медноплавильном заводе; здесь товарищи Селезнева, «по причине еще прежде по найму их на том заводе в работу», были оставлены заводским приказчиком Петром Артемьевым (Заевым) на работе, а он, Селезнев, «по сумнительству об нем» принят не был. Через три дня «наехала на тот завод злодейская Пугачева партия, того приказчика и с казною взяли и увезли с собою, почему как де он, Селезнев, так и товарищи его... на том заводе жить не стали, а пошли до слободы Кукарки». Отсюда Селезнев, когда оба товарища от него отстали, направился на упомянутые выше винокуренные заводы, с целью наняться в работу (Г. А., р. VI, д. 507, ч. I, л. 360—361).

«Директор» Вятских и Яранских винокуренных заводов секундмайор Озеров отправил Селезнева-Халтурина в Казанскую Губернскую Канцелярию, а та от себя переслала его в Секретную Комиссию. На допросе в Комиссии 16 июня 1774 г. Селезнев показал дополнительно, что, когда в числе прочих нанятых, он был отправлен приказчиком Аничковым в октябре 1773 г. к Илецкой пристани, то перед Сарапулом «сошлись с ними идущие навстречу им Кукарской волости крестьян три человека: Агафон Васильев, Семен Халтурин и Петр Южаков, которые, на спрос их, о себе сказывали, что они были на медеплавильном заводчика Осокина Троицком заводе и оттоль с данным билетом отпущены в свои жительства». Васильев и Халтурин присоединились к Селезневу с товарищами, и все сообща пошли в Сарапул. В Сарапуле приехавшею «злодейской партией», человек в 300 башкирцов, «были они взяты и на подводах отправлены в село Чесноковку... к называемому графу Никифору, Васильеву сыну, Чернышеву». Имени «полковника», предводительствовавшего этой «партией», он, Селезнев, не знает, потому что вскоре «оной теми ж злодеями при них был повешен». В Чесноковке все они дали «охотою» согласие служить «государю Петру Федоровичу», «жалующему вольностью»; тут же были приведены «попом» к присяге, получили копья и «распределены... для караулов и разведывания в случае приходу верных войск воинских команд». По свидетельству Селезнева, одних пленных «разного звания» и, в частности, солдат у Чернышева в Чесноковке было «человек до четырехсот». Указанные обязанности Селезневым исполнялись вплоть до поражения восставших под Уфой весною 1774 г. По словам Селезнева, он назвался при допросе в Уфе дворцовым крестьянином Кукарской слободы Сем. Халтуриным потому, что действительный Семен Халтурин «остался тамо в Уфе жить у одного тамошнего помещика в работниках до успокоения времени». Когда Селезнев и два его товарища: Агафон Васильев и Вас. Колесников, названный в билете Петром Южаковым, будучи отпущены из Уфы,

по дороге домой, были вынуждены остановиться вследствие половодья на Осокинском заводе (в 200 в. от Уфы), то здесь им пришлось стать свидетелями наезда на тот завод «злодейской партии башкирцов, человек с пятьсот, под предводительством одного из русских атамана». После оставления «злодеями» завода, ушли с завода и Селезнев с двумя своими товарищами. В пути, когда они втроем пришли в дворцовую Лебяжскую волость, Селезнев отстал от товарищей и направился на Екатерининский винокуренный завод, верстах в 50 от помянутой волости, с целью наняться в работу (Г. А., р. VI, д. 507, ч. II, лл. 29 — 32).

В «Экстракте из допросов по Секретной Комиссии [Оренбургской-содержащихся колодников сего 1774 года с августа месяца» находим следующие сведения об «явльшихся собою» 26 июля мастеровых с Иргинского директора Ив. Осокина завода, Макаре Ив. Шмелеве и Никифоре Васильеве. Взяты они были в «толпу» в первых числах июля, когда пугачевцы, разграбя их завод, «работных людей всех выгнали близ завода на луг» и там, выбрав до 100 чел., дали всем по лошади и «велели ехати к пригородку Осе». Не доезжая Ссы, собраны они были «называемым полковником» Шибаевым, который «говорил им, что служите Петру, а государь-ли он, не сказал». Оба они участвовали в неудачном приступе к Осе и «укреплениям», знают, что «после того сами осинские сдались», но, «что потом сделалось, они не знают, ибо их отогнали наперед к Казани великими толпами». «И, проезжая, жительства жгли и разоряли, которые назвать они не знают, брали лошадей и людей, а иные шли и охотою. Прибыв же к Казани, на сражении не были, — оставались при повозках». Когда Пугачев, по разбитии под Казанью, «пошел в бег», «их взяли с собою, и от реки Илети бежали и явились в Секретную Комиссию собою» (Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, л. 206).

121. Вследствие поступивших к Казанскому губернатору доношений заводчиков Демидова и Твердышева, в которых они просили о военных командах для защищения «оставшихся на сожженных заводах их крестьян и великого количества хлеба» (последний, — поясняли заводчики, нужен и для довольствия войск, и для пропитания крестьян, удержав которых с помощью хлеба, они могли бы избавиться от дальнейшего разорения), Щербатов ордером от 17 июня 1774 г. предложил кн. П. М. Голицыну предписать воинским командам, расположенным вблизи заводов помянутых Демидова и Твердышева, «чтоб оные, имея сих заводчиков при себе, когда в сем они нужду иметь будут, по просьбам их показывали некоторое вспоможение», «но к сему вспоможению не прежде приступить прикажите, как исполнив первое мое предписание, вашему сиятельству данное, в рассуждении восстановления коммуникации между деташементом и очищения прилегшей стороны Башкирии к Оренбургу и к Новомосковской дороге». Щербатов подчеркивал, что «сами заводчики, присутствием своим на заводах или находясь вблизи расположенных деташементов, с лучшим успехом соблюсти могут и восстановить опять свое хозяйство» (П. А., кн. XVII, лл. 142 — 143).

122. 22 августа 1774 г. Воткинская Заводская Контора доносила о следующем «в учрежденную по именному ее и. в. указу в городе Уфе Секретную Комиссию»: «В прошедшую зиму», — писала контора, «Воткинского завода поселенной житель, крестьянин, Федор Калабин, по прозванию Шмота, мастеровые: молотовой мастер Иван Кузнецов, угольный мастер же... Карабаев, молотовой подмастерье Федор Кожевников, прозывается и Светлоков, копиист Борис Комшилов» с рядом других мастеров и приписных крестьян названного завода, «склонясь к злодейской стороне, чинили прочим возмущения». А Шмота, «набрав толпу, чинил разъезды по деревням, делал смертные убивства, называл себя есаулом и, согласясь с таковым же злодеем, называющимся атаманом, приписным же крестьянином Сивинской волости Фотиевой сотни Окулова Андреем Носковым, с набранными ими толпами шли против управителя Воткинского

завода гитен-ферваltера Клепикова в деревню Полозову. И из них Носков пошел прямо на объявленную деревню; а упоминаемой Шмота пробирался вотскими жительствами на вотское село Дебесы, а оттоль в приписное село Ильинское, и намерен был, чтоб ему нападение на управителя учинить с тылу в одно с Носковым время. Однако, Носков упредя его приходом в деревню Полозову, где он управителем с толпою разбит, и многое число добрано в полон. Что́ услыша, реченной Шмота тогда бежал вотскими ж жительствами к Ижевскому заводу, а оттоль в село Сарапул, из села Сарапула в экономическое село ж Сайгатку, из оного того ж ведомства в деревню Бабку, в коей, сообщась Рождественского дворянина Демидова завода со злодеем, называющимся атаманом, Волковым и его толпою, имели стойку. Откуда написанных, с ним пойманных, товарищев рассылал по разным деревням, чинили грабеж и смертные убивства. А копиист Комшилов производил у него письменные дела, а после уже был ему товарищем. Из деревни ж Бабки Шмота со всей... злодейской толпой перебрался в село Сайгатку..., против управителя же Ижевского завода обер-гитен-ферваltера Ялымова производил немалое сражение, причем он, Шмота, сам из присланных в помощь ко искоренению их, злодеев, с Очерского завода из ружья убил дву человек. Однако, по разбитии его... толпою оттоль с бывшими с ним мастеровыми... крестьянами, неведомо — куда, бежал». Заводская контора, боясь, как бы содержащиеся в Секретной Комиссии Шмота и его товарищи, «избегая наказания», не стали «производимого ими злодеяния в допросах скрывать», просила Комиссию «учинить с ними» по их действительным «злодеяниям и смертным убивствам» и об учиненном решении Комиссии «здешнюю Контору уведомить письменно» (Г. А., р. VI, д. 508, ч. I, л. 157). Следует иметь в виду, что оригинал изложенного донощения Воткинской Заводской Конторы от 22 августа 1774 г. — дефектный.

123. Об Очерском заводе говорят следующие два документа, имеющиеся в нашем распоряжении.

Соликамский воевода Алексей Борисов рапортовал 25 января 1774 г. Сенату «о секретном деле»: 21 и 22 января прапорщик Соликамской штатной команды Марк Немцов, «определенный от здешней канцелярии в Соликамском уезде в селе Ильинском для смотрения над учрежденными к предосторожности от злодейской толпы караулами», прислал две копии со «лжесоставного, названного манифестом, письма»: одну — со священником Тихоновской церкви с. Карагайского Соликамского у. Алексеем Шадриным, у которого она и вынута в кармане, а другую — с крестьянином дер. Лысвенской Вас. Шмыриным. Священник показал в допросе, что получил копию от Шмырина, в бытность у него на Рождестве для «славления»; а Шмырин сказал, что сам он списал копию в с. Дальнодубровском Кунгурского у. в земской избе у писчика Цепенникова и, будучи в Очерском заводе, «тое копию заводским служителям и крестьянам объявлял и к противлению их склонял»; священнику же копию дал «по просьбе его для знания». Воевода сообщал, что он посылает при сем в Сенат лично им снятую копию с оказавшихся в его руках двух аналогичных списков со «лжесоставного письма», а оригинальные копии сожжены палачем в Соликамске на городской площади, «не считая в народе и ниже объявляя о их содержании» (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, л. 24).

С другой стороны, «приказом» от 5 февраля 1774 г. на имя «приказчика Очерского заводчика Лазарева железоделательного завода» Прядильщикова Бибиков выражал ему, «всем управителям и приказчикам, которые обще с вами в сем деле были», свое «признание» за «похвальный поступок в ополчении и поражении злодеев при дер. Беляевке» и «наиусильнейше... рекомендовал о продолжении сего достойного поступка» (П. А., кн. XVI, л. 378).

125. Препровождая в Секретную Комиссию 11 августа 1774 г. собранные в разных местах «воровские письма» «бывшего в злодейской

от известного вора Пугачева толпе предводителем, важного вора, называемого атаманом, заводчика Твердышева крестьянина», Григ. Туманова, именно: «предложениев 5, приказов 4, наказов 2, да письмо одно», Оренбургский губернатор Рейнсдорп вместе с тем сообщал, что он «старание прилагает» к выдаче и высылке в Оренбург означенного Туманова, который, как «по справке с делами оказалось», «в минувшем июне месяце, в числе осми человек, из Кизильской крепости от майора Демидова с письмами сюда степною стороною в самом деле отправлен и, будучи в пути, против Губерлинской крепости ворами-киргисцами захвачен».

Интерес к Туманову у Рейнсдорпа, повидимому, появился под влиянием полученного им 7 августа рапорта Исецкого воеводы подполк. Лазарева, в котором тот так описывал «злодеяния» Туманова: «Он, Туманов, — извергу Пугачеву важный сообщник и, по причине знания татарского языка и российской грамоте читать и писать, всее Башкирию и великое число русских взбунтовал. И во все бывшее замешательство был при воре, называемом полковнике, Грязнове, обще с ним в городе Челябинску главным и вящше Грязнова предводителем. И в самое то время, как сперва в город Челябинск следовал секунд-майор и кавалер Гагрин с войском, то, прибежав в пятистах разной сволочи от Миясской крепости, покушался тое крепость сжечь. А потом с прочими во многом числе злодеями по всей возможности чинил немалое супротивление противу реченного майора Гагрина с войском и старался, чтоб, в город не допустя, победить. А до того, будучи, они, Грязнов и Туманов, в Челябинску, повесили из верноподданных трех палачей и двух башкирцов». В своем рапорте Рейнсдорпу Лазарев выражал сожаление по поводу того, что Туманов, «пойманный и содержавшийся в Верхояицкой крепости под караулом», «по несведению о его злодействе, 15 числа минувшего июня от господина полковника и Верхояицкой дистанции коменданта Ступишина отправлен сюда, в Оренбург, с почтою» (Г. А. р. VI, д. 508, ч. I, л. 133).

126. На основании письма приказчика Саткинского Лугининского завода Степ. Моисеева от 30 ноября 1773 г., приказчик с другого завода того же Лар. Лугинина (Златоустовского) Федот Ахматов рапортовал 2 декабря 1773 г. коменданту Троицкой крепостной дистанции бригадиру А. А. де-Фейервару:

«Ближние от того Саткинского завода башкирцы весьма сумнительными становятся». Да и на Саткинских заводских крестьян «не предвидится хорошей надежды», при наличии «таких худых и опасных обстоятельств», — «и они в случае нападения от злодея или от башкирцов не изменили б». Целый ряд тревожных сообщений сделал Моисееву управитель заводов Твердышева и Мясникова Антон Исаев, приехавший на Саткинский завод вечером 30 ноября и вскоре уехавший в Екатеринбург для доклада «Главной над заводами Канцелярии». Таким путем стало известно, что Исаеву пришлось покинуть Катавский и Юрезянский заводы «от своих заводских крестьян потаенно»; что «как при Катавском и Юрезянском и Симском заводах и надежные люди все взбунтовались и деньги конторские по себе делить начали, так и протчие их Твердышева и Мясникова медные заводы все свои больше крестьяне разорили, и приехавшие от злодейской партии с живущими при заводах и наличные деньги промежду собой немалые суммы разделили ж. Да, сверх того, он де, Исаев, объявил: что де Авзянопетровские заводы и Табынский городок злодейскою партиею взяты, и покушались де итти к городу Уфе; а в Симской их Твердышева завод в 500 башкирцах от злодея партия вступила, тож де и на другие соседственные заводы такое ж нападение вскоре последовать может; а при Архангельском заводе за называемого фальшивого третьего императора все заводские жители и присягу принесли». С своей стороны Ахматов просил де-Фейервара прислать на Саткинский и Златоустовский заводы воинскую команду, да и канониров к имеющимся на заводах пушкам, указывая, что пока «при означенных ....

заводах крестьяне еще нисколько не пришли в замешательство и не вступили в бунт»; а если «они взбунтуют, тогда со оными уже не без труда ж управляться будет, ибо при упоминаемых двух заводах, Саткинском и Златоустовском, всех крестьян находится мужеска пола до трех тысяч душ» (Л. А., секр. пов. кн. II, л. 205—206).

Рапортом от 21 декабря 1773 г. Троицко-Саткинская Заводская Контора извещала Исецкого воеводу Ал-ея Петр. Веревкина, что неделей раньше она уже представляла Исецкой Провинциальной Канцелярии «о оказавшемся от башкирцов злодейском погублении и о бунтовании и непослушании всех при Саткинском заводе крестьян». А через день, 15 декабря, в 8 верстах от Саткинского завода, башкирцы отняли лошадей у четверых мужчин и одной женщины, выехавших с завода за сеном, и их самих застрелили. «Встревоженные этим происшествием, заводские крестьяне решили выслать разведку на Юрезянский Твердышева завод и 18 декабря действительно ездили туда, чтоб разузнать «о происходящих злодейской баш ирской партии нападениях». Посланные привезли с собою «с присланного от самозванца манифеста копию» и к тому же известие о предстоящем прибытии на Саткинский завод «трехтысячной башкирской партии». «Все заводские крестьяне пришли в конечное отчаяние», стали упрекать заводского приказчика (Степ. Моисеева) в замалчивании присылавшихся ему указов «от третьего императора» и тут же выбрали «от всего общества крестьянского из заводских жителей Егора Жуланова, Марку Поспелова с товарищи», и отправили их с рапортом к башкирскому полковнику Юлаю, начальнику поджидавшейся на завод башкирской партии, «дабы не навел Саткинскому заводу разорения и опустошения и крестьян погубления». Заводская Контора добавляла от себя, что башкиров в скором времени «ожидать должно, ибо на Симский Твердышева завод 200 человек команды пришло, а с Катавского и Юрезянского заводов, собравшись, заводские жители поехали встречать» (Г. А., р. VI, д. 504, ч. II, л. 288).

Приказчик с Саткинского завода Степ. Федот. Моисеев, явясь 28 декабря 1773 г. у Исецкого воеводы Веревкина в Казани, показал, что «выбранные со общего народского согласия крестьяне» (6 человек), по дороге «к стоящему под Уфою команды самозванца Пугачева называющемуся полковником», повстречались на Катав-Ивановском заводе «с ехавшим от того ж самозванца... атаманом из табынских казаков Иваном Кузнецовым», которого, вместе с его партией, и «привели 22 числа на помянутый Саткинский завод». Отряд Кузнецова состоял: из одного есаула-табынца, восьмерых казаков из крестьян заводчика Твердышева, одного мещерякского сотника (Сатлыка), одного отставного солдата-мещеряка, он же мулла, и двадцати пяти человек башкирцов Тебелявской волости Уфимской провинции, со старшиной Сабайгулом во главе. Кузнецова «все заводские крестьяне и работные люди встретили и приняли беспрепятственно». «По приходе в господский дом», атаман забрал «все, состоящее во оном, имение», лошадей, рогатый скот, тысяч до десяти денежной казны из Заводской Конторы, наконец, 12 пушек, 250 ружей и пудов до пяти пороху, с намерением «отправить в армию к самозванцу». Затем в церкви и «посреди завода на площади читали всему народу с данного оному Кузнецову от самозванца указа воровскую копию», а «заводские жители», в свою очередь, «доносили» на приказчика, что он государевых указов «в народ не объявлял и того самозванца всячески ругал». В заключение, «по выбору народскому» Кузнецов «учредил» на Саткинском заводе атамана, есаула, урядников и капралов, после чего поехал на Златоустовский Лугининский же завод, узнав от нарочных, что «и того Златоустовского завода все крестьяне с работными людьми под власть к самозванцу желание объявили» им. На Златоустовском заводе Кузнецов точно также учредил по выбору всех жителей атамана, есаула и урядников «из тех же заводских жителей», забрал «деньги, скот и имение», «содержа-

щихся, подозрительных в измене, за даточных Казанской губернии разных уездов чуваш и других людей распустил до четырехсот, да из русских вольнонаемных двести пятьдесят человек отправил яко-бы ко оному самозванцу, также и приказчика Златоустовского завода Степана Половникова», а сам переехал со своей командой обратно на Саткинский завод. Моисеев добавлял, что, по его сведениям, на Златоустовском заводе имелось две пушки, 250 ружей, да пудов с пять пороху; кроме того, слышал он от самого атамана Кузнецова, что им затребованы с Катав-Ивановского Твердышева завода на Саткинский и Златоустовский заводы пушки (40 шт.) и порох (90 пуд.) Всего крепостных крестьян при Саткинском и Златоустовском заводах было в тот момент до трех с половиною тысяч, «да наемных более осми сот человек» (ibid., *лл.* 286—287).

«Суще несчастный» заводчик Ларион Лугинин обратился «в горести» с «всенижайшей просьбой» (датир. 18 марта 1775 г.) к Панину расположить по близости разрушенных его Златоустовского (200 в. от Екатеринбурга и 100 в. от Челябы) и Саткинского (от Екатеринбурга столько же, а от Челябы—130 в.) заводов военную команду на случай «нечаянного впредь от башкирцов нападения»: «неверность оных народов»,—пояснял Лугинин, «довольно известна, разорение же, мне последовавшее, почти разрушает мое состояние». Лугинин успокаивал Панина, что, в виду близости Челябы от его заводов, «военной команде не будет тягости в заготовлении провианта и фуража». А, между тем, для него, Лугинина, особенно необходима воинская защита: он теперь отовсюду к житью «возвращает» на заводы своих «разогнанных по разным местам людей» и «оставшее от расхищения злодеями, а паче башкирцами, железо собирает для отпуска и отправления к Санкт-Петербургскому порту наступающею ныне весною» (П. А., кн. X, *л.* 321).

128. Не будет лишним поставить в связь с «Экстрактом» следующие данные:

На основании донесения своего «служителя» Андрея Чекунова от 6 октября 1774 г. заводчик Ив. Алексеев. Мосолов, подтверждая и дополняя свое первое письмо от 14 октября, писал к Панину 8 ноября 1774 г. из Москвы, что военная команда, посланная ген.-майором Фрейманом на его, разоренный башкирцами, Каноникольский завод, забрала с собою «более шестисот пуд» «штыковой меди» и «вывела» отсюда с собою его крепостных крестьян, «страждущих от башкирцов и не отдающихся в злодейские руки, равно и башкирцам», благодаря чему «немалое число» «черной и горфуферской меди» на заводе «осталось... без всякого присмотру». Мосолов жаловался, что военная команда, приехав через Зелаирскую крепость на Преображенский Твердышева завод, употребляла его крестьян «в разные работы для снятия и молотьбы хлеба», в течение более, чем 10 дней, причем за это время пятеро крестьян померло. С Преображенского завода мосоловские крестьяне были взяты колл. сов. Тимашевым «в село его, называемое Ташлу, для снятия ж имеющего на корени хлеба»; здесь, в Ташле, померло еще 17 чел. крестьян. Из Ташлы крестьян, в количестве более 700 душ обоего полу, перевели в Пречистенскую крепость и в новую татарскую деревню Ногаеву. В заключение, Мосолов просил Панина, впредь до возобновления заводских работ, «снабдить.... пропитанием с казенной стороны» упомянутых его крестьян, а «нарочному служителю», отправляемому им для «освидельствования» сожженного завода и возможного отыскания «инструментов и черной неперечищенной меди», «определить... потребное число воинской команды» на случай «препятствий» от «воров-башкирцов».

В ордере ген.-майору Фрейману от 4 декабря 1774 г. Панин, «рекомендуя» «розыскать со обстоятельством» по существу жалобы Мосолова на действия воинской команды, посланной Фрейманом на Каноникольский завод 28 августа, вместе с тем подчеркивал, что «таковой поступок военных людей, вместо должного охранения умножающий еще того края разорение, конечно, оскорблять меня долженствует и действительно оскорбляет».

Фрейман, получив этот ордер Панина лишь 3 февраля 1775 г., отвечал тогда же из Уфы, что он не замедлит, «по совершенном разобрании», донести о результатах расследования действий полевой команды майора Швыйковского, но «уповательно, что сами крестьяне в забрании так большого числа меди участники, как, по объявлению мне ныне, те мужики, по бытности их в Ташле, медь продавали». «Я ж», — замечал Фрейман, «от начальников сказанных заводских крестьян никакого объявления в том никогда не слыхал» (П. А., кн. IX, лл. 266—270-а).

В ноябре 1774 г. (помета о получении канцелярией Панина — 14 ноября) «поверенный» и «приказчик» содержателей медных и железных заводов в Оренбургской губ., колл. асс. Ив. Сем. Мясникова и «директора» Як. Борис. Твердышева, симбирский купец, Козьма Портнов направил к Панину «всепокорнейшее доношение» с просьбой дать в помощь воинскую команду для отыскания и возвращения на упомянутые заводы разграбленных башкирцами «выплавленной меди и кованого железа, множественного числа, которая медь и железо у тех башкирцов в их деревнях имеется и поныне».

Посылая ген.-майору Фрейману 15 ноября 1774 г. соответствующий «ордер», Панин «рекомендовал» дать небольшую команду и «в те только башкирские селения, кои состоят теперь в верноподданнической к ее и. в. должности». «В те же селения, кои еще по бывшим мятежам и бунтовству колеблются, никаких для сего команд не посылать». Панин предлагал уполномочить командируемый отряд лишь «освидельствовать по клеймам» и описать, «сколько чего и у кого найдется», «а найденное у них по клеймам и описанное железо и медь поручить тем жительствам сохранять впредь до указу». Панин дважды в ордере подчеркивал необходимость «командированным накрепко подтверждать» не делать «обид и разорения», «дабы не подать причины к новому сих непостоянных и необузданных народов замешательству» (ibid., лл. 105—106).

Оренбургский губернатор Рейнсдорп доносил Панину 17 октября 1774 г., что 9 октября подано ему заявление директором заводов Твердышевым, с просьбой вернуть ему артиллерийские орудия, вылитые «злодеями» из его меди на Воскресенском заводе, которые теперь находятся в Оренбурге на «артиллерийском дворе». И, хотя гр. Паниным и предписано «опознанное из пограбленного всякому возвращать», но, «как сии орудия воинские», губернатор «счел за должность» запросить главнокомандующего и «снабдить .... резолюциею», «повелено ль будет те орудия ему, Твердышеву, как его имущество, для переплавки в штыки отдать». Оренбургская «артиллерийская команда», — замечал Рейнсдорп, представляя по его запросу «Ведомость» об орудиях «злодейского литья красной меди» в Оренбурге на «артиллерийском дворе», высказывала мнение, что «без генеральной тем орудиям апробации годности их узнать не можно», почему «об них к главной артиллерийской команде репортовано». (Повидимому, оренбургские артиллеристы были поставлены в тупик неизвестными им типами орудий!)

В упомянутой «Ведомости» значилось всего одиннадцать медных орудий, причем из них семь доставлены из Берды, да «из корпуса» ген.-майора кн. Голицына и «из Татищевой крепости» по два. По «калибрам» эти одиннадцать орудий следующие:

Одна мортира	—	вес бомбы	7	пуд.	
»	»	»	»	3	»
»	дробовик	»	ядра	28	фунт.
»	»	»	»	25	»
»	»	»	»	20	»

Остальные шесть орудий — «фигуру имеющие в дуле: раздавленный циркуль или на подобие мушкатона, у коих диаметры в дуле»:

Два орудия: «меньшей оси» — «$3^{5}/_{16}$ вершка, «большей оси» — $5^{11}/_{16}$ в.
» » » » — «$3^{8}/_{16}$ » » » — $5^{8}/_{16}$ »
Одно » » » — « » » » — $5^{15}/_{16}$ »
» » » » — «2 » » » — $3^{9}/_{16}$ »

«Ордер об отдаче директору Твердышеву вышеписанных орудий послан 26 дня», т. е. 26 октября 1774 г. (П. А., кн. VII, лл. 380—382).

Мещеряк Ахмер Шарыпов показал 17 ноября 1773 г., что больше месяца тому назад он в числе прочих мещеряков и башкирцов был отправлен по наряду Исецкой Провинциальной Канцелярии в Верхояицкую крепость, а отсюда половину их (в количестве около 300 человек) и его в том числе командировали на Каноникольский и Зелаирский заводы, «для установления возмутивших от известного злодея... людей». Когда они прибыли на первый из названных заводов, «и того завода обыватели с ними препятствия никакого не чинили». Но вот, когда их команда подошла 12 ноября к Зелаирскому заводу, «то с того завода жители чрез пушечную пальбу в тот завод их не допустили». Пришлось вернуться в Зелаирскую крепость, взять три пушки, снарядов, солдат и на следующий день вновь «к тому заводу с ними приступить». Полдня происходила «пушечная пальба» с обеих сторон. Дело было решено «нечаянным» нападением со стороны «уральских башкирцов», в количестве до 400 человек, если не больше. В ночь на 16 ноября Ахмеру удалось бежать. В бытность в плену, «между разговоров», Ахмер слышал от башкирцов, что в их намерение входит «обступить» Зелаирскую крепость и «пресечь» коммуникацию, «дабы почты и по здешней линии следовать не могли». Показание Ахмера Шарыпова записано с его слов и переведено казаком Яковом Уржумцевым (Л. А., секр. пов. кн. II. л. 139).

Рапортом из Зелаирской крепости от 21 октября 1773 г. комендант Верхояицкой крепостной дистанции полк. Ег. Алексеев. Ступишин ставился в известность о следующих «обстоятельствах вредных»: «По данному указу того в толпе под титулом императорским самозванца» 83 чел. крестьян с «состоящего по близости здешней Зелаирской крепости Преображенского Твердышева заводу» уехали и взяли с собою с завода пять пушек и весь наличный порох. Что касается денег, то, «во-первых, кто охотником сыскался в реченную толпу ехать, разделили каждый по себе по сороку рублев, а достальные повезли в его толпу». Несмотря на приказы «верноподданным башкирским старшинам», живущим вблизи от Зелаирской крепости, «дать сюда в сикурс команды своей башкирцов сот до трех», в виду «незапной военной экстры», «они явились в том ослушны», отвечая: «Что де мы не хотим в крепость Зелаирскую ехать». Точно также те башкирцы, которых в количестве до 800 чел. подговорил, было, ехать к Оренбургу толмач Вас. Толмачев, посланный к ним с указом от Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, и те «по разглашенному от того самозванца по Башкирии на татарском диалекте от имени его указу в Оренбург ехать отказались и едва его, толмача, связавши, в ту толпу не увезли»; толмача спас «знакомый башкирец», который, «крадучи», вывез его на «дорогу ямскую» (Л. А., секр. пов. кн. I, л. 255).

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В начальной части «экстракта», опущенной при печатании, А. И. Свечиным дается краткий обзор состояния казенного лесного хозяйства ведомства Казанской Адмиралтейской Конторы и сообщаются некоторые исторические сведения о нем.

«Росчистка из диких дубовых лесов зачалась с 729-го году вызванными из Германии форштмейстерами Яганом Фалентиным и Мельхиер Зелгером»; продолжателями явились их русские «ученики»: Иван Селиванов и Алексей Иванов. «Росчистке» подверглись леса в уездах: Свияжском, Кокшайском, Чебоксарском, Кузьмодемьянском, позднее в Цывильском. Количество «подчищенных дубовых дерев» Свечин определяет в 1840246 шт., на 370469 деревьев меньше числа, показанного Казанской Адмиралтейской Конторой в ее рапортах в Государственную Адмиралтейскую Коллегию. Свечин указывает целый ряд технических недостатков и упущений в постановке лесного хозяйства и отмечает пробелы и неправильности в соответствующей отчетности. По мнению Свечина, «все сие упущение произошло от незнания своей должности, а к тому и от праздности определенных форштмейстеров, а Казанской Адмиралтейской Конторы за оными несмотрения». В частности, валтмейстеры с сотниками, заведенные с 1722 г., не только не выказывали «какого смотрения и бережения оным дубовым лесам», но и «по сие время» работают, даже не имея «обстоятельных ведомостей и планов», и допускают употребление дуба, годного к корабельному делу, «как для приумножения пашен, так для делания санных полозьев, под строение нижние венцы, к воротам верей, в сараи подставы и переклады, в заборах столбы, в тынниках, в прочих строениях». По вычислениям Свечина, «годные дубовые леса» расположены в Казанской губернии в 99 местах, а «негодные» в 98 «местах»; в Нижегородской губернии — «годные» в 19 «местах», «негодные» в 44 «местах»; в Оренбургской губернии «негодные» дубовые леса встречаются в семи «местах», а «годных не имеется» вовсе.

Заканчивая таким наблюдением вводную специальную часть своего «экстракта» и переходя к его основной общей части, Свечин писал: «Государственные крестьяне в бедность приведены не от одних лесных смотрителей, но по нижеизъясненным обстоятельствам».

«Экстракт» был направлен Свечиным первоначально в Сенат, а им «взнесен» к императрице и ею «аппробован». «Милостивое» отношение в высших сферах, однако, не принесло на деле автору «экстракта» ожидавшихся им служебных успехов.

В настоящем издании «экстракт» воспроизводится с авторизованной копии, представленной самим Свечиным гр. П. И. Панину. О полк. Свечине и его участии в защите Казани от Пугачева см. у Дубровина: «Пугачев и его сообщники», т. III, стр. 82 — 83.

2. Для правильного понимания «доношения» Похвистнева Панину необходимо иметь в виду, что у воеводы, покинувшего вверенный ему город перед приходом пугачевцев, было, конечно, желание хотя чем-нибудь оправдать себя в глазах всесильного диктатора.

Копию рапорта Похвистнева на имя воронежского губернатора Алексея Мих. Маслова от 24 сентября 1772 г. с описанием эпизода, упомянутого в «доношении» Панину, см. — П. А., кн. VI, лл. 222 — 223.

4. Воецкой не был одинок в своих приемах управления экономическими крестьянами, — за ним виднеются другие подобные фигуры: ср. дело по «доношению» крестьян «экономического» села Воскресенского, Кирельское тож, «на казначея подпоручика Врасского в жестоком и напрасном бою их плетьми здесь в городе и в сборе, сверх указных поборов, по двадцати копеек с души». (Дело было препровождено казанским губернатором кн. Мещерским на «рассмотрение и определение решительное» к гр. П. И. Панину при рапорте от 11 апреля 1775 г., а Врасский арестован — П. А., кн. IX, л. 321).

5. В связи с документами, напечатанными в настоящем томе под №№ 4 и 5, нужно вообще сказать, что изучение истории Генерального Межевания в 60 и 70 годах XVIII-го столетия, а также политики государства и дворянства в отношении экономических крестьян и секуляризованных земельных владений церкви представляется одним из необходимых условий понимания Пугачевщины.

6. Следует обратить внимание на то, что прошения, публикуемые в настоящем томе под №№ 5 и 6, писаны одною рукою.

8. См. указ Сената Панину от 5 марта 1775 г., с извещением, что соответствующий запрос об охране лесов послан оренбургскому губернатору, и Берг-Коллегия уведомлена, — в П. А., кн. II, л. 278.

9. Челябинск был главным городом плодородной Исецкой провинции, снабжавшей своим хлебом и фуражем многие районы и, в частности, крепости Оренбургской и Сибирской линий. Не объясняется ли усиленная деятельность пугачевцев под Челябинском в первый период Пугачевщины отчасти именно «продовольственным» значением этого района, особенно в условиях недорода 1773 г., и не в этом ли кроется разгадка одного из главных побуждений, приковавших к Челябинску на долгий срок генерала де-Колонга. Напомним, что за задержку под Челябинском по адресу де-Колонга было высказано немало упреков, как современниками, так и рядом исследователей.

10. О «мерах правительства к предотвращению голода в разоренных губерниях» см. у Дубровина, op. cit., т. III, стр. 320 — 323.

11. Заслуживает быть особо отмеченным факт распространенности земледельческого хозяйства у башкиров, населявших Исецкую провинцию.

12. Если объединить свидетельства современников относительно неурожая и голода 1774 г. во внутренних русских губерниях, содержащиеся в целом ряде документов настоящего тома «Пугачевщины», окажется возможным предположить, что продовольственные затруднения должны быть названы в числе причин, помешавших движению Пугачева, как в центральные губернии, так и на Дон (ср. также доклад профессора А. Н. Филиппова: «Москва и Пугачев в июле и августе 1774 г.», напечатанный в т. V «Трудов Общества изучения Казакстана», стр. 51 — 52).

Относительно «рапорта» Сулина Панину необходимо сказать, что в некоторых своих частях при ясности мысли он синтаксически ужасен. Документы подобного характера — а их немало в трех томах «Пугачевщины», — представляют всегда большие трудности при попытках пунктуации, которая облегчала бы хоть сколько-нибудь понимание таких документов.

28. «Ведомость», о которой говорит Мещерский в своем рапорте Панину, печатается вслед за его рапортом (под № 29).

31. Ив. Логинов — один из самых видных участников яицкого казачьего бунта 1772 г.

В «экстракте» из показаний колодников, отправленном в Тайную Экспедицию оренбургским губернатором и начальником местной Секретной Комиссии И. А. Рейнсдорпом при рапорте от 5 июля 1774 г., содержится, между прочим, в извлечении показание пугачевца Григ. Логинова,

сына упомянутого ссыльного яицкого казачьего старшины Ив. Логинова. На допросе Григорий говорил и об отце (Г. А., р. VI, д. 508, ч. III, лл. 375 — 380).

32. Печатается, повидимому, с подлинника. Наблюдения показывают, что в процессе следствия «допросные речи» пугачевцев иногда либо скреплялись подписью члена Секретной комиссии, даже какого-нибудь случайного лица (например, из числа конвойной команды), либо вовсе оставались неоформленными. При отсутствии прямых данных решение вопроса о подлинности соответствующих документов зависит в таких случаях от тех или иных косвенных соображений, что, конечно, не может не подрывать надлежащей уверенности.

Допрос М. Гр. Шигаева от 8 мая 1774 г. содержится в копии в Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, лл. 11 — 42. «Пополнительный» допрос его же от 4 июня (повидимому, подлинник) см. — Г. А., р. VI, д. 506, лл. 130 — 135. Показание Шигаева в Тайной Экспедиции (не от 17-го ли ноября 1774 г.?) см. — Г. А., р. VI, д. 512, лл. 254 — 255. Ср. еще №№ 65 и 67 настоящего тома.

Показанием М. Гр. Шигаева, как и «допросными речами» многих других видных пугачевцев, обильно пользовался в своем труде Н. Ф. Дубровин; соответствующих ссылок не дается в «Примечаниях» в дальнейшем, в виду возможности справок по «Алфавитному указателю имен», приложенному к каждому из трех томов сочинения Дубровина.

33. Копию допроса И. Я. Почиталина от 8 мая 1774 г. см. — Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, лл. 56 — 80. Дополнительное его показание в Тайной Экспедиции (не от 17-го ли ноября 1774 г.?) в Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 267 — 268.

34. Копию допроса М. Д. Горшкова от 8 мая 1774 г. см. — Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, лл. 81 — 93. Вариант показания Горшкова см. еще в Г. А., р. VI, д. 421.

35. Печатается, повидимому, с подлинника. Следует заметить, что на обложке, в которой заключено все дело 506 из состава р. VI Г. А., почерком того времени надписано, что в деле содержатся допросы сообщников Пугачева, «а с иных и копии», из числа тех, что производились в Казанской Секретной Комиссии и отданы к «следствию о злодее Пугачеве» П. С. Потемкиным; на некоторых документах д. 506, содержащих записи «допросных речей», действительно имеется помета: «копия». Копию показания Ден. Пьянова см. в Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, лл. 94 — 97.

В «экстракте» о 230 колодниках, подписанном всеми членами Оренбургской Секретной Комиссии (Лупиным, Мавриным и Зряховым), перечислены «преступления», между прочим, и ряда пугачевцев, допросы которых печатаются в настоящем томе (именно: Д. Пьянова, М. Г. Шигаева, И. И. Пономарева-Самодурова, Ив. Харчева, Устиньи Кузнецовой, Марьи Шелудяковой, М. Д. Горшкова, Т. И. Подурова). В этом «экстракте» под фамилией Пьянова (№ 1) читаем резолюцию, писаную рукою едва ли не Ил. Зряхова и воспроизводимую здесь в точности: «Онаго Пьянаго содержать под крепким караулом и не зделать съ ним никакого рѣшенія, понеже они будут взяты в Секретную Комисію въ Казань». Это «они» относится, повидимому, ко всей той группе колодников, которым действительно пришлось побывать потом в Казани, а частию даже и в Москве; вот почему при их фамилиях резолюций уже нет (Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, лл. 172 — 195).

37. В виду существенных разноречий между показанием И. И. Пономарева-Самодурова и свидетельствами других колодников, Пономарев-Самодуров был допрошен еще раз Оренбургской Секретной Комиссией и на вторичном допросе заявил, что его первоначальные утверждения относительно пребывания Пугачева и Чики на Камыш-Самаре — совершенная ложь. О самозванце он услыхал впервые лишь незадолго до его открытого появления под Яицким городком. Солгал же он, Иван, на первом допросе в Секретной Комиссии потому, что аналогичные вымыслы были им уже допущены на допросе в Оренбургской Губернской Экспедиции, и он

надеялся, что решение о нем вынесут «без дальнего исследования», а людей, ведь, на кого он показал, «в лицах нет». В Экспедиции же пришлось ему вымыслить всё, «избывая побой», так как допрашивавший его губернатор не удовольствовался его отрицательным ответом, будто он, беглый, и не видал Пугачева (изложенный допрос И. И. Пономарева-Самодурова происходил 27 июня 1774 г., см. — Г. А. р. VI, д. 506. лл. 327 — 328).

Копия «допросных речей» Пономарева-Самодурова в Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, лл. 98 — 104.

38. Печатается, повидимому, с подлинника. Дополнительное показание К. Т. Кочурова в Тайной Экспедиции (не 17-го ли ноября 1774 г.?) — Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, л. 263.

39. 26 августа 1774 г. Ив. Харчеву была дана Оренбургской Секретной Комиссией очная ставка с яицким казаком Вас. Плотниковым; запись «допросных речей», говоренных на очной ставке Харчевым, см. — Г. А., р. VI, д. 506, лл. 290 — 291. Дополнительное показание Харчева в Тайной Экспедиции (не 17-го ли ноября 1774 г.?) — Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 264 — 266.

40. Печатается, повидимому, с подлинника. Дополнительное показание Ил. Ульянова в Тайной Экспедиции (не 17-го ли ноября 1774 г.?) — Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 269 — 271.

41. Печатается, повидимому, с подлинника. В Г. А., р. VI, д. 422 имеются две черновых записи допроса Чики, именно, той его основной части, которая опущена при печатании. Обе записи изобилуют вставками, исправлениями и переделками. Одна из них (на лл. 17 — 24 указанного дела) содержит перед текстом надпись: «1 допрос», на другой (лл. 25—32) аналогично — «2 . . . . . » (два слова не разобрано). При первом допросе в левой колонне даны: а) «пополнения» к нему из второго допроса, с рядом последующих исправлений, б) ряд оговорок и замечаний, сделанных едва ли не рукою Ил. Зряхова. Экземпляр показания Чики в д. 506, р. VI, Г. А. имел своим оригиналом, повидимому, «1 допрос».

Показание Чики в Тайной Экспедиции (не 17-го ли ноября 1774 г.?) — Г. А., р. VI, д. 512, ч. 1, лл. 258 — 260.

43. Печатается, по всей вероятности, с оригинала. Извлечение из показания Ф. И. Лыкина см. в «Экстракте» о 119 колодниках — Г. А., р. VI, д. 507, ч. IV, лл. 432 — 435; о нем же — в «Списке содержащимся в Секретной Комиссии колодникам всем» (Г. А., р. VI, д. 507, ч. V, л. 2). Ср. показания яицких казаков Ф. И. Лыкина и Ф. Кузнецова-Маханова.

Чрезвычайно характерно, что яицкие казаки, куда бы судьба ни закинула их, откликались на Пугачевщину, — и из Сибири, и с Кавказа (ср. №№ 31, 43 и 50 в настоящем томе).

44. Первоначальный допрос И. А. Творогову, совместно с Ф. Ф. Чумаковым, был сделан в Яицком городке Саввой Мавриным 14 сентября 1774 г., сейчас же по приезде их с известием, что казаки ведут «злодея» с целью выдать власти (подлинник этого допроса — Г. А., р. VI, д. 506, лл. 392 — 397, копии его — Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, лл. 4—13 и Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 9 — 12). 27 октября 1774 г. Творогов был допрошен один в «присутствии» Казанской Секретной Комиссии. Это казанское показание Творогова и печатается с официальной копии (подлинник см. — Г. А., р. VI, д. 506, лл. 377 — 391). Допрашивали Творогова (не 17-го ли ноября 1774 г.?) и в Тайной Экспедиции (допрос этот в Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 281 — 299; следом за ним в том же деле — допрос Ф. Чумакова). №№ 44, 45, 46, 47, 52, 53, 55 и 73 в этом томе печатаются с копий, почти совершенно идентичных с подлинными записями соответствующих «допросных речей».

45. Подлинник допроса Григ. Забродина см. — Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, л. 286.

46. Подлинник допроса Ив. Изюмова см. — Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, лл. 312 — 314.

47. Подлинник допроса Ос. Баннова см. — Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, лл. 315 — 318.

48. Печатается, повидимому, с подлинника.

49. Печатается, повидимому, с подлинника; копию показания С. Кожевникова см. — Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, лл. 46 — 47.

Показания Фофанова и Кожевникова (№№ 48 и 49), в сопоставлении с № 44 и некоторыми другими документами настоящего тома (например, №№ 32 и 34), дают возможность как для установления факта розни в рядах яицких казаков во время обоих заговоров их против Пугачева, так и для анализа влияния этих социальных противоречий в весеннем и осеннем поражениях Пугачева.

52. Подлинник «допросных речей» А. Кожевникова — в Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, лл. 289 — 290; очень коротенькое извлечение из них см. — Г. А., р. VI, д. 508, ч. III, л. 448.

53. Подлинник показания Щучкиных см. — Г. А., р. VI, д. 505, 2 нумерация, лл. 291 — 292.

55. Подлинник показания Ив. Ефремычева см. — Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, л. 253.

56. О судьбе пугачевцев, отбывавших наказание в Коле, имеется статья М. Мартынова: «Пугачевцы в ссылке на Севере» («Борьба классов» 1924, № 1 — 2).

58. Печатается, повидимому, с подлинника. Допрос Л. И. Худякова происходил в Тайной Экспедиции 2 декабря 1774 г. (Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, л. 418).

В свете показаний Худякова (№ 58), Карася (№ 59), Подурова (№ 60) и ряда других данных находит себе объяснение тот факт, почему Пугачев, человек с военными отличиями, хорунжий Войска Донского, самостоятельный хуторянин и торговец, явившись на Яик, выступал там, как богатый купец, неизменно обращаясь всё к «добрым», «хорошим» экономически-крепким «старикам» с войсковой стороны.

59. Печатается та самая «выписка», которую препроводил генерал-прокурор кн. А. А. Вяземский к кн. М. Н. Волконскому при письме от 5 декабря 1774 г., где он сообщал о высочайшем повелении произвести Пугачеву дополнительный допрос по поводу показаний Карася (Г. А., р. VI, д. 512, ч. III, л. 35). Ответ Волконского об этом допросе, состоявшемся 11 декабря (Пугачев на допросе отрицал свою поездку в Котловку за товарами), см. — Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, л. 423.

Извлечение из «допросных речей» Карася — в Г. А., р. VI, 507, ч. IV, лл. 329—334. Дело о Карасе и, в частности, его показание хранятся в Г. А., р. VI, д. 467.

«Выписка» из показания Карася частично известна в печати по статье М. Н. Покровского в вып. XII-м «Вестника Коммунистической Академии» за 1925 г.

60. Копию показания Т. И. Подурова см. — Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, лл. 98 — 104. Подтвердительные собственноручные подписки Подурова и М. Д. Горшкова, данные ими в Тайной Экспедиции (не 17-го ли ноября 1774 г.?), в том, что они, прослушав свои «допросные речи», утверждаются во всем на своих прежних показаниях в Оренбургской Секретной Комиссии, см. — Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, л. 314.

В показании Т. Подурова, как и во многих других документах настоящего тома, содержится, между прочим, материал для пересмотра вопроса о личности Пугачева и той действительно крупной роли, какую играл он сам в возглавлявшемся им народном движении.

61. В связи с указанием подпор. Иванова, что Пугачев разрешил «черни» самой расправляться с помещиками, которые к ней «немилостивы были», следует отметить и обратные факты. Пугачев и его ближайшие сподвижники неоднократно выказывали себя противниками дезорганизованности и анархических выступлений на местах.

Как известно, в Саранске Пугачев был встречен не только всем народом, но начальником местной инвалидной команды Шихмаметевым и даже архимандритом Петровского монастыря Александром.

Следует заметить, что для правительства, самой императрицы и власти вообще были особенно неприятны факты участия в Пугачевщине или хотя бы только причастности к ней как отдельных лиц, так особенно целых групп и слоев общества, которых нельзя было подвести под наименование «подлой черни».

Судя по П. А., кн. V, *лл.* 109 — 110, показание Заварзина печатается здесь с подлинника, представленного К. Муффелем кн. П. М. Голицыну при рапорте от 11 августа 1774 г.

63. Прапорщик И. Г. Юматов занял в Петровске по назначению Пугачева место бежавшего воеводы Зимнинского. После Юматова воеводская вакансия была замещена нескоро (см. П. А. кн. II, *л.* 90).

64. Показание Як. Почиталина в Тайной Экспедиции (не 17-го ли ноября 1774 г.?) о первоначальных действиях мятежников с Пугачевым — в Г. А., р. VI, *д.* 512, ч. I, *л.* 253.

Ср. «допросные речи» в Оренбургской Секретной Комиссии 24 августа 1774 г. яицкого казака Вас. Плотникова и его очную ставку с Почиталиным на следующий день там же (Г. А., р. VI, *д.* 506, *лл.* 269 — 289).

Как показывает печатаемый отрывок из «допросных речей» Почиталина-отца, а также и ряд других документов первого и второго томов «Пугачевщины», Пугачев и его ближайшие сподвижники были противниками и дворянского землевладения, и дворянского хозяйства; ясно обозначившуюся с середины XVIII в. тягу дворянства к земле и к усиленному ее использованию, особенно со стороны «знатных господ», «больших бояр», вожди Пугачевщины воспринимали как основную социальную опасность, ради борьбы с которой они, главным образом, и поднялись. В Пугачевщине, повидимому, нужно различать несколько программ, в разной мере оформившихся и заостренных, поскольку они проступали порой с заметной отчетливостью в процессе развития движения.

65. Печатается, повидимому, с подлинника.

В связи с свидетельством Шигаева, что Пугачев, разговаривая с ним однажды, был пьян, не будет лишним напомнить о показаниях другого порядка, частью помещенных в настоящем томе, которые, наоборот, позволяют предполагать у Пугачева определенную выдержку в отношении алкогольных напитков.

66. Печатается, повидимому, с подлинника. Копию показания Устиньи Кузнецовой см.—Г. А., р. VI, *д.* 508, ч. II, *лл.* 148—153. Судя по копии, допрос Устиньи происходил в Оренбургской Секретной Комиссии 12 мая 1774 г.

Показание Устиньи частично использовано Дубровиным, op. cit., т. II, стр. 277 — 285. Дополнительное показание Устиньи, с подробным перечислением «присланного к ней в разные времена извергом Пугачевым имения», см. — Г. А., р. VI, *д.* 506, *лл.* 415 — 416; дополнительное показание Устиньи отчасти изложено Дубровиным, op. cit., т. II, стр. 283.

67. Печатается, повидимому, с подлинника. Тайная Экспедиция определила 11 марта 1775 г. освободить Сем. Шелудякова с женой его Марьей от ссылки на поселение и отдать по-прежнему в Уральское Казачье Войско, учитывая то, что он, Семен, при атаке пугачевцами «Уральской крепости» оказывал верность; да к тому же и войсковой атаман Мартемьян Бородин «особливо о его верности засвидетельствовал» (Г. А., р. VI, *д.* 512, ч. III, *лл.* 264—265). Нужно вообще подчеркнуть, что отзывы Бородина сыграли большую роль в решениях относительно судьбы яицких казаков, принимавших участие в Пугачевщине (ср. Г. А., р. VI, *д.* 505, 2-я нумерация, *л.* 361).

Как показывает допрос М. П. Шелудяковой, Кузнецовы социально были далеки от той среды и от того тона, какие господствовали в кругу приближенных Пугачева. Недаром брак с Устиньей вызвал столько недобрых толков (ср. документы под №№ 33, 34, 44 и другие).

68. Печатается, повидимому, с подлинника. В Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, л. 239 — см. начало «экстракта» из показания самого подпор. Ф. Минеева.

В доношении Уржумской Воеводск. канцелярии в Казанскую Губ. канцелярию от 4 сент. 1774 г. Лукьян именуется Л. Голышевым (Г. А., р. VI, д. 467, ч. V, отд. 371; здесь же на л. 12 расписка капитана Дм. Минеева от 24 окт. 1774 г. во взятии Лукьяна на руки).

70. «Списки по сортам» на пугачевцев были составлены в Царицыне комендантом Цыплетевым, в силу предложения гр. П. И. Панина, и при письме от 5 ноября 1774 г. были препровождены последним в Казань «на решение» к П. С. Потемкину, как имевшему «председание» в Секретной Комиссии (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 187 — 225).

Казанская Секретная Комиссия не удовольствовалась полученными списками. Исходя из того, что в списках «преступления.... описаны экстрактом только», и притом «злодеи» не признались, несмотря на «жестокие пристрастные допросы», Комиссия потребовала от Цыплетева «вывести речи доносителей, свидетелей и ответчиков обстоятельно и достоверно, поелику дела преступников криминальны и стоят жизни, и прислать оные или же и самих преступников в Секретную Комиссию на решение, с ясным описанием изобличений о злодействах, ими произведенных» (ibid.).

71. Указом от 8 ноября 1774 г. Казанская Секретная Комиссия предложила царицынскому коменданту Цыплетеву отправить в Москву к «следствию о злодее Пугачеве» Салманова и дворянина Чебышева, лишь только он получит соответствующее распоряжение от гр. П. И. Панина, которому «главный начальник» Комиссии П. С. Потемкин уже писал (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, л. 225).

«Допросные речи» А. М. Салманова печатаются с официальной копии; подлинного экземпляра не было в нашем распоряжении.

Относительно саратовских купцов Кобякова и Протопопова не лишни следующие данные. Кн. М. Н. Волконский писал 18 ноября 1774 г. генерал-прокурору кн. А. А. Вяземскому, что на допросе в Тайной Экспедиции (показа ие Кобякова см. — Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 170 — 176, показание Протопопова — ibid., лл. 180 — 186) Кобяков и Протопопов указали на оговор их саратовским комендантом И. К. Бошняком по его злобе на них за подачу ими неоднократно жалоб на него в Сенат; Волконский просил сообщить, были ли таковые в действительности (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, л. 365). По справкам оказалось, что названными двумя купцами никаких жалоб на Бошняка не подавалось в Сенат (ibid., лл. 366 — 367). Посылая Волконскому 5 декабря 1774 г. «выписку из показаний» Кобякова и Протопопова, Вяземский высказывался в том смысле, что купцы упорствуют в признании, желая избежать наказания (Г. А., р. VI, д. 512, ч. III, лл. 43 — 45).

72. И. С. Трофимов, выступавший в Пугачевщину под псевдонимом Дубровского, — одна из крупных фигур последнего периода движения. Бойкому, уверенному перу этого бывалого человека принадлежит ряд манифестов и указов, напечатанных в томе первом настоящего издания; о некоторых других его произведениях подобного рода, до нас, повидимому, не дошедших, упоминают документы второго тома «Пугачевщины». Трофимову-Дубровскому допрос производился, повидимому, в Царицыне. Из донесения П. С. Потемкина императрице от 10 ноября 1774 г. видно, что секретарь Пугачевской Коллегии умер в Саратове, будучи не довезен до Казани. Раздосадованный Потемкин послал царицынскому коменданту Цыплетеву 8 ноября 1774 г. запрос из Секретной Комиссии, требуя сообщить, отчего умер Дубровский, и почему его так долго не присылали в Комиссию (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 145 и 180).

73. Список казаков, пойманных вместе с Афан. Перфильевым, см. в П. А., кн. VI, л. 470; помимо казаков, в этом списке двое «работных людей». Вместе с Перфильевым Пустобаев был доставлен Саввой Мавриным в распоряжение Тайной Экспедиции в Москву, в числе 13-ти «колодников», «список» которых см. в Г. А., р. VI, д. 512 ч. II, л. 187.

Подлинник «допросных речей» П. А. Пустобаева см. Г. А., р. VI, д. 505, 2-я нумерация, лл. 304 — 308. Дополнительное показание Пустобаева в Тайной Экспедиции (не 17-го ли ноября 1774 г.?) в Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 272 — 274.

74. С показанием Пугачева в Тайной Экспедиции 5 декабря 1774 г. не лишне поставить в связь следующую записку импер. Екатерины: «Буде никак от злодея самого или сообщников его узнать не можно, кто выдумал самозванство Пугачева, то хотя бы и сие у него точно выведать можно было, когда в него мысль сия поселилась, и от которого времени он имя сие на себя принял, и с кем во-первых о сем у него речь была» (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, л. 382). Преобладающий интерес императрицы к самозванчеству влиял заметно на все направление следствия о Пугачеве.

Пугачева, после его выдачи казаками, допрашивали неоднократно и притом в разных местах. 16 сентября 1774 г. Савва Маврин допрашивал Пугачева в Яицком городке (подлинник этого допроса см. Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 100—139; копии его — а) ibid., лл. 67—99, б) Г. А., р. VI, д. 506, лл. 422—472). В течение четырех дней, с 3-го по 6-ое октября, длился допрос «злодею» в Симбирске, в присутствии гр. П. И. Панина и П. С. Потемкина (подлинник этого допроса см.—Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 47—66; черновик (?) его—Г. А., р. VI, д. 506, лл. 478 б —494; копия—Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 15—25). 4 ноября 1774 г. начался допрос Пугачева в Москве, на Новом Монетном Дворе, в «присутствии» Тайной Экспедиции; допрос производился известным обер-секретарем Сената Степ. Шешковским и занял почти десять дней (подлинник допроса, писаный, повидимому, рукою Шешковского, см.— Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 228—356; копия его—Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 38—91+100—120). Кн. М. Н. Волконский, возглавлявший московское «присутствие» Тайной Экспедиции Сената (петербургское одновременно возглавлялось ген-прокурором кн. А. А. Вяземским), доносил императрице 13 ноября 1774 г. (по другим данным, 14 ноября, — Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, л. 200), что допрос Пугачева закончен, и он «теперь... упражняться будет в своде с злодеевым показанием разней, происшедших в показаниях его сообщников» (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 226 — 227).

Уже 15 ноября 1774 г. в Тайной Экспедиции происходил допрос Пугачева относительно Голева, Торпова и некоторых других его сообщников (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 410—420, а также в том же фонде д. 512, ч. I, лл. 206—207). На следующий день Пугачева допрашивали в Тайной Экспедиции относительно Гринева и рассылавшихся «злодейских манифестов» (Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, л. 219). 17 ноября Пугачев давал показание в Тайной Экспедиции относительно серебряных медалей, розданных им, как знаки отличия, в своей «толпе», а также и о депутате в Уложенную Комиссию от Астраханского казачьего полка Горском (Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 222—225). 18 ноября Пугачев был подвергнут в Тайной Экспедиции допросу о малороссиянине Коровке и его отношениях к нему (Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 344—349 и того же дела ч. II, лл. 359—364). Есть еще одно недатированное показание Пугачева о событиях перед началом открытого мятежа (Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 394—398). Наконец, 28 ноября 1774 г. Пугачева допрашивали в Тайной Экспедиции относительно приписывавшегося ему письма к иргизскому раскольничьему игумену Филарету (это письмо в копии см. Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 372—373) и по ряду других вопросов (Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 391—392 и того же дела ч. II, лл. 403—404). В тот же день, 28 ноября, Волконский доносил императрице, что «злодея Пугачева и пополнительный допрос окончен» (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, л. 405. «Разноречия злодея Пугачева против первого допроса, им ныне показанные», см.— ibid., лл. 374—381).

Но уже 1 декабря Волконский уведомлял Екатерину, что общий экстракт обо всех «колодниках», с Пугачевым во главе, задерживается, в виду необходимости сличения с «допросными речами», привезенными

П. С. Потемкиным 30 ноября из Казани (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, л. 409). 2 декабря 1774 г. в «присутствие» Тайной Экспедиции Пугачев был введен вновь, и сначала его допросили относительно сына повешенного им Илецкого атамана Лазаря Портнова (Г. А., р. VI, д. 512, ч. I, лл. 436—447), а затем дали очную ставку с крестьянином из Малыковки Вас. Ив. Поповым (ibid., лл. 448—449). 5 декабря в Тайной Экспедиции происходил допрос Пугачева, помещенный под № 74 в настоящем томе. В тот же день из Москвы были отправлены к императрице с П. С. Потемкиным: а) «Записка краткая о злодее Пугачеве», и б) «Выписка» из показаний последнего и его сообщников (отпуск «записки» — Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, 2-я нумерация, лл. 3—24; отпуск «выписки» — ibid., лл. 25—179; препроводительное донесение — ibid., л. 2). Однако, допросы Пугачева не прекратились и после этого. По требованию из С.-Петербурга, 11 декабря 1774 г. Пугачева допрашивали в Тайной Экспедиции относительно Карася (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 424—425 и того же дела ч. III, лл. 39—42), а через два дня там же происходил допрос Пугачева насчет его родни на Дону (Г. А., р. VI, д. 512, ч. III, л. 81).

Показания Пугачева в своей совокупности могли бы одни составить целый том. Печатать их все теперь невозможно, а, при обилии существеннейших разноречий, давать одним предпочтение пред другими нежелательно. «Допросные речи» Пугачева — тема для специальной детальной проработки и особо внимательного анализа. Показания Пугачева в Яицком городке и в Симбирске напечатаны в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» за 1858 г., кн. II. В данном томе под № 74 воспроизводится, повидимому, с подлинника лишь одно из ряда частных показаний Пугачева по отдельным вопросам (ср. еще — Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, 2-я нумерация, лл. 180—181).

76. Ссылку на этот рапорт Себрякова Аршеневскому делает воронежский губернатор Н. Л. Шетнев в письме к ген.-майору Чорбе (см. его под № 79 в настоящем томе).

80. Необходимо иметь в виду, что показание волжского казака И. Б. Черникова (повидимому, из числа зажиточных) относится своими свидетельствами к тому периоду Пугачевщины, когда она быстро и явно шла уже к упадку, главным образом, вследствие многих и глубоких, социальных и национальных, взаимных противоречий среди примкнувших к ней классов и общественных групп. В этот последний период Пугачев с его ближайшими сподвижниками уже не владел всецело, как раньше, поднявшимися народными массами; выступление действительных народных низов, все более активное и притязательное, больше и больше подтачивало союз зажиточных (казака, инородца и крестьянина), социальную основу Пугачевщины, а новая вспышка национальных антагонизмов дополняла общую картину полного неблагополучия в рядах восставших.

82. У донских казаков, также как у яицких, вольнонаемный труд был весьма распространен. В положении наемных работников мы видим на Дону людей самых разнообразных местностей, выходцев из различных общественных слоев. Вот к примеру еще один случай — П. А., кн. X, л. 310.

85. В опущенных при печатании §§ 7—10 «экстракта», с одной стороны, говорится об успехах Пугачева («злодеями» заняты крепости: Рассыпная, Нижнеозерная, Татищева, Пречистенская, Воздвиженская, Сорочинская, Тоцкая, Сакмарский казачий городок; предстоит вступление «злодеев» в Борскую крепость; «первые от Оренбурга три татарские деревни приклонились к изменнической толпе»), а, с другой стороны, содержатся подробности о военных мероприятиях, осуществлявшихся в октябре 1773 г. Казанским губернатором фон-Брантом (на границе Казанской губернии, от Мензелинска до Черемшанской крепости, расставлено «для прикрытия жителей в пристойных местах» до 700 вооруженных

«отставных поселенных»; «по диспозиции губернаторской... следуют к Оренбургу» две команды, по 600 человек каждая: одна из Казани под начальством пример-майора фон-Варнстеда при пяти пушках — по Новомосковской дороге с наступательными целями; другая, сборная, из Симбирска, Ставрополя и Самары под начальством Симбирского коменданта Чернышева — «для преследования и разбития, когда злодейская толпа, опрокинувшись, побежит в степь»).

90. Упоминаемый Калиевым «башкирец Бахтияр» — в действительности мещеряк Бахтияр Канкаев.

92. Тревожный тон письма Рейнсдорпа станет вполне понятным, если вспомнить, что как раз 2 августа 1774 г. де-Колонг извещал комендантов крепостей Сибирской пограничной линии о предположенном отбытии своем «в места своего постоянного пребывания» (Дмитриев-Мамонов, op. cit., стр. 123), а еще ранее началась частичная переброска в Сибирь войсковых частей Сибирского корпуса, действовавших против мятежников в Оренбургских пределах. Однако, де-Колонгу удалось попасть в Омск лишь в первых числах октября (ibid., л. 131).

Усиление враждебной активности со стороны инородцев во второй половине лета 1774 г., повидимому, должно быть поставлено в связь с перемещением на правый берег за Волгу центра боевых действий после событий под Казанью. Чрезвычайно характерно, что после яркой вспышки заволжского инородческого движения в апреле, мае и частью в июне 1774 г. Пугачев действует после переправы через Волгу уже без помощи этого движения.

96. Рапорт Скалона гр. П. И. Панину от 9 октября 1774 г. цитировался Дмитриевым-Мамоновым, но, правда, с значительными отступлениями от текста оригинала и ошибочной датировкой рапорта 2 октября 1774 г. (op. cit., стр. 130).

100. В показании Салавата Юлаева содержатся далеко неполные сведения об участии в движении этого видного пугачевца из среды башкирской знати. Один из самых неугомонных и мятежных вождей инородческого восстания, Салават так и остался внутренно несломленным и, видимо, многое сознательно скрывал на допросах.

В донесении императрице от 10 ноября 1774 г. П. С. Потемкин, сообщая о некоторых своих мероприятиях к свертыванию работы Секретной Комиссии (в Комиссии останутся лишь гвардии-подпоручик Горчаков, да «прилежной и расторопной человек» секретарь Зряхов, и то больше для «надзирания над поступками раскольников, яд которых, как кажется, не вовсе истреблен»; с тою же целью «надзирания над раскольниками» решено отправить в Малыковку Державина), вместе с тем, указывал, что к нему явилось с повиновением до двухсот башкирских старшин, и «ныне известных башкирских бунтовщиков осталось только шесть человек, и именно: Кинза, Салават, Каранай, Кюркей, Хникей и Илчигул» (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, лл. 183—186).

Башкирский старшина Кулей Балтачев, будучи спрошен 4 марта 1775 г. о Салавате в Тайной Экспедиции, сказал, «что тот Салават в допросе своем не показал следующего, происшедшего от него злодейства»: 1) Салават «с бывшею под его предводительством, тысячах в пяти, толпою учинил нападение на крепость Осу, которую и захватили»; 2) в числе прочих разорений Салават и «его, Балтачева, дом совсем разорил и выжег»; 3) уже по поимке Пугачева и обращении всех башкирских селений к «повиновению», «и тогда оный Салават от произведения своего злодейства не отстал, а, набрав подобных себе бездельников, чинил разорения, столь громкие, что имя его, Салавата, в тамошних местах везде слышно было; а посему для поимки его и посыланы были военные команды, с которыми он неоднократно сражался». «Увещанный» Балтачевым, Салават признался и в этих злодеяниях (Г. А., р. VI, д. 427, лл. 31—32).

Отец Салавата, Юлай, Азналихов сын, показал о себе 25 февраля 1775 г. Шешковскому в Тайной Экспедиции: 45 ему лет. Жительствует он

в дер. Юлаевой на Большой Сибирской дороге. Оренбургский губернатор Рейнсдорп произвел его в старшины над окрестным башкирским населением. Он участвовал в походах на калмыков и в Польшу, имея оба раза под командой 300 башкир; общее командование над 3-тысячным башкирским отрядом в польском походе принадлежало Кулею Балтачеву. Поводов к «негодованию» на власть у него, Юлая, собственно, не было; и он, и «соседственные ему жители» «жили спокойно». Вот только до сих пор остается почему-то нерешенным дело по его, Юлаевой, жалобе на заводчика Твердышева «в отнятии им у него, Юлая, собственной его земли и в застроении оной двумя деревнями под свой Симиіской [*sic*] завод»; но и по этому делу он, Юлай, не сомневался в «истинном в праведной его просьбе удовольствии». Когда Пугачев приблизился к их жилищам, в это время он, Юлай, как и остальные башкирцы «в летнее время», жил не в деревне, а «со всем своим имением в кочевьях, в лесах и горах». Завод Твердышева и деревни, построенные заводчиком на его, Юлаевой, земле, сожжены не по указанию его, Юлая. Правда, Пугачевым он «был посылан с прочими старшинами для разорения и пожегу селениев и заводов», но это случилось вопреки его желанию; лично зла он, Юлай, не чинил и через короткое время по ходатайству «своих башкирцов», им же подговоренных, перед Пугачевым был оставлен по-прежнему старшиною в своем «селении». Когда позднее он, в числе прочих башкирских старшин, отправился к Тимашеву для принесения «покаяния» и был там задержан, дом и все имение его («50 лошадей, и коров и мелкого скота немалое число», около 700 рублей деньгами), как он узнал, были разграблены отрядом Аршеневского, а две жены и 9-летний сын забраны в плен. Свое показание Юлай закончил указанием, что он никогда «ни в каких пороках, штрафах и наказаниях ни за что не бывал» (ibid., *лл.* 17—22).

Упомянутый башкирский старшина Кулей Балтачев дал в Тайной Экспедиции об Юлае отзыв, как о человеке «добропорядочном», который «в злодействе им примечен не был» (ibid., *л.* 31).

О Салавате и отце его Юлае Тайная Экспедиция вынесла 16 марта 1775 г. следующее «определение», «аппробованное» затем императрицей: о Салавате — «наказать его во всех тех башкирских селениях, где от него злодейства и убивства происходили, кнутом и, наконец, в последнем из оных селений, вырвав ноздри и поставя знаки: вор и убийца, послать для употребления в тяжкую каторжную работу вечно в Рогервик»; об Юлае — если подтвердится, что взят в «злодейскую толпу» силою, злодеяний не чинил и сам явился с повинной, то освободить от всякого наказания, взяв по нем «поручительство верное»; в обратном случае предоставить оренбургскому губернатору право наказать его, Юлая, «равняясь преступлениям его и тамошним ныне обстоятельствам» (ibid., *лл.* 36—39).

Все подробности о судьбе Юлая и Салавата с момента их пересылки из Москвы в распоряжение оренбургского губернатора см.— Г. А., р. VI, д. 593, *лл.* 290—395. Здесь, в частности, на *лл.* 315—317 записаны «допросные речи» Салавата (от 5 мая 1775 г.), отличающиеся рядом новых показаний в сравнении с текстом № 100. «Мнение» Уфимской Провинциальной Канцелярии (от 6 июля 1775 г.) о том, чтобы применить к Салавату и к Юлаю то самое наказание, какое Тайная Экспедиция Сената и императрица узаконили для одного Салавата, см.—ibid., *лл.* 351—354. 15 июля 1775 г. оренбургский губернатор Рейнсдорп утвердил «мнение» Уфимской Провинциальной Канцелярии (ibid., *лл.* 371—373), а 16 сентября того же года регистратор Третьяков донес ей о точном исполнении приговора над обоими башкирцами (ibid., *л.* 384). Судя по Г. А., р. VI, д. 427, *л.* 17, показание Салавата печатается с подлинной записи, сделанной при допросе его Шешковским 25 февраля 1775 г. в Тайной Экспедиции.

103. Сообщение Дундукова к царицынскому коменданту, о котором упоминает губернатор Кречетников, напечатано с копии в настоящем томе под № 102.

105. Рапорт Рейнсдорпа Панину от 25 июня 1775 г. по ошибке помещен раньше документов, относящихся к 1774 г.

106. Это письмо де-Колонга, повидимому, к Фрейману свидетельствует, что в борьбе с опасным «домашним врагом» приходилось прибегать даже к шифру, в целях охраны военно-политической тайны. Воспроизводимый документ далеко не единственный в этом роде.

108. Печатая в переводе одно из писем Нурали-хана к И. Д. Симонову, должны пояснить, что переписка их в связи с Пугачевщиной была очень оживленной и сохранилась до нас, как в виде подлинных писем, так и в переводах. Этой перепиской, между прочим, очень интересовался В. Г. Короленко, и в его бумагах осталось значительное количество копий, относящихся к ней. В. Г., как стало нам известно от А. Е. Грузинского, не только собирал материалы по заинтересовавшему его движению, но и оставил черновые наброски целой поэмы о Пугачеве.

Оживленно переписываясь с комендантом Яицкого городка, Нурали-хан поддерживал отношения и с восставшими.

111. Документы, напечатанные в настоящем томе под №№ 111 и 112, оба писаны рукою кн. П. С. Мещерского. Письмо от 12 января 1775 г. (наш № 112) было уже опубликовано с другого оригинала В. Корсаковой в «Русской Старине» 1913, кн. XI. К сожалению, издательница допустила ряд существенных недосмотров, приписав, например, это письмо кн. А. М. Голицыну, тогда как в действительности его автором был гр. П. А. Румянцев.

Насколько тревожным признавалось положение на северном Кавказе и в начальные месяцы Пугачевщины, показывают два рапорта — Кизлярского коменданта полк. Штендера в Государственную Коллегию Иностранных Дел от 16 декабря 1773 г. и «находящегося при Едичкульской орде приставом» поручика Павлова на имя ген.-пор. Ив. Федор. де-Медема от 28 ноября того же года (см. Л. А., секр. пов. кн. 11, *лл.* 395 — 396).

113. Отпуск ответа в Пелым см.—Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, *лл.* 28—29.

125. Извлечения из показания А. Ф. Поторочинова см. — а) Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, *лл.* 223—224, б) в том же фонде д. 507, ч. IV, *лл.* 296—298.

126. Извлечение из показания И. Н. Белобородова см.—Г. А., р. VI, д. 507, ч. IV, *лл.* 329—334. В использованном для печати д. 429, кроме подлинника «допросных речей» Белобородова, содержатся еще: а) черновик «объявления» вины при учинении в Казани, перед отправкой в Москву, публичного наказания 100 ударами кнутом (*лл.* 11—12), б) черновой же отпуск «предложения» Казанской Секретной Комиссии к кн. М. П. Волконскому от 11 августа 1774 г. относительно пересылки Белобородова из Казани в Москву для совершения над ним здесь смертной казни отсечением головы, «для устрашения народа, в невежестве поползновения могущего вдаваться» (*л.* 10).

Канзафар Усаев — «мещеряцкий сотник» (Г. А., р. VI, д. 512, ч. II, *л.* 144); его показание в Секретной Комиссии 22 августа 1774 г. см.— Г. А. р. VI, д. 506, *лл.* 535—538.

132. Ср. Дубровина, op. cit., т. III, стр. 56 — 57.

137. В июне 1774 г. Ил. Аристова допрашивали в «присутствии» Казанской Секретной Комиссии; черновик этого допроса — Г. А., р. VI, д. 508. ч. II, *лл.* 201—202. В Казани Аристов говорил уже не то, что в Нижнем Новгороде.

138. Печатается, повидимому, с подлинника. В Г. А., р. VI, д. 508, ч. II, имеется черновик «Экстракта решенным делам по отпискам, из разных мест вступаемым, о содержанных в сих местах важных преступниках», и в этом «экстракте» на *лл.* 395 — 398 под № 3 занесено показание В. Ф. Чернова. Судя по тексту в графе «Конфирмация», можно сделать заключение, что Секретная Комиссия должна была санкционировать в отношении Чернова смертную казнь, уже совершенную распоряжением нижегородского губернатора.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Абакар, башкир, пугачевец 417.
Абдрешит (б. ф.), каргалинский татарин, пугачевец, «сотник» 114.
Аблай-Салтан, один из киргизских владетельных князей 422.
Абрамичев, яицкий казак, пугачевец 138, 140.
Абрамов, Мих., крестьянин, пугачевец 361.
Абызов, солдат, пугачевец, «полковник» 218.
Абышев, Григ., яицкий казак 390, 391.
Аверкиев, Григ. Афан., подпрапорщик Ставропольского батальона 388, 389, 390.
Аверьянов, Петр, горный служитель 357.
Аврамов, Зах., пугачевец 353.
Агапов, Логин, крепостной, пугачевец 193.
Азовский (Азовцев), Федор, яицкий казак, пугачевец 138, 169, 170, 172.
Азятев, Кусяпкул, башкирский старшина 257.
Аигишев (?), капитан, убит пугачевцами в г. Дмитриевске 242.
Аитов, Илжас, яицкий казак, повешен Пугачевым 224, 225.
Айчувак-Салтан, один из киргизских владетельных князей 266, 293, 422, 423.
Акаев, Вас. Ив., крепостной заводский работный человек, пугачевец, «хорунжий» и «полковник» 339, 340 — 342.
Акинфиев, Вас., майор, саранский помещик 392, 401.
Аксенов, Вас., крестьянский староста 414.
Акунеев, «солдатский сын» 137.
Акутин, Ив., яицкий казачий старшина 161.
Акутин, Сем., яицкий казак, «старшинский сын» 391.
Александр, архимандрит Петровского Саранского монастыря, участник встречи Пугачева 446.
Александров, яицкий казак, сотник 177.
Александров, Вас., чуваш, выборный 420.
Александров, Ив., крестьянин с. Котловки 186.
Александров, Ив., экономич. крестьянин 44.
Алексеев, капитан Нижегородского гарнизона 306, 308, 360.
Алексеев, Вас., чуваш, новокрещен, пугачевец 286.
Алексеев, Емел., чуваш, староста 420.
Алексеев, Ив., «работный человек», пугачевец 137.
Алексеев, Илья, солдат Казанского батальона, пугачевец 202.
Алексей (б. ф.), крестьянин из с. Кротовки, пугачевец 139, 140.
Алексей (б. ф.), солдат Казанского батальона, пугачевец 202.
Алексей (б. ф.), фабричный пугачевец 362.
Алексей Степанович (б. ф.) 319.
Аликов, Федор, донской казак, пугачевец 241.
Алкин, Смаил, отставной илецкий казак из татар, владелец мельницы 388.
«**Алтынный глаз**», пугачевец 412.
Алферов, Григ., яицкий казак, пугачевец 176.
Алферов, Ив., яицкий казак, пугачевец 137, 174, 175.
Алферов, Савелий, яицкий казак, пугачевец 228.

Алчабай, Итега, киргизский старшина 294.
Алымов, полковник 243.
Алымов, Никол. Никит., «служитель» гр. И. П. Салтыкова 311, 312.
Аманыч, яицкий казак из татар, пугачевец 132.
Амаров, Вас., яицкий казак, пугачевец 137, 174.
Аметьев, Яслыбай, татарский мулла 267.
Ананьев, яицкий казак, казнен Пугачевым 180.
Ананьевский, Ив., секретарь Канцелярии Опекунства Иностранных 72.
Аваньин, Андр., крестьянин, содкий, пугачевец 360, 361, 362.
Андреев, Григ., отставной подпоручик, ставропольский помещик 421.
Андреев, Мартын, каторжник, пугачевец, «полковник» 205, 207.
Андреев, Никита (он же **Соловьев**), заводский крестьянин, пугачевец 342, 343.
Андреева, Екат. Степан., вдова Гр. Андреева 421.
Анисим (б. ф.), «гренадер», пугачевский атаман (?) 320.
Аничков, Вас., прапорщик 431.
Аничковы, уфимские дворяне 418.
Анна Иоанновна, императрица 273, 332.
Антипов, Як., яицкий казак, пугачевский «полковник», действовал на Воскресенском заводе 134.
Антипьев, яицкий казак 117.
Ануфриев, Мих., священник, «секретный смотритель» 420, 421.
Апраксина, Ирина, вдова подполковника, ставропольская помещица 421.
Арапов, Илья Федор., крепостной, пугачевский атаман в районе Ставрополя и Самары 107, 187, 419.
Арапов, Матвей, отставной переводчик, помещик под Бузулуком 385.
Арасланов, Кинзя, активный пугачевец из башкир, мулла, «главный полковник» 133, 134, 145, 156, 208, 219, 226, 263, 450.
Аристов, Ал-й, канцелярист Саранской воеводской канцелярии 68.
Аристов, Илья Степ., дворянин, сержант, пугачевец, «полковник» 305, 356 — 360, 452.
Артемьев, Григ., крещеный башкир, пугачевец, «начальник» 376.
Артемьев, Леонт., работник протопопа из Яицкого городка 391.
Архаров, Ив., подполковник «С.-Петербургского легиона», участник борьбы с Пугачевщиной 308, 309, 398, 402.
Архипов, Мих. 272.
Архиповы, два брата, пензенские дворяне, были захвачены одной из «злодейских шаек» и потом казнены Михельсоном 214.
Аршеневский, офицер, участник борьбы с Пугачевщиной 451.
Аршеневский, подполк. 279, 449.
Аршеневский, Иона Венедикт., бригадир, комендант Новохоперской крепости 232, 237, 238, 408, 409.
Арыков, Дм., яицкий казак, пугачевец, «хорунжий» 154.
Астраханкин, Ив., яицкий казак, пугачевец 156, 159.
Астренев, капитан, был произведен Пугачевым в атаманы и после повешен 111.
Афанасьев, штык-юнкер, передался Пугачеву под Саратовым 192.
Афанасьев, Ал-ей, отставной губернский секретарь 426.
Афанасьев, Сем., секретарь Симбирской Провинциальной канцелярии (?) 287.
Афанасьев, Сидор, донской казачий станичный атаман 392.
Ахматов, Федот, приказчик на Златоустовском заводе 434.

Бабин, Ал-ей, темниковский купец 308.
Багратион, князь, ген.-майор, был вызван с турецкого фронта для борьбы с Пугачевщиной 60, 63, 243, 403, 405, 406.
Багреев, Тихон, секретарь Сената 43.
Бакалкин, Ив., яицкий казак, пугачевец 156, 157.
Балабанов, Петр, яицкий казак, пугачевец 121.
Балла, Аф., член Канцелярии Опекунства Иностранных 72.
Балтачев, Кулей, башкирский старшина 263, 450, 451.
Бамбур, калмыцкий князь (?) 155.
Баннов, Осип, яицкий казак, пугачевец 166, 167 — 169, 391, 445.
Банческул, поручик гусарского Изюмского полка, погиб в борьбе с Пугачевщиной 339.
Барабашев, Евстаф., регистратор 237.

Баранчиков, Ероф. Андр., донской казачий сын, пугачевец (?) 252.
Баратаев, Андрей, князь, капитан, передался Пугачеву под Саратовом 192, 217, 218, 394.
Бароновский, Федор, отставной канцелярист 405.
Басманов, Ив., прапорщик 395.
Бастрыкова, Анна Мих., вдова отставного вахмистра, ставропольская помещица 421.
Батырь, Кулсара, киргизский старшина 294.
Батырь, М(у)рат, башкирский «командир», пугачевец 221.
Бахметев, воевода в Козьмодемьянске 28.
Бахметев, Григ. Ив., алатырский помещик 397.
Бахметевы, пензенские дворяне 214.
Бахмутов, Идыр (Идорка), из башкир (?), «толмач», видный пугачевец 132, 133, 208, 219, 222, 333.
Бахтияр, Бахтиярка — см. **Канкаев, Бахт.**
Башмаков, колл. ассессор, член «Главного заводов Правления» на Урале 322, 345, 347.
Безгин, Ив., секретарь канцелярии воронежского губернатора 70, 281, 363.
Безщоков, Ив., заводский приписной крестьянин, пугачевец (?) 376.
Бекетов, ген.-поручик, астраханский губернатор 75.
Бекренев, Агап, донской казак, отец П. А. Бекренева 248.
Бекренев, Парф. Агап., донской казак, пугачевец (?) 248, 249—252.
Бекренев, Филат Агап., донской казак, брат П. А. Бекренева 248.
Белавин, Мих., уфимский дворянин 418.
Белобородов, Ив. Наум., оставной солдат, торговец, видный пугачевец, «главный атаман и походный полковник» 108, 322, 325—335, 347, 411, 452.
Белобородова, Ненила Федот., жена И. Н. Белобородова 326, 332.
Белобородовы, Евдокия и Марфа, дочери И. Н. Белобородова 332.
Белов, Кондр., крестьянин, пугачевец 360.
Белорусцев, Пав., заводский служитель 345.
Белорусцев, Савва, сын П. Белорусцева 345.
Беляев, Ив. Сем., «астраханский житель» 292, 423.
Беляев, Купр., яицкий казак 224.
Белянин, Як. Петр., крепостной пугачевец, «хорунжий» 211.
Бердников, заводский писарь, пугачевец 335.
Берлин (Берглин), Юр., заводский управитель, гитен-фервальтер 345.
Беспалов, Андр., крестьянин, пугачевец 361, 362.
Бетентяев, Шафий, казанский татарин, пугачевец 429.
Бибиков, Ал-р Ил., ген.-аншеф, главнокомандующий сил, действовавших против пугачевцев в январе—апреле 1774 г. 43, 258, 347, 376—379, 397, 421, 427, 433.
Бибиков, Вас., полк., «екатеринбургских заводов командир» 56, 58, 79, 261, 289—291, 296, 322, 384, 416, 417.
Бизянов, Петр, яицкий казак, пугачевец 118.
Бикта, татарин, пугачевец 429.
Билдин, Андрей, челябинский казак, пугачевец 412.
Билдин, Сем., исецкий казак, пугачевец 385.
Биликов, майор, «командующий посельщиками» в Чаусском остроге 100.
Бичагов, Ив., симбирский купец, пугачевец 188.
Бобриков, Макс., донской казачий атаман 252.
Богатырев, капитан, участник борьбы с Пугачевщиной 237.
Богданов, воеводский товарищ в Уфе 257.
Богданов, Пав., командир Стерлитамакской пристани 277.
Болдырев, Петр, отставной яицкий казак 175.
Болотов, писчик 352.
Борисов, Ал-ей, соликамский воевода 433.
Борисов, Ив., «злодейский есаул» 193.
Борисов, Степ., мордвин-новокрещен, сотник 50, 51.
Боровинский, Ив. Андр., челябинский купец, выполнял крупные хлебные поставки для казны 85.
Бородин, «походный атаман» над яицкими казаками, отбывавшими службу в Кизляре 172.
Бородин (Шара), Андрей, «дворовый человек из башкир» Мартем. Бородина, пугачевец 387.

Бородин, Андрей, яицкий казак, из старшинской знати 110.
Бородин, Григ., яицкий казак, родственник войскового старшины Мартем. Бородина, пугачевец, «хорунжий», изменил Пугачеву незадолго до поражения под Татищевой крепостью 105, 106, 230, 385, 386.
Бородин, Ефрем, солдат Казанского батальона, пугачевец (?) 411.
Бородин, Кузьма, «наказный атаман» Яицкого казачества 138.
Бородин, Макар, яицкий казак, из старшинской партии, писарь, казнен Пугачевым 181.
Бородин, Мартемьян, войсковой старшина Яицкого казачества, активно участвовал в борьбе с пугачевцами на стороне правительственных войск 129, 180, 181, 187, 387, 389, 391, 405 — 408, 446.
Бородин, Никита, яицкий казачий старшина 164, 424.
Бородин, Никита, атаман, из яицкой старшинской знати, утоплен пугачевцами 108.
Бошняк, Ив. Конст., полковник, саратовский комендант 191, 192, 193, 216, 285, 394, 395, 447.
Брагин, Ив., регистратор Сената 71, 342.
Брант, Як. Иллар., ген.-аншеф, казанский губернатор 57, 189, 315, 355, 364, 374, 388, 410, 420, 449.
Бриль, генерал-поручик, иркутский губернатор 99, 101, 103.
Бринк, бригадир, командир отряда, вызванного с Кубани для участия в борьбе с Пугачевщиной 63, 237, 243.
Бронский, капитан 378.
Броун, Юр. Юр., граф, ген.-аншеф, лифляндский генерал-губернатор 182.
Брюзгин, Григ., крестьянин, пугачевец 362.
Брюхов, майор, участник одной из переписей иргизских поселенцев 375.
Брянчинов (Брянчиков) Ив., солдат, пугачевец, «есаул» 209, 210.
Бубнов, Ив. Алексеев., отставной солдат, торговец в Казани 24.
Буданов, поручик 382.
Булат, Кинзя, башкирский старшини, пугачевец (?) 417.
Булатов, Суюж, ясашный татарин 258.
Булгаков, Никол., артилл.-поручик, ставропольский помещик 421.
Буравлев, Пант. Макар., донской казачий сын, пугачевец (?) 252.
Буренин, Ал-ей, яицкий казак 388.
Буренин, Еремей, яицкий казак из «послушных» 388.
Бурнекеев, Манжа, калмык, «дворовый» Мартем. Бородина, пугачевец (?) 387.
Бурнов, Ив., яицкий казак, пугачевец, «хорунжий» 154, 156, 157, 158, 160.
Буровы, Ив. и Федор, крестьяне, пугачевцы 361.
Бурцев, Дан., крестьянин, пугачевец 326, 327.
Бутримович, Петр, капитан, участник борьбы с Пугачевщиной 385, 408, 409.
Бутыркин, майор Саратовской артиллер. команды 192.
Бухар, киргиз 292.
Бухвостов, подполковник, командир отряда, вызванного из Крыма для участия в борьбе с Пугачевщиной 63.
Быков, Пав., крестьянин, пугачевец 362.
Быков, П., яицкий казак, пугачевец 133.
Быченин, Петр, яицкий казак, пугачевец-палач 156, 171, 181.

Вавилов, Степ., крестьянин с. Котловки, продавал Пугачеву до его самозванчества деготь 186.
Важев, Сидор, однодворец 246.
Валиков, донской казак 341.
Валленстерн, ген.-майор, оренбургский обер-комендант 419.
Варлаам, епископ тобольский 99.
Варнстед (фон), прим.-майор 450.
Василий (б. ф.), беглый крепостной гр. Шереметева 121.
Василий (б. ф.), запорожский казак, пугачевец 105.
Василий (б. ф.), солдат, пугачевец 200, 201.
Василий Петрович (б. ф.), священник 320.
Васильев, Агаф., дворцовый (?) крестьянин, пугачевец 431.
Васильев, Антип, экономич. крестьянин 44.
Васильев, Вас., экономич. крестьянин, пугачевец, «есаул» 212, 213.
Васильев, Галакт., дьякон в Симбирске 47.
Васильев, Ив., исецкий писарь, пугачевец 114.

Васильев, Ив., мастеровой с Тальской фабрики Воронцовых 48, 50.
Васильев, Ив., «расходчик» в экономических вотчинах Симбирского у. 46.
Васильев, Ив. (Боченок, большой), заводский мастеровой (?), пугачевец 376.
Васильев, Исай, «посельщичий староста» из дер. Камышевой 101.
Васильев, Лукьян — см. **Голышев, Л.**
Васильев, Никиф., заводский мастеровой, пугачевец 432.
Васильев, Сем., волостной староста 426.
Васильев, Сергей, «человек» колл. регистратора Ф. Попова 267.
Веденяпин, поручик, участник борьбы с Пугачевщиной 406.
Вельяминов, Лев, «межевщик» (XVII век) 376.
Венеровский, Вас., волжский казак, депутат Уложенной Комиссии, пугачевец 222.
Венцель, Федор Федор., коллеж. советник, главный командир Гороблагодатских и Камских казенных заводов 320.
Веревкин, Ал-ей Петр., статск. советник, воевода в Челябинске 55, 56, 256, 412, 414, 435.
Верещагин, Емел. Дементьев., «кредитованный приказчик» 367, 369.
Верховский, Ив., коллеж. ассессор, унженский воевода 343.
Винким, Яким, вотяк, новокрещен, «работник», пугачевец 429.
Витошков, Андрей, старшина Войска Яицкого, пугачевец, «главный судья» Пугачевской Коллегии 106, 113, 143, 144, 225, 385.
Витошнов, Як., яицкий казак 224.
Власов, Ефим, черносошный крестьянин, хлеботорговец 383.
Воецкой, Никиф. Гавр., прапорщик, «экономический казначей» 44, 45 — 47, 442.
Волков, ген.-майор, возглавлял командование войсками, стянутыми в район немецких колоний на Волге 70, 71, 422.
Волков, Андрей, крестьянин 416.
Волков, Сем. Ив., пугачевский атаман на Рождественском заводе 433.
Волконский, Мих. Никит., князь, сенатор, ген.-аншеф, «московский главнокомандующий», возглавлял московское «присутствие» Тайной Экспедиции Сената 255, 305, 401, 402, 410, 445, 447, 448, 452.
Володимиров, Гавр., заводский «служитель», пугачевец 335.
Волосатов, шацкий помещик 409.
Волхин, Афан. Алимп., пугачевец (?) 319.
Воронцов, Андрей Мих., сын и преемник Мих. Ив. Воронцова 48, 49, 50.
Воронцов, Ив. Иллар., граф, ген.-поручик, крупный помещик и заводчик 364, 365.
Воронцов, Мих. Ив., «содержатель Тальской бумажной фабрики» в Симбирском у. 49.
Ворсин, заводский подъячий 344.
Врасский, экономический казначей 442.
Вуколов, Андрей, донской казачий полковник 233.
Вырубов, сенатор, камергер, тайный советник 70.
Вяземский, Ал-р Алексеев., князь, ген.-прокурор Сената времен Пугачевщины 182, 445, 447, 448.

Габунов, Чигир, калмык 293.
Габунова, Амархан (Мамархан), калмычка 293.
Гавриил, архиепископ казанский 10.
Гаврило (б. ф.), заводский «работный человек», пугачевец 428.
Гаврилов, Андрей, заводский приписной крестьянин, пугачевец (?) 377.
Гагрин, Дм., майор, видный участник борьбы с Пугачевщиной в Приуралье 58, 259, 265, 290, 322, 329, 434.
Газин, Абрам, канцелярист 244.
Галахов, гвардии капитан 405, 406.
Герасим (б. ф.), пугачевец, «начальник» в «злодейской партии» 139.
Герасимов, Леонт., сотский 342.
Герасимов, Федор, заводский приказчик 365.
Гибнер, Еган, немец-колонист из Нижнего Поволжья 404.
Гилев, прапорщик 98, 102.
Гноенко, Вас., беглый с Сибирской линии казак, сибирский пугачевец 100.
Голев, Мих. Тит., из дворян, «отставной гвардии-фурьер», пугачевец, «атаман» 329, 330, 410, 411, 448.
Голицын, прим.-майор, казанский «экономический казначей» 426, 427.
Голицын, Петр Мих., князь, ген.-майор, видный участник борьбы с

Пугачевщиной 105, 111, 136, 143 — 145, 221, 225, 233, 235, 236, 262, 266, 275, 297, 306, 318, 338, 339, 341, 378, 379, 381, 394, 395, 401, 402, 404 — 406, 408, 415, 432, 437, 446.
Головачев, Сем., яицкий казак, тесть И. Я. Почиталина 109.
Головин, Ал-р Никол., граф, нижегородский помещик 360.
Голубцов, Ал-р, пермский воевода 323.
Голубь, майор, участник борьбы с Пугачевщиной 398.
Голышев, Лукьян Вас., дворовый офицера-пугачевца Мипеева 200, 201, 202, 447.
Горбачев, Ив. Савел., донской казачий сын, пугачевец (?) 252.
Горбунов, Мих., подканцелярист (не Астраханской ли губерн. канцелярии?) 191.
Горбушин, яицкий казак 203.
Горбушин, Вас., яицкий казак, пугачевец 137, 174.
Горбылин, Степ., пугачевец (?), «сотник» 324.
Горихвостов, капитан, уполномоченный по продовольствию в Симбирске 90, 378, 383.
Горич, прим.-майор 137.
Горлов, Трофим, яицкий казак, пугачевец, «хорунжий» 105, 106, 171.
Городищенсков, Гавр., яицкий казак 181.
Горский, Вас., астраханский казачий сотник (?), депутат Уложенной Комиссии, пугачевец 162, 404, 448.
Горчаков, гвардии подпоручик, член Секретной Комиссии 450.
Горчаков, Степ., унтер-шихтмейстер 344, 345.
Горшков, Вас., яицкий казак, пугачевец 139.
Горшков, Максим Данил., илецкий казак, секретарь Пугачевской Коллегии 111, 112 — 115, 143 — 145, 411, 443, 445.
Гребнев, Никиф., яицкий казак, из мятежных 128, 129.
Греков, донской казачий полковник 403.
Греков, Макар, донской казачий атаман 252.
Греч, ротмистр, участник борьбы с Пугачевщиной 298.
Григорьев, Герас., аудитор 64.
Григорьев, Мих., мордвин, новокрещен, выборный 50.
Григорьев, Федор, беглый крепостной, пугачевец, «канонир» 211.
Гринев, офицер, подозревавшийся в сочувствии Пугачеву 448.
Грузинский, А. Е., историк литературы 452.
Грязнов, крестьянин из дер. Готопутовой 100.
Грязнов, Ив. Ив., пугачевский атаман («полковник») под Челябинском 55, 56, 108, 208, 278, 323, 434.
Губанов, уфимский казак, пугачевец, «подполковник» 127, 135.
Гузиков, Ив., яицкий казак 137, 175.
Гульчихин, Ив., яицкий казак, есаул 276.
Гумеров, Мясагут, татарский старшина, пугачевец 427, 428.
Гурий, монах из иргизских раскольничьих скитов, обвинялся в связях с Пугачевым 375.
Гусятников, московск. купец и фабрикант, «обер-директор», выполнял крупные хлебные поставки для казны 82, 89, 220, 384.

Давилин, Яким Вас., яицкий казак, пугачевец, состоял в должности «дежурного» при Пугачеве 144, 147, 161, 162, 194, 196, 208, 219, 223, 333.
Давыдов, Ив., ген.-поручик, белгородский губернатор 76, 77.
Данилов, Кузьма, пахотный солдат 47.
Данилов, Тихон, заводский мастеровой (?), пугачевец 376.
Данилов, Як., экономич. крестьянин 44, 45.
Даутов, Акберда, яицкий казак из татар, пугачевец 164.
Девлет-Гирей, крымский татарский хан 300.
Девлетов, Колда, башкирский сотник, повешен пугачевцами 278.
Дедюрин, Андрей, крестьянин, «работник», пугачевец 354.
Да-Кастро Лацерда, граф, майор, участник борьбы с Пугачевщиной в Приуралье 58, 290.
Де-Колонг, Ив. Александр., ген.-поручик, командовал «Сибирским корпусом» во время Пугачевщины 55, 58, 59, 60, 146, 166, 259, 261, 262, 265, 270 — 272, 292, 295 — 297, 321, 331, 338, 412, 414 — 416, 442, 450, 452.

Де-Марин, Отто, полковник, комендант сначала Озерной крепости, а затем ставропольской 410, 421.
Де-Медем, Ив. Федор., ген.-поручик, командовал корпусом войск на Северном Кавказе 93, 172, 284, 452.
Дементьева, Федос. Степ., майорша 51.
Демидов, Евдок. Никит., дворянин, крупный заводчик 185.
Демидов, Ив., дворянин, уральский заводчик 327, 335.
Демидов, Ив., сек.-майор, и. о. коменданта Кизильской дистанции 417, 434.
Демидов, Никита Никит., крупный заводчик 213, 265.
Демидовы, крупные заводчики 317, 318, 328, 329, 334, 376, 377, 432, 433.
Демин, яицкий казак, пугачевец, сотник 111.
Денисов, Григ., донской казачий старшина 248.
Денисов, Илья, донской казачий полковник, участник борьбы с Пугачевщиной 248, 251.
Денисов, Никита, крестьянин, пугачевец 362.
Денисьев, донской казачий полковник 235.
Денисьев, Ал-р, волжский казак, пугачевец 223.
Де-Прерадович, Георгий, ген.-майор, был вызван с турецкого фронта для борьбы с Пугачевщиной 403, 422.
Дербетев, Федор Ив., калмыцкий князь, пугачевец, «атаман» восставших калмыков 280, 281, 391.
Деревягин, Ал-ей, заводский служитель 376, 377.
Державин, Гавр. Роман., лейб-гвардии подпоручик, поэт, участник борьбы с Пугачевщиной 43, 191, 192, 394, 395, 404, 406 — 407, 450.
Де-Фейервар, Антон Адам., бригадир, комендант Троицкой крепостной дистанции 258, 404, 417, 434.
Дехтярев, яицкий казак, пугачевец, «атаман» 225.
Димитрий (Сеченов), митрополит казанский 3.
Дмитриев, секунд-майор, «командующий посельщиками» в с. Вознесенском 101.
Дмитриев, Гавр., служитель майорши Дементьевой 51.
Дмитриев, Егор, монастырский крестьянин, «заводский работный человек», пугачевец 377.
Дмитриев, Ив., яицкий казак, пугачевец, «полковник» 247.
Дмитриев, Ив., яицкий казак из калмыков, пугачевец 169, 170.
Дмитриев, Конст., яицкий казак, пугачевец, предводитель одной из «партий» 409.
Дмитриев-Мамонов, А. И., историк 450.
Дмитрий (б. ф.), бурлак 244, 246.
Долгов, Мих., крестьянин, пугачевец 362.
Долгоруков, князь, помещик 212.
Долгоруков, Вас. Мих., князь, ген.-аншеф, командовал армией, действовавшей на крымском фронте во время первой войны с Турцией при импер. Екатерине II 64, 452.
Донской, Матвей, поручик 189.
Доскай, татарин, пугачевец, «писарь» 377.
Древиц, полковник, один из усмирителей Пугачевщины 402, 408.
Дубенский, Герас. Стеф., служитель 369.
Дубинкин, Афан., пугачевец (?) 405.
Дубровин, Ив. Ив., екатеринбург. купец, выполнял крупные хлебные поставки для казны 84.
Дубровин, Н. Ф., историк, автор основного труда по Пугачевщине 380, 388, 424, 441 — 443, 446, 452.
Дубровский, Ал-й Ив., секретарь Пугачевской коллегии,—см. **Трофимов, Ив. Степ.**
Дундук, Дундуков, полковник, калмыцкий князь, передался Пугачеву 152, 226, 238, 281, 283 — 285, 394, 399, 404, 451.
Дурасова, Аграф. Ив., майорша, помещица 44.
Дурманов, Ив., яицкий казак 391.
Дурнов, капитан Томского пехотного полка 309, 393.
Дурново, Николай, ген.-провиантмейстер 74, 380.
Дусали-Салтан, один из киргизских владетельных князей, сообщник Пугачева 288, 422.
Дьяченков, Андрей, депутат Уложенной Комиссии от Волжского Казачьего войска, убит пугачевцами 212.
Дюртей, яицкий казак из калмыков 390.

Дядюхин, Терент. Як., челябинский купец, выполнял крупные хлебные поставки для казны 86.

Евсевьев, Ив., дворовый, пугачевец 397, 398.
Евсевьев, Харитон, приписной заводский крестьянин, пугачевец 335.
Егор (б. ф.). беглый крепостной гр. Шереметева 121.
Екатерина II Алексеевна, императрица 14, 248, 252, 367, 448.
Екимов, Дм., приписной заводский крестьянин 377.
Елагин, «Главной Дворцовой канцелярии экзекутор» 378.
Елеазаров, Вас., яицкий казак, пугачевец 385.
Елецков, Ив., елецкий купец, в работниках на казенном канатном заводе 244.
Елизавета Петровна, императрица 194, 374.
Елисеев, Федот, посадский из Кунгура, тесть И. Н. Белобородова 326.
Елистратов, Никита, донской казак 367.
Елманов, Андрей, ген.-майор, флота капитан, «главноприсутствующий» Казанской Адмиралт. Конторы 374.
Енгалычев, князь, «воеводский товарищ» в Свияжске 26.
Еремеев, Андрей, секретарь 186.
Еремин, Вас., яицкий казак, пугачевец 385.
«**Еремина курица**» — см. **Оболяев, Степ.**
Ермолова, Февр. Дм., вдова надв. сов., ставропольская помещица 421.
Ерошкин, майор Воронежского батальона 40.
Ерофеев, Григ., яицкий казак 163.
Ерусланов, пугачевец 349.
Ефим (б. ф.), крестьянин Демидовых, пугачевец 35.
Ефимов, Куз., сельский священник, встречал с крестом пугачевцев 326.
Ефремов, он же **Ефремычев, Ив.**, яицкий казак, пугачевец 180, 181, 445.
Ефремова, Анна, мать Ив. Ефремова 181.

Жарков, Ив. Егор., екатеринбургск. купец, выполнял крупные хлебные поставки для казны 85.
Жахва, Вас., крестьянин, пугачевец 361.
Железной, Тимоф., яицкий казак, пугачевец, «хорунжий» 154, 156, 157, 159, 160.
Желтилов, Вас., пугачевец, «казак» 275.
Жерноков, экономический крестьянин, пугачевец 352, 353.
Жигалин, Вас., яицкий казак, пугачевец 156, 160.
Жигулевцев, Мих., яицкий казак, пугачевец 121.
Жолобов, прим.-майор, видный участник борьбы с Пугачевщиной в Приуралье 58, 59, 259, 271, 289, 290, 322, 416, 417.
Жорж, мифический «принц», дядя Павла Петровича, в представлении пугачевцев 331.
Жубринский, Павел, унтер-шихтмейстер с казенного Уткинского завода, пугачевец, «сотник» и затем «есаул» 327, 328.
Жуков, подъячий (XVII-й век) 376.
Жуланов (Жуликов), Егор, «выборный» от «общества» Саткинского завода 435.
Журавлев, Мартын, капрал Цывильской штатной команды 396.

Забродин, Григ., яицкий казак, пугачевец 163, 444.
Забурунов, Родион, волжский казак — см. **Осипов, Род.**
Заварзин, Герас. Егор., пахотный солдат, пугачевец 193, 446.
Заворотков, сек.-майор, «оренбургский экономический казначей» 412.
Загуменнов, Дорофей, «заводский мужик», пугачевец, «полковник» 205.
Заев, Петр Артем., «поверенный приказчик» заводчика И. П. Осокина 315, 317, 430, 431.
Зайков, Сем., челябинский казак, пугачевец 412.
Зайнулгабдиновы, Хайса муддин (мулла) и Хабибулла, татары 425, 426.
Зайцев, Ив., секретарь (не Астраханской ли Губерн. канцелярии?) 191.
Закладнов, Григ., яицкий казак, из мятежных 128, 129.
Замза, Степан, калмык 420.
Замятин, Леонт., «посельщик» из дер. Резиной 100.

Зарубин-Чика, яицкий казак, один из первоначальных и активнейших пугачевцев 108, 120, 121, 122, 124, 126 — 136, 176, 230, 278, 327, 388, 389, 411, 428, 431, 443, 444.
Захлыста, Ив., пугачевец, «атаман» 140.
Зверев, Ал-ей Павл., крепостной Л. К. Нарышкина, пугачевец, «есаул» 207, 208, 214, 221.
Зелгер, Мельхиер (?), форштмейстер 441.
Зимнинский, воевода в Петровске 446.
Зиновьев, Ив., секретарь Пермской Провинц. Канцелярии 267, 323.
Зиновьев, Николай, секретарь Казанской Губерн. Канцелярии (?) 92.
Змеев, Конон, крестьянин, пугачевец, «сотник» 327.
Зоргерг, прим.-майор Саратовского батальона 217.
Зоркин, Никиф., яицкий казак, пугачевец-палач 181.
Зряхов, Илья, секретарь Секретной Комиссии 443, 444, 450.
Зубов, полковник, ставропольский помещик и заводчик 355, 356.
Зубов, Николай, уфимский предводитель дворянства 418.
Зыбин, «Коллегии Экономии прокурор», бывший прежде свияжским воеводой 26, 27.

Иван Антонович, один из самозванцев 243.
Иванов, подпоручик Саранской инвалидной команды 189, 392, 445.
Иванов, Ал-ей, «форштмейстерский ученик» 441.
Иванов, Вас., пугачевец, «полковник» 212, 213.
Иванов, Григ., заводский приписной крестьянин, пугачевец (?) 376.
Иванов, Григ., экономич. крестьянин 44.
Иванов, Дан., крестьянин, пугачевец (?) 358.
Иванов, Ив., «злодейский полковник» 209.
Иванов, Ив., мордвин-новокрещен, выборный дер. Исекревой 50.
Иванов, Ив., мордвин-новокрещен, выборный с. Николаевского 50.
Иванов, Ив., мордвин-новокрещен, выборный д. Решетки 50.
Иванов, Ив., экономич. крестьянин 44.
Иванов, Кузьма, яицкий казак, пугачевец 223.
Иванов, Макар, «попов сын», пугачевец 278.
Иванов, Мих., «посельщик» из дер. Мангазирской 100.
Иванов, Никиф., пугачевец, «сотник» 324.
Иванов, Петр, «выборный у экономических крестьян 44.
Иванов, Петр, крепостной, «служитель» кн. Тенишева 13.
Иванов, Савел., мордвин-новокрещен, выборный 50.
Иванов, Семен, вотяк, пугачевец 428.
Иванов, Филипп, «злодейский полковник» 430.
Иванов, Фирс, «известный злодей» 366, 367.
Игнатий (б. ф.), крестьянин с. Кротовки, пугачевец 139, 140.
Игнатьев, Вас., священник в Красноуфимске 267.
Идорка — см. **Бахмутов, И.**
Избай, башкир, пугачевец 417.
Измайлов, Мих. Мих., ген.-поручик, сенатор 369.
Изюмов, Ив., яицкий казак, пугачевец 164, 165, 169, 445.
Иловайский, донской казачий полковник, участник борьбы с Пугачевщиной 212, 213, 405 — 407.
Илчигул, «известный башкирский бунтовщик» 450.
Ильин, Ал-ей, канцелярист Симбирской Провинц. Канцелярии (?) 287.
Ильин, Ал-ей, надворн. советник (из Сената) 43.
Ильин, Ив., генеральный писарь в Военной Коллегии 79.
Ильин, Мих., заводский крестьянин, пугачевец 348, 349.
Иноземцев, Иоасаф, казанский купец и заводчик 426, 428.
Иоакинф, настоятель Далматовского монастыря 413.
Иохемсен, Ив., «главный командир» Казанской Адмиралт. Конторы 374.
Ирман, ген.-поручик, «Колывано-Воскресенских заводов главный командир» 99, 101.
Иртуганов, Рахмангул, башкирский походный старшина, из числа «верных» 415.
Исаев, Ант., управитель заводов Мясникова и Твердышева 434.
Исаев, Гавр., елецкий купец 247.

Исай, башкирский старшина, пугачевец 414.
Ислентьев, Осип, отставной капитан, ставропольский помещик 421.
Исмаил, башкир 412.
Исмаилов (Измайлов), Авдиллатив, башкирский старшина 263.
Ишалин, Искандер, инородческий старшина, пугачевец 258.
Ишменев, Кузметь, «злодейский подполковник» 428.
Ишотин, Степ., канцелярист 272.

Кабанов, гвардии-подпоручик, участник борьбы с Пугачевщиной 310.
Кабанов, Сем., артиллерии-поручик 307, 310 (?).
Кадыров, Галей, служилый татарин, пугачевец, «сотник» 427, 428.
Казанцев, челябинский казачий сотник 412.
Казаркин, полковник 173.
Калабин-Шмота, Федор, «Воткинского завода поселенной житель», пугачевец, «есаул» 432, 433.
Калабродов, Степ., донской казачий хорунжий, пугачевец, «есаул» и «полковник» 249, 250, 251.
Калавские, уфимские дворяне 418.
Калашников, Петр, пономарь 320.
Калашников, Сергей, яицкий казак, пугачевец 174, 175, 392.
Калиев, Бикметь, служилый татарин, пугачевец 264, 450.
Калмыков, Ив., донской казак 245.
Калмыков, Ив., яицкий казак, пугачевец 160.
Камашев, Федор, подканцелярист Малмыжской Воеводск. Канцелярии 13.
Камнев, заводский служитель 348.
Кандауров, полковник (в Гурьеве) 404.
Канкаев (Кенкендеев), Бахтияр, мещеряк, видный пугачевец, «главный полковник» 264, 278, 325, 450.
Канпаул, (?), старшина, пугачевец 286.
Каныев, Аслагул, башкир, пугачевец 286.
Кар, ген.-майор, первый главнокомандующий правительственных войск, направленных против Пугачева 134, 144, 277, 426.
Карабаев, заводский угольный мастер, пугачевец 432.
Караваев, Бор., яицкий казак, один из первоначальных пугачевцев 129, 130, 230 (?).
Караваев, Денис, яицкий казак, из мятежных 130, 131.
Карамзин, Мих., капитан, ставропольский помещик 421.
Каранай, — см. **Муратов, К.**
Карась, Карп Степ., приписной заводский крестьянин, пугачевец 185, 186, 445, 449.
Каргин (Карга) Никита Афан., яицкий казак, пугачевец, выборный войсковой атаман в Яицком городке 110, 126, 199, 200, 225.
Карташев, яицкий казак, пугачевец 395.
Карташев, Ив. Андр., капитан, участник борьбы с Пугачевщиной 366.
Каршин, Ал-ей, донской казачий полковник 252.
Карымов, Абдул, башкирский старшина 412.
Квашнин-Самарин, казанский губернатор 375.
Квашнин-Самарин, капитан, участник борьбы с Пугачевщиной 280.
Кизылов, пугачевец, «злодей-губитель народа» 215.
Киреев, Андрей, крестьянин, повешен пугачевцами 359, 361, 362.
Киреев, Мих., крестьянин, пугачевец 361.
Кириллов, Григ., олонецкий купец, крупный хлеботорговец 71, 72, 73.
Кирсанов, Ив., яицкий казак, пугачевец 169, 170.
Кирхнер, Ал-р, берг-гешворен 267.
Кисленский, Афан., прапорщик, ставропольский помещик 421.
Клепиков, Ал-ей Степ., «гитен-фервальтер», «управитель» Воткинского казенного завода 319, 320, 433.
Климов, поручик, участник борьбы с Пугачевщиной 282.
Клюев, Андр., крестьянин, пугачевец 361.
Кобелев, крепостной знаменитых Орловых, занимался крупными казенными подрядами 380.
Кобяков, Федор Федор., саратовский купец, пугачевец 191, 192, 216, 222, 447.
Кожевников, Андрей, яицкий казак, пугачевец 129, 130, 175, 176, 445.
Кожевников, Мих. Алексеев., яицкий казак, пугачевец 126, 130, 175.
Кожевников, Сидор Вас., яицкий казак, пугачевец 123, 124, 131, 132, 161, 170 — 172, 445.

Кожевников, Степ., яицкий казак, пугачевец 130, 132.
Кожевников-Светлоков, Федор, заводский молотовый подмастерье, пугачевец 432.
Кожин, полковник, участник борьбы с Пугачевщиной 236, 237.
Козлов, Григ., отставной подпрапорщик, крестьянский писчик, пугачевец 415.
Козловский, Егор, подпоручик, «Оренбургской губернии экономический казначей» 414, 415.
Козьмин, Ал-р, крепостной «служитель» кн. Тенишева 13, 14.
Козьмин, Гавр., заводский крестьянин, пугачевец 349.
Козьмин, Ив., волжский казак, пугачевец, «полковник» (?) 242.
Колесников, Вас. (он же **Южаков, Петр**), дворцовый (?) крестьянин, пугачевец 431.
Колмакаев, Махмут, башкирский сотник, один из самых упорных пугачевцев 417.
Колокольцев, Ив., уфимский дворянин 418.
Колотинский, прапорщик 395.
Колупчаков, прапорщик, участник борьбы с Пугачевщиной 310.
Колычов, майор Сибирского карабинерного полка, участник борьбы с Пугачевщиной 238.
Колюбакина, Пелагея, вдова секретаря, ставропольская помещица 421.
Комшилов, Бор., заводский копиист, пугачевец 432, 433.
Кондратьев, Федор, заводский приписной крестьянин, пугачевец (?) 376.
Коновалов, Вас., яицкий казак; пугачевец 123, 124, 131, 132, 161, 170, 171, 182, 223.
Коновалов, Иллар., яицкий казак, старшина 138.
Коноваловы, яицкие казаки 131.
Копеечкин, яицкий казачий сотник, из «старшинской» партии, казнен Пугачевым 179, 180.
Копылов, Ив., донской казак, пугачевец 247.
Копьев, цивильский воевода, повешен пугачевцами 396.
Коробьин, Григ. Мих., полковник, помещик 396.
Коровка, малороссиянин, подозревавшийся в содействии Пугачеву 448.
Короленко, В. Г. 452.
Коростелев, житель Воткинского завода, пострадал от пугачевцев 319.
Коротков, Вас., мастеровой с Тальской фабрики 49.
Корсакова, В., автор 452.
Корф, Ал-й, комендант Озерной дистанции 134, 136, 389, 419, 423.
Костылев, Ив., «корабельный плотник» 427, 428.
Котельников, Дан., сын С. Т. Котельникова 346.
Котельников, Ив. (он же — **Вахоня**), заводский мастеровой, пугачевец 344.
Котельников, Сем. Триф., приписной заводский крестьянин, пугачевец 346, 347, 348.
Кочуров, Ал-й Тих., яицкий казак, пугачевец 123, 131, 132.
Кочуров, Куз. Тихон., яицкий казак, пугачевец 123, 124, 131, 132, 182, 444.
Кочуров, Петр Тихон., яицкий казак, пугачевец 123, 129.
Кошелев, шацкий помещик 409.
Краевич, капитан гусарского Изюмского полка, участник борьбы с Пугачевщиной 337.
Крамин, Петр, секретарь Нижегородской Губернск. Канцелярии (?) 307, 356.
Красильников, Вас. Петр., сын заводчика 376.
Красильников, Евдоким, верхнеломовский купец и «присутствующий» местного магистрата 65.
Красильников, Петр, заводчик 376, 377.
Красильников, Сем. Петр., сын заводчика П. Красильникова и «содержатель» его завода 376, 377.
Красильников, Тимоф., табынский казак, пугачевец 423.
Красников, Сем., писарь 163.
Краснощеков, донской казачий полковник 305.
Крестовников, Гавр. Троф., оренбургский купец 403.
Кречетников, Петр Никит., ген.-майор, астраханский губернатор 74, 76, 191, 285, 386, 394, 395, 399, 404, 451.
Кривенков, Григ., крестьянин, пугачевец, 362.
Кривозерьев, Ив., подканцелярист Нижеломовской Воеводской канцелярии 40.

Кривоногов, титулярн. сов., тарский воевода 100, 101, 102.
Кривцов, поручик Архангелогородского карабинерного полка 381.
Кротков, Степ. Егор., отставной капитан, крупный помещик и хлебопромышленник 379, 380, 383.
Кроткова, Дар., жена надворн. советника 379, 380.
Круглов, Никита, мастер с Тальской фабрики 49.
Крюков, Никиф., заводский подъячий 417.
Ктынин, Вас., яицкий казак, пугачевец 132.
Кубарь, Як., новокрещен. пугачевец 109.
Кудрявцев, видный пугачевец, «злодей-подговорщик» 354.
Кудрявцев, Ал-р., сек.-майор, ставропольский помещик 421.
Кузнецов, шихтмейстер 351.
Кузнецов, Адриан Петр., яицкий казак, брат жены Пугачева Устиньи 197.
Кузнецов, Андрей, симбирский посадский человек 50.
Кузнецов, Ег. Петр., яицкий казак, брат жены Пугачева Устиньи, пугачевец 197, 223.
Кузнецов, Ив., заводский молотовый мастер, пугачевец 432.
Кузнецов, Ив. Петр., яицкий казак, брат жены Пугачева Устиньи, пугачевец 223.
Кузнецов, Ив. Степ., табынский казак, пугачевец, «бригадир» и «главный предводитель» под г. Красноуфимском и Кунгуром 278, 323 (?), 348 (?), 349 (?), 435, 436.
Кузнецов, Ив. Тихон., ясашный крестьянин, пугачевец, «сотник» 210.
Кузнецов, Петр, беглый дворцовый крестьянин из Малыковской вол. 121, 122.
Кузнецов, Петр Мих., отставной яицкий казак, пугачевец, отец жены Пугачева Устиньи 114, 117—119, 197, 198.
Кузнецов, Степ. Ив., саратовский цеховой 393, 394.
Кузнецов (он же Маханов, Федор), яицкий казак, пугачевец 138, 172, 173, 444.
Кузнецова (?), Анна Григ., яицкая казачка, родственница жены Пугачева Устиньи 197.
Кузнецова, Устинья Петр., жена Пугачева 110, 114, 117—119, 144, 147, 188, 197—200, 217, 395, 443, 446.
Кузнецовы, родня Пугачева по его жене Устинье 446.
Куканов, квартирмейстер Владимирского драгунского полка 65.
Кукень, Кузьма, калмык, есаул, пугачевец (?) 419.
Кулбаков, Петр, донской казачий старшина 339, 341, 342.
Куликов, Ерофей, крепостной, пугачевец 212.
Кулбаков, донской казачий старшина 232, 233.
Куличкин, «находящийся у провиантских магазейнов дворянин» 102.
Куломзин, Никол. Вас., костромской помещик 211.
Кураев, заводский приказчик (?) 265.
Куракин, подпоручик 351.
Курастай, казак Озерной крепости из татар, пугачевец 174, 175.
Курбанов, Ив. Андр., нежинский купец, выполнял крупные хлебные поставки для казны 83, 84.
Курмаметев, Халил, татарин, пугачевец 429.
Курочкин, Ив., пугачевец, «полковник» 275.
Кутай-Менды, киргизский султан 294.
Кутейников, донской казачий полковник, участник борьбы с Пугачевщиной 152, 250, 251, 283, 399.
Кутлугельда, башкирский есаул 137, 174.
Кучай, яицкий казак, из татар 395.
Кюркей, «известный башкирский бунтовщик» 450.

Лавров, Василий, Башлык, башкир 412, 413.
Ладыженский, Ив., «главный судья» Саратовской Конторы Опекунства Иностранных 71, 394.
Лазарев, заводчик 433.
Лазарев, подполковник, иецкий воевода 237, 434.
Лазарев, Матв., крестьянин, пугачевец 362.
Лазарев, Петр, прокурор, ставропольский помещик 421.
Лайщаков, Ив. Семен., крепостной заводский работный человек, пугачевец 339.
Ламтев (?), Федор, генеральный писарь Главной Провиантск. Канцелярии 74.

Лангель, Андр., секретарь Сената 367.
Лаптев, «малолеток», пугачевец (?) 411.
Лапшин, Вас., заводский крестьянин, пугачевец 349.
Лапшин, Як., саратовский пахотный солдат, пугачевец 393.
Ларионов, майор, обвинявшийся в обогащении за счет инородцев-новокрещен 21.
Ларионов, Троф., заводский приписной крестьянин, пугачевец (?) 376.
Лащилин, донской казачий полковник 403.
Лащилин, Осип, донской казачий станичный атаман 232.
Лащилкин, Корней Тарас., донской казачий сын, пугачевец (?) 252.
Левин, ген.-майор, астраханский обер-комендант 75, 425.
Леонтьев, Ал-ей, экономич. крестьянин из Симбирского у. 44.
Леонтьев, Егор, крепостной одного из Зубовых, пугачевец, «атаман» 139.
Леонтьев, Никол. Мих., помещик 210.
Лепехин, Як., яицкий казак, пугачевец 156, 157.
Лецкий, Ал-ей, казанский обер-комендант 236, 378, 421.
Лихарев, асессор, производил перепись поселенцев на Иргизе 43, 375.
Лихачев, Гавр., пугачевец, «есаул» и «полковник» 324, 325.
Лихутин, ядринский комиссар, организатор отпора Пугачеву под Ядриным 304.
Лобачев, Евтей, сын Ф. А. Лобачева 252.
Лобачев, Филипп Ант., донской казачий сын, пугачевец (?) 251.
Лобачева, Анна Кузьм., жена Ф. А. Лобачева 252.
Лобачевы, Аким, Игн. и Гавр., братья Ф. А. Лобачева 251.
Логашкин, Ив., яицкий казак, пугачевец 137, 174.
Логинов, яицкий казачий сотник 163.
Логинов, Григ. Ив., яицкий казак, пугачевец 443.
Логинов, Ив., старшина яицкого казачьего войска, видный участник яицкого бунта 1772 г. 97, 98 — 102, 442, 443.
Логинов, Мих., яицкий казак, пугачевец, сотник, изменил Пугачеву незадолго до его поражения под Татищевой крепостью 105.
Ложников, крестьянин из дер. Готодутовой 100.
Локтев, Афан., крестьянин 344.
Лопатин, отставной офицер 411.
Лугинины, Лар. и Макс., тульские купцы и крупные уральские заводчики 220, 323, 329, 330, 348, 400, 434 — 436.
Лукин, капитан, комендант Илецкой Защиты 205.
Луковкин, донской казачий походный атаман 233.
Лукьянов, Ив., экономич. крестьянин 46.
Лунегов (Медведев), Ив. Филипп., приписной заводской крестьянин, пугачевец, «сотник» 209.
Лунин, Ал-р, член Секретной Комиссии 104, 119, 120, 123, 195, 197, 200, 443.
Лупоглазов, конторщик с Каноникольского завода, пугачевец 207.
Лыкин, Филипп Ив., яицкий казак, пугачевец 138, 139 — 141, 444.
Лыкошин, капитан, из отряда ген.-майора Чорбы 402.
Лысов, Дм., яицкий казак, один из приближенных Пугачева, «полковник» 108, 112, 114, 127, 132, 133, 135, 144.
Львов, Вас., заводский служитель 357.
Львов, Петр, яицкий казак, пугачевец, «старшина» 357.
Любицкий, Ал-р, секретарь 237.
Любятинская, Агаф. Петр., пензенская помещица 214.
Любятинская, Ел. Филип., жена И. Ф. Любятинского 214.
Любятинский, Ив. Федор., пензенский помещик 214.

Маврин, Савва, гвардии капитан-поручик, начальник отделения Оренбургской Секретной Комиссии в Яицком городке 161, 183, 195, 407, 443, 444, 447, 448.
Маденов, Мих., яицкий казак, пугачевец 160, 170.
Мазанов, Федор, яицкий казак, подозревавшийся в укрывательстве пугачевцев 179.
Макарий, раскольничий старец, пугачевец (?) 121.

Макаров, Мих., донской казачий старшина, «сыщик» 184.
Макаров, Сем., заводский крестьянин, пугачевец 349.
Макаров-Авзянский, Дороф., «злодейский полковник» 340.
Максимов, Андрей, наемный заводский работный человек, чуваш-новокрещен, пугачевец 350.
Максимычев, Ив., яицкий казак, пугачевец 137, 174.
Максютов, Баязит, башкирский старшина, один из самых упорных пугачевцев 417.
Малаев, Сюзюк, яицкий казак из калмыков, пугачевец 132.
Малахов, Вас., донской казак, квартирмейстер, пугачевец (?) 249, 250.
Малахова, Марфа, вдова ген.-майора, ставропольская помещица 421.
Мальков, Ив., беглый солдат 357.
Мамыков, Тонузя, инородческий старшина, пугачевец 258.
Манаков, Андрей, секретарь Военной Коллегии 79.
Манков, Вас., донской казачий старшина 238, 241.
Мансуров, Пав. Дм., ген.-майор, участник борьбы с Пугачевщиной 138, 139, 165, 174, 176, 225, 234, 235, 266, 280, 394, 395, 405 — 407, 423.
Марков, Тихон, подканцелярист в Сенате 43.
Мартынов, писчик 352.
Мартынов, М. Н., историк 445.
Мартынов, Филипп, каторжник, пугачевец, «есаул» 205, 207.
Масеев, Ив., «работный человек», пугачевец 137.
Масленников, Ерем., нижегородец, компанейщик, содержатель фабрики в 20-х годах XVIII в. 49.
Маслов, Ал-й Мих., воронежский губернатор 40, 42, 442.
Маслов, офицер, мифический персонаж из автобиографии Пугачева 176.
Маслов, сенатор, тайный советник 397.
Матвеев, Ив., гренадер 317.
Матвей (б. ф.), крестьянин из с. Кротовки, пугачевец 139, 140.
Матин, Андр., крестьянин пугачевец 362.
Маханов, Федор, яицкий казак — см. **Кузнецов, Ф.**
Медведев, пугачевец, «сотник» — см. **Лунегов, И. Ф.**
Медведев, Ант., донской казак, пугачевец 409.
Медведев, Ефрем Мих., ясашный крестьянин, пугачевец, «полковник» 209, 210.
Мелентьев, поручик 365.
Мелехов, Ив., донской казачий сотник, пугачевец (?), «сотник» 249, 250.
Меллин, граф, сек.-майор, один из главных противников Пугачева 189, 234, 304, 305, 307, 311, 401, 402, 405 — 408.
Меллин, Каспар, полковник, дмитриевский (камышинский) комендант 242, 284.
Мельгунов, гвардии поручик, участник борьбы с Пугачевщиной 401, 406.
Мельгунов, Ал-й Петр., сенатор, действ. тайн. советник 66, 68, 382.
Меншиков, Ал-р Дан., князь, знаменитый сподвижник Петра I 376.
Меньшиков, Тимоф., крестьянин, пугачевец 354.
Мертвецов, отставной офицер 411.
Метальников, Андрей, секретарь Саранской Воеводской канцелярии 68.
Метальников, Ив. генеральный писарь 315.
Метликин, Афан., отставной вахмистр 262
Мешков, писчик 414.
Мещерский, Плат. Степ., князь, ген.-поручик, казанский губернатор 67, 74, 89 — 91, 299, 300, 379, 381, 442, 452.
Микалинский, поручик 307.
Микешин, Ал-й, один из членов Военной Коллегии 79.
Миклай, Якшибай, киргиз 294.
Микушин, Сем., крестьянин, пугачевец (?) 413, 414.
Милеев, Степ., казачий сотник 419.
Миллер, кунгурский воевода 347.
Милькович, подполк. 280, 286, 287, 395.
Минеев, Дм., капитан, отец (?) офицера-пугачевца Ф. Минеева 447.
Минеев, Федор, заводский мастеровой (?), пугачевец 376, 377.
Минеев, Федор, офицер-пугачевец, «полковник» 149, 200—202, 332, 333.
Митрофанов, Зах., донской казак, пугачевец 247.
Митрясов, Никиф., яицкий казачий сотник, из «послушных» 391.
Михайлов, Ал-й, петербургский купец 82.

Михайлов, Николай, мордвин-новокрещен, сотник 50.
Михайловский, «злодейский полковник» 330.
Михельсон, Ив. Ив., полковник, главный противник Пугачева 127, 135, 146, 149, 167, 202, 204, 207, 214 — 216, 218, 219, 221, 223, 226, 228, 234, 259, 262, 263, 305, 324, 325, 331, 334, 335, 349, 358, 392, 393, 398 — 402, 405 — 407, 410, 412.
Могутов, Вас., подполковник, атаман Оренбургского казачества 187.
Моисеев, заводский приказчик (?) 265.
Моисеев, прим.-майор, «пригорода Бирска командир» 416.
Моисеев, Степ. Федот., приказчик на Саткинском заводе 434 (ср. с 400), 435, 436.
Морковцев, яицкий казак, пугачевец 228, 229.
Морунов, Федор, яицкий казак, пугачевец, изменил Пугачеву незадолго до поражения под Татищевой крепостью 105.
Мосеев, Степ., заводский приказчик, повешен пугачевцами 400.
Мосей, персиянин, «злодейский полковник» 430.
Москвин, коллежский асессор, член Гороблагодатского Горного Начальства 319.
Москвитинов, офицер 410.
Москотиньев, поручик, был «приставом» при Пугачеве в пути от Яицкого городка к Симбирску 408.
Мосолов, шадский помещик 409.
Мосолов, Ив. Алексеев., крупный заводчик 207, 221, 272, 274, 417, 436.
Мостовщиков, Ив., яицкий казак, «старшинский сын» 391.
Мостовщиков, старшина Войска Яицкого 125, 164.
Моторин, Никифор, мирской писчик 348.
Муканай, пугачевец, «старшина» 428.
Муллакаев, Кидряс, главный башкирский старшина, участник борьбы с Пугачевщиной 236.
Муллинцов, Вас., заводский приказчик 400.
Муллинцова, Дарья, дочь Ф. З. Шадрина, жена В. Муллинцова 400.
Муралеев, Мустай, мулла, отставной яицкий казак из татар 424.
Муратов (Мратов), Каранай, башкир, пугачевец, «полковник» 411, 429, 450.
Мурашкинцев, Андрей, яицкий казак, пугачевец 176.
Мурашкинцев, Ив., яицкий казак, пугачевец 164.
Мурашкинцев, Степ., яицкий казак, пугачевец 176.
Мурзакаев, Алибай, башкирский старшина 257.
Мутса, башкир, пугачевец 417.
Мусин-Пушкин, Аполлос, алатырский помещик 24.
Мусин-Пушкин, Валент. Плат., граф 242, 243.
Мустаев, Асан, яицкий казак из татар, пугачевец 388.
Муффель, Карл (?), подполковник, один из главных деятелей борьбы с Пугачевщиной 234, 280, 305—307, 309, 392, 393, 401, 402, 405, 406, 446.
Мухин, Фил., заводский крестьянин, пугачевец 349.
Мякушин, Степ., яицкий казак, пугачевец 391.
Мясников, Аким, яицкий казак, пугачевец 121.
Мясников, Ив. Сем., коллежский асессор, крупный заводчик 268, 270, 350, 414, 418, 434, 437.
Мясников, Тимофей, яицкий казак, пугачевец, «сотник» 115, 130, 131, 176.
Мясоедов, уфимский комендант 256.

Нагайбак, татарин, пугачевец, предводитель одной из «злодейских партий» 410.
Надыров, Нияз, татарин, пугачевец 430.
Назаров, Никиф., яицкий казачий старшина 385, 386.
Назаров, Петр, крестьянин, пугачевец 360.
Назинцов, Ив., тобольский купец 82.
Нарышкин, Лев, екатерининский вельможа 207.
Наталия Алексеевна, первая жена Павла I 198, 217, 347.
Невенщин, Серг., беглый солдат 357.
Невзоров, Наум, челябинский казачий хорунжий, пугачевец 55, 413.
Неелова, вдова бригадира, ставропольская помещица 421.
Неклюдов, Серг. Вас., подполковник 364.

Некрасова, Агаф. Ив., вологодская помещица 430.
Нелюбов, подпоручик 51.
Немцов, Марк, прапорщик Соликамской штатной команды 433.
Немчинов, Ив., яицкий казак, пугачевец 137, 173 — 175, 392.
Неплюев, Перфил, недоросль, ставропольский помещик 421.
Неплюева, Тат., вдова майора, ставропольская помещица 421.
Несмеянов, Ив., войсковой наказный дьяк Войсковой Канцелярии Донского казачества 64, 238.
Несмеянов, Макс., повытчик Войсковой Канцелярии Донского казачества 238.
Нетецкий, «воеводский товарищ» в Верхнем Ломове 41.
Неулыбин, Ив., казачий «малолеток» из Яицкого городка, изменил Пугачеву 110.
Нечаев, капитан, повешен Пугачевым в Чернореченской крепости 114.
Нечаевский, Вас., крестьянин, пугачевец 354.
Никитин, Вас., экономический крестьянин 44.
Никитин, Никиф., мастеровой с Тальской фабрики 48, 50.
Никифоров, «злодейский полковник» 352.
Никифоров, Ив., волжский казак, станичный старшина 239.
Никифоров, Малафей, заводский приписной крестьянин, пугачевец (?) 377.
Никифоров, Мартын, пугачевец, «есаул» 340.
Никифоров, Николай, «школьник» 428.
Никонов, Ив., берг-гешворен 344.
Ниязов, Бикмурат, крепостной казак из татар, пугачевец 430.
Новиков, Ив., прапорщик, ставропольский помещик 421.
Новогородов, Егор Сем., сын С. Новогородова 354.
Новогородов, Семен, из «лучших крестьян», видный пугачевец 354.
Новогородова, Аксинья Мих., жена С. Новогородова 354.
Новоженин, Филипп, крестьянин, пугачевец 362.
Новоселов, Ив., отец Ф. И. Новоселова, пугачевец 360, 361.
Новоселов, Филипп Ив., крестьянин, земский, пугачевец 360, 361.
Носков, Андрей, приписной заводский крестьянин, пугачевец, «атаман» 432, 433.
Носов, Григ., мастеровой с Тальской фабрики 49.
Нурали-Хан, один из киргизских владетельных князей 256, 266, 288, 292 — 294, 422 — 426, 452.

Обернибесов, полковник Владимирского драгунскаго полка 66, 396.
Оболяев, Степ. («Еремина Курица»), пугачевец 128, 129, 130.
Овсянников, титул. советник, «воеводский товарищ» в Нижнем Ломове 41.
Овчинников, Андр. Афан., яицкий казак, видный пугачевец, «войсковой атаман» главных пугачевских сил 109, 110, 112 — 115, 117, 125, 126, 134, 136 (?), 141, 144, 152, 163, 165, 173, 174, 181, 195, 208, 219, 223, 225, 227, 230, 277, 333, 387.
Овчинников, Вас., яицкий казак — см. Спирин, Вас.
Огарев, Ив. Ил., отставной ротмистр, крупный помещик и хлебопромышленник 382, 383.
Огороднов, яицкий казак, пугачевец, 228.
Одинцов, Федор, крестьянин, пугачевец, 362.
Озерин, донской казак, походный есаул 237.
Озеров, сек.-майор, директор Вятско-Яренских казенных винокуренных заводов 431.
Озеров, майор, участник борьбы с Пугачевщиной в Приуралье 289.
Окутины — см. Акутины.
Олесов, фабрикант 363.
Орлов, Гр. Гр., граф, ген.-фельдцейхмейстер, возглавлял Канцелярию Опекунства Иностранных 47, 73, 380, 382.
Орловы, графы, известные вельможи Екатерининского царствования 376.
Осипов, Родион, волжский казак, «забурунный», пугачевец 240, 241.
Осокин, Ив. Петр., «директор», крупный заводчик 315, 316, 346, 430 — 432.
Осокин, Софр., мастеровой с Тальской фабрики 49.
Останков, помещик 376.
Остерман, Федор Андреев., граф, московский губернатор 76, 384.

Павел Петрович, наследник русского престола, впоследствии император Павел I, 114, 147, 150, 159, 194, 196, 198, 199, 217, 239, 248, 252, 331, 347, 416.
Павлов, капитан 300.
Павлов, поручик, «находящийся при Едичкульской орде пристав» 452.
Павлов, Мих., яицкий казачий «малолеток», пугачевец 137, 174.
Падунев, Анан, сержант 355.
Падуров, Тимоф. Ив., сотник Оренбургского казачества, депутат Уложенной Комиссии, видный пугачевец, один из ближайших советников Пугачева, «полковник» 111, 144, 187, 189, 411, 443, 445.
Палтов, «артиллерии капитан», «экономический казначей» в Симбирском у. 44.
Панин, П. И., граф, ген.-аншеф, последний главнокомандующий в борьбе с Пугачевщиной и ее ликвидатор, 40, 42, 43, 47, 48, 50, 51, 60, 66 — 68, 70, 73, 74, 76, 78, 79, 89, 90, 233, 237, 242, 270, 273, 283, 288, 299, 303, 305, 306, 308, 309, 311, 348, 366, 373, 374, 379 — 384, 394, 396 — 403, 405 — 410, 415 — 418, 422, 423, 430, 436, 437, 441, 442, 447, 448, 450, 452.
Панкин, Дм., яицкий казак, пугачевец, «хорунжий» 166, 391.
Парадеев, Петр, экономический крестьянин, пугачевец, «главный атаман» 352.
Паркачев, Петр, заводский подъячий, пугачевец, «есаул» 328.
Пасмуров, поручик Чугуевского казачьего полка 409.
Пахомий, монах из иргизских раскольничьих скитов 375.
Пачколин, Ив., яицкий казак, тесть М. Пьянова 109.
Пашев, Мих., яицкий казак, пугачевец 138.
Пашкова, Дар. Ив., унженская помещица 342, 343.
Певчев, Степан, «расстрига», сибирский пугачевец 100.
Пекарский Никол., уфимский дворянин 418.
Пеликанов, Дан., крестьянин, пугачевец 361.
Пелымский, князь, воевода в Красноярске 102.
Первушин, Афан., отставной солдат 267.
Первышевский, Андр., канцелярист 292.
Перевалов, Прок., штейгер 345.
Перели-Салтан, сын Нурали-Хана 293.
Пермяков, Спир. Тимоф., крепостной, пугачевец, «атаман» одной из «шаек» 212, 213.
Персиянинов, В. И., — см. **Торнов, В. И.**
Перфильев, Афан. Петр., яицкий казак, видный пугачевец 146, 154, 161, 164, 169, 199, 223 — 225, 227, 229, 230, 422, 447.
Перфильев, Петр Афан., 208, 217, 219.
Петелины, нижегородские купцы 375.
Петерсон, полковник, русский поверенный в делах при Оттоманской Порте 300.
Петр I Алексеевич, император 49, 273, 367.
Петр III, Петр Федорович, «третий император» — см. **Пугачев, Е. И.**
Петр III, действительный император 97, 100, 104, 116, 118, 123, 125, 152, 162 — 164, 172, 173, 175, 177, 179, 224, 227, 239, 252, 302.
Петров, сек.-майор, мензелинский воевода (?) 57, 258, 377.
Петров, Ив., крестьянин, пугачевец 361.
Петров, Ив., заводский приказчик 205.
Петров, Игн., выборный 342.
Петров, Матв., камышинский купец 405.
Петров, Мирон, заводский приписной крестьянин, пугачевец (?) 376.
Петров, Сем., сельский староста 429.
Петров, Федот, заводский мастеровой (?), пугачевец 376.
Петров, Филипп, экономический крестьянин 377.
Пименов, Ал-ей, сержант 7-й легкой полевой команды 173, 175, 180.
Пименов, Роман, донской казачий старшина (?), недруг Пугачева до его самозванчества 184, 185.
Пиняженин, Як., заводский служитель, пугачевец 344, 345, 346.
Пискунов, Никита Сидор., крепостной, пугачевец, «сотник» 210.
Питирим, иеромонах Саровской пустыни 308.

Платонов, Ив., волжский казак, станишный атаман, пугачевец 240.
Платцов, сержант, обвинявшийся А. И. Свечиным во взятках 16.
Плеханов, Як., яицкий казак, пугачевец 172.
Плешаков, Ефим Игн., донской казачий сын, пугачевец (?) 252.
Плотников, Вас., яицкий казак, пугачевец 132, 444, 446.
Подлецкий, полковник, комендант Новохоперской крепости 385.
Покровский, М. Н., историк 445.
Полатов, Аккуней, пугачевец, «сотник» 428.
Половников, Степ., заводский приказчик, повешен пугачевцами 400, 436.
Полосатов, Ефрем, заводский приказчик 273.
Поляков, Федор, беглый солдат 357.
Пономарев (Самодуров), Ив. Ив., из мятежных яицких казаков 120, 122, 443, 444.
Пономарев, Мих., яицкий казак 128.
Попов, подполковник, производил перепись поселенцев на Иргизе 375.
Попов, подполковник, участник борьбы с Пугачевщиной в Приуралье 296, 321, 322.
Попов, подъячий (XVII век) 376.
Попов, Ал-ей, секретарь Унженской Воеводск. канцелярии 343.
Попов, Вас., донской казачий хорунжий, пугачевец (?) 249, 250.
Попов, В. И., малыковский крестьянин 449.
Попов, Митрофан, сек.-майор, пелымский комиссар 303.
Попов, Федор, коллежский регистратор в Красноуфимске 267.
Породнов, яицкий казак, сотник 202.
Портнов, отставной яицкий казак 202.
Портнов, Козьма, симбирский купец, «поверенный» и «приказчик» заводчиков Мясникова и Твердышева 437.
Портнов, Лазарь, атаман Илецкого казачества, казненный Пугачевым 142, 449.
Поснов, Иона Яковл., пахотный солдат, пугачевец 193.
Поспелов, Марк, «выборный» от «общества» Саткинского завода 435.
Постников, Дм. Матв., тобольский купец, выполнял крупные хлебные поставки для казны 85.
Потапов, ген.-майор, производил расследование волнений среди яицкого казачества перед Пугачевщиной 224.
Потемкин, Григ. Александр., ген.-аншеф, известный фаворит импер. Екатерины II 61, 64.
Потемкин, Пав. Серг., ген.-майор, начальник Казанской и Оренбургской секретных комиссий, член особого присутствия Тайной Экспедиции, судившего Пугачева 162, 163, 164, 175, 179, 180, 215, 216, 224, 229, 271, 401, 407, 422, 443, 447 — 450.
Поторочинов, Ал-й Федор., из посадских людей, заводский рабочий, пугачевец, писарь 323, 324, 325, 452.
Похвистнев, Дан., сек.-майор, воевода в Нижнем Ломове 40, 42, 441, 442.
Почиталин, Ив. Як., яицкий казак, думный дьяк Пугачевской Коллегии 107, 108, 112, 113, 131, 132, 142 — 145, 164, 182, 193, 197, 386, 443.
Почиталин, Як., яицкий казак, пугачевец, отец «думного дьяка» Пугачевской Коллегии 193, 194 — 196, 446.
Притчин, Козьма, 346.
Протопопов, саратовский купец, бургомистр, пугачевец 191, 216, 447.
Протопопов, Андр., канцелярист Нижнеломовской Воеводск. канцелярии 40.
Протопопов, Вас., протоколист 259.
Протопопов, Ив., аудитор «Управляющей Войском Яицким Комендантской Канцелярии» (?) 202.
Протопопов, Матв., регистратор Нижнеломовской Воеводск. канцелярии 40.
Прохоров, Ал-др Прох., «эконом» в «Казанском Экономическом Правлении» 46.
Прохоров, Федор, яицкий казак, пугачевец, «полковник» 357.
Прошутин, Петр, житель Воткинского завода, пострадал от пугачевцев 319.
Прядильщиков, заводский приказчик 433.
Прянишников, волжский казак, повешен пугачевцами 240.
Пряхин, алатырский «прежних служеб казачьей слободы солдат» 309.

Птахин, донской казачий сотник, участник борьбы с Пугачевщиной 366, 367.
Пугачев, Е. И., Пугач, Пугачевский, 41, 55, 56, 60, 62, 63, 76, 97 — 101, 103, 104, 107 — 113, 115 — 120, 122, 124, 126, 130 — 141, 144, 147 — 151, 153, 159, 163 — 174, 176 — 181, 183 — 193, 197 — 205, 207 — 219, 221 — 230, 232, 233, 235 — 239, 243, 245 — 251, 263 — 265, 268, 271, 275 — 279, 282, 283, 286, 287, 289, 292 — 296, 300 — 308, 310, 311, 316, 318 — 320, 323 — 326, 329 — 336, 339, 340, 343 — 349, 353, 354, 356 — 363, 368, 369, 373, 376, 378, 384 — 408, 410 — 420, 422, 423, 426, 429 — 432, 434, 435, 441 — 446, 448 — 452.
Пустобаев, Петр Алексеев, яицкий казак, пугачевец, «полковник» 167, 169, 182, 222, 224 — 229, 404, 447, 448.
Пустоханов, Игнат., бузулукский казак, «повытчик» Пугачевской Коллегии 144.
Путилов, Петр, поручик, ставропольский помещик 421.
Путятин, оренбургский губернатор 451.
Пучков, Гавр., капитан, дежур-майор (?) 319.
Пушкин, писчик 352.
Пушкин, Мих., писец (XVII век) 376.
Пфлуг, директор Павловского казенного канатного завода 244.
Пытов, Григ.. Макс. «фабричный», пугачевец 359, 362.
Пьянов, Девис, яицкий казак, раскольник, пугачевец 115, 116 — 118, 127, 129, 131, 229, 443.
Пьянов, Мих., яицкий казак, пугачевец 109.
Пьянов, Степ., яицкий казак, пугачевец 121, 122.
Пьянова, Аграфена, жена Ден. Пьянова 117.

Ражев (Рожев), «злодейский атаман» 353.
Разиня, Григ., заводский крепостной, пугачевец 377.
Распопов, Зах., экономический крестьянин, пугачевец 415.
Расстригины, пензенские дворяне 214.
Рассыпенков, подпрапорщик 356.
Рахсябай, татарин, пугачевец, «сотник» 377.
Редкин, Андр., коллежск. асессор, директор Темниковских казенных винокуренных заводов 70, 307.
Резанов, Ив., член Канцелярии Опекунства Иностранных 72.
Резанов, Петр, коллежский секретарь 81, 104.
Рейнсдорп, Ив. Андр., ген.-поручик, оренбургский губернатор 97, 231, 266, 271, 273, 286, 288, 289, 298, 317, 380, 386, 389, 409, 416, 419, 422, 423, 430, 434, 437, 438, 442, 450, 452.
Речкалов, Роман, крепостной казак, пугачевец 412.
Речкин, Степ., яицкий казак, активный пугачевец 107, 110.
Римский-Корсаков, коллежск. советник, «губернаторский товарищ» в Казани 12.
Ровнев, поручик гусарского Изюмского полка, участник борьбы с Пугачевщиной 338.
Роговский, поручик, участник борьбы с Пугачевщиной 407.
Рогожин, Ив., крестьянин, пугачевец 362.
Родионов, Григ., секретарь Главной Провиантск. Канцелярии 74.
Рознатовский, секретарь Казанской Губернск. Канцелярии 14.
Романов, Мих., капитан 293.
Романов, Мих., крестьянин, пугачевец 361.
Романов, Петр, крепостной, пугачевец, «сотник» 212, 213.
Рузин, Федор, крестьянин, пугачевец 361.
Румянцев, Петр Александр., ген.-фельдмаршал, знаменитый русский полководец 299, 300, 452.
Рылев, подполковник, участник борьбы с Пугачевщиной 236.
Рычков, офицер 405.
Рычков, полковник, симбирский комендант 286, 406.
Рычков, калмыцкий (?) пятидесятник 137, 173, 175, 179, 422.
Рычков, Петр Ив., член «Оренбургской Пограничных и Иноверческих Дел Экспедиции», академик 422.

Сабайгул, башкирский старшина, пугачевец 435.
Сабанеев, Вас., коллежск. асессор, воеводский товарищ в Унже 343.
Сабуров, Вас., саранский воевода 68.
Савельев, ген.-лейтенант 406.

Савельев Никита, крестьянин, пугачевец 361.
Савинич, отставной офицер 411.
Саврасов, адъютант, ставропольский помещик 421.
Сажины, Вас. и Дм., экономические крестьяне, пугачевцы 415.
Саккулов, Эвлезый, башкирец, пугачевец 278.
Салаватка — см. **Юлаев, Сал.**
Салманов, Андр. Мих., сек.-майор, командир Саратовского баталиона, передался Пугачеву под Саратовом 192, 216, 220, 394, 400, 447.
Салтан-Бек, яицкий казак из татар, 395.
Салтыков, Ив. Петр., граф, ген.-аншеф, владелец крупных вотчин в Алатырском у. 311.
Сальников (Соленикова?), купец (его «ватага» невдалеке от Царицына — место последнего поражения Пугачева) 203, 405.
Самаров, Каскин (Кашкин), пугачевец из башкир, «полковник» 135.
Самарцов, прапорщик 57.
Самбовский, Сем., «посельщик» из дер. Камышевой 100.
Самодуров, Ив. Ив., — см. **Пономарев, Ив. Ив.**
Самойлов, саратовский купец, 382.
Самсонов, Федор, посельщик, сибирский пугачевец 103.
Сатлык, мещерякский сотник, пугачевец 435.
Свербеев, «воеводский товарищ» в Челябинске 412.
Свечин, Алд-р Ив., полковник, член Казанской Адмиралтейской Конторы 374, 427, 441.
Свиньин, Ив., крестьянин, пугачевец 362.
Себряков, донской казачий полковник 232, 237, 449.
Севастьянов, челябинский казачий атаман 412.
Сеитов, Садык, каргалинский татарин, видный пугачевец 156, 208, 219.
Селезнев, Кузьма Леонтьев., крепостной крестьянин, беглый рекрут, пугачевец 430, 431, 432.
Селиванов, «форштмейстерский ученик» 441.
Селиванов, Сем. Бор., из казанских купцов, заводский приказчик 429.
Семен (б. ф.), донской казак, пугачевец, «хорунжий» 250.
Семен Алексеевич (б. ф.), «волостной крестьянин», пугачевец 244, 245, 247.
Семенов, Ал-ей, донской казак, пугачевец, «хорунжий» 247.
Семенов, Ив., экономический крестьянин, хлеботорговец 383.
Семенов, Куз., мастеровой с Тальской фабрики 48, 50.
Семенов, Степ., заводский приписной крестьянин, пугачевец (?) 377.
Семенов, Як., дворцовый крестьянин 420.
Семенов (Семионов), Ив., крестьянин, пугачевец 341, 342.
Сенявин, полковник, арзамасский воевода 308, 309.
Сергеев, Ив., яицкий казак, пугачевец, «полковник» 204.
Сергеев, Петр, беглый рекрут, пугачевец (?) 428.
Середерцов (Серебрецов?), яицкий казак, и. д. есаула, пугачевец 179, 180.
Серединкин, Ив., из донских казаков, сибирский пугачевец 100.
Сидоров, Ив. донской казак 392.
Симанже, майор Саратовской артилер. команды 192.
Симонов, Ив. Дан., полковник, комендант Яицкого городка 108, 109 — 111, 117, 123 — 125, 129, 132, 136, 137, 164, 178, 197, 202, 256, 293, 391, 395, 404, 407, 419, 422, 424, 425, 452.
Синельников, Григ., яицкий казак 415, 416.
Синельников, Никита, яицкий казак, пугачевец 392.
Сипягин, ген.-майор, саранский предводитель дворянства 189.
Ситников, «русский мужик», пугачевец 165.
Ситников, яицкий казак 224.
Ситников, Гавр. Троф., «горный служитель», пугачевец, «атаман» на Юговском Осокинском заводе 346.
Скалон, Ант., ген.-майор, участник борьбы с Пугачевщиной 270, 272, 290, 416, 450.
Скобычкин, Дан., яицкий казак, член («судья») Пугачевской Коллегии 113, 143.
Скороботатов, Ив., яицкий казак, пугачевец 137, 174.
Скрипицын, майор 201, 322, 332.
Скрыпов, Ив. Ив., исецкий казак, 419.
Слатков, Ив., яицкий казак, пугачевец 137, 174, 175, 180.

Слепов, Сем. Петр., расходник Ножевского (?) завода, пугачевец (?) 319.
Сломихин, Дм., яицкий казак, пугачевец 391.
Слугин, солдат при Казанском Адмиралтействе 427.
Смолков, Мих., прапорщик, ставропольский помещик 421.
Смордов, Ив. Андр., крепостной, пугачевец, «хорунжий» 211.
Соваканкул (?), башкирец, пугачевец, «полковник» 278.
Соколов, пугачевец, «полковник» 205.
Соколов, Ефим, регистратор 267.
Соколов, Тимоф., казачий капрал 378.
Сокольников, надворн. советник, «главный защититель» инородцев-новокрещен, обвинявшийся А. И. Свечиным в обогащении за счет их 21, 28, 29.
Солдатов, Григ., крестьянин, пугачевец 361.
Солнопеков, Ал-ей, шихтмейстер 344, 345.
Соловьев, Ив., яицкий казак, пугачевец, «атаман» 409.
Соловьев, Никита, — см. **Андреев, Н.**
Сорокин, Назар, заводский приказчик, пугачевец, 207.
Сорокин, Федор, из солдат, сибирский пугачевец 100.
Спирин (он же **Овчинников**), **Вас.**, яицкий казак, пугачевец 137, 173 — 175, 179, 392.
Сребраков, Ив., «монастырский служка», обвинялся в заселении беглыми райска по рекам Б. и М. Иргизам, под видом заведения им яко бы «железных ручных горнов» в Малыкове 42, 43.
Станиславский, ген.-майор, участник борьбы с Пугачевщиной 258, 260, 261, 410.
Старцев, Ал-ей, яицкий казак 390, 391.
Стенин, Игн., далматовский крестьянский староста 413.
Степан (б. ф.), «черкашенин», пугачевец 139.
Степанов, майор, убит пугчевцами 209.
Степанов, Герас., «повытчик» Пугачевской Коллегии, он же (?) писарь при И. Н. Белобородове 146, 149.
Степанов, Мих., выборный с. Сосновского 319, 320.
Степанов, Никол., крестьянин, выборный, пугачевец 360, 361, 362.
Степанов, Савин, поручик Астраханского Провиантск. Правления 75.
Стольников, яицкий казак, пугачевец 169.
Страхнин, Афан., заводский крестьянин, пугачевец 349.
Стрека, Ив., крестьянин, пугачевец 361.
Стренев, Ив., поручик Алексеевского полка, «пожалован» был Пугачевым в чин «атамана» (?) 389.
Строганов, уральский заводчик 328.
Строев, Сила, прапорщик Ставропольского баталиона, «пожалован» был Пугачевым в чин «атамана» (?) 389.
Строкайкин, Тимофей, яицкий казак, из мятежных 169.
Струков, воевода в Верхнем Ломове 41.
Ступишин, Ал-й Алексеев., ген.-поручик, нижегородский губернатор 82, 303, 306 — 309, 348, 349, 356, 360, 392, 393, 397, 398, 400 — 402.
Ступишин, Ег. Алексеев., полковник, комендант Верхояицкой крепости 59, 260, 261, 294, 295, 414, 434, 438.
Стяшкин, Дм., дворянин 46.
Суворов, Ал-р Васил., ген.-поручик, знаменитый русский полководец, активно участвовал в борьбе с Пугачевщиной 88, 405 — 408, 416, 417, 423.
Сулин, Сем., войсковой наказный атаман Донского казачьего войска 60, 63, 64, 442.
Сумароков, Степ., бригадир 294, 295.
Сундюков, Максют, инородческий старшина, пугачевец 258.
Супонев, Сем., яицкий казак, «повытчик» Пугачевской Коллегии 144.
Сурин, поручик Верхнеломовской штатной роты 65.
Суровцев, уфимский дворянин 418.
Суровцев, Андр., отставной вахмистр, ставропольский помещик 421.
Суходольский, Ал-р, донской казак, пугачевец, «полковник» 393.
Суюш, татарин, пугачевец 429.
Сююндюк, казак Озерной крепости из татар, пугачевец 174, 175.

Таимасов, башкирский старшина 412.
Таир-Салтан, киргизский владетельный князь 294.
Тактаров, Сагандык, башкирский сотник 262.
Тангаев (Тангаич), Аптюш, яицкий казак из татар, пугачевец 108, 163, 164, 181.
Тангаев, Сюндюк, яицкий казак из татар, пугачевец 429.
Тараканов, Матв., донской казак, пугачевец, «есаул» 414.
Тарасов, Кирсан, волжский казак, пугачевец 240, 241.
Тарасовы, Мих. и Ал-р Петр., казанские купцы, из крестьян 428, 429.
Тархан, Таутбай, киргизский старшина 294.
Татищев, полковник Нарвского пехотного полка 67.
Твердышев, Як. Бор., симбирский купец, «директор», крупный заводчик 134, 264, 268, 273, 279, 317, 318, 339, 350, 414, 432, 434 — 438, 451.
Творогов, Ив. Александр., яицкий казак, член («судья») Пугачевской Коллегии 113, 141, 146, 148, 151, 158, 159, 167, 170, 172, 182, 203, 208, 219, 223, 227, 333, 390, 407, 422, 444.
Тевкалев, заводчик и помещик в Оренбургской губ. 186.
Темнов, Ал-ей, яицкий казак, помощник Чумакова по заведыванию Пугачевской артиллерией 187.
Тенишев, князь, казанский губернатор 13, 18, 24, 25.
Терский (Терсков), сын старшины Волжского казачьего войска 213.
Терский, Аркад., секретарь Сената (?) 71, 342.
Тетеев, Ал-ей, вотчинный управитель 361.
Тетеев, Вас. Ив., племянник А. Тетеева 361, 362.
Тетеев, Ив., брат вотчинного управителя, повешен пугачевцами 359, 361, 362.
Тетеева, Наст. Никол., жена А. Тетеева 361.
Тетюшинов, Елисей, симбирский купец, крупный хлеботорговец 89, 90.
Тимашев, Ив., коллежск. советник и полковник, помещик и заводчик в Оренбургском крае, видный участник борьбы с Пугачевщиной 83, 87, 220, 273, 295, 298, 336, 337, 338, 417, 418, 436, 451.
Тимашев, Мих., надворн. советник, ставропольский помещик 421.
Тимонин, Ив., яицкий казак, пугачевец, «хорунжий» 157, 168.
Тимофеев, Григ., сельский священник 362.
Тимофеев, Петр, заводский крепостной, пугачевец, «сотник» («полковник»?) 213, 214, 215.
Тихон, митрополит казанский 10.
Тихон (Кобылья голова), яицкий казак 391.
Тишин, поручик, «экономический казначей» в Симбирской провинции 43.
Товеркин, прапорщик Бахмутского гусарского полка 264, 323.
Тойгузя, татарин, пугачевец, «полковник-старшина» 377.
Токарев, Мих., писарь 292.
Токтагулов, Исай, «главный и надежный» башкирский старшина 414.
Толкачев, Матв., пугачевец 109.
Толкачев, Мих., яицкий казак, пугачевец 108, 109, 110, 117 — 119, 125, 126, 163 — 165, 173, 176, 178, 180, 181, 197 — 199.
Толкачев, Сем., яицкий казак, пугачевец 391.
Толкачев, Степ., яицкий казак 121, 122.
Толкачева, Ксения («Аксинья»), жена М. Толкачева 198.
Толмачев, Вас., «толмач» 438.
Толмачев, Степ., сек.-майор 244.
Толстов, полковник, разбит (?) Пугачевым 201, 378.
Торнов (Персиянинов), Вас. Ив., крещеный перс, торговец, пугачевский атаман в Нагайбацкой крепости, «сотник» 108, 126, 410—412, 448.
Траппау, Лука, солдат Оренбургского гарнизона 386.
Траубенберг, ген.-майор, убит яицкими казаками во время бунта 1772 г. 115, 120, 123, 131, 177.
Третьяков, регистратор Уфимской Провинциальн. Канцелярии 451.
Трофимов, Ив. Степ. (он же Дубровский, А. И., мценский купеческий сын, видный пугачевец, секретарь Пугачевской Коллегии 146, 149 — 151, 161, 220, 221, 223, 224, 403, 447.

Трофимов, Степ., мценский купец, отец Ив. Ст. Трофимова 220.
Трубинов, Кондр., заводский служитель, пугачевец 345.
Трубинов (Трубинков), Степ., канцелярист 346, 347, 348.
Трунтинкин, крестьянин, десяцкий, пугачевец 361.
Тулиновы (Туляновы), Як. и Вас. Вас., крупные воронежские купцы и фабриканты 363, 367.
Туманов, Григ., пугачевец, «походный атаман» под Челябинском, позднее «повытчик» Пугачевской Коллегии 145, 434.
Тумин, ротмистр Чугуевского казачьего полка, участник борьбы с Пугачевщиной 338.
Тумин, Ив., яицкий казак, пугачевец 282, 283.
Турбин, Юлиан, секретарь 244, 247.
Турченинов, землемер 376.
Тюленев, видный пугачевец, «злодей-подговорщик» 354.
Тюмин, Анисим Андр. (не он ли и Тюрин А. А.?), пугачевец, «полковник» 330, 331, 334, 400.
Тюпеев (Тупеев), Мендей, мещерякий (башкирский?) старшина, «почтовый комиссар» 257, 410.
Тюпенеев, Кумай, яицкий казак из татар, пугачевец 429.
Тюрин, Анисим Андр., нижеломовский ямщик, пугачевец, «полковник» 205, 207, 210, 214.

Угольников, Вас. Петр., заводский мастеровой (?), пугачевец 376, 377.
Узеев, Салим, башкирец, старшинский писарь 258.
Уланов, Бор. Сав., капитан 419.
Улеев, Муса, каргалинский татарин, пугачевец, «атаман» 114.
Ульянов, Ал-ей, яицкий казак, пугачевец 169, 170.
Ульянов, Илья, яицкий казак, активный пугачевец 108, 121, 122, 126—128, 134, 444.
Уразметев, Утеган, ясашный татарин 430.
Ураков, Егор, князь, вахмистр, уфимский дворянин 418.
Ураков, Ив. Григ., князь, капитан из башкиров 134, 257.
Уржумцев, казачий атаман в Челябинске, пугачевец 55.
Уржумцев, Як., казак, переводчик 438.
Урусов, крестьянин, сотский, пугачевец 361.
Усаев, Василий, башкир (?), рудопромышленник 345.
Усаев, Канзафар, мещерякий сотник, видный пугачевец, «главный полковник», «начальный возмутитель» 236, 326, 327, 452.
Усачев, Вас., подканцелярист Нижнеломовской Воеводск. Канцелярии 40.
Усачев, Дм., беглый дворцовый крестьянин, пугачевец 247.
Усачев, Федор, регистратор Нижнеломовской Воеводск. Канцелярии 40.
Усманов, татарин, занимался крупными казенными подрядами 380.
Усманов, Бикбай, крепостной казак из татар, капрал, казнен пугачевцами 429.
Усманов, Муса, крепостной казак из татар, пугачевец (?) 429, 430.
Устинов, донской казачий есаул 409.
Устинья Петровна, «императрица» — см. **Уст. П. Кузнецова.**
Уфимцев, Як., саратовский казачий пятидесятник, пугачевец 156, 393, 394, 405.
Ушаков, Петр, экономический крестьянин, пугачевец 414, 415.
Ушаков, Степ., петербургский губернатор 374.

Фалентин, Яган, форштмейстер 441.
Фальков, Тимоф., чебаркульский казак, пугачевец, «полковник» 209, 210, 211.
Фахлер, Фридрих, немец-колонист из нижнего Поволжья 404.
Федоров, штык-юнкер, передался Пугачеву под Саратовом 192.
Федоров, Герас., «старокрещен», пугачевец 429.
Федоров, Дм., протопоп в Яицком городке 391.
Федоров, Ив., мордвин-новокрещен, выборный 50.
Федоров, Ив., сельский священник 362.
Федоров, Ив., яицкий казак, пугачевец, «есаул» 139, 140.
Федоров, Пахом, «новокрещен», «работник» 429.
Федоров, Перфил., экономический крестьянин, хлеботорговец 383.
Федоров, Степ., «форштмейстерский ученик» Казанского Адмиралтейства 427.

Федоров, Терент., староста с. Елшанки, Егорьевского тож 45.
Федоров, Як., протоколист 360.
Федосеев, прапорщик 414.
Федотов, Грит., полковник, из яицкой старшинской знати, утоплен пугачевцами 108.
Федотов, Кузьма, «выборный» из пахотных солдат 47.
Федотов, Леонтий, «житель» с. Спасского, обещавший убить Пугачева 406.
Федулев, Ив., яицкий казак, пугачевец, «хорунжий» 154, 156—161, 169—172, 182, 203.
Филарет, монах из иргизских раскольничьих скитов, обвинялся в связях с Пугачевым 375, 448.
Филинков, Григ. Федор., заводский крестьянин, пугачевец, «полковник» 204, 207, 209, 213, 214.
Филиппов, А. Н., профессор 442.
Филиппов, Назар, экономический крестьянин 46.
Филиппов, Семен, крестьянин из с. Мечетного, раскольник, спутник Пугачева при его первой побывке в Яицком городке 116.
Филонов, Ив., «Нижегородского гарнизонного баталиона адъютант», руководил работами по укреплению Н.-Новгорода в ожидании Пугачева 397.
Фишер, майор, участник борьбы с Пугачевщиной в Приуралье 289.
Фомин, Петр, донской казачий есаул 248, 249, 251.
Фофанов, помощник Каргина 199.
Фофанов, яицкий казак, пугачевец 391.
Фофанов, Ал-ей, яицкий казак, пугачевец 169, 170, 445.
Фофанов, Ив., яицкий казак 391.
Фофанов, Кузьма, яицкий казак, пугачевец 132.
Фрейман, ген.-майор, участник борьбы с Пугачевщиной 261, 262, 265, 266, 272, 273, 295, 297, 298, 315, 316, 336, 338, 379, 386, 387, 407, 424, 436, 437, 452.
Фролов, Ив., крестьянин, пугачевец 361.

Хабаров, Степ., подканцелярист 244, 246.
Халевин, И., купец, самарский бургомистр, двоюродный брат Т. И. Надурова, пугачевец (?) 187.
Халтурин, Сем., дворцовый крестьянин, пугачевец 431.
Харин, майор, участник борьбы с Пугачевщиной 393, 407.
Харчев, сотник 202, 407.
Харчев, Грит., яицкий казак, пугачевец 137, 174.
Харчев, Ив., яицкий казак, пугачевец 124, 126, 129—132, 176, 443, 444.
Харчев, Никита, яицкий казак, пугачевец 388.
Харчевы, яицкие казаки 388.
Харька (б. ф.), яицкий казачий малолеток, пугачевец 160.
Харькин, Григ., яицкий казак 224.
Хахуев, Адян, калмык 293.
Хахуева, Кукучь, калмычка 293.
Хирьяков, майор 378.
Хлопуша, ссыльный, видный пугачевец, «над заводскими крестьянами полковник» 107, 108, 111, 133.
Хникей, «известный башкирский бунтовщик» 450.
Холодов, экзекутор Главной Провиант. Канцелярии 74.
Холопов, Степ., дворянин (XVII век) 376.
Хорват, полковник, участник борьбы с Пугачевщиной 318.
Хотяинцев, подпоручик, передался Пугачеву под Саратовом.
Хохлов, Ив., яицкий казак, пугачевец 160.
Хрущов, Як., поручик, участник борьбы с Пугачевщиной 408, 409.
Худяков, Евсев., мастер с Тальской фабрики 49.
Худяков, Лукьян Ив., отставной донской казак, знакомый Пугачева 184, 185, 445.
Худяков, Прок. Лукьян., сын Лукьяна Ив. Худякова 185.

Ценден, калмыцкий князь («владелец»), передался Пугачеву 206, 222, 223.
Цепенников, писчик сельской земской избы, пугачевец (?) 433.
Цеплетев, Ив., полковник, царицынский комендант 215, 232, 399, 400, 407, 422, 425, 447.

Чалусов, Ив., яицкий казак, пугачевец 137, 174, 179, 180.
Чапов, Петр, яицкий казак 123.
Чапурин, яицкий казак, владелец хуторов 175.

Чапурина, Прасковья, яицкая казачка, «фрейлина» при «императрице» Устинье 119, 198.
Чеберев, Макс., казачий старшина в Дмитриевске (Камышине) 405.
Чеботарев, Родион, хорунжий Оренбургского казачества 388, 389.
Чебышев, дворянин-пугачевец (?) 447.
Чегодаев, князь, сек.-майор, ставропольский комендант 421.
Чекунов, Андрей, заводский служитель 436.
Чекунов, Максим, донской казак 63.
Челноков, Ал-й, яицкий казак, пугачевец 164.
Чемесов, Ал-сей Федор., прим.-майор, пензенский помещик 214.
Чемесова, Екат. Ив., жена А. Ф. Чемесова 214.
Чемесова, Марья Алексеев., дочь пензенского помещика 214.
Черепахин, Федор, староста, пугачевец 351.
Черников, Бор. Ив., отец Ив. Б. Черникова 239.
Черников, Ив. Бор., волжский казачий сын, пугачевец 238, 239 — 241, 449.
Черникова, Марфа Кондр., жена И. Б. Черникова 239.
Черникова, Степ. Степ., мать И. Б. Черникова 239.
Черниковы, Иван и Елена, дети И. Б. Черникова 239.
Чернов, Вас. Федор., крепостной крестьянин, пугачевец 130, 361 — 363, 452.
Чернухин, Макс., яицкий казак, пугачевец 132.
Чернышев, Зах. Григ., граф, президент Военной Коллегии 347, 425.
Чернышев, И. Н., «граф» — см. Зарубин-Чика.
Чернышев, полковник, Симбирский комендант, был разбит и повешен Пугачевым 134, 144, 378, 379, 388, 389, 450.
Чернышева, Анна Ив. (урожд. Кроткова), жена симбирского коменданта Чернышева 379.
Чесноков, яицкий казак, есаул 203.
Чечин, Ив., яицкий казак, пугачевец 391.
Чибекеев, Фирс, яицкий казак, пугачевец 132.
Чижиков, Петр, заводский служитель 357.
Чика — см. Зарубин-Чика.
Чирков, Ал-р Ив., помещик 211.
Чирков, Ив. Григ., помещик 211.
Чирков, Макс., крестьянин, пугачевец 362.
Чистоблинников, Федор, яицкий казак, пугачевец 137, 174.
Чичерин, Денис Иван., ген.-поручик, сибирский губернатор 81, 99, 100, 104, 260.
Чонжин, надворный советник, начальник канцелярии гр. П. И. Панина 410.
Чорба, Никол. Ив., ген.-майор, командир отряда, охранявшего подступы к Москве 64, 237, 306, 308, 402. 403, 449.
Чреватин, яицкий казак 119.
Чреватина (Чреватая), Мария, яицкая казачка, «фрейлина» при «императрице» Устинье 119, 198.
Чубаров, майор, участник защиты заводов от пугачевцев 351.
Чуев, Степ., крестьянин, сельский староста, пугачевец (?) 360, 362.
Чумаков, Федор Федот., яицкий казак, видный пугачевец, заведывал у Пугачева артиллерией 105, 111, 151, 153 — 158, 160, 161, 169 — 172, 182, 187, 203, 208, 218, 219, 223, 227, 330, 333, 334, 407, 421, 444.
Чучалов, Петр, титул. советник 231, 276, 292, 426.

Шагаев, Бажандык, яицкий казак из калмыков 387.
Шадрин, Ал-ей, сельский священник, сочувствовал (?) Пугачевщине 433.
Шадрин, Федор Захар., атаман Сибирского казачьего войска 400.
Шаевский, Никита Ив., «волостной крестьянин», пугачевец 244, 245 — 248.
Шайдаров, симбирский купец 379.
Шаншуркин, Ант., заводский крестьянин, пугачевец 349.
Шара — см. Бородин, Андр.
Шаршин, Ив., крестьянин, пугачевец 354.
Шарыпов, Ахмер, мещеряк, пугачевец (?) 438.
Шванович, подпоручик 2-го гренадерского полка, соучастник деятельности Пугачевской Коллегии 111,144.

Швыйковский, майор, участник борьбы с Пугачевщиной 336, 337, 338, 437.
Шевяков, Петр, дворовый яицкого войскового старшины Мартемьяна Бородина, пугачевец 180, 181.
Шеклеин, Сем., отставной солдат 334.
Шелудяков, Сем. Мих., яицкий казак, пугачевец, родственник жены Пугачева Устиньи 200, 395, 446.
Шелудякова, Марья Петр., яицкая казачка, сестра жены Пугачева Устиньи 200, 443, 446.
Шепелев, полковник, участник борьбы с Пугачевщиной 236, 280, 338, 430.
Шереметев, граф 121.
Шерстянкин, Афан., яицкий казак, пугачевец 138.
Шестаков, копиист 415.
Шетнев, Никол. Лаврентьев., воронежский губернатор 40, 41, 70, 238, 244, 247, 391, 403, 408, 449.
Шешковский, Степ., обер-секретарь Сената, лично ведший допросы Пугачева и его сообщников во время следствия о них в Москве 276, 448, 450, 451.
Шибаев, Ив., илецкий казак, пугачевец, «есаул» и затем «полковник» 204, 329, 330, 331, 349, 432 (?).
Шигаев, Макс. Григ., яицкий казак, член («судья») Пугачевской Коллегии, «граф» 104, 105—110, 113, 114, 126, 127, 131, 133, 143 — 145, 194 — 197, 207, 221, 229, 230, 378, 385, 443, 446.
Шильников, Ив. Мих., помещик 193.
Ширинкин, Кондр. Ермол., кунгурский купец, депутат Уложенной Комиссии, повешен пугачевцами 400.
Ширинкина (урожд. Шадрина), Ирина Федор., дочь атамана Сибирского казачьего войска, жена кунгурского купца, «находилась в услужении» у пугачевца-«полковника» А. А. Тюмина 400.
Ширяев, уральский заводчик 327.
Шихмаметев, Мих., прапорщик, пугачевский «воевода» в г. Саранске 446.
Шлычков, Мих., заводский приказчик 339.
Шмелев, Макар Ив., заводский мастеровой, пугачевец 432.
Шмелев, Федор, солдат Казанского батальона, пугачевец 202.
Шмырин, Вас., крестьянин 433.
Штендер, полковник, кизлярский комендант 452.
Шувалов, Андр. Петр., граф, крупный помещик и заводчик 366.
Шулин, дивильский купец, пугачевец 396.
Шумилов, Степ., томский купец 82.
Шундеев, Ив., исецкий казак, «секретарь» Пугачевской Коллегии 145.
Шурманов, Филипп, крестьянин, пугачевец 354.
Шурыгин, Ив., яицкий казак, из мятежных 128.

Щелоков, Вас., помещичий крепостной, крупный казанский торговец и промышленник 396.
Щепотьев, майор, из Верхне-Ломова 41.
Щербаков, Степ., приказчик с Соликамского завода 320.
Щербатов, Федор Федор., князь, ген.-поручик, руководил действиями против Пугачева с апреля по июль 1774 г. 57, 261, 266, 291, 295 — 297, 315, 378, 392, 395, 396, 401, 415, 432.
Щербенев, Ишметь, яицкий казак из татар 424.
Щербинин, Евдок. Алексеев., ген.-поручик, слободской украинский губернатор 77, 237, 242, 243, 300, 403.
Щетинин, Кир., пугачевец 353.
Щетников, Леонт. 320.
Щипачев (Счепаев), Ил., поручик, передался пугачевцам в Ставрополе 419.
Щучкин, Андр. Федор., яицкий казак, пугачевец 178.
Щучкины, Игнат. и Петр Федор., отставные яицкие казаки, пугачевцы 177, 178, 445.

Элви (?), башкирский старшина, пугачевец (?) 277.
Эрали, султан киргизский 422.
Эрдман (Ертман), майор, командир 13-й легкой полевой команды 261, 295.
Эрмант (!) — см. Эрдман.

Юлаев, Салават, башкир, видный пугачевец, «походный полковник» 263, 267, 277 — 279, 331, 346, 450, 451

Юлай, Азналихов сын, владетельный башкирский старшина, пугачевец, отец Салавата 277, 435, 450, 451.
Юламан (?), старшина, пугачевец 286.
Юматов, Ив. Гавр., прапорщик, пугачевский «воевода» в Петровске 193, 446.
Юрьев, Ив., заводский служитель 364, 366.
Юскаев, Дусхай, башкирец, «выборный» 258.

Языков, Мих. Григ., пензенский помещик 213.
Яков (б. ф.), дворовый яицкого войскового старшины Мартемьяна Бородина, казнен Пугачевым 181.
Яков (б. ф.), яицкий казак, пугачевец 138.
Яковлев, ассессор, заводчик 369.
Яковлев, шихтмейстер 348.
Яковлев, Ал-й, посельщик из дер. Мангазирской 100.
Яковлев, Назар, мастеровой с Тальской фабрики 48, 50.
Яковлев, Павел, мордвин-новокрещен, сотник 50.
Якубович, полковник, участник борьбы с Пугачевщиной 236.
Якупов, Шарып, башкир, пугачевец, «старшина» 427.
Ялымов, Ив. Як., «обер-гитен-фервальтер», «управитель» Воткинского казенного завода 319, 320, 433.
Яманов, Петр, яицкий казак 391.
Янов, Макс., донской казачий полковник 233.
Ясырев, Ал-р, яицкий казак, пугачевец 139.
Яшков, Вас., уфимский дворянин 418.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Азия, Азиатский 285, 425.
Аинск, Аинский 263.
Алатырь, Алатырский 24, 150, 211, 221, 232, 304, 309, 311, 312, 358, 393, 397, 401.
Алексеевск, пригород 231.
Арабы, Арабский 242.
Арзамас, Арзамасский 304, 307—310, 393, 398, 401.
Арск, пригород под Казанью 427.
Астрахань, Астраханский 69, 72—75, 89, 90, 92, 93, 207, 220, 283—285, 292, 375, 383, 384, 386, 394, 399, 404, 406, 424, 425, 448.
Ахтуба, Ахтубинский, в нижнем Поволожье 404.
Ахтырка, Ахтырский 243.

Балахна 431.
Бараба, в Сибири 102, 103.
Башкирия, Башкиры, Башкирский 55, 56, 58, 59, 79, 88, 111, 127, 133—137, 142, 143, 145, 146, 156, 165, 166, 174, 201, 205, 206, 208, 219—222, 225, 226, 235, 236, 255—260, 262—271, 273 — 280, 286, 287, 291, 298, 300, 315 — 318, 323, 324, 326, 327, 329, 331, 336 — 340, 345, 346, 348, 358, 376, 385—390, 394, 397, 402. 406, 409—418, 421—423, 426, 427, 429—432, 434—438, 442, 450, 451.
Белгород, Белогородский 71, 74, 76—79, 220, 384.
Белозерка (?), на Украине 78.
Берда, слобода-крепость под Оренбургом, организационный центр Пугачевщины в течение всего периода до весеннего ее разгрома 104, 105, 107—110, 112—114, 118, 126, 127, 135, 140, 142—145, 163—166, 179—181, 187, 188, 199, 205, 207, 221, 224, 225, 230, 277, 336, 350, 378, 387—392, 395, 403, 411, 426, 429, 437.
Бирск 416.
Бугульма, Бугульминский 139, 236, 262, 276, 315, 378, 379, 426, 430.
Бугульчаны 318, 338, 378.
Бугуруслан, Бугурусланский 139, 140, 276, 378, 389.
Буерак Яблонный, невдалеке от Камышина 405.
Бузулук,— см. Крепость Бузулукская.
Буковар (Бухара?) 300.
Бухара, Бухарский 174, 202, 225.

Великороссия, Великоруссы, Великорусский 62, 340.
„Вершины Бузулукские“ 387.
„Вершины Камышлацкие“ 422.
Владимир (Володимир), Владимирский 368, 384, 402.
Вологда 430.
Волости:
Баилярская, башкирская 257.
Балачинская 262.
Битюцкая, на Дону 244.
Еремейская 263.
Ирехтинская 263.
Казанчинская 263.
Калнынская, Уфимского у. 315.
Кигазынская 263.
Кипчацкая, башкирская 258, 263.
Киргиланская, Уфимского у. 315.
Котловская, по р. Каме 186.
Кукарская 431.
Лебяжская, дворцовая 432.
Малыковская, дворцовая 120, 121.
Новодевиченская, Симбирского у. 47, 376.
Ногайнинская 415.

Салзаутская, башкирская 417.
Саралинская 258.
Сивинская 432.
Танаевская, Казанского у. 426.
Тебелявская, Уфимского у. 435.
Воронеж, Воронежский 40, 41, 66, 69—71, 74, 76, 79, 219, 238, 244, 247, 307, 310, 367—369, 382, 384, 391, 401, 403, 408, 442, 449.
Вотяки, Вотяцкий 332, 427—429, 433.
Всероссийский, — см. Россия.
Выборг, Выборгский 326, 430.
Вятка, Вятский 59, 89, 90, 322, 323, 405.

Гей Медвежий, на Иргизе 375.
Гай Овсяный, на Иргизе 375.
Германия 441.
Голштиния, Голштинский 303, 334.
Город Уральский, — см. Яик, Яицкий городок.
Городище Промзино (?) 358.
Горцы, Горский, на Кавказе 285, 425.
Горы:
Благодать 319.
Высокая, вблизи от Берды 104.
Соколова, под Саратовым 192, 217.
Уральские (Урал) 58, 165, 166, 174, 205, 225, 230, 265, 287, 388, 413, 416, 417, 438.
Греция, Греческий 3, 303, 411.
Грузия, 357.
Губерния Новороссийская 242.
Гурьев, Гурьев Городок 109, 110, 125, 157, 163, 170, 171, 231, 385, 404, 411, 423.

Далматов, Далматовский, — см. монастырь Далматовский.
Деревни:
Азмушкина, близ Шилвинского завода 376.
Акашева, Темниковского (?) у. 310.
Александровка, под Пензой 213.
Андреева, «подмосковная» 210.
Аракова, татарская 267.
Арширова, на Ново Московской дороге 430.
Бабка, в районе Ижевского завода 433.
Байчанка, близ Тобольска 98.
Баландина 414.
Балдина, в Челябинском районе 352.
Барашева, мордовская, Темниковского у. 310.
Башанда, близ Шилвинского завода 376.
Бекшанка, Симбирского у. 50.
Беляевка 433.
Березовка, Нижегородского у. 361, 362.
Березовская, на Иргизе 121.
Бессоновка, Пензенского у. 307.
Бешкурас (?), татарская 411.
Биккулова 134, 277.
Болтаева, Симбирского у. 45.
Бордуковская, под Вологдой 430.
Бураева 263.
Бурцева, Пензенского у. 207.
Бырма (Бирма), Кунгурского у. 327.
Варюхина, на дороге от Тары к Томску 101.
Вершины Сызранские, Большие и Малые, Симбирского у. 50.
Воидем, вотяцкая 429.
Высли Новые, Полевая-Яушево тож, чувашская 350.
Галишева 354.
Гнилуши, Павловского у. 246, 248.
Гора Каменная, Саратовского у. 193.
Гора Попова, Казанского у. 325.
Городищенская, близ Аннинского завода 344, 345.
Готопутова, Татарский Перевоз тож, на дороге от Тары к Томску 100.
Гулюкова, башкирская, Уфимского у. 429.
Денисиха, Унженского у. 343.
Доможировка, Симбирского у. 44, 45, 46.
Дубенская, Пензенского у. 214.
Дюсметева, Оренбургской губ. 280, 281, 287.
Едыгер, Казанского у. 427.
Заева, Исецкой пров. 354.
Зубенская, Пензенского у. 214.
Зюри 264, 364.
Ивановская, Ядринского у. 358.
Исекрева, Симбирского у. 50.
Казырева, башкирская 413.
Каиткулова 286.
Калмыкова, посельщичья, в Сибири 103.

Калмыш, близ Шилвинского завода 376.
Камаева, татарская, на Арской дороге 429.
Камышова, посельщичья, в Сибири 100, 101.
Келеева, Казанского у. 426.
Киги (Кичи?), Верхние и Нижние, Кунгурского у. 329.
Киязлы, татарская (?) 139.
Коемова, близ Аннинского завода 345.
Комарова, близ Аннинского завода 344, 345.
Комаровка Большая, Симбирского у. 45.
Корсунь Сухой, Симбирского у. 45.
Кременаки, Симбирского у. 45.
Кременкова, близ Челябинска 297, 298.
Кривуши, Симбирского у. 45.
Крутая, Курского у. 410.
Крюковка, в 50 в. от Саратова 401.
Ксяк (?), татарская, Казанского у. 427.
Кувай Старый, Симбирского у. 45.
Кугашева 258.
Кулюкова, татарская (?), в 12 в. от Мензелинска 376, 377.
Курмалы, Казанского у. 426.
Куршина, Казанского у. 427.
Куюк, Казанского у. 426.
Кырныш, «новокрещенская» 429.
Лишакова, Оренбургской губ. 414.
Ломовка, Уфимского у. 342, 343.
Лысвенская, Соликамского у. 433.
Люги, Казанского у. 427.
Люзань Средняя 408.
Лягушина, см. село Лягушево.
Малышева, в Челябинском районе 352.
Мангазирская, на дороге от Тары к Томску 100.
Маткина, в Челябинском районе 352.
Медведица 343.
Мурали, Казанского у. 426.
Мурма, Казанского у. 426.
Мустафина 287.
Ногаева, татарская 273, 436.
Однодворка, под Челябинском 413.
Осиновка 358.
Острог Чаусский, на дороге от Тары к Томску 100, 104.
Паздеры Жорноковы 319, 320.
Песчанка 401.
Писмерь, Казанского у. 421.
Подымалова, близ с. Каракулина 416.
Полозова, близ Воткинского завода 433.
Поник, Казанского у. 426.
Резина, посельщичья, в Сибири 100.
Решетка, Симбирского у. 50.
Сарманаева 287, 426.
Сасмак, Казанского у. 427.
Сатаниха 263.
Сахча Старая, Казанского у. 420, 421.
Сетякова, Казанского у. 429.
Сиза Дальняя, Казанского у. 426.
Скормяшка, Криволуцкий Остров тож, на Иргизе 375.
Скородумова, Унженского у. 342.
Смолина, близ Далматовского монастыря 413.
Собакина 201.
Сосна Красная, Симбирского у. 45.
Стерлитамак 411.
Сугут, Симбирского у. 286.
Таволжанка, Симбирского у. 45.
Таймасова, башкирская 413.
Таксичи, Казанского у. 426.
Текирмень (Такирмень), башкирская, близ Мензелинска 258, 377.
Терсы 186, 282 (?).
Тимашева 195.
Тойметкина 264.
Турунтаева, на дороге от Томска к Красноярску 102.
Тушня, Симбирского у. 45.
Узеева 134.
Умеркина, башкирская 417.
Ушакова, Алатырского у. 211.
Черепановка 319.
Черная, на дороге от Тары к Томску 101.
Чибилна, татарская, Уфимского у. 429.
Шабарова, близ Аннинского завода 345.
Шапшары, Казанского у. 426.
Шершнева, под Челябинском 352, 413.

Шилны, близ Шилвинского завода 376, 377.
Юзеева, Оренбургской губ. 315.
Юлаева, башкирская 277, 451.
Яри (Юри), татарская, Казанского у. 325.
Дистанции:
Вехнеозерная 338.
Верхнеяицкая 434, 438.
Звериноголовская 261, 262, 294.
Кизильская 417.
Озерная 419, 423.
Самарская 389.
Троицкая 258, 404, 417, 434.
Дистрикт окуневский 413.
Дмитриевск, Дмитриевский, — см. Камышин.
„Дон", область донского казачества, — см. казаки Донские.
Дороги:
Алатырская 349.
Алацкая 420.
Арская 357, 426—429.
Астраханская 173.
Бедряжская 263.
Бузулуцкая 165.
Екатеринбургская 297.
Зюрейская 324, 325. 427—429.
Казанская 258, 315, 396, 429.
Камышинская большая 156.
Касимовская 402.
Каширская 402.
Криволуцкая 420.
Московская 280, 287, 315.
Ново-Московская 235, 280, 286, 287, 430, 432, 450.
Ногайская 263, 264, 335, 418, 420.
Сакмарская 304.
Саранская 304.
Саратовская 375.
Сибирская большая 277, 417 (?), 451.
Томская 173.
Яицкая 375.
Дубовка, Дубовский 152, 162, 167, 168, 218, 219, 222, 226, 228. 238, 240, 248, 250, 282, 284, 422, 429, 430.

Егорьевск 402.
Екатеринбург, Екатеринбургский, 56, 58, 59, 80, 81, 84, 85, 204, 205, 209, 220, 261, 271, 296, 322, 323, 327, 328, 347, 357, 377, 384, 400, 416, 434, 436.
Елабуга, Елабужский, 5, 427, 428.
Елдяк — см. крепость Елдяцкая.
Елец, Елецкий 244, 247.
Ерыклинск 421.

Заводы:
Авзяно-Петровские 87, 145, 185, 258, 339, 376, 377, 386, 434.
Аннинские 322, 344, 345.
Архангельский 268, 434.
Асатковский (?) 411.
Ахтубинские, шелковые 425.
Барнаульские 101.
Белорецкий 166, 268, 296, 297, 411, 414.
Березовский 205.
Билимбаевский 328.
Благовещенский 418.
Богоявленский 269.
Брыловский, казенный винокуренный 308.
Верхотурский (?) 268.
Вознесенский 145, 335, 411.
Воскресенский 126, 134, 268, 350, 378, 437.
Воткинский 58, 148, 201, 272, 319, 320, 322, 324, 332, 349, 432, 433.
Вятско-Яранские, казенные винокуренные 430, 431.
Екатерининский, винокуренный 432.
Зелаирский 438.
Златоустовский 220, 348, 349, 434—436.
Ижевский 148, 201, 272, 319, 320, 324, 332, 376, 377, 433.
Илимский 328.
Иргинский 296, 432.
Каноникольские 207, 221, 272, 298, 337, 417, 436, 438.
Каслинский 213, 265, 329.
Катав-Ивановский 435, 436.
Катавский 84, 87, 269, 434, 435.
Катайнский (?) 329.
Колывано-Воскресенские 99, 101, 103.
Косотурский 323, 330, 351, 352, 413.
Кукмарский (Кукмар) 426, 428.
Кыштымский 265, 291, 351, 413, 417.
Матаевский (?) 411.
Мелекесский, казенный винокуренный 139.
Нижне-Троицкий 315.
Ножевский (?) 319.
Осинский (?) 264.
Осокинский 325, 431, 432.

*

Очерский 433.
Покровский 268.
Починковский, казенный конский 398.
Преображенский 87, 268, 273, 298, 336—338, 436, 438.
Ревдинский 328, 329.
Рождественский 433.
Сальников, — см. ватага Сальникова.
Саранинский 267.
Саткинский (Троицко-Саткинский) 324, 329, 400, 434, 435.
Сергинский 80, 81, 327, 335.
Симский 269, 434, 435, 451 (?).
Соликамский (?) 320.
Темниковские, казенные винокуренные 66, 68—70, 307, 382.
Троицкий 315, 431.
Уктус, «казенный промывательный» 204.
Усень-Ивановский 315.
Усть-Катавский 269.
Уткинский, Демидовский 328. 329.
Уткинский, казенный 327, 328, 347.
Уфалейский (?) 417.
Шайтанский, Демидовский 328, 330 (?), 335.
Шайтанский Ширяевский 327, 328, 329, 330 (?),.
Шилвинский (Сылвинский) 328, 376, 377.
Шкафтенские 366, 367.
Шуртанский 327.
Юговские 209, 344—347.
Юрезянский 268, 434, 435.
Заволжье, Заволжский 235, 242, 392, 403, 450.
Заинск 410, 411, 421, 427.
Зелаир, — см. крепость Зелаирская.
Зимовья:
Лисвенишное, за Иркутском 104.
Халдеево, посельщичье, на дороге от Томска к Красноярску 102.

Иерусалим 188.
Илек, Илецкий городок, центр Илецкого казачества 104, 110, 112, 133, 135, 141, 142, 225, 387, 388, 422, 424.
Иргиз, район рек: Большого и Малого Иргизов в Заволжьи, — см. реки Иргизы, Большой и Малый.
Иркутск, Иркутский 97, 98, 99, 101—104.
Исецк, Исецкий, — см. Челябинск.

Кавказ 403, 444, 452.
Кадом 402.
Казаки:
Астраханские 162, 404, 448.
Бузулуцкие 144.
Волжские (Дубовские) 150, 193, 206, 212, 213, 216, 218, 222, 223, 232, 238, 242, 250, 281, 283, 284, 395, 399, 422, 449.
Дмитриевские (Камышинские) 282, 399.
Донские 60, 61—64, 106, 124, 130, 132, 149, 151—153, 162, 163, 167, 168, 173, 179, 184, 186, 188, 189, 193, 203, 206, 219, 222, 223, 226—230, 232—235, 237, 238, 241—243, 245, 247—249, 251, 283, 330, 341, 366, 367, 391, 392, 394, 395, 398, 399, 402, 405—409, 414, 442, 445, 449.
Еманжингилинские 412.
Запорожские 105, 155.
Илецкие 111, 115, 117, 141—143, 167, 203, 208, 223, 329, 330, 387, 388, 449.
Исецкие (Челябинские) 145, 385, 412.
Оренбургские 111, 187, 387, 388.
Саратовские 156, 191, 206, 216 282, 395, 399, 405.
Сибирские 400.
Табынские 423, 435.
Украинские 402.
Царицынские 282.
Чебаркульские 209.
Яицкие (Уральские) 97, 98—105, 107—128, 133, 135—139, 141—144, 150—152, 154—156, 159, 162, 164, 165, 170—172, 174, 175, 177, 178, 182, 184, 187, 188, 193, 195, 197, 200, 202, 203, 206—208, 218, 219, 221—226, 229, 239—242, 245, 247, 249, 250, 256, 266, 276—278, 280, 282, 293, 324, 330, 332—334, 339, 357, 385, 387—393, 395, 398, 399, 404—409, 411, 415, 419, 424—426, 442—446, 449.
Казахстан, — см. Киргизия.
Казань, Казанский 5, 7, 10, 11, 13, 18, 23—26, 29, 30, 33, 35, 39, 43—46, 50, 66, 69, 72, 74, 89, 91, 112, 126, 127, 135, 140, 141, 148, 149, 150, 152—154, 161, 167, 168, 184, 185,

187 — 189, 194, 196, 201, 202, 206, 209 — 211, 213, 220, 221, 223, 225, 230, 232, 236, 255, 257, 264, 265, 275, 276, 279, 282, 283, 285, 286, 299, 300, 304 — 306, 316, 320, 322 — 325, 331 — 336, 339, 340, 343, 349, 355, 357 — 359, 364 — 366, 373 — 376, 378 — 381, 384, 385, 388 — 390, 393, 396, 397, 399, 401, 402, 406, 410 — 412, 414, 417, 420, 421, 425 — 429, 431, 432, 435, 436, 441 — 444, 446, 447, 449, 450, 452.
Калка нижняя, немецкая колония 404.
Калмыки (Оренбургские, Ставропольские, Степные), Калмыцкий 105, 107, 111, 132, 133, 137, 152, 155, 167 — 170, 174, 206, 219, 222, 223, 226 — 228, 232, 238, 239, 255, 280 — 287, 293, 294, 300, 339, 385 — 392, 394, 399, 403, 404, 406, 411, 419 — 423, 425, 426, 428, 451.
Калуга 402.
Камышин, Камышенка (Дмитриевск) 152, 167, 168, 211, 218, 222, 233, 242, 250, 281, 282, 284, 403, 405, 406, 422.
Карапалки 300.
Каргала, — см. слобода Каргалинская.
Касимов, Касимовский 401, 402.
Кашира, Каширский 402.
Керенск, Керенский 238, 270.
Кивия (Хива?) 300.
Киев, Киевский 182.
Кизил, — см. крепость Кизильская.
Кизилбашене, Кизилбашский 139.
Кизляр, Кизлярский 73, 74, 75, 111, 138, 140, 172, 223, 248, 425, 452.
Кинбурн 78.
Киргизия, Киргизы, Киргиз-Кайсаки, Киргизский, Киргиз-Кайсацкий 56, 108, 109, 111, 112, 163, 175, 189, 235, 256, 259, 266, 271, 288 — 290, 292 — 296, 300, 385, 389, 407, 410, 411, 417 — 419, 422 — 426.
Китай, Китайцы, Китайский 300, 390.
Кичуй, Кичуевский фельдшанец 235, 236, 378, 420.
Козлов, Козловский 69, 70, 382.
Козьмодемьянск, Козьмодемьянский 22, 28, 35, 441.
Кокшайск, Кокшайский 35, 358, 441.
Кола 445.
Коломна 402.
Колония Рубная, немецкая, за Волгой 407.
Корсунь, пригород 402, 406.
Кострома, Костромской 211, 356.
Краснослободск (Красная Слобода), Краснослободский 81, 307 — 310, 398.
Красноуфимск, Красноуфимский, — см. крепость Красноуфимская.
Красноярск, Красноярский 99, 101, 102.
Крепости:
Александровская, на Украинской линии 78.
Алексеевск, — см. Алексеевск, пригород,
Ачитская 265, 267, 322, 327.
Бакалинская 315.
Борская 231, 388, 395, 419, 449.
Бузулукская 107, 110, 165, 231, 378, 383, 385, 389, 420.
Верхояицкая (Верхоуральская) 55, 58, 59, 84 — 88, 174, 256, 260, 261, 271, 276, 295, 336, 338, 414, 434, 438.
Воздвиженская 449.
Губерлинская 230, 410, 434.
Гурьев городок, — см. Гурьев.
Димитрия святого 392.
Елдяцкая 276.
Елшанская 165, 231, 378.
Еманжингилинская 412.
Енотаевская 207.
Защита Илецкая 205, 221.
Звериноголовская 83, 84, 256, 290, 294, 295.
Зелаирская (Зелаир) 59, 276, 297, 298, 336, 337, 419, 436, 438.
Илецкая (?) 426.
Ильинская 112, 144, 230.
Карагайская 145, 174, 331, 349.
Каракульская 83, 84, 230.
Кизильская 230, 260, 291, 295, 417, 434.
Коельская 412.
Красногорская 230, 256.
Красносамарская 231, 419.
Красноуфимская 146, 265, 267, 276, 278, 296, 321, 324, 332, 416.
Крутоярская 83, 84.
Кулагина 163, 425.
Кундравинская (?) 331.
Магнитная 145, 165, 166, 174, 225, 226, 231, 329, 330, 337, 349.
Миясская 276, 434.
Моздокская, — см. Моздок.
Нагайбацкая 108, 135, 276, 315, 410, 411.
Наурская 172.
Нижнеозерная 231, 426, 449.
Новосергиевская 31.

Новотроицкая 347.
Новохоперская 385, 408, 409.
Озерная 144, 174, 230, 387, 410, 423, 429, 430.
Омская 55, 104, 450.
Орская 230, 410.
Осинская — см. Оса.
Павловская — см. Павловск.
Переволоцкая 231.
Петровская — см. Петровск.
Петропавловская 104, 146, 174, 208, 231, 294, 331, 349.
Пресногорковская (?) 294.
Пречистенская 273, 436.
Рассыпная 142, 231, 426, 449.
Сакмарская, — см. Сакмара.
Самара, — см. Самара, город.
Сахарная 164.
Сергиевская 139.
Ставрополь — см. Ставрополь, город.
Сорочинская 107, 110, 231, 286, 287, 385, 424, 449.
Степная 83, 146, 174, 231, 331, 349.
Стерлитамацкая 277.
Столбовая 142.
Табынская — см. Табынск.
Таналыцкая 231.
Татищева 104, 105, 111, 127, 142 — 144, 163, 166, 180, 188, 205, 225, 230, 236, 336, 350, 426, 430, 449.
Тополинская 425.
Тоцкая 449.
Троицкая 55, 80, 83, 84, 137, 145, 146, 166, 174, 175, 205, 206, 208, 230, 256, 259, 260, 295, 331, 349, 403, 412, 422.
Уйская 59, 221, 260, 295 — 297, 412.
Уклы-Карагайская 231.
Уральская, — см. Яик, Яицкий городок.
Уртазымская 231.
Усть-Уйская 83, 84.
Федоровская 243.
Хоперская 232, 233, 237, 238, 275, 342.
Царицынская — см. Царицын.
Чебаркульская 259, 276, 296, 330, 347, 412, 413.
Черемшанская 449.
Чернореченская 105, 114, 142, 230, 389, 430.
Черноярская — см. Яр Черный.
Кронштадт 176.
Крым, Крымский 63, 403, 425.
Кубань, Кубанский 63, 237, 243, 292, 291, 406, 425.
Кунгур, Кунгурский 58, 59, 209, 220, 265, 267, 271, 278, 291, 321 — 323, 325 — 327, 329, 331, 332, 347, 400, 420, 433.
Курмыш, Курмышский 210, 221, 304, 306, 308, 358, 361, 393, 397, 401.
Курск, Курский 77, 410.
Куртамыш, Куртамышский 259, 262, 291, 295.
Кыштым, — см. завод Кыштымский.

Линии:
Ишимская 271.
Оренбургская 208, 414, 416, 442.
Самарская 107, 139, 231, 280, 378, 420.
Сибирская 230, 258, 414, 442, 450.
Тобольская новая 271.
Уйская 83.
Украинская 78.
Украинская новая 78.
Царицынская 212, 252, 341, 342.
Лифляндия, Лифляндский 182.
Ломов Верхний 41, 65, 66, 238, 381.
Ломов Нижний 40, 65, 205, 232.
Лощина, Коловертная 203.

Малмыж, Малмыжский 13.
Малороссия, Малоросс, Малороссиянин, Малороссийский 62, 78, 139, 156, 218, 341, 388, 398, 448.
Мамадыш 185, 264, 324, 428.
Мельницы:
Алабердинская, в Оренбургском у. — 411.
Троицкая, в 7 в. от Казани 201, 333.
Мензелинск, Мензелинский 57. 258, 377, 410, 416, 427 — 429, 449.
Местечки:
Криволучье, на Иргизе 375.
Мечетное, на Иргизе 375.
Мешед 411.
Мещеряки, Мещеряцкий 127, 137, 174, 221, 236, 257, 275, 277, 329, 385, 407, 416, 435, 438, 450, 452.
Могилев (Волынский) 299, 300.
Моздок 73, 138, 172, 357, 392.
Мокшанск («Мокшан») 209.
Монастыри:
Воскресенский, под Казанью 10.
Новодевичий, в Москве 376.

Новоспасский («Спаса Нового»), в Москве 42, 43.
Петровский Саранский 446.
Покровский девичий (?), в Казани 358.
Спасский Ярославский 377.
Успенский Далматовский 352, 353, 413.
Мордва, Мордовский 50, 310, 311, 385.
Море Каспийское 157.
Москва, Московский 10, 52, 69, 76, 77, 112, 135, 147, 150, 183, 188, 194, 207, 210, 213, 219, 220—222, 230, 234, 235, 265, 303, 306—308, 324, 333, 347, 357, 358, 368, 369, 375, 376, 384, 385, 393, 394, 396, 397, 400—403, 410, 420, 436, 442, 443, 447—449, 451—452.
Муром, Муромский 306, 364, 384, 402.
Мценск, Мценский 220.

Нагайбак — см. крепость Нагайбакская.
Наровчат, Наровчатовский 41.
Немцы, Немецкий 151, 358, 361, 362, 396.
Немцы-Колонисты, в Нижнем Поволжье 70, 71—73, 173, 248, 251, 381, 404.
Нерчинск, Нерчинский 100.
Новгород, Новгородский 374.
Новгород Нижний, Нижегородский 50, 66, 69, 76, 82, 89, 90—92, 221, 283, 303—310, 348, 356, 358—360, 373, 375, 380, 381, 384, 392, 397, 398, 400—402, 431, 441, 452.

Озера:
Горькое, в Челябинском районе 298.
Елтонское 156, 168, 228, 405, 407.
Мардал (Камыш-Самара) 121.
Миясское (Миясово), в Челябинской пров. 412.
Песчаное, близ Яицкого городка 128.
Тургуяк, в Челябинской пров. 412.
Околодок Ягункин, в Ядринском у. 309.
Омск, — см. крепость Омская.
Ораниенбаум 188.
Орел, Орловский 220.
Оренбург, Оренбургский 45, 50—52, 69, 79, 83, 88, 89, 97, 98, 103—107, 111, 112, 114, 117, 119, 120, 122, 124, 133—135, 142—145, 163, 164, 166, 178, 180, 181, 187, 188, 194—196, 199, 205, 210, 211, 221, 224, 225, 230, 236, 255—257, 262, 264, 266, 268, 269, 271—273, 276, 281, 283, 285, 286, 288, 289, 292, 293, 298, 304, 315, 317, 326, 328, 335—339, 342, 343, 347, 348, 350, 351, 354, 373, 375, 378—381, 383—392, 394, 403, 404, 408—412, 414—419, 421—423, 425—427, 429, 430, 432, 434, 437, 438, 441—446, 449—451.
Оса, Осинский 58, 146—148, 221, 225, 265, 279, 324, 331, 344, 345, 348, 349, 357, 365, 432, 450.
Остров Черемшанский, на Волге, в Симбирском у. 47, 48, 376.
Острогожск Острогожский 243, 403.
Острожск Очерский, вблизи Воткинского и Ижевского заводов 320.
Оттоманская порта, — см. Турция.

Павловск, Павловский 244, 246—248.
Пелым, Пелымский 301, 452.
Пенза, Пензенский 41, 89, 91, 150, 152, 191, 207, 212—214, 221, 234—236, 307, 309, 339—341, 358, 364, 381, 385, 398, 401, 402, 408.
«Перевозье» и «Перелазы»:
Услонский, через Волгу 401.
Чеганский, через р. Бузулук 225.
Переяславль (Рязанский) 402.
Пермь, Пермский 30, 59, 89, 90, 267, 297, 321—323, 364—366.
Перпов 182, 183, 184.
Персы, Персидский 411.
Петербург, Санкт-Петербург, Петербургский, Санкт-Петербургский 10, 49, 100, 106, 112, 120, 176, 188, 194, 196, 199, 257, 302, 326, 331, 347, 357, 374, 396, 415, 421, 426, 430, 436, 449.
Петровск, Петровский 91, 150, 191, 193, 215, 221, 234, 242, 249, 309, 381, 395, 398, 340, 446.
Поволжье, Поволжский 381, 383.
Польша, Поляки, Польский 188, 235, 277, 375, 419, 451.
Поля:
Арское, под Казанью 221, 333, 334, 343, 357.
Казыльское, в 5 в. от с. Котловки 185.
Кулюшевское, близ Воткинского и Ижевского заводов 320.

Посад Троицкий—см. село Троицкое.
Починок Березовый, на Иргизе 375.
Пристани:
Ашкадарская 315.
Бугульчанская 257.
Илецкая 431.
Стерлитамацкая (Стерлинская) 257, 277.
Приуралье, Приуральский 315, 403.
Пруссия, Прусский 184, 303.

«Ранбова — см. Ораниенбаум.
Редуты:
Березовский 231.
Вязовский 230.
Гирьяльский 230.
Грязнушный 231.
Гурьевский 424, 425.
Кидыжский 231.
Колпацкий 230.
Нежинский 230.
Никольский 230.
Орховский 231.
Подгорный 230, 231.
Разбойный 230.
Санарский 231.
Сыртинский 231.
Тереклинский 230.
Урлядинский 231.
Янгельский 231.
Реки:
Абу 261.
Алшанка (?), речка на Дону 341.
Балыклей (Балыклейка) 160, 240, 282.
Белая 52, 174, 296, 339, 343.
Березовка, на Дону, 232.
Буг (южный) 78.
Бузулук (волжский) 225.
Булукук, приток р. Хопра 63, 232, 252.
Быковка, речка неподалеку от Яицкого городка 165.
Волга 36, 47, 66, 72, 90, 138, 140, 150, 154, 155, 162, 167—170, 173, 206, 207, 210, 213, 218, 220—223, 226—229, 234, 235, 239—242, 248, 250, 251, 275, 282, 284, 285, 300, 304, 334, 336, 340, 341, 349, 358, 381, 385, 391—395, 397, 401—407, 412, 422, 425, 450.
Ворона 363.
Вятка 74, 383, 397, 428.
Гаревка 346.
Дема 280.
Деркул 165, 169, 422.
Днепр 78.
Дон 60, 63, 97, 131, 138, 150, 152, 188, 207, 219, 222, 234, 235, 240, 241, 246, 247, 251, 252, 261, 307, 324, 358, 390, 393, 397, 399, 403, 414.
Донец 358, 392,
Егарлык 252.
Енба (Эмба) 390.
Еруслан 406.
Зиганлик 287.
Ик 236, 315.
Илек 293.
Илеть 432.
Иловля 245, 247, 251.
Иргизы, Большой и Малый 42, 43, 116, 117, 121, 129, 138, 280, 374, 375, 393, 395, 406, 408, 422, 448.
Иртек 225.
Ишим 294.
Казанка 333, 334, 340, 358.
Кама 58, 74, 186, 201, 210, 225, 265, 273, 322, 332, 338, 365, 383, 397, 403, 428, 431.
Каменка, приток р. Яика (?) 175.
Камышенка 218.
Камыш-Самара 443.
Караманы, Большой и Малый 407.
Киндель 388, 424.
Кинель 276, 419, 420.
Кушум 161.
Лаба, на Сев. Кавказе 116.
Латышовка 225.
Медведица 232, 233, 234, 238, 240, 241, 339, 341, 422.
Мияс 297, 298.
Нева 195.
Нитти (?) 287.
Ока 402.
Пичуга 212.
Пролейка 205, 250, 282.
Савала 363.
Сакмара 52, 106, 221, 338, 388, 410.
Самара 165, 225, 430.
Сарпа 251.
Сива 349.
Сура 358, 367, 392, 397.
Таныш 263.
Терек 285.
Ток 286.
Тургай Нижний 294.
Тургун 407.
Увек под Саратовым 217.
Узени, Большая и Малая 120, 121, 123, 138, 155, 156, 158, 168—171, 173, 228, 385, 405, 406.

Уй 174.
Усиха 123, 130—132.
Утва 293, 294.
Уфа 263, 267.
Хопер 63, 248, 251, 252, 363, 403.
Чеганы Большой и Малый 165, 166, 174, 175, 391.
Чежи 176, 228.
Черемшан 139, 378, 420.
Чиры 246.
Чиры Нижние 248.
Яик (Урал) 108, 116, 117, 122, 124—126, 129, 132, 133, 136, 158, 163, 164, 166, 170, 173, 174, 202, 228, 256, 257, 266, 285, 293, 307, 338, 386—388, 390, 391, 404, 406, 407, 411, 422—425.
Рига, Рижский 182, 183.
Рим, Римский 188, 390.
Рогервик 451.
Россия, Русь, Российский, Русский 4, 16, 55, 79, 106, 109, 111, 114, 131, 135, 138, 158, 165, 173, 175, 182, 188, 193, 206, 221, 239, 258, 264, 265, 276, 278, 279, 282, 284, 292—294, 300, 323, 325, 328, 331, 333, 339, 340, 342, 368, 376, 389, 390, 397, 402, 405, 410, 411, 413, 414, 416—419, 422—428, 431, 434, 436, 442, 452.
Рудники:
Каргалинские 268.
Кизильский 417.
Уртазымский, медный, близ Кизильской крепости 417.
Рязань, Рязанский 232, 402.

Сакмара, Сакмарский, Сакмарский городок 107, 112, 120, 137, 142, 143, 145, 166, 180, 187, 205, 336, 419, 430, 449.
Саксонцы, Саксонский, — см. немцы-колонисты.
Самара, Самарский 137, 187, 231, 235, 286, 375, 378, 385, 404, 406, 407, 450.
Саранск, Саранский 67, 68, 91, 150, 152, 189—191, 210, 211, 221, 232, 309, 311, 312, 340, 381, 385, 392, 393, 398, 401, 408, 446.
Сарапул, Сарапульский 265, 321, 357, 431, 433.
Саратов, Саратовский 71, 72, 77, 147, 150—152, 167, 186, 191—193, 206, 211, 214—218, 221, 222, 228, 232, 234—237, 239, 241, 242, 248, 249, 282, 340, 341, 382—384, 393—395, 398—401, 403, 405, 406, 424, 447.
Саров, Саровская Пустынь 308.
Свияжск, Свияжский 24, 26, 27, 35, 89, 90, 221, 358, 381, 441.
Села:
Алтынное, Кунгурского у. 326, 327.
Архангельское, Еделево тож, Симбирского у. 50.
Архангельское, Лохово тож, Петровского у. 193.
Асево, Оренбургской губ. 383.
Бакалы 126, 127.
Березники, Саранского у. 401.
Бетки, Казанского у. 427.
Богоявленское, Ильинские Горы тож, оно же Подвалье, Симбирского у. 47, 375, 376.
Богородское, Кунгурского у. 326, 332.
Богородское, на Каме 431.
Богородское, Нижегородского у. 305.
Богородское, Качкарлей тож, Симбирского у. 50.
Богородское, Кивай (?) тож, Симбирского у. 50.
Богородское, Сухая Река тож 420.
Болдырь, Казанского у. 209.
Боровецкое 377.
Боровка, Ставропольского (Волжского) у. 210.
Бродокалмыцкое 414.
Брянкино (Бряндино?), Симбирского у. 335, 336.
Вознесенское, Серпуховского у. 244.
Вознесенское, посельщичье, Тарского у. 101.
Вознесенское, Заводское тож, сельцо Казанского у. 426.
Воротынец Нижегородского у. 305, 358—362.
Воскресенское, экономическое, Оренбургской губ. 414, 415, 417 (?).
Воскресенское, Кирельское тож, экономическое 442.
Вязовка, Пензенского у. 214.
Героимка, Ставропольского (Волжского) у. 355.
Голицыно 401.
Городищи, в 40 в. от Пензы 309.
Горюшки, Симбирского у. 44, 45, 46.
Дальнедубровское, Кунгурского у. 433.

Дебесы, вотяцкое, в районе Воткинского завода 433.
Дедюхино, Соликамского у. 397.
Егорьево, — см. Егорьевск.
Егорьевское, Елшанка тож, Симбирского у. 44, 45, 140 (?).
Жадовка 46.
Загоскино, Пензенского у. 214.
Знаменское, Алатырского у. 397, 398.
Зубовка 139, 205.
Илбахтино, экономическое 377.
Ильинское, Соликамского у. 433.
Канадеи 408.
Карагайское, Соликамского у. 433.
Каракулино 416.
Козловка, Казанского у. 72.
Комарово, Костромского у. 211.
Котловка, приписное к Авзяно-Петровским заводам 185, 186, 445.
Красное, под Петербургом 431.
Кротовка, в районе Бугульмы и Бугуруслана 139, 140.
Кувай, Симбирского у. 45.
Кундравинское 259, 261.
Кураково, Казанского у. 428, 429.
Кушки, Темниковского (?) у. 310.
Лапистейка 405.
Лебяжье, Ставропольского (Волжского) у. 411.
Лисичкино, Петровского у. 193.
Ломовка, Пензенского у. 339, 340, 342.
Лопатино 409.
Лысково, Нижегородского у. 82.
Лягушево (Лягушино) 146. 166, 167, 400.
Майна (?), Казанского у. 140.
Майдан, Нижегородского у. 360.
Малыковка, — см. слобода Малыковка.
Мамадыш, — см. Мамадыш.
Медянское (Медянка) 296, 325, 326.
Мечетное, на Иргизе 116.
Назайкино, Симбирского у. 44, 46.
Нарышкино, Пензенского у. 381, 408.
Николаевское, Кузоватово тож, Симбирского у. 50.
Никольское, на р. Сакмаре 166.
Ноли, Хлыновского у. 383.
Оксайское, — см. станица Оксайская.
Павлово, Нижегородского у. 305.
Пенделки 408.
Перевоз, Шацкого у. 409.
Порецкое, Алатырского у. 311.
Починки, Саранского у. 393, 398.
Рассказово, Тамбовского у. 363.
Река Белая, сельцо Костромской пров. 356, 357.
Река Сухая, невдалеке от Казани 334.
Рождественское, Живайкино тож, Симбирского у. 50.
Рождественское, Перекопная Лука тож, сельцо на Иргизе 375.
Савиново, на р. Казанке 334.
Садовка, сельцо Саранского у. 392.
Сайгатка, экономическое, в районе Воткинского и Ижевского заводов 433.
Сарали, Казанского у. 427.
Сатаниха, под Вологдой 430.
Семеновское, Алатырского у. 311, 312.
Семилужное, на дороге от Томска к Красноярску 108.
Семьяны, Нижегородского у. 358, 359, 361.
Сердоба, Петровского у. 193.
Сластуха, Пензенского у. 212.
Соплевка, в 140 в. от Сызрани 394.
Сосновское, в Приуралье 319, 320.
Спасское 406.
Спасское, Нижегородского у. 305.
Спасское, приписное к Юговским заводам 209.
Стырово, Лекарево тож, Казанского у. 428.
Сундырь, на Волге 304, 358, 396.
Суринское, Симбирского у. 44, 45.
Сучкино, Саранского у. 393.
Танаки (Танайка), Казанского у. 427, 428.
Ташла, верстах в 50-ти от Сакмарского городка 145, 166, 273, 338 436, 437.
Ташла Ясашная, Симбирского у. 44.

Терса 398, 417 (?).
Тенюши 406.
Тихоновское 346.
Томашево, на дороге от Сызрани к Саратову 237.
Троицкое (Троицкий Посад), приписное к заводам 346, 348.
Троицкое Сахча тож, Казанского у. 421.
Троицкое, Студенец тож, Симбирского у. 44, 45, 46.
Тумашево, Ядринского (?) у. 308.
Усолье Новое, Соликамского у. 397.
Фокино, Нижегородского у. 305, 358, 359.
Хоршеваши, Курмышского у. 306.
Чардым 398.
Чернавка, Шацкого (?) у. 409.
Чесноковка, под Уфой 127, 135, 411, 418, 431.
Чиглы, Битюцкой вол. 244.
Чирково, Алатырского у. 211.
Чуево 408.
Чумакино, на Суре 367.
Чурилино 201.
Шилны, близ Шилвинского завода 376.
Шиловка, Симбирского у. 45.
Шишковерди, Нижегородского у. 380.
Селенгинск, Селенгинский 103.
Сергиевск, — см. крепость Сергиевская.
Серпухов, Серпуховский 244.
Сечь Запорожская 78, 162.
Сибирь, Сибирский 59, 80, 83, 97—99, 101, 104, 108, 155, 162, 208, 259, 260, 262, 271, 297, 323, 327, 338, 351, 384, 385, 400, 410, 415, 416, 420, 423, 444, 450.
Симбирск, Симбирский 24, 42—45, 47, 48, 50, 51, 66, 74, 89—91, 188, 235, 236, 257, 286, 335, 336, 339, 367, 376, 378—383, 385, 388, 389, 400, 406, 408, 410, 422, 423, 437, 448, 450.
Скиты:
Авраамиев, на Иргизе 375.
Исаакиев, на Иргизе 375.
Пахомиев, на Иргизе 375.
Филаретов, на Иргизе 375.
Слободск, Слободской, в Вятской провинции 323, 405.
Слободская Украинская губерния 71, 77, 242, 384, 403.
Слободы:
Александрова, невдалеке от Заинска 410, 411.
Барневская, Оренбургской губ. 351.
Бела Старая, Острогожской пров. 403.
Беляковская, «Краснослободского ведомства» Сибирской губ. 81.
Бердская, Бердинская, — см. Берда.
Бугульминская, — см. Бугульма.
Бугурусланская, — см. Бугуруслан.
Буткинская 413.
Варламова, Варламовская 259, 261, 265, 296.
Каргалинская (Каргала), татарская 114, 127, 142, 156, 166, 208, 219.
Кинельская 395.
Красная, Воронежской губ. — см. Краснослободск.
Криволуцкая, на Иргизе 375.
Кувак, Бугульминского «ведомства» 276.
Кукарка (Кукарская), дворцовая 431.
Кундравинская, близ Озерной крепости 296, 324, 410, 412, 413.
Малыковка 42, 43, 117, 192, 393, 398, 406, 449, 450.
Мачинская 395.
Мечетная, на Иргизе 375.
Николаевская, под Дмитриевском (Камышиным) 405, 406.
Рыбная, дворцовая, на р. Каме 325, 365, 366, 396.
Сеитова, под Оренбургом 425.
Теченская, в районе Челябинска 59, 352, 353.
Утяцкая, Ялуторовского дистрикта 354.
Соликамск, Соликамский 322, 323, 397, 433.
Сотни:
Денисова 320.
Федорова 420.
Фотиева 320, 432.
Ставрополь (на Волге), Ставропольский 107, 108, 210, 231, 276, 281, 282, 286, 355, 411, 415, 420, 421, 450.
Станицы:
Акишевская 248.
Антиповская 238, 239.

Балыклеевская 240, 281, 284, 404.
Березовская 238, 240, 245, 252, 341.
Бесергеневская 64.
Богаевская 64.
Борская,—см. крепость Борская.
Голубинская 60, 400, 405, 406.
Дубовская, — см. Дубовка.
Еланская 247.
Етеревская 252.
Заполянская 250, 341.
Землянская 184.
Зимовейская 184, 392.
Илецкая, — см. Илек, Илецкий городок.
Иловлинская 60, 184, 238, 240, 241, 251.
Качалинская 60, 241, 248, 251, 358.
Караваевская 240, 241.
Кременская 251.
Луганская 247.
Малодельская 341.
Манецкая 64.
Михайловская 232, 233.
Новогригорьевская 252.
Оксайская 64.
Правоторовская 251, 252.
Пятиизбянская 60, 358.
Рогавская 64.
Стародубская 244, 246.
Трехостровянская 60, 251.
Тюбокова 400.
Урюпинская 63.
Усть-Медведица 358.
Усть-Хоперская 245.
Филоновская 252, 409.
Цимлянская 185, 392.
Чиры, Большие и Малые 358.
Станы:
Подгородный, Симбирского у. 47.
Рогавский — см. станица Рогавская.
Самарский, Симбирского у. 50.
Троицкий, Унженского у. 342.
Чижев, Костромской пров. 356.
Степи:
Барабинская 271.
Бухарская 404.
Куминская, на Сев. Кавказе 357.
Стерлитамак, — см. деревня Стерлитамак.
Сызрань, Сызранский 220, 235—237, 266, 394, 406—408.
Сырт Общий 117, 145.
Табынск, Табынец, Табынский, Табынский городок 127, 135, 258, 270, 276, 293, 423, 434.
Таловая 408.
Тамань 300, 406.
Тамбов, Тамбовский 41, 238, 247, 275, 307, 363, 368, 403.
Тара, Тарский 99, 100—103.
Татары, Татарский 108, 111, 114, 132, 138, 139, 156, 164, 174, 208, 219, 255, 257, 264, 267, 273, 290, 293, 305, 317, 325, 331, 376, 377, 387—389, 395, 404, 410, 411, 413, 418, 424—430, 434, 438, 449.
Татары:
Белогородские 358.
Едичкульские 237, 300, 452.
Казанские 3, 5, 13, 16, 23, 32, 34, 35, 226, 241, 258, 275, 299, 300, 304, 340, 357, 358, 374, 420, 429.
Касимовские 401.
Крымские 300.
Кубанские 358.
Кундровские 425.
Тульвинские 267.
Темников, Темниковский 308, 309, 310, 398, 401.
Тиинск 421.
Тобольск, Тобольский 55, 85, 97—104, 384.
Томск, Томский 98, 99—103.
Троицк, Троицкий острог 307, 309, 398.
«Трухменцы» 411.
Тула, Тульский 220, 316, 377.
Турция, Турки, Турецкий 63, 116, 235, 242, 300, 305, 403, 425, 431.
Тюмень, Тюменьский 80.

Украина, Украинский, — см. Малороссия.
Улеши, под Саратовым 393.
Унжа, Унженский 342, 343.
Уральск, — см. Яик, Яицкий городок.
Уран (?) 286.
Уржум, Уржумский 200, 447.
Урочища:
Гнилое, на Яике 392.
Мост Булинский 24.
Россошь Белая, на Яике 229.
Старица Мырьсева, на Яике 391.
Яр Куркин, близ Черного Яра 425.
Яр Чеганский, на Яике 203.
Уфа, Уфимский 108, 126, 127, 134, 135, 204, 255—258, 262, 263, 270,

275 — 278, 315, 323, 326, 331, 338, 339, 342, 347, 389, 409 — 411, 418, 426, 428, 429, 431, 432, 434, 435, 437, 451.

Фабрика Тальская, бумажная, Воронцовых (прежде — Масленниковых), в Симбирском у. 48, 49.
Форпосты:
Бударинский, на р. Яике 161, 203, 390.
Везовский 419.
Зеленовский 424, 425.
Иртецкий 174, 388.
Каинский, в Сибири 102.
Каленый, на р. Яике 164.
Карачельский 415.
Кожехаровский, на р. Яике 161, 173, 390.
Котельный, на р. Яике 424.
Кош-Яицкий 202, 203, 204.
Кулагинский, на р. Яике 108.
Рубежный 174.
Сундовский, на р. Яике 391.
Чеганский, на р. Яике 123.
Французы 359, 361, 362.

Хлынов, Хлыновский 383.
Хохлы, Хохлацкий — см. Малороссия.
Хутора:
Брусяные, яицкие казачьи 391.
Бударинские, яицкие казачьи 132, 391.
Бударинские Толкачевы, яицкие казачьи 176.
Дьяковы, яицкие казачьи 166.
Енайкины, яицкие казачьи 395.
Карташевские, яицкие казачьи 390, 391.
Кинделинские (Киндел), яицкие казачьи 117.
Кожевниковы, яицкие казачьи 130, 131, 132, 135, 176.
Кошевский 395.
Мырьсеевские, яицкие казачьи 391.
Песчаные, яицкие казачьи 202.
Ранние, яицкие казачьи 179.
Саломатин, Волжского казачества 239.
Сухарниковы, близ Татищевой крепости 430.
Ташлинские (Ташла), яицкие казачьи 117, 136, 137, 174, 387.
Толкачевы, яицкие казачьи 419.

Царевококшайск 5.
Царицын, Царицынский 60, 64, 116, 130, 150 — 153, 161, 162, 167, 168, 173, 177, 179, 186, 202, 204, 206, 207, 212, 213, 216, 219, 220, 222, 223, 226 — 230, 232, 233, 238, 240 — 242, 250, 251, 282, 284, 285, 341, 357, 358, 392 — 395, 398 — 400, 405 — 407, 410, 411, 422, 425, 447, 451.
Царьград (Константинополь), Царьградский 188, 300, 390.
Церкви:
Вознесенская, в Симбирске 47.
Петра и Павла, в Яицком городке 198.
Тихоновская, в с. Карагайском Соликамского у. 433.
Троицкая, соборная, в Саратове 393.
Цивильск, Цивильский 5, 22, 35, 221, 282, 396, 441.

Чебоксары, Чебоксарский 22, 35, 221, 441.
Челяба, Челябинск, Челябинский 55, 56, 58 — 60, 79, 80, 85 — 87, 108, 204, 208, 237, 256, 259, 265, 270 — 272, 275, 276, 278, 292, 295 — 298, 331, 338, 352 — 354, 378, 380, 412 — 417, 419, 434 — 436, 438, 442.
Черемисы, Черемисский 3, 5, 22, 26, 36, 38, 225.
Черкасск, административный центр Донского казачьего войска 62, 64, 184, 185, 241, 252, 342, 358, 392.
Черкасы, Черкасский — см. Малороссия.
Черноречье, — см. крепость Чернореченская.
Чуваши, Чувашский 3, 5, 22, 26, 32, 36, 38, 139, 286, 304 — 306, 308, 309, 358, 385, 387, 389, 396, 401, 420, 421, 436.

Шадринск 352, 414, 415.
Шацк, Шацкий 310, 403, 409.
Шешков, «пригородок» под Пензой 401.

Юлань (?), на дороге от Яицкого городка к Сызрани 408.
Юрт Старицкий, на Пргизе 375.

Ядрин, Ядринский 304, 308, 309, 358, 393.
«Яик», область яицкого казачества, — см. казаки яицкие.

Яик, Яицкий городок, центр Яицкого казачьего войска, ныне г. Уральск 106, 107—112, 114, 116—120, 122—128, 130, 132, 133, 137—139, 141, 144, 145, 159, 161, 163—166, 168—174, 176—178, 180, 181, 183, 187—189, 194, 197, 203, 207, 224—226, 228—230, 235, 256, 293, 355, 378, 385, 387, 388, 390—395, 404, 407, 408, 411, 415, 419, 421, 423—426, 430, 443, 444, 448, 452.
Ялуторовск, Ялуторовский 80, 259, 262, 354.
Яр Коловертный, недалеко от Яицкого городка 203.
Яр Красный, на Иргизе 375, 394, 404.
Яр Насоновский, невдалеке от Царицына, место последнего поражения Пугачева 405.
Яр Черный (Чернояр) 144, 152, 153, 161, 162, 165, 168, 207, 222, 228, 251, 385, 394, 397, 400, 404, 405, 406, 411, 412, 425.
Яранск 343.
Ярмарки:
Макарьевская 375, 397.
Покровская, в Урюпинской станице на р. Хопре 63.
Ярославль, Ярославский 377.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
От редакции	III — VII
ИЗ МАТЕРИАЛОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПУГАЧЕВЩИНЫ	1 — 52
СОСТОЯНИЕ УРОЖАЯ В 1772 — 1774 гг. И ПУГАЧЕВЩИНА	53 — 93
КАЗАЧЕСТВО И ПУГАЧЕВЩИНА	
Уральские казаки и Пугачевщина	97 — 184
Пугачев и его ближайшие сподвижники в пути	184 — 231
Донские и волжские казаки в Пугачевщину	232 — 252
ИНОРОДЦЫ И ПУГАЧЕВЩИНА	
Башкиры	255 — 279
Калмыки	280 — 287
Киргиз-кайсаки	288 — 298
Татары	299 — 300
Разные народности	301 — 312
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ПУГАЧЕВЩИНА	
Горные заводы Приуралья	315 — 354
Разные заводы и фабрики	355 — 369
Дополнения	371 — 438
Примечания	439 — 452
Указатель личных имен	453 — 479
Указатель географических названий	480 — 494

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПУГАЧЕВЩИНА

Том I.

Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка).
Подготовлен к печати С. А. Голубцовым.
Под редакцией С. Г. Томсинского и Г. Е. Мейерсона.
Со вступительной статьей М. Н. Покровского.
(Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв.
Под общей редакцией М. Н. Покровского.)

Содержание:

Из «дел» Главного Штаба Пугачевщины:
1. Именные указы Пугачева.
2. Указы коллегии Пугачева.
3. Именные повеления Пугачева.
4. Постановления коллегии Пугачева.

Из «дел» местных очагов Пугачевщины:
5. Воззвания, увещания и наставления пугачевцев.
6. Текущая переписка пугачевцев.
7. «Инородцы» и Пугачевщина.
8. Уральские заводы и Пугачевщина.

Примечания.

Указатели:
1. Личных имен.
2. Географических названий.

Стр. 292. **Ц. 3 р.**

Том III

(готовится к печати).

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1902 ГОДА

Материалы по истории крестьянских движений в России. Вып. III.
Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

Стр. 128. **Ц. 50 к.**

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

5 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. М. Н. Покровского

Дела Верховного Уголовного Суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников.

Том I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, В. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540. Ц. 6 р.

Том II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. П. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Стр. 424. Ц. 6

Том III. Следственные дела: А. М. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, Д. Завалишина. Стр. 456. Ц. 6 р.

Том IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. Стр. 4 Ц. 6 р.

Том V. Следственные дела: П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского и А. И. Тютчева. Подготов. к печати Н. П. Чулковым. Стр. 493. Ц. 6 р.

Том VI. Восстание Черниговского пехотного полка. К печати подготов. Ю. Г. Оксман. Стр. LXVII, 406. Ц. 5 р.

Том VII. «Русская Правда» П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Чернова. (Печатается.)

Том VIII. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов. Под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. Ц. 4 р. 50 к.

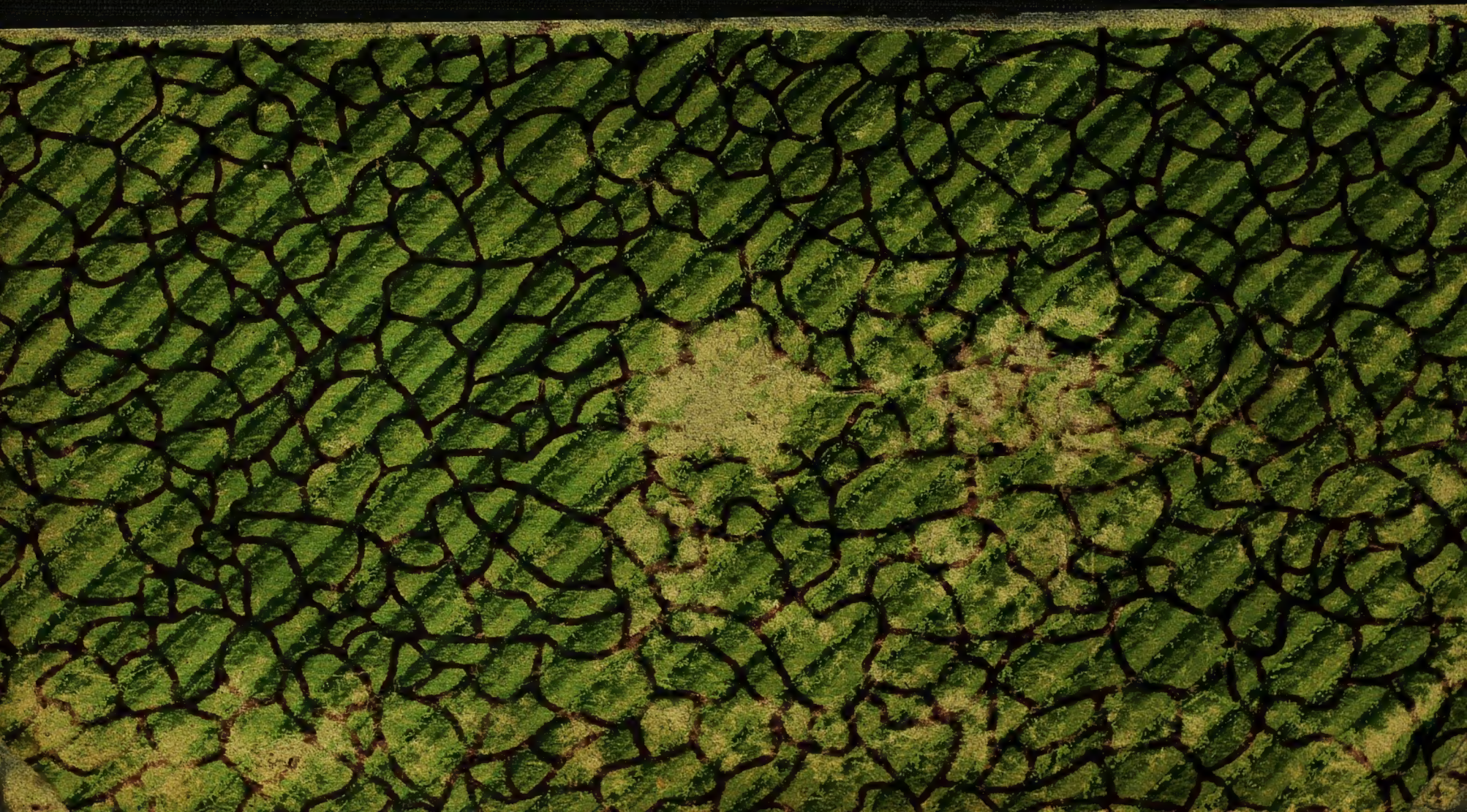
ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ:

Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Ок при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. Стр. 484. Ц. 2 р.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуа и переписке членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыр ковский. Стр. 248. Ц. 3 р.

Нечкина М. В. Общество соединенных славян. Стр. 245, 2 прилож. на листах. Ц. 2 р. 50 к.

Покровский М. Н. Декабристы. Сборник статей. Стр. 95. Ц. 80 к.

Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-истор ской справки Г. С. Габаева «Гвардия и декабрьские дни 1825 г (Восстание декабристов. Исследования под ред. М. Н. Покровск Стр. 226, 2 схемы. Ц. 2 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА